

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 879 241

835p
K58
7
59

UNIV. OF
CALIFORNIA

ПЪСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ВЪ СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

П. А. БЕЗСОНОВА.

Выпускъ 9.

МОСКВА.

Въ типографіи Бахметова, на Срѣтенскѣ, д. Карлони и въ Университетской
(Каткова и К^о), на Страстномъ бульварѣ.

1872.

70 11111
11111111111111111111

О томъ, чтобы изъ подлежащаго изданія и прочихъ подобныхъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ Обществу Л. Р. Сл., не перепечатывать цѣликомъ образцовъ или памятниковъ народной словесности, хотя бы краткихъ, но составляющихъ—каждый—отдѣльное цѣлое, въ томъ видѣ, въ какомъ они, съ примѣчаніями и объясненіями, являются здѣсь свѣту впервые повторятся вновь ~~докоренная~~ просьба и предупрежденіе.

Дозволено Цензурою. Москва, Октября 31-го, 1872 г.

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1872 года, Мая 22-го, CCLXXXV заседание, пунктъ 5.— Д. Чл. П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнiя Общества, что, во исполненiе протокола отъ 24 Апрѣля 1870 года, въ предстоящiе лѣтнiе мѣсяцы выйдетъ изъ печати **) издаваемый имъ по порученiю Общества девятый выпускъ «Пѣсеней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» обнимающiй народныя пѣснотворческiе памятники за время отъ Петра I-го до XIX вѣка, при чемъ представилъ отпечатанные чистые листы и счета по изданiю; а вмѣстѣ доложилъ Обществу, что въ черновыхъ материалахъ имъ приготовленъ къ изданiю выпускъ 10-й и послѣднiй, завершающiй Пѣсни Былевыхъ-Историческiя съ Александра I-го до нашихъ дней, съ дополненiями, вновь накопившимися къ выпускамъ предыдущимъ, предполагаемый къ печатанiю немедленно въ слѣдъ за выпускомъ 9-мъ, а по объему съ цѣною 1 р. 50 коп. за экземпляръ.—По прежнимъ примѣрамъ, выразивъ вновь своему сочлену признательность за труды по изданiю, приближающемуся къ успѣшному окончанiю, Общество постановило: чрезъ г. казначея выдать по счетамъ—, а относительно выпуска 10-го утвердить предположенiя издателя и предоставить ему немедленно при первой возможности приступить къ печатанiю.

— Октября 5-го, CCLXXXVI заседание, п. 2.—По представленiю завѣдующаго изданiемъ, Д. Чл. П. А. Безсонова, цѣна 9-му выпуску «Пѣсеней, собр. П. В. Б—мъ,» утверждена въ 1 р. 50 к. сер.

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

**) По бѣдѣ издателя выходъ нѣсколько задержался.

TO THE
LIBRARY OF
CONGRESS

Выпускъ 9.

Восемнадцатый вѣкъ

въ Русскихъ историческихъ пѣсняхъ

послѣ Петра I-го.

I.

ПОСЛѢ ГОСУДАРЯ ПЕТРА АЛЕКСѢЕВИЧА.

Шереметевы и Долгорукіе.

Шереметьевъ дворъ.

1.

- Не вѣйте, не вѣйте, вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонки кóлоколы,
Не будите ¹⁾ у Василья жену,
Не будите у Владимірыча ¹⁾:
5. Вечоръ его жѣна во пиру была,
По утрѣ рано сына родила.
Бабушка была съ Шереметьева двора,
Кумомъ былъ Долгоруковъ сынъ,
Кумою ²⁾ была Трубецкаго жена;
10. Его царь-государь много жаловалъ:
Тремя городами съ пригородками,
Тремя теремами съ притеремками ³⁾.

Эта распространенная пѣсня, которую г. Сахаровъ въ „Сказ. Р. нар.“ приводитъ, какъ записанную И. Т. Яковлевимъ, почему-то въ числѣ „Свадебныхъ“, важна не по историческимъ чертамъ, а по тому представленію народа, которое соединяетъ *Шереметьевъ дворъ, Долгорукиихъ и Трубецкихъ*,

¹⁾ Сахар. „Не разбудите у Вас. жену, Не разб. у Федуловича жену.“ —
²⁾ „Кума-то.“ — ³⁾ „За то его царь, За то его государь Много жаловалъ,
Тремя гор. Съ пригородочками, Съ притеремочками.“

согласно тогдашней дѣйствительности. — Старшій *Шереметьевъ* дворъ (и домъ) нужно отличать отъ болѣе поздняго, извѣстнаго подъ симъ именемъ на противоположной сторонѣ Никольской улицы (откуда названъ прилежащій Черкасскій переулокъ) и поступившаго къ Петру Борисовичу Шереметеву по женѣ Варварѣ Алексѣвнѣ (Черкасской): старшій же родовой приобрѣтенъ въ слѣдъ за симъ для Синодальной Типографіи и, назначенный для храненія книжныхъ запасовъ, въ наше время и на нашихъ еще глазахъ представилъ въ нетронутой внутренности замѣчательную красоту постройки, сводовъ, оконъ, нишей, слѣдовъ домашней церкви (съ воротами на улицу подъ всевидящимъ окномъ), старинной штудатурки, затвердѣвшей и доснившейся мраморомъ, пока все это уступлено было недавно въ аренду г. Порховщикову и совершенно передѣлано подъ разные магазины или лавки, съ новымъ проѣздомъ къ стѣнѣ города.—Здѣсь же, какъ сохранило воспоминаніе слѣдующая пѣсня, происходили засѣданія суда.

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Ужь ты ягодка ты смородинка,
Ты когда взошла, когда выросла?
Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
Зеленѣхунька позаломлена,
5. По три прѣвичка въ пучки вязана,
По дороженькѣ поразбрѣсана ⁴⁾.

На томъ—то было дворъ Шереметьевомъ,
За столомъ—то сидятъ три генералушка.
Передъ столомъ—то стоитъ красная дѣвушка,
10. Красная дѣвушка проситъ генералушковъ:
«Раскуйте моего батюшку, развѣрзните ⁵⁾ мою матушку!»

⁴⁾ Все это начало принадлежитъ пѣснямъ „Петровскимъ“ и представляетъ здѣсь послѣдовательную связь съ ними: на оборотъ, пѣсни о кончинѣ Петра и послѣдующемъ горѣ „разбрасываютъ смородинку“ и счастье Руси, выраженное этимъ образомъ, „до того ли села *Шереметьева* (ср. у насъ вып. 8, стр. 278 и далѣе 338 и дал.).“ — Сопоставленіе это въ непосредственномъ народномъ возрѣніи говоритъ нашему отвлеченному выводу: какъ смерть Петра простерла утраты по всей Россіи и отозвалась (конечно по тѣсной связи) на Шереметевыхъ, такъ новое горе Шереметьева дома возводитъ память къ былой недавней, утраченной порѣ Петровской.—⁵⁾ Развяжите.

- «— Не плачь, Прасковьюшка, не тужи, не кручинься:
 «— Не можемъ мы, генералушки, расковать твоего батеньку,
 «— Не можемъ мы развѣрзнуть твоей матушки.
 15. «— Ты пойди къ самому царю Бѣлому ⁶⁾,
 «— Подойди тихѣхенько, попроси смирѣхунько,
 «— (Попроси смирѣхунько), поклонись низѣхунько.—»

Идетъ Прасковьюшка къ самому царю Бѣлому:

На крыльцѣ-то сидитъ православный царь ⁷⁾.

20. Какъ возгворить рѣчь Прасковьюшка
 Своимъ громкимъ голосомъ:
 «Ты прости, православный царь,
 «Моего батеньку и мою маменьку,
 «Прикажи, царь, расковать моего батеньку,
 25. «Прикажи развѣрзнуть мою маменьку!»
 Какъ возгворить въ отвѣтъ православный царь:
 — Не прощу я, Прасковьюшка, твоего отца-матерю,
 — А сошлю я его подъ Сибирь-городъ, а ее на фабрику ⁸⁾.—

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866 г.).

Пѣсня эта, по главнымъ чертамъ своимъ явно историческаго происхожденія, съ одной стороны тѣсно примкнувшая своими образами и выраженіями къ ближайшей передъ тѣмъ эпохѣ Петровской, а съ другой забѣжавшая нѣсколько впередъ изображеніемъ судилища, въ срединѣ между тѣмъ и другимъ выразительно сосредоточиваетъ описанное событіе на „дворѣ Шереметьевомъ,“ или лучше, въ Шереметьевскомъ семействѣ, которое застигнуто здѣсь тяжкимъ горемъ и суровымъ приговоромъ, послѣдствіемъ чего была ссылка и разлука супруговъ. Такимъ дѣломъ, въ этомъ мѣстѣ и въ этомъ отрѣзкѣ времени, было только знаменитое дѣло, мгновеннымъ счастіемъ и такимъ же быстрымъ злополучіемъ соединивш ее Ше

⁶⁾ Подъ симъ именемъ, какъ мы знаемъ изъ выпуска 8-го, специально разумѣютъ пѣсня „даря Бѣлаго Петра Перваго,“ хотя и перешло оно дальше на его преемниковъ (но было для народнаго слова перервано рядомъ „государинь“). Такимъ образомъ, и снова въ поманутомъ смыслѣ, пѣсня восходить къ ближайшему рубежу, только что покинутому, къ Петру Первому.—⁷⁾ Это изображеніе царя, положенія его и способовъ суда опять совершенно то же, какъ во многихъ пѣсняхъ о Петрѣ (см. вып. 8).—⁸⁾ Явное искаженіе (между прочимъ „фабрика“ поставлена здѣсь вѣсто „заводовъ,“ куда ссылались наши преступники и преступницы): въ немъ несомнѣнно только указаніе на ссылку, на Сибирь и на разлученіе супруговъ.

реметавыхъ и Долгорукихъ. Въ дѣйствительности исторической возможная, для народнаго творчества явилась дѣйствительною просьба съ ходатайствомъ за осужденныхъ и ссылаемыхъ: просьба или а) дочери за родителей, какъ здѣсь, то есть бывшей царской невѣсты Екатерины Алексѣевны и новобрачной невѣстки Натальи Борисовны (дочери Бориса Петровича) за осужденныхъ стариковъ Долгорукихъ, или, на оборотъ, б) просьба матери новобрачныхъ, старухи Долгорукой, за сына Ивана Алексѣевича и невѣстку. А соображая, что здѣсь поминется послѣдовавшее *разлученіе* супруговъ и что ходатаицею является *Прасковья*, склоняемся къ убѣжденію, что это выведена старуха Прасковья Юрьевна Долгорукая, урожденная Хилкова. Пѣсни Петровскія, изъ коихъ, по своимъ образамъ и выраженіямъ, истекла очевидно и эта, именно о казни, предстоявшей „князю, большому боярину, атаману стрѣльцкому,“ или „атаману козацкому, козаку“ и просто „молодцу,“ въ своихъ развѣтвленіяхъ (ср. вып. 8) выводятъ печалующихся за осужденнаго, то убѣждающихъ его искать помилованья, то надѣющихся на милость дарскую и прямо къ ней прибѣгающихъ: въ этой роли является или отецъ съ матерью, или жена осужденнаго, подруга его, даже сама царица предъ царемъ. На такомъ пути, а особенно при искаженіи образца и при далекомъ распространеніи пѣсни (она записана у Донцовъ), кромѣ того при страхѣ и тайнѣ, кои окружали опальныхъ, народному творчеству легко было, и почти неизбѣжно, переставить роли, тѣмъ больше, что обѣ были возможны и не встрѣчали противорѣчій въ творческой дѣйствительности: мать Прасковья Юрьевна, ходатайствующая за ссылаемыхъ дѣтей (а она не могла не ходатайствовать по народному воззрѣнію, если уже событіе сдѣлалось ему извѣстно), претворена, при распространеніи пѣсни, въ дочь, просившую за родителей; ходатайствовать же, послѣ генеральскаго суда, опять не передъ кѣмъ, кромѣ царя; а такимъ царемъ, грознымъ и могущимъ миловать, представлялся свѣжій еще, живой еще образъ Петра; и точно, судя по всѣмъ чертамъ и выраженіямъ, выведенъ здѣсь Петръ. Представить его живымъ еще, и съ царицею, помогло конечно то, что недавно скончавшійся и смертію своею виновникъ Шереметьевскаго горя былъ также *Петръ Алексѣевичъ*, а нареченная царица его, *Долгорукая* — именно героиня воспѣтаго событія. Удержать же крѣпко имя *Прасковья*, тогда какъ старуха Долгорукая была для сего недостаточно популярна, народному творчеству удобно было отъ того, что въ исторіи Шереметьевыхъ, около которыхъ пѣсни вращаются, имя это памятно особенно по другой героинѣ, которую встрѣтимъ на концѣ XVIII столѣтія.

*

Слѣдующій образецъ, по тому же послѣдовательному пути еще болѣе искаженный, дѣлаетъ изъ молодого князя—молодого майора (какъ это обычно, ср. на прим. вып. 5 и тотъ же 8), заставляетъ его самого просить о помилованіи, но за то и царя рисуетъ на крыльцѣ съ *царицею*, подобно Петровскому образу (напр. стр. 100 и дал. въ 8 вып.):

3.

(Оттуда же).

- Ужь ты ягодка ты смородинка,
 Ты когда взошла, когда выросла?
 Я весною взошла, лѣтомъ выросла,
 Зеленѣхунька позаломана,
 5. По три прутичка въ пучки вязана,
 По дороженькѣ поразбросана.

- У крыльца у дворца государева.
 На крыльцѣ—то сидитъ православный царь,
 Православный царь со царицею.
 10. Передъ нимъ стоитъ молодой маіоръ,
 Молодой—то маіоръ со маіоршею:
 «Ты прости, прости, православный царь!»
 — Не прошу я тебя, молодой маіоръ,
 — А сошлю я тебя да во Грузію ¹⁾,
 15. — А маіоршу—то твою на фабрику.—

*

Когда, занятымъ изъ Петровскаго творческаго періода яркимъ образомъ, очерчена судьба, постигшая домъ Шереметьевъ съ Долгоруковскимъ, быстрый вѣходъ и мгновенный возрастъ его счастья, ранній разломъ, непрочность и расторженіе союза, участь молодыхъ, только что сочетавшихся, и вотъ уже „разбросанныхъ по дороженькѣ,“ и дороженькѣ дальней, въ ссылку; когда прямо съ этой ягодой-смородинкой сопоставлены молодые супруги (№ 3), обреченные на ссылку и разлуку (№ 2): тогда въ свѣдѣ за снѣгъ мы непременно должны отъ памятной Русской пѣсни ожидать прямого изображенія сихъ супруговъ, съ подробностями ихъ изгнанія, болѣе доступными для народнаго взора, съ именемъ кого либо изъ нихъ, съ описаніемъ казни и смерти супруга, однимъ словомъ ожидать

¹⁾ Слова „да во Грузію“ всего легче могли быть испорчены, по созвучію, изъ словъ „до Березова“ или „ко Березову,“ особенно на югѣ Россіи, гдѣ записана эта пѣсня и откуда Березовъ гораздо дальше, чѣмъ знакомая Грузія съ Кавказомъ.

пѣсни о князѣ Иванѣ Алексѣевичѣ и Натальѣ Борисовнѣ Долгорукихъ. Это и получаемъ въ слѣдующихъ трехъ образахъ.

Чтобы уразумѣть ихъ, нужно опять вспомнить предварительно пѣсни Петровскія, о тогдашнихъ казняхъ, относительно которыхъ новыя были естественнымъ послѣдствіемъ и продолженіемъ. Тамъ, во первыхъ, кары и казни, вообще явленія „грозныя“ взяты пѣснями, въ извѣстномъ готовомъ и выработанномъ образѣ, изъ временъ Грознаго царя и цѣлкомъ почти, по крайности съ повтореніемъ главныхъ чертъ, перенесены въ эпоху Петровскую: въ этомъ экономія творчества народнаго; оно пользуется однажды законченнымъ своимъ созданіемъ, безъ нужды не творитъ вновь и не тратится напряженіемъ силъ, а примѣняетъ ихъ только къ тому, чтобы на основѣ матеріала прежняго *специализировать* область новую; многое изъ эпохи Ивановской повторено въ Петровской, но въ иномъ уже, новомъ и дальнѣйшемъ видѣ (см. вып. 8). Во вторыхъ, въ самихъ пѣсняхъ Петровскихъ, частныя черты исторической дѣйствительности конечно собраны творчествомъ и сосредоточены въ нѣсколько определенныхъ образовъ, тѣмъ болѣе выразительныхъ, чѣмъ ихъ менѣе числомъ, чѣмъ давнѣе работаетъ надъ ихъ отдѣлкой творческій гений народа: таковы — „Молодецъ на правѣжѣ“, „Донской козакъ“ — сперва „въ плѣну Турецкомъ“, потомъ „въ тюрьмѣ и на допросѣ предъ царемъ“, отчасти „князь стрѣлковскій“ и „князь Голицынъ“, на коего палъ гнѣвъ царскій, всего же болѣе „стрѣлецкій атаманушка, *Иванъ Ивановичъ, большой бояринъ и князь*“, веденный на казнь и казненный въ сопровожденіи *отца-матери, сестры* и особенно *молодой жены*. Въ третьихъ, что касается до мѣста, то въ 8-мъ выпускѣ нашемъ многократно замѣчено, какъ сцена дѣйствія постепенно переносилась съ Дона и Азова, съ Балтики и Украйны въ Москву, отчасти же, позднѣе, и въ Петербургъ. Творчество, по самой необходимости его, такъ любитъ опредѣленность рамки, что даже не рѣдко суживаетъ ее до послѣдней возможности: все переносится на Мясницкую изъ Кремля, Тверскую и Дмитровку (ср. кн. Волконскаго), а лучшимъ примѣромъ кн. В. В. Голицынъ, который, со всею цѣхотой, козаками и егерями, переведенъ изъ Крыма къ Москвѣ, поставленъ на дорогу къ Троицъ, куда онъ ѣздилъ къ царю на грозныя очи, наконецъ весь умѣстился на узенькой Тверской, между Тверскими воротами, Казанскимъ Соборомъ и Кремлемъ. Вспомнимъ, какъ симъ же точно способомъ при Грозномъ Новгородскія и Псковскія событія съ казнями и лицами ихъ сведены творчествомъ въ Москву, гдѣ явилось даже и самое поле Кудиково. Наконецъ, въ четвертыхъ, при постепенномъ искаженіи, крупныя историческія имена и лица замѣнены простыми „козаками, маіорами, сержантами, драгунами, мѳлодцами безъимянными.“ — Теперь, въ соотвѣтствіе сказанному, пѣсни о смылкѣ Долгорукихъ и казни главнаго героя, начинаясь непосредственно послѣ Петровскихъ, примыкаютъ къ симъ послѣднимъ, именно къ перечисленнымъ выше, съ тѣми же совершенно образами, чертами, даже оборотами и выраженіями: творчеству это легче было и потому уже, что здѣсь та же ссылка, боль-

ная дорожка изгнанныхъ, стража впереди и сзади, въ сопровожденіи дѣйствительно отецъ и мать (см. выше), сестра (бывшая царская невѣста), молодая жена, а въ концѣ концовъ казнь; кромѣ того главный герой также „бояринъ и князь.“ Какъ при Иванѣ и Петрѣ, такъ и здѣсь тѣмъ больше не возможно и не нужно было удерживать Берѣзовъ, ни даже Новгородъ, историческое мѣсто казни: дѣло завершается „въ Москвѣ,“ „ведутъ по „Дмитровкѣ,“ и довольно уже, если уцѣлѣвшіе образцы замѣчаютъ, что ссылка совершается „въ Сибирь (см. выше)“ и ведутъ „по большой дорожкѣ (см. ниже).“ За то, сверхъ сихъ чертъ, все это съ избыткомъ обособляется (специализуется): отношеніемъ къ „двору *Шереметьеву*,“ застигнутому горемъ (см. выше); указами, которые постепенно объявлялись сосланнымъ черезъ нарочныхъ, а въ пѣсни выражены судомъ „генераловъ,“ которые отказываются сами рѣшить дѣло, ссылаясь на высшее распорядженіе царской власти; покушеніемъ просить о пощадѣ власть царскую, о чемъ сама Н. В. Долгорукая говоритъ въ запискахъ („я крѣпился, не плачу, а уговариваю свекра и мужа: какъ можно безъ вины и безъ суда сослать! Я имъ представляю; поѣзжайте сами къ государыняѣ, оправдайтесь.“); яснымъ намекомъ, что сосланные молодые супруги были именно *разлучены* (см. выше); изображеніемъ не только царя (по памяти Петра I-го и недавней смерти Петра II-го), но и *царицы*, отъ коей въ дѣйствительности зависѣло рѣшеніе; особенно же и прямо именованъ *князь Долгорукаго*, притомъ *Вани, Валушки*. Если же здѣсь кромѣ того выведена сама Наталья Борисовна, исторически не бывшая при казни мужа: то это было совершенно необходимо въ пѣсни, и по связи съ другими образцами сего рода, о коихъ мы говорили, и, что то же, для оживленія подобной сцены, которая иначе и не могла представиться народному воображенію. Эта кажущаяся анти-историчность на самомъ дѣлѣ дала для пѣсни поводъ высказать такую черту и подробность, которую увидимъ сей часъ ниже и которая оказалась самою историческою изъ историческихъ, а вмѣстѣ окончательную обособила пѣсни за Долгорукими и Шереметьевыми, такъ что ее некому приписать больше кромѣ нихъ. Наконецъ, если вспомнимъ, что подвиги, обстоятельства, слава, пѣсни Бориса Петровича и пѣсни о немъ, все это и столь недавно передъ печальнымъ событіемъ, пронеслось по всей Руси отъ Азова до моря Варяжскаго и отъ Пскова до Полтавы (см. выш. 8): то очевидно, что творчество народное настроено уже было сильно, какъ никогда, къ произведенію новому, лишь только настало въ семь Шереметьевомъ дворѣ и домѣ новое событіе, и столь разительное. Съ другой стороны, въ концѣ той же первой половины XVIII вѣка, а еще больше во все его продолженіе, въ слѣдъ за женитьбой Петра Борисовича на В. А. Черкасской, для сложенія и для распространенія пѣсенъ о Шереметьевыхъ явилось не маленькое мѣсто и вмѣстѣлище: десятки тысячъ преданнаго и любящаго крестьянства по всей Россіи, крестьянства богатаго, болѣе досужаго, болѣе настроеннаго къ творчеству. Но, въ той же самой мѣрѣ, на такомъ пространствѣ, между столбными устами и въ теченіе 130

лѣтъ, пѣсня должна была принять на себя довольно искаженій, всякого рода округленій и безлицовокъ: отсюда мы видѣли выше вставленнаго уже маіора съ маіоршею. А тутъ, кромѣ того, въ самомъ началѣ, прибавилось обстоятельство неблагопріятное: объ опальныхъ, смыльныхъ и казенныхъ, по крайности въ теченіе лѣтъ до государыни Елизаветы, пѣтъ было и опасно, и просто невозможно пѣтъ громко, по крайности публично. Тому мы знаемъ рѣзкіе примѣры на пѣсняхъ о Ксеніи, Волконскомъ, отчасти о Разинѣ, особенно о Лопухиной, пѣсняхъ или документально запрещающихся, или навлекавшихъ на повсѣгда бѣду, или, по тому самому, замѣтно сдержанныхъ, осторожныхъ, вынужденныхъ обобщать, округлять, безлицовать, безыменовывать. Въ концѣ сего выпуска, и по поводу тѣхъ же Шереметевыхъ, мы увидимъ совершенно такое же явленіе, гдѣ событіе само по себѣ было прекрасно и страдно, но по временнымъ обстоятельствамъ сдерживало повсѣгда осторожность.—Послѣ этого, кажется, намъ совершенно ясны будутъ историческія пѣсни:

Князь Ваня Долгорукій

и

молодая жена его боярыня

(Наталья Борисовна).

Казнить князя Долгорукаго.

1.

(Тульской губ. и Тул. уѣзда).

По большой дорожкѣ ¹⁾

Не купца ведутъ, не боярыня ²⁾,

Самого князя ³⁾ Долгорукаго.

По бокамъ идутъ два полка солдатъ,

В. Два полка солдатъ, два тысячныхъ;

Наперѣдъ идетъ самъ грозной палачъ;

¹⁾ Этимъ, по забвеніи Новгорода, устранена Москва и кромѣ того помнится дальняя ссылка „большой Владимірской дорогой (хотя собственно сначала Рязанской, а послѣ на Березовъ).“ Разнорѣчіе: „По большой было по дорожкѣ.“—²⁾ Разнорѣчіе: „не простаго боярыня.“—³⁾ Это „самого“ то же, что знаменитаго, передоваго тогда: „первая персона въ нашемъ государствѣ,“ говоритъ Н. Борисовна.

Позади идет боярыня ⁴⁾,
 Набѣлена, нарумянена ⁵⁾.

Она плачетъ, что рѣка льѣтся,
 10. Слѣзы катются, что волна бѣѣтся.

«Ты не плачь, моя боярыня,
 «Набѣлена, нарумянена!»

— Ужь какъ же мнѣ не плакати,
 — Коль крестьянушекъ отписываютъ,

15. — Въ золотой казнь воли нѣту ⁶⁾?

— Только одинъ—золотой перстень мой ⁷⁾!—

«Давай перстень, палача дарить,

«Чтобы придадъ скорую смерть ⁸⁾!»

(Записано г-жею У—вой. Мною пѣсня слышана отъ ямщика въ Новгородской губерніи и Новгор. уѣздѣ, 1856 года; я не имѣлъ возможности записать, помнилъ на память, а послѣ перебылъ и удержалъ только начало, съ двумя приведенными разнорѣчіями. Но тогда же остановилъ вниманіе и очень обрадовался получивши послѣ нѣскольکو образцовъ).

*

⁴⁾ Замѣчательно, что не „княгиня“, указаніе на родъ Шереметевыхъ: ихъ, съ Бориса Петровича, народъ и его пѣсни привыкли называть „боярами, большими боярами (см. вып. 8).“—⁵⁾ По привычному образу и выраженію народа, это то же, что „красавица:“ портреты Натальи Борисовны, невѣстой и монахиней, особенно въ рукахъ Шереметевыхъ, о томъ свидѣлствуютъ.—⁶⁾ То и другое, лишеніе имѣній и казны, совершилось постепенно надъ осужденными постепенно указано, на второмъ плачѣ, въ запискахъ Натальи Борисовны: но она, какъ извѣстно изъ исторіи и записокъ, не обращала большаго вниманія на эти вышнія утраты, намекая лишь то на коштуки брата, на разобщенность съ семьей свекра въ дѣлѣ денежномъ по дорогѣ, то на ловкость семьи его, забравшей себя на дорогу. Въ словахъ пѣсни видна память о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя ставили уже въ ссылкѣ, не давая распоряжаться собственной казною дорогихъ вещей, передъ казнью мужа, что и было отчасти поводомъ къ сей послѣдней (см. ниже). Во всякомъ случаѣ плачь, здѣсь выставленный, не зависаетъ прямо отъ вышнихъ потерь; ходъ мыслей: какъ не плакать, не могу тебя откупить, въ золотой казнь нѣту воли (см. ниже сравненіе съ однородными пѣснями). — ⁷⁾ Изъ золотой казны остался монимъ, въ моемъ распоряженіи, только одинъ золотой перстень: см. о немъ въ концѣ.—⁸⁾ Казнь, какъ извѣстно, была жестокая, и потому выражена необходимость ускорить смерть (подаркомъ палачу, издревле у насъ водившимся).—Краткость и отрывочность всей пѣсни, особенно этихъ двухъ послѣднихъ строкъ, свидѣлствуютъ прямо объ ея основной подлинности: таковы же о Ксении, Скопниѣ, Лопухиной, Стрѣльцахъ и т. п.

2.

(Задонскій уѣздъ).

Какъ на улицѣ да на Дмитровкѣ ¹⁾,
 Какъ на Дмитровкѣ, въ каменной Москвѣ,
 Тамъ вели князя Долгорукаго,
 Вели его казнить—вѣшати.

5. Наперѣдъ идетъ грозѣнъ палачъ,
 Въ рукахъ онъ держитъ свой булатный мечъ,
 Свой булатный мечъ—свой вострой топоръ,
 Наточѣнъ—наострѣнъ, какъ солнце блеститъ.
 Позади князя идетъ молодá жена:
 10. Она плачетъ, какъ рѣка льется.
 Какъ рѣка льется, Волга матушка.

«Ты не плачь, моя молодá жена ²⁾!..»
 — Какъ и нѣту со мной золотой казны:

¹⁾ Д. б. „на улицѣ, на Дм.“ Какъ скоро „въ Москвѣ,“ и „на улицѣ,“ то въ пѣсни обычно Мясницкая, Тверская и особенно Дмитровка, соблазнительная затверженною былью о несчастіи князя Волконскаго и жены его.—

²⁾ Въ образцѣ пѣсни, начиная съ этихъ поръ, означаются подъ радъ и дальше, слова князя: но это явное искаженіе и неосторожность записавшаго, ибо какое же утѣшеніе плачущей жевѣ, что у князя золотой казны нѣту, и какую же можно вообразить казну при узникѣ, идущемъ на казнь? И такъ, согласно съ дѣломъ и предшествующимъ образцомъ, дальнѣйшій отвѣтъ принадлежитъ княгинѣ. Но, если такъ, то послѣдніе три стиха снова принадлежать князю, ибо тутъ „меня“ и „мои плечи могуше.“ Ходъ мыслей и первобытный составъ пѣсни въ подлинникѣ восстанавливаются образцами другихъ, сродныхъ и помянутыхъ нами, пѣсней: „Что ты плачешь,“ говоритъ осужденный подругѣ,

„Какъ чего же тебѣ хочется:
 „Иль помѣстій моихъ, или вотчины,
 „Иль имѣнія тебѣ—богатства,
 „Или злата, или сѣребра,
 „Иль моего тебѣ здорovia?“

- Только и есть у меня—одинъ перстѣнь,
 15. — Золотой перстень, весь въ алмазикахъ,
 — Весь въ алмазикахъ, дорогихъ камнѣхъ.—
 «Какъ и тѣмъ перстнемъ надо палача дарить:
 «Чтобы снялъ онъ съ меня буйную головушку,
 «Не попортилъ бы моихъ могучѣхъ плечей³⁾»

(Ср. „Ворон. Бес.“ 1861).

*

Слѣдующій образецъ пострадалъ болѣе всѣхъ, но сохранилъ и другія любопытнѣйшія черты:

3.

(Самарскій край).

Добры молодцы всѣ на волюшкѣ живутъ:
 Одинъ Ванюшка въ побѣдунѣхъ⁴⁾ сидитъ,

то есть, добиваешься ли ты, ждешь послѣ меня, наслѣдства, или думаешь, какъ спасти меня? Иначе: жалѣешь ли о потерѣ, выѣсть со мною, имѣній и казны, или объ уtratѣ жизни моей? Она отвѣчаетъ:

- Ничего-то мнѣ не хочется,
- Ни помѣстій твоихъ, ни вотчины,
- Ни имѣній твоихъ—богатства,
- Ни золота, ни сѣребра:
- Ужъ какъ только мнѣ хочется
- Твоего, сударь, здоровьяца,

—чтобы ты былъ живъ и спасенъ:—послѣдній образъ согласенъ совершенно и съ типомъ Наталья Борисовны.—Но въ другихъ подобныхъ пѣсняхъ слѣдуетъ тотъ специальный конецъ, что молодецъ отвергаетъ всякую надежду и помощь, ибо участь его рѣшена.—Въ третьихъ, „темничныхъ“ же, слѣдуетъ предложеніе молодца: Ну такъ скорѣе доставай казну, откунай меня; на это въ однихъ подруга, изъ мести или негодованія, отвѣчаетъ отказомъ, въ другихъ дѣйствительно откупаетъ. — Здѣсь-то и начинается неотъемлемая специальность пѣсни *Долгоруковской—Шереметьевской*: является на сцену *перстень*, о которомъ сей часъ скажемъ, и ему дается назначеніе *особое*.—Впрочемъ, перстень, кромѣ жены, явно допускается предлагающимъ образомъ и на рукѣ узника: и въ этомъ опять, какъ увидимъ, историческая черта.—³⁾ Или „могучихъ плечъ.“—Новое примѣненіе подарка, болѣе испорченное, хотя и намокающее, можетъ стать, на четвертованіе княжескаго тѣла.—Весь образецъ, сравнительно съ первымъ, болѣе распространенъ, разведенъ и разбавленъ.

⁴⁾ Въ бѣдѣ, въ ожиданіи казни.

Въ каменной, Ваня ⁵⁾, государевой Москвѣ,
 Въ земляной тюрьмѣ, за рѣшетками,
 5 За желѣзными дверями, за висячими замками ⁶⁾.

За утра Ваню къ наказаньцу ведутъ,
 Къ наказаньцу ведутъ, ко ременному кнуту,
 Къ столбу крашеному, дубовому:
 По праву руку отецъ съ матерью идутъ ⁷⁾;
 10. По лѣву руку молодѣ жена съ дѣтьми,
 Молода жена съ дѣтьми малыми ⁸⁾;
 Позади его православный весь народъ.

Какъ и сталъ Ваня говорить женѣ:
 «Ты сними съ меня шелковѣй поясъ,
 15. «Съ позолочеными на немъ ключиками ⁹⁾,
 «Отопри, жена, окованъ сундукъ,
 «Ужь ты вынь оттоль золотой казны,
 «Ты дари, жена, молодого палача,
 «Чтобы молодой палачъ меня легче наказывалъ ¹⁰⁾!»

(Ср. сборникъ г. Варенцова, 1862, гдѣ эта пѣсня отнесена къ „разбойничьимъ“).

Золотая казна, въ разныхъ драгоценныхъ вещахъ, играющая такую роль, если не для самой дочери Бориса Петровича и не въ ея запискахъ, то въ пѣсни объ ней, играла столь же важную роль и въ самой окружающей дѣйствительности. Она презрѣла брата, не совсѣмъ великодушнаго, напротивъ очевидно слишкомъ скупаго относительно удалившейся въ ссылку сестры; она изумила сочинительницу записокъ и вырвала у ней строки о семьѣ Долгорукихъ: „вижу, что свекровь и золовки (при отъѣздѣ) съ собой очень много берутъ изъ брилліантовъ, изъ галантерей, все по карманамъ прятать,—миѣ до того и нужды не было;“ она же, по дорогѣ, ха-

⁵⁾ Собственное имя князя, драгоценная черта, искупающая остальную порчу пѣсни: „Ваня и Ванюшка,“ не Иванъ и не Иванъ Алексѣевичъ, совершенно отвѣчаетъ и нѣжными отношеніямъ супруговъ, и молодости князя, и любезному его для народа образу. — ⁶⁾ Д. б. „За желѣзными дверями, за висячими замки.“ — ⁷⁾ Ср. выше эту историческую черту. — ⁸⁾ Такъ шагъ за шагомъ, условливая порчу, разыгрывается воображеніе, все раскрашивая обстановку сцены, по кажущейся необходимости. — ⁹⁾ Вмѣсто перстня уже поясъ и, если не золотой, хоть съ позолоченными ключами. — ¹⁰⁾ Еще шагъ порчи и уже тривіальный расчетъ: однако опять и память о суровости казни.

рактизовала свекра: „я дорогою уже узнала, что я на своемъ коштѣ ѣду, а не на обчужѣ;“ наконецъ она же, въ самомъ уже Березовѣ, когда Наталья Борисовна сочла себя въ правѣ распорядиться остатками имущества и подарить мелочи близкимъ, возбудила новыя преслѣдованія и дала именно почувствовать, что „въ золотой казнѣ воли нѣту.“ Известно, что, при новыхъ воздвигшихся разслѣдованіяхъ, это отчасти было первымъ поводомъ къ дальнѣйшему и къ самой даже казни князя: не удивительно, что пѣсня сопоставила съ образомъ казни образъ золотой казни. Но тутъ начинается особенность, которая выдѣляла пѣсню изъ всѣхъ прочихъ, на всегда отличила ее и запечатлѣла, такъ что нельзя ее смѣшать съ другими и сомнѣваться, что это дѣйствительно пѣсня историческая, основанная на событіи крупномъ въ исторіи народа, и не иная пѣсня, какъ о княжеской четѣ Долгорукихъ — Шереметевыхъ. Это перстень, перстень золотой и драгоценный: его нигдѣ въ такой роли не найдете по нашимъ другимъ пѣснямъ, въ теченіе всей исторіи народнаго пѣснотворчества, послѣ того знаменитаго перстня, который сымгралъ подобную же роковую службу для Добрыни и Настасьи Микуличны. Вотъ что говорить о немъ сама Наталья Борисовна: „наши перстни были, которыми обручались, его (Ивана Алексѣевича) — въ двѣнадцать тысячъ, а мой въ шесть тысячъ.“ Не даромъ, какъ видите, хотя бы обмолвкой противу существеннаго строя, одинъ образецъ пѣсли надѣваетъ драгоценный перстень, кромѣ жены, и на руку самого князя. Говорятъ, хотя мы и не имѣли пока случая лично въ томъ убѣдиться, въ родовомъ имѣніи потомковъ бережется доселѣ это священное наслѣдство. И въ запискахъ Натальи Борисовны есть мѣсто, которое какъ будто повторено въ пѣснѣ, о нечаянной потерѣ одного изъ подобныхъ сокровищъ во время дороги, когда спѣшили сѣсть на судно: „тогда я потеряла перлю жемчужное, которое было у меня на рукѣ. Знать, я его въ воду опустила, когда я съ своими прощалась. Да мнѣ уже и не жаль было, не до него: жизнь тратится.“ Какъ это похоже въ пѣснѣ: изъ золотой казни одинъ дорогой перстень, да и того не жаль, нужно подарить—потерять его, ради того, что жаль дорогаго „здоровыца.“ что гибнетъ супругъ, „жизнь тратится.“ Какъ бы то ни было, только не забыла этого пѣснѣ и унесла изъ дѣйствительности какъ самую рѣзкую черту свою, какъ отличіе отъ пѣсней другихъ. Нужды нѣтъ, что супруга не была при казни, не давала она палачу перстня: была дорогая золотая казна, была отобрана, не было воли въ ней, нечѣмъ было откупить мужа отъ ссмыки, отъ розыска въ Березовѣ, отъ казни въ Новгородѣ,—образъ жены и единственнаго уцѣлѣвшаго перстня приносится творчествомъ на мѣсто казни, чтобы облегчить страдальца, чтобы придать ему смерть скорую.—Такъ, говорили мы и говоримъ, драгоценная пѣсня наша, зависящая и отъ былаго творчества, и отъ современныхъ обстоятельствъ, не рѣдко и забывающаяся, не рѣдко вышней дѣйствительности не рабаки вѣрная, знаетъ дѣйствительность свою собственную—творческую, свободна и полновластна въ ней, и часто, воспримувъ къ созданію произведенія

новаго, отиѣчаетъ его на вѣки и обособляетъ отъ всѣхъ прочихъ какою либо, видимо мелкою, а въ сущности самой яркою чертою. Вотъ почему, лично для насъ, съ самаго перваго раза, какъ мы услыхали эту пѣсню, намъ въ глаза и въ слухъ бросился *перстень*: его съ тѣхъ поръ искали мы, и съ нимъ, и по немъ добрались до исторической подлинной пѣсни, тѣмъ болѣе дорогой, что въ ней воспѣта дорогая Русскому сердцу и уму Наталья Борисовна.

* * *

Отъ этого образа, столь высокаго и изящнаго, непосредственно переходимъ мы къ противоположному, столь же на оборотъ гнусному и отвратительному. Такова уже судьба всего XVIII вѣка въ области нашего народнаго пѣснотворчества. Виѣсть съ самимъ народомъ, оно постепенно, но столь же рѣшительно, покидаетъ область государственную, оставляя ее на долю книжности и письменности, искусства личнаго и искусственности, отъ громкихъ гимновъ до солдатскихъ пѣсень, отъ высокопарныхъ вавтъ до унижавшихся одъ, продолжая до извѣстной степени жизнедѣятельность свою по другимъ родамъ произведеній, сообразнымъ жизни народной. *Былевою* пѣсню ведетъ творчество *двумя* путями: останавливается творческимъ взоромъ, пріемомъ и словомъ то на истинныхъ *чадахъ* народа и народности, то на естественныхъ *исчадіяхъ*, въ томъ и другомъ случаѣ одинаково на *лицяхъ* и событіяхъ *личныхъ*, въ томъ и другомъ случаѣ на столько, на сколько являются они представителями и героями народности въ данную минуту, только одни съ плюсомъ, другіе съ минусомъ, положительныя или отрицательныя. И прежде, при своемъ живомъ и непосредственномъ отношеніи къ государству, соучастномъ и содѣятельнымъ, пѣснотворчество оказывало подобныя образцы: именно послѣ Грознаго и съ начала смутныхъ временъ, съ этого рубежа и перелома, имѣемъ мы, обокъ жизни общей, въ томъ числѣ государственной, такія лица и творческіе ихъ образы, какъ Авдотья Рязаночка, Ксенія Скопичъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, Лопухина, и т. п., — по одну сторону; по другую, послѣ Ермака, совсѣмъ еще инаго и параллельнаго Грозному, получаемъ Попа Емелю, разныхъ „воровъ—разбойниковъ“, Разина, Некрасова и т. п. Теперь же эти явленія становятся господствующими или даже исключительными: попеременно и взаимно другъ друга смѣняютъ въ своихъ рѣзкостяхъ личныхъ то та, то другая сторона, не оставляя середины, ни сливаясь во что либо общее. Весь, говоримъ, XVIII вѣкъ пройдемъ мы, съ подлинными образцами народной былевой-исторической пѣсни, по этому двойному ряду уступовъ.

Дѣйствительное значеніе и историческая роль *Ваньки Наима* слишкомъ хорошо и достаточно извѣстны, и по „исторіи“ его, нѣсколько разъ изданной съ жизнеописаніемъ, и по такимъ дѣльнымъ статьямъ объ немъ, какъ г. Есипова (въ III-й кн. „XVIII вѣка“). Намъ и не столько это нужно. Не принадлежа сами къ тѣмъ историкамъ, которые задачею всей жизни своей считаютъ, отъ имени и лица народа, идеализовать подобныя образы

на „вѣншей исторической почвѣ,“ мы съ другой стороны не примыкаемъ и къ ихъ ревнивымъ обличителямъ, столь же преданнымъ исторіи „политической.“ Намъ важно пѣснотворчество народное, съ симъ связанное, его собственная историческая дѣйствительность, его воззрѣнія, у него созданныя образы. Здѣсь, подобно многимъ другимъ случаямъ, даже такой опредѣленный образъ, какъ Ванька Каина, является нѣсколько инымъ, и даже иногда совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ практикѣ жизни положительной и въ политическихъ документахъ исторіи. Здѣсь онъ также герой, молодецъ лицо эпическое, своего рода, нами бѣгло очерченнаго, какъ исчадіе, связанное однако съ дѣдами и отцомъ-матерью, со внуками и нашей современностью. Здѣсь онъ и *Ванька Каинъ*, и *Иванъ Осиповичъ*.

Иванъ Осиповичъ,

по прозванью Ванька Каинъ.

Иванъ Осиповъ родился, по его показанію, 1714 года ¹⁾, „во время царствованія государя императора Петра Великаго, отъ подлыхъ родителей, обитающихъ въ столичномъ Россійской имперіи городѣ Москвѣ.“ Отецъ его, крестьянинъ села Иванова, Ростовскаго уѣзда, былъ крѣпостнымъ Московскаго гостя Петра Дмитріева Филатьева: къ нему, на господскій дворъ въ службу, для постоянного житья, привезенъ въ Москву Иванъ Осиповъ тринадцати лѣтъ, подростъ, терпѣлъ жестокости отъ хозяина, поворовывалъ, сошелся въ дружбу съ мошенниками, изъ которыхъ первымъ учителемъ его былъ Камчатка, бездѣльничалъ, любилъ—любилъ красныхъ дѣвушекъ, любилъ пѣсни и красное словцо. Краткое но годамъ, но многотрудное и полное приключеній поприще жизни его было неистощимымъ предметомъ и его собственныхъ, хвастливыхъ разсказовъ, и Московскихъ разсказовъ объ немъ: краснобай и на дружескихъ бесѣдахъ, и на многочисленныхъ допросахъ, которымъ подвергался онъ въ Тайной Канцеляріи, Сынскомъ Приказѣ, Полиціи и разныхъ Коммиссіяхъ, излагалъ онъ подвиги свои такъ, что его подлинныя рѣчи заучивали и записывали, по рукамъ ходили объ томъ „краткія повѣсти,“ многіе „списки разныхъ рукъ“ и выдержки изъ оффиціальныхъ показаній ²⁾. Здѣсь говорилось отъ лица Ивана Осипова:

¹⁾ У г. Есинова 1718 г.—²⁾ „О которыхъ (дѣлахъ) я самъ отъ него (Ивана) слышалъ (говорить первый составитель его „исторіи“ Комаровъ въ изданіи 1788 г.), будучи въ 1755 году для нѣкотораго дѣла въ Сынскомъ Приказѣ, въ которомъ онъ во время бывшей объ немъ Коммисіи содержался и разсказывалъ все свое похождение бывшему тогда въ томъ же Приказѣ дворянину Ф. Ф. Левшину... Въ 1774 г. нечаянно попался мнѣ маленькій списокъ о дѣлахъ сего мошенника, который хотя писанъ такимъ слогомъ, какъ обыкновенно подлые люди разсказываютъ сказки или какія

1. а).

Похожденія Ивана Осипова.

Что до услугъ моихъ (у Филатьева) принадлежало,
то со усердіемъ должность мою отправлялъ,
токмо вмѣсто награжденія и милостей
несносные отъ него побои получалъ.

Чего ради вздумалъ встать поранѣ
и шагнуть отъ двора его подалѣ.
Въ одно время, видя его спящаго,
отважился я тронуться въ той же спальнѣ стоявшаго
ларца его,

изъ котораго взялъ денегъ столь довольно,
чтобъ нести по силѣ моей было полно.

А хотя я прежде онаго
на одну только соль ³⁾ и промышлялъ,
а гдѣ увижу медъ, то пальчикомъ лизалъ:
и оное дѣлалъ ⁴⁾ для предковъ, чтобъ не забывалъ.

ни есть свои похожденія, притомъ же отъ переписчиковъ учинены великія ошибки..., однакожь по содержанію онаго надобно думать, что оригиналъ того списка писанъ или самимъ Каиномъ, или другимъ кѣмъ по его объявленію... Имѣлъ я случай говорить съ такими людьми, которые его довольно знали, а нѣкоторые имѣли съ нимъ знакомство и о многихъ его дѣлахъ довольно имѣли свѣдѣніе... Одинъ неизвѣстной сочинитель краткой Каиновой повѣсти называетъ (Грека) монахомъ, — самъ Каинъ его монахомъ не называлъ, такъ и во всѣхъ, имѣющихся у меня спискахъ, полученныхъ изъ разныхъ рукъ, ни въ одномъ оной монахомъ не именуется. На эти списки Комаровъ часто ссылается, сводитъ ихъ, исправляетъ, приводитъ выдержки изъ дѣловыхъ показаній и прибавляетъ: „Если бы можно было видѣть всѣ производимыя о дѣлахъ Каиновыхъ въ Моск. Полціи, въ Тайной Канцел. и въ Сыскномъ Приказѣ слѣдствія, тобъ сія исторія могла быть еще порядочнѣе и обстоятельнѣе.“ Многими такими документами пользовался г. Есиповъ. — ³⁾ Себѣ къ хлѣбу. — ⁴⁾ То означенную покражу сдѣлалъ я.

Висящее же на стѣнѣ платье его на себя надѣлъ,
и изъ дому тотъ же часъ не мѣшкая пошелъ.

А болѣе же за тѣмъ поторопился,
чтобъ отъ сна онъ не пробудился...

Вышедъ со двора, подиисалъ я на ворбтахъ:

«Пей воду какъ гусь, ѣшь хлѣбъ какъ свинья,
«а работай у тебя чортъ, а не я ⁵⁾!»

Пришедъ къ попу на дворъ—
а шелъ я не по большой дорогѣ,
но по проселочной (то есть черезъ заборъ) ⁶⁾,—
отперъ я въ воротахъ калитку.

въ которую взошелъ товарищъ мой Камчатка.

Въ то время усмотрѣлъ насъ
лежащій на томъ дворѣ человекъ,
которой въ колоколъ рано звонить
(то есть церковной сторожъ),

и вскоча спрашивалъ насъ:

«Что мы за люди, и не воры ли,
«самовольно на дворъ взошли?»

Тогда товарищъ мой,

ударивъ его лозой,

чѣмъ воду носить,

— Не ужли, ему сказалъ,

— для всякова прихожанина ворота хозяйскіе отпирать?

— По этому некогда ему будетъ и спать?—

Потомъ взошли мы къ попу въ покой:

но болѣе ничего у него не нашли,

⁵⁾ По свидѣтельству г. Есмиова, Кайиъ не умѣлъ подписывать своего имени: но могли писать надписи и другіе, а Кайпу принадлежали самыя красныя слова и пословицы, въ обиліи имъ сыпанныя. Это при томъ быле-вой пріемъ творчества: писали надписи и читали наши богатыри, и Муромецъ, а едва ли въ дѣйствительности умѣли читать и подписываться. — ⁶⁾ Все эти *то есть* принадлежать очевидно не творцу — Кайпу, а писцамъ тетрадокъ и составителямъ новѣстей; потому мы ставимъ ихъ въ скобкахъ.

кромѣ что попадьи его сарафанъ,
да его долгополой кафтанъ,
которой я на себя надѣлъ
и со двора обратно съ товарищемъ своимъ пошелъ...

Мы пришли подъ Каменной Мостъ,
гдѣ воршкамъ былъ погостъ ⁷⁾,
кои требовали отъ меня денегъ:
но я хотя и отговаривался,
однако далъ имъ дватцать копеекъ,
на которые принесли вина,
притомъ напоили и меня.

Выпивши говорили:

«Полъ да середь ⁸⁾ сами съѣли,
«печь да палати въ наёмъ отдаёмъ;
«а идущимъ по сему мосту
«тихую милостыню подаёмъ
(то есть, мы, де, мошенники).

«И ты будешь, братъ, нашего сукна епанча
(то есть, такой же воръ)!

«Поживи здѣсь въ нашемъ домѣ,
«въ которомъ всего довольно:

«наготы и босоты

«изнавѣшены шесты,

«а голоду и холоду

«амбары стоятъ;

«пыль да копотъ,

«притомъ нечего и лопать ⁹⁾».

Погода немного они на черную работу пошли.

Я подъ тѣмъ мостомъ былъ до самого свѣту,
и видя, что долго ихъ нѣту,

7) Въ древнѣйшемъ смыслѣ: мѣсто, гдѣ гостили, временно жили. — 8) Середку: примѣнительно къ калачу, нижнюю корочку да мякишъ; къ почлегу — на полу и кирпичной середкѣ сами ляжемъ, а ты ползай на печь и налати; къ мосту — пойдемъ по немъ на добычу, а ты дождайся. — 9) Жрать, ѣсть. Это все вставлены извѣстными народными пословицами.

пошелъ въ городъ Китай,
 гдѣ попалъ мнѣ на встрѣчу
 того жь дому (г. Филатьева) человекъ,
 и, ничего не говоря, схвата,
 привелъ меня обратно къ помѣщику въ домъ.
 Въ тожь время прикованъ на дворѣ былъ медвѣдь:
 близъ котораго и меня помѣщикъ приковать велѣлъ,
 гдѣ я два дни не ѣвши прикованной сидѣлъ
 (ибо помѣщикъ кормить меня не приказалъ).
 Токмо, по счастью моему,
 къ тому медвѣдю дѣвка ходила,
 которая его кормила:
 притомъ, по просьбѣ моей,
 и ко мнѣ тихонько что ни будь приносила ¹⁰⁾.
 Между тѣмъ мнѣ сказала,
 что, де, и помѣщикъ нашъ обстоитъ въ бѣдѣ:
 «Латминицкой ¹¹⁾ солдатъ сидить въ гостяхъ,
 «въ холодной избѣ
 (то есть, мертвый брошенъ въ колодезь).»
 Потомъ помѣщикъ мой
 взялъ меня въ покой къ себѣ,
 и, скинувъ все платье,
 съчъ меня приказалъ.
 Тогда я ему сказалъ:
 «Хотя я тебя ночью немножко, окравши, попугалъ,
 «и то ¹²⁾ для того, чтобы ты долѣ меня не спалъ.»
 И, не дожидаясь болѣе, тотчасъ,
 старую свою пѣсню запѣвъ ¹³⁾, сказалъ:
 «Слово и дѣло!»
 Отъ которой онъ въ немалую ужась пришелъ...

¹⁰⁾ Извѣстная въ былинахъ дѣвка Чернавка.—¹¹⁾ Изъ ландмилиціи.—¹²⁾ То это.—¹³⁾ Любитель пѣсней, Каннъ называлъ также старую и любимую свою пѣсню любимый пріемъ выкрикивать „слово и дѣло,“ за которымъ слѣдовали допросы и слѣдствія, а съ тѣмъ проволочка и случаи выкрабкаться.

При чемъ я ему и еще той же пѣсней подтверждалъ,
 чтобъ, не продолжая времени,
 въ «Стукаловъ монастырь ¹⁴⁾», сирѣчь въ Тайную,
 гдѣ тихонько говорятъ, отсылалъ.

По прошествіи ночи, по утру,
 въ полицію меня представилъ,
 гдѣ къ той пѣсци еще голосу я прибавилъ,
 ибо она, для ночи ¹⁵⁾, не вся была допѣта,
 потому что дожидался я свѣта.

Въ тотъ же часъ драгуны ко мнѣ подбѣжали,
 и въ тотъ монастырь, куда хотѣлъ, помчали.

Гдѣ, по пріѣздѣ, секретарь меня спрашивалъ:
 — По которому пункту я за собой сказывалъ ¹⁶⁾?—

Коему я говорилъ:

«Что ни пунктовъ, ни фунтовъ,
 «ни вѣсу, ни походу не знаю;
 «а о дѣлѣ моемъ тому скажу,
 «кто на томъ стулѣ сидитъ,
 «на которой собачки вырѣзаны
 (то есть, на судейскихъ креслахъ).»

За что тотъ секретарь
 билъ меня той дощечкой,
 которую на бумату кладутъ
 (то есть, линейкой).

На другой день по утру,
 графъ Семень Андреевичъ Салтыковъ,
 пріѣхавъ, приказалъ отвести меня
 въ немшоную баню, гдѣ людей вѣсютъ,
 сколько кто потянетъ (то есть, въ застѣнокъ).

Въ которую самъ взошелъ,
 гдѣ спрашивалъ меня:

¹⁴⁾ По причинѣ мочнаго времени.—¹⁵⁾ По какому пункту былъ доносъ, заявленный „словомъ и дѣломъ.“—¹⁶⁾ Такъ въ народѣ называли Тайную Канцелярію, гдѣ заключивала въ стукалы, въ колодки, или били палочьемъ.

— Для чего я къ секретарю въ допросъ не пошелъ

— и что за собой знаю?—

Я, ухватя его ноги руками,

сталъ ему говорить, что помѣщикъ мой

«Ландминицкихъ солдатъ потчивалъ деревянными кнутами
(то есть, цѣпами, что рожь брюзжать) ¹⁷⁾»:

«изъ которыхъ одинъ солдатъ на землю упалъ;

«то помѣщикъ мой видя,

«что оной солдатъ по прежнему ¹⁸⁾ ногами не всталъ,

«дождавшись вечера, завернулъ его

«въ Персидской коверъ, что соль вѣсютъ

(то есть, въ куль),

«и велѣлъ снести въ сухой колодезь

(въ которой соръ сыплютъ).

«А секретарю я для того не объявилъ,

«чтобъ онъ лѣвой рукой къ Филатьеву не написалъ,

«ибо я въ домѣ у своего помѣщика часто его видалъ»...

Почему взяли господина Филатьева

и привезли въ Стукаловъ монастырь.

Графъ спросилъ меня:

— Былъ ли при убивствѣ твой господинъ?—

Я сказалъ:

«Какой на господинѣ мундиръ,

«такой и на холопѣ одинъ.

«Сидоръ да Карпъ въ Коломнѣ живетъ,

«а грѣхъ да бѣда на кого не живетъ?

«Вода чего не поймётъ?

«А огонь и попа сожжётъ.»

Послѣ, въ скоромъ времени,

дано мнѣ отъ оной Тайной Канцеляріи,

для житья, «вольное письмо ¹⁹⁾»,»

¹⁷⁾ Молотять.—¹⁸⁾ Какъ бывало, когда былъ живъ.—¹⁹⁾ Абшидъ, паспортъ
«для прожительства на вольныхъ квартирахъ,» какъ доселѣ называется

которое я получа, въ Нѣмецкую Слободу пошелъ.
Взошелъ въ кабакъ, гдѣ усмотрѣлъ
товарища своего Камчатку и четырехъ человѣкъ...

Съ которыми я пошелъ къ Яузѣ,
что близъ Дворца ²⁰⁾,
къ придворному доктору Елвиху.... ²¹⁾

Растворя окончину, увидѣли мы
того доктора съ женою подъ тѣмъ окномъ спящихъ:
принужденъ я былъ на томъ же окнѣ разуться,
взлѣзъ въ ту спальню;
видя ихъ разметавшихся неопратно,
накрылъ одѣяломъ,
которое сбито было ими въ ноги.

Пошелъ въ другіе покои,
взошелъ въ дѣтскую,
гдѣ спала дѣвка,
которая спросила меня:
— За чѣмъ я пришелъ?—

Я сказалъ ей:

«Пришли въ домъ вашъ купцы
«для пропавшихъ вещей ²²⁾».

Въ то жь время и товарищи мои
тогда ко мнѣ вскочили,
и, ту дѣвку связавъ, положили—
на ту жь кровать, въ середину того доктора и докторши.

А сами говорили:

«Бей во всѣ, колоти во всѣ,
«и того не забудь, что въ кашу кладутъ
(чтобъ не оставляя все забирали ²³⁾)!...

Пошли къ рѣчкѣ Яузѣ,

²⁰⁾ Лефортовскаго.—²¹⁾ По спискамъ Елвахъ, Ялвихъ и т. д.—²²⁾ Покупать пропавшія вещи; иронія, какъ и въ другихъ случаяхъ.—²³⁾ Вотъ примѣръ, что это объясненія позднія и неправильныя, со стороны; слова по-длинно значать: не забывай подглядывать и *масла*, т. е. колотить въ голлову, какъ говорится и до сихъ поръ.

гдѣ для переѣзду ходилъ плотъ:
 переѣхали на другую сторону той рѣки;
 но, увидя за собою погоду
 (то есть, погоню),
 перерубили на томъ плотѣ канатъ,
 чтобъ нельзя было бѣгущимъ насъ перенять.
 Пришли мы подъ Даниловъ монастырь,
 и отдали взятую посуду, для продажи,
 того монастыря дворнику.

Погода нѣсколько времени,
 пришелъ я на Красную площадь,
 гдѣ мнѣ попала на встрѣчу вышереченная
 дому господина моего Филатьева дѣвка,
 которая меня и медвѣдя кормила.
 И между разговоровъ сказывала мнѣ,
 что на ея рукахъ имѣется
 съ деньгами и съ экипажемъ ¹⁾ двѣ палаты...
 Дождавшись ночи, пришли...
 Влѣзли, усмотрѣли нѣсколько сундуковъ,
 изъ которыхъ нѣкоторые тронули обухами;
 имѣющіеся въ тѣхъ сундукахъ деньги,
 серебряную посуду и шкатулу, обитую бархатомъ,
 взяли, а сами говорили:
 «Тяпъ да ляпъ—клѣтка,
 «въ уголь сѣлъ—и печка ²⁾!»
 Вышли мы изъ той кладовой.
 Въ то жъ время за нами учинилась
 «мелкая раструска
 (то есть, тревога);»
 а мы бѣжали близъ Бѣлаго Города;
 и какъ поравнялись противъ Чернышева двора,
 предъ которымъ была великая тина:
 то мы деньги и пожитки въ ту тину бросили.

¹⁾ Гардеробомъ.—²⁾ Скоро справились, разомъ отработали.

И оставя, пошли за Москву-рѣку,
 на дворъ къ генералу Шубину.
 Пришедъ къ заднимъ его двора воротамъ,
 мы стучались у оныхъ,
 почему вышелъ къ намъ человекъ,
 которой по ночамъ въ доску гремитъ
 (то есть, часовой):
 ему мы сказали, что по близости двора ихъ
 лежитъ пьяной человекъ;
 и, какъ оной отошелъ отъ воротъ,
 мы, схвата его, заворотили на голову
 имѣвшійся на немъ тулупъ, завязали,
 чтобъ не можно было ему кричать.
 Шедъ на дворъ, взявъ изъ конюшни лошадей,
 въ стоящій на томъ дворѣ берлинъ ³⁾ запрягли.
 И поѣхали къ Милютину на фабрику,
 гдѣ взяли знакомую бабу:
 посадя ее въ тотъ берлинъ,
 поѣхали на Чистой Прудъ,
 къ одному купцу, и взлѣзли на его чердакъ,
 въ которомъ нашли женской уборъ;
 нарядили ту бабу,
 и велѣли ей быть барыней.
 Поѣхали къ тому Чернышеву двору,
 гдѣ брошены были деньги и пожитки.
 По приѣздѣ скинули колесо,
 а нареченной барынѣ велѣли,
 изъ того берлина вытти вонъ:
 и изъ той грязи деньги и пожитки
 въ тотъ берлинъ переносили.
 Въ то жь время, чтобъ проѣзжающіе мимо насъ
 люди дознаться не могли,
 то реченная барыня бранила насъ,

³⁾ Экипажъ.

и била по щекамъ, говоря при томъ:
 — Что, де, вамъ дома смотрѣть
 — было не можно ли, все ли цѣло?—
 И какъ безъ остатку все забрали,
 надѣли по прежнему колесо,
 поѣхали;

и остановясь противъ Денежнаго Двора,
 вынувъ изъ берлина деньги и пожитки,
 на томъ мѣстѣ тотъ берлинъ
 и съ лошадьми оставили;
 а ту барыню повели подъ руки,
 и пришедъ въ свою квартиру,
 наградя деньгами отпустили ее,
 на ту жь фабрику обратно,
 откуда была взята.

А вышепоказанная, господина моего дѣвка
 посажена была въ полицію,
 гдѣ подъ битьемъ кошками, спрашивана:
 «не имѣла ли она, для покражи тѣхъ пожитковъ,
 «какого подводу или съ какими людьми разговоровъ?»»
 Однако въ томъ учинила заперательство,
 почему освобождена обратно.
 Послѣ помѣщикъ отпустилъ ее на волю;
 и послѣ вскорѣ попала мнѣ у Гостиного двора на встрѣчу,
 и сказывала:
 — что она отъ помѣщика своего уволена
 — и вышла за рейтара Нелидова.—
 Между тѣмъ я зазвалъ ее въ питейной погребъ,
 гдѣ велѣлъ ей себя подождать,
 а самъ сходявъ на свою квартиру,
 взялъ утаенную отъ своихъ товарищей,
 покраденную у господина своего, объявленную ⁴⁾ шкатулку,

⁴⁾ Помянутую.

въ которой имѣлось нѣсколько алмазныхъ и золотыхъ вещей;
принесъ къ ней, и при томъ ей сказалъ:

«Только и ходу—

«изъ воротъ да въ воду

(чтобъ никому не объявляла)!»

И побывъ въ томъ погребу,
взяла она меня въ свою квартиру.

По приходѣ спрашивалъ меня ея мужъ:

— какой я человекъ?—

Коему я о себѣ объявилъ:

«что я ни воръ, ни тать,

«только на ту же стать,

«и имѣю у себя для жительства

«данное изъ Тайной Канцеляріи письмо.»

И вынувъ оное изъ кармана,

далъ ему при томъ,

чтобъ онъ положилъ его для сбереженія у себя.

Какъ уже напился я пьянъ,

то положенъ былъ спать.

Время стало перваго часа за полночь:

я, вставъ, пошелъ изъ ихъ квартиры тихимъ образомъ,

чтобъ они слышать и беспокоиться не могли,

къ живущему по близости ихъ квартиры

портному мастеру.

Перелѣзъ въ его огородъ,

взошелъ къ нему въ покой,

гдѣ выработалъ въ маленькомъ баулѣ ⁵⁾

денегъ триста сорокъ рублѣвъ,

и съ тѣми обратно въ квартиру тогожъ рейтара пришелъ.

Которой говорилъ мнѣ:

— для чего я такъ рано, и не сказавши ему,

— съ квартиры его ходилъ?—

На что я сказалъ:

⁵⁾ Шкатулкѣ екованой.

«Наши вислоухи
«во дворѣ сторожки ⁶⁾);
«а ты будь сытъ грибами,
«а держи языкъ за зубами!»

И подошедъ къ прежде бывшей дѣвкѣ,
а его женѣ,
далъ ей тѣ покраденныя мною деньги,
и при томъ ей говорилъ:
«Вотъ тебѣ луковка попова,
«облѣнлена-готова,
«знай—почитай,
«а умру—поминай!»

И погода, взявъ малое число денегъ,
и данное для сбереженія свое письмо,
пошелъ въ свою квартиру.
Въ которой поживъ нѣсколько времени,
взявъ съ собою шесть человекъ,
и пошли мы изъ Москвы—
на Макарьевскую ярманку.

*

На „вольной квартирѣ по вольному письму“ жилъ Иванъ Осиповъ у палача—запечнаго мастера, въ Зарядѣ на Воронежской подворьѣ. Дѣвушка, въ несчастіи кормившая его пополамъ съ медвѣдемъ, прозывалась по преданію *Алдошя Степановна*. Въ числѣ „любимыхъ“ пѣсенъ Канна, не имѣ конечно и не въ его время сочиненныхъ, но имѣ или про него пѣтыхъ, известна одна, къ нему примѣнявшаяся и поминавшая любовь съ Душей:

⁶⁾ Стерегли; примѣняется къ собакамъ: спали онѣ, развѣсивши уши, на дворѣ, а мы между тѣмъ обработали дѣло; употребляется также „старухи.“

2.

Дуняша—любовь Ваяюшенина.

- Во Архангельскомъ во градѣ
 Ходятъ дѣвушки въ нарядѣ,
 Еще аленьки цвѣточки—
 Горожаночки дѣвочки.
5. Ахъ, у насъ было на возѣ ⁷⁾,
 На Буяновой горѣ,
 Во Перешлой слободѣ.
 У столба да у версты,
 Какъ стоялъ тута дворокъ.
10. Невысокой теремокъ.
 Ахъ, во томъ ли теремкѣ
 Красны дѣвушки сидятъ:
 Се Дуняша да и Маша
 Алексѣевны.
15. Что охочи за окошечко
 Поглядывати,
 Холостыхъ рабятъ
 Приманивати.
 Случилося молодцу
- 20 Въ вечерѣ поздно итти:
 Что на тѣ поры окошко
 Отворяется,
 А Дуняша—та въ окошкѣ
 Усмѣхается.
25. Случилося молодой
 За водой итти одной:
 Подъ Буяновой горой
 Стоитъ парень молодой.
 Идетъ Дуня съ колодца,

⁷⁾ На спускѣ.

30. Увидѣла молодца:

Не дошедъ Дуня къ Ванюшѣ,

Покланяется:

Рѣчи Ваня говоритъ—

Постоять Дунѣ велить.

35. Ахъ, не въ гусельцы играютъ,

Не свирѣли говорятъ,—

Говоритъ краснѣ дѣвица

Со удалымъ молодцомъ:

«Про насъ люди говорятъ,—

«Размучить съ тобой хотятъ.»

— Еще гдѣ тому бывать,

— Что намъ по розну живатъ?

— Еще гдѣ же тому статься.

— Чтобы намъ съ тобой разстаться?

— На погибель бы тому.

— Кто завидуетъ кому!—

(„Дубинны“ пѣсни Ваня при его „исторіи“ и другіе дѣсенки).

*

Герония эта перешла и въ представленіе Московскаго „Петрушки;“ когда является на сцену пара молодца съ дѣвущкой, она неистово кружится и пляшетъ съ припѣвомъ:

Ты моя сударыня,

Авдотья Степановна!

Однако пришлось, какъ видѣли мы, разстаться. Иванъ Осиповъ щедро награждалъ подругу и обдарилъ мужа; ввѣрялъ имъ свой паспортъ; она участвовала и послѣ въ его походахъ какъ помощница (см. ниже), а мужъ, конной гвардіи рейтаръ, выручалъ Ивана въ бѣдахъ, принимая подъ свою росписку на поруки: но, какъ видно, первый періодъ судьбы рѣзковъ былъ для Ивана Осипова безвозвратно, ему не мило сдѣлалось въ Москвѣ, онъ пустился въ далекія походы, съ удалыми ворами-разбойниками, по рѣкамъ и большимъ дорогамъ. Оттуда онъ возвращался въ Москву уже не на долго и останавливался попеременно въ Садовникахъ, въ Ямской Переяславской, въ Кожевникахъ и въ Ямской Рогожской. Изъ походовъ его здѣсь, впрочемъ болѣе прозаическихъ или мимоходомъ, по вѣствуется:

I. б).

По приѣздѣ пошли въ Нижніе Садовники,
взошли въ пустую избу, и, дождавшись ночи,
сдѣлали въ той избѣ изъ бумаги оконницу.

А какъ настало утро,
то стали камень о камень тереть,
будто что мелемъ.

Камчатка насыпалъ голову мукою,
въ знакъ калачника ⁸⁾:
высунувъ изъ окошка голову,
крикнулъ съ (продаваемымъ) мясомъ мужика,
которое сторговавъ,
велѣлъ подавать въ то окошко.

Мы, взявъ ту говядину,
изъ той избы ушли.

А тотъ мужикъ стоялъ
подъ тѣмъ окномъ долгое время,
ожидалъ за проданное мясо денегъ,
и усмотрѣвъ, что никого въ той избѣ нѣтъ,
разсуждалъ съ прохожими людьми:
— люди ли то были,
— или дьяволы съ нимъ говорили
— и говядины лишили ⁹⁾?

Пришли въ Греческой монастырь ¹⁰⁾,
въ келью Грека Зефира,

⁸⁾ Принявъ видъ калачника, словно калачникъ.—⁹⁾ Кантъ рассказываетъ и послѣдствія, что случалось безъ него заглазно: рассказъ явно ходилъ по устамъ и эпизоды вызывали желаніе создать разныя картины, какъ звѣнья эпоса.—¹⁰⁾ На Никольской, гдѣ жили тогда въ кучѣ торговцы Греки, между прочимъ содержавшіе кофейни, первыя и лучшія въ городѣ: тамъ собиралось пропасть народа, тамъ сообщались вѣсти и слухи.

которой въ то время былъ въ церкви,
а въ кельи былъ оставленъ одинъ его работникъ,
которому мы сказали:
чтобъ онъ несъ въ церковь къ хозяину своему
восковыя свѣчи.

Работникъ, взявъ нѣсколько, понесъ;
мы, схвата его въ дверяхъ, спрашивали:
«не укралъ ли онъ тѣ свѣчи?»

«а ежели пошутилъ,

«чтобъ откинуть отъ сундуковъ ключи.»

И, вскоча въ келью, платье
и при томъ два малыхъ пистолета взяли...
Почему къ намъ, гдѣ мы имѣли пристань ¹¹⁾,
для забранія насъ подъ карауль,
пріѣхали солдаты,
гдѣ захватили меня да товарища моего Жарова...
Взяты мы были на очную ставку,
гдѣ мы говорили между собою:

«Что оwinъ горитъ,

«а молотильщики обѣдать просятъ

(то есть, чтобъ подарить секретаря и повытчика).»

И какъ положили меня для битья плетьюми,
то товарища моего Жарова въ то время вывели на крыльцо,
откуда онъ тогда и бѣжалъ.

Послѣ того, недѣли съ три спустя,
прислалъ ко мнѣ товарищъ мой Камчатка старуху,
которая пришедъ ко мнѣ говорила:

— У Ивана въ лавкѣ

— по два гроша лапти

(то есть, нельзя ли изъ подъ караула уйтить ¹²⁾).—

Я сказалъ ей:

¹¹⁾ Пристанище, притонъ.—¹²⁾ Опять не вѣрныя поясненія. Старуха говоритъ: уйти легко, ничего не стоить; Иванъ отвѣчаетъ: я готовъ, жду случая, прииѣчайте и помогайте.

«Чай, примѣчай,

«куда чайки летятъ

(то есть, такъ же, какъ и товарищъ, время къ побѣгу хочу
изобрать ¹³⁾!»

Во оныхъ разговорахъ вдругъ взять я былъ
(для двоекратнаго пристрастнаго подтвержденія)

предъ полицмейстера,
которой увѣщевалъ меня,
чтобъ во всемъ я Принесъ извиненіе,
кoему я сказалъ:

«Здѣсь въ полиціи баня дешева,
«стойка ¹³⁾ по грошу, лежанка по копейкѣ,
(только чтобъ правому быть) ¹⁴⁾»

Потомъ отведенъ я обратно въ тюрьму..

Въ скоромъ времени освобожденъ и я былъ.

*

Странствуя на далекой сторонѣ, товарищи ходили на Макарьевскую ярманку изъ Москвы пѣшкомъ, ѣздили по Волгѣ въ Лысково, но вообще, при всей дерзкой отвагѣ и ловкости, не были счастливы и часто попадались (провинція была проще и прямѣе Москвы, гдѣ притоны всякаго мошенничества насижены изъ дальней древности). Потому, воротившись въ Москву, придумали ударить на Волгу въ другомъ направленіи и на лошадахъ отправились въ Кашинь: здѣсь остановились у старосты Ямской слободы, жили въ городѣ болѣе полугода, но „не учинили ни къ кому похода,“ готовясь къ предпріятію важнѣйшему. Именно, вступили они въ цѣлую организованную шайку, подъ начальство атамана Михайла Зори: назывались „Донскими козаками,“ вооруженные, съ ружьями и порохомъ, человекѣ во стѣ и въ трехъ кругахъ, работали они по берегамъ Волги вплоть до Макарья, стерегли суда, разоряли помѣстья и заводы, мѣсяцъ стояли въ Керженскомъ лѣсу, вѣзжали въ Оку. На послѣдней, при перевозѣ паромомъ, офицеръ спрашивалъ ихъ, что за люди:

¹³⁾ Стойка—огромный чанъ съ краномъ, откуда брали готовую воду.—
Здѣсь, въ полиціи, парка очень дешева, попарять легонько: не стоятъ вниматься и толковать (последеніе опять не вѣрно).

1. в).

А какъ съѣхали съ того порому,
то атаманъ, предупредя его, остановилъ,
при томъ говорилъ ему:
«Ты спрашивалъ насъ на водѣ,
«а мы спрашиваемъ тебя на землѣ.
«Лучше бы ты въ деревнѣ жилъ да овины жегъ,
«а не проѣзжающихъ спрашивалъ.»
Приказалъ у него отобрать шарфъ, знакъ и шпагу,
за что велѣлъ заплатить нѣсколько ему денегъ.

Особенно важно было нападеніе на винные заводы, гдѣ противъ нихъ вели ружейную пальбу; случившійся Грузинскій князь дрался саблею, а начальникъ заводовъ, запершись, отважно защищался. Но, ворвавшись,

Атаманъ взошелъ къ наибольшему въ покой,
и, видя у него на кафтанѣ звѣзду,
говорилъ ему:

«Что честь твоя съ тобою,
«а теперь попалъ въ мои руки,
«то раздѣлайся со мною!
«Торгъ—яма: стой прямо,
«видя яму не вались,
«а съ ворами не водись,
«не званъ въ пиръ не ходи ¹⁴⁾!»

Взяли у него денегъ безъ счету,
а посуды безъ вѣсу,
которое отослали къ лѣсу.

Тутъ-же прознали они помѣстье генерала Шубина:

Спросили бывшего тутъ Калмыка,
«чево оное господина?»

¹⁴⁾ Прибавленное при этомъ поясненіе излагаетъ уже совершенную чепуху, тогда какъ это просто выговоръ за упорное сопротивленіе.

которой объявилъ,
— что генерала Алексѣя Яковлевича Шубина.—

«Не ужели у него, сказали мы,
лѣтней одежды нѣтъ,
«а всегда ходить въ шубѣ?
«Такъ будутъ къ вамъ портные,
«для шитья лѣтнихъ кафтановъ ¹⁵⁾»»

Шубинское помѣстье не давало покоя ихъ влчанамъ и, собравшись съ силами, въ третій и послѣдній разъ, двинулась шайка Ивана Осипова и Камчатки на добычу, пѣшкомъ Володиміровкой.

Мы какъ вышли изъ Москвы,
стали подходить къ Звѣринцу,
отъ коего повертели къ Лефортову,
гдѣ усмотрѣли, не знаемо какого званія,

двухъ человекъ,
которые вели женщину,
у коей обернута была голова и лицо,
простынею, по самую шею.
Изъ нихъ, впереди ея,
шелъ одинъ съ мѣшкомъ.

Камчатка спросилъ ихъ,
«кого они ведутъ?»
Которые сказали,
— что они ведутъ бабушку на повой;—
напротивъ чего Камчатка сказалъ:

«Видно, что въ воду головой ¹⁶⁾!»

Съ сухаго пути спустившись на воду, къ имѣнью Шубина, поплыли они на четырехъ лодкахъ, обобрали, но, свѣдавъ о погонѣ, бросили лодки и

¹⁵⁾ Такъ овладѣвалъ эпосъ всеми этими событіями: шайкѣ не нужно было справляться и острить, ибо за Москвой рѣкой стоялъ знаменитый домъ Шубина, гдѣ проживали воры и естественно знали о помѣстьяхъ хозяина.—¹⁶⁾ Этотъ эпизодъ, ни къ чему собственно не идущій и ни съ чѣмъ не связанный, вставленъ также, какъ во всякой эпосѣ, и въ наши богатирскія былины; послѣдующій о кабакѣ совершенно таковъ же.

трон сутки пробирались на Муромъ лѣсами. Въ Муромѣ стояли два дни, а какъ узнали, что и на сушь, для ихъ поимки, поставленъ бургомистръ въ одномъ кабакѣ съ пятью солдатами,

Мы объ ономъ чрезъ посланнаго свѣдавъ,
пришли въ тотъ кабакъ,

въ которомъ по приходѣ закричали:

«Шастъ на кабакъ!

«Дома ли чумакъ?

«Вѣрить ли на деньги,

«Даетъ ли въ долгъ?»

Атаманъ сказалъ:

—Когда масъ на хасъ,

—такъ и дулясь погасъ ¹⁷⁾

(то есть, что никто не шевелись)!—

Пили вино и пиво...

Поѣхали къ городу Гороховцу.

Атаманъ сталъ говорить,

чтобъ изобрать мѣсто для отдыха,

почему пріѣхали въ село Языково,

въ которомъ жили «въ смирномъ образѣ»,

мѣсяца съ три.

Тутъ же на Сурѣ ограбили торговое Армянское судно, перешли къ селу Боритину, появились къ Мордвѣ и Татарамъ, отъ нихъ поѣхали къ монастырю Боголюбову близъ Владиміра, стали на знаковой дворъ, прожили здѣсь съ недѣлю и—окончательно вернулись въ Москву. Это была третья и послѣдняя ихъ вылазка или, какъ говорили, „высылка“ изъ Москвы. Всего вылазке была вторая, начатая съ Кашина; всѣхъ продолжительнѣе лервал у Макарья: полковникъ Рѣдькинъ нарочно былъ командированъ съ командою въ Нижній для поимки разбойниковъ, не разъ и послѣ наступилъ Ивана, и поимывалъ, и однако онъ же приказалъ Ивану выдать двух-годовой паспортъ на жительство въ Нижнемъ. Тамъ Иванъ обобралъ Армянскій амбаръ, но на гостинномъ дворѣ въ медкой кражѣ попался купцамъ:

¹⁷⁾ Это уже языкъ *Аюсей*, главнымъ образомъ и сосредоточенный доселѣ во Владимірской губернии, а отъ нея до Нижняго: „Когда я въ домъ, погасъ огонь (гасите огонь; совсѣмъ не такъ, какъ объяснилъ первый издатель).“

Взяли ониу меня пашпортъ,
и раздѣвъ стали бить желѣзной сугугой,
при томъ же наложили на шею
монастырскія четки
(то есть, стулъ ¹⁸).

Я, видя оное, не могъ болѣе сыскать себѣ
къ избавѣ способу
и заплѣ старинную свою пѣсню ¹⁹)
(то есть, сказалъ «Слово и дѣло»),
по которой отправленъ былъ
въ Рѣдькину канцелярію.

Какъ товарищ мой Камчатка
свѣдалъ обо мнѣ,
что я въ каменномъ мѣшкѣ
(то есть, въ тюрьмѣ водворяюсь),
то, взявъ калачей, пришелъ ко мнѣ,
якобы для подачи милостины,
и давалъ колодникамъ по калачу,
а мнѣ подалъ два, а при томъ сказалъ:

—Трѣока калачъ ѣла,

—стромыкъ сверлюкъ страктирила

(то есть, тутъ ключи въ калачѣ, для отпиранія цѣпи). ²⁰)

Погодя малое время, послалъ я драгуна
купить товару изъ Безумнаго Ряду
(то есть, вина на кабакѣ).

Какъ оной купилъ,
и я выпилъ для смѣлости красоулю,
то пошелъ...

Хотя погоня за мной и была,
токмо, за случившимся тогда кулачнымъ боемъ ²¹),
отъ той погони я спасся.

¹⁸) Небольшія колодки, съ цѣпью.—¹⁹) См. выше.—²⁰) Опять языкъ Асе-ней: „Корова (или дѣвчонка) калачъ ѣла, тройникъ ключъ нашла.“—²¹) Въ суматохѣ, происходившей во время игры, кулачнаго боя.

Прибѣжалъ въ Татарскій табунъ,
гдѣ усмотрѣлъ Татарскаго мурзу,
который въ то время въ своей кибиткѣ крѣпко спалъ,
а въ головахъ у него подголовокъ стоялъ.

Я привязалъ того Татарина ногу
къ стоящей при его кибиткѣ лошади:
ударилъ ту лошадь коломъ,
которая онаго Татарина потащила во всю прыть.

А я, схватя тотъ подголовокъ,
которой былъ полонъ монетъ,

сказалъ:

«Не ужали Татарскихъ денегъ
«въ Руси брать не будутъ?»»

Пришедъ я къ товарищамъ своимъ,

говорилъ:

«На одной недѣлѣ—четверга четыре,
«а деревенской мѣсяцъ—съ недѣлей десять
(то есть, вездѣ погоня насъ ищетъ ²¹⁾!..»

Въ тожъ время, не знаемо откуда,
взялось шесть человекъ драгунъ,
которые стали насъ ловить.

Камчатка побѣжалъ отъ меня прочь,

при томъ сказалъ:

—Что онъ увидится со мной на послѣднемъ ночлегѣ,

—какъ буду ѣхать въ телѣгѣ ²¹⁾. —...

Какъ сталъ подъячей меня допрашивать,

то я ему шепнулъ на ухо:

«Тебѣ будетъ, другъ,

«муки фунта съ два съ походомъ

(то есть, кафтанъ съ камзолемъ)!»

Послѣ сего далъ Рѣдкинъ паспортъ на житье, но Иванъ снова попалъ въ ряды драгунамъ:

²¹⁾ Это, повторявшееся, выраженіе Ивана значитъ подлинно: у меня всегда работа и въ короткое время уснѣваю много.—²²⁾ Когда повезутъ Ивана скваннаго подъ конвоемъ.

Усмотря же у одного двора
 стоящую съ водой кадку,
 вырвавшись у нихъ, ступилъ на оную,
 перескочилъ черезъ заборъ на тотъ дворъ,
 а съ того двора въ садъ,
 прибѣжалъ на Соколъ-гору,
 къ Ильинской рѣшеткѣ, къ своимъ товарищамъ,
 говорилъ имъ:
 «Спасибо Петру,
 «что сберегъ сестру
 (то есть, ушелъ)!»
 Съли мы въ кибитки,
 которыя были для отъѣзду приготовлены,
 и пріѣхали въ Москву.

Такъ, послѣ первой любви, Иванъ Осиповъ размыкалъ и покончилъ свою молодость въ треугольникъ между Москвою, Кашиномъ и Нижнимъ, по большимъ дорогамъ, по судамъ, по Октъ, по Суръ и особенно по Волгѣ. Онъ принесъ оттуда и, въ числѣ „любимыхъ“, послѣ собранихъ и отпечатанныхъ, сберегъ намъ цѣлый выборъ *льсемъ*, удалыхъ, разбойничьихъ, козацкихъ, Волжскихъ, начиная съ Разнскихъ.

*

Наставали зрѣлые года: пора было остепениться, ибо „съ молоду много было бито-граблено.“ Степенность Иванъ Осиповъ, по своему положенію и складу того времени, могъ понять только своего рода „службой“, тепленькимъ „мѣстомъ.“ Въ Декабрѣ 1741 года, будучи 27-ми лѣтъ, явился онъ къ первоприсутствующему Сыскаго Приказа, кн. Кропоткину, а потомъ въ самый Приказъ, съ просьбою на Высочайшее имя, съ повинною въ прежнихъ проступкахъ и съ предложеніемъ себя на предки въ „сыщики.“ Между прочимъ онъ винился въ продѣлкахъ, кромѣ помнятухъ выше, у Троицы 8 разъ, въ Дмитровѣ 2 раза, по разу въ Устюжѣ и въ Вязникахъ, „на разбояхъ“ же „нигдѣ не бывалъ и убійствъ не чинивалъ.“ Онъ принять, получилъ оффиціальное званіе „доносителя“, въ распоряженіе „команду“, простиравшуюся до 40 человекъ и болѣе. Не получая однако казенныхъ субсидій и даже часто не возвращая изъ Приказа затраченныхъ свои деньги, а съ другой стороны угрожаемый мести старыхъ товарищей, онъ, подъ предлогомъ сего послѣдняго, исходатайствовалъ еще себя въ огражденіе, въ концѣ 1744 года, особый Сенатскій „указъ“ и „инструкцію (подробности у г. Есинова).“ Немедленно, на мѣсто прежней квартиры-конурки, въ томъ же Зарядьѣ близъ Мытнаго двора, нанялъ онъ „особли-

вой себѣ домъ," гдѣ, на дворѣ, въ отдѣльномъ покоѣ, открылъ „бильярдъ, зери и прочія разныя игры," какъ для привлеченія въ ловушку, такъ и для собственнаго удовольствія, ибо распахнулъ двери старой своей страсти покутить и всякому приволью. Съ полицейскими, судейскими, особенно съ приказными и Членами Приказа Смыснаго, со всеми велъ онъ дружбу, дѣлился, игралъ; подѣ рукомъ продолжалъ и даже усиливалъ пренія мошенничества, дѣлясь и со старыми, и съ новыми товарищами, только прикрывая все это своимъ „официальнымъ положеніемъ (подробности въ „Исторіи" и у г. Есипова).“ Поимки началъ онъ на старомъ пепелищѣ своемъ въ Зарядѣ, гдѣ жилъ нѣкогда у палача Алѣксѣя Иванова, и однимъ изъ первыхъ взялъ старика нищаго въ лахмотьяхъ, который оказался бѣглымъ солдатомъ „Алексѣемъ Ивановымъ Соловьевымъ;" другой былъ — купеческій сынъ Иванъ Михайловъ, служившій мальчикомъ-повадыремъ у слѣплаго калѣки переходяго Андрея Одулова; послѣдній нанялъ мальчику на Красной площади и обучилъ, кромѣ народныхъ Стиховъ, мошенничеству, ибо содержалъ у себя притонъ (какъ водилось это не рѣдко и водится доселѣ); за этимъ слѣдовалъ уже длинный рядъ успѣховъ; а больше всего прославился Иванъ Осиповъ, поймавши въ 1748 году, послѣ долгихъ исканій, своего стараго сотоварища, Камчатку.

Камчатка, понавши въ общество, а послѣ и въ ловушку Ивана Осипова, понесъ на себѣ частію и отблескъ славы его: стяжалъ себѣ мѣсто въ разсказахъ Ивана, въ его исторіи, даже въ пѣсняхъ. Въ 1748 году 37-ми лѣтъ, на три года старше своего сверстника, сынъ солдата, давно умершаго, *Петръ Романовъ Смирной-Закутня*, „по мірскому званію (а первое— болѣе духовное) *Камчатка*," поступилъ сперва въ ученье на парусную фабрику, при матери, которая вышла за другаго, именно за матроса этой самой фабрики. Подросши, поймавъ въ воровствѣ, наказанъ плетью, отданъ въ Ярославскій полкъ солдатомъ, бѣжалъ, работалъ на каналѣ, въ Лефортовѣ, попалъ въ полицію, опять перешелъ на фабрику, соскучился здѣсь, подвизался со старымъ прітелемъ Иваномъ Осиповымъ въ Москвѣ, въ Нижнемѣ, у Макарья, у Троицы-Сергія. Понадался и спасался нѣсколько разъ. Покончивши странствія съ Иваномъ, явился въ Москву, но, тогда какъ Иванъ пошелъ въ славу, Петръ оставался на прежней своей фабрикѣ до великаго поста 1748 года. На третьей недѣлѣ поста, вѣроятно побиваясь своего друга, бѣжалъ на заводы Демидова и, наконецъ, вернувшись въ родную Москву, жилъ за Срѣтенскими воротами въ Пушкинскихъ, а работалъ по крайней бѣдности и нуждѣ „на Бережкахъ (по сторонамъ нынѣшняго Москварѣдскаго и Чугуннаго моста),“ таская по найму лѣсъ (см. у г. Есипова). Это была любимая его мѣстность: здѣсь-то съ нимъ, видѣли мы, по Москвѣ-рѣкѣ и Яузѣ, нѣкогда подвизался Иванъ у Каменнаго Моста, въ Кожевникахъ, Садовникахъ; здѣсь Камчатка прославился, такъ, что въ Москвѣ помнятъ до сихъ поръ „разбойничка" или „матроса на Балчугѣ (между нынѣшними мостами).“ Здѣсь же, какъ слѣдуетъ ожидать, на Балчугѣ искалъ, встрѣтилъ и взялъ его Августа 8-го (?)

сотоварищъ ¹⁾. Мать, какъ видно его выручавшая часто и, можетъ быть, она же возвращавшая его къ дѣлу на парусную фабрику, уже умерла къ этому времени. Наказанный кнутомъ, сосланъ онъ на вѣки въ Оренбургъ. Вотъ замѣчательная пѣсня, давно намъ въ Москвѣ извѣстная, воспоминающая не столько его самого, сколько теплую любовь его матери:

Камчатка съ Балчуга.

1.

(Москва).

У Троицы у Сергія ²⁾ было подъ горою:

Стояла новая, темная темница;

Во той ли во новой во темной темницѣ

Сидѣлъ удаленькой добренькой молодчикъ.

5. Никто къ нему не зайдетъ, никто не заѣдетъ:

Друзья—братья—товарищи всѣ прочь отступились.

Зашла къ нему—заѣхала матушка родная:

„Дитя ль мое дитятко; дитя—чадо милое!

„Кому тебя, мое дитятко, будетъ выручати?”

10. „Друзья—братья—товарищи отъ тебя всѣ отказались ³⁾;

¹⁾ Камчатка шель, какъ говорить, въ Новоспасскій монастырь, къ празднику: но это 6-го (Спасъ на горѣ), а не 8-го Августа, какъ сказано у г. Есипова.—Камчатка постоянно жилъ съ матросами и самъ именовался „матросомъ“ (какъ звали тогда, впрочемъ, и всѣхъ „парусныхъ“ фабричныхъ): отъ того-то онъ увлекаетъ „сухопутнаго“ и городского Канина на Волгу и прочія рѣки, самъ же въ Москвѣ разбойничаетъ преимущественно по Москвѣ-рѣкѣ и Яузѣ. Въ Московской Матросской богадѣльнѣ, съ XVIII вѣка до нашихъ дней, не переводился значительный хоръ лихихъ пѣсенниковъ.—Еще одно замѣчаніе: Канинъ ловилъ и взялъ Камчатку не по тому ли поводу, что въ то время у Демидова совершена была значительная покража, а между тѣмъ бѣглець только что вернулся оттуда съ заводоу? И не его ли разумѣть „жизнеописаніе“, говоря, что Канинъ „взялъ Замчалку съ товарищи... въ кражѣ у компанейщика Демидова денегъ?“—²⁾ Трудное положеніе, здѣсь описанное, имѣло мѣсто, можетъ статься, у Троицы-Сергія, когда тамъ попался Петръ Романовъ и жива еще была мать; или вмѣсто „Студлова монастыря (см. выше);“ или у „Сергія въ Пушкинскихъ“, гдѣ онъ жилъ, и гдѣ точно гора; или это вообще „Бережки“, выраженные здѣсь „горю.“—³⁾ Разворѣчіе лучше: „всѣ прочь отступились.“

„Семь разъ тебя я, моё дитятко, выручала,
 „Семь тысячъ денежекъ ⁴⁾ издержала;
 „Осьмой—то тысячи у меня не достало:
 „Такъ знать тебѣ, дитятко, здѣсь вѣкъ вѣковати!“

Изъ Писемниковъ, сколько мы знаемъ, первый разъ явилась эта пѣсня у Ршетага-
 кова, М. 1799 года, съ замѣткою: „Сія въ Москвѣ употребительная. Поется голосомъ
 протяжнымъ.“ Потомъ повторилась и въ позднѣйшихъ. Напѣвъ удѣльнъ доселѣ: похожъ
 на свадебный и святочный).

*

2.

У Троицы у Сергія было подѣ Московю,
 За каменной за большой было за стѣною ⁵⁾,
 Стояла тутъ темная темница.
 Во этой ли во темной во темницѣ
 5. Сидѣлъ—то въ ней разудаленькой
 добренькой молодчикъ.
 Никто къ нему удалому не заѣдетъ:
 Зашла къ нему—заѣхала матушка (его) родная.
 „Ужь ты сынъ ты, мой сыночикъ,
 10. ясной соколочикъ!
 „Ужь долго ли, сыночикъ, тебѣ
 въ темницѣ сидѣть?
 „Сестры—братья отъ тебя, сыночикъ,
 всѣ прочь отказались;
 15. „Золота казна у меня, сыночикъ,
 вся истошилась.“

(Поется почтеннымъ нашимъ г. Молчановымъ).

*

Перечень отысканныхъ и взятыхъ симъ способомъ разбойниковъ, мошен-
 никовъ, воровъ, пропавшихъ денегъ, бумагъ, вещей и т. п. занимаетъ весь

⁴⁾ Опять разпорѣчіе лучше: „Семь тысячекъ чистыхъ денежекъ.“—⁵⁾ По
 этому выходитъ скорѣе, что за стѣною Москвы, т. е. за Бѣлыми Горы-
 домъ, гдѣ и стояли тюрьмы.

ма важное мѣсто въ разсказахъ самого Ивана Осипова, въ повѣстяхъ объ немъ и исторіяхъ, въ дѣловыхъ бумагахъ: если не обращать вниманія на самыя руки, то конечно изъ нихъ государство и общество приняло тогда очень много полезнаго. Само собою разумѣется, что все это сухо и исторично: народъ не могъ относиться къ этому съ одушевленіемъ и пѣсною. Напротивъ съ этихъ поръ бывшій Иванъ Осиповъ и даже съ вичемъ—Осиповичъ получили въ народѣ постоянное прозвище *Ванька Каинъ*, то есть братоубійца; не столько то, что онъ дѣлалъ, сколько то, какъ это измѣнически, предательски и плутовски дѣлалъ, было омерзительно. Сочувствіе народа или, по крайности, вниманіе творчества могло склоняться къ усьхамъ симъ только по мѣрѣ потребнаго на нихъ удалства. А такое геройское удалство было въ особенности потребно Каину, когда онъ, разумѣется частію въ надеждѣ на взятки, весною при вскрытіи рѣкъ, по прибытіи въ Москву струговъ изъ Низовыхъ городовъ съ хлѣбомъ и прочими припасами, останавливалъ эти струги за вѣсколко верстъ отъ Москвы, отважно появлялся на нихъ, рискуя поплатиться жизнью, осматривалъ у бурлаковъ и аржежъ пашпорты и, разумѣется, или вовсе не находилъ сихъ послѣднихъ, или часто открывалъ воровскіе. Это послужило вѣзвономъ и содержаніемъ пѣсни отъ лица пріѣзжихъ, пѣсни замѣчательной стройнымъ складомъ, который конечно наследованъ отъ старинн:

3.

Жалоба на Ивана-Ваньку Каинова.

Ахъ, тошнѣмъ—то мнѣ, доброму мѣлодцу ¹⁾, тошнѣхонько,
 Что грустнѣмъ—то мнѣ, доброму мѣлодцу, грустнѣхонько,
 Мнѣ да ²⁾ ни пить—то, ни ѣсть, доброму мѣлодцу, не хо-
 чется ³⁾,

Мнѣ сахарная—сладкая ѣства, братцы, на умъ не йдетъ ⁴⁾:
 5. Мнѣ Московское сильное царство, братцы, съ ума не йдетъ ⁵⁾,
 Побывалъ бы я, доброй мѣлодецъ, въ каменной Москвѣ ⁶⁾:
 Только лихъ—то на насъ ⁷⁾, добрыхъ мѣлодцевъ, новой сы-
 щичекъ,

¹⁾ Разнорѣчія изъ „Нац. Пѣснопѣя.“ просто „мѣлодцу.“ Въ 1-мъ изд. „тошнѣмъ (безъ то).“—²⁾ „Что ни.“—³⁾ „Мнѣ ужъ не хочется.“—⁴⁾ „Мнѣ сахарная пища и во умъ не йдетъ.“—⁵⁾ „Лишь Моск. ц. на умъ лежитъ.“—Смерть какъ хочется побывать въ Москвѣ.—⁶⁾ „Побывалъ бы я, удалъ-доброй мѣлодецъ, Во той матушкѣ бѣлокаменной Москвѣ.“—⁷⁾ „тамъ на насъ.“

Онъ по имени по прозванью Иванъ Каиновъ ⁸⁾.

Онъ не дастъ намъ, добрымъ молодцамъ, появиться

10. И онъ спрашиваетъ паспортъ всё печатныхъ ⁹⁾:

А у насъ, братцы, паспорта своеручные,

Своеручные паспорта, всё фальшивые ¹⁰⁾!

(Въ числѣ „любимыхъ пѣсень Каиновыхъ;“ подправлено въ „Р. Национальномъ Писнописаніи;“ Сахаровъ, по содержанию, не рѣшился у себя напечатать).

*

Примкнувши къ тогдашнему государственному строю приличнымъ и выгоднымъ „мѣстомъ,“ Каиновъ, съ другой стороны, по своимъ народнымъ воззрѣніямъ, долженъ былъ также обзавестись „бабою,“ то есть жениться. Её онъ намѣтилъ себя еще передъ поступленіемъ въ сыщики, воротясь для постоянного пребыванія въ Москву. Не сосѣдству съ его квартирой (вѣроятно еще старой, въ Зарядьѣ) помѣщалась *Арина Ивановна*. Вотъ какъ повѣствуетъ объ этомъ оригинальномъ сватовствѣ и бракѣ особый эпизодъ разсказовъ отъ лица Каина:

4.

Свадьба Каинова.

Близъ моей квартиры,
когда еще я не былъ сыщикомъ,
жилъ отставной сержантъ,
которой имѣлъ у себя дочь ¹⁾.

По тому сосѣдству тотъ сержантъ знакомъ мнѣ былъ:
почему я съ дочерью его захотѣлъ жить еще поближе.

⁸⁾ „Новой славной сыщичекъ Иванъ Осиповъ, По прозванію онъ воръ Ванька Каиновъ.“—Въ 1-мъ изд. „сыщикъ.“—⁹⁾ Ожидалось бы „печатныхъ.“—

¹⁰⁾ „Не дасть злодѣй намъ появиться тамъ Безъ паспортяковъ-ста (у издателя весь народъ въ пѣсняхъ непременно долженъ говорить съ этой прибавкою) тѣхъ государевыхъ: А у насъ-то, братцы, есть и паспортяки, Но всѣ паспортяки тѣ своеручные, Своеручные да и всѣ фальшивые.“ Разбавивши такимъ образомъ, прежніе издатели надѣялись микстуру свою выдать за народную.

¹⁾ Неизвѣстно, почему утверждаетъ г. Есиповъ, что она была солдатская вдова: скорѣе по всему видно, что дѣвушка.

Между тѣмъ подарилъ ей нѣсколько подарковъ,
за что попросилъ у ней нѣчего:

только онаго отъ нее получить не могъ,
кромя какъ обходились на однихъ разговорахъ.

Она спрашивала меня:—какой я человекъ?—

«Купецъ,» я сказалъ ей:

«Гдѣ что ни увижу, то куплю;

«а ежели увижу дешевое,

«то и ночь не сплю.»

По прошествіи же нѣсколька времени,

какъ я сдѣлался сыщикомъ,

то не оставилъ прежняго своего намѣренія.

Свѣдалъ объ ней,

что она охоту имѣеть итти за мужъ:

пришедъ къ ней говорилъ,

чтобъ она кромѣ меня ни за кого

за мужъ не ходила.

Чего она не только получить ²⁾,

но и слышать не хотѣла,

и мнѣ о томъ думать не велѣла ³⁾.

Не могъ сыскать болѣе въ томъ способу:

научилъ въ Сыскомъ Приказѣ содержащагося

въ воровскихъ деньгахъ мастера Андрея Скоробогатаго,

при допросѣ его, въ знаніи того ихъ воровства

оговорить ее.

Почему она взята въ тотъ Приказъ была,

гдѣ, по приводѣ, подъ жестокимъ битьемъ плетями,

спрашивана:

однако, по правости своей, ничего на себя

показать не могла.

Послѣ чего я къ ней прислалъ женщину,

сказать:

²⁾ Достигнуть.—³⁾ Не знаемъ, откуда почерпнулъ г. Есиповъ, будто она „закрѣпила свой отказъ бранью и укоромъ, что за мошенника и за разбойника никогда не выйдетъ,“ и будто Каниъ за это мстилъ.

«ежели она пойдет за меня за мужь,
«то въ то жь время освобождена на волю будетъ.»

Сказала она той женщинѣ,

чтобъ я на то вовсе надежды не имѣлъ.

А дѣло ее (ея) не чѣмъ было разобрать,

кромѣ одной пытки:

почему она увѣдомилась ⁴⁾, прислала по меня,

чему я былъ радъ,

тотъ же часъ пришелъ къ ней.

Тогда услышалъ отъ нее,

что уже за меня за мужь итти желаетъ.

Почему я просилъ присутствующихъ ⁵⁾,

чтобъ до дальнаго дѣла ⁶⁾ не доводить,

е наказать кнутомъ ⁷⁾ и выпустить на волю,

потому что «сколоченая посуда два вѣка живетъ.»

Что въ скоромъ времени ей и учено.

Послѣ чего я взялъ ее на свою росписку ⁸⁾:

отдалъ для излѣченія одной просвирни.

А какъ пришла въ прежнее здоровье,

то назначилъ день жениться ⁹⁾.

Пришло уже то время,

какъ съ ней для вѣнчанія пошелъ я въ церковь.

И по приходѣ, ожидалъ того приходу попа:

⁴⁾ Предстояла ей пытка: почему она, увѣдомая объ этомъ.—⁵⁾ Членовъ Приказа.—⁶⁾ До пытки.—⁷⁾ Это наказаніе явно несоразмѣрно съ однимъ подозрѣніемъ виновности; если уже отстранена пытка, то подавно кнутъ здѣсь придуманъ составителемъ повѣсти только для прикрасы. Г. Есиповъ, кажется, здѣсь также введенъ въ ошибку и преувеличиваетъ наказаніе, замѣчая впрочемъ, въ ослабленіе, что Каниъ подкупилъ палача (полегче наказывать или вовсе не наказывать?): едва ли есть на это документы. Довольно уже варварства, извѣстнаго впрочемъ въ нашемъ крестьянскомъ быту, если Каниъ допустилъ Арипу „посѣчь (розгами),“ чтобъ „проучить“ за упорство.—⁸⁾ Это допускаетъ и г. Есиповъ, замѣчавшій выше, что Каниъ не умѣлъ писать (довольно было, если писали отъ его имени).—⁹⁾ Это происходило въ 1743 году. Церковь, гдѣ вѣнчался Каниъ,—Варвары Мученицы на Варваркѣ, близъ Зарядья.

которой не мѣшкавъ пришель,
и, по признаніи вѣчной моей памяти ¹⁰⁾ фальшивую,
которую я написалъ самъ въ своей квартирѣ,
изъ церкви обратно въ домъ свой

тотъ попъ пошелъ.

А мнѣ, по множеству тогда случившагося
въ церкви народу,
безъ того вытти было стыдно.

Послалъ для сыску идущаго по улицѣ
какого ни будь попа:

которой въ то жь время командою моею,
идуцій пьяный по улицѣ,
взять,
приведенъ въ церковь былъ.

Говорилъ я ему:

«Для чего онъ, идучи по улицѣ и въ пьяномъ образѣ,
«пѣсни пѣлъ?»

«За что отосланъ будетъ въ духовную консисторію.

«А ежели хочетъ быть отпущенъ,

«то бѣ, за небытіемъ того прихода попа,
«обвѣнчалъ насъ.»

Которой безъ сумнѣнія на то и согласился.

При чемъ, вѣнчая, началъ кричать,
что есть силы;

и, не такъ, какъ прочіе попы,
обводятъ вокругъ вѣнчальнаго стола
только три раза,—
онъ обвелъ восемь разъ.

Которому я говорилъ

«Что такъ, съ прибавкою противъ другихъ,
«вокругъ насъ водить?»

На что онъ сказалъ:

—Что де, долѣ станешь ¹¹⁾ жить.—

¹⁰⁾ Что нынче записывается въ книгѣ, послѣ „объску:“ свидѣнія о сочетающихся.—¹¹⁾ Станете?

По окончаніи, пошли изъ церкви въ домъ:
 тогда и пошъ тотъ въ домъ ко мнѣ
 взять былъ,
 и, съ одною только свахою
 (за неимѣніемъ въ тогдашнее время гостей),
 они за столъ посажены были.
 Попъ сдѣлался чрезвычайно пьянъ,
 выведенъ былъ изъ покоевъ вонъ:
 гдѣ заплатилъ я ему за труды одинъ рубль;
 и потомъ завязалъ руки назадъ,
 повѣсилъ на шею двѣ бутылки,
 съ простымъ виномъ,
 за пазуху положилъ живую курицу,
 при томъ подписалъ у него на спинѣ:
 «Ежели изъ оныхъ бутылокъ вино выпьетъ,
 «то и развязанъ будетъ.»
 И съ тѣмъ столкнулъ его съ двора,
 чтобы не зналъ впредь меня.

По прошествіи, послѣ онаго, нѣсколькаго времени,
 оный попъ попалъ мнѣ въ стрѣчу:
 который, увидя и признавъ меня,
 поднялъ свою рясу выше головы,
 и, бросясь въ сторону, бѣжалъ,
 думая, что я всякой день вѣнчаться буду.

На другой день приказано отъ меня было,
 идущихъ мимо моей квартиры купцовъ
 брать и вести въ мой домъ:
 которыхъ было въ тотъ день собрано
 до сорока человекъ,
 и они все стояли на дворѣ моемъ.
 Велѣлъ я женѣ моей
 насыпать мѣшокъ гороху,
 и, взявъ ее,
 къ тѣмъ купцамъ вышелъ:

и каждому насыпавши того гороху на тарелку,
 потчивалъ ихъ вмѣстѣ овощей,
 за что со всякого нѣскольکو денегъ
 въ подарокъ получилъ ¹²⁾.

Супруги, разъ сочѣтавшись, по видимому жили съ тѣхъ поръ между собою въ заду: даже при самомъ послѣднемъ заключеніи Каина, жена постоянно ходила къ нему и приносила деньги. Только при послѣднемъ концѣ мужъ было заподозрилъ ее, будто она, въ его отсутствіе, выносила пожитки изъ дому: но вѣроятно и это дѣлала она чтобы „припрятать“, предвидя конфискованіе; она освобождена была отъ ареста на поруки и нигдѣ не видно, чтобы раздѣлила съ мужемъ какое либо наказаніе. Близкіе люди Каина всѣ были нравственнѣе его.

Женившись и окончательно устроившись, Каинъ купилъ себѣ домъ въ Москвѣ, принадлежавшій прежде діакону Варварской церкви (гдѣ вѣнчался), на церковной землѣ, въ Китай-городѣ. Съ точки зрѣнія народнаго вкуса, которымъ видимо владѣлъ, хотя и злоупотреблялъ, Каинъ, въ высшей степени замѣчательно самое описаніе дома, сохранившееся въ дѣлахъ Конфискаціи (которая взяла его въ 1750 г. для продажи съ публичнаго торга; ср. у г. Есипова). Двѣ свѣтлицы выходили на улицу: въ одной печь съ уступомъ и зелеными изразцами, потолокъ оштукатуренъ, полъ лещадной,— это для гостей, съ 4-мя большими окнами; во второй потолокъ и полъ досчатые, печь кирпичная,—это семейная, теремъ; для сна въ особая коморка. Между обѣими стѣны бревенчатые. На дворѣ изба „блинная“, конюшня, на улицу лавка (конечно больше для сидѣнья въ часы досуга, чѣмъ для торговли). Кромѣ того на дворѣ кладовая съ чуланами. Убранство свѣтлицъ: обрѣза въ серебряныхъ и золоченыхъ ризахъ; стѣны обиты травчатой клеенкой, зеркало въ золоченыхъ рамахъ, печатныя картины и между ними портретъ Петра I-го, къ которому Каинъ видимо питалъ особое уваженіе (ср. начало его повѣсти). Вдоль стѣнъ стулья обитые чернымъ трипомъ; два дубовые стола накрыты Персидскими коврами, шелковымъ и триповымъ. Въ коморкѣ-спальнѣ кюль съ образомъ св. Іоанна Милостиваго, ангела Иванова, съ серебряными гривенками, съ убрусомъ, который былъ унизанъ жемчугомъ и камешками. Вѣроятно, хотя вѣтъ примыхъ указаній, въ номинальные дни и по праздникамъ раздавалась нищимъ милостыня отъ столь милостиваго Ивана. Довольство было полное: посуда оловянная и фарфоровая, тарелокъ до 18 дюжинъ; въ сундукахъ золото и серебро, часы, стоны, подносы, чайники, серьги; въ кладовой запасы чаю и сахару. У жены юбки, душегрѣйки, балахоны: все это таѣта, обьярь, гарнитуръ, серебряные городки, золотой позументъ. Хозяинъ ходилъ дома въ суконномъ смртукѣ,

¹²⁾ Это въ основѣ народный обычай: молодые угощаютъ гостей и получаютъ подарокъ.

маковаго или зеленаго цвѣта, въ зеленыхъ гризетовыхъ туфляхъ, шитыхъ серебромъ. Былъ и портретъ его, перешедшій потомъ въ печатныя изданія: среднихъ лѣтъ, съ густыми, на бородѣ курчавыми, на головѣ длинными (по видимому мягкими, по преданію русо-рыжеватыми) волосами; лицо худощавое, умное и хитрое, но вообще очень приличное, на лбу морщины—слѣды думъ, страстей и тревогъ.

*

Многочисленныя походы, продѣлки и дѣянія Кайна, частію записанныя, частію доселѣ ходящія въ разсказахъ между народомъ, таковы, что обличаютъ въ немъ не просто обычнаго вора, мошенника или разбойника, напротивъ своего рода артиста, который соединялъ въ себѣ всѣ эти качества до высшей наглости и дерзости, совмѣщая въ себѣ и извѣстнаго чиновника на службѣ, и весьма народнаго человѣка, но ко всему притомъ относился съ величайшей, ему только свойственной, виртуозностью. Онъ водился здѣсь и народнымъ обычаемъ, обставлялъ все это обрядностью, отъ вѣка сложившеюся, украшалъ краснымъ словомъ, поговорками и пословицами, разыгрывалъ пѣсню. Понятно, что, при всемъ отвращеніи, и самъ народъ относился къ нему съ невольнымъ любопытствомъ и удивленіемъ: это отношеніе уцѣлѣло въ памяти, разсказахъ, пѣсняхъ. Кромѣ приведенныхъ выше подвиговъ, Кайнъ участвовалъ въ народныхъ играхъ и увеселеніяхъ: самъ возбуждалъ ихъ, создавалъ, развивалъ. Такъ, по близости его любимаго мѣста жительства, у Москварѣцкихъ воротъ на живомъ мосту, въ Троицынъ день собиралось гулянье, съ тысячами народа, съ знаменитою „берѣзкою“, въ первые по веснѣ заломленною, съ древнѣйшею пѣсней „Во полѣ берѣзнякъ стояла“, которую столь давно и документально любили Русскіе люди ¹⁾, да любятъ и доселѣ, съ хоромъ всѣхъ этихъ, старѣйшихъ по происхожденію, пѣсней весеннихъ и хороводныхъ, съ дѣвухами, которыя пускали вѣнки на воду и по нимъ гадали, и т. д.: Кайнъ тутъ являлся и мѣсто гулянья ознаменовано подвигами его шайки, которые записаны у повѣствователей ²⁾.—Въ годъ свадьбы своей, чтобъ ее отпраздновать всѣмъ, онъ устроилъ народу торжество, какового не запомнятъ и никогда не забудутъ: оно записано и описано, оно сообщено на всегда имъ Московскому урочищу. Нужно сказать, что наши зимнія Масляничныя „горы“ съ ихъ качелями и коньками среди елокъ, какъ увеселеніями собственно дѣтскими, а также съ ихъ разгульными катаньями, воспоминающими древній „праздникъ рабовъ“, душою своею имѣютъ древнѣйшій мнѣ, и, какъ обрядъ, получивши отъ него свое происхожденіе, въ обстановкѣ своей совершенно отъ мнѣ зависятъ: мнѣ же этотъ, на половину, выразился

¹⁾ Въ половинѣ XVII в. нашъ посоль Я. Н. Лихаревъ даже среди Вѣны не могъ себѣ отказать въ удовольствіи, разгулявшись, попѣть веселую „берѣзу“: см. о томъ наше изслѣдованіе „Юрій Крижаничъ“, 1870 г.—²⁾ См. исторію Кайна и разсказы Комарова по живымъ слѣдамъ.

всего ксѣте и подробности въ нашихъ древнихъ сказкахъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ о царь и царевичъ Соломонъ ³⁾. Въ свою очередь, изъ сказаній и пѣсней, по соединеніи ихъ съ обрядомъ и его игрою, выродилась о Соломонѣ извѣстнаго рода народная драма, какъ представленіе народнаго театра: самый первый и старшій тискъ Краковскій, съ картинами, посвященъ этому сюжету, именно о Соломонѣ и Морольѣ или Морольтѣ, о взаимномъ состязаніи, гдѣ Соломонъ является сперва царевичемъ, потомъ царемъ, далѣе въ борьбѣ съ царемъ стороннимъ какъ страдающій и наконецъ торжествующій. Весь этотъ процессъ Соломоновъ есть прямое торжество ума и хитрости, а заключеніе—торжество „раба“ и „праздникъ рабовъ,“ пльнниковъ или колодниковъ, какъ и было въ древнѣйшей дѣйствительности: понятно, что это было какъ разъ по сердцу Каину и близко къ собственной судьбѣ его. Скоморохи у насъ издревле разыгрывали эту игру: Каинъ сообщалъ ей, при своихъ богатыхъ средствахъ, небывалую и дивную для Москвы обстановку. Катанье на Масляницѣ совершалось прежде въ Москвѣ отъ Неглинной по Покровкѣ до Покровскаго села и Нѣмецкой слободы, параллельно Москвѣ-рѣкѣ и Яузѣ, на которыхъ были горы, шли кулачные бои и т. п. На половинѣ и въ центрѣ этого протяженія, близъ нынѣшняго Москварѣцкаго моста и тогдашняго Мытнаго двора, а также своего дома, воспользовавшись природнымъ спускомъ, Каинъ устроилъ еще искусственную гору (по которой и урочище съ тѣхъ поръ получило имя *Кацновой горы*): обычное украшеніе онъ еще усилилъ, разставивши въ обидѣ елки, болвановъ (разныя изображенія и истуканы), а устлалъ краснымъ сукномъ. Это выражало, во первыхъ, какъ особый „городокъ,“ понинѣ со- оружаемый дѣтми на Масляницѣ, дѣтскія забавы царевича Соломона ⁴⁾. Здѣсь-то всю недѣлю шло народное гулянье, а въ послѣдній день разыграна игра о царь Соломонъ. Для нея наняты были, для разныхъ лицъ и дѣйствій, до тридцати скомороховъ, или, какъ новѣе стали у насъ называть, комедиантовъ. Изъ нихъ было два главныхъ, два—по народному понятію и слову—шута: одинъ для самого царя Соломона, другой для Морольта или вообще Соломонова врага, съ разнымъ чередованіемъ ролей, кои попеременно выполнялись то тѣмъ, то другимъ. Именно, во первыхъ, согласно мѣру и сказаніямъ, у „царя“ совершена была „покража“ это жена,

³⁾ На другую половину, хотя и не въ такой ясности, выражался мѣстѣ въ пѣсняхъ и образахъ Купалы: ср. нашъ 1-й выпускъ „Вѣлорусскихъ пѣсней“ 1871 г.—О Соломонѣ наше подробное изложеніе при 2-мъ томѣ сборника Рыбниковскаго.—⁴⁾ О чемъ говорится въ сказаніяхъ: „И сотворшу царевичу Соломону въ лозіяхъ сплетенъ градъ, башни сдѣланы и поставлены пушки во вратѣхъ древяны, и по стѣнамъ также пушки древяныя, и бердыши древяныя и копія, все древяное, и самъ сидеть во градѣ аки царь.“ Или: „Соломонъ нача работати на дворѣ,—дворъ мечь, и пескомъ усыпаетъ, и ельникомъ устидаетъ вездѣ, и по переходамъ коврами и сукномъ также.“ И т. п.

которую крадутъ у Саломона, потомъ крадетъ онъ самъ у чужаго царя, черезъ посредника и лично; а вмѣстѣ драгоценности, деньги и т. п. Въ игрѣ Камновой употреблялись нагляднѣе *денъги*. Кража совершается подъ образомъ *купца*, какимъ является посредникъ Саломона или онъ самъ: для этой роли, въ числѣ двухъ помянутыхъ главныхъ „шутовъ“, избранъ былъ нарочно *суконщикъ*, фабричный или купецъ ⁵⁾. Онъ обличенъ: тогда послѣдуетъ *судъ* и *казнь*, на которую, какъ извѣстно, сперва готовится самъ Саломонъ, но потомъ она обрушивается на его врага. Мѣсто казни въ сказаніяхъ устраивается съ особеннымъ парадомъ: отсюда у Каина красное сукно, какъ на „мѣстѣ лобномъ.“ Осужденный (въ роли, которую исполнялъ античный рабъ) носить на головѣ *козлякъ* (Фригійскій: символъ его кратковременной свободы, которой долженъ скоро лишиться, а вмѣстѣ символъ распущенности преступника), перевязъ на шеѣ (откуда извѣстная перевязъ или гривна на шеѣ гладіатора), по Славянски же и по Русски вообще одежду „мужика“, какимъ изображается Саломонъ на нашихъ старыхъ картинахъ; онъ долженъ ѣхать на казнь въ простой *тельгѣ*, какъ мужикъ и вмѣстѣ преступникъ, окруженный *палачами*, а послѣ, среди площади, дѣзть на висѣлицу (или на костерь) по лѣстницѣ. Въ семъ положеніи, извѣстно, былъ нѣкогда Гераклъ, онъ же Мелькартъ или Морольтъ, а у Славянъ (вмѣстѣ съ древними Скивами) угрожаемый казнію Саломонъ: у Каина его изображалъ означенный суконщикъ въ *деревенской шапкѣ*, съ *галстукомъ на шеѣ*, на *рукахъ съ большими рукавицами*. Кромѣ того, какъ извѣстно, врагъ царя и попеременно самъ Саломонъ представлялся въ эпическомъ свѣтѣ Саломона „звѣремъ лютымъ“ или „волкомъ“ и „медвѣдемъ“ ⁶⁾: согласно тому, для наглядности, суконщику „*въ сплнъ привязали маленькаго медвѣдя*“, то есть, вѣроятно, не живаго, а шкурку маленькаго медвѣдя. Съ другой стороны, какъ знаемъ, готовясь на казнь, но въ виду освобожденія отъ нея, Саломонъ готовилъ себѣ изъ товарищей цѣлое войско, которое постепенно имѣло приближаться къ лобному мѣсту, а чтобы скрыть себя и приближеніе, держало въ рукахъ лозы или вѣтви, которыя дѣлали видъ приближающагося лѣса ⁷⁾: для этой сцены у Каина собрано

⁵⁾ Вѣроятно суконный фабричный *Жала* или *Монахъ*, или же *суконщикъ Лыскала*, или подобные *купцы*, кои потомъ попались съ Каиномъ и были переписаны.—⁶⁾ „Видѣхъ язъ привидѣніе и слышахъ, кабы въ подлату въиде *звѣрь лютый* и учалъ матушку мою (впослѣдствіи она же супруга Саломона) лети, кабы лѣсный звѣрь *медвѣдь* приде въ конюшни и сълъ на любимаго коня отца моего (мать)... Въ ноци обращающаея *звѣрель* Каторврасомъ... Царь Соломонъ *лютыймъ звѣрельмъ* догонитъ“. . Вотъ почему крадущій, подъ видомъ *купца*, именуется *Волкомъ*, *Волкомъ*, *волкомъ*.—⁷⁾ Саломонъ, говоритъ сказаніе, „оставилъ людей въ *лѣсу*“, велѣлъ итти ему на помощь нѣ знаку, „при чемъ всякой неси передъ собою *по зеленому сѣмистому сукку дерева*“, а когда привезена была *въ тельгѣ* и полѣзъ на ви-

было изъ народа *до двухъ сотъ человекъ* и каждому дано было по метлу; разумеется, тутъ же, при казни, стояли извѣстные по сказанію, а Канину пріятель, *Пилаты милостивые или палачи*; притомъ, какъ при Саломоновой бѣдѣ и въ Купальскихъ или масляничныхъ торжествахъ, а теперь при сценѣ обычной торговой казни, *били въ барабаны*. Морольтъ, то врагъ Саломона, то его другъ и второе я, въ котораго по нуждѣ преобразался и самъ Саломонъ, въ минуту казни явился во главѣ войска, которое шло на спасеніе царя: эту роль, изъ двухъ поминутыхъ главнѣхъ „шутовъ“, принялъ на себя *суконщикъ Волкъ*, лицо историческое, извѣстный обществу Канинъ; то есть, для изображенія сего Московскаго Китовраса и лютаго звѣря, нарочно подыскали суконщика, съ прозвищемъ „Волкъ“, или же, на оборотъ, это прозвище, можетъ стать, осталось за нимъ *послѣ* удачно исполненной имъ роли ⁸⁾. Разумеется, скоморохи, главные актеры, придерживались эпического содержанія и драматическаго, извѣстнаго съ древности, сюжета; самъ Канинъ любовался зрѣлищемъ, созерцая въ немъ нѣкоторымъ образомъ собственную роль и судьбу: но, какъ говорится у насъ, „для удовольствія публики“, согласно тогдашнимъ понятіямъ и нравамъ, драму нужно было порѣзче перевести на современные тогдашніе обычаи, на сценѣ, столь часто повторявшіеся въ дѣйствительности передъ глазами и, въ представленіи шуточною, наиболѣе способными возбудить въ толпѣ интересъ и окружающій хохоть. Потому, такъ сказать на поверхность игры, рѣзко выставлялось то, что суконщикъ укралъ деньги, царь присудилъ его наказать, устроили висѣлицу съ палачами, осужденный пошелъ въ дурачкомъ образѣ, а народъ съ метлами, въ строю, колотилъ его, какъ будто прогоняя „сквозь строй“. Чѣмъ больше колотили, тѣмъ, конечно и увь, громче хохотала публика надъ судьбою „шута“: медвѣжья шкурка, столь эпическая, служила тутъ просто для смгченія удара и боли, напоминающая роль сказочную, а вмѣстѣ спасая отъ суровой дѣйствительности. *Морольтъ* казался народу по просту *майоромъ*, который распоряжался военною казнью. Суконщикъ, для выщей потѣхи, принужденъ былъ пройти, уже не „къ казни“, а „среди казни“ дѣйствительной, вмѣсто одного раза, *въ задѣ и въ передѣ шесть разъ* (тѣмъ больше, что вѣроятно драма повторена была въ теченіе дня нѣсколько разъ), избить былъ, не смотря на спасительную и эпическую медвѣжью шкурку, до крови и, въ награду, получилъ потомъ отъ Канина, за раны и игру, *рубль денегъ*, а въ память шкурки *новую шубу*. Сущ-

сѣлицу, „они начали подвигаться, но людей не видать, а только передъ ними *зеленылъ елки слово лѣсъ* (Еще древнѣе этого „праздника рабовъ“, вѣтви или ваія сопровождали всякое торжество, особенно при Діонисѣ, когo у Славянъ замѣнилъ Саломонъ: но, въ примѣненіи къ его страданіямъ, онѣ предваряли его шествіе къ лобному мѣсту)“.

⁸⁾ „Третьяковской (суконной) фабрики ученикъ *Петръ Волкъ*, въ кандахахъ:“ ср. списокъ сообщниковъ у г. Есипова.

ность игры, повторяемъ, разумѣется не понята была хорошенъко большинствомъ простаго народа или, лучше, понята хорошо въ смыслѣ наглядномъ, сейчасъ очерченномъ, и такъ, съ тѣмъ же смысломъ, перешла въ сказаніи о Каинѣ, и въ печать ⁹⁾. Вотъ какъ она излагается, отъ лица его, въ его повѣсти и исторіи:

Б.

Забавы Каиновы.

Каинова гора. Игра о царѣ Саломонѣ.

Въ томъ же году ¹⁰⁾, на Масленицѣ,
сдѣлалъ близъ Мытнаго двора
для катанія гору:
которая была украшена ёлками,
болванами и краснымъ сукномъ.
И всю недѣлю происходили,
отъ множества народу, всякія забавы.
На послѣдній день собралъ я
до тридцати человекъ комедіантовъ:
велѣлъ имъ представить на той горѣ
о царѣ Соломонѣ игру.
При чемъ было два шута.

⁹⁾ Очень жаль, что описатели не передали намъ всѣхъ подробностей дѣйствительныхъ, а изложили только свое и народное воззрѣніе, оставшееся въ памяти и въ умахъ: мы застали еще стариковъ, которые съ жаромъ говорили объ этой диковинкѣ, къ сожалѣнію также по слухамъ. Почтенный И. М. Снегиревъ, въ описаніи Москвы и Каиновой горы, къ несчастію также повѣрилъ *буквѣ* Каиновой исторіи, полагая все дѣло повтореніемъ одной *дѣйствительной* площадной казни, и только прибавивъ догадку, что здѣсь представлялся извѣстный *судъ Саломона*: но то былъ *судъ надъ самимъ Саломономъ*, эпическимъ, изображеніе его *собственными судьбами*. — Пресловутая Каинова гора впоследствии оттянула самое катанье масляничное отъ прежнихъ мѣстъ, съ улицъ, и перевела ихъ на Москву-рѣку.—¹⁰⁾ Въ году свадьбы Каиновой: по народному обычаю, послѣ свадьбы молодые съ особою пышностью выѣзжаютъ на гулянье ближайшей Масляницы, „себя показывать.“

Между прочимъ, у того царя,
украдены были деньги:
съ коими пойманъ былъ суконщикъ,
которой мною для онаго
нанять былъ.

По приводѣ его къ царю,
осужденъ онъ былъ за ту кражу
къ наказанію.

Чего для, собрано было
до двухъ сотъ человѣкъ:
и поставлены были въ строй;
каждому дано было по метлѣ.
Раздѣвъ того суконщика,
надѣли на него деревенскую шапку,
на шею галстухъ,
на руки большія рукавицы,
къ спинѣ привязали маленькаго медвѣдя.

Пустили тѣмъ строемъ
съ конца до конца той горы;
притомъ били въ барабанъ.
За Маіора ¹¹⁾ правилъ суконщикъ Волкъ:
который ѣздилъ на лошади,
и тѣхъ, стоящихъ въ строю,
принуждалъ.

Реченой суконщикъ ходилъ
въ задъ и въ передъ шесть разъ:
избить весь былъ до крови;
за что взялъ съ меня
одинъ рубль денегъ
да шубу новую.

Этою Канновой игрою, которая исполнена была предъ ворами всей Москвы и съ тѣхъ
воръ сдѣлалась очень знакома содержаніемъ, объясняется выше поминутое явленіе: какъ въ

¹¹⁾ Какимъ образомъ *Моролътъ* превратился здѣсь въ *Маіора*, сравните
этого привычный въ народѣ пріемъ, -созданіе маіоровъ изъ эническихъ

кдвіи тѣхъ же Московскихъ скопороковъ и ихъ преемниковъ, въ „Петруши“, въ этой Итальянской передѣлкѣ того же Саломоновскаго зноса и Купальскихъ игръ, но Московскою редакціею роль Морольта и „чернаго раба“ малъ Араба занялъ уже, ради дѣла своего, *Цыганъ*, обманывающій лошадей, грабущій и наказуемый; какъ выступилъ врачъ-астрологъ „въ подѣ Камениаго Моста“, то есть известнѣйшій намъ Камчатка и его сообщники; а наконецъ, какъ вѣсто Арлекина, иѣнающаго разные виды и въ свою очередь, сѣившаго собою пра-древнаго Саломона, явился у насъ, въ видѣхъ пляски и лигованья, самъ Капитъ съ *Аедотьей Степановной*.

*

Всѣ такія игры Каина, не только веселія, но и опасныя, рано или поздно, и вѣроятнѣе что скоро, должны были серьезно разыграть судьбу его. Занявши мѣсто между государствомъ и народомъ, онъ очевидно разсчитывалъ обмануть ту и другую сторону, по очереди ихъ сталкивая и ловя рыбу въ мутной водѣ; это до времени удавалось: но гибельный толчекъ вышелъ изъ середины, откуда Каинъ не чаялъ, и тогда обѣ стороны на него обрушились. При Императрицѣ Аннѣ, какъ извѣстно, впервые слишкомъ явно обнаружилась и привлекла вниманіе государства давнишняя скопческая секта: знаменитое дѣло сборницъ Ивановскаго монастыря вывело на сцену, между прочимъ, Акулину Ивановну ¹⁾, родоначальницу подобныхъ послѣдующихъ явленій по женской линіи. Смѣтливый умъ Каина тотчасъ догадался, что для ловкости его здѣсь новое, обшпрѣйшее и самое обѣщающее поле дѣйствія: не зная еще хорошенько дѣла, онъ ускорилъ уже подозрѣнія, захваты самыя наглые, выручки самыя щедрыя, не предчувствуя, что это самое прикосновеніе къ дѣламъ раскольниковъ, а тѣмъ болѣе скопическимъ, всего скорѣе могло и должно было его погубить. Первые рѣшительные приемы его въ семь родъ относятся къ 1744—48 годамъ: онъ самъ и историки его объясняютъ это случайнымъ открытіемъ, тогда какъ случая вовсе не было и была лишь постепенность ²⁾. „Взялъ я, говоритъ онъ, лежащую на улицѣ пьяную женщину, которая, при взятыи мною подѣ ка-

и историческихъ лицъ, выше при Долгорукихъ-Шереметевыхъ, при Петрѣ, при Романѣ и князѣ Михайлѣ, и т. п. въ прежнихъ выпускахъ, а равно ниже.

¹⁾ Занимающую первое мѣсто въ скопической догматикѣ при Андрѣ Селивановѣ и въ его „Страдахъ.“—²⁾ Ср. ниже. Инструкція Сената, обезпечившая Каину захваты, дана въ концѣ 1744 г.; въ слѣдъ за симъ, по дѣлу Ивановскаго монастыря, указъ 1745 о смыскѣ жечучителей и особая въ Москвѣ „Раскольниковская Коммиссія;“ Комаровъ относитъ „случайность“ вайденой Федосьи къ 1745 году: точно, Коммиссія тутъ же, по поводу захватовъ Каина, вызвала его изъ Смыскаго Приказа къ допросу, но, ради подкупа, бумага отпращена въ Приказъ о Каинѣ лишь въ Ноябрь 1748 года, и въ семь же послѣднемъ году, по документамъ (у г. Есипова), награнули съ командой въ домъ Каина.

рауль, сказала за собою важное дѣло. А какъ пришла въ трезвое состояніе, то сказала о себѣ, что она „кучеческая жена,“ зовуть ее *Федосья Яковлева* ³⁾ и знаетъ нѣсколько раскольниковъ, которые собираются въ богомерзкое сборище. О чемъ написала своеручную записку и запечатавъ отдала мнѣ ⁴⁾. Которую я взявъ отъ нее, въ тотъ же день къ совѣтнику Казариннову принесъ. И какъ оную записку ему подалъ, то (и) онъ распечатавъ усмотрѣлъ, что въ ней было написано, приказалъ взять меня подъ караулъ: токмо я взять себя не далъ, отъ чего мои ⁵⁾ пошевелились въ его покояхъ такъ, что и въ окнахъ стеколъ мало осталось. На послѣдокъ сталъ онъ говорить со мной помирнѣе и спрашивалъ: Кто ту записку писалъ? Кому я сказалъ, что я писать не умѣю ⁶⁾, а кто писалъ, тотъ въ домъ у меня остался. И болѣе оной совѣтникъ не медля, взявъ меня съ собою, поѣхалъ къ генералу Левашеву, и поговори съ нимъ, послали меня домой. Дѣло оказалось такой чрезмѣрной важности, что въ ту же ночь полковникъ Ушаковъ, составъ Тайной Канцеляріи, офицеры, команда во 120 человекъ, явились къ Канну. „А у меня—на одной недѣли четверга четыре, а деревенской мѣсяцъ—съ недѣлей десять (см. выше).—Отъ чего пришедъ въ ужасъ, принужденъ я былъ свою команду потревожить, которой при мнѣ было 45 человекъ солдатъ и при нихъ сержантъ, да чернаго народа, хорошаго сукна, 30 7).“ Однако Каннъ, будто бы, остался дома, ворота отперъ, только секретарь Приказа, взявъ Федосью въ особую каморку, „подуль ей на ухо.“ Ее посадили въ берлинъ, поѣхали прямо на Покровку, взяли тамъ купца Григорья Сапожникова ⁸⁾, отослали его въ Стукаловъ монастырь (см. выше), „гдѣ, поговори съ нимъ противъ шерсти, въ ту же ночь, по показанію той бабы, домахъ въ 20-ти поставлены были караулы. А на другой день взяли въ Таганкѣ купца Якова Фролова ⁹⁾ и сына его малолѣтнаго: котораго я взялъ къ себѣ въ домъ ¹⁰⁾, а прочіихъ отправили въ тотъ же монастырь. И я спрашивалъ онаго, Фролова сына, „гдѣ живеть

¹⁾ Она же *Телова* и *Савельева*, см. ниже.—²⁾ Такова эта наивная „случайность.“—³⁾ Команда и шайка Камнова.—⁴⁾ Довольно этого собственнаго свидѣтельства въ подтвержденіе вышепомянутыхъ толковъ о грамотности Канна.—⁵⁾ Это же, по всему видно, событіе рассказано у г. Есимова подъ 1748 годомъ, по документамъ донесенія посланныхъ: „Застали Канна дома, прочли ему указъ и повели было... но, какъ отошли отъ двора Канна сажень съ пять, то онъ, Каннъ, вырвался, сброся съ себя сюртукъ и шляпу, и ушелъ, и бѣжавъ кричалъ незнаемо какимъ людямъ: *Дай дубль!* По этому зву набѣжало неизвѣстныхъ людей человекъ съ 20-ть, въ *сырize кафтаназ...*“ и посланныхъ „били смертнымъ боемъ, двумъ солдатамъ дубиннами пробили головы, Канна отбили и съ нимъ исчезли.“—⁶⁾ Передоваго дѣятеля скопечества.—⁷⁾ Это тотъ самый „сыннокъ Якушка,“ который, извѣстно по „Страдамъ,“ поддерживалъ Андрея во время наказанія.—⁸⁾ Безъ всякаго права на допросъ, за что и стала преслѣдовать Канна Раскольническая Коммиссія.

Андрюшка и съ тѣмъ онъ говорить,“ ибо онъ сказывался *каинъ*.“ Въ этомъ-то Андрюшкѣ и состояло все дѣло: то былъ знаменитый „Лжехристъ Андрюшка,“ *Андрей Селивановъ*, тогда еще только „нѣмой и босой,“ а въ слѣдъ за тѣмъ родоначальникъ нововоскресшаго въ Россіи скопчества, по линіи мужской, еще же дальше, по догматикѣ, государь „Петръ Федоровичъ,“ по исторіи одинъ изъ первыхъ самозванцевъ съ именемъ Петра III-го. „Которой (Фроловъ) объявилъ, что, де, онъ съ тѣми говорить, кто тому сборищу согласенъ ¹¹⁾; а жителство, де, онъ имѣеть за Сухаревой башней въ одномъ домѣ. Почему, для взятія онаго Андрюшки, въ показанной домѣ ѣздили: токмо его (Андрея) не получили; ибо онъ дни за два до онаго уѣхалъ въ С. Петербургъ.“ Все это обстоятельныѣ разъясняется по другимъ документамъ, не столько официальнымъ, сколько по „Страдамъ“ Андрея и сохранившимся свѣдѣніямъ въ Москвѣ ¹²⁾. „Исторія“ Каина, отъ лица его, слѣдуетъ покончить съ симъ дѣломъ: „Для чего, съ прописаніемъ всего ихъ обстоятельства, посланъ былъ изъ Москвы нарочный, которымъ тотъ Андрюшка привезенъ въ „немшону баню ¹³⁾;“ а сколько вѣсу въ немъ оказалось, того знать мнѣ было не можно.“ Жизнеописатель Каина, Комаровъ, полагалъ, что знаетъ больше этого, и разсказалъ: какъ учреждена „нарочная комиссія ¹⁴⁾“ и обличено еретиковъ, обоюга пола, 416 человекъ; какъ Андрей и сообщники съчены на Царицынскомъ лугу кнутомъ и сосланы на каторгу въ Рогервикъ; прочіе наказаны иначе; купеческая жена Федосья Яковлева въ продолженіе дѣйствій комиссіи умерла; и, только по добросовѣстности своей, Комаровъ замѣчаетъ, — „да не сыскано еще

¹¹⁾ Кто причисленъ къ тому согласію, сектѣ. — ¹²⁾ Андрей Селивановъ ходившій тогда босымъ и вродивымъ, а ночью собиравшій сборища „людей Божіихъ,“ жилъ за Сухаревой башней у Николи въ Драчахъ, куда на поклоненіе ходятъ скопцы доселѣ: жилъ въ домѣ у той самой Федосьи Левевой (отчество ея переименовано въ „Страдахъ,“ какъ мѣняли тогда имена всѣ скрывавшіеся), которая послѣ выдала его, въ подпольѣ. Объ этомъ повѣствуется въ „Страдахъ:“ „И жилъ я въ городѣ въ Тулѣ, и въ домѣ у жены мірской (т. е. не хамстовки) у Федосьи Левевны грѣшницы (она заливала и загуливала, отчего и соблазнилась показать на Андрея, подущенная конечно Каиномъ). У ней въ подпольѣ тамъ и жилъ: она меня приняла, а свои не приняли. И они же и привели къ ней въ домъ (послѣ показаній Сапожникова и Фролова), и доказали команду солдатъ.“ Что это происходило не въ Тулѣ, видно изъ того уже, что за симъ, говорить Андрей, „меня привели въ Тулу,“ въ оковы: это было уже послѣ того, какъ его взяли въ Петербургъ. Изъ Тулы водили его въ Тамбовъ, гдѣ онъ былъ наказанъ, а оттуда пошелъ въ Сибирь, на дорогѣ принялъ „большое осконзелье“ и въ слѣдъ за тѣмъ съ торжествомъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ жилъ долгое время. — ¹³⁾ Такъ въ народѣ, и особенно на языкѣ Каина, называлась висѣлица („палаты не вершоны и не мшоны“), иногда дыба и изба для вытокъ. — ¹⁴⁾ Раскольничья, ср. выше.

той ереси учителей и согласниковъ *ста шестидесяти сами человека.* На самомъ дѣлѣ, большая часть ихъ, и главные лица, продолжали жить и дѣйствовать, въ Тулѣ, Тамбовѣ, Сибири, Петербургѣ...

Такъ народный эпосъ, овладѣвшій лицомъ и жизнію Кайна, овладѣвалъ и всѣмъ соприкасавшимся. Такъ въ исторической дѣйствительности съ достойнымъ Кайномъ соединились еще два достойнѣйшихъ „исчадія“, послѣдующее самозванство во имя Петра III-го и исторія Андрея Селиванова съ нисходящими. Въ дѣлѣ же творчества, съ жизнеописаніемъ Кайна (отъ лица его) соединилось параллельное и совершенно сходное по приемамъ произведеніе — жизнеописаніе или описаніе подвиговъ и страданій, иначе „Страды“ Андрея: произведеніе одновременное съ „жизнеописаніемъ“ Кайна, также въ основѣ народное, то отъ лица самого Андрея, то въ 3-мъ лицѣ объ немъ, съ тою же игрою словъ, остротами и пословицами, со вставкою стиховъ и само переходящее въ Стихъ, хотя также и обдѣланное послѣ по книжному. Только въ немъ болѣе характера „духовнаго“, въ противоположность Кайнову „свѣтскому или мірскому“, болѣе близости не къ „Пѣснямъ“, а къ „Стихамъ“, и потому это составляетъ предметъ другаго нашего изданія—Стиховъ, подъ именемъ „Калѣкъ Перехожихъ“¹⁵⁾. — Существуетъ однако же еще нѣчто въ родѣ искусственной дѣсни, сложенной тогда же какимъ-то книжникомъ, хотя не народной, но помѣщавшейся въ числѣ „Кайновыхъ“, весьма распространенной въ тогдашнемъ обществѣ и проникавшей даже на сцену театра при изображеніи картежной игры. Она тѣсно соединяетъ обоихъ богатырей:

6.

Ванька Кайнъ и Лжехристъ Андрюшка.

Бѣсъ проклятый дѣло намъ затѣялъ:

Мысль картѣжну въ сердца наши всѣялъ.

Ту¹⁶⁾ распространяйте, руки простирайте,

Съ радостнымъ плескомъ кричите «рестъ¹⁷⁾!»

5. Дверь въ трактирахъ Бахусъ отворяетъ,

Полны чаши пуншемъ наливаетъ:

Тѣмъ дается радость, льется въ уста сладость;

¹⁵⁾ А потому, кто хочетъ хорошенько уразумѣть народный творческій колоритъ въ жизнеописаніи Кайна, тотъ обязанъ непременно сравнить одновременныя Страды Селиванова.—¹⁶⁾ Мысль.—¹⁷⁾ Терминъ игорный. — Каждый четвертый стихъ повторяется дважды.

Дайте намъ карты, здѣсь олухи есты
 Стенька Разинъ, Свнцой и Гаврюшка,

10. Ванька Каинъ и Лжехристъ Андрюшка:

Хоть дѣла ихъ славны и коль ни удачны ¹⁸⁾,
 Прахъ противъ нашихъ картѣжныхъ дѣлъ,

И т. д.

(Появилось прежде въ пѣсенникѣ Новиковскомъ 1781 г. и при жизнеописаніяхъ Каинна, въ числѣ его „любимыхъ пѣсеней.“ Любопытно, что это безобразіе пѣлось на голось франк-масонской пѣсни „Образъ Діевъ, стѣны Вавилонскіи“).

*

Отношеніе къ расколыникамъ, и особенно къ скопцамъ, богатымъ средствами мщенія, всего болѣе повредило Каинну и довело его до гибели ¹⁾: здѣсь затронулъ онъ уже не воровъ и мошенниковъ по прежнему, не „простои“ народъ, а „гражданъ“, приличныхъ по всей видимости. Оставшіеся въ живыхъ и на свободѣ, а таковы были главные, не могли простить ему: сперва Расколыническая Коммиссія, за ней Приказъ и Канцелярія, наконецъ и Полиція, то есть мѣстные представители государственной власти, постепенно перешли къ недоверію, ожесточенію, преслѣдованію. Какъ всегда и вездѣ, присоединились и обстоятельства, и мелкіе поводы: изъ обстоятельствъ всего болѣе напугали страшные Московскіе пожары, — поджоги бывшихъ друзей или теперешнихъ враговъ Каинна; чѣмъ болѣе ревновалъ Каинъ въ поискахъ, тѣмъ болѣе раздувалъ пламя. На поддержку, ни въ массахъ испорченныхъ, ни въ цѣломъ народѣ, „доноситель“ не могъ уже разчитывать: онъ являлся „Каинномъ“, „окаяннымъ“, какъ привыкъ производить и объяснять народъ самое имя „Каинна („каявъ, о-каинъ“);“ поимка Камчатки окончателью подорвала кредитъ съ этой стороны. Прибавился и поводъ: точно ли былъ Каинъ страстенъ до женщинъ, какъ говорятъ иные, не знаемъ данныхъ вѣрныхъ; только, извѣстно, слишкомъ неразборчивъ въ средствахъ достиженія цѣлей и одинъ разъ прямо „грѣхъ его попутать.“ Вотъ что говорится о томъ въ „жизнеописаніи“, уже не отъ лица Каинна, а въ 3-мъ лицѣ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ и до Комарова: „Видя, что все благополучно съ рукъ его сходить, ни мало не престаивалъ (Каинъ) чинить всякія наглости. И въ одинъ день отъѣхалъ онъ увезти *жесу полицейскаго подьячаго Николая Вудаева*, которой въ томъ безчестіи подалъ на него въ полицію челобитную.“ Отсюда уже передѣланы краткія

¹⁸⁾ Комаровъ, сомнѣваясь въ этой удачѣ, поправилъ безъ смысла: „и коль ни срамны.“

¹⁾ Удивительно, что такіе изслѣдователи, какъ г. Еспновъ, доселѣ не обратили особаго вниманія именно на этотъ вопросъ и не признали его главнымъ въ судьбѣ Каинна.

строки отъ лица Каина: „Полиціеімейстерской канцеляріи подъячій *Никола Будаевъ просиль на меня въ увозъ жемъ его*, почему я призванъ былъ въ полицію.“ Документальныя бумаги передають иначе подлинное дѣло ²⁾. За Никитскими воротами былъ домъ отставного солдата *Федора Тарасова*, у него была красивая дочка: на вечерникахъ у *Федоси Савельевой* Каинъ видалъ ее. Явилась посредницей давнишняя знакомка Каина (см. выше) *Авдотья Степановна*: 17 января 1749 г. дѣвушка пропала; жена Каина, *Арина Ивановна*, проболталась искавшимъ; открылись слѣды похищенія и увоза въ село Павилене ³⁾; отецъ подалъ бумагу въ полицію. Такъ, къ послѣднему рѣшенію судьбы Каина, сошлись всѣ главныя женщины, терпѣливо дѣлавшія судьбу съ нимъ прежде. Чтобы понять существенныя нити интриги, довольно намекнуть, что: а) *Авдотья Степановна*, *Арина Ивановна* и новоувезенная были естественныя соперницы, которыми легко было воспользоваться ко вреду Каина; б) *Федосья Савельева*, она же *Яковлева* и *Ивлева*, давнишняя знакомка наша и *Каинова*, нѣкогда орудіе сего послѣдняго въ доносѣ, а теперь послѣдовательное орудіе спасагося *Андрюшки* и его мстительныхъ сообщниковъ ⁴⁾; в) отецъ — если не самъ тотъ *Тарасовъ* (по обычной перемѣнѣ имени), по крайности братъ того *Алексыя Тарасова*, у котораго въ дому была скопечская „обитель“ и который, въ слѣдъ за настоящимъ происшествіемъ, явился къ *Андрюшкѣ* въ Сибирь чтобъ освободить его, вмѣстѣ съ поминаемой въ „Страдахъ“ „дочкою *Аннушкой*.“ Это было мщеніе одному, спасеніе для другаго. Какъ бы ни случилось, пѣсня передаетъ это по своему въ особой картинѣ:

7.

Каинъ увозить дѣвушку.

Какъ у насъ ли въ каменной Москвѣ,
 Во Кремль во крѣпкомъ городѣ,
 Что на Красной славной площади,
 Учинилася диковинка:
 5. Полюбилась красна дѣвица
 Удаломъ-добру молодцу,
 Что Ивану ли Осиповичу,

²⁾ У г. Есипова. — ³⁾ Павшино, Моск. уѣзда? — ⁴⁾ Если она точно была теперь солдаткою, какъ названа въ официальныхъ бумагахъ, то могла выйти за солдата и вообще вела подобную компанію, любя выпить и служа орудіемъ доноса или низкихъ продѣлокъ. Андрей старается ее выгородить изъ вины перваго доноса, замѣчая только, что она „грѣшница (см. выше).“

- По прозванью Ванькѣ Канну.
Онъ сзывалъ ли добрыхъ молодцевъ,
10. Молодцовъ—всѣ голь кабацкую.
Во единъ кругъ думу думати:
Какъ бы взять имъ красну дѣвицу?
Какъ придумали ту думушку,
Пригадали думу крѣпкую:
15. Наряжали Ваньку Канна
Въ парчевѣй кафтанъ съ нашивками,
Въ черну шляпу съ позументами,
Нарекали его бариномъ.
Подходили съ нимъ къ колясочкѣ:
20. Въ ней дѣвица укрывалася
(Что въ рядахъ ужь нагулялася ⁵⁾),
Отца—мать тутъ сидя дожидалася.
Молодецъ ей поклоняется,
Дьячьимъ сыномъ ⁶⁾ называется:
25. «Ты душа ли красна дѣвица
(Говорить ей доброй молодецъ) ⁷⁾!
«Твоя матушка и батюшка.
«Оъ моимъ батюшкомъ родимымъ ⁸⁾.
«Къ намъ пѣшкѣмъ они пожалуютъ:
30. «Мнѣ велѣли проводить тебя
«Къ моей матушкѣ во горницу.
«Она дома дожидается ⁹⁾.»
Красна дѣвица въ обманъ далась:
Повезли ее на Мытной дворъ,
35. На квартиру къ Ванькѣ Канну.
Тамъ дѣвица обезславилась
(Но ужь поздно, хоть успокаилась) ¹⁰⁾.

(Прежде всего напечатана въ пѣсенникѣ Пошговскомъ).

*

⁵⁾ Нагулявшись прежде того въ рядахъ Гостиного двора: вставочное разъясненіе.—⁶⁾ Не отсюда ли сказаніе, что увезена „жена подьячаго?“—
⁷⁾ Опять вставка, ненужная для пѣсни.—⁸⁾ Можетъ быть: „родимые,“ родимые?—⁹⁾ Слишкомъ подробно и обстоятельно: книжная подправка въ объясненіе, согласно съ ходившими разсказами.—¹⁰⁾ Болѣе вбздая, правоучи-

Въ другое время никто не обратилъ бы и вниманія на такое дѣло; особенно въ области Канновской: но теперь государство было уже наугаю, народъ уже ненавидѣлъ Кайна, интрига раздувала бѣду, а полицеймейстеромъ явился строгій Татищевъ. Онъ цовель дѣло круто: арестъ, крѣпкій караулъ, шлетъ, допросъ, слѣдствіе, донесеніе самой Елизаветѣ Петровнѣ, жившей тогда въ Москвѣ, и за собственноручной подписью указъ императрицы о „ворѣ Кайнѣ“, отъ 25 Іюня 1749 года. Подобно, какъ объ Андреюшкѣ, наряжена надъ Кайномъ особая Коммиссія, засѣдавшая на томъ же Мытномъ дворѣ. Слѣдствіе и допросы тянулись: что ни предпринималъ въ это время Кайнъ, какъ ни работалъ и ни кутилъ въ отчаяніи съ прочими сотоварищами колодниками, ничто не помогло. Въ Сыскномъ Приказѣ приговорено „колесавать отрубить голову;“ Юстицъ-Коллегія представила Сенату, по опредѣленію Сената, Февраля 27-го 1756 года, Кайнъ (съ товарищемъ Шинкаркою) наказанъ кнутомъ и, съ прочими обычными дополненіями, сосланъ „въ тяжкую работу“, куда готовилъ Андрея, въ Рогервикъ. Повѣсть отъ лица Кайна, будто бы написанная здѣсь имъ самимъ въ 1764 году, до конечнаго удаленія въ Сибирь, заключаетъ достойными словами, по привычному способу Кайна:

Отправленъ я въ Рогервикъ,
или Балтійскій портъ,
то есть, на холодныя воды,
отъ Москвы за семь верстъ съ походомъ ¹¹⁾.

*

Во всемъ этомъ особенно важна нашь не исторія политическая или общественная, положительная и нашему дѣлу вышняя: а исторія самого пѣснотворчества народнаго, подлиннаго или порченнаго, дѣйствительнаго или видоизмѣненнаго и передѣланнаго. Передъ нами самый процессъ сего творчества, какъ возникаетъ и идетъ оно въ словѣ, въ устахъ и слухѣ, въ пѣснѣ, въ разказѣ, въ сказаніи; какъ истекаетъ отъ самого, главнаго, лица и героя, или отъ другихъ и ему приписывается, или въ 3-мъ лицѣ обѣ немъ; какъ потомъ записывается, далѣе уже присочиняется или цѣлкою сочиняется, дѣлается книжнымъ и печатнымъ произведеніемъ. Всѣ фазы этого процесса, такъ какъ по времени онъ не далекъ отъ насъ, особенно наглядны и осязательны: повѣряютъ себя взаимно, случаются съ дѣйствитель-

тельная прибавка книжника.—Событіе передано здѣсь отчасти сходно съ тѣмъ, чѣмъ начиналась Кайнова свадьба (см. выше): да и въ дѣйствительности было то же насиліе, отецъ солдатъ, наконецъ на квартирѣ Кайна. Только здѣсь въ пѣсни дѣвушка видимо представлена зажиточною, какъ и подобало дочери домовладыльца, содержавшаго при томъ „обитель.“—11) Съ лѣшечкомъ: проищески.

ностью и положительною; другого рода исторіей. Вотъ почему всякой и мы тѣмъ больше должны остановиться непременно съ подробностію на семь разностороннемъ явленіи: имъ уясняется многое для вѣковъ отдаленныхъ и менѣе доступныхъ, для эпическихъ созданій, для былинъ, для уразумѣнія ихъ отношеній къ дѣйствительности и остальной исторіи, для объясненія переходовъ отъ историчности къ эпосу или на оборотъ, отъ именныхъ пѣсеней къ безымяннымъ, отъ устныхъ произведеній къ письменнымъ и обратно. Не говоря уже о самихъ прикосновенныхъ пѣсняхъ въ тѣсномъ смыслѣ или чисто-письменныхъ сочиненіяхъ, трактующихъ дѣла Каина: въ самомъ его *Жизнеописаніи*, отъ лица его, или, какъ названо оно, *Жизнь и похождения*, удалите только эти — *гда, почему, который, когда*; и т. п., или этотъ искусственный, вышній для основы, синтаксическій фразировки и вы получите основу почти совершенно народную и устную, такую, какая могла только зародиться и существовать въ половинѣ XVIII вѣка, сама просить въ стихи и легко въ нихъ переходить. Прибавьте къ ней отбѣлки книжной рѣчи, — и передъ вами писанная повѣсть; уснастите ее поминутыми частіцами, иѣстоименіями и великою пересылкою, — чувствуете, что записывалъ и отдѣлывалъ подьячій; судейскій; взгляните въ послѣдовательность и порядокъ повѣсти, — очевидна рука дикшика, писателя болѣе или менѣе омычаго по тому времени, собиравшаго, выбиравшаго и расположившаго ¹⁾. Итакъ здѣсь: а) народная устная основа; б) составленная повѣсть; в) повѣсть отъ лица Каина; г) стороннее, рефлектирующее лицо писца, сочинителя, историка и издателя. Слово, рассказъ, сочиненіе, тетрадка рукописная, печатъ, книга, изданіе. Всякой, изучающей наше дѣло, должно обратитъ

1) Отслоня редакцію Комарова, при внимательномъ изученіи замѣчаемъ, что матеріалъ, ему доставшійся, видимо слагался изъ слѣдующихъ частей, ходившихъ вѣроятно разными тетрадками и доселѣ нѣсколько различающихся языкомъ: *часть I* отъ бѣгства изъ господскаго дома до возвращенія въ Москву послѣ странствія (часть особенно живая; по 1-му изданію полной „Жизни и похощенія“ 1788 года, стран. 1—50); *часть II*, дѣйствія сыщика, успѣхи и поимки, въ 2-хъ отдѣлахъ, а) 5 случаевъ, б) 16 случаевъ (часть самая сухая, стран. 50—61); *часть III*, прочія, болѣе важныя, поимки и новыя продѣлки, числомъ 18 (нѣсколько живѣе, между ними главное объ Андрѣ: стран. 69—92); при этомъ особо, согласно съ пѣсней, о ловлѣ безпашпортныхъ на судахъ (стр. 93); *часть IV*, свадьба Каинова, угощеніе отъ молодыхъ купечеству и Саломонова игра на Каиновой горѣ для всего народа (оживленный рассказъ и несомнѣнно особенная тетрадка или рукопись, стран. 61—68); *часть V*, похищеніе женщины, арестъ, судъ, казнь, ссылка (стр. 93—96) Мы нисколько не удивимся, если со временемъ отыщется все это выветъ въ изложеніи другомъ, полнѣйшемъ, и даже стихами или по крайности сказочнымъ народнымъ складомъ, безъ книжной обдѣлки и передѣлки. — Что касается до „Исторіи“ Комарова, то онъ эти части упорядочилъ по своему, иное сократилъ, другое пополнилъ по раз-

пристальное вниманіе на всѣ эти разныя стороны. Въ самомъ печатномъ матеріалѣ необходимо различить нѣсколько послѣдовательныхъ слоевъ³).

Теперь два слова о тѣхъ составныхъ частяхъ всего этого объема или круга, въ которыхъ народное творчество болѣе или менѣе отчетливо выработало известную определенную форму, именно о *пѣсняхъ, пословицахъ, поговоркахъ* и отдѣльныхъ *выраженіяхъ Кашновскихъ*. — Тотчасъ послѣ недавнихъ пѣсней о Петрѣ Великомъ, казалось бы, что могло быть для народа заманчиваго и привлекательнаго въ такомъ образѣ или даже образицѣ, какъ Кашнѣ, что поэтическаго и чѣмъ могло быть вызвано пѣскотвор-

нимъ источникамъ, указалъ эти источники и прибавилъ: а) въ началѣ *Предупрежденіе*, б) въ концѣ *Собраніе Кашновскихъ пѣсней*. — Исслѣдованіе г. Есинова и наше прибавляетъ еще довольно данныхъ: у него оффиціальныхъ, у насъ народныхъ.—³) Это выразилось и въ исторіи самихъ изданій Кашновскаго круга. — Сперва, какъ сказано, ходили рассказы и пѣсни, потомъ тетради и записки; изданы въ печати прежде всего: 1) „Краткая повѣсть“ о Кашнѣ, кое-какъ записанная со словъ и слуховъ, 1775 г. М.;—2) „Жизнь и похождение“ Кашна, отъ лица его, будто бы имъ писанныя 1704 г. и изданныя въ 1786 г. СПб.;—3) Это же самое во второй разъ, М. въ типографіи Новикова (хотя сего и не упомянуто), 1788 г.: но здѣсь, на концѣ, о томъ, о чемъ есть пѣсня, и какъ увезъ жену Будаева, за что наказанъ и сосланъ, рассказано уже въ 3-мъ лицѣ о Кашнѣ, отъ издателя; здѣсь же въ первый разъ прибавлено собраніе Кашновскихъ пѣсней, числомъ 50 (Григорій Книжникъ ошибся, приписавши эти признаки въ первый разъ изданію М. 1792 года); но по всему замѣтно, что это изданіе сдѣлано Комаровымъ;—4) на основаніи 1-й и 2-й редакцій, рассказовъ, слуховъ и разныхъ списковъ, болѣе подробная, уже литературно издощенная, „Исторія“ Кашна, съ „предупрежденіемъ“, а въ концѣ съ исторіею Картуша, С.П.Б. 1779, М. 1788, въ типогр. Компаніи или Новиковской, съ пѣснями въ числѣ 47-ми. Вѣнчикъ сего— *Матей Комаровъ*, „житель города Москвы“, издатель старинныхъ свадебъ, Китайскихъ писемъ и особенно знаменитой повѣсти о Милордѣ Георгѣ. Таковы четыре главныя и существенныя редакціи.—За тѣмъ слѣдуютъ перепечатки: на примѣръ 1-я редакція въ СПб. 1815 и 1830; 2-я Григорьевъ Книжникомъ СПб. 1859 (см. ниже); 3-я въ М. 1792; 4-я перепечатана въ СПб. 1793 г., съ 54-мя пѣснями: изданіе это названо въ печати *четвертымъ*, и таково оно дѣйствительно въ изданіяхъ *Комаровскихъ*, именно 1-е 1779 и 1788 (у насъ редакція 4-я), 2-е также 1788 (у насъ ред. 3-я), 3-е 1792 г. (перепечатка 3-й редакціи) и 4-е 1793 года (перепечатка редакціи 4-й или иначе 1-го изданія); кромѣ того по каталогу Чертковской Библіотеки известна еще перепечатка 4-й редакціи въ 1794 г. М., съ 64-мя пѣснями.—Послѣ сего начались *передѣлки и сокращенія*, напр. въ М. 1858 г. — При перепечаткѣ Григорія Книжника 1859 прибавлены уже *библиографическія указанія объ изданіяхъ* (хотя не совсѣмъ вѣрныя). — Наконецъ *учили изслѣдованія* о Кашнѣ, каково главное помнятуе г. Есинова 1869 г.

чество? И однакоже объ немъ сложены были; современно и вскорѣ, народныя пѣсни, изъ которыхъ нѣкоторыя, выше приведенныя, документально сохранились до насъ въ печати. Это объясняется, какъ мы говорили, а) отрицательнымъ направленіемъ, которое также можетъ служить источникомъ и содержаніемъ поэзіи въ смыслѣ „величины отрицательной;“ б) степенью или градусомъ какъ въ продѣлкахъ самого Кайна, такъ и въ обстоятельствахъ его эпохи, ужасъ и безобразіе которыхъ достигали до извѣстнаго рода артистичности и грандіозности; в) народнымъ несомнѣнно, хотя и глубоко обезображеннымъ, *характеромъ* всего этого; и, г) главное, яркимъ присутствіемъ *въ самой натурѣ Кайна* элементовъ поэтическихъ, питающихъ пѣснотворчество, хотя бы прикѣпленныхъ къ дурному и крайне злоупотребленнымъ. Кромѣ вѣрности народному быту и воззрѣнію въ нѣкоторыхъ лучшихъ чертахъ его, кромѣ непосредственнаго участія въ народныхъ обычаяхъ, обрядахъ и играхъ, Кайнъ въ самомъ словѣ, какъ мы видѣли образцы, въ самомъ творествѣ слова былъ краснобаемъ: сыпалъ пословицами и поговорками, творилъ свои прозвища и термины, отличался всюду его сопровождавшими и ему лишь одному свойственными выраженіями ²⁾. Отсю-

²⁾ Къ приведеннымъ выше прибавимъ еще:

Ежели онъ станетъ много говорить,
то заставимъ его рыбу ловить (утопимъ).—
Онъ былъ въ то время сыръ (пьянъ).—
Ударимъ его гостинцомъ (кистемъ).—
Въ мѣшокъ ее сиратать (утопить).—
Вздули виногъ (огонь), хотѣли его сушить (сжечь).—

Когда „управитель“ Петровскаго монастыря поймалъ одного молодца въ напрасную рекрутчину, Кайнъ, чтобы избавить сего послѣдняго, пріѣхалъ и, увидавъ бочку съ дегтемъ, окатилъ дегтемъ „управителя“, приговаривая:

„Я и другихъ въ такіе жь старцы постригалъ,
кто также съ нами нечестно поступалъ!
Простакъ твой архимандритъ:
давно надлежало тебѣ старцемъ быть.“—

Похищая для своего знакомаго одну монашенку изъ Вознесенскаго монастыря, Кайнъ явился въ келью игуменни:

„Госпожа игуменья, что ты долго спишь?
А у тебя въ головахъ холстъ,
только не очень толстъ (ты нѣжишься на подушкахъ).“

Посадилъ похищенную въ сани и крикнулъ:

„Полетѣлъ коршунъ за море!“—

„Я въ понахъ не былъ,
только обыкновеніе ихъ знаю:
что имъ дадутъ,
то они берутъ!“—И т. п.

да уже не далеко бѣдо до творчества живыхъ рассказовъ и, какъ говорится у народа, „сказаній“ или „сказокъ:“ и точно, какъ мы знаемъ, оцѣ лились потокомъ изъ словоохотливыхъ устъ Кайна; самая „жизнь“, отъ лица его переданная, въ основѣ своей изложена какъ извѣстнаго творческаго рода „житіе“ и совпадаетъ по простотѣ, наивности, образности, народнымъ оборотамъ, не только съ житіемъ Андрея или „Страдами“, но и ор многими старшими произведениями сего рода. Наконецъ, по документальнымъ свѣдѣніямъ, Кайна всюду окружали *лѣси*, даже въ послѣднемъ его заключеніи передъ казнію, а печатная жизнь его обставлена собраніемъ „*Кайновыхъ пѣсенъ*.“ Но отваживался ли онъ самъ до этого заключительнаго шага въ народномъ творествѣ, до созданія пѣсни? Положительно не знаемъ *ни одного* образца такой, созданной самимъ Кайномъ, пѣсни: онъ и не могъ этого достигнуть. Не говоря уже о такихъ лицахъ, какъ наши многія героини или хотъ Шереметьевъ, отъ которыхъ остались намъ „собственныя“ ихъ пѣсни, даже Стенька Разинъ имѣлъ больше къ тому возможности и въ кругѣ его пѣсней можно еще отличить основы его собственного творчества (см. вып. 7-й и дополненія 8-го). Нужна была извѣстная непосредственность природы, минута ровнаго и спокойнаго настроенія, нѣкоторая доля чистоты душевной хотъ въ безотчетныхъ стремленіяхъ: всего этого, и подобнаго, не доставало Кайну. Но это же значить, чтобъ онъ не любилъ пѣсни и самъ не пѣлъ ея: самыхъ нечистыхъ устъ не гнушается она и изъ нихъ выходитъ, вопреки всему, чистую. И точно, хотя послѣ инне плохіе знатоки считали „Кайновы пѣсни“ его собственнымъ созданіемъ: но самое первое изданіе ихъ, 1788 года, называетъ ихъ только пѣснями его „любимыми“, а совокупность ихъ „собраніемъ“, дѣломъ печатавшихъ собирателей, которые успѣли записать изъ разныхъ устъ ⁴⁾. Самый бѣглый взглядъ на обстоятельства этого дѣла, столь намъ важнаго, убѣждаетъ въ томъ же: а) собраніе это явилось не вдругъ, спустя слишкомъ 30 лѣтъ по отбытіи Кайна изъ Москвы, и не съ первымъ изданіемъ его „повѣсти“ или „жизни;“ б) Новиковъ успѣлъ отпечатать въ своемъ пѣсенникѣ лишь одну пѣсню о *Кайнѣ*, въ 3-мъ лицѣ со стороны (см. выше о похищеніи дѣвочки), да позднѣйшее книжное объ немъ стихотвореніе; в) въ разныхъ, послѣдовавшихъ изданіяхъ, то прибавлялось *числѣ* пѣсеней, то сокращалось, и, помѣщенные въ одномъ, не появлялись въ другомъ, такъ что издатели видимо соображались, имѣла ли извѣстная пѣсня какое либо *отношеніе* къ Кайну и потому можно ли было ее, по преданію, отнести къ эпохѣ и употребленію Кайна, или же нѣтъ ⁵⁾. А главное, г) наши теперешнія свѣдѣнія

⁴⁾ „Исторія... В. Кайна, со всеми его обстоятельствами, разными любимыми пѣснями.“ „Собраніе разныхъ Кайновыхъ пѣсенъ.“ Такъ говоритъ изданіе 1788 г.—⁵⁾ Какъ сказано, *первое* изданіе, при которомъ явились *Кайновы пѣсни*, было 1788 (см. выше у насъ, *редакція* 3-я): онъ помѣщенъ въ концѣ книги (заглавіе см. въ примѣчаніи 4-мъ; шрифтъ Московскій, Типографическій или Новиковскій). Числомъ 50: подъ 1-мъ № „Не шуми, мати;“

и опытность даютъ намъ легкую возможность распознать фамилій составъ этихъ „собранныхъ“ пѣней, отличая по признакамъ происхожденіе ихъ и употребленіе. Такъ, вышеприведенныя пѣсни, народныя, сложены о *Камнѣ со стороны*, самимъ народомъ, безъ посредства и участія героя, порою не согласно съ его собственнымъ воззрѣніемъ и съ дѣйствительною исторіей, порою же съ оцѣнкою его дѣйствій и обличіемъ. Искусственное произведеніе, соединившее его съ Андрышкой, возникло на почвѣ литературной и употреблялось внѣ или выше народа. За тѣмъ, изъ круга пѣсней „Камновыхъ“, нѣкоторыя гораздо старше его, совсѣмъ другаго историческаго происхожденія и болѣе широкаго употребленія. Такъ въ 1-мъ изданіи подъ № 10-мъ „Еще что же вы, братцы, призадумались,“ подъ № 24-мъ „Что по-

подъ 3-мъ „Ахъ тошнымъ мнѣ, доброму молодцу, тошнехонько (см. у насъ выше);“ подъ 4-мъ „Бѣсъ проклятой (см. выше);“ подъ 30-мъ „Во Архангельскомъ во градъ (см. выше);“ прочія пѣсни и размѣщеніе ихъ достаточно нами указаны въ текстѣ. То же въ перепечаткѣ 1792 года.—За тѣмъ *второе* изданіе, *относительно пѣсенъ*, есть „Исторія Комарова 1788 г. (оно само печатано въ Типографіи Комп. Типографической: въ заглавіи „со всѣми его (Камна) смысками, розысками, сумазбродною свадьбою и разными *забытыми* его пѣснями;“ помѣщены онѣ въ концѣ исторіи Камновой и предъ Картушемъ, т. е. въ середкѣ книги. Числомъ 47: подъ № 1-мъ „Ахъ тошнымъ-то;“ подъ 2-мъ „Бѣсъ проклятой;“ подъ 9-мъ „Во Архангельскомъ во градъ;“ подъ 34-мъ „Не шуми, мати.“ Здѣсь сокращено число прежнее и прибавлено нѣсколько новыхъ, которыя нами поименованы въ текстѣ.—*Третье* изданіе *относительно пѣсенъ* есть перепечатка предыдущаго, въ СПБ. 1793, Комарова же: заглавіе то же, но исторіи Картуша нѣтъ, и потому пѣсни приходятся въ концѣ книжки и заключены *рвостромъ* ихъ. Числомъ 54: то есть сдѣланъ выборъ изъ изданія 1-го и 2-го, да прибавлена въ концѣ подъ № 54-мъ „Ахъ таланъ ли мой таланъ (см. въ текстѣ).“ Подъ № 1-мъ „Ахъ тошнымъ-то;“ подъ 2-мъ „Бѣсъ проклятой;“ подъ 9-мъ „Во Архангельскомъ;“ подъ 34-мъ „Не шуми, мати.“—Въ *четвертомъ* 1794 г. пѣсенъ уже 64: мы лично не видали, не ошибка ли вмѣсто 54-хъ?—Всего страшнѣе, что въ тѣхъ же годахъ, и даже раньше, и въ той же Типографической печати, къ Новикову въ сборникъ не вошли нѣкоторыя изъ сихъ пѣсенъ, помѣщена Камновская о похищеніи дѣвушки, а Комаровъ у себя пропустилъ ее.—Григорій Книжника, перепечатавши изданіе 1764 г., при которомъ еще не было пѣсенъ, не помѣстилъ ихъ у себя: а такъ какъ онѣ крайне важны для исторіи Камна и нашего пѣснотворчества, то покойный С. А. Соболевскій, библіографъ и любитель пѣсенъ народныхъ, раздосадованный такимъ близорукимъ отношеніемъ къ дѣлу со стороны неизвѣстнаго издателя (книгопродавца?), написалъ по этому поводу: „За то, что жизнь яржника Безъ пѣсенъ онъ издалъ, Я бы Григорья Книжника Порядкомъ отодралъ. Ужь подлѣчу И-ева, Что влѣдуетъ ему—И съць его, и гвать его Въ Московскую тюрьму.“

выше было города Царицына,“ подъ № 44-мъ „Какъ изъ славнаго изъ царства Астраханскаго,“—это пѣсни Разинскія (см. вып. 7 и 8); подъ № 2-мъ „Не бушуйте вы, вѣтры буйные,“ подъ № 8-мъ „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,“ подъ № 14-мъ „Ахъ ты батюшка Ярославль городъ,“ подъ № 17-мъ „Изъ подъ лѣсу-лѣсу тѣмнаго,“ подъ № 18-мъ „Изъ за лѣсу-лѣсу тѣмнаго,“ подъ № 34-мъ „Ахъ далече-далече во чистомъ полѣ,“ подъ № 43-мъ „Собирались у насъ, братцы, всѣ на дворъ бурлацкой,“—это все пѣсни козацкія, понизовой вольницы, по-Волжскія, бурлацкія, старшаго происхожденія и другой связи образовъ; подъ № 5-мъ „Ахъ наль туманъ на синѣ море,“—занимаетъ иное мѣсто въ области народной; подъ № 16-мъ „Голова къ ты моя головушка,“ подъ № 31-мъ „Изъ Кремля-Кремля крѣпка города,“—восходятъ къ казнямъ Ивана и остановлены на казняхъ Стрѣleckихъ при Петрѣ; подъ № 7-мъ „По утру-то было раннѣ-рано,“—о Ладожскомъ каналѣ при Петрѣ, подъ № 20-мъ „Ты рыбнущка ты кудрявая,“ старшая поминальная, обращенная въ плачь по Петрѣ I-мъ; подъ № 23-мъ „Эй усы-усы проявились на Руси,“—старшая разбойничья Сѣверная и потомъ Московская стрѣleckая, помѣщенная еще въ сборникѣ Кирши Данилова; подъ № 15-мъ „Государь мой родной батюшка,“ подъ № 22-мъ „Ты дума моя думушка,“ подъ № 33-мъ „Чарочки по столу похаживаютъ,“ подъ № 41-мъ „Туманно красно солнышко, туманно,“—старшія свадебныя, а гдѣ забыты въ семь употребленіи, тамъ обычныя бесѣдныя; подъ № 9-мъ „Веселья я веселья сегодняшній день,“ подъ № 19-мъ „Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,“ подъ № 25-мъ „Чернобровой-черноглазой молодецъ хорошій (удалый),“ подъ № 26-мъ „Скучно, матушка, весной жить одной,“ подъ № 28-мъ „Молодка-молодка молодая,“ подъ № 32-мъ „Какъ былъ у добраго молодца зеленыя садикъ,“ подъ № 36-мъ „Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,“ подъ № 38-мъ „Случилось мнѣ, доброму молодцу, мимо зеленого саду ѣхать,“ подъ № 40-мъ „Ты дуброва моя дубровушка,“ подъ № 45-мъ „Раздвиньтесь-разойдитесь (Вы раздвиньтесь-разступитесь), всѣ добрые люди,“ подъ № 50-мъ (въ изд. ошибочно 34) „Вы рѣченьки-рѣченьки, холодны (холодныя) водоньки,“—слишкомъ давно извѣстныя и повсемѣстно распространенныя; подъ № 39-мъ „Слушай, радость, одно слово,“ подъ № 46-мъ „Здрастуй радость и веселье,“ подъ № 47-мъ „Какъ деревня отъ деревни не по далеку стоитъ,“ подъ № 48-мъ „Житье въ школѣ не по насъ,“—пѣсни не народныя, лакейскія, сочиненныя или письменныя и даже школьныя. Въ другомъ изданіи („Исторія“), того же 1788 года, подъ № 5-мъ „Ахъ вы горы-горы крутыя,“ подъ № 24-мъ „Ахъ ты поле мое, поле чистое,“ подъ № 4-мъ „Ахъ подъ лѣсомъ-лѣсомъ,“—наши степныя и по-Волжскія, давнѣе и широко распространенныя; подъ № 40-мъ „Передъ нашими воробьи,“—понизовая бурлацкая; подъ № 8-мъ „Во славномъ городѣ во Нижнемъ,“—мѣстная и Московская посадская; подъ № 18-мъ „Соколь ли въ чистомъ полѣ не птица,“—древнѣйшая безымянная, извѣстная части и по сборнику Кирши, о безвременномъ молодцѣ (см. прежніе выпуски и другія наши изданія); подъ № 30-мъ „Дѣвушки вино курили,“ шуточная, дѣвичьихъ вечеринокъ, гостиная—посадская, очень давняя и распростра-

невная; подъ № 41-мъ „Стругаль стружки доброй мѣлодець,“—далѣко распространенная, изувѣченная и романтически-сладко подправленная. Въ изданіи 1793 г., изъ числа прибавленныхъ противъ прежняго, подъ № 54-мъ „Ахъ таланъ ли мой таланъ таковъ,“—извѣстная намъ по прежнимъ выпускамъ, въ основѣ съ историческими чертами конца XVII и начала XVIII вѣка, но совершенно передѣланная романтиками-книжниками въ концѣ XVIII вѣка. Вотъ все рельефное: прочее—тому же подобное. Очевидно, и знатоку, и простому, лишь бы чуткому къ пѣснѣ, Русскому человѣку, что Кайнъ не только не могъ этого сложить, но половины этихъ пѣсень не имѣлъ никакой склонности самъ пѣть. Комаровъ, главный дѣятель въ семъ собраніи и въ его видоизмѣненіяхъ, съ явнымъ намѣреніемъ изъ слышаннаго вокругъ *подбиралъ наиболее примамительное къ Кайну*: такъ онъ подбиралъ всѣ разбойничьи и „ужасныя,“ тѣ, въ коихъ поминались *воры, похитители дѣвушекъ, казни*, или встрѣчались имена—*Дуляши* (первой любви Кайновой), особенно же самого *Ивана* и *Вани*. Любопытнѣе болѣе всего примѣръ одинъ: по поводу пѣсни о Кайнѣ, какъ онъ ловилъ безпаспортныхъ (см. выше), Комаровъ поставилъ далѣе и *другую*, подобную же, хотя по всѣмъ признакамъ старшую, безымянную и вовсе къ Кайну не относящуюся. И мы, кстати, также приведемъ ее:

Русскіе бродяги, безпаспортны молодцы.

1.

- Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталась:
 Зашаталась ⁶⁾ безпріютная моя головушка,
 • Безпріютная моя головка молодецкая.
 Ужь куда-то я, доброй молодець, ни кинуся,—
 5. Что по лѣсамъ по деревнямъ всё заставы,
 На заставахъ ли всё крѣпки ⁷⁾ караулы.
 Они спрашиваютъ ⁸⁾ печатнаго пашпорта,
 Что за красною печатью сургучевою ⁹⁾:
 У меня, у добра ¹⁰⁾ мѣлодца, своеручной,
 10. Что на тоненькой на бѣлой на бумажкѣ.
 Что куда-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
 Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру мѣлодцу, нѣтъ счастья.

⁶⁾ Въ разныхъ изданіяхъ то *сл*, то *сь*.—⁷⁾ Въ 1-мъ изд. „крѣпкіе.“—⁸⁾ Должно дополнить: „что“ или „все.“—⁹⁾ За тѣмъ въ 1-мъ изданіи ошибочно повторено: „У меня ль у доброва мѣлодца сургучевою.“—¹⁰⁾ Въ 1-мъ изд. „у доброва.“

- Я съ дороженьки, доброй молодець, ворочуся,
 Государыни своей матушки спрошуся:
 15. «Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
 «Подъ которой ты меня звѣздой ¹¹⁾ породила,
 «Ты какимъ меня ¹²⁾ счастьемъ надѣлила?»

(Въ 1-мъ изданіи „Канновыхъ пѣсенъ“ и въ послѣдующихъ; въ пѣсенникѣ Новиковскомъ и послѣдѣйшихъ; въ устахъ народа доселѣ, см. послѣ).

✱

Съ другой стороны, Комаровъ не дослушалъ вокругъ и пропустилъ пѣсни такія, которыя дѣйствительно пѣлись о Каниѣ и изъ которыхъ, на примѣръ, Новиковъ успѣлъ по свѣжимъ слѣдамъ добыть въ свой сборникъ пѣсню о похищеніи дѣвушки; не попала къ Комарову и пѣсня о Камчаткѣ (см. выше). Тѣмъ не менѣе, сколько ни примѣнялъ онъ *самъ*, было примѣненіе и дѣйствительное, и Московское, и общенародное; не съ просту же и не по капризной фантазіи набралъ онъ пять десятковъ, въ томъ числѣ такихъ, которыя по видимости своей вовсе къ Каниу не относились, а обозвалъ ихъ прямо „Канновыми,“ тогда какъ память вокругъ была еще свѣжа и всякой могъ уличить его въ напраслины. Нѣтъ сомнѣнія, что ему подсказывалъ всеобщій вокругъ говоръ, что рассказы и слухи удостовѣряли употребленіе пѣсенъ сего рода вокругъ Каниа. Было тутъ и дѣйствительное примѣненіе, вѣроятно извѣстное самому Каниу и имъ практикованное: такъ пѣсня „Во Архангельскомъ во градѣ (см. выше),“ по происхожденію мѣстная Сѣверная, примѣнена къ первой связи Каниа и его страсти, а по общему преданію прямо относилась къ „Авдотѣ Степановнѣ.“ Еще естественнѣе примѣнялись къ Каниу и кружку его всѣ пѣсни разбойничьи, воровскія, козацкія, понизовыя и тому подобныя: ихъ конечно принесъ съ собою Каниѣ изъ тѣхъ краевъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ, и съ увлеченіями, мыкалъ свои первыя молодыя силы; товарищи поддерживали хоръ; гульбы, праздники, игры по домамъ, дворамъ и публичныя, гдѣ повсюду первенствовалъ Каниѣ, слагали такъ сказать особый „репертуаръ,“ вокругъ него кружившійся. Замѣтимъ еще: если не на три четверти, то по крайности на половину, всѣ эти „Канновы“ пѣсни *очень хороши*, — и по выбору, и по образцу склада, и по сохранности подлинника; при томъ по происхожденію совсѣмъ не мѣстныя Московскія, по употребленію выдававшіяся изъ безобразія, проникшаго тогда въ городъ, въ прочихъ же печатныхъ изданіяхъ, только что начавшихся, и даже отчасти у самого Новикова, не встрѣчавшіяся въ семь именно видѣ. Сколько ни будь знакомый съ дѣломъ сейчасъ чувствуетъ, что это точно какой-то особый подборъ и кружокъ, что это

¹¹⁾ Въ разныхъ изданіяхъ то ю, то ѥ. — ¹²⁾ По размѣру, во 2-мъ изданіи и у Новикова прибавлено послѣ этого „и.“

принеслось въ Москву съ нѣсколькихъ краевъ Россіи по вѣтру болѣе свѣ-
жему, а статья можетъ и по заразителному повѣтрію, но чьей-то твер-
дой рукою сдержано и около чего-то централизовано. Думаешь, что, по-
нимо заслуги Комарова—собиравшаго, здѣсь была нѣкоторая заслуга Ива-
на Осинова—любившаго, сберегавшаго, распространявшаго или по край-
ности допускавшаго. Отраднo убѣдиться, что не одно „слово и дѣло“ было
любимой его пѣсней: хоть на минуту когда ни будь творчество народное
освѣжало и спасало его душу. Неудача „по службѣ“ въ первомъ его Рус-
скаго возвращала вѣроятно порою къ убѣжищу болѣе пріятному: если
здѣсь онъ не воскресалъ сознаниемъ, по крайности забывался.

Во всякомъ случаѣ, изъ пѣсней этихъ была и остается одна, которая
прильнула къ Канну столь крѣпко, что доселѣ неразрывна съ его именемъ.
Это знаменитая — „Не шуми, мати, зеленая дубровушка.“ Знающему дѣло
стоятъ только взглянуть на нее или разъ прослушать, и легко убѣдиться,
что происхожденіемъ своимъ она гораздо вервобитѣе и старѣе самого
Канна. Складъ ея очень старшій; образы и слововыраженія принадлежатъ
творчеству лучшему и подлиннѣйшему, не совмѣстному съ общею порчей
въ народѣ среди XVIII вѣка; нацѣвъ не только самобытный, но и древ-
ній, не только грустный и протяжный, но вмѣстѣ строгій и величавый. Такъ
назваемая „Темничная“ по содержанію своему, она прямо примыкаетъ къ
тѣмъ образцамъ, которые начались у насъ съ Грознаго Царя подъ общимъ
заглавіемъ или отличіемъ „Правежа“ и цѣлкомъ *воскресли при Петрѣ
(см. у насъ вып. 6 и 8): но и здѣсь она только примыкаетъ къ чертамъ исто-
рическимъ, а по происхожденію въ основѣ своей еще того старше. Крамъ
сего, въ дѣйствительности, при послѣднемъ заключеніи Канна предъ каз-
нью, вокругъ него не шумѣла никакая „зеленая дубровушка“ и не могла
лѣзть думѣ; ему не предстояло идти ни передъ какого „грознаго судью
самого царя“ и царя тогда вовсе не было (и дуброва, окружавшая дре-
вяго разбойника, и Грозный Царь существовали въ своемъ мѣстѣ и въ свое
время); Каннъ не таялъ своихъ товарищей, какъ герой пѣсни, и висѣлица
ему не послѣдовала. Тѣмъ не менѣе, сама уже пѣсня, въ своей древней
основѣ, соединяетъ лиризмъ съ эпосомъ, личное творчество поющаго съ раз-
сказомъ о судьбѣ его: начинаясь ожиданіемъ казни, она кончается уже со-
вершившимся царскимъ приговоромъ, употребляя извѣстный приемъ „пред-
варенія“, *anticipando*. Таковы всѣ подобныя образцы, когда пѣсня принад-
лежитъ извѣстному эпическому или историческому лицу, составляя на время
его собственность, а послѣ переходить съ его именемъ въ употребленіе
народа (ср. примѣры у насъ выше, между прочимъ при Борисѣ Петровичѣ
и особенно при Разинѣ). Слѣдовательно, здѣсь уже само по себѣ дѣйст-
вуетъ начало „примѣненія“ личнаго: извѣстное, эпическое или историческое
лицо примѣняетъ основу старшей пѣсни къ себѣ; народъ, прибавляя раз-
сказъ, примѣняетъ его къ сему лицу и обстоятельствамъ. Мы знаемъ уже
изъ многихъ предыдущихъ примѣровъ, что въ такомъ случаѣ лицо и на-
родъ, примѣняя пѣсню, не всегда творятъ ее вновь, а только за-ново ея

пользуются; не сочиняют изъ головы, не берутъ съ воздуха или, лучше, берутъ именно съ того воздуха, по. коему носится слово и звукъ пѣсни во всемъ народѣ: берутъ прежнюю основу, старшіе образы, обороты, слововыраженія, мотивы и, изъ этихъ соковъ, даютъ новый плодъ, тѣсно связанный конечно съ естественной исторіей своего происхожденія. Каннъ, документально извѣстно, въ заключеніи своемъ *мать* (см. у г. Еспова): пѣлъ и съ товарищами, пѣлъ конечно и одинъ. Всю жизнь любя пѣсни и играя въ нихъ, не могъ не пѣть: долженъ былъ пѣть теперь, когда дѣла сводились къ развѣзкѣ, и серьезной. Не дрогнуть, не задуматься, не погоревать нельзя было: для того не нужно было присѣсть и сочинить, были пѣсни готовыя, привнесенныя издали, слышанныя вокругъ. Моментъ, можетъ стать лучший въ жизни Канна—передъ смертію вызвалъ въ памяти и душѣ его лучший образецъ творчества, лучшую и старшую пѣсню. Весь вопросъ идетъ къ тому: точно „привѣнать“ ли къ себѣ пѣсню Канна, или, какъ выражались мы прежде, чѣмъ ее „специализировать“, чтобы общее достоинствѣ народа сдѣлалось его собственнымъ и послѣ опять могло возвратиться въ народъ съ его личнымъ образомъ или именемъ? Съ этой стороны всего важнѣе начало, „Не шуми, мати, зеленая дубровушка, Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати:“ *положительно утверждаемъ, что въ исторіи нашего народнаго творчества, ни прежде Канна не встрѣчается пѣсни съ этимъ началомъ, ни послѣ не попадается другой съ тѣмъ же началомъ, ни сама она, приписанная Канну, никогда не имѣетъ начала другаго.* Этого для насъ уже довольно: но, если доселѣ былъ передъ нами рубежъ (терминъ),—къ которому мы шли (*ad quem*), то теперь столь же важенъ рубежъ, „отъ котораго“ поидемъ мы (*a quo*). Весь народъ нашъ пѣликомъ, гдѣ ни поеть и гдѣ мы его ни слышимъ, единственно эту пѣсню называетъ всегда *Канновою* и постоянно ему приписываетъ: *его мать и объ мать*; о Каннѣ поеть только съ этимъ началомъ, не знаетъ начала другаго и съ тѣмъ же началомъ не поеть ни о комъ другомъ. И навѣвъ вездѣ въ народѣ одинаковъ, хотя, на примѣръ, старшій „Правежъ“ поетъ, иначе. Нужды нѣтъ, что по основѣ пѣсня старше, что образы и выраженія ея не примѣняются прямо ко вѣшней дѣятельности Канна; нужды нѣтъ, что пѣсня выше, лучше, подлиннѣе, народнѣе всего Каннова *предлагаго*: народъ входитъ въ его положеніе передъ казнію, народъ признаетъ, что въ семъ настроеніи Каннъ былъ народнѣе, подлиннѣе, лучше, выше, даже старше самого Канна, ближе къ древнему и высшему, *творческому* типу народному. Въ эту минуту преступникъ для нашего народа становится только „несчастливымъ.“ А кто знаетъ? Можетъ стать, на эту страшную и высокую минуту, и хоть только на минуту, народу вспоминались изъ прошлаго Канна тѣ труды, которые, въ ряду преступленій, отдавалъ онъ за защитѣ крестьянъ, крѣпостныхъ и рекрутовъ? А эти труды бывали ¹³⁾. Какъ

13) Такъ онъ освободилъ сына у одного посадскаго отъ напрасной рекрутчины; взялъ одного помѣщика, раздавшаго тремъ стамъ фальшивые

бы на было, относительно пѣсни общее преданіе гласить то же: отступя отъ словъ „просто-народныхъ,“ словъ общественные всегда были и остаются того же убѣжденія. Не можемъ забыть впечатлѣній нашей ранней молодости, какъ старикъ Д. Н. С-въ, человекъ въ высокой степени почтенный, лучшихъ сферъ нашего общества, семейный, литературный, богатый, пѣвалъ намъ эту „Каннину“ пѣсню одушевленнымъ и растроганнымъ голосомъ, съ выразившимъ взоромъ.... Мы и послѣ встрѣчали то же самое чувство, и глубину взволнованной души, и безотрадную грусть, и нѣкоторую восторженность напѣва отъ многихъ другихъ: многіе вовсе не знали при этомъ „дѣйствительнаго“ Канна, какъ знаемъ его теперь по документамъ, всѣ одинаково знали и сознавали „творческаго.“ Первое изданіе „Канниныхъ пѣсней“ помѣстило эту пѣсню на мѣстѣ первомъ и подъ 1-мъ №; послѣдующія не пропускали ея; Новиковъ тотчасъ же занесъ къ себѣ; то же печатали Шноръ (1791) и прочіе, хотя нѣмѣ видимо бѣдятся называть пѣсню „собственнымъ“ ея именемъ; сколько знаемъ, въ печати, начали смѣло помѣщать и называть ее съ Александровскаго времени, „подъ шумокъ“, при чемъ пѣсенники прибавляли: „Пѣсня извѣстнаго Канна, которую пѣлъ онъ наканунѣ своего допроса, голосъ довольно извѣстной,“—на примѣръ въ отличномъ пѣсенникѣ (такъ называемомъ „Театральномъ“ по типографіи) 1818 года и въ другихъ подобныхъ; помѣстилъ у себя и Кашинъ (1833), съ напѣвомъ и, хоть голосъ былъ „довольно извѣстный,“ какимъ остается и доселѣ, по обычаю подправилъ или испортилъ (съ того времени въ „музыкальномъ“ мірѣ стали смѣшивать напѣвъ съ пѣсней другою, одинаково извѣстною и нами помянутою, „Ужъ какъ палъ туманъ“). Все это не оставляетъ больше никакого сомнѣнія, что передъ нами—

8.

**Послѣдняя пѣсня Ивана Осиповича,
по прозванію Ваньки Канна.**

1.

Не шуми, мати, зелѣная дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму ¹⁾ мѣлодцу, думу думати ²⁾!

паспорты, а другаго, который, оказалось по слѣдствію, отдалъ до трехъ сотъ человекъ крѣпостныхъ въ рекруты подложно. И т. п. См. въ его „Жизни.“

¹⁾ Хуже слышится иногда „добро.“—²⁾ Такъ, по обычаю другихъ пѣсней, образуются *отрѣзки*. Но они, какъ всегда, обличаютъ и вскрываютъ складъ основной (ибо обломъ и прибавка начинаются въ его концѣ): это старшіе и привычныя, типическіе въ былевыхъ нашихъ пѣсняхъ, стихи въ

Что завтра мнѣ, доброму молодцу, въ ³⁾ допросъ идти.
Передъ грознаго судью—самого царя.

5. Ещё ⁴⁾ станеть государь—царь меня спрашивать ⁵⁾:
— Ты скажи, скажи, дѣтнушка, крестьянской сынъ,
— Ужь какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой
держалъ ⁶⁾,
— Ещё много ли съ тобой ⁷⁾ было товарищей?—

«Я скажу тебѣ, надежа ⁸⁾, православной царь.

10. «Всю ⁹⁾ правду скажу тебѣ, всю истинну.

«Что товарищей со мною ¹⁰⁾ было четверо:

«Ещё первой мой товарищ—то ¹¹⁾ темная ночь ¹²⁾;

«А другое—тѣ мой товарищ—былъ булатной ножъ ¹³⁾;

«А какъ третіе—тѣ товарищ—то мой доброй конь ¹⁴⁾;

10 слоговъ. За тѣмъ, на второй ступени, растягивается до 13 слоговъ: таковъ господствующій типъ, норма пѣсни Кайна, какъ она вышла отъ него и предлежитъ намъ. Далѣе, на третьей ступени, въ слѣдствіе вѣщей длинноты, образуются помянутые отрѣзки (образующіе въ другихъ пѣсняхъ „припѣвъ“) наконецъ складъ начинаетъ переламываться по поламъ (какъ въ стихъ 4, 7 и др.).—Но еще старше 10-ти слоговъ были конечно 8 (отъ нихъ прибавка къ 10-ти, потомъ къ 13-ти): какъ въ ст. 5, 9 и др.—Такимъ образомъ, до *Кайна*, замѣтны по складу (а онъ конечно отвѣчалъ эпохамъ творчества пѣсни) два слоя: въ 8 и потомъ въ 10 слоговъ: типъ Канновскій въ 13, съ добавкой послѣ 8-ми и 10-ти; при немъ же и нослѣ, какъ порча, прочія явленія (ср. о разнѣрѣхъ прежніе выпуски и чтеніе наше на Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ).—³⁾ Шноръ и друг. „во.“—⁴⁾ Шноръ: „Ужь какъ.“—⁵⁾ Нѣкоторые хуже: „спрашивати,“ Шноръ „допрашивати.“—⁶⁾ Шноръ: „Ужь съ кѣмъ ты вор. и съ кѣмъ разб. держалъ.“—⁷⁾ Изд. 3-е дурно: „съ тобою.“—⁸⁾ Изд. 1-е, по обычаю книжнаго исправленія, „надежда.“—⁹⁾ Новиковъ весьма естественно: „Всее.“ Должно быть: „Всее правду я скажу тебѣ, всю истинну,“ или „Всее правду я скажу ти, всеѣ истинну.“—¹⁰⁾ У Шнора, по складу и по предыдущему; въ другихъ „у меня.“—¹¹⁾ Чтеніе „тѣмная“ вмѣсто „темная“ заставило иныхъ выпустить необходимое „то.“—¹²⁾ У Шнора дурно: „Ужь какъ первой мой товарищ была тѣмная ночь.“—¹³⁾ Такъ очень хорошо у Шнора; у другихъ: „А второй мой товарищ булатной ножъ.“—¹⁴⁾ Метко у Новикова; другіе: „А какъ третей товарищ, то мой доброй конь;“ у Шнора „Какъ третій мой товарищ былъ доброй конь;“ хорошо и въ Театральномъ: „А какъ третій-то товарищ, то мой доброй конь.“

15. «А четвертой мой товарищ—то мой тугій лукъ ¹⁵⁾;
«Что разсылщики мои—то калены стрѣлы ¹⁶⁾.»

Что возгóворить, надёжа православной царь:

— Исполать ¹⁷⁾ тебѣ, дѣтинушка, крестьянской сынъ,

— Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!

20. — Я за то тебя, дѣтинушка ¹⁸⁾, пожалую:

— Среди поля ¹⁹⁾ хоромами высокими,

— Что двумя ли столбами съ перекладиною ²⁰⁾.—

(Первое и последующія изданія „Каленыхъ стрѣлъ;“ пѣсенника Новикова, Шнора и другіе; въ устахъ народа доселѣ, въ Москвѣ у многихъ).

* * *

¹⁵⁾ Опять спутало многихъ, что забыли это старшее, извѣстное по нашимъ былинамъ, удареніе; потому другіе: „А четвертой мой товарищ—то тугой лукъ;“ „А четвертой мой товарищ былъ тугой лукъ.“—¹⁶⁾ Такъ въ первыхъ двухъ изданіяхъ и у Новикова; у иныхъ „разсылщики;“ у Шнора: „На посылочкахъ у молодца были калены стрѣлы.“—¹⁷⁾ Молодецъ ты, богатырь (сполниль, исполниль, и въ семь случаевъ безъ *тебя*, ибо *ты* въ концѣ и есть *я*); по забвеніи этой древности, осмыслено посредствомъ глагола „исполать,“ будь тебѣ исподу, помогай тебѣ Богъ, спаси-Бо; позднѣе совпало греческое „ис полла эти,“ на многія лѣта.—¹⁸⁾ Хорошо и у Шнора: „дѣтинушку.“—¹⁹⁾ У Шнора также очень хорошо „Во чистомъ полѣ.“—²⁰⁾ Такъ у Шнора, у другихъ „съ перекладиной;“ старше и лучше конечно: „Что двумя ли я столбами съ перекладиной.“

II.

ГОСУДАРЫНИ.

Вмѣстѣ съ самимъ народомъ, постепенно покидая поле прежнихъ, всѣмъ общимъ интересамъ Русской жизни, а интересы государственныя зная только въ формѣ военной и участвуя въ нихъ больше всего по участию своему къ судьбѣ лицъ, выдававшихся впередъ, то любимыхъ, то постылыхъ, Историческая пѣсня народная постепенно отождествляется съ Военною или Походною, потому и совсѣмъ обращается въ Солдатскую тѣснаго смысла. Государыни, изъ цѣлаго ряда ихъ въ XVIII вѣкѣ, изрѣдка еще именуются, но большею частію сливаются уже въ чертахъ своихъ, особенно Елизавета и Екатерина: многое отъ предшествующей переносится на послѣдующую и обратно. Историческое время, слишкомъ близкое намъ по условіямъ исторіи вѣдшей, особенно по времени и событіямъ политическимъ, таково, что не требуетъ здѣсь со стороны нашей подробныхъ объясненій и замѣтокъ къ тексту пѣсни: но историчность самой пѣсни, то есть отношеніе ея содержанія къ событіямъ, намъ извѣстнымъ и сдѣланнымъ для нея вѣдшими, ослабляется и даже терется; каковая ни будь Былина временъ Петра, а еще больше Ивана и даже, пожалуй, первыхъ временъ Московскихъ, несравненно яснѣе и опредѣлительнѣе своимъ историческимъ характеромъ, менѣе сбивается въ историческихъ чертахъ, труднѣе переливается одна въ другую, рѣзче обособляется отдѣльными образцами. Эпоху происхожденія извѣстной пѣсни, рубежъ, съ котораго зачалась она, мы и теперь можемъ наглядно опредѣлить по какому ни будь вставленному историческому имени, слишкомъ уже намъ близкому и знакомому: и однакоже тотчасъ замѣтимъ, что на Краснощокова переходитъ образъ Ермаковскій и Разинскій, а самъ Краснощоковъ готовъ обратиться въ Платова; Шереметевъ, выходя изъ народной памяти, даетъ черты свои Румицеву, а пожалуй и Потемкину, и Суворову; Азовъ сливается съ Кистриномъ, съ Берлиномъ, и пророчитъ соборъ Парижъ. Историчность всего рѣзче намъ замѣтна, и держится, и оживаетъ, и полнѣетъ здѣсь въ нѣсколькихъ лицахъ, самыхъ крупныхъ герояхъ пѣсни, на примѣръ въ Краснощоковѣ и Чернышовѣ: но не фиксируется на нихъ, не закрѣпляется при нихъ исключительно; ихъ собственныя историческія черты столь же подвижны и переливны, но столько сосредоточены

въ міръ строгой исторіи, сколько принадлежать міру эпическому, созданному въ своемъ родѣ и въ своемъ народномъ вкусѣ. Это обратное разположеніе Пѣсни Исторической, столь недавно еще сильной, — въ Эпосъ, но въ Эпосъ уже не тотъ, отъ котораго зачалась сама исторія, и безъ возврата древней, строгой и отчетливой Былины, такой на примѣръ, какая шла отъ Владиміра: посредникомъ лицо и личность, со всеѣмъ своимъ личнымъ характеромъ, а дошедши до сего предѣла „личныхъ“ отношеній и образовъ, пѣсня всего скорѣе, всего легче разлагается на Безымянную и Молодецкую. Потому, при всей видимой опредѣленности нѣсколькихъ историческихъ именъ, при всей кажущейся легкости распознавать по нимъ рядъ пѣсней, дѣло историческое напротивъ затрудняется и путается: имя, и самый образъ съ личнымъ именемъ, тотчасъ готовы ускользнуть изъ вашего взора и слуха, изъ пѣсни въ вашемъ же виду, и вы, только что освоившись съ ними, какъ разъ очутитесь передъ простымъ, почему либо интереснѣйшимъ для народа „Молодцемъ“ или „Козакомъ.“ Правда, здѣсь помогаетъ часто пѣсня Солдатская, рядомъ или изъ той же чисто-народной возникающая, ибо тутъ больше виѣшней опредѣленности, больше номенклатуры, выправки и форменныхъ отличекъ: но за то и больше искусственности, поддѣлки, книжности, а въ этомъ случаѣ, въ замѣнъ пріобрѣтенія, ускользаетъ самое главное для насъ — народность. Это не значить впрочемъ, чтобы „сама“ пѣсня утрачивала исторію „собственную“, чтобы менѣе было исторіи въ „самой“ пѣсни, чтобы пѣсня предъ опытнымъ взглядомъ и для чуткаго уха не отражала ясныхъ слѣдовъ своего „собственного“ историческаго процесса: нѣтъ, мы видимъ здѣсь съ достаточной ясностью, какъ изъ старины или по крайности изъ прошлаго занимаютъ — одушевляющія силы, творческіе приемы, образы, обороты, слова, звуки, размѣры; занимаютъ и — по своему претворяются или пополняются, сокращаются или видоизмѣняются, вокругъ извѣстнаго народу имени, событія или образа; на семъ пути пѣсня обособляется, становится извѣстнымъ, спеціальнымъ звѣномъ въ ряду другихъ, такъ что по своей „внутренней“ исторіи, одна примыкаетъ къ тому, другая къ этому имени или герою; одной изъ нихъ, а не другой, принадлежитъ исключительно — какое ни будь начало или окончаніе образа, даже хоть одно слово. Приходится не по прежнему отягчать пѣсни, не тѣмъ, что эта пѣсня о Грозномъ, эта объ Разинѣ, эта о Великомъ: напротивъ передъ нами пѣсни — „Таланъ ли мой таланъ“, „Звѣзда восхожда“, „Сказать ли вамъ диковинку“, „Мы со вечеру торговали“, и тому подобны, и по снмъ-то признакамъ, — обратно, относимъ одну къ Чернышову, другую къ Краснощоккову, третью къ Румянцеву. Или еще примѣръ: когда укажутъ намъ пѣсню съ именемъ Потемкина, Суворова и т. п., этотъ по видимому неколебимый историческій признакъ ни сколько не убѣдитъ насъ, что пѣсня создана дѣйствительно о сихъ герояхъ и даже въ XVIII вѣкѣ; напротивъ, назовите одинъ изъ помянутыхъ признаковъ внутреннихъ, хотя бы онъ казался очень виѣшнимъ, — началомъ, концемъ, словомъ, — и мы непремѣнно отдадимъ пѣсню историческое происхож-

дене известной минуты, отвѣчающей извѣстному историческому событію въ XVIII вѣкѣ; скажите намъ „Пишетъ-пишетъ государинъ письмо,“—и мы отвѣтимъ утвердительно, что это пѣсня о Шведской войнѣ при Елизаветѣ, хотя бы вмѣсто Шведскаго короля писалъ тутъ Прусскій и даже султанъ Турецкій. Короче, отъ исторіи народа, создавшей Эпосъ или старшую Быльну, отъ исторіи вѣшней и политической, отразившейся въ пѣсняхъ Историческихъ, мы возвращаемся именно во внутреннюю исторію „самого пѣснотворчества,“ во внутреннюю область пѣсни и въ соотношенія различныхъ ея родовъ или видовъ, часто уже вовсе не Эпическихъ и не Историческихъ. Къ сожалѣнію, эта „последняя“ по ходу нашихъ изданій исторія (она же по существу и первая), эта исторія самого пѣснотворчества, въ XVIII вѣкѣ,—послѣ рѣзкаго рубежа Петровскаго,—представляетъ уже эпоху не столько созданія и новаго творчества, сколько разложенія, мельчанія, дробленія, ослабленія или одного только условнаго „возрожденія“ старинны; собственное „произведеніе“ и его творческая „производительность“—почти ничтожны. Просимъ только не забывать, что слова наши относятся лишь къ дѣлу Эпоса и Пѣсни Исторической: „прочіе“ роды пѣснотворчества имѣютъ свои условія, другую судьбу, иную постановку,—продолжаются, воссоздаются, творятся вновь или разлагаются иначе, по своему особому пути, о которомъ пока рано и не кстати здѣсь давать объясненія.

Осадили Азовъ-городъ —

Генералъ Левашовъ жъ Фельдмаршалъ.

1.

Не сонъ меня клонитъ, не дремота долѣтъ ¹⁾:

Сыпѣтъ-валѣтъ кручина добра молодца,

Стоючи на караулѣ государевомъ,

Смотрючи, братцы, на Азовъ-городъ,

5. Что на тѣ ли на роскаты на широкіе,

Что на тѣ ли на стѣны на Турецкія.

Какъ со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,

Чтобы ружья были чисты и кремни востры,

Палаши отпущены, штыки прижнуты,

10. Чтобы перевязи-португези были навохрены ²⁾,

Манишки-рубашки и щиблеты были бѣлыя:

¹⁾ Одолѣваетъ.—²⁾ Вохренъ, красков на бѣлилахъ.

- Что завтра намъ, солдатамъ, на пристѣпъ итти,
 Съ генераломъ Левашовымъ и Фельдмаршаломъ ³⁾,
 Со любимыми полками—со пѣхотою,
 15. Съ бѣлокаменной стѣною—съ гранодерами,
 Со большими лбами—со Калмыками,
 Съ широкими бородами—со козаками.

(Ср. пѣсенника Чулковскій и Новиковскій, а выше у насъ другія пѣсни о прежнихъ осадахъ Азова).

Здѣсь-то начинаются подвиги Краснощочкова и потому въ пѣсняхъ (см. ниже) судьба его связуется между прочимъ съ фельдмаршаломъ „Лессеномъ.“

* *

Война Шведская

(Елизавета).

1.

(Шенкурскъ).

- Еще пишетъ король Шведской
 Государынѣ самой ¹⁾:
 «Я прошу тебя, государыня,
 «Не прогнѣваться,—
 5. «Ужь я буду, государыня,
 «Въ гости къ тебѣ!
 «Ты построй мнѣ полатушки
 «Бѣлокаменные;
 «Ты поставь—ко мнѣ столики
 10. «Бѣлодубовые;
 «Разстели—ка ты мнѣ скатерти
 «Шито—браныя;
 «Составь—ко мнѣ кушанья—
 «Яствы сахарныя,
 15. «Напитки пьяные.»

Тутъ-то наша государыня
 Призадумалась,

³⁾ Минихомъ и потомъ Ласси (Леса).

¹⁾ Расколовшійся стихъ отдѣляетъ меньшую половину въ припѣвъ.

Призадумалась государыня,
Расплакалась.

20. Какъ спроговоритъ нашей матушкѣ
Всѣ чинъ голой енаралъ ²⁾:

«Не тужи—ко ты, наша матушка,

«Не тужи, не печалуйся!

«Ужь мы встрѣтимъ короля—Шведа

25. «Середѣ губы ³⁾,

«Среди губы мы его встрѣтимъ—

«Да противъ Ревеля:

«Ужь мы построимъ ему полѣтушки—

«Черны карабли;

30. «Ужь мы стѣлочки ему испоставимъ—

«Да пушки мѣдныя;

«Ужь мы скатерти испостѣлемъ—

«Да тонки парусы;

«Ужь мы кушанья исполѣдимъ—

35. «Ядра пѣшечны.

«Ужь ты кушай, король Шведской,

«Да не прогнѣвайся:

«Ужь вамъ эвти сухари (у насъ были)

«Въ Тулѣ крошены,

40. «Въ Ярославлѣ сушены,

«Къ Москвѣ вывезены!»

(Записано г. Борисовымъ).

*

2.

(Орловской губ.) ⁴⁾.

Пишетъ—пишетъ Король Шведскій государынѣ письмо:
«Россійская государыня, замирися ты со мной!

²⁾ Осмысливши искаженное и забытое имя, народъ разумѣть здѣсь собирательнаго генерала (генералитетъ), весь чинъ какъ есть, на голѣ. Но мы почти не сомнѣваемся, что это перестановка и порча подлиннаго имени *Голомилъ* (голо-винъ, чинъ-голой). Самая рѣчь показываетъ адмирала: имя же это помнилось естественно въ Архангельской области.—³⁾ Заливъ.

⁴⁾ Пѣсня „тягольная.“

- «Не замиришься, не прогнѣвайся на меня;
 «Ты отдай, отдай, государыня, свои славы городѣ:
 5. «Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня;
 «Отдай Тулу, отдай Леверь ⁵⁾, отдай славной Коронтанъ ⁶⁾:
 «Не отдашь, не отдашь, государыня, не прогнѣвайся на меня;
 «Я самъ пойду, король Шведскій, въ каменнѹ славу Мо-
 скву:
 10. «Распишу ли я фатерушки по всей каменной Москвѣ,
 «Генералушкамъ фатерушки по господскимъ по домамъ,
 «Сенаторушкамъ фатерушки по купецкимъ по домамъ,
 «Конницѣ съ пѣхотою по мѣщанскимъ слободамъ;
 «Славнымъ своимъ барабанщикамъ во городѣ во Кремлѣ;
 15. «А я самъ стану, король Шведскій, у государыни въ дворцѣ!»

Россійская государыня испужалася сама,
 Опущала она бѣлы рученьки въ земчужные пояса.
 «Ужъ ты матушка, Россійская государыня, не убойся ни-
 чего:

20. «Я сустрѣль—сустрѣль злодѣя среди твоей земли,
 «Я прогналь—прогналь непріятеля за границу за твою!»

(Записано П. В. Кирѣевскимъ).

*

3.

(Орѣб. губ.).

- Изъ подъ славнаго было города изъ подъ Стекольнаго ⁷⁾,
 Еще пишетъ король Шведскій къ государынѣ въ Москву:
 «Ты Россійская государыня, помирилась бы со мной,
 «Замирилась бы со мной, со Шведскимъ королемъ!
 5. «Ты отдай—отдай, государыня, три города мои,
 «Первый Леверъ, другой Легаръ ⁸⁾, третій славный Корон-
 штатъ.

⁵⁾ Ревель.—⁶⁾ Кронштатъ.—⁷⁾ Стокгольма: см. вып. 8-й.—⁸⁾ Ригу.

«Ты не сдѣлаешься ⁹⁾, государыня, по честности, — не гнѣвайся на меня,

10. «Не гнѣвайся на меня, на Шведскаго короля:

«Ужь я силушкой скоплюсь, всю Россіюшку пройду,

«Я въ Питерѣ переднюю, въ Москву ночевать вступлю,

«Въ Москву ночевать вступлю, фатерушки распишу,

«Ужь я конницу разставляю по мѣщанскимъ по домамъ,

15. «А пѣхотушку разставляю по купеческимъ домамъ,

«Ужь я ундеровъ—офицеровъ по господскимъ домамъ ¹⁰⁾,

«А я самъ стану, король Шведскій, середь каменной Москвы,

«Средь каменной Москвы, въ Кремль—городу,

«Во Кремль—городу, въ государевомъ дворцѣ,

20. «Въ государевомъ дворцѣ, въ Шереметьевомъ дому ¹¹⁾»

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

4.

(Сибирск. губ.).

Пишетъ—пишетъ король Свейскій

Къ государынѣ письмо:

«Чтобъ Росейская царица

«Замирлась бы со мной!

5. «А не хочеть, де, мириться,

«Отдай мой города:

«Отдай Ригу, отдай Ливеръ,

«Отдай славный Кранштанъ!

«Моимъ милымъ барабанщикамъ

10. «Квартиры распиши:

«Рядовымъ моимъ солдатамъ

«По купеческимъ домамъ;

«Моимъ штаберъ—офицерамъ

«Въ каменной Москвѣ;

⁹⁾ Не раздѣлаешься, не покончишь дѣла, не уладишься.—¹⁰⁾ Должно быть: «Ужь я ундеръ—офицеровъ по господскимъ по домамъ.»—¹¹⁾ Типъ лучшаго дома и двора по народнымъ воззрѣніямъ съ XVIII вѣка.

15. «А мнѣ, королю Свейскому,
«Въ Кремль—городъ стоять!»

*

Отсюда, сообразно порядку послѣдовавшихъ событій, къ которымъ приближался пѣсня начинаются вставки: короля Прусскаго (вмѣсто Шведскаго) и окончательно прославленнаго въ Прусскую войну Краснощочкова; Румянцева, Потемкина и Восточныхъ; Суворова.

Б.

(Оттуда же).

- Пишетъ—пишетъ король Прусскій ¹⁾ государынѣ самой:
«Охъ ты гой еси, Россійска государыня сама!
«Ты раздѣляйся, государыня, по честности со мной:
«Не раздѣлаешься, государыня, по честности со мной,—
Б. «Ужь я съ силушкой сберуся — сквозь земелюшку пройду;
«Во Питерѣ пообѣдаю, въ Москву ужинать приѣду,
«Подъ Москвой—то я ночую, по утрамъ рано въ нее вступлю.
«По утрамъ рано вступлю, всѣмъ фатеры распишу:
«Ужь я конницу-драгунъ по мѣщанскимъ домамъ,
10. «Генералушекъ котѣрыхъ ²⁾ по господскимъ домамъ,
«Ужь сама—тѣ, король Прусскій, середь каменной Москвы,
«Средь каменной Москвы, въ государевомъ дворцѣ;
«Я во Божьихъ—то во церквахъ коней выкормлю,
«Я во мѣстныхъ—то иконахъ ³⁾ мосты вымошу,
15. «Я во мѣдныхъ—то крестахъ сдѣлаю себѣ поставъ ⁴⁾»
Ходила наша государыня на Красный на крыльцо,
Говорила государыня такія словеса:
Есть ли у меня крупны люди кругъ меня?
Гдѣ нѣ взялся такой генералушка большой,
20. Генералушка большой, Краснощочковъ господинъ:
««Ты не бойся, наша матушка, Прусскова Короля,
««Не бывать ему, собакѣ, во Питерѣ—городѣ,
««Во Питерѣ не бывать, Москву въ глаза не видать,

¹⁾ Вм. Шведскій.—²⁾ Иныхъ, нѣкоторыхъ.—³⁾ Вмѣсто надежа творительнаго.—⁴⁾ Сдѣлаю себѣ изъ нихъ столъ, шкафъ съ посудой.

«Изъ Козлова ⁵⁾ городочку не выхаживати!

25. «Ужь мы сдѣлаемъ ⁶⁾, государыня, про Прусскаго обѣдъ:

«Ужь мы столики поставимъ во зеленыхъ лужахъ,

«Ужь мы скатѣрти разстелемъ по шелковой травѣ ⁷⁾,

«Ужь мы ложечки приставимъ къ каменной къ стѣнѣ ⁸⁾,

«Ужь мы яства принесемъ—штыки-ружья поберемъ,

30. «Штыки-ружья поберемъ, ему голову снесемъ.»

(Запис. А. М. Языковымъ).

*

6.

(Чердынъ).

Пишетъ—пишетъ король Шведскій

Государынѣ въ Москву ¹⁾:

«Милосердна государыня,

«Замиреньица прощу!

5. «Замиреньица пожалуй,

«Отдай судержавны ²⁾ города:

«Отдай Ригу, отдай Ревель,

«Отдай рукодѣль ³⁾ мою;

«Еще отдай Курляй, Вихляй ⁴⁾

10. «Со Выборгомъ назадъ!

«Не отдашь ты эти города,—

«Не прогнѣвайсь на меня,

«На Шведскаго короля:

«Ужь я самъ—то, король Шведскій,

15. «На твою землю вступлю,

²⁾ Вліяніе мѣстности, гдѣ записано.—⁶⁾ Сдѣлаемъ.—⁷⁾ Замѣтите отличіе образовъ въ устахъ сухопутнаго генерала (козака) отъ ослѣвнаго образца адмиральскаго.—⁸⁾ Испорчено и образъ не всенъ.

¹⁾ Отдѣлившійся прежде коротенькой припѣвъ (см. выше) обратился теперь въ цѣлый стихъ или, иначе, стихъ длинный разломился уже на двѣ равномѣрныхъ короткихъ: въ болѣе позднемъ образцѣ и складѣ болѣе поздній.—³⁾ Въ одной державѣ и области.—⁴⁾ Созданные мною.—⁴⁾ Курляндію и Ливондію.

- «Всю Россіюшку пройду.
 «Во Москву—городъ войду.—
 «Фатерушки распишу,
 «Солдатушекъ постановлю:
 20. «Я виндѣровъ—гренадѣровъ ⁵⁾
 «По купецкимъ по домашъ;
 «Своего вѣрнаго виндѣра
 «Катеринѣ ⁶⁾ на подѣздъ;
 «Ужь я самъ—то, король Шведскій,
 25. «Къ Катеринѣ въ домъ вступлю!»

- Милосердна государыня
 Испужалася весьма:
 Рѣзвы ноженьки королевскія
 Подгибались на ходу,
 30. Рѣзвы рученьки королевскія
 Опускались на маху.
 Передъ ней стоитъ одинъ молодецъ
 Графъ Румянцовъ генераль,
 Милосердную государыню
 35. Разговариваль на словахъ:
 «Милосердна государыня,
 «Не пужайся—ка весьма!
 «У насъ столько силы есть,
 «Что въ чистомъ полѣ травы;
 40. «У насъ столько генераловъ,
 «Что на травонькѣ цвѣтовъ.
 «Мы всю силушку сберемъ,
 «Во походъ ее пошлемъ;
 «Ужь мы хлѣбовъ напечемъ
 45. «Въ каменной маткѣ—Москвѣ,
 «На пушѣчномъ на дворѣ;
 «Горяченька похлѣбочка
 «У солдатушекъ въ ружьѣ;
 «Ужь мы встрѣтимъ этого гостя

⁵⁾ Вм. „унтеръ-офицеровъ.“—⁶⁾ Уже Екатерина вмѣсто Елисаветы.

50. «Среди моря ⁷⁾ на пути:
 «Ужь мы становь этого гостя—
 «Становь потчивати!»»

(Записано г. Каргоуловымъ).

*

7.

(Ореш. губ.).

- Пишетъ—пишетъ король Шведскій къ государынѣ самой
 «Ты Россійская государыня, помиримся мы съ тобой!
 «Не миришься ты со мной, отдай Шведски города;
 «Не отдашь ты городочки, не гнѣвайся на меня:
 5. «Во твою землю взойду, изъ конца въ конецъ пройду;
 «Я во Питерѣ ночую, почевать въ Москву приду ¹⁾,
 «Почевать въ Москву приду, всѣ фатеры распишу:
 «Часовымъ—рядовымъ по купеческимъ домамъ,
 «Генераламъ—офицерамъ по господскимъ домамъ,
 10. «А и самъ я, король Шведскій, къ государынѣ въ дворецъ!»

- Государыня испугалася Шведскаго короля.
 Возговоритъ Потемкинъ: «Не пугайтесь вы его!
 «Мы столики разставимъ и скатерти разберёмъ,
 «Тарелочки раскладёмъ и кушанье припасёмъ,
 15. «Мѣлки пушечки зарядимъ, короля въ полонъ возьмёмъ!»»

(Доставлено В. И. Далекомъ).

*

8.

(Губ. Тульской, у. Чернского).

- Пишетъ—пишетъ король Шведскій къ государынѣ письмо:
 «Ты Россійская государыня, замѣримся мы съ тобой

⁷⁾ Остатокъ отъ первоначальнаго образца пѣсни (см. выше).

¹⁾ Порча: почевка дважды (ср. образцы выше).

- «Мы замѣрится, государыня, отдай прежни города,
«Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славной мой Кронштатъ!»
5. «Не замѣришься ты, государыня, я самъ къ тебѣ подойду!»

Государыня испугалася, призадумалася.

Какъ входитъ къ государынѣ графъ Потемкинъ генералъ:

«Вы не бойтесь, государыня, не пугайтесь ничего!

«Всѣ любезные наши козаченьки во походъ съ нами пойдутъ,
дуть,

10. «Вся любезна артилерія домовы пушки возьмутъ,
«Мы силу его порубимъ и самого въ полонъ возьмемъ,
«А лучшаго его генерала повѣсимъ на Московскихъ ворахъ!»»

*

9.

(Рязанск. губ.).

Пишетъ—пишетъ король Шведскій свое грозное письмо,

Свое грозное письмо къ государынѣ нашей въ Синодъ ¹⁾:

«Ты Россійская государыня, замирился мы съ тобой!

«Замиреньеце положимъ на трёхъ славныхъ городахъ:

5. «Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный городъ Кронштатъ;
штатъ;

«Не отдашь ты мнѣ этихъ городочковъ, я не честию возьму,

«Я не честию возьму, батальицу сочиню,

«Батальицу сочиню, Петербургъ съ Москвой возьму:

«Я въ Питерѣ переднюю, въ Москву приду ночевать.

10. «Распиши—ка ты мнѣ квартирушки по всей каменной Москвѣ:

«Моимъ славнымъ бригадирамъ по господскимъ домамъ,

«Моимъ славнымъ всѣмъ солдатушкамъ по всей каменной Москвѣ,
Москвѣ,

«Вотъ и мнѣ ли, королю Шведскому, въ государевомъ дворцѣ!»»

Испугалася, оробѣла государыня наша.

15. Закричала же государыня громкимъ голосомъ своимъ:

¹⁾ Вм. „Сенать.“

—Охъ вы гой еси, мои слуги. слуги вѣрныя мои!

—Вы подите—приведите Суворова графа ко мнѣ!—

Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ государынѣ самой:

«Ужь ты гой еси, государыня, не страшися ничего!

20. «У насъ есть чѣмъ принять, есть чѣмъ потчивать его:

«У насъ есть ли пироги, они въ Тулѣ печены,

«Они въ Тулѣ печены, въ Москвѣ макомъ чинены;

«У насъ есть ли сухари, они въ Тулѣ крошены,

«Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ вѣсушены;

25. «Еще есть ли у насъ похлёбочка—у солдата на бедрѣ,

«У солдата на бедрѣ, да что на лѣвой сторонѣ!»»

*

И. П. Сахаровъ, перепечатывая откуда-то (онъ самъ не записывалъ) слызъ эту пѣсню съ другою, совершенно разною, въ одну; 1-я половина, о пожарѣ въ Москвѣ, приведена въ нашемъ 7-мъ вып. 127 стр., а 2-я половина:

10.

Письмо ¹⁾ пишетъ король Шведской

Къ государынѣ самой:

«Милосердная ты государыня,

«Помиримся мы съ тобой!

5. «Если хочешь ты со мной помириться,

«Отдай славы мои города:

«Первый ²⁾ Ригу, второй Ревель, третій Кронштатъ.

«Если не отдашь ты мои городочки,

«Я къ тебѣ въ гости приду,

10. «Какъ я въ Питерѣ пообѣдаю,

«Въ Москву ужинать приду.»

(„Сказка.“ 1841, стр. 246).

*

„Пишетъ-пишетъ“ не только послѣ Шведскаго Прусскій, но даже и „Султанъ Турецкій:“ однако, по признакамъ слишкомъ уже позднимъ, мы не рѣшаемся печатать эти образцы, хотя они и одинаковаго происхожденія, по крайности раньше XIX вѣка.

* *

¹⁾ Это уже поправка вмѣсто „пишетъ.“—²⁾ Такъ не можетъ выражаться народъ въ пѣснѣ.

Хотя въ настоящемъ случаѣ, по пѣснямъ, война Шведская легко переходитъ въ Прусскую (какъ было отчасти на самомъ дѣлѣ) и еще легче съ нею смѣшивается, но болѣе рѣзкимъ и нагляднымъ переходомъ къ Пруссіи служатъ слѣдующія двѣ Донскія пѣсни, выставляющія впереди всѣхъ своего любимаго героя Краснощочкова и проникающія съ нимъ отъ Шведской границы черезъ Прусскую до Саксоніи. Вообще, если объ этомъ времени у насъ сохранилось пѣсеней нѣсколько больше и если онѣ лучше въ народномъ смыслѣ, то это на половину благодаря участію Донцовъ въ тогдашнихъ событіяхъ.

Донцы на границѣ Шведской, оттуда до Саксоніи.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Въ полѣ шляхъ-дороженька ¹⁾ пролегала,
 Не широкая, въ длину конца-края не было ²⁾:
 Какъ на этой на дороженькѣ собирались всѣ други,
 Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе ³⁾.
 5. Собирались они, братцы, во единый кругъ.
 Избирали они себѣ атаманушковъ.

Не золотая трубушка вострубила,
 Не серебряная жалобно заговорила,—
 Какъ возгворить надежа ⁴⁾ православный царь:
 10. «Кого пошлемъ на Шведскую границу,
 «Кого пошлемъ взять Шведскую заставу?
 «Чернышова послать—не дослатся;

¹⁾ То же, что наша „путь—дороженька;“ употребительнѣе Малоруссами, а отсюда Донцами, съ нѣм. Schlag, собственно просьба (древній путь между льсомъ).—²⁾ Должно быть, по старому, „Ширинномъ долиномъ конца-краю нѣту.“—³⁾ Привычная эпическая прибавка при Донцахъ, хотя бы они были одни.—⁴⁾ У г. Савельева „надежда“. — Посылки на заставу ср. съ Владиміромъ въ богатырскихъ былинахъ.

При долини на лугу
 чухинъ гулялъ въ полку,
 члѣ трубку табаку;
 для того курилъ,
 явному быть:
 того курилъ,
 не подступить.
 горить:
 робята,
 рыла!»
 —
 б.

млись
 часовъ:
 томъ часу
 у разбирать.
 нѣ лежить убить,
 во грамотку глядить,
 лки рѣчи говорить:
 «Князь Потёмкинъ генералъ
 «Всеё силу растерялъ:
 25. «Кое пропилъ—промоталъ,
 «Кое въ карты проигралъ ?».)»

А котора оставалась,—
 И то по-груди въ рудѣ;
 А котора на горѣ,—
 30. По колѣна во травѣ;
 А котора подъ горой,—
 Завалена вся землей ³⁾.

Караулы крѣпки,
 Перемѣны рѣдки,

¹⁾ „А онъ?“—²⁾ За симъ, очевидно, еще новый слой прибавки.—³⁾ А это еще слей (изъ другой пѣсни?), въ объясненіе большихъ потерь: подобными жалобы при войнѣ Прусской увидимъ еще ниже.

15. Добъзжаетъ до козачей до линѣм,
 У линекюшки Саксонъ-король становился,
 Донскимъ козакамъ удивился:
 «Что это у Бѣлаго царя за люди?
 «У нихъ бороды большія—окладныя ¹⁴⁾....
20. «У нихъ жалованье не большое,
 «Противъ моего въ годъ третное ¹⁵⁾!»

(Ср. Сборн. г. Савельева 1866).

Хотя обѣ пѣсни забываютъ отъ рубежа, съ коего идемъ мы, далеко впередъ, въ Саксонію и вѣроятно къ памяти даже тѣхъ примѣрныхъ сраженій, коими послѣ любовался самъ Фридрихъ—на примѣръ съ Румянцевымъ: но онѣ же и начинаютъ здѣсь раньше другихъ, связуя Донцовъ и Краснощочкова еще со Шведами; ср. выше, какъ любовался Шведскій король на Русское войско при зачатѣ войны съ Петромъ (вып. 8).

* *

Къ этому также рубежу относятся первыя пѣсенныя черты Румянцева: но онѣ оживляются, полнѣютъ и обособляютъ героя послѣ, гдѣ мы съ ними и встрѣтимся.

Слѣдующія пѣсни точнѣе, въ шагъ за событіями, хотя и при нихъ нужно помнить, что Шведская война вообще близко сливается съ Прусскою, а за тѣмъ иногда съ послѣдовавшею (при Екатеринѣ) Турецкою, Кистринъ съ Костроманомъ—Кермантомъ—Караманомъ—Гостинюмъ—и Хотинюмъ, имя одного героя съ другимъ ближайшимъ.

Война Прусская.

*

Походъ въ землю Прусскую.

1.

(Москва).

По Московской по широкой по дороженькѣ
 Не ковыль—трава, братцы, зашаталася ¹⁾,

¹⁴⁾ За симъ похвала къ невыгодѣ козацкой фигуры: образы, которые легко видѣть во многихъ другихъ пѣсняхъ и потому здѣсь не характерны.—

¹⁵⁾ Противъ моего годового у нихъ третное: въ трое больше моего; ср. выше при Петрѣ, какъ по мнѣнію Карла XII въ Россіи „жить младцамъ прекрасно.“

1) Въ иныхъ „зашаталась.“

Не алы цѣвты, братцы, развивалися,—
Зашаталася тутъ сильна армія,

5. Сильна армія царя Бѣлаго ²⁾,
Илучи, братцы, въ землю Прусскую,
На чужю-дальну на сторонущу.
На чужю-дальну, незнакомую.
Раздувалися знамѣны бѣлыя:

10. На передь ³⁾ идутъ новокорпусны;
Впереди ³⁾ везутъ артилерію,
Позади ѣдетъ сильна конница,
Славна конница кирасирская.

Ужь какъ всѣ веселы идутъ,

15. Веселы идутъ, принапудрены:
Что одинъ изъ нихъ не весѣль идѣтъ,
Не весѣль идѣтъ, призадунавшись.
Что за нимъ идеть красна дѣвица:
Она плачетъ—какъ рѣка льетъся.

20. Возрыдаеть—что ключи кипятъ.
Ужь какъ взговорить удалый-добрый молодець:

«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
«Не слези лица румянаго,
«Не вздыхай, моя разумная ⁴⁾!

25. «Не одной-то вѣдь тебѣ тошно,
«И мнѣ, мѳлодцу, груснѣхонько:
«Что иду-то я на чужую ⁵⁾ стѳрону,
«На чужю-дальну, незнакомую,
«Что на службу я государеву.»

(Записано уже въ Чулковскій и Новиковскій пѣсенники, съ небольшими черезъ 20 лѣтъ послѣ собитія, но слѣдуетъ еще свѣжамъ, а послѣ повторилось въ печати съ-всѣмъ на малыхъ измѣненіяхъ).

*

²⁾ Такъ обычно, особенно съ Петра 1-го: ср. тамъ выступы войскъ.—

³⁾ Повтореніе: испорчено или что-то пропущено; ср. другіе походы. — ⁴⁾ Стихъ уже подбавленный книжниками.—⁵⁾ Должно быть „на чужу,“ какъ и есть въ нѣкоторыхъ.

Всѣ черты и особенности этой пѣсни, въ складѣ, размѣрѣ и даже выраженіяхъ, составляютъ типъ XVIII вѣка: сравните выше при Петрѣ, при кави Долгорукаго и т. п.

Книжная подправка и поддѣлка, изъ „народнаго“ въ „національное“, представляется въ образцѣ слѣдующемъ (очевидныя подправки обозначены курсивомъ):

2.

По Московской по широкой по дороженькѣ

Не ковыль-трава *отъ вѣтрѣ* зашаталася,

Не алы цвѣточки, братцы, развивались,—

Зашаталася тутъ, братцы, сильна армія:

5. Она *двинулась* разомъ въ землю Прусскую,

Въ чужу-дальню сторонку, *незнакомую*.

Раздувались знамена *ея* бѣлыя,

Впереди *всѣхъ* маршируютъ новокорпусны,

Въ серединѣ вѣдутъ войско артилерію,

10. *Замыкаютъ* кирасиры, славна конница.

Ужъ какъ всѣ наши солдаты идутъ весело,

Всѣ *исправны*, всѣ нарядны и распудренны:

Лишь одинъ изъ нихъ не вѣселъ и *нерадостень*,

Онъ идетъ *глаза потупя и задумавшись*.

15. За нимъ идетъ *молодая* красна дѣвица:

Она плачетъ, *она плачетъ*, какъ рѣка льется,

Возрыдаетъ, *возрыдаетъ*, что ключи кипятъ.

«Ты не плачь, не плачь, *любезна* красна дѣвица,

Утѣшала ее *удалый-добрый* молодецъ:

20. «Не слези лица румяна, *моя умница!*

«Не одной-то тебѣ тошно и *груснѣхонько*:

«Я и самъ *скрѣпя* ужь *сердце* не *рою* слезы.

«Ахъ, *неволюшка* ты наша, служба царская,

«*Принуждаешь* ты разстаться съ *красной* дѣвицей

25. «*И проститься* ужь *надолго* или *вовся* съ *ней!*»

(Въ „Національномъ пѣснописнѣ“, какъ и слѣдуетъ, не въ „народномъ;“ а постѣ въ другихъ перепечаткахъ).

* *

Рѣдкія наши пѣсни исполнены такихъ мелкихъ историческихъ подробностей (хотя и перемѣшанныхъ иногда въ нѣсколькихъ вариантахъ), какъ слѣдующая, почтившая на вѣки Лопухина и удержавшая твердо его имя, отчасти по связи съ Евдокіей Федоровной, столь же памятной пѣснямъ (см. выше):

Битва при Гроссъ-Егеродорфѣ, смерть Лопухина.

Василій Абрамовичъ Лопухинъ убитъ 19 Августа 1757 года, въ кровопролитномъ сраженіи подъ Гроссъ-Егеродорфомъ. Извѣсны послѣднія слова его, оофициально сохраненыя.

Пѣсня о Лопухинѣ извѣстна была П. В. Кирѣевскому въ четырехъ образцахъ: три записаны въ Симбирской губерніи, а четвертый въ Калужской. Подлѣйшій изъ нихъ принятъ былъ имъ за текстъ, а изъ остальныхъ сдѣланъ былъ имъ сводъ, такъ что различія изъ нихъ частію внесены въ текстъ курсивомъ какъ дополненія, частію показаны въ выгескахъ. Только одинъ изъ образцовъ, въ которомъ разница значительнѣе, прибавленъ былъ имъ сплоша.

1.

(Симбирск. губ.).

Какъ не пылъ въ полѣ пѣлнть,
 Не дубрѣвушка шумить ¹⁾,—
 Прусакъ съ арміей валить ²⁾.
 Близѣхонько подвалили,
 Ѣ. Въ полки они становили.
 Они зачали налить ³⁾,—
 Только дымъ съ сажей валить!
 Намъ не видно ничего ⁴⁾;
 Только видно на прикрасѣ,

1) Изъ Калужскаго варианта.—2) Калуж. вар. „Король съ арміей валить.“—
 3) Симбирскій вар.:

Наши зачали налить,
 Дымомъ съ сажцей валить!

Но стихи текста лучше. Прусакъ напалъ прежде, чѣмъ наше войско успѣло построиться.—4) Слово „намъ“ показываетъ, что пѣсня сложена очевидцами.

10. На зелёномъ на лугу:
 Стоитъ армія въ кругу,
 Лопухинъ ѣздитъ въ полку,
 Курить трубку табаку ⁵⁾.

Онъ не для того курить,

15. *Чтобы пьяному быть ⁶⁾,—*
 Для того табакъ курить,
 Чтобы смѣло подступить,
 Чтобы смѣло подступить
 Подъ лютого подъ врага,

20. Подъ лютого подъ врага
 Подъ Прусскаго короля.

Такі рѣчи говоритъ ⁷⁾:

*«Починайте-ко, ребята,
 «Вы со праваго крыла!»*

25. *Наши зачали палить,
 Только сажница валитъ!*

Они билися—рубился

Четырнадцать часовъ ⁸⁾.

Утолилася баталья,—

30. Стали тѣла разбирать ⁹⁾:

Находили во тѣлахъ

Полковничковъ до пяти,

Полковничковъ до пяти,

Генераловъ десяти ¹⁰⁾.

35. А ещё того подалъ

Заставали душу въ тѣлѣ,

⁵⁾ Калуж. вар.:

При долигѣ, на лугу
 Лопухинъ гулять въ полку,
 Курить трубку табаку.

⁶⁾ Изъ Калуж. вар.—⁷⁾ Изъ Калуж. вар.—⁸⁾ Эти два стиха находятся въ
 трехъ вариантахъ.—⁹⁾ Калуж. вар.:

На пятнадцатомъ часу
 Стали силу разбирать.

¹⁰⁾ Въ Калужскомъ вар. этого исчисления нѣтъ; а въ Симбирскомъ:

Генераловъ до пяти,
 Полковничковъ десяти.

Заставали душу въ тѣлѣ,—
 Лопухинъ лежить убитъ ¹¹⁾.

Лопухинъ лежить убитъ,

40. Таки рѣчи говорить:

«Охъ вы гой еси, робята,

«Мои вѣрныя слуги!

«Вы подайте листь бумаги

«Да чернильницу съ перомъ ¹²⁾!

45. «Напишу я тако слово

«Къ государынѣ самой:

«Что Потѣмкинъ Генераль

«Въ своемъ полку не бывалъ,

«Въ своемъ полку не бывалъ,

¹¹⁾ Калуж. вар.:

Лопухинъ лежить убитъ,
 Самъ во грамотку глядитъ,
 Таки рѣчи говорить.

¹²⁾ Симб. вар.:

Вы подайте-ко, робята,
 Листъ бумаги гербовой,
 Листъ бумаги гербовой,
 Чернильницу со перомъ!
 Напишу я такую вѣрность
 Государынѣ самой:
 Князь Румицевъ генераль
 Много силы истерялъ,
 А Суворовъ генераль
 Свою силу утверждалъ,
 Медки пушки заряжалъ,
 Короля во полонъ бралъ.

Этимъ и кончается образецъ. Но этотъ конецъ, кажется, долженъ быть изъ другой пѣсни, и то въ испорченномъ видѣ: Румицева (П. А.) не было въ Гроссъ-Егерсдорфскомъ сраженіи; Суворовъ, служившій полковникомъ при Апраксинѣ, еще не имѣлъ случая отличиться; это все позднѣйшія вставки. Въ вариантѣ, ниже приложенномъ, имя обвиняемаго вѣроятнѣе:

„Ты *Абросимъ* генераль
 Всее силу растерялъ,“ и проч.

Очевидно, что Абросимъ есть искаженное имя Апраксина: но и такія взаимныя обвиненія другъ на друга, или, что то же, солдатъ и за ними самого народа на генераловъ, встрѣчаются по пѣснямъ (и естественнѣе) въ дальнѣйшемъ теченіи войны, при другихъ лицахъ (ср. выше Салтыкова и Чернышова, а равно ниже).

50. «Всеё силу растерялъ ¹³⁾,
 „Коё пропилъ-промоталъ ¹⁴⁾,
 „Коё въ карты проигралъ;
 «Которая на горѣ,
 «Стоитъ по-грудь въ кровѣ;
 55. «А котора подь горой,
 «Заметало всю землей.»

*

2.

(Самбирск. губ.) ¹⁾.

Охъ вы нуте-ко, робята,
 Ой вы нуте, господá,
 Споёшь пѣсню про себя ²⁾,
 Мы не сами про себя,—
 5. Про Лютого Короля ³⁾!

¹³⁾ Калуж. вар.:

Князь Потёмкинъ генералъ
 Всеё силу растерялъ.

Это также поздняя вставка.—¹⁴⁾ Изъ Калуж. вар. — Онъ оканчивается такъ:

А котора оставалась,
 У то по-грудь въ рудѣ;
 А котора на горѣ,
 По когѣно во травѣ;
 А котора подь горой,
 Завалена вся землей.

За тѣмъ слѣдуютъ еще четыре стиха, взятые изъ другой пѣсни (хотя того же времени):

Караулы крѣпки,
 Перемѣны рѣдки,
 Морозы студѣны,
 Камзолы зелѣны.

¹⁾ Этотъ образецъ предназначенъ самимъ П. В. К-мъ для особаго помѣщенія.—²⁾ Это дышетъ современностью, изъ устъ участниковъ дѣла, или войны по крайности.—³⁾ Такъ эпически и технически прозванъ Фридрихъ въ пѣсняхъ: ему приписывается и рысканье „лютымъ звѣремъ (см. ниже).“

У Лютого Короля
 Чужа сила, не своя:
 Полонена, нанята,
 Золота казна дана.—
 10. Сорокъ тысячъ серебра.

Ты Абрѣсимъ генералъ ⁴⁾
 Всеё силу растерялъ:
 Кѣе прѣпилъ-промоталъ,
 Кѣе въ карты проигралъ.

15. Миновалася баталья,—
 Стали тѣла разбирать;
 Заставали душу въ тѣлѣ:
 Лопухинъ лежитъ убить.
 Лопухинъ лежитъ убить.

20. Таки рѣчи говорить:
 «Вы подайте листъ бумаги,
 «Чернильницу со перомъ:
 «Напишу я такую вѣрность ⁵⁾
 «Государынѣ самѣй.»

*

Но крайней важности этой вѣсти, мы считаемъ не лишнимъ помѣтить цѣлкомъ еще и тѣ два образца, которые вошли въ сводъ П. В. К-го:

⁴⁾ Здѣсь упрекъ уже не изъ устъ Лопухина, а отъ солдатъ или отъ народа, можетъ стать въ силу удаленія и послѣдовавшей смѣны Апраксина, растолкованной по своему.—⁵⁾ По старинѣ было бы „вѣрно слово:“ правду, по своей вѣрности. Эта обѣщанная правда могла сначала значить не больше того, что сказано, по преданію, умирающимъ: но послѣ считали умѣстнымъ и жалкую смерть Лопухина взвалить на кого ни будь обвиненіемъ.

3.

(Оттуда же).

Не пылъ во полѣ пылить,—Прусакъ съ арміей валить ¹⁾;
 Наши зачали палить,—дымомъ съ сажницей валить;
 Лопухинъ ѣздитъ въ полку,—курить трубку табаку.

Они билися—рубилися четырнадцать часовъ.
 5. Миновалася баталья,—стали тѣла разбирать:
 Генераловъ до пяти, полковничковъ десяти ²⁾.

Заставали душу въ тѣлѣ,—Лопухинъ лежить убитъ;
 Лопухинъ лежить убитъ, таки рѣчи говорить:
 «Вы подайте-ка, робята, листъ бумаги гербовой,
 10. «Листъ бумаги гербовой, чернильницу со перомъ!
 «Напишу я такую вѣрность государинѣ самой:
 «Князь Румянцевъ генераль много силы истерялъ,
 «А Суворовъ генераль свою силу утвержалъ,
 «Мелки пушки заряжалъ, короля во полонъ бралъ ³⁾».

*

4.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго).

Не пылъ во полѣ пылить,
 Не дубровушка шумить,—
 Король съ арміей валить.

¹⁾ Это стихъ, такъ называемый у насъ „двойной“ (см. прежде).—²⁾ То есть „до десяти.“—³⁾ Такъ я чувствуется весь излишекъ этой поздней прибавки къ короткимъ словамъ самого Лопухина въ предыдущемъ образцѣ.

- При долини на лугу
 5. Лопухинъ гулялъ въ полку,
 Курилъ трубку табаку;
 Онъ не для того курилъ,
 Чтобы пьяному быть:
 Онъ ¹⁾ для того курилъ,
 10. Чтобы смѣле подступить.
 Таки рѣчи говорить:
 «Починайте-ка, робята,
 «Вы со праваго крыла!»
 Наши зачали палить,—
 15. Только сажина валить.

- Они билися—рубилися
 Четырнадцать часовъ:
 На пятнадцатомъ часу
 Стали силу разбирать.
 20. Лопухинъ лежитъ убитъ,
 Самъ во грамотку глядитъ,
 Таки рѣчи говорить:
 «Князь Потёмкинъ генераль
 «Всеё силу растерялъ:
 25. «Кое пропилъ—промоталъ,
 «Кое въ карты проигралъ ²⁾».

- А котора оставалась,—
 И то по-грудь въ рудѣ;
 А котора на горѣ,—
 30. По колѣна во травѣ;
 А котора подъ горой,—
 Завалѣна вся землею ³⁾.

Караулы крѣпки,
 Перемѣны рѣдки,

¹⁾ „А онъ?“—²⁾ За симъ, очевидно, еще новый слой прибавки.—³⁾ А это еще слой (изъ другой пѣсни?), въ объясненіе большихъ потерь: подобныя жалобы при войнѣ Прусской увидимъ еще ниже.

35. Морозы студёны
Канзолы зелёны.

*

Намъ кажется, что изъ всѣхъ напечатанныхъ образцовъ самый лучший и подлинный—2-й.

Но теперь прибавимъ еще другіе, которые не были извѣстны Петру Васильевичу и, нужно сказать, представляютъ или дальнѣйшую порчу, или искусственную подправку, ту и другую весьма поучительную для насъ:

5.

(Чердынъ).

- Не пыль въ полѣ пылить,
Не дубравушка шумить,—
Король съ арміей валить.
Не дошедши до стѣны,
5. Становился во кружокъ,
На зеленый на лужокъ.
На зеленомъ на лугу
Лопухинъ гулялъ въ кругу,
Курилъ трубку табаку.
10. «Ты на что табакъ куришь,
««Нашу армію губишь?»»
«Я на то табакъ курю,—
«Поцьянѣ быть хочу,
«Посмѣлѣ поступить.
15. «Зачинайте-ко, ребятушки,
«Со правова со крыла ¹⁾,
«Со лѣвова тесака!»
Наши начали палить,—
Только дымъ съ огнемъ валить.
20. Билися—рубилися
Четырнадцать часовъ;

1) Эти мелкія, но историческія, подробности дышатъ вездѣ самой близкой современностью».

- Во пятнадцатомъ часу
 Стали мёртвыхъ ²⁾ разбирать,
 Свою армию счислять.
25. Чуть застали душу въ тѣлѣ
 И языкъ въ головѣ,—
 Лопухинъ лежитъ убитъ.
 Лопухинъ лежитъ убитъ,
 Таку рѣчь говоритъ:
30. «Подай, малой, листь—бумагу
 «И чернильницу съ перомъ!
 «Напишу я таку радость ³⁾
 «Государынѣ самой!»
 («Воръ Потемкинъ генералъ
35. «Много силы потерялъ,
 «Кѣе прошилъ—промоталъ,
 «Кѣе въ карты проигралъ.»)

(Запис. г. Карнаухомига).

*

6.

(Сибирск. губ.).

Вы кустики—кусточки, вы ракитовы мои!
 Вы скажите—ко, кусточки, всеё правду про дружка:
 Гдѣ мой миленькой гуляетъ, гдѣ надежда пребываетъ?
 Пребывать сударь—надежда на чужой сторонѣ,
 5. Во матушкѣ во Москвѣ, со Французомъ на войнѣ.

²⁾ Лучше, чѣмъ въ другихъ образцахъ, гдѣ „тѣла“ приходится произносить и пѣть съ удареніемъ на *тл*: впрочемъ и тамъ нужно разумѣть не множественное по вышшнему, а *тѣло* собирательное вмѣсто множественнаго (при чемъ *о* безъ ударенія перешло въ *а*).—³⁾ Это и лучше, чѣмъ „вѣрность:“ и ближе къ правдѣ подлинныхъ словъ Лопухина, который хотѣлъ извѣстить государыню о побѣдѣ. Очевидно, что слѣдующее есть прибавка народа, такъ сказать осердившагося за гибель героя и искавшаго виновниковъ тому.

Что онъ письмецовъ не пишетъ, челоубитьевъ воръ не шлетъ
 Что онъ самъ въ гости не ѣдетъ, меня къ себѣ не зоветъ ¹⁾?

Случилось несчастье, завелася батальца.

Они билися—рубилися всѣ четырнадцать часовъ,

10. На пятнадцатомъ часу утишилася война:

Замирился воръ Французъ.

На шестнадцатомъ часочкѣ стали тѣла разбирать,

Народъ Русской узнавать:

Признали народъ Русской, присчитали ²⁾.—

15. Всего двѣсти человекъ.

Еще лежить того подалѣ,—Лопухинъ лежить убитъ:

Онъ не убитъ ³⁾, душа въ тѣлѣ говорить.

Какъ возгворилъ: «Ребята, ужъ вы братцы мои,

«Ужъ вы братцы, козаки, вы товарищи мои!

20. «Вы подите—принесите листъ бумаги гербовой,

«Еще-то ⁴⁾ принесите чернилицу со перомъ!

«Напишу-то вамъ, ребята:

««Утишилася наша война,

««Замирился воръ Французъ ⁵⁾.»»

*

Лопухинъ или образъ его безъ имени встрѣчается далѣе и при Красно-
 щоковѣ, и вообще въ другихъ пѣсняхъ о Прусской войнѣ: см. ниже въ
 своемъ мѣстѣ.

Какъ бы то ни было, только пѣсня получила скоро въ устахъ народа
 характеръ упрековъ и укоровъ разнымъ лицамъ, которыя вставлялись безъ
 разбора, смотря по годамъ и по приливу неудовольствія: помѣна представ-
 лялись, какъ всегда, odiosa, а особенно тогдашнимъ современникамъ въ

¹⁾ Все это начало, вновь придѣланное, есть совершенный типъ нашей
 пѣсни въ началѣ XIX вѣка: оно самобытно на своемъ мѣстѣ и потому же,
 по своему, гораздо складнѣе, чѣмъ послѣдующее, взятое изъ пѣсни старой
 и разбитое на клочки.—²⁾ Должно быть: „Признавали-присчитали народъ
 Русскій.“—За тѣмъ короткіе стихи суть половинки, на которыя разломил-
 ся старшій длинный—двойной—стихъ.—³⁾ Должно быть: „Не убитый онъ
 лежить.“—Замѣтно, что пѣсня побывала и въ устахъ козаковъ: они пере-
 несли послѣ черты ея къ своему Краснощокову (см. ниже).—⁴⁾ Д. б. „Вы
 еще-то принесите.“—⁵⁾ Опять послѣднія слова Лопухина — извѣстіе о по-
 бѣдѣ.

словъ вышнихъ. Лопухинъ долженъ былъ подпасть той же самой участи, какъ сомненная Евдокія Федоровна, имя которой, мы знаемъ, съ намѣреніемъ было скрываемо и самая пѣсня ея запрещалась (ср. кн. Волконскаго и Долгорукихъ). Въ ближайшіе года, съ явнымъ расчетомъ, скрыли имя Лопухина, замѣнивъ его фигуру описательной, устранивъ личные намеки и оставивши одно событіе, такъ сказать голое: пѣсня подчинилась необходимости, солдаты пѣвшіе слушались указаній начальства, а люди книжные помогли этому укрывательству извѣстными литературными оборотами. Тѣмъ не менѣе истина, какъ ее понималъ народъ, просвѣчивала: скрытность манила къ раскрытію. Такъ, спустя 20 лѣтъ съ небольшимъ, при Екатеринѣ, по охлажденіи историческихъ горячихъ слѣдовъ, Чулковъ съ Новиковымъ рѣшились и, прибавимъ, успѣли напечатать у себя пѣсню въ этомъ самомъ исправленномъ видѣ. Вотъ она, крайне курьезная по намѣренной отдѣлкѣ, по свидѣтельству, какъ она употреблялась въ тогдашнихъ полкахъ, и по тому особенно, что намѣренная скрытность явно изобличаетъ первобытный складъ (подправку и рассчитанное объясненіе отмѣчаемъ курсивомъ):

7.

(Петербургъ и Москва).

Эхъ, какъ ну-те, господа ¹⁾,
 Споёмъ пѣсню про себя:
 Мы не для-ради себя ²⁾,
 Для Прусскаго короля.

5. Мы во Пруссіи стояли,—
 Много нужды принимали;
 Мы подъ Пруса подступали,—
 Много силы потеряли.
 Расселились по горамъ,
 10. Что по Прусскимъ по лѣсамъ;
 По насъ пулечки летаютъ,—
 А намъ некуда уйти:

¹⁾ Такъ могли относиться другъ ко другу при пѣсни только солдаты—кавалеры.—²⁾ Не за тѣмъ, чтобы объ себѣ толковать или жаяваться.

- Съ дыму сердце ³⁾ не здорово,
Съ чаду головы болятъ.
15. Лишь чуть видно намъ насквозь:
Генераль ⁴⁾ ходитъ въ полку,
Куритъ трубку табаку;
Онъ за тѣмъ куритъ табакъ,
Что, де, надобно быть такъ ⁵⁾.
20. А другой какъ пень стоитъ,
Ничего не говоритъ;
Ничего не говоритъ,
Насъ и въ строй не становитъ;
Насъ и въ строй не становитъ,
25. И палитъ намъ не велитъ ⁶⁾.

- Да что взгóворитъ нашъ батько ⁷⁾—
Тому имени здѣсь нѣтъ ⁸⁾—:
«Повернись, моя дивизія ⁹⁾,
«Со лѣваго крыла,
30. «Что со лѣваго со фланга
«На правое крыло ¹⁰⁾!
«Не пора ль намъ зачинать,
«Свое дѣло окончатъ?!»

- Ой мы ¹¹⁾ билися—рубилися
35. Четырнадцать часовъ:
Утишилася баталья,—
Стали мертвыхъ разбиратъ.

³⁾ Жив отъ подъ ложкой: тошнить.—⁴⁾ Здѣсь нельзя сказать, чтобы это относилось непременно къ Лопухину: можно думать, что на него перешло въ предыдущихъ пѣсняхъ отъ другихъ лицъ.—⁵⁾ Это уже скорѣе насмѣшка или упрекъ: вмѣсто дѣла покуривается.—⁶⁾ Къ сожалѣнiю, тутъ видѣнъ именно Апраксинъ, окопавшiйся и ждавшiй въ оборонительномъ положенiи.—⁷⁾ Тутъ уже вѣдъ сомнѣнiя Лопухинъ: замѣчательно, какъ звали его любимшiе солдаты.—⁸⁾ Книжная строка подъ народный складъ: одни разумѣютъ—выпускаемъ здѣсь имя, запрещено, накажутъ; другiе—не нужно имени, всякой знаетъ.—⁹⁾ Д. б. по обычаю „дивиза.“—¹⁰⁾ Д. б. „Со лѣваго со крыла, Что со лѣв. со фл. Да на правое крыло.“—¹¹⁾ Ср. въ другихъ образцахъ болѣею частью уже третье лицо: здѣсь вся современность.

Намъ сказали тутъ одинъ ¹²⁾,
 Что «генералъ нашъ господинъ
 40. «Онъ столуесть ли—пируесть
 «Со Прусскимъ королемъ,
 «Проѣдаетъ—пропиваетъ
 «Онъ всю армію ему ¹³⁾,»

(Ср. Пѣсенникъ Чулковскій и Новиковскій, Гурьянова 1835 г. и нѣкоторые другіе).

Пѣсня такъ укоренилась, такъ трудно было ее сдвинуть съ подлиннаго смысла и намеки такъ были понятны ближайшимъ современникамъ, что уже въ 1816 году, когда предъ взоромъ соотечественниковъ разыгрались событія совсѣмъ иныя, и заслонившія прошлое, и ввухавшія къ прошлому безпристрастіе, „Театральный“ пѣсенникъ, перепечатавъ эту редакцію и замѣтивъ, что „Голосъ пѣсни, хотя нѣсколько печальный, но отрывистый,“ тутъ же надъ нею выставилъ такое характерное заглавіе: „Русской солдатъ всё видить.“

Однако другія изданія все еще обѣгали этой щекотливой пѣсни. Народъ же, какъ мы видѣли, не смотря на всѣ заботы и внушенія, игнорировалъ печатную редакцію и далеко разнесъ первобытный подлинникъ, подбавляя на мѣсто Апраксина—Потемкина и даже Румянцева, а на мѣсто героя-спасителя любимое имя Суворова.

* *

Слѣдующая пѣсня одна изъ самыхъ распространенныхъ, но болѣе—въ печати пѣсенниковъ, начиная съ Чулкова и Новикова, а потому имѣеть нѣсколько замѣтныхъ, хотя и не рѣзкихъ, оттѣнковъ книжности:

¹²⁾ Это уже всего лучше и яснѣе: исправители слагають вину жестокаго изреченія съ Лопухина; поющіе утверждаютъ, что одинъ, кто-то, добрый человекъ шепнулъ правду терпѣвшимъ. Въ этой строчкѣ вся исторія народныхъ слуховъ и пѣсенныхъ образовъ.—¹³⁾ Это уже слишкомъ сильно и мекало, статья можетъ, гораздо выше Апраксина и самого Бестужева: вотъ почему, думаемъ, послѣ Петра III-го при Екатеринѣ стало льготно объ этомъ пѣть и печатать.

Переправа черезъ Вислу.

Кистринъ. Ферморъ.

1.

Черезъ Вислу наша армія переправилась,
 Переправившись она въ походъ пошла,
 Что ко славному ко городу Кистринъ.
 Не доведъ они ¹⁾ Кистрина, становились,
 ѓ. Они лагерь свой разбили по сырѣ борѣ,
 Они шанцы-батареи всѣ исправили,
 Они пушки и шортиры испоставили,
 Ожидали повелѣнья графа Фермора.
 Не добхавши графъ Ферморъ, самъ рукою махнулъ:
 10. «Вы палите по Кистринъ съ Божьей помощью!»
 Еще съ третьяго картуза ²⁾ Кистринъ зажгли.

Что возгворять жители Кистринскіе:
 «Ужь ты гой еси, король земли Прускія!
 «Ты почто пустилъ графа Фермора,
 16. «Графа Фермора подъ Кистринъ городъ ³⁾?»
 Что возгворить король земли Прускія:
 —Я Россійскую всю армію на штыкахъ приму,
 —Самого графа въ полонъ возьму!—
 Что возгворить графъ Ферморъ королю тому ⁴⁾:
 20. «Не загадывай до время! Кому Богъ подастъ!»

(Послѣ Чулковскаго и Новиковскаго и многіе другіе пѣсенники).

* *

Напрасно бы также стали мы искать опредѣленнаго мѣста и времени слѣдующей ссорѣ Голицына съ Прозоровскимъ: оба въ молодости были извѣстными участниками войны Прусской, оба терпѣли въ ней бѣды (первый

¹⁾ Раздорѣч. „она.“—²⁾ Заряда.—³⁾ „Кистринъ-градъ.“—⁴⁾ Это тому уже книжное.

дѣйствительную неудачу, второй еще и рани; но оба же потомъ, и съ равномъ въ началѣ неудачей, дѣйствовали подѣ Хотиномъ; и Кистринъ, и Гестля, какъ увидимъ еще, перенесены пѣснями къ Хотину. Намъ важно здѣсь главнымъ образомъ сохраненіе этихъ именъ и сопоставленіе ихъ рядомъ; что касается до обвиненія одного изъ нихъ, то это у насъ приемъ самый обычный: народъ нашъ вообще, а за нимъ и солдаты, не имѣя возможности проникать въ истинныя причины неудачъ (гдѣ такую роль играетъ особенно наше неумѣнье и невѣжество), привыкъ все взваливать на известную „измѣну“, которая сдѣлалась не только эпическимъ, но даже и техническимъ словомъ; легкость наша сдавать безъ спору все родное первому пришлому, помогла также увѣриваться этому способу воззрѣнія. Мы видѣли уже, и увидимъ еще даьше, какъ эта измѣна поцеремѣнно одиозворяется во пѣсняхъ то въ одномъ, то въ другомъ лицѣ; а ниже укажемъ еще другіе поводы, весьма существенныя, къ выраженію недовольства во время войны Прусской.

Ссора Голицына съ Прозоровскимъ.

Осада Кюстрина.

1.

(Губ. тульской, у. Вилѣвскаго, д. Занова).

Поссорились—побранились два боярина,

Поссорился Голицына со Прозоровымъ:

«Ужъ ты с..... сынъ, каналья, ты Прозоровъ генералъ!

«То не ваше—то пропало,—государево:

5. «Золотой казны затратилъ,—да и смѣты нѣтъ ¹⁾!»

Да съ вечера намъ, солдатушки, приказъ отданъ,

Чтобы ружья были чисты, тесаки были востры,

Протупен съ перевязомъ были выбѣлѣны,

Какъ и пушечки—бунтарен были пукачены ²⁾.

¹⁾ Соображая другія пѣсни, по опыту убѣждены мы, что это начало—отрывокъ болѣе обстоятельной пѣсни, гдѣ говорилось о ссорѣ военачальниковъ и о послѣдовавшей отъ того бѣдѣ. Стихи за тѣмъ нужно понимать отъ лица народа и войска: хорошо вамъ браниться, да отъ вашей брани погибло не ваше добро,—государево, потратилъ ты—такой-то—силу армию за даромъ безъ счету. „Золотая казна“ вставлена уже поздѣе, по утратѣ подлиннаго смысла.—²⁾ Заряжены для стрѣльбы (откуда „пукать, пуцать“ и самое имя „пушки“): въ другихъ при подобномъ случаѣ простѣе уже „выкачены.“

10. Ужь мы первую бомбу бросили—не добросили,
 Мы другую бомбу бросили—перебросили,
 Ужь мы третью бомбу бросили,—Кистринъ-городъ зажгли:
 Какъ Кистринскіе бுவатели ³⁾ заплакали—пошли!

(Записано К. Ам. Кавелыничъ).

* *

За сямъ слѣдуетъ въ пѣсняхъ собственно взятіе Кистрина и Борина: но все, что касается перваго, народъ сосредоточилъ главнымъ образомъ въ лицѣ Чернышова, а втораго—въ лицѣ Краснощочкова и въ обстоятельствахъ того или другаго; потому мы это выдѣляемъ пока и увидимъ ниже въ двухъ отдѣлахъ. Теперь же блестящій результатъ похода—*смысливъ король Прусскій:*

Разбѣзчастнѣй Король Прусскій.

1.

(Губ. Московской, у. Звенигородскаго, Воронки).

Разбѣзчастнѣнѣй, безталаннѣнѣй
 Наша-гь ¹⁾ Король Прусскій!
 Онъ на вѣронѣ на коничкѣ
 Король разѣзжаетъ,
 Ѣ. Ничего-то Король про свою армѣюшку—
 Ничего не знаетъ,
 Только знаетъ Король про свою армѣюшку,
 Что ушла подъ Француза.
 «Что прислалъ-то Французъ газѣтушки
 10. «Ко мнѣ не весѣлы:
 «Не весѣлы-то газѣтушки,—
 «За черной печатью!»
 Распечаталъ Король эти газѣтушки,
 Онъ началъ читати;

³⁾ Обыватели.

¹⁾ То есть „Нашъ-гь,“ нашъ-то.

- аль Король газетушки,
 Самъ слезно заплакалъ;
 Во слезахъ-то Король словѣтушко—
 Словечко промолвилъ:
 «Охъ вы слуги мои, вы лакеюшки,
 20. «Слуги мои вѣрны!
 «Вы подѣйте-тка, слуги-лакеюшки,
 «Во нову конюшню,
 «Осѣдлайте вы, слуги-лакеюшки,
 «Коней воронѣихъ,
 25. «Мы поѣдемте, слуги-лакеюшки,
 «Поѣдемъ гуляти:
 «Не гуляти-то мы, слуги-лакеюшки,—
 «На вой воевати ²⁾,
 «На свою-то мы, слуги-лакеюшки,
 30. «Армѣю смотрѣти.
 «Ужъ и какъ-то наша армѣюшка
 «Тамъ она воюеть?
 «Не воюеть-то наша армѣюшка,
 «Горечко горюеть:
 35. «Что горюеть-то наша армѣюшка,
 «Сама слезно плачетъ ³⁾!»

(Записано самимъ П. В. К.—мъ 16 Авг. 1833 г.).

*

2.

(Губ. Сѣмбирск.)

Бещасненькій, безталанненькій Король Пруцкій:
 Ничѣмъ-то ничего ты, Королёшко, за собой не знаешь!

²⁾ Замѣчательный первообразъ послѣдующей формы „вой-на;“ въ старейшей письменности нашей „вой“—лицо, воинъ; ср. „бой боевать.“—³⁾ Это одинъ изъ лучшихъ образцовъ по складу (зависитъ больше отъ того, кто умѣлъ записать), гдѣ можно наблюдать съ особенной ясностью, какъ сперва откалывается на концѣ припѣвъ, потомъ готовится собою вторую половину стиха, а со временемъ стихъ совсѣмъ уже дѣлится по поламъ, какъ двойной.“

- По утру—то ранѣмъ—ранѣхонько курьеръ подбѣгаетъ,
Онъ не радощны курьеръ газетушки подаваетъ:
5. Ушла—то, ушла твоя, Король, силушка,
Ушла подь Француза,
Еще—то ушли думчѣ 1) двое твои, сенаторы,
Еще—то съ собой взяли Блатова 2), племянничка роднаго,
Со того—то Блатова, племянничка, смяли кожу съ живаго 3).
10. «Подавайте—ка, ребятушки, мнѣ коня воронаго,
«Осѣдлайте—ка, ребятушки, въ сѣдельцо Черкасское 4),
«Мы поѣдемте—ко, ребятушки, гулять въ чисто поле.
«Не увидимте ли, ребятушки, свою силу—войску 5)?
«Стоить—то, стоитъ наша силушка у вора Француза.
15. «Наводятъ—то на нашу на силушку пушку мѣдну,
«Хотятъ—то, хотятъ нашу силушку побить—порубити.
«Оставшихъ—то козаченьковъ хотятъ въ полонъ взять.»

* *

Чѣмъ блистательнѣе были успѣхи въ Пруссіи, тѣмъ болѣе раждалось и осталось въ пѣсняхъ недовольство, когда Русскихъ двѣди воротили, одинъ разъ на половинѣ дѣла, другой безъ плодовъ по усвѣшномъ окончаніи дѣла: обвиненіе войска и народа, мы видѣли, такъ сказать мечется въ недомѣннѣи съ одного лица на другое и третье. Но, кромѣ того, у „Безсчастнаго Прусскаго Короля“ была еще другая сторона лица: Фридрихъ произвелъ глубокое, рѣзкое, неизгладимое впечатлѣніе на Русскихъ; удары его были крѣпки и болѣзны; образъ такъ отпечатлѣлся въ пѣсняхъ, что отъ историческихъ очертаній поднялся до эпическихъ и даже перевелъ на себя изъ сѣдой древности многія черты богатырскія, даже мюнцескія (см. ниже). Съ этой стороны, и на другой сторонѣ побѣдной медали, народъ рисуетъ въ пѣсняхъ тяжкіе удары, горькія бѣды, безвозвратныя утраты. Пѣсни этого рода и встрѣчаютъ, и кончаютъ походъ Прусскій: онѣ отвѣчаютъ нѣсколько подобнымъ же при Петрѣ изъ эпохи Шведской (ср. вып. VIII, отдѣлъ X и особенно XXIII-й, отчасти же VIII-й при Донцахъ).

1) Не въ первый и не одинъ разъ пѣсни XVIII вѣка покушаются воротить въ употребленіе это древнее слово, по крайности рядомъ съ новыми „сенаторами.“—2) Платтень. Впоследствии сюда прихвѣшанъ Платовъ, и отчасти Влукхеръ (см. ниже).—3) За симиъ слова самого короля.—4) Должно быть „Черкасско.“—5) За симиъ, по обычаю пѣсней, слова лица переходятъ въ самый рассказъ о событіи послѣдующемъ.

**На границѣ Прусской, въ самой Пруссіи и вер-
нувшись изъ похода Прусскаго.**

1.

(Сибирск. губ.).

Травынька—муравынька, кавылочикъ!
Не одной—то тебѣ, травынькѣ,
Въ полѣ тошно:
И намъ, солдатушкамъ, жить не сладко!

5. Мы стояли во Прутской землѣ,
На границѣ,
Подъ Кистриномъ городочкомъ три годочка:
Намъ ни вѣсточки, ни грамотки съ Руси нѣту;
На четвертымъ годочкѣ вѣсточка пала
10. И за вѣсточкой указы присылали,
Какъ у насъ, братцы, на Святой Русѣ
Не здорово:
Смутился—помѣшался весь Тихой Донъ ¹⁾.

- Случилася батальица генеральна:
15. На славнымъ чистымъ полѣ Лебедянѣ ²⁾.
Поступаетъ Прутской Король очень крѣпко,
Разбиваетъ нашъ молодецкой новой корпусъ,
И со праваго фланга да на лѣвой ³⁾:
Генералушки—бригадерушки испугались,
20. А полковники со маіорами разбѣжались,
Изъ пушечекъ палили всѣ сержанты,
Свинець—порохъ развозили маркитанты.

(Доставлено Дамковимъ).

*

¹⁾ Пѣсня была въ устахъ Донцовъ: обычное извѣстіе имъ (ср. прежнее; выпуски).—²⁾ Эти два стиха изъ старшихъ пѣсней о Полтавѣ: ср. вып. 8 за сямъ только начинается Пруссія.—³⁾ Это черты изъ битвы при Гроссѣ-Егерсдорфѣ: ср. выше и дополните этимъ прежнее образцы.

2.

(Оттуда же).

Долина моя широкáя ¹⁾,
 Ничего-то на ней не уродилось,
 Ни травыньки, ни муравыньки,
 Никакой нѣтъ ни былинки.

3. Одна уродилась кустъ-калинка:

На кусту калиновымъ сидитъ
 Горькая кукушечка.
 Ни кукуй-ка, ни горюй-ка,
 Горькая кукушечка.

Не давай тоски-назолы ²⁾:
 Намъ безъ этого здѣсь тошно.

10. Пособить нашему горю невозможно.

Загналъ-то насъ, загналъ Прусскóй Король,
 Загналъ въ ину землю, на край—на границу:
 Поморилъ-то, поморилъ насъ голодною смердюю;
 Онъ не годъ морилъ-то насъ, не два года,

15. Морилъ всего четыре года ³⁾.

На четвертомъ году пришла ко мнѣ вѣстка,
 Со родимой со сторонюшки пришла ко мнѣ грамотка:
 Знать ⁴⁾ ни батюшки, ни матушки въ живѣ нѣту,
 Молодая моя хозяйоника, слышно, за мужа вышла.

20. Вышла за мужа за бурлака ⁵⁾.

¹⁾ Обыкновенно: „Долина ль (или „дорожка“) моя, долинушка широкáя.“ Пѣсня плохо записана и отъ того стихи не ровны: возстановить легко по образцамъ, прежде у насъ приведеннымъ.—²⁾ „Моему сердечку“ или „сердечушку.“—³⁾ Здѣсь собственно кончается специальность пѣсни изъ Прусской эпохи: далѣе пойдутъ обычные приемы, вѣсть, горе.—⁴⁾ Грамотка дать знать; по нашему „оказывается, выходитъ.“—⁵⁾ Отсель уже пѣсня неукрѣпимо спускается какъ по склону, все больше и больше подбавляя, а вмѣстѣ отступаая отъ специальности исторической.

«Мнѣ сказали про бурлачиньку,—

«Казны—денегъ много:

«Разыскалось у бурлачиньки

«Всего три полтины:

25. «Первая полтина—отдать пошу за вѣмчанье.

«Другую полтину отдать дячку за читанье.

«Третью полтинушку женѣ на разживу.»

(Записано А. М. Языковымъ).

*

3.

(Оттуда же, уѣзда Корсунскаго).

Не кручинушка меня, мѡлодца, сокрушила:

Сокрушила меня, мѡлодца, красная дѣвѡнка.

Прежня—бывшая моя сударушка.

Провожала она меня до сыраго бору.

3. Все наказывала она мнѣ тайное словечко:

«Ты поѣдешь, мой любезный другъ,

«Сырѡмъ борожъ,

«Не услышишь ли, мой милый другъ,

«Вольную пташку,

10. «Вольную пташку, горькую кукушку 1)?»

Не кукуй ты, не кукуй, горькая кукушка,

Во сырѡмъ борочкѣ,

Не давай—ка намъ, кукушенька,

Тоски—назолы:

15. Безъ того намъ, солдатункамъ,

Вольно тошно

(Учѣба и стрѣльба намъ скоро не дается) 2)

Какъ загалъ—то насъ Пруцкѡй Король

Во иную землю:

1) Это начало совсѣмъ изъ другой пѣсни, по поводу „кукушки.“ Солдаты вспоминали семью и любимыхъ, отъ того привязывали отрывки другихъ пѣсней.—2) Это вставка позднѣйшая, въ объясненіе „обычной,* не исторической, бѣды.

20. И не шлетъ Пруцкѣй Король ³⁾

Пищи никакѣю ⁴⁾;

Хоть и шлётъ Пруцкѣй Король.

Къ намъ пища не доходитъ.

А прислалъ-то намъ Пруцкѣй Король

25. Вѣстоньку ⁵⁾.

Бѣлую грамотку за черную печати ⁶⁾.

Какъ пришла-то къ намъ, мѣлодцамъ,

Мука-то ⁷⁾ кулевая:

А мука-то добрымъ мѣлодцамъ

30. Очень надокучала ⁸⁾.

(Записано П. В. Шейномъ; ср. его сборникъ).

*

4.

(Оттуда же, Станичное).

Прошли козачушки съ моря Чорнаго,

Со Чорнаго со моря, со Каспицкаго.

Со тово ли со батальница со Турецкаго ¹⁾.

Утомлённыхъ своихъ коней въ поводахъ вѣдутъ.

3. А кровавое цвѣтно платице въ торокахъ везутъ,

А булатными тупейцами подпираются ²⁾.

Случилѣсь итти мимо городу,

Мимо городу—мимо Питеру:

³⁾ Здѣсь, по забвенію, Король представляется „своимъ," союзникомъ: а подобныя черты внесены послѣ вслѣдствіе войны Французской.—⁴⁾ Для размѣра стиховъ при пѣніи; записано плохо. — ⁵⁾ Д. б. „Что прислалъ намъ вѣтку.“ — ⁶⁾ Здѣсь смѣшана приведенная въ образцахъ предъидущихъ вѣсть „самоу Королю," а равно вѣсть солдатамъ съ родины. Д. б. „Бѣлу грамотку за чорною печатью.“—⁷⁾ Д. б. „Мука.“—⁸⁾ Д. б. „докучала.“ Вотъ настоящая причина горя: голодъ въ чужой землѣ и страхи отъ Прусскаго Корѣля.

¹⁾ Это начало нисколько не подрываетъ историчности: оно обычно во всѣхъ Донскихъ козачьихъ пѣсняхъ, встрѣчается чаще съ Петра (см. выш. 8) и съ того же времени соединяетъ Русскій Югъ или Турокъ съ походами противу странъ Западной Европы, Шведовъ, Прусаковъ и наконецъ Французовъ.—²⁾ Только лишь послѣ этого начинается пѣсня собственно о Прусскомъ походѣ.

Увидѣла милосердная государыня ³⁾,

10. Призываетъ она молоденькаго полковничка.

«Охъ ты гой еси, молоденькой—младъ полковничекъ!

«Молодѣхонекъ ты упиваешься!

«Ты не отдашь чести городу Питеру:

«Не чаялъ ты въ городъ государыни ⁴⁾?»

15. —Охъ ты гой еси наша матушка,

—Бѣлосвѣтная государыня!

—Напомль—то насъ Прутской Король,

—Трюмя поймами, трюмя разными:

—Перво пойлицо—свинцомъ—порохомъ,

20. —Друго пойлицо—саблями вострыми,

—Третье пойлицо—копьями вострыми.

(Отъ Лыкова).

*

Эта пѣсня еще больше оживаетъ и оживаетъ историческими чертами при лицѣ Краснощокова: см. ниже. Но она еще имѣетъ при себѣ нѣсколько другихъ однородныхъ, Безымянныхъ или Молодецкихъ, частію старшихъ и частію младшихъ, изъ которыхъ мы кстати приведемъ здѣсь нѣкоторыя на выдержку. Вмѣсто Государыни тутъ простая „государыня-матушка,“ а начало пѣсней (въ заповѣ) совершенно одинаково съ предыдущими образцами о Прусской войнѣ:

5.

Не травушка—не ковылушка въ полѣ шаталася:

Какъ шатался-волочился удалъ-добрый молодець,

Въ одной тоненькой въ полотняной во рубашечкѣ,

Что во той-то было въ кармазинной во черкесочкѣ;

5. У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,

И камчатны его полочки назадъ застегнуты,

Бусурманскою онѣ кровію позабрызганы.

Онѣ идетъ, удалъ-добрый молодець, самъ шатается,

Горючѣю онѣ слезою обливается,

³⁾ Всѣ черты указываютъ на Елизавету: ср. еще ниже Краснощокова. —

⁴⁾ Развѣ не чаялъ надъ собою грозы, не зналъ, что въ столицѣ государыня?

10. Онъ тугимъ—то своимъ лукомъ опирается:
Позолотушка съ туга́ лука долой летить.

Какъ никто-то съ добрымъ молодымъ не встрѣчается,
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодымъ родная матушка:
«Ахъ ты чадо моё, чадушко, чадо милое моё!

15. «Ты за чѣмъ такъ, моё чадушко, напиваешься,
«До сырѡй-то ты до земли всё приклоняешься
«И за травушку за ковылушку всё хватаешься?»

Какъ возгворить добрый молодецъ родной матушкѣ:

—Я не самъ такъ, добрый молодецъ, напиваюся;

20. —Напоилъ-то меня Турецкій царь тремя пойлами,
—Что тремя-то было пойлами, тремя разными:
—Какъ и первое-то его пойло—сабля острая,
—А другое его пойло—копье мѣткое было,
—Его третіе-то пойло—пуля свинчатая.—

(Ср. „Русскую Старину“ Корниловича).

*

6.

(Симбирск. губ.).

Далече-далеченько во чистомъ полѣ,
Не травынъка не муравынъка во полѣ шатается:
Зашатался-загулялся доброй молодецъ,
Въ одной тоненькой въ ольнянненькой во рубашачки,
5. Въ другой лёгненькой во кармазовой во черкешачки,
У черкешачки знать по́лочки позаты́каны,
Молодецкою кровью позабрызганы.
Онъ не пьянъ-то идетъ—самъ шатается,
За ковыль-траву запинается.

10. Какъ увидѣла—усмотрѣла его матушка родима:
«Ты дитя ли моё, дитяtko!
«За чѣмъ пьяной напиваешься?»

- Государыня моя матушка!
 —Я не самъ собой пьянъ напиваюся:
 15. —Напоилъ меня злодѣй басурманъ,
 —Злодѣй басурманъ—молодой Французъ,
 —Трюма пойлами, трюма розными;
 —Перво пойлицо—строево ружьё,
 —Прострѣлилъ могучія плеча;
 20. —Другое пойлицо—его сабля вострая,
 —Разрубилъ мою буйную головушку;
 —Третье пойлицо—ево копьё булатное,
 —Проткнулъ мнѣ ретиво сердце.
 —Отъ того-то я, матушка, и сдѣлался пьянъ.—
 25. «Ты дитя ли моё, дитятко,
 «На кого ты спонадѣлся?»
 —Спонадѣлся я, родная матушка,
 —На свою буйну головушку:
 —Что сгубилъ-то я, матушка,
 30. —Сгубилъ я своё нѣдруга,—
 —Снималъ съ него буйну голову,
 —Втыкалъ я въ его голову свой вострой штыкъ.—

(Отъ Языкова).

*

Слѣдующая пѣсня чисто-солдатская, о возвратѣ изъ Пруссіи въ Москву: но она дышетъ всей тогдашней современностью и, кромѣ того, начинается началомъ извѣстныхъ намъ пѣсней о Лопухинѣ.

7.

(Губ. Моск., у. Звенигородскаго, Воронки).

Вы солдатушки военны, командеры ваши вѣрны,
 Полковнички—адьютаны, гдѣ вы были—побывали?
 Мы во Пруссіи стояли, много горя принимали,
 Много горя принимали: во рукахъ ружья держали,
 3. Крѣпко къ сердцу прижимали и патроны вынимали,
 Мы заряды заряжали, шомполами прибивали,

- Въ чисто поле выступали, въ непріятели стрѣляли.
И мы начали стрѣлять,—а Французъ отъ насъ бѣжать,
Кои въ поле, кои въ лѣсъ, побрасались въ рѣку въ низъ.
10. И мы бились—рубились ровно суточки,
На вторыя—то на сутки стали тѣла разбирать,
Стали тѣла разбирать, свою армію смекать:
Мы смекнули свою силу,—что побито смѣты нѣтъ.
Что нашли же мы убитыхъ—генераликовъ до трѣхъ,
15. Полковничковъ до пяти, офицеровъ девяти ¹⁾

- Во Росію съ маршемъ шли,—всѣ весѣлости нашли.
Во Москву городъ вступили—по фатерамъ становили,
По фатерамъ—слободамъ, по купеческимъ домамъ.
Какъ Московскіе купцы, сказать право, что глупцы:
20. Дочерей своихъ скрывали, во чуланы запирали.
Дѣвки плакали—рыдали, что солдатъ мало видали.
Подъ окошечкомъ сидѣли, во стеколушко глядѣли,
Во стеколушко глядѣли, да отцевъ своихъ бранили:
«Дураки наши отцы, солдатушки молодцы,
25. «Лице бѣло, глаза сѣры, на поступку ²⁾ идутъ смѣлю.»»
Мы кивнемъ дѣвкѣ бровями: Пойдемъ въ лагеря за нами,
Поглядишь нанни палаты, тамъ премилые солдаты!

(Записано П. В. К.—мъ 16 Авг. 1833 г.).

* *

Отселѣ передъ нами два обѣщанныхъ отдѣла, два главныхъ отдѣла пѣсней изъ времени Елизаветы и въ частности изъ эпохи Прусской войны: о *Чернышовѣ* и *Краснощокоевѣ*. Составные элементы, многія частности, образы, краски, черты, приемы, обороты, выраженія, зачала и концы, цѣлыми вставочными пѣснями меньшаго объема и эпизоды, все это занято порою изъ пѣсней старшихъ, XVI—XVII вѣка (см. наши выпуски), наиболѣе изъ Петровскихъ (см. вып. 8), всего же ближе изъ Елизаветинскихъ и „Прусскихъ“, выше приведенныхъ: тутъ и Русскіе, и иностранные генералы эпохи, и Гроссъ-Егерedorфъ съ Лопухинымъ, и Кистринъ, и Берлиаъ, и Шведы частію, а главнѣе Прусаки, иногда же и позднѣйшіе Турки съ Французами: но все это сосредоточено вокругъ двухъ главныхъ лицъ, народныхъ и пѣсенныхъ героев—представителей времени. Обособленіе или, какъ приняли мы выражаться неизбѣжнымъ иностраннымъ словомъ, специализація состоитъ въ томъ, что: пѣсни имѣютъ свое особое начало или

¹⁾ Ср. выше пѣсни о Лопухинѣ. ²⁾ На выступъ, поступью.

особый конецъ, неизменно сопровождающіе и всюду отличающіе; свой условный складъ и размѣръ, даже напѣвъ, исключительно присвоенный.

Область раздѣлена между Чернышовымъ и Краснощокковымъ: но первому особенно отданъ Кистринь, и именно съ Кистринскою тюрьмою, второму Берлинъ, хотя по связи, сходству или искаженію и другія нѣкоторыя мѣстности. Оба героя времени и герои народные: но первый особенно для Русскаго государства и войска регулярнаго, второй для Земляи Донской, для Донскаго козачества. О первомъ пѣсни сохранились больше въ Москвѣ и по радіусамъ ея вліянія, о второмъ по Дону и между козаками. О первомъ въ началѣ пѣсней яркіе признаки—„Звѣзда“, „Таланъ“, „Молодость“: о второмъ „Березынька“, „Ковыль“, „Дорожка“, „Дяковника“ и т. п. При обоихъ Прусскій Король: но при второмъ особенно въ образѣ эпическомъ и мы просимъ здѣсь замѣтить яркія черты древняго нашего богатства, даже мѣна (означенныя у насъ особо въ прикѣпчаніяхъ). О Чернышовѣ воспѣтое событіе частіе, опредѣленіе, сжатѣе; о Краснощокковѣ шире по мѣсту и времени, обнимая нѣсколько странъ и много лѣтъ.

При оцѣнкѣ и размѣщеніи отдѣльныхъ образцовъ, мы, какъ всегда, руководимся не исторіею, вышшею для творчества или такъ называемою „положительною“, а у нѣкоторыхъ политическою, но исторіею и условіями самого пѣснотворчества.

Пѣсни о *Чернышовѣ* (или, лучше, одна развѣтвившаяся пѣсня) сложены на основаніи образцовъ болѣе древнихъ, гораздо прежде извѣстныхъ народу и называемыхъ „Темничными“ или „Тюремными“, которые по содержанию своему легко переходили въ „Теремныя“, о всякомъ простомъ заключеніи или одиночествѣ, какъ въ судьбѣ частныхъ семействъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ пѣли и поютъ эту пѣсню, въ основномъ образцѣ ея, одинокій молодецъ, осиротѣвшая мать, оставленная или обманутая дѣвица: пѣнаютъ на „Таланъ такой, участь свою горькую“ или „Звѣзду свою злосчастную“, судьбину; передовой образъ пѣсни, звѣзда, подымавшаяся выше свѣтлаго мѣсяца или затмившая солнце красное, даетъ сравненію удобный поводъ противопоставить тьму заключенія, одиночества и горя, изъ „свѣтлой свѣтлицы“ сдѣлать „темную темницу“, изъ „свѣтлаго терема“ создать „тюрьму.“ Въ быту, особенно при отношеніяхъ къ государству, применялось это ближайшимъ образомъ ко всякимъ „полоняникамъ“, къ тому полону, который случался неизбѣжно при встрѣчѣ съ государевой казнью, со врагомъ вышшимъ, на государевой службѣ: такъ называемые „несчастные“, попавшіеся подъ кару закона, а еще легче разбойники—удалые молодцы, еще чаще люди служилые и козаки, доставшіеся въ плѣнъ неприятелю, взяли пѣсню себѣ въ ближайшее владѣніе. „Молодость ты моя молодецкая“, размыканная страстями и похождениями, „Голова ль ты моя послуживая“, дослужившаяся до темницы,—эти черты, звуки и выраженія вошли во внутреннюю, необходимую принадлежность пѣсни и выѣсть сдѣлались нагляднымъ признакомъ ея образцовъ. Этими угадывая путь еще дальнѣйшему, уже новому и осо-

бому „примѣненію,“ чисто „историческому,“ въ смыслѣ вѣщанья и даже политическомъ, о лицахъ и герояхъ историческихъ: такое лицо принимало пѣсню *къ себѣ*, къ своему положенію, *намо ея* о себѣ, пѣсни становились *его пѣсню*; по обычному ходу постепенности, не разъ нами объясненному въ примѣрахъ, герой здѣсь выставлялъ *армо себя и отъ себя*, потомъ рассказывалъ *о себѣ въ 3-мъ лицѣ*, потомъ рассказывали *объ немъ*, и порѣдко забывалъ, разумѣется, впередъ, такъ что въ пѣсни самъ герой порою описывалъ даже собственную казнь свою или смерть. Старшее примѣненіе подобной пѣсни исторія пѣснотворчества застаётъ еще, пожалуй, при Святославѣ по Слову о Полку Игоревѣ, потомъ яснѣе и опредѣленнѣе при Романѣ по „Былинамъ Московскимъ,“ съ указаніемъ „на Голову“ пошедшую или на „Молодость“ растрченную (ср. у насъ вып. 8-й). Собственно же, на пути исторіи положительной, закрѣплено твердо это примѣненіе впервые при имени и лицѣ *Ермана*, потомъ *Разма*, далѣе *Стрѣльцовъ* и за ними *Донцовъ* (при постигнутой или постигнутой невзгодѣ сикъ двухъ послѣднихъ въ эпоху Петра), по мѣстностямъ же — при Москвѣ (и Петербургѣ), при Азовѣ и при Дону, передъ лицомъ — Грознаго царя Московскаго или Султана Турецкаго. Обратнo, путемъ уже нисходящимъ, при разложеніи чертъ историческихъ изъ окрѣпшаго образа и склада, раскопалась и разошлась эти пѣсни снова такъ сказать во внутрь земли и струины, по событіямъ частнымъ, семействамъ, лицамъ, безымяннымъ молодцамъ, порою унося сюда и новыя, кое-какъ дошедшія, черты изъ положительной исторіи. Разошлась и расплылась пѣсни по суху и по пути водному, по служивымъ всякимъ государевымъ людямъ, по всякимъ козакамъ, по Низовой вольницѣ, по разбойникамъ и „разбойничкамъ,“ по всѣмъ полешайкамъ, тюремничкамъ, заключенничкамъ. Не забывая исторіи вѣщанья, можно отличить въ этомъ ходѣ и свою внутреннюю исторію пѣснотворчества: сложились свои признаки эпохъ, въ образахъ, въ складѣ стиха и всей пѣсни, въ оборотахъ и слововыраженіяхъ, въ наивьяхъ. Такъ Ерманъ, съ Доломъ и Волгой, Азовомъ и царемъ Турецкимъ, не имѣетъ однако же въ этой пѣсни вѣщаньяго признака въ родѣ „Звѣзды,“ „Талана,“ и т. п.; то же и Разинъ, который специализируетъ свои пѣсни „Лѣсами темными,“ „Туманами,“ „Восходямъ красна солнышка“ и т. п. При Петрѣ Стрѣльцы, а рядомъ и другіе служивые старой службы, отличили „свою“ пѣсню „Головой-головушкой послуживомъ (чему помогла именно бѣда стрѣльцевъ „Головъ“). На оборотъ Донцы при Петрѣ усвоили себѣ по преимуществу „Талавъ.“ Низовые, особенно рѣчные, забрали и широко на привольѣ развернули „Молодость,“ съ прихотливыми развѣтвленіями пѣсни этого имени. Тѣ же степные и бродяги сухопутные держатся обичья „Сторонн-сторонюшки,“ ваявая съ работъ Ладожскихъ и по линіямъ до чумаковъ, до всѣхъ рабочихъ по каналамъ и дорогамъ, до извозчиковъ и такъ далѣе, пока отсюда выработался совершенно особый типъ „Степи,“ Саратовской, Моздоцкой, и всякой другой, въ пѣсни этого имени и признака. Пѣсни, вторично и обратнo разлагавшіяся изъ обломковъ историчес-

ших или державшихся простѣйшей первобытной основы, съ которой под-
 шлась нѣкогда и сама Былина Историческая, въ свою очередь усвоивали
 себѣ то одинъ, то другой признакъ, смотря по эпохамъ, мѣстностямъ и
 частнымъ лицамъ: тѣ, кои можно назвать „Петровскими,“ держатся еще
 „Звѣзды“ и „Таланъ,“ либо „Головушка“ и т. п., спускаясь далѣе и къ
 „Злудью Сердцу,“ и къ „Змѣѣ“ лютой тоскѣ, и т. п. (это уже болѣе вну-
 треннее и личное, и вѣсть болѣе частное и дробное). Смотрите примѣры
 сего и переходы въ нашемъ VII и особенно въ VIII выпускѣ. Разбойники
 въ смыслѣ болѣе тѣсномъ, который конечно суживался или точише опре-
 дѣлялся съ шагами развивавшагося государства, какъ воры, злодѣи и пре-
 ступники (понятія и слова нѣкогда весьма условныя значеніемъ народ-
 нымъ, а послѣ техническія на языкѣ закона) взяли и заголовокъ себѣ
 сравнительно уже болѣе поздній, такъ сказать предметный и менѣе отвле-
 ченный, практический, на примѣръ „Ты злодѣй-злодѣй земляна тюрьма,“
 пока наконецъ явился и „Острогъ,“ и т. п. Какъ бы, видѣли мы, своимъ ши-
 рокимъ размахомъ сумѣлъ захватить въ свою пѣсню отлчіе, еще срав-
 нительно болѣе древнее, примыкавшае къ Раздѣльному, — „Зеленую дубро-
 вушку“ съ ея „Шумомъ.“

Пѣсня Чернышова и объ Чернышовѣ вся этой самой плоти и этихъ са-
 мыхъ костей: но къ ней донеслась и съ тѣхъ поръ стала главнымъ, отли-
 чительнымъ, спеціальнымъ ея признакомъ „Звѣзда восточная.“ Такое за-
 головокъ: внутри сбереглись и черты другія. Мы должны такъ представ-
 лять себѣ путь ея постепеннаго сложенія: внутри ея самой обличается зер-
 но, изъ котораго развилась она. Въ первыхъ, и лучшихъ (относительно
 самого творчества) образцахъ, за симъ печатающихся, Чернышовъ въ не-
 воли—въ полону—въ тюрьмѣ: по народному представленію онъ въ этомъ
 положеніи непремѣнно долженъ затянуть извѣстную обычную пѣсню; онъ
 и дѣйствительно затягиваетъ пѣсню „Таланъ.“ Эта пѣсня, какъ онъ самъ
 ее называетъ и называетъ за него народъ, есть пѣсня „своя“ ему, своя
 „любимая,“ „служивая (ср. выше „Головушку послуживую,“ „старую“ или
 „любимую“ пѣсню Кайна и т. п.).“ Какъ скоро раздалась изъ устъ Чер-
 нышова эта пѣсня, она, извѣстной притягательной силою, должна была
 притянуть сюда изъ той же народной области и другія однородныя: ря-
 домъ съ „Таланомъ,“ по развѣтвившимся образцамъ, онъ поетъ и „Голо-
 вушку,“ а за тѣмъ и „Молодость;“ еще шагъ—и эти признаки становятся
 уже въ заголовокъ пѣсни, вытѣсняя спеціальное ея отлчіе „Звѣзду вос-
 точную.“ Но, съ другой стороны, какъ скоро прозвучали пѣсни съ этими
 заголовками, какъ скоро онъ свилъ свой хоръ вокругъ лица Чернышова,
 тотчасъ, какъ мы знаемъ, должны были явиться и всѣ другія, извѣстныя
 изстари, черты и знакомые образы: мрачная темница, въ ней Чернышовъ
 сидитъ девять, и даже тридцать лѣтъ и три года, онъ отростилъ себѣ бо-
 родушку, носѣдѣла его служивая головушка, мимо идетъ виноникъ поло-
 на, случайно узнаетъ объ заключенномъ, плѣнникъ требуетъ свободы, а
 пожалуй и грозить, и угрозу выполнять, и точно освобожденъ, и нака-

залъ вороговъ за тврѣму,—однимъ словомъ, отъ самаго Ермака все очень хорошо намъ известное. Сколько тутъ есть исторiи положительной и политической,—не наше уже дѣло, ибо не дѣло народнаго творчества. Виновникъ можетъ быть легко и султаномъ Турецкимъ, мѣсто заключенiя можетъ смахивать на Азовъ, плѣнникъ пишетъ пожалуй и къ Донцамъ,—смотря потому, если пѣсня у Донцовъ поетсѣ. Но, какъ „Звѣзда восточная“ специализировала пѣсни о Чернышовѣ, такъ есть и другiе признаки, въ томъ или другомъ образцѣ закрѣпившіе ея историчность и специальное историческое примѣненiе: это, въ лучшихъ образцахъ,—*Кистрми*, виновникъ — *Прусской Король*, письмо *къ государыня*, а еще больше нераздѣльное имя — самъ *Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ*. Имя это уже трудно подставить или замѣнить другимъ, хотя бы даже въ образцахъ попортившихся: оно составляетъ собою цѣлый стихъ, оно условило весь складъ и размѣръ пѣсни—*во девять слоговъ* (подобно какъ въ другихъ, см. выше, „Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ“, „Карамышевъ князь Семенъ Константиновичъ“ и т. п.). Еще больше: этотъ размѣръ въ 9, а порою сходный въ 11 слоговъ (см. въ прежнихъ выпускахъ), на переходѣ изъ Эноса къ Элегiи, отъ Былинъ къ пѣснямъ Безымяннымъ и частнымъ, усвоилъ особому роду пѣсней, обычно выражающихъ горе съ переходомъ на концѣ въ радость, и сопровождается потому особеннымъ *кальмакомъ*, томо-веселымъ (въ началѣ протяжнымъ, но съ надѣнемъ въ концѣ и съ заключенiемъ болѣе живымъ). Напѣвъ *свой* неразрывенъ съ этою пѣснію о *Чернышовѣ* и, вытекая изъ условiй ея сущности, въ свою очередь поддерживалъ доселѣ историческую ея подлинность. Послѣ примѣненiя историческаго къ Чернышову, гдѣ держался еще области известныхъ Былинъ, онъ перешелъ вскорѣ къ пѣсни Безымянной, похожаго содержанiя, именно къ известной—

„Между Кóломной и Бронницей,

Между рѣчками стремистыми (см. ее послѣ);“

а наконецъ затвердѣлъ, хотя съ измѣненiемъ, при известной же, но совершенно уже частной и „любвонной“—

„Здравствуй, милая, хорошая,

Чернобровая, пригожая (еще дальше въ концѣ ее расстанули до

11-ти слоговъ, прибавивши „моя“).“

Таковы судьбы, намъ теперь ясны, „Исторической Былевои“ пѣсни о Чернышовѣ.“

Мы начинаемъ съ образцовъ по всему лучшимъ, гдѣ въ заголовкѣ „Звѣзда“, внутри „Таланъ“, съ чертами, тѣсно примыкающими къ образцамъ старшимъ и основнымъ, только лишь обособленными по своему:

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

1.

(Шенкурскъ, Арханг. губ.).

Ты звѣзда, звѣзда восточная!
 Высоко звѣзда восходила:
 Выше свѣтлаго мѣсяца,
 По зайвью красна солнышка ¹⁾.

5. Во землѣ было во Пруссіи,
 Во Кистринѣ, славномъ городѣ.
 За Кистринскими воротами,
 Во саду было, во вишенѣ,
 Во зелѣномъ виноградницѣ.
10. Тутъ стояла свѣтла свѣтлица ²⁾.—
 Заключѣвна заключѣвница ³⁾.
 Со косящатымъ окошечкомъ,
 Со стекольчатой окóленкой,
 Со желѣзной со рѣшоточкой;
15. Что у этой свѣтлой свѣтлицы.
 Заключевой заключевницы,
 Были двери всё желѣзныя.
 Ободвѣрины укладныя ⁴⁾.
 А пробойцы—то булатныя.
20. А замокъ былъ въ полтора пуда.
 Полтора пуда съ четвертью ⁵⁾.
 Какъ во этой свѣтлой свѣтлицѣ,
 Заключевой заключевницѣ,
 Тутъ сидѣлъ да посидѣльщикекъ.
25. Онъ по свѣтлицѣ погуливаетъ,

¹⁾ Выше солнышка при его восходѣ (явленіи):—²⁾ Остатокъ еще древнѣйшаго образа, отвѣчающаго свѣтлой звѣздѣ и теперь перешедшаго къ самокъ дѣлѣ въ темную темницу (ср. ниже въ другихъ образахъ).—³⁾ Тюрма для заключеннаго.—⁴⁾ Стальныя.—⁵⁾ Д. б. „со четвертью.“

Золоту трубку раскуриваетъ 6).

Запѣваетъ свою пѣсенку,

Свою пѣсенку любившую,

Свою пѣсенку служивую:

30. «Ты таланъ ли мой. таланъ лихой,
«Злая участь, горе горькое!
«На роду 7) мнѣ Господь писалъ—
«Одному горе измыкати!»

Мимо этотъ садъ и вишенье

35. Случилося итти-ѣхати
Самому Королю Прусскому,
Королевскому величеству.
Какъ завидѣлъ посидѣльщичекъ
Изъ косяшата окошечка.

40. Во стекольчату околенику:
«Ахъ ты гой еси, Прусскѣй Король.
«Королевское величество!
«Ты умѣлъ меня въ полонъ поймать.
«Ты умѣлъ меня въ тюрьму садить:

45. «Прикажи меня поить-кормить;
«Не прикажешь 8) поить-кормить.
«Прикажи меня на Русь пустить;
«Не прикажешь ли на Русь пустить,
«Прикажи меня скорѣй сказнить!»

50. Остоялся 9) самъ Прусскѣй Король,
Королевское величество:
—Ахъ ты гой еси, Россійскій графъ,
—Чернышовъ Захаръ Григорьевичь!
—Ужъ ты будешь ли по мнѣ служить?
55. —Коли будешь ты по мнѣ служить,
—Прикажу тебя поить-кормить
—Прикажу дать двойно жалованье.—
Закричалъ тутъ 10) Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичь:

6) Ср. выше Лопухина.—7) Должно быти: „на-роду ли,“ или „злато.“ —
8) Прибавьте ли: или ты.—9) Остаповилон.—10) Д. б. „тута.“

60. «Ахъ ты гой еси. Прусской Король,
«Королевское величество!
«Кабы былъ я на своей волѣ.
«Я бы радъ былъ ¹¹⁾ тебѣ служить—
«На твоей бы буйной головѣ,
65. «На твоей бы шеѣ бѣлыя!»
Какъ спроговорить Прусской Король,
Королевское величество
— «Посиди-ка ты во той тюрьмѣ,—
— Наберешься ума-разума!—
70. Закричалъ тутъ посидѣльщикекъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
«Напишу я свою грамотку
«Не перомъ ¹²⁾, не чернилами,
«А своими горячими слезьми.
75. «Превеликой государынѣ ¹³⁾,—
«Еще нѣ што ¹⁴⁾ наша катушка,
«Превелика государыня,
«На подмогу бы силы прибавляа,
«Артилеріи бы къ намъ подкатила!»
80. Еще Прусской Король
Не доѣхалъ до своего дворца ¹⁵⁾,—
Ужъ и пушечки запукали
Во славной ¹⁶⁾ Кистрингъ-городѣ.
Обездолился Прусской Король.
85. Королевское величество;
Выпускалъ же онъ посидѣльщика,
Отвозилъ къ царю Бѣлому ¹⁷⁾,
Превеликой государынѣ;
Онъ просилъ замиренница ¹⁸⁾:

¹¹⁾ Д. б. „Я бы радъ бы былъ.“—¹²⁾ Д. б. „Не перомъ я,“ или и; лн.—¹³⁾ Елизаветъ.—¹⁴⁾ Чтобы; какъ бы пожалуй, явось либо.—¹⁵⁾ Д. б. „Еще тотъ билъ Пр. К., Не доѣхалъ до своего дворца.“—¹⁶⁾ Д. б. „Что во славной.“ И въ другихъ мѣстахъ ожидается исправленіе смѣл. спрѣсѣмъ, согласно размѣру стиховъ и складу пѣснн.—¹⁷⁾ Связь съ эпохою пѣсней Петровскихъ (ср. вып. 8), хотя „даръ Бѣлый“ и растолкованъ даже „государниемъ.“—¹⁸⁾ Ср. выше просьбы о мирѣ со стороны короля Шведскаго.

90. —Превелика государыня!
 —Помирися со мной, Прусскій Король.—
 Говорить тутъ посидѣльщикекъ ¹⁹⁾.
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Превелика государыня!
 95. «Не мирися съ Прусскій Король:
 «Мы воземъ его Кистринъ-городъ,
 «Разобьемъ Кистрински крѣпости!»

(Записано г. Н. Борисовымъ, въ Декабрѣ 1845 г.; доставлено М. П. Погодинымъ).

*

2.

(Губ. Сибирской, с. Станшное).

- Высокó, братцы, звѣзда взошла:
 Выше лѣсу—выше тѣмнаго,
 Выше ельничку—березничку;
 Далекó звѣзда осьяшла:
 5. Осьяшла во Кистринъ-городъ.

- Во Кистринъ было въ городѣ,
 За Кистринскими ворóтами,
 Стояла тутъ свѣтла свѣтлица,
 И со красными окошками.
 10. Въ той ли ¹⁾ свѣтлой свѣтлицѣ
 Сидѣлъ тутъ доброй молодець,
 Доброй молодець, Россійской графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ,
 15. Самъ бѣлыми руками помахиваетъ ²⁾,
 Табаку трубку раскуриваетъ.

перенесенныя потомъ на Пруссакаго; о связи дѣлъ Прусскихъ со Шведскими выше и ниже.—¹⁹⁾ Или въ письмѣ, или уже лично самой государынѣ (предупрежденіе): ср. въ другихъ образцахъ.

¹⁾ Должно быть: „Что въ той ли.“—²⁾ Д. б. „Самъ бѣлы руки помахивать“ или въ этомъ родѣ.

Онъ поеть пѣсни, какъ лѣсъ шумить ³⁾;

«Ужь Таланъ ли мой, таланъ худой,

«Али участь моя горькая!

20. «На роду ли таланъ уродился.

«Жеребью ли участь досталася?

«Людей ли у людяхъ не было ⁴⁾,

«Въ полонѣ ли быть бы пѣкому,—

«Въ полону быть мнѣ, добру молодцу ⁵⁾!»

25. Случилося тутю ѣхати

Самому Королю Прусскому;

Онъ и ѣхалъ—остановился:

—И что это за свѣтлица,

—И что это въ ней за человекъ сидитъ?—

30. ««Тутъ человекъ сидитъ—Россійской графъ ⁶⁾.»»

—Ты скажи мнѣ имя—бтество ⁷⁾,

—Послужи ты мнѣ вѣрой—правдою,

—Вѣрой—правдой невзмѣнною:

—Черезъ чинъ я буду тебя жаловать.—

35. Что возгворить Россійской графъ:

«Охъ ты гой еси, Прусской Король!

«Нѣтъ теперъ при мнѣ, при молодцѣ.

«Нѣту сабли вострой ⁸⁾;

«Послужилъ бы я надъ твоей надъ буйной головушкой!»

40. «За кого я присягу принималъ.

«За того я и умереть должонъ ⁹⁾!»

(Отъ Язикова).

*

³⁾ Ср. выше отрицательное сравненіе, — „Не шуми — дубровушка.“ —
⁴⁾ По жеребью ли эта участь досталася? Или не было въ людяхъ другаго
человѣка на эту долю?—⁵⁾ „мнѣ“ лишнее.—⁶⁾ Ц. б. „Человекъ сидитъ—Р.
гр., Черн. З. Григ.“—⁷⁾ Старшая форма отъ корня „от.“—⁸⁾ „Нѣту сабли
при мнѣ вострия.“ Потерявъ складъ первобытный, пѣсня обычно натяги-
ваетъ размѣръ искусственнымъ протяженіемъ гласныхъ.—⁹⁾ Прибавка сол-
датская.

3.

(Рязанск. губ.).

Высоко—то звѣзда восходила:
 Что надъ славнымъ надъ Кистринымъ—городомъ.
 Надъ Кистринскими воротами ¹⁾.

Тамъ стояла тѣмная тѣмница,

5. Распроклятая заключеница:
 Засажонъ тамъ былъ Россійскій графъ
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ,
 Табаку трубку раскуриваетъ.

10. Про свою участь рассказываетъ:
 «Охъ ты участь моя горькая,—
 «На роду ли мнѣ написана,
 «Иль по жеребью досталася, —
 «Что сидѣть ли мнѣ въ тѣмной тѣмницѣ,
 15: «Распроклятой заключеницѣ!»

Случилось тутъ Прусу ѣхати;
 Увидалъ онъ тѣмну тѣмницу,
 Онъ и сталъ тутъ выпрашивати:
 —Для чего тутъ часовой солдатъ ²⁾ стойтъ,

20. —Или кто тутъ засажонъ сидитъ?—
 ««Ужъ ты гой еси, Прускій Король,
 ««Королевское величество!
 ««Засажонъ тутъ Россійскій графъ,
 ««Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.»»

25. Какъ всходилъ Король во тѣмницу,
 Тутъ возговоритъ Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Ужъ ты гой еси, Прускій Король!

¹⁾ Запѣвъ сливается съ послѣдующимъ разсказомъ.—²⁾ „солдатъ“ лишнее.

- «Прикажи меня поить—кормить;
 30. «Не прикажешь ты поить—кормить,
 «Прикажи на волю выпустить;
 «Не прикажешь на волю выпустить,
 «Прикажи меня скоро казнить!»
 Какъ возгворить Прусской Король:
 35. —Ужь ты гой еси, Россійскій графъ,
 —Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ!
 —Послужи мнѣ вѣрой—правдою,
 —Какъ служилъ ты царю Бѣлому! —
 «Ужь ты гой еси, Прусской Король!
 40. «Послужилъ бы я тебѣ вѣрой—правдою,
 «Если бѣ была бы моя сабля вострая,
 «Надъ твоею шеей толстою!
 «Напишу я на Донѣ грамотку ³⁾:
 «Всѣ козаки возволнуются!»
 45. Не успѣлъ онъ рѣчь окончити,
 Какъ нагрянули Донскіе козаки:
 Загрѣбла артилерія,
 Засверкали сабси вострыя,
 И разбили весь Кистринъ—городъ ⁴⁾.

*

4.

(Земля Войска Донскаго).

Ой зоря моя — збрюшка,
 Ты зоря моя вечерняя ¹⁾,
 Ты звѣзда моя восхожая!
 Высоко звѣзда восходила:
 5. Выше дѣсу выше тѣмнаго,
 Выше садику зелѣнаго,
 Выше города Костринскаго.

³⁾ Признакъ того, что пѣсня употреблялась ужъ на Дону или Донцами —

⁴⁾ Въ концѣ прибавка прозаическая, на книжный ладъ.

¹⁾ Изъ другихъ заглавѣвъ, но по тому поводу, что зоря часто сближается въ пѣсняхъ со звѣздою.

Надъ Костры́нскими воробтами,
Какъ стоялъ тамъ сыръ-зелёный садъ.

10. Сыръ-зелёный садъ, со вишенкой;
Ой во томъ ли во зелёномъ во саду,
Стояла тамъ темная тёмница,
Распроклятая заключевница:
Подъ ключомъ ²⁾ сидитъ невольничекъ,
15. Невольничекъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по тёмницѣ похаживаетъ,
Ръзвыя ³⁾ ноженьки уталиваетъ ⁴⁾,
Бѣлы ручушки поламливаетъ,
20. Часто въ окошечко посматриваетъ:
Что не ѣдетъ ли Прусской Королю,
Королевское величество,
Со своими бригадирами ⁵⁾.

Случилося ⁶⁾ королю ѣхати,

25. Случилося младцу ⁷⁾ видѣти:
«Ахъ ты батюшка, Прусской Королю!»
«Прикажи, сударь, поить-кормить,
«Прикажи на волю выпустить ⁸⁾!»
—Когда будешь Королю служить,
30. —Прикажу ⁹⁾ поить-кормить,
—Прикажу на волю выпустить ¹⁰⁾.—

«Ой, Таланъ ты мой, худой таланъ,
«Злое несчастье ¹¹⁾ моё горькое!
«Знать на роду молодцу написано

35. «И по жребію ¹²⁾ досталось,
«Что сидѣть молодцу во тёмницѣ,

²⁾ Въ заключеніи.—³⁾ Д. б. „Ръзвы“.—⁴⁾ Расширенная форма отъ „уталить“ ухаживаетъ, размариваетъ ходьбой.—⁵⁾ Изначальный наизъ пріемъ „предупрежденія (Король проѣхалъ мимо случайно).“

⁶⁾ Д. б. „Случилось.“—⁷⁾ Ошибка вмѣсто „младца“, Чернышова.—⁸⁾ Пропущено: если не будешь поить-кормить.—⁹⁾ Добавьте „теби.“—¹⁰⁾ За сими вѣснѣ Чернышова отставлена къ концу, какъ выраженіе отчаянія.—¹¹⁾ Дурно записано: „Зло несчастье.“—¹²⁾ „И по жребію.“

«Въ распроклятой заключевницѣ,
 «Знать отъ младости до старости!
 «Наточу жь я шашку острую,
 40. «Перерублю жь я шею толстую ¹³⁾»

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.).

*

5.

(Черяговскія Слободы).

Ты звѣзда ль моя ты, звѣздочка,
 Ты звѣзда ль моя восходяя,
 Ты звѣзда ль моя золотая!
 Высокó ты, звѣзда, восходила:
 5. Выше солнца, выше мѣсяца,
 Выше облака ходячаго,
 Выше лѣсу ли стоячаго,
 Выше лѣсу выше тѣмнаго,
 Выше садика зелѣнаго,
 10. Освѣтила вѣсь Кистринъ—то градъ.

Подъ Кистринскими воротами
 Какъ стояла темна тѣмница:
 Какъ во той ли темной тѣмницѣ
 Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
 15. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ
 Да бородушку поглаживаетъ:
 Отростилъ себѣ бородушку
 Ниже пояса шелковенькаго,
 20. Отростилъ себѣ русы кудри
 По самыя могутныя плечики.
 Случилось тамъ Прусу фхати
 Мимо той ли темной тѣмницы:
 —Ужь и кто здѣсь засажонъ сидитъ?—

¹³⁾ „Перрублю.“—¹⁴⁾ Конецъ такъ дурно выходитъ, какъ будто Чернышовъ грозитъ самому себѣ: между тѣмъ „шея толстая“ у Пруссаго Короля, какъ въ другихъ пѣсняхъ у Татарина и всякаго иностранца или врага.

25. «Засажовъ сидитъ Россійскій графъ,
«Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ ¹⁾»»
«Прикажи, сударь, поить-кормить,
«Аль на волю вели выпустить:
«Послужилъ онъ царю Бѣлому,
30. «Послужилъ онъ правдой-вѣрою,
«Помахалъ онъ саблею вострою
«Надъ своею ²⁾ шей толстою.»

(Запис. Н. Н. Рыбникова, ср. наше издание т. II).

*

Слѣдующій образецъ терлетъ обычный запѣвъ, но за то внутри помѣ-
щаетъ уже двѣ пѣсни Чернышова, „Таланъ“ и „Головушку“:

6.

(Губ. Орловской).

- За Кистрийскими воротами,
Тутъ стояла нова горница,
По россійски темна тѣмница ¹⁾:
Какъ во этой темной тѣмницы
5. Посажонъ былъ тутъ невольничекъ,
Что невольничекъ Росейской графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ ни годъ сидѣлъ, ни два года
А сидѣлъ ровно тридцать три года:
10. Отростилъ онъ себѣ рыжу бороду. ²⁾
До шелковаго до поясу,
Русыя ³⁾ кудри до могучихъ плечь.
Онъ сидѣлъ, бѣдный, посиживалъ,
Головой буйной покачивалъ ⁴⁾:
15. «Голова ль моя, головушка,
«Голова ль моя побѣдная ⁵⁾,

1) Слѣдующее, хоть и въ 3-мъ лицѣ, принадлежитъ, какъ мы знаемъ, са-
мому Чернышову.—2) Вотъ уже какъ далеко простерлась порча.

3) Поманутый переходъ отъ „свѣтлой свѣтлицы“ къ „темной тѣмницѣ“
народъ объясняетъ уже какъ „Русское толкованіе.“—4) Порча дальше и
дальше.—5) „Русы.“—6) Народъ создаетъ особый образъ, чтобы по этому
поводу подойти къ пѣснѣ о „Головушкѣ.“—7) Бѣдная, въ бѣдахъ.

«Што побѣдна, безотецкая,

«Безотецкая, молодецкая ⁶⁾!

«Охъ, Таланъ ли мой, таланъ такой:

20. «Ни въ роду ли мнѣ написано,

«Ни къ смерти ли приговорень я ⁷⁾!»

Какъ случилось Прусу ѣхати:

«Охъ ты гой еси, Прусской Король,

«Прикажи, сударь, поить—кормить,

25. «Прикажи, сударь, на волю выпустить!»

(Запис. г. Якушкинымъ).

*

Въ слѣдующихъ двухъ образцахъ вставочная пѣсня изнутри перенесена въ заголовокъ:

7.

(Сибирскъ).

«Ты Таланъ ли мой, таланъ худой,

«Или участь моя горькая!

«На роду участь написана,

«Или такъ со мной случилось,

5. «Что сидѣть мнѣ въ тѣмной тѣмницѣ,

«Распроклятой заключеницѣ!

«Какъ сидѣлъ я ровно девять лѣтъ ¹⁾.»

На десятомъ году случилось мимо ѣхать ²⁾

Самому ли Королю Прусскому.

10. Мимо самой тѣмной тѣмницы ³⁾:

«Тутъ засаженъ былъ Россійскій князь ⁴⁾.

«Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.»

Какъ возгворилъ Россійскій князь

Самому ли Королю Прусскому:

15. «Ахъ ты гой еси, Прусской Король,

⁶⁾ За симъ пѣсня вторая.—⁷⁾ Плохо, порча.

¹⁾ Извѣстное намъ перенесеніе съ 1-го лица на 3-е и обратно.—²⁾ Стихъ „Случилось мимо ѣхати“ самъ обличаетъ позднюю прибавку „на десятомъ году.“—³⁾ За симъ, какъ знаемъ, слова стражей на вопросъ короля.—

⁴⁾ „Князь“ еще болѣе поздняя поправка къ забытому „Графу.“

«Прикажи, сударь, поить-кормить,
 «Изъ неволи князя выпустить!»
 Какъ возгворилъ Прусской Король,
 Королевское величество:

20. —Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
 —Какъ служилъ ты царю Бѣлому,
 —Царю Бѣлому, Петру Первому ⁵⁾!—
 Какъ возгворилъ Россійскій князь:
 «Послужилъ бы вѣрой-правдою,—
 25. «Нѣтъ у меня сабли вострыя!
 «Послужилъ бы вѣрой-правдою
 «Надъ твоею шеей толстою!»

- Лишь успѣлъ князь слово молвити,
 Чуть успѣлъ Король уѣхати,—
 30. Изъ-за лѣсу изъ за тѣмнаго,
 Изъ-за горъ было за высокихъ,
 Не грозная туча подымалася,—
 Восходила тутъ Русская армія,
 Русска армія царя Бѣлаго,
 35. Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

(Зависано Дн. А. Валуевымъ).

*

8.

(Москва).

Ужь Таланъ-то, таланъ ли мой такой,
 Али участь моя горькая!

- Ты звѣзда моя восточная!
 Высоко звѣзда восходила:
 5. Выше лѣсу выше тѣмнаго,

⁵⁾ Извѣстная намъ связь пѣсень XVIII вѣка съ Петровскими, а если уже «Царь Бѣлый», то опять по привычкѣ и требованью обычнаго стиха «Петръ Первый.»

Выше облака ходячаго.

За канавой за глыбокою,
За стѣною бѣдой-каменной ¹⁾,
Какъ стояла тутъ темная тѣмница.

10. Что тѣмная, заключѣнная:

Какъ во той ли тѣмной тѣмницѣ
Засажонъ сидитъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ,

15. Золоту трубку покуриваетъ:

Отростилъ свои волосьныки
Что по самыя могучі плеча,
Отростилъ свою бородушку
Что по самый по шелковъ поясъ.

20. Ужь возгворить Россійскій графъ:

«Ужь велить-ли Богъ на Русь выдочить ²⁾.
«Отплатчу я Королю Прусскому,
«Не мытьемъ, такъ я катаньемъ!»

Случилося мимо ѣхать тутъ

25. Самому Королю Прусскому.

Ужь какъ взгворить Россійскій графъ:
«Охъ ты гой еси, Король Пруской!
«Прикажи меня поить-кормить;
«Не прикажешь поить-кормить,

30. «Прикажи скоро казнить;

«Не прикажешь скоро казнить,
«Прикажи на волю выпустить
[«Не прикажешь на волю выпустить,
«Прикажи скоро казнить ³⁾!»]

35. «Отпишу я на Русь грамотку,

¹⁾ Потерявъ Кистривъ и мѣстность историческую, народъ старается вывернуться и обойтись чертами общими, выраженіями почти отвлеченными.—

²⁾ Первоначально *выдочать* (ча съ носовымъ), откуда дальнѣйшее *выдочнать* (вы-до-чек-а-ть; ча въ *чек* и *чим*, потомъ въ *чек*): дожидаться чего ни будь, добиваться выжиданіемъ, выжидая терпѣливо съ самаго начала до извѣстнаго предѣла.—³⁾ Совсѣмъ лишнее повтореніе.

- «Что къ самой-ли государынѣ:
 «Государыня отпишетъ на Донъ грамотку
 «Къ самому ли Краснощокому ⁴⁾:
 «Козакѣ съ Дону подымутся,
 40. «Что козаки со Татарами,
 «Черемисы со Башкирами ⁵⁾.»
 Ужь какъ взговорить Король Прусской:
 —Охъ ты гой еси, Россійскій графъ,
 —Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ!
 45. —Послужи мнѣ вѣрой-правдою,
 —Какъ служилъ царю Бѣлому!—
 Ужь какъ взговорить Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Если бѣ была у меня сабля вострая,
 50. «Послужилъ бы я надъ твоей головой,
 «Надъ твоею шеей толстою!»

(Записано со словъ старухи).

*

Слѣдующій за снѣмъ образецъ замѣняетъ уже „Таланъ“ и „Головушку“ сродною „Молодостью“ и также выносить ее въ заголовокъ пѣсни, а на мѣсто „Пруссаго“ ставитъ короля „Шведскаго“:

9.

(Губ. Симбирской).

- Охъ ты молодость моя, молодость,
 Красота молодецкая!
 Истаскалъ я свою молодость
 Не въ корысти, не въ радости,—
 5. Въ чужой-дальней сторонушкѣ,
 Въ Шведской поземелюшкѣ ¹⁾!

⁴⁾ Связь съ современникомъ Краснощоковымъ, о которомъ ср. ниже.—

⁵⁾ Такъ изъ древности имя „козаковъ“ вызываетъ за собою, изъ глубины, разныхъ восточниковъ, противъ которыхъ первоначально и развилось козачество, но которые впоследствии раздѣляли службу легкой кавици съ козаками.

¹⁾ Связь войны Прусской со Шведскою и взаимныя перенесенія образовъ или выражений намъ уже извѣстны.

- Во Кистринѣ славномъ городѣ,
 За Кистринскими воротами,
 Сидѣлъ тутъ невольничекъ,
 10. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Случилося тутъ ѣхати
 Тому же Королю Шведскому,
 Королевскому величеству;
 А возгóворить тутъ Россійскій графъ,
 15. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Гой еси ты, Шведской Король!
 «Прикажи понть—кормить
 «И на волю выпустить ²⁾!»
 И возгóворить Россійскій графъ,
 20. Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 «Гой еси ты, Шведской Король!
 «Кабы у меня былъ добрый конь
 «Да сабля острая,
 «Послужилъ бы я на твоей шеѣ толстыя!»

(Запис. Языковыми).

*

Съ этимъ краткимъ образцомъ связанъ еще кратчайшій другой, который представляеть, казалось бы, простѣйшую основу и первобытную редакцію подлинника:

10.

(Оттуда же).

- Во Кистринѣ было городѣ,
 За Кистринскими воротами,
 Тутъ стояла тѣмна тѣмница.
 Ахъ, во той ли тѣмной тѣмницѣ,
 5. Засажонъ былъ тутъ Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Сидѣлъ онъ ровно тридцать лѣтъ.

²⁾ За сямъ пропускъ, который пополяется предидущими образцами.

Случилось итти-ѣхати

Самому Королю Прусскому.

10. Какъ увидѣлъ тутъ Россійскій графъ,
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ,
Закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
«Ахъ ты батюшка, Прусской Король!
«Прикажи меня поить-кормить»;
15. «Не прикажете поить-кормить,
«Прикажите меня выпустить!»

(Запис. также Ямковымъ).

*

На самомъ же дѣлѣ образцы этого рода, не краткіе, а „сокращенные“, пошли, какъ убѣждаемся и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, изъ Москвы и по ея вліянію. Никогда не нужно забывать, что историческія пѣсни изъ половины XVIII вѣка постушили уже съ 70-хъ годовъ въ печатные пѣсенники (Чулкова и Новикова въ особенности), а эти послѣдніе появились точнымъ отпечаткомъ съ рукописныхъ, ходившихъ тогда по Москвѣ же или въ Москву сосредоточившихся: воспѣтыя событія и самыя пѣсни были слишкомъ еще свѣжи, слишкомъ живы; пѣли, записывали и даже печатали живые современники событій, очевидцы, участники, вѣроятно отчасти (въ солдатскихъ) и сами слагатели. Съ другой стороны, необходимо при этомъ помнить, что въ Москвѣ же, этомъ средоточіи пѣнія, пѣсьма и печати пѣсенниковъ, послѣдовательно другъ за другомъ были начальниками самыя герои, воспѣтыя пѣснями: довольно назвать Салтыкова, Чернышова и Прозоровскаго. Понятно, въ какомъ видѣ должна была явиться пѣсня, про нихъ же сложенная, въ ихъ вѣдомствѣ ближайшемъ повторявшаяся, при нихъ записанная и подъ ихъ управленіемъ въ Москвѣ печатавшаяся. Конечно, тутъ прежде всего выигрывала подлинность и всякая черта исторіи дѣйствительной: мы должны неколебимо убѣдиться, что въ пѣсняхъ этихъ вовсе не выдумки, не мечтанья, не чистый или голый эпосъ. Но съ тѣмъ же вмѣстѣ, разумѣется, многое, ходившее въ воображеніи и устахъ народа, должно было очиститься отъ прибавокъ, отъ прикрасъ, а за этимъ и отъ многихъ красокъ или красотъ, и отъ образовъ, и—даже отъ правды творчества. Если не сами правители, то книжники и печатники въ угоду имъ считали своей обязанностью „очищать“, „поправлять“, а оставляя голую суть и за недостаткомъ красокъ народныхъ, по своему „подкрашивать“. Доходило, какъ мы видѣли и еще увидимъ, до того, что самыя имена прятали, замѣняли или подмѣнивали: многіе пѣсенники въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка очевидно остерегались у себя помѣщать, а другіе считали безопаснѣе даже вовсе не печатать вещей подобныхъ. Такимъ-то образомъ, если уже въ Бѣлоруссіи, гдѣ правилъ Чернышовъ, хорошо помнили современники, что онъ потерялъ заключеніе у Прусаковъ

въ Семилѣтнюю войну (ср. Записки Добрынина въ „Р. Старинѣ“), то тѣмъ лучше знали объ этомъ въ Москвѣ, гдѣ онъ закончилъ свою дѣятельность. И вотъ въ какомъ видѣ, отнюдь не первобытномъ творчески, но тѣмъ не менѣе крайне важномъ исторически, получаемъ мы пѣсню о Чернышовѣ по первопечатнымъ Московскимъ пѣсенникамъ:

11.

(Москва).

- Что подь славнымъ было городомъ ¹⁾,
 Подь стѣною бѣлокаменною,
 Что подь той стѣной Кистринскою,
 Во саду было—во вишенѣ,
 5. Во зелѣномъ виноградницѣ,
 Тутъ стояла свѣтла свѣтлица,
 Со косящетымъ окошечкомъ:
 Что во той ли свѣтлой свѣтлицѣ
 Посажонъ сидитъ Россійскій графъ ²⁾.
 10. Онъ по свѣтлицѣ похаживаетъ,
 Опъ руками размахиваетъ ³⁾,
 Онъ въ окошечко поглядываетъ,
 Свою армію высматриваетъ ⁴⁾
- Лучилось мимо ѣхать ⁵⁾
 15. Самому Королю Прусскому:
 Лучилось ⁶⁾ голосъ слышати ⁷⁾.
 Что заговоритъ Король земли Прусскія,
 Королевское величество:
 —Ой ты гой еси, Россійскій графъ!
 20. —Послужи мнѣ вѣрой—правдою,
 —Вѣрой и правдой ⁸⁾ неизмѣнною,
 —Какъ слѣжилъ царю Бѣлому,

¹⁾ Поэтический запѣвъ уже утраченъ.—²⁾ Имя собственное спрятано.—
³⁾ Прозанчесніи черты, которыми замѣнили образъ народный и пѣсню изъ устъ Чернышова.—⁴⁾ Ожидаетъ, для освобожденья.—⁵⁾ Д. б. „ѣхати,“ какъ сейчасъ „слышати.“—⁶⁾ А здѣсь д. б. „лучилось.“—⁷⁾ Какой? Это голосъ пропущенной пѣсни Чернышова.—⁸⁾ „Вѣрой-правдой.“

—Ровно тридцать лѣтъ и три года ⁹⁾:

—Послужи мнѣ хотя три часа.—

25. Что взговорить Россійскій графъ:

«Ой ты гой еси, Король земли Пруссіа!

«Прнкажи на волю выпустить ¹⁰⁾!»

Что взговорить Король земли Пруссіа,

Королевское величество:

30. — Ой ты гой еси, Россійскій графъ!

—Ваша армія побита вся,

—Остальная вся въ полонъ взята¹¹⁾.—

Что взговорить Россійскій графъ:

«Ой ты гой еси, Король земли Пруссіа,

35. «Королевское величество!

«Хотя жь армія побита вся,

«Остальная вся въ полонъ взята,

«Напишу я скоро грамотку

«Что во славной во Санктпѣтербургъ ¹²⁾:

40. «Припишу набрать рекрутиковъ ¹³⁾,

«Молодыхъ я всё солдатиковъ,

«Я велю иттить подъ Кистринъ—городъ,

«Вашъ Кистринъ—городъ разобьютъ весь ¹⁴⁾,

«А тебя, Короля, въ полонъ возьмутъ,

45. «А меня, графа, віручатъ!»

(Пѣсенникъ Чулковскій и Новиковскій).

*

Большая часть пѣсенниковъ, ближайше послѣдовавшихъ, вовсе опускала эту щекотливую подробностями пѣсню, а другіе повторяли „печатную“ редакцію; только лишь черезъ пятьдесятъ лѣтъ снова отважились возвратиться къ образцамъ, болѣе народнымъ:

⁹⁾ Передѣлано неудачно изъ „сидѣнья“, которое у народа обычно дается „тридцать лѣтъ и три года“, еще со временъ Муромца.—¹⁰⁾ Ни съ того, ни съ сего: у народа это имѣетъ постепенность.—¹¹⁾ Представляется какъ запугивающій обманъ со стороны короля.—¹²⁾ Такъ ловко это слово въ пѣснѣ.—¹³⁾ Это уже известная солдатская гордость того времени, очень долго продолжавшаяся.—¹⁴⁾ Не трудно отличить языкъ книжный, не понимавшій хорошенько народнаго склада.

12.

Во Кистринѣ было городѣ,
 За Кистринскими воротами,
 Тутъ стояла тѣмна тѣмница:
 Что во той ли тѣмной тѣмницѣ
 5. Посажонъ былъ тутъ Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
 Онъ по тѣмницѣ похаживалъ,
 Табаку трубку выкуривалъ;
 Онъ обросъ своей бородушкой
 10. Что по самой по шелковъ поясъ.

Случилось тута ѣхати
 Самому Королю Прусскому.
 Какъ возговорить Россійскій графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ:
 15. «Ужь ты гой еси, Пруской Король!
 «Прикажи меня понть-кормить;
 «Не прикажешь ты понть-кормить,
 «Прикажи ты меня выпустить;
 «Не прикажешь меня выпустить,
 20. «Отпишу я къ государынѣ:
 «Не перожь я, не чернилами,
 «А своими горячими слезини!»

(Пѣсенникъ Глазуновскій 1819 г. (С.П.Б.), Кузнецовскій 1822 (М.) и некоторые другие поданье).

Любопытно, что только съ *этими* *поръ* осмѣлились выставить въ печати имя Чернышова и сообщить пѣснѣ подлинное *заглавіе*: «Пѣсня на заключеніе въ городѣ Кистринѣ Россійскаго Генерала Графа Чернышева. Голосъ томной.» Съ другой стороны не менѣе важно и то обстоятельство, что въ тѣхъ же самыхъ пѣсенникахъ, и рядомъ съ пѣсней о Чернышовѣ, помѣщался однакоже совершенно особымъ извѣстнымъ намъ старшій первообразъ ея—«Ахъ таланъ ли мой, таланъ такой,» съ Азевомъ и Донскимъ козакомъ (ср. вып. 7 и 8).

*

Таковы редакціи сокращенныя или краткія сами по себѣ, въ которыхъ иногда, какъ въ приведенномъ сейчасъ образцѣ, мы видимъ простоту по-

длинника, а во всякомъ случаѣ, даже при книжныхъ поправкахъ, значительную историчность. Но за тѣмъ слѣдуетъ уже порча въ устахъ самого народа и нелѣпное смѣшеніе: это обратное разложеніе Былины, снова въ пѣсню Безымянную, о Молодцѣ. За то на этомъ пути пѣсня нерѣдко возвращается къ тому древнѣйшему типу, отъ котораго пошла, поднимаясь до мотивовъ Разнискихъ, и это намъ крайне поучительно. Вотъ примѣръ:

13.

(Губ. Сибирск., Усть-Урень).

Ходилъ-то я, добрый Молодецъ ¹⁾, по чисту полю:
Мягкая постелюшка—желтой песокъ,
Изголовница ²⁾ моя—шелковѣ трава.

Какъ во селѣ было во Лысковѣ ³⁾,

5. Тутъ построена крѣпкая тѣмница;
Какъ во той во крѣпкой тѣмницѣ
Посажень добрый Молодецъ,
(Добрый молодецъ)⁴⁾ Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.
Онъ по тѣмницѣ похаживаетъ, (самъ слезно плачетъ) ⁵⁾

10. Самъ слезно плачетъ. (онъ) Богу молится:

«Ты взмой, взмой ⁶⁾, туча грозная,
«Разбей громомъ крѣпкія тюрьмы!
«Во тюрьмахъ сидятъ все невольнички.
«Невольнички, неохотнички ⁷⁾.»

15. Всѣ невольнички разбѣжались,
Во темнымъ лѣсу они собирались,
Сходились они на полянушку,
На полянушку на широкую ⁸⁾.

¹⁾ Герой—уже простой „Молодецъ;“ пѣсня сохранила еще обороты отъ 1-го лица.—²⁾ Обычная у народа замѣна, средняго рода женскимъ.—³⁾ Извѣстное и въ пѣсняхъ, особенно разбойничьихъ, огромное село на Волгѣ.—

⁴⁾ Излишне вставленное повтореніе съ конца предыдущаго стиха.—

⁵⁾ Такое же повтореніе, неправильно перенесенное сюда отъ начала послѣдующаго стиха.—⁶⁾ Д. б. „возмой;“ начало пѣсень погребальныхъ. (чтобы открылся гробъ) и тюремныхъ.—⁷⁾ Пѣсня тюремная и разбойничья: предстаетъ, что туча явилась, тюрьма разбилась, невольнички свободились.—

⁸⁾ Это третья пѣсня, понизовая и Волжская; она переходитъ въ Разни-

- «Ты взойди, взойди, красное солнышко,
 20. «Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ,
 «Добрыхъ молодцевъ, сиротъ бѣдныхъ,
 «Сиротъ бѣдныхъ, безнашпортныхъ!»»

- Ниже города—ниже Нижняго,
 Протекала тутъ рѣчка быстрая,
 25. По прозванью рѣчка Волга—матушка:
 Течеть Волга матушка
 Съ дикимъ—мелкимъ камушкомъ.
 Какъ по рѣчушкѣ плыветъ легка лодочка:
 Эта лодочка изукрашенная,
 30. Вся молодчиками изусажженная *)..

(Запис. П. В. Шейновъ отъ Никол. Картавенна, ср. „Чтения“).

Замѣчательно, что Сахаровъ, конечно знавшій подобныя историческия пѣсни по старшимъ пѣсенникамъ, почти всё пропускаетъ у себя, какъ ближайшія и слишкомъ еще щекотливыя, по его понятію, своими личными историческими чертами и намеками.

* * *

Теперь, какъ мы говорили, слѣдуетъ другой герой современный, извѣстный и всему народу, но особенно славный между Донцами, Краснощочковъ. При немъ встрѣтимъ еще и черты Кистрина съ Чернышовымъ, и Лопухина съ Гросеъ-Егерedorфомъ, и другія отличія Прусской или Шведской, даже Турецкой войны: но въ особенности Берлинъ, яркіе образы Короля Прусскаго, раннее начало и далеко протянувшійся конецъ, а отвѣтъ всему преимущественно козацкій—Донской.

Генераль Краснощочковъ, Атаманъ Донской.

1.

Первая пѣсня объ немъ начинается еще съ Петровскихъ Шведскихъ битвъ и переходитъ въ Шведскую войну при Аннѣ—Елизаветѣ: ту и другую эпоху соединяетъ имя *Löwenhaupta*, и потому передъ нимъ впервые пред-

скую, а дальше уже специальная пѣсня Разинцевъ „ты взойди:“ см. ср въ 7 и 8-мъ выпускѣ.—*) Это осколокъ еще четвертой пѣсни, обычной Волжской, о побѣдѣ на судахъ, особенно о бѣдѣ Атамана и его полюбовницѣ: ср. у насъ выпуски 7-й, 8-й и послѣдующіе.—Пѣсня, кромѣ того, что сама искажена въ устахъ народа, еще плохо развѣшена на стихи и отвѣчена.

стать Краснощочковъ. Пѣсня эта напечатана у насъ въ вым. 8-мъ, отд. XIII, стр. 137: тамъ Краснощочковъ разыгрываетъ ту же роль, какъ „Маіоръ земли Шведскія“ обратно передъ нашимъ полководцемъ Шереметевымъ и какъ недавно въ глазахъ нашихъ сталъ въ то же положеніе Чернышовъ передъ Королемъ Прусскимъ.

*

2.

Краснощочковъ съ Петромъ Лессеномъ.

За тѣмъ первые историческіе подвиги Краснощочкова оказались въ Крымскомъ походѣ фельдмаршала Петра Ласси, Лесси или Леси: тогда-то, въ 1736 году, Походный Атаманъ отбилъ Русскихъ плѣнныхъ, по неосторожности попавшихся, и поразила толпы Татаръ, о чемъ пѣсня, въ нѣсколькихъ образцахъ, хотя безъ имени Краснощочкова и на основахъ еще старшихъ, помѣщена у насъ въ выпускѣ 8-мъ, отдѣлѣ VII-мъ, въ „Донскихъ и Азовскихъ дѣлахъ“ (стр. 75—78).⁴ Послѣдній, отпечатанный тамъ, образецъ подъ № 3-мъ закидываетъ уже черты попавшагося въ плѣнъ „Атамана“, котораго „на уморъ морять въ тѣмной тѣмницѣ, не дають ему, доброму молодцу, ни нить, ни вѣсть,“—черты, которыя развиваются тутъ же въ цѣльный образъ „Донскаго козака среди плѣну Азовскаго.“ Но тотъ же Петръ Лессей (какъ зоветъ его народъ, правильно, чѣмъ Ласси) явился начальникомъ въ Шведскую войну при Аннѣ-Елизаветѣ, — и отъ него же гибнетъ Краснощочковъ, попадаясь въ Шведскій плѣнъ (къ Левенгаупту):

Какъ затѣмте ¹⁾, ребята, пѣсню старую ²⁾,
 Мы которую пѣвали ³⁾ — сами плакали,
 Что про храбраго кавалера ⁴⁾ Краснощочкова.
 Отъ чего ему скоро смерть солучилася?
 5. Солучилася ему скоро смерть отъ измѣнника ⁵⁾,
 Отъ Петра Петрова сына Лессена.
 Онъ писалъ ли о немъ къ неприятелю.

1) Въ подлинникѣ болѣе народномъ вѣроятно „Затянемте.“—2) Въ знакомомъ для насъ значеніи: привычную, сложную на опредѣленный случай и распространенную: сама по себѣ, пѣсня была еще нова и даже напечатана современно Краснощочкову.—3) Оборотъ довольно народный: книжное было бы „которую мы пѣвали.“—4) Онъ быть точно, и въ Шведскую уже войну, „кавалеръ и бригадиръ,“ почему называется въ пѣсняхъ „генераломъ.“—5) По привычкѣ народа и войска сваливать все на „измѣну:“ ср. выше.—

Къ непріятелю въ землю Шведскую,

Къ генералу ли надъ той арміей ⁶⁾;

10. «Мы хотѣли залучить своего недруга;

«Что за утро Краснощоккову въ разбѣду ѣхати,

«Какъ со малою съ партией съ козаками ⁷⁾.»

Отъ-того-то ему смерть и случилася:

Отъ Петра Петрова сына Лессена.

(Шсен, Чулковскій и Новиковскій; въ позднѣйшихъ перепечатывалось безъ перемѣнъ).

Въ томъ видѣ, какъ мы получили въ печати, образецъ носитъ нѣсколько слѣдовъ книжнаго вліянія: но сама по себѣ пѣсня хороша и близко отвѣчаетъ знаменному для насъ типу Московскому, но сматости, опредѣленности, немногословности и ясности вывода, такъ сказать логичности, съ указаниемъ обыкновенно причинъ и послѣдствій.

*

Слѣдующая пѣсня начинается съ Лопухина, но изъ Прусской войны возвращается въ Шведскую: въ Шведскую потому, что послѣ Крымской прославился здѣсь также Краснощокковъ. Имя его смѣшано, ибо образецъ пѣсни записать не изъ лучшихъ устъ, но образъ героя ясенъ и еще разъясняется намъ впоследствии. Дѣло въ томъ, что Шведская война будитъ предыдущую Петровскую, отъ Петра ведетъ къ Азову, отъ Азова къ образамъ XVII вѣка и такъ дальше, все выше. Образъ героя, переодѣтаго, именно „кущомъ“, какъ въ этомъ видѣ является онъ ко врагу и врага обманываетъ, а послѣ одолеваетъ, крайне древней въ намѣтъ пѣснотворчества: онъ начинается собственно съ баснословнаго Саломона (ср. выше по поводу Каяна и нашу „Замѣтку“ ко II-му тому Рыбнікова). Потомъ, какъ историческая басня, вставленъ въ лѣтопись объ Олегѣ и Игорѣ: „Придоста къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣ (увѣдѣ) Олегъ, яко Оскодѣ и Диръ княжита, похороми вои въ лодыляхъ, а другія назади остави (какъ скрывалъ Саломонъ своихъ воителей), а самъ приде нося Игоря дѣтська (какъ дѣйствуетъ Саломонъ, дитя и юноша, черезъ посредника, въ семъ значеніи „чернорабочаго“ и „чернаго“, раба, переодѣтаго еще въ двойную маску— „куща“). И пришу подъ Угорское, похоронивъ вои своа (повтореніе—образъ быть любимый), и присла ко Асколду и Дирови глаголя, яко гость есмь (кущецъ), идежъ въ Греки;“ потомъ вызвалъ Оскольда съ Диромъ, обругааъ ихъ—какъ слѣдуетъ, и убили ихъ. Въ эпосѣ Владиміровомъ это начинается тотчасъ же, съ Ильи Муромца: какъ, посредникомъ Владимира и царя

⁶⁾ Лёвенгаупту; строка книжнаго оборота.—⁷⁾ То есть: намъ обоимъ надоѣлъ Краснощокковъ: тебѣ какъ прямой врагъ а Лессену славой и безпорядкомъ своихъ козачьихъ полчищъ. Завтра онъ пустится съ малымъ числомъ: и словленъ, и претерпѣлъ смерть.

восточнаго, является онъ переодѣтый поваромъ, въ сажѣ, „чорный“, ругаетъ врага, завязываетъ битву, побиваетъ непріятелей. По прочимъ былинамъ и въ Новгородѣ повторяется это на тотъ или другой ладъ (см. ту же Замятку при Рыбниковѣ). Въ Московскомъ періодѣ крѣпнеть это въ образахъ еще больше опредѣленныхъ, хотя все на одинъ же ладъ, и сосредоточивается около крупнѣйшихъ историческихъ лицъ или событій. Въ семъ самомъ видѣ отправляется Скопинъ братъ Азовъ; Одоевскій братъ Астрахань; при Петрѣ Иванъ Заморининъ, прочіе Донцы и самъ Петръ въ образѣ „богатаго гостя“ братъ Азовъ; послѣ Азова Петръ также точно является въ Стокгольмѣ, какъ „кунчиноушка по городу гуляетъ“ и едва успѣваетъ спастись оттуда. Но за то сейчасъ тутъ же зараждается образъ Краснощокова и непосредственно переходитъ на ближайшую войну Шведскую при Елизаветѣ. Краснощоковъ, мы видѣли, сгнѣтъ уже отъ Петра Петрова сына Лессена; чтобы снова вышлыть на свѣтъ Божій, ему нужно посредство старшихъ образовъ пѣснотворческихъ:

3.

Краснощоковъ и Король Шведскій.

(Шенкурскъ, Арханг. губ.).

- Какъ на лугу на лугу
Стоитъ армія въ кругу:
Лопухинъ ѣздитъ въ полку,
Куритъ трубку табаку.
5. Онъ не для того курить,
Чтобы пьяному быть:
Для того трубку курить,
Чтобъ смѣлѣе поступить,
Чтобъ смѣлѣе поступить,
10. Да всю армію избить.
Свято-Русскіе палать—
Съ огнемъ ядрышки летять;
А какъ Шведски-то палать,—
Выше лѣсу дымъ валить.
15. Только видно-то въ дымку:
Кашитанъ ѣздитъ въ полку.
Они билися—рубилися
Четырнадцать часовъ;

На пятнадцатомъ часу
 20. Стали тѣла разбирать,
 Стали армію считать:
 Нашли, братцы, убитыхъ
 Енараловъ до пяти,
 Полковничковъ до семи ¹⁾.

*

25. Ужь какъ нашъ-то капитанъ ²⁾
 Къ Шведу въ гости поѣзжаетъ,
 Ужь какъ къ Шведу ли, къ злодѣю,
 Къ Красношочоку Королю ³⁾.
 Ко двору его прѣхалъ,—
30. Подъ окошкомъ колотился ⁴⁾,
 Ноцевать къ нему просился.
 Король Шведскій не призналъ ⁵⁾,
 На рѣзвѣ ножки ставалъ,
 Онъ ворота отворялъ,
35. Онъ купчинушку встрѣчалъ ⁶⁾.
 «Купчинушка молодой!
 «Ужь я въ вашемъ во полку
 «Капитановъ знаю всѣхъ,
 «Полковничковъ до пяти:
40. «Одного тебя не знаю.
 «Сколько хошь казны бери,—
 «Про одного капитана скажи ^{7)!»}

1) Это, какъ сказано, совсѣмъ другая пѣсня—о Лопухинѣ, связанная только временемъ Прусской войны.—²⁾ Въ этомъ придрка перейти къ Красношочоку: начальникъ-голова Лопухинъ, таковъ же Красношочковъ, а вотъ еще что сдѣлалъ нашъ начальникъ.—³⁾ „Красношочковъ къ Королю:“ какія еще примѣненія изъ этого имени сдѣлалъ народъ, увидимъ послѣ.—⁴⁾ Стучалса.—⁵⁾ Не узналъ, кто такой (хотя и прежде вовсе не зналъ).—⁶⁾ За сямъ слова Короля: одинаковый допросъ, какъ предъ Лѣвенгауптомъ, какъ Донцамъ предъ Королемъ Шведскимъ, и т. п. ср. вып. 8.—⁷⁾ По народному обычаю, навинный допросъ: я всѣхъ у васъ знаю, одного Красношочова не знаю, расскажи, каковъ онъ, чтобы его признать. А между тѣмъ выходитъ „я одного тебя не знаю,“ ты самъ Красношочковъ, ты же и расскажи объ себѣ.

—Мнѣ на что казна твоя?
—Я и такъ могу сказать⁸⁾!—

45. Со двора—то онъ похóдитъ,—

Насмѣхается,

На добра коня садится,—

Да ругается ⁹⁾:

—Ахъ ворона ты, ворона,

50. —Молодой Шведской Король!

—Не умѣла ты, ворона,

—Въ саду сокола имать ¹⁰⁾,¹⁾

—Ручки—ножки—то связать,

—Головы со плéчекъ снять!—

(Запис. г. Борисовымъ).

Въ послѣдній разъ для историческаго пѣснотворчества повторяется послѣ эта исторія на Платовѣ (см. вып. 10).

*

Но собственное ея мѣсто, въ дѣлѣ Краснощокова, при *Король Прусскомъ и Берлинѣ*, при чемъ специальнымъ заголовкомъ пѣсни является „Берёзмишка“, потомъ „Ковыль“, „Полинь“ и т. п.

4.

Краснощоковъ и Король Прусскій.

(Губ. Оревбургской).

Ты Россійская земля ¹⁾,

Много нужды приняла!

За то ее сударыня ²⁾

Жаловала ³⁾.

⁹⁾ Узнаешь меня самъ по словамъ и дѣламъ, по тому, что увидишь и услышишь дальше.—⁹⁾ Ругательство, естественное въ данномъ случаѣ, какъ упрекъ и насмѣшка за недогадливость: но оно поддерживается, какъ мы видѣли, давнимъ эпическимъ приемомъ и является обязательной необходимостью.—¹⁰⁾ Взять, словить.

¹⁾ Т. е. Русскіе люди, подразумѣвается—въ войнѣ.—²⁾ Государыня, Елизавета! какъ во многихъ пѣсняхъ этой эпохи, черта отличительная.—³⁾ Д. б. „много жаловала“, какъ въ другихъ пѣсняхъ этого рода.—Такое начало

5. Краснощочкова-тъ ⁴⁾ король ⁵⁾
 Къ Прусу въ гости заѣзжалъ:
 Онъ безъ спросу, безъ доклада
 Во палатушки вѣзжалъ.
 Пруцкой Король не узнавалъ,
10. На рѣзвы ноги вставалъ;
 На рѣзвы ноги вставалъ,
 Рюмку водки наливалъ,
 Купчиною называлъ ⁶⁾:
 «Ахъ, ты выкушай, купчинушко.
15. «Купеческій сынокъ!
 «Какъ у васъ ли я во Россіи,—
 «Во Россійской во землѣ,—
 «Во Россійской во землѣ
 «Генераловъ знаю всѣхъ:
20. «Одного только не знаю—
 «Краснощочкаго короля.
 «Много бы, много бы казны далъ,—
 «Краснощочкаго спозналъ ⁷⁾!»
 Краснощочкова-тъ король
25. Таки рѣчи говоритъ:
 —На что казны давать?
 —Можно такъ его признать:
 —Кудерушки на немъ,—
 —Какъ на батюшкѣ на родномъ ⁸⁾;
30. —Черна шляпынька на немъ,—
 —Какъ на братцѣ на моемъ ⁹⁾.—

известно по нѣсколькимъ пѣснямъ, изображающимъ работу по каналамъ и линіямъ, нужды, походы; въ настоящемъ случаѣ разумѣется „царская служба“ на войнѣ Прусской, какъ увидимъ сейчасъ въ образцахъ дальнѣйшихъ и отсюда въ нихъ примѣняется сравненіе съ „Берёзой“, „Ковылемъ“, „Полынь“.—⁴⁾ Т.-е. „Краснощочковъ-тъ“, съ оглашеннымъ *еромъ* (ср. прежніе выпуски и наше изслѣдованіе о Новоболгарскомъ языкѣ при изданіи пѣсней 1855 г.).—⁵⁾ Возникло, по недоразумѣнію и забвенію, изъ „Краснощочковъ и Король“ или, какъ въ предыдущемъ образцѣ, „Краснощочковъ къ Королю:“ какъ-бы то ни было, только этимъ путемъ Краснощочковъ самъ сдѣланъ Королемъ, а Король Краснощочкимъ (см. еще ниже).—⁶⁾ Какъ передѣлано „кудомъ:“ см. прежде.—⁷⁾ Еслибъ узналъ Краснощочкова.—⁸⁾ По кудрямъ весь въ отца.—⁹⁾ По шляпѣ похожъ на брата—сравненіе изъ устъ

- Выходилъ же Краснощокѣй ¹⁰⁾
 На высокъ—красёнъ крылецъ,
 Закричалъ онъ—засвисталъ
 35. Своимъ громкимъ голосомъ:
 —Ахъ вы гой еси, робята,
 —Мои вѣрные слуги!
 —Вы подайте поскорѣе
 —Мого добрата коня,
 40. —Мого добраго коня
 —Ко высокому крыльцу,
 —Ко высокому крыльцу,—
 —Ко точёному столбу!—
 На коня онъ сталъ садиться,—
 45. Что ясёнъ соколъ¹¹⁾ взлетѣлъ;
 Со двора онъ сталъ съѣзжать ¹¹⁾,—
 Насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
 —Ты ворона, ты ворона,
 —Подгумѣнный грачъ!
 50. —Не умѣла ты, ворона,
 —Яснаго ¹²⁾ сокола пымать,
 —Яснаго сокола пымать,
 —Въ когтяхъ крѣпко держать!—

(Доставлено В. Н. Далекъ).

*

Переодѣванье этого рода, со скрытыми позади главнаго героя войсками, совершается обычно изъ за города, который предстоитъ взять или отсто-

дѣвушки. Оба сравненія изъ другихъ семейныхъ пѣсней, а смыслъ болѣе отвѣченный таковъ: Краснощокѣвъ уродился въ родъ свой; а онъ мнѣ братъ; стало быть, коли хочешь его знать, смотри на меня, я таковъ же.—
¹⁰⁾ Обычный у насъ переходъ прилагательнаго изъ качественнаго въ притяжательное и обратно, откуда изъ личныхъ прозвищъ прозвища рода и фамилiи: Долгорукий, Долгорукаго, Долгоруково, Долгоруковъ; Дурной, Дурнаго, Дурново, Дурновъ; Толстой—Толстаго—Толстовъ и т. п. Въ настоящемъ случаѣ смыслъ прозвища слишкомъ ярокъ, нагаденъ и доступенъ (не такъ, на примѣръ, какъ въ Чернышовъ, противоположнаго цвѣта, а еще меньше въ Скопинъ и т. п.): отъ того, какъ увидимъ, развилось изъ него много примѣненiй.—¹¹⁾ Скорѣе д. б. „Со двора онъ съѣзжалъ.“—
¹²⁾ Д. б. „Ясна.“

ить: въ старшихъ пѣсняхъ—при Саломонѣ изъ за его отчины Ерусалима (та же исторія въ Эдипѣ классическомъ); при Олегѣ и Муромцѣ изъ за Кіева; въ XVII вѣкѣ изъ за Астрахани; при Скопинѣ, Донцахъ и Петрѣ—изъ за Азова, при Петрѣ наконецъ изъ за Стокгольма. Городъ же, по отношенію къ „Матери городовъ,“ Кубелѣ или Купалѣ, представляется обыкновенно женщиною, Матерью или, въ случаѣ его добыванія чаще еще,—Дѣвицею: такова при Саломонѣ Мать его и Невѣста или Царица Южская съ загадками; при Муромцѣ и Олегѣ „Мать городамъ Русскимъ,“ какъ называлъ (будто бы) Олегъ взятый имъ Кіевъ; въ Словѣ о П. И. добываніе города Всеславомъ представляется какъ подвигъ изъ за его „любой дѣвицы;“ въ Стокгольмѣ врагомъ Петра является „дѣвица, королева (ср. подробности о связи этихъ образовъ въ нашемъ изданіи „Вѣлорусскихъ пѣсней“ 1871 года).“ Такъ точно теперь, по проторенной дорогѣ, является *Берлинъ*, а въ немъ завоевывается *королева* или вообще царскаго рода *дѣвица*.

Теперь же вступаетъ специальное отличіе пѣсни въ заголовкѣ. Еще со времени Былины о Добрынѣ отправка на подневольную службу и въ дальній походъ, а вмѣстѣ прощанье съ родомъ-племенемъ и низкій поклонъ ему изображается сравненіемъ и картинкою природы въ заголовкѣ, какъ „бѣлая берёзынька къ землѣ клонится и листочки ея по землѣ разстилаются“ (ср. вып. 2).“ При Петрѣ такъ или иначе вторятся эти образы при выступѣ противъ Шведовъ, особенно ярко на Шереметевѣ, при прощаньи его съ семьей и родными (вып. 8). Но, какъ скоро береза къ землѣ наклонилась и листочки разостлались, въ воображеніи народномъ, а отсюда въ образахъ пѣсни появляется „Ковыль,“ потомъ вообще „Трава разстиляется,“ а наконецъ трава „Полынь,“ прибавляющая свою горечь къ изображенію тяжелой службы и многообразныхъ нуждъ похода.

Вотъ пока еще одинъ заглавъ или заголовокъ, безъ самой пѣсни:

5.

(Губ. Оренбургской).

Какъ далече-далеченько, во чистомъ полѣ,
 Еще того подалѣ—во раздольицѣ,
 Какъ не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
 Не бумажные ¹⁾ листочки раздуваются,
 5. Не шелковая ковыль-травынька разстиляется:
 Еще стелется-разстиляется полынь горькая.
 Охъ, и нѣтъ тебя горчѣе во чистомъ полѣ:
 А еще того горчѣе—служба царская!

¹⁾ О повывеніи на бѣлой березѣ бѣлыхъ листочковъ „бумажныхъ (съ теченіемъ времени)“ см. выпуски прежніе.

Что ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угоноу
нѣтъ:

10. Темна поченька приходитъ,—
Намъ солдатушкамъ на караулъ быть;
Бѣлъ денёчекъ наступаетъ,—
Намъ солдатушкамъ во строю стоять;
Во строю стоять намъ солдатушкамъ,—
15. По ружью держать;
Пристоялися рѣзвы ноженки ко сырѣй землѣ,
Придержалися бѣлы рученьки къ строеву ружью,
Приглядѣлися наши глазыньки на часті звѣзды!

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

А вотъ и самая пѣсня въ связи:

Тѣ же и Берлинъ съ Королевной.

6.

(Губ. Московской, у. Звенигор., Воронка).

- Что не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,
Не шелковѣая въ полѣ травушка разстилается:
Разстилалась въ полѣ травушка—полюнь горькая.
Что горчѣй того намъ, солдатушкамъ, служба царская!
5. Пристоялися наши ноженки ко сырѣй землѣ,
Приглядѣлися наши глазыньки на укрѣпушку ¹⁾.
Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ-городъ!
Ты кому, моя укрѣпушка, достанешься?
Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому ²⁾.
10. Что тому ли генералу Краснощокѣ.

Ходилъ-гулялъ Краснощокѣ купцомъ по ряду,
Закупаеъ Краснощокѣ свинцу-пороху ³⁾,

¹⁾ Крѣпость, которую приходилось брать.—²⁾ По связи пѣней этого времени съ періодомъ Петровскимъ: см. прежде.—³⁾ Эта картина, отсель господствующая, въ связи съ переодѣваньемъ Краснощокѣ купцомъ. Нужно вспомнить также общія жалобы пѣсель той войны на недостатокъ воиновъ

Заряжаетъ Краснощоконъ сорокъ пúшечекъ,

Закатаетъ Краснощоконъ сорокъ пúлечекъ:

15. Убиваетъ Краснощоконъ (у) Прусскóго Матушку,

Молодую Королеву во полонъ беретъ ⁴⁾.

Онъ не бьетъ ея—не вбшаеть, только спрашиваетъ:

«Ты скажи—скажи, Королева, куды Прусь—Король бѣ-
жалъ?»

— Я голосомъ вамъ кричала, вы не слышали,

20. — Шелковѣтъ платкомъ нахала, вы не видѣли:

— Онъ на 'кóшечко садился—сизымъ голубемъ,

— Подъ столомъ сидѣлъ Прусскóй Король—сѣрымъ котикомъ,

— Онъ изъ тѣрему вылетывалъ—вольной пташечкой,

— На чернúю грязь садился—чорнымъ ворономъ,

25. — Во синѣ море бросался—бѣлой рыбицей,

— На 'стробóчекъ выплываетъ—сѣрой утицей,

— На корабликъ онъ садился—добрымъ молодцемъ,

— По кораблику разсыпался—бѣлымъ жемчугомъ ⁵⁾.—

(Запис. самикъ П. В. К-тъ 1833 года, Июля 23).

*

припасовъ и продовольствíя, откуда выше мы видѣли: „свиноць—порохъ развозилъ маркитанты,“ и т. п., а также извѣстный рассказъ объ Апраксинѣ, какъ онъ изъ Пруссiи отправилъ женѣ съ маркитангомъ нѣсколько боченковъ, наполненныхъ червонцами.—⁴⁾ Такъ, по основному народному представленíю, вышепомянутому, нѣсна при взятомъ городѣ соединяетъ и Мать, и Дѣвицу-Королеву, но особенно останавливается на послѣдней.—

⁵⁾ Эти превосходныя и яркiя краски истекаютъ также изъ глубокой пѣснотворческой древности: а) При взятомъ городѣ Король явился богатыремъ и баснословнымъ героемъ, со всѣми оборотами его вѣщей души, какъ хитрый оборотень: какъ древнiй Саломонъ; потомъ у насъ Олегъ, Волгá и Волхъ (при Царьградѣ), Всеславъ по Слову о Полку Игоревѣ, князь Романъ, Романъ Дмитрiевичъ и Романъ Московскiй (при нападенiи Литовскихъ королевичей на Моекву); сравните тѣ же краски по предыдущимъ выпускамъ.—б) Дѣвица-Королева при немъ получила тѣ же свойства, она непрiятельница намъ, но она же и предательница своимъ, измѣнница, изъ за нее или черезъ нее разныя бѣды: такова она при Саломонѣ; при Олегѣ и Игорѣ, какъ мстительница коварная за мужа; при Дунаѣ и Владимiрѣ какъ королевична Апраксiя; при

7.

(Губ. Московской, с. Шляпское).

Не бѣлая берѣзушка къ землѣ клонится,
 Не шелкѣвая въ полѣ травушка разстилается:
 Растилалась въ полѣ травушка—полюнь горькая.
 Что горчѣ тебя, полѣнушка—травушка, во всемъ полѣ нѣтъ:
 5. Что труднѣе тебя, служба царская, во всемъ свѣтѣ нѣтъ!

На строю стоять,—на крутой горѣ:
 Пристояли мы рѣзвы ножки ко сырой землѣ,
 Приморозили мы бѣлы ручки ко стальнѣ ружью.

Ходить нашъ генаралушка съ купцомъ ¹⁾ по торгу,
 10. Закупаетъ нашъ генаралушка дрови—пороху,
 Заряжаетъ нашъ генаралушка сорокъ семь пушекъ,
 Пробиваетъ нашъ генаралушка стѣну каменну.
 «Ты Пруская Королевна, гдѣ твой Пруской Король?»
 —Мой Пруской Король подъ столикомъ—сѣрымъ котикомъ,
 15. —На синѣ море опускается—яснымъ соколомъ.—

А укрѣпа моя, а укрѣпушка,
 А укрѣпушка ты Бѣлинъ—городъ ²⁾!
 Ты кому жь, моя укрѣпушка, ты достанешься?
 Доставалася моя укрѣпушка царю Бѣлому,
 20. Царю Бѣлому, генаралушкѣ Краснощокому ³⁾.

(Запис. П. В. К.—въ 1832 году; пѣсня „тагольня“, протяжная).

*

Добринѣ какъ Маринка; при Потыкѣ — (Марья) Лебедь Бѣлая и Авдотья Лиховидьевна; въ томъ же видѣ при Романѣ; при Муромѣ какъ Королевщина и т. д., до самаго Петра, при которомъ царить и хитрить въ Колывани и въ Стокгольмѣ. Отеелъ она вступаетъ на сцену всё болѣе и болѣе широкую, принимая разные виды, на время переходя отъ Краснощокова даже къ Румянцеву и останавливаясь только при семъ послѣднемъ на образѣ чисто-историческомъ, послѣ котораго дальше идти было уже некуда: тамъ ее снова и увидимъ.

¹⁾ Въмѣсто „купцомъ:“ см. выше.—²⁾ Берлинъ.—³⁾ „Опять „Краснощокой“ въ „Краснощоковъ.“—По подлинному образцу, все это обращеніе къ Берлину

8.

(Губ. Рязанской).

Не кавыгъ-то въ полѣ травушка разстилается:
 Разстилается въ полѣ травушка—полянъ горькая.
 Что горчѣе тебя, поляннушки, во всемъ полѣ нѣтъ:
 Только есть горчѣе тебя, поляннушки, служба царская,
 5. А горчѣе царской службицы во всемъ полѣ нѣтъ!

Пристолялися наши вѣженъки ко сырѣй землѣ,
 Придержалися наши рѣченьки къ строевѣ ружью,
 Приглядѣлися наши глазаыньки за Дунай-рѣкѣ ¹⁾,
 Что на славную на укрѣпушку—на Берлинъ-городъ.
 10. Тамъ ходилъ-гулялъ Краснощокій графъ ²⁾ купцомъ по
 торгу,

Закупаешь Краснощокій графъ свинцу-пороху,
 Заряжаетъ ли Краснощокій графъ сорокъ семь пушекъ,
 Сорокъ семь пушекъ, всѣ осадныхъ,
 Пробиваетъ ли Краснощокій графъ стѣну каменну,
 15. Что во плѣнъ беретъ Краснощокій графъ Прусскую Матуш-
 ку ³⁾.

«Ты скажи-скажи, Пруская Матушка, куда Прусъ бѣжалъ?»
 —Ужъ вы глупые-неразумные генералушки!
 —Подъ столомъ-то сидѣлъ Прусской Король—сѣрымъ котикомъ,

есть обращеніе отъ лица войска, послѣ того какъ описана тяжесть похода и стоянки подъ укрѣпушкой. Но здѣсь оно вынесено къ концу и помѣстилось *возлѣ* рѣчи Королевичны: вотъ отчего, при порчѣ, въ послѣдующихъ образцахъ, постепенно переходятъ эти слова къ Королевнѣ и наконецъ къ самому Королю, существенно измѣняя тѣмъ складъ и видъ пѣсни.

1) Рѣка типическая, тѣмъ болѣе здѣсь необходимая, что трудно было назвать и запомнить Прусскую.—²⁾ Опять благодаря тому, что „Краснощокій“, а не „Краснощоконъ.“ Дѣйствуетъ *Краснощокій*: но это вѣдь образъ его, качество, свойство, а кто же таковъ онъ былъ самъ? Конечно лицо важное, хоть и забытое: въ стихъ же по размѣру ложился только либо „графъ“, либо „князь.“ И вотъ Краснощоконъ очутился графомъ, а далѣе и княземъ.—³⁾ Здѣсь одна лишь „Матушка“, наиболѣе приличная при Берлинѣ, этой „Матери городовъ Прусскихъ.“

- На окнѣ-то сидѣлъ Пруской Король—сизымъ голубемъ.
 20. — Черезъ армію перелеталъ—яснымъ соколомъ,
 —По крутой горѣ гулялъ—добрымъ молодцемъ.—

(Запис. П. В. К—тъ).

*

9.

(Москва).

Ты полынь, полынь ли горькая!
 Ты во полѣ уродилася, ужь ты полынь горька:
 Ужь нѣтъ-то горѣй тебя, службы царской!

- Ты укрѣпа ль моя, укрѣпушка Берлинъ-городъ!
 5. Ты кому, укрѣпа, доставалася?
 Доставалася укрѣпушка царю Бѣлому.
 Ужь тому генералу Красношочокому.

Ужь генерала-тъ Красношочкой по городу гуляетъ,
 Свинцу-пороху закупаеть.

10. Сорокъ семь пушекъ заряжаетъ,
 Пробиваетъ Красношочкой стѣну бѣлу-каменну,
 Береть въ полонъ Пруску жену:
 «Ты скажи-скажи, Королева ¹⁾,
 «Гдѣ твой Пруской Король?»
 15. —Мой Пруской Король сидитъ подѣ столикомъ—
 —Сѣрымъ котикомъ,
 —На окнѣ сидитъ—чернымъ ворономъ,
 —Въ окно вылетѣлъ—яснымъ соколомъ,
 —На синѣ море—сѣрой утицей.

¹⁾ Здѣсь впервые героиня является „Королевой:“ и, хотя мы знаемъ изъ прежнихъ выпусковъ, что названія Королевы, Королеви и Королевици почти постоянно чередуются безъ особаго различія, но здѣсь ближайшимъ поводомъ сдѣлать супругу было конечно первоначальное выраженіе передъ симъ,—„Пруска жена.“ Сначала это была вообще „женщина,“ а потомъ, по известному нашему словоупотребленію, осмыслили здѣсь жену, супругу, Королеву.

20. — По чисту полю полетѣль—бѣлой лебедью:

— За нимъ гонится Краснощокій—ясныиъ соколомъ!—²⁾

(Запис. П. В-чемъ отъ 70-лѣтней старухи, въ Рогожской: она родилась еще въ воюху самого Краснощокова).

*

10.

(Самбирскъ).

Ты далѣчинька моя, далѣчинька во чистомъ полѣ¹⁾,
 А еще того подалѣе во раздольицѣ,
 Стоючи на крутой горѣ.
 Гляючи на свою укрѣпушку—
 5. На Берлинъ—городъ²⁾!
 Ты укрѣпа моя, укрѣпушка.

²⁾ Новая и красивая черта, но едва ли принадлежавшая цодлиннику.—Перенесеніе словъ лица дѣйствующаго непосредственно къ словамъ лица повѣствующаго или поущаго о дѣйствіи—самое обычное, какъ мы уже знаемъ изъ многихъ примѣровъ.

¹⁾ „Далече-далеченько“ слишкомъ часто начинается наши пѣсни (ср. вып. прежніе и послѣдующіе): оно употребляется не нарѣчіемъ безжизненнымъ или кристаллизованнымъ, а *именемъ прилагательнымъ ср. р.*, каково и есть оно по происхожденію, склоняясь въ родительномъ и предложномъ (изъ далеча, во далечѣ); далѣе отсюда *именемъ существительнымъ* (какъ „добро, зло“ и т. п.); наконецъ, еще живѣе, болѣе лично и олицетворенно, употребляется, благодаря произношенію, *женскому родомъ*, какъ здѣсь и какъ вообще нашъ народъ, по старинѣ, не долюбливаетъ средняго рода, отвлеченнаго и позднѣйшаго, охотно переводя его гдѣ можно въ женскій. Это иначе, или по вышнему,—„Далѣкая сторона.“—3) Мы знаемъ по предидущимъ образцамъ, что все это начало произошло здѣсь отъ забвенія историческихъ подробностей пѣсни: черты раздѣльныя пришлось здѣсь, такъ сказать, смазать въ одинъ общій обликъ (подобно какъ въ лубочныхъ картинахъ одна краска прошла по десятку лицъ, рукъ и ногъ). Вышніе грамматики здѣсь, пожалуй, не нашли бы даже предложенія, а одно только „обращеніе“ и „обстоятельство.“ Тѣмъ не менѣе эта кажущаяся анаколузія весьма послѣдовательна и логична въ устахъ народа. Ближе къ намъ мы могли бы перевести ее такъ: „Сторона ты моя далекая, стоянье тяжелое, глядѣнье долгое! Стоючи и гляючи, по неволѣ скажется: „Ты укрѣпа-укрѣпушка,“ и т. д. За этимъ и слѣдуютъ слова войска, истомленнаго при осадѣ долгимъ ожиданіемъ.

Ты кому-то, укрѣпа, достанешься?
 Доставалася ты, моя укрѣпушка.
 Царю Бѣлому, воину Краснощокому.

10. Онъ по рыночку похаживать,
 Свинцу-пороху закупаетъ,
 И семь-то сотъ пушечокъ заряжаетъ,
 Пробиваетъ-то онъ стѣнушку бѣлокаменну:
 Никого-то онъ въ городъ не застигаетъ,
15. Только засталъ-застигъ одну Королевушку Прудкую.
 Онъ бить-то её не бьетъ, только спрашивать:
 «Ты скажи-скажи, Королевушка,
 «Куды твой Прусакъ ушолъ?»
 — Не видать-то вамъ моего Прудкаго
20. — Какъ ушей своихъ:
 — Мое-тъ Прудкое-тъ ³⁾ по горенкѣ похаживать
 — Сѣрыкъ котикомъ,
 — По поднебесью полѣтывать
 — Ясныхъ соколомъ.—

(Отъ Ямкова).

*

Теперь мы заключимъ образцомъ, который совмѣщаетъ въ себѣ, хотя отчасти съ перебивкою, всѣ главныя черты того разряда пѣсней Краснощоковскихъ, который идетъ у насъ. Отличія этого разряда: ¹⁾ зачѣвъ съ „Березынькой“, „Ковылемъ“, „Травушкой“ и изъ травъ съ „Поимнью“;—²⁾ жалоба осаждающаго войска на истомленіе;—³⁾ въ слѣдствіе того обращеніе войска со словомъ къ самому Берлину;—⁴⁾ участь Берлина, взятаго Краснощоковымъ;—⁵⁾ образъ самого богатыря, то переодѣтаго „дупцомъ“, то „дупцомъ“ же покупающаго боевые снаряды;—⁶⁾ взятая въщія „Королева—Королева“ и въщій „Король.“

³⁾ То есть „Мой-тъ Прудкой-тъ,“ съ оглашеніемъ полугласнаго я (ср выше).

Но слѣдующій образецъ кромѣ того предначинаетъ собою особый разрядъ, за нимъ потянувшійся. Для современниковъ, но не участниковъ осады, а тѣмъ болѣе позднѣйшихъ, казалось неловко сочетать въ началѣ пѣсни отчаянныя жалобы съ завершеннымъ торжествомъ побѣды (на самомъ же дѣлѣ, мы знаемъ, это пріемъ обычный: переходъ отъ лица говорящаго къ разсказу объ немъ); несоотвѣтственнымъ становились и выраженія „*моя укрѣпушка*“, тогда какъ Берлинъ городъ чужой. Творчеству нужно было выйти изъ этихъ кажущихся затрудненій: и вотъ, на той же горѣ, гдѣ стояли солдаты, помѣщается самъ Король, тѣмъ болѣе, что онъ уже описанъ вѣщамъ; онъ-то и жалуется, онъ и вопиетъ къ „*своей укрѣпушкѣ*“, къ нему-то и идутъ сравненія съ березой суклонною, съ травой разстилавшейся, съ полянью. Пока еще впрочемъ, въ первомъ слѣдующемъ образцѣ, это не такъ рѣзко, ибо онъ еще тѣсно примыкаетъ къ предыдущимъ:

11.

(Съ Урала).

Не бѣлая березынька во чистомъ полѣ къ землѣ клонится,
 Не бумажные листочки раздуваются,
 Не шелковая ковыль-травынька разстиляется:
 Растиляется въ полѣ травынька—полянъ горькая.

5. Ужъ нѣтъ-то этой полянущки горчѣе изъ всего поля:
 А еще есть горчѣе этого—служба царская!

Что ни день-то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону
 нѣтъ:

Тѣмная ноченька приходитъ,—въ караулѣ быть;
 Бѣлый день наступаетъ,—во строю стоять;
 10. Во строю стоять,—по ружью держать.
 Пристоялися наши ноженьки ко сырѣй землѣ,
 Примахалися бѣлы рученьки строевымъ ружьемъ,
 А буйная-то наша головушка съ плечъ скатилася ¹⁾.

Краснощобаго генерала сынъ ²⁾ гуляетъ по городу,
 15. И закупаетъ Краснощокѣвъ свинцу-пороху,

¹⁾ За сими во слѣдъ выпущено обращеніе войска къ Берлину, и потому оно вставлено ниже отъ лица Короля.—²⁾ Возникло изъ стиха „Краснощокова-тъ генералъ *самъ* по городу гуляетъ“ и поддержано тѣмъ, что онъ называется ниже „*купеческій сынъ*.“

- И заряжаетъ Краснощоконъ сорокъ сѣмь пушекъ,
 И пробиваетъ Краснощоконъ стѣны каменны:
 Худыхъ людей Краснощоконъ казнитъ-вѣшать,
 А хорошихъ людей Краснощоконъ въ полоня беретъ;
 20. Душу-Марьюшку ³⁾, красну дѣвушку, за собой ведетъ,
 За собой ведетъ и выпрашиваетъ:
 «Ты скажи-скажи, душа Марьюшка, гдѣ Пруцкѣй Король?»
 —Нашъ Пруцкѣй Король въ каменныхъ стѣнахъ,
 —Подъ столикомъ сидитъ—сѣрымъ котикомъ,
 25. —Изъ окошечка вылетаетъ—сизышъ голубемъ,
 —По чисту полю летаетъ—яснымъ соколомъ,
 —По высокимъ горахъ гуляетъ—добрымъ молодцемъ ⁴⁾.—

- Какъ растужится—расплатится Пруцкѣй Король,
 Глядючій ⁵⁾ на прекрасъ ⁶⁾, — на крутой горѣ,
 30. Глядючи-то на крѣпость—на Берлинъ-городъ:
 «Ты крѣпость моя, крѣпость, Берлинъ городъ!
 «Ты кому-то, моя крѣпость, достанешься?
 «Доставалася моя крѣпость царю Бѣлому,
 «А еще-то тому генералу Краснощокону ⁷⁾.»

35. Краснощоконъ генералъ къ Прусу въ гости заѣзжалъ.
 Онъ безъ спроса—безъ велѣнья на широкой дворъ взѣзжалъ,
 Безъ доклада во полатушки вѣзгалъ;
 Пруцкѣй Король не узнавалъ ⁸⁾, на рѣзвыя ноги вставалъ,
 За бѣлыя руки прималъ, за дубовый столъ сажалъ,
 40. За дубовый столъ сажалъ, рюмку водки наливалъ,
 Рюмку водки наливалъ, на поднось подносилъ:
 «Ты выкушай, купчинушка, купеческій сынокъ!

³⁾ Это имя истекаетъ конечно изъ „Марья Лебеди Вѣлой,“ „Маринки,“ „Марья Юрьевны,“ „Романовны“ и т. п. (см. выше); но оно примѣнено послѣ къ дѣйствительности чисто-исторической и пригодится намъ ниже для разъясненій.—⁴⁾ Отсюда слѣдуетъ вставка, перенесенная съ верха отъ войска на Короля.—⁵⁾ Д. б. „Сидючи“ или „Стоячи,“ какъ жаловалось войско стоя на осадной горѣ.—⁶⁾ Чаше *прикраса*: обыкновенный эпитетъ (по грамматикѣ собственно „приложение“) холмовъ, горѣ.—⁷⁾ Съ этихъ поръ вставка известнаго намъ по прежнимъ образцамъ приключенія, гдѣ богатырь, переодѣтый купцомъ, появляется во вражескую ставку.—⁸⁾ Согласно раз-

- «Я у васъ ли во Россіи, во Россійской во землѣ,
 «Во Россійской во землѣ генераловъ знаю всѣхъ:
 45. «Одного только не знаю—Краснощокаго короля⁹⁾.
 «Ужь много бы казны далъ, кабы Краснощокова спозналъ!»
 «На что казны давать? Можно такъ его спознать:
 «Краснощоковъ-то король—ровно братецъ мой родной,
 «Ровно братецъ мой родной, только матери не одной.
 50. «Черны кудерки на немъ, какъ на братцѣ на моемъ¹⁰⁾»

- Выбѣгаетъ Краснощоковъ на высокъ—новѣй крылецъ.
 Закричалъ Краснощоковъ своимъ громкимъ голосомъ:
 «Охъ вы гой еси, ребята, мои вѣрные слуги,
 «Подавайте-ка, ребята, моего добраго¹¹⁾ коня!»
 55. Краснощоковъ садился, какъ ясенъ соколъ вылеталъ,
 Отъѣзжавши отъ крыльца насмѣхаться надъ нимъ сталъ:
 «Ты ворона, ты ворона, гуменный грачъ!
 «Не умѣла ты, ворона, яснаго сокола ловить,
 «Яснаго сокола ловить—Краснощокаго короля!»

(Досталово В. И. Даломъ).

*

Отсѣлъ всѣ помянутыя составныя части пѣсни, по ея главному образцу, смѣшиваются или переставляются по порядку, какой пригоднѣе кажется позднѣйшему, по крайности далекому отъ самого событія, пѣвцу. Отличіемъ существеннымъ остается здѣсь только *жалоба Прусскаго Короля на потерю Берлина*; переходомъ же служатъ тѣ образцы, въ которыхъ забытъ исконный „запѣвъ“ и прямо начинается съ „жалобы“, а такимъ способомъ естественно было ее отнести къ самому Королю, упоминаемому тутъ же рядомъ:

12.

(Москва).

Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка. Берлинъ—городъ!
 Ужь кому-то моя укрѣпушка достанется?

Иѣру стиха, должно быть обычное у народа произношеніе „не знавалъ.“—⁹⁾ „Королемъ“ явился онъ по сопоставленію съ „Прусскимъ“, съ котораго свято имя на бригадира.—¹⁰⁾ Ср. выше. Другими словами: „Краснощоковъ таковъ точно, каковъ я.“—¹¹⁾ Д. б. „мого“ или „добра.“ И ниже поправьте подобнымъ образомъ — „ясна“ и т. п.

Доставалася укрѣпушка генералу Краснощокону.

Какъ гуляетъ—то Краснощоконъ графъ ¹⁾ съ купцомъ ²⁾
по торгу.

5. Покупаетъ же Краснощоконъ графъ свинцу—пороху,
Заряжаетъ же Краснощоконъ графъ сорокъ семь пушекъ,
Онъ стрѣляетъ же во Берлинъ—городъ,
Прошибаетъ стѣну бѣлу—каменну,
Застаетъ—то онъ Прусскаго Короля матушку:
10. «Ты скажи—скажи, Прусáчинька, куда Прусъ бѣжалъ?»
—Вылетаетъ—то онъ въ окошко—яснымъ соколомъ,
—Подъ небасы летѣлъ—чорнымъ ворономъ.—

(Запис. П. В. К.—изъ отъ пѣвца изъ Роговской части).

*

13.

(Самбарскъ).

- Укрѣпа моя, укрѣпушка,
Ты Берлинъ—городъ!
Ты кому, моя укрѣпушка,
Ты достанешься ¹⁾?
5. Доставалася укрѣпушка
Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому Павлу Петровичу ²⁾.

- Въ полонъ взяли мою укрѣпушку.
Королеву его полонимши,
10. Стали ³⁾ крѣпко спрашивать:
«Ты скажи—скажи, Королева,
«Гдѣ твой Прусской Король?»

¹⁾ Какъ скоро сталъ забываться дѣйствительный титулъ „атамана,“ потомъ „бригадира“ и наконецъ „генерала,“ а Краснощоконъ сведетъ съ „кородемъ,“ послѣдовательно сдѣлался онъ и „княземъ,“ и „графомъ.“—²⁾ Видѣсто „купцомъ.“

³⁾ Черезъ отрѣзки въ концѣ постепенно образуется стихъ „двойной,“ изъ двухъ короткихъ половинокъ (см. о немъ часто въ нашихъ изданіяхъ премникъ).—²⁾ Черта времени, когда окрѣпъ образецъ пѣсни этого вида.—²⁾ Уже безлично.

- Мой Прусской король—
 —Онъ догадливъ былъ:
 15. —Подъ столомъ сидитъ—
 —Сърой кошечкой;
 —Какъ на море улётывалъ—
 —Сърой уточкой;
 —По синю морю плавалъ—
 20. —Бѣлой рыбицей;
 —Со синя моря поднимался—
 —Бѣлымъ лебедемъ;
 —Надъ армеюшкой взвивался—
 —Яснымъ соколомъ;
 25. —По армеюшкѣ гуляетъ—
 —Добрымъ молодцемъ.—

(Записано Дн. А. Валуевымъ).

Съ этихъ поръ роль Прусскаго Короля съ жалобой уже утвердилась, хотя бы иногда сохранялось и старое начало, и въ началѣ былъ исконный заливъ:

*

14.

(Губ. Симбирской).

- Не бѣлая берёзынька къ землѣ клѣбится,
 Не шелковая ковиль—травынька разстилается:
 Тутъ растужится—расплатится Пруцкѣй Король,
 Сидючи онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
 5. Глядючи онъ на укрѣпушку—на Берлинъ—городъ:
 «Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ—городъ!
 «Кому ты, моя укрѣпушка, доставалася?
 «Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
 «Тому генералу что Краснощокову!»»
10. Краснощокова—тѣ генералушка ходитъ по торгу,
 Закупаеъ же генералушка свинцу—пороху,
 Разбиваетъ же генералушка стѣну каменну,
 Выбиваетъ генералушка жену Пруцкую,

- Дѣвонюшку Прасковьюшку ¹⁾ въ полонь возьму ²⁾:
 15. «Ты скажи—скажи, дѣвонюшка, гдѣ твой батюшка?»
 —Моя-тъ батюшка во чистомъ полѣ—чорнымъ ворономъ,
 —А подъ небесемъ—яснымъ соколомъ,
 —Подъ столикомъ—сѣрымъ котикомъ.—

(Отъ Языкова).

*

15.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго).

Не берёзынька къ землѣ клонится,
 Не шелковая въ полѣ травушка, разстилается:
 Она стелется—разстилается—попынь горькая.

- Растужится и расплачется нашъ ¹⁾ Прусской Король,
 5. Сижучи на укрѣпушки,
 Гляжучи на Берлинъ—городъ ²⁾:
 «Укрѣпа-ль ты моя, укрѣпушка,
 «Кому ты достанешься?
 «Доставалась моя укрѣпушка
 10. «Царю Бѣлому, генералу Краснощокому.»»

Ходилъ-то гулялъ Краснощокой съ купцомъ по торгу ³⁾,
 Закупалъ-то Краснощокой съ купцомъ свинцу—пороху,
 Заряжалъ Краснощокой сорокъ семь пушекъ,
 Пробивалъ-то Краснощокой стѣну каменну,
 15. Самое-то Королеву онъ въ полонь беретъ.
 Онъ ни бьетъ ее, ни рубить, только спрашиваетъ:

¹⁾ Одно изъ любимыхъ именъ XVIII вѣка: ср. выше и ниже.—²⁾ Отвлеченно то же, что „береть:“ по картинный народный оборотъ, въ разсказѣ отъ 1-го лица о 3-мъ. Имъ объясняется между прочимъ, какъ мы знаемъ весьма многое въ происхожденіи историческихъ пѣсенъ, присвоенныхъ въ собственность извѣстному лицу. На этомъ складѣ построены цѣлыя пѣсни, гдѣ подъ 1-мъ лицомъ (я, меня, мнѣ и т. д.) слѣдуетъ всегда разумѣть разсказъ о 3-мъ (объ немъ): и на оборотъ, такъ возникли многія „хороводныя“ изъ „былевыхъ“ и „бытовыхъ.“

³⁾ О которомъ мы поемъ.—³⁾ Объясненное выше распаденіе стиха на двѣ половины.—³⁾ См. выше.

«Ты скажи-скажи, Королева, куда Прусь пошолъ?»

—Охъ, мудёръ-то, мудёръ ¹⁾ Прусской Король:

—Онъ сѣрымиъ котикомъ по столику похаживаетъ,

20. —Бѣлымиъ лебедешъ вонъ вылетываетъ.—

*

16.

(Губ. Сибирской, въ Ярактѣ).

Какъ далече-далече, во чистомъ полѣ,

А еще того подальше—во раздольицѣ,

Не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,

Не шелкóвая ковыль-травынька разстилается,—

5. Какъ растужится-расплатится нашъ Прусской Король,

Сидючи то онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,

Глядючи-то онъ на укрьпушку—на Берлинъ-городъ:

«Ты укрьпа моя, укрьпушка, Берлинъ-городъ!

«Кому-то ты, моя укрьпушка, достанешься?

10. «Доставалась моя укрьпушка царю Бѣлому,

«Тому-ли она генералушкѣ Краснощокину.»»

Гуляетъ онъ, Краснощоковъ князь ¹⁾, купцомъ по торгу,

Закупаетъ князь свинцу-пóроху,

Пробиваетъ онъ, Краснощоковъ, стѣну каменну.

(Записано Ялыковимъ).

*

Слѣдующій образецъ, какъ и слѣдуетъ собственно по эпическому воззрѣнiю народа, отождествляетъ „Королеву“ съ „городомъ“, такъ что утрата ея значить вмѣстѣ потерю города:

17.

(Москва).

Какъ не бѣлая берёзынька къ землѣ клонится,

Не бумажные листóченьки разстилаются,—

¹⁾ То же, что, „вѣщій“,—болѣе древнее.

²⁾ Ср. выше „графъ“ и т. п.

Да растужится—расплатится нашъ Пруцкѣй Король
По своей—то, де, молодой женѣ—Королевичнѣ ¹⁾,

5. Сидючи—то онъ на прикрасушкѣ—на крутой горѣ,
Глядючи—то онъ во бесѣдушкѣ ²⁾, на Берлинъ—городѣ.

Ужь и стануть—то молодую жену, Королевичну, крѣпко
спрашивать:

«Ты скажи—ка, скажи, молода жена, Королевична,
«Ужь каковъ—то твой Пруцкѣй Король—онъ мудрѣнъ жи-
вѣтъ ³⁾?»

10. — Ужь такой—то мой Пруцкѣй Король мудрѣнъ живѣтъ:
— Еще первый—то у насъ боя—тъ былъ при чистомъ полѣ,
— А моя—тъ Пруцкой Король чорнымъ вѣрономъ леталъ;
— А другой—то у насъ боя—тъ былъ при темномъ лѣсу,
— А моя—тъ Пруцкой Король волкомъ сѣрыишъ гулялъ;
15. — А третей—то боя—тъ у насъ былъ при синѣмъ морѣ,
— А моя—тъ Пруцкѣй Король бѣлой рыбицей гулялъ.—

*

Въ слѣдующихъ образцахъ или вовсе теряется типическій загѣвъ и пря-
мо начинается съ жалобы Короля, или же при этомъ прибавляется загѣвъ
новый, которымъ по обычаю сравнивается громкій голосъ Короля съ тѣмъ
или другимъ народнымъ музыкальнымъ орудіемъ:

18.

(тамъ же).

Что стоялъ—стоялъ Пруцкѣй Король на крутой горѣ,
Что смотрѣлъ—то—глядѣлъ на Берлинъ—городѣ:

«Охтѣ, батюшко ¹⁾, укрѣпушка, Берлинъ—городъ!

«Ты кому же, моя укрѣпушка, достанешься?

5. «Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,

«А еще генералушкѣ Краснопокому!»

¹⁾ Вотъ доказательство наглядное, что „Королевична“ въ то же время
можетъ быть и „Королевой.“—²⁾ Если сидитъ и тѣмъ больше *говоритъ*, то
по народному словоупотребленію онъ *во бесѣдкѣ* (скамья и разговоръ); а
за тѣмъ уже и *во бесѣдкѣ*—подъ навѣсомъ вѣтвей (Laub) или тесовымъ
(Wölb-, Ge-wölb-).—³⁾ По нашему нынѣшнему: въ чемъ мудрость, въщее
свойство Короля.—⁴⁾ Бой—тъ; у насъ—Прусаковъ съ Русскими.

¹⁾ Это самое позднее представленіе о городѣ, послѣ древнѣйшей „дѣви-
цы“ и „матушки:“ таковы уже „Батюшка Ярославль—городъ“ и т. п. Отъ
того у Славянъ всѣ древнѣйшіе города (не исключая Кіева, Кракова, и т. п.)

- У какъ ходить Краснощокій съ купцомъ по торгу,
 Закупаеть Краснощокій свинцу—пороху,
 Заряжаетъ Краснощокій сорокъ пúшечекъ,
 10. Пробиваетъ Краснощокій стѣну каменну,
 Достаетъ Краснощокій Короля Прусскаго ²⁾:
 Какъ Прусскій Король подъ столикомъ—
 Сидѣлъ сѣрынкъ котикомъ;
 Изъ палатъ—то онъ вылетывалъ
15. Чернымъ вѣрономъ;
 По синю морю выплавливалъ ³⁾
 Сизымъ сѣлезнемъ.

(Смис. Н. В. К.—изъ отъ Т. А. мѣщанин-старуки).

*

19.

(Тамъ же).

- Не бѣлая берѣзынька къ землѣ клонится,
 Не бумажные листочки разстилаются;
 Что не золотая трѣбынька вострубила,
 Не серебряная сиповочка ¹⁾ возыграла, —
5. Что растужится—распачется Пруцкій Король,
 Сидючій—то онъ на прикрасѣ—на крутой горѣ,
 Глядючій—то онъ на укрѣпушку—на Берлинъ—городъ:
 «Ты укрѣпа моя, укрѣпушка, Берлинъ—городъ!
 «Кому ты, моя укрѣпушка, достанешься?
 10. «Доставалась моя укрѣпушка царю Бѣлому,
 «Тому—ли же генералу Краснощокому.»

первоначально почти безъ исключенія женскаго рода, изъ женскаго въ сред-
 немъ (какъ Вильно, Ковно, Гродно и т. п., древнѣе—*на*), и только гораздо
 позже въ мужескомъ родѣ.—²⁾ Замѣчательно, гдѣ городъ—батюшка, тамъ и
 представитель его—Король, а Королева и Королева исчезли.—³⁾ Отъ основ-
 ного глагола „*восплывать*“, плавать по верху, по поверхности (*воз*): отъ
 того у народа корабль, судокъ, лодочка и т. п. обыкновенно „*плыветь-
 всплываетъ*“ (а просто „плавать“, какъ рыба, птица, животное и отчасти
 человѣкъ, значить собственно — внутри, входя частями или орудіями въ
 глубь).“

1) Сопѣлъ, сопѣлка: орудіе духовой музыки.

- Краснощокова—тъ генералъ гулялъ по городу,
 Закупаеъ Краснощокой ²⁾ свинцу—пóроху,
 Заряжаеъ Краснощокой сорокъ пúшечекъ,
 15. Пробиваеъ Краснощокой стѣну каменну,
 Во полонь беретъ Краснощокой молоду сноху ³⁾,
 Молоду сноху Прасковьюшку ⁴⁾.
 Онъ и честию, онъ и лестию, сталъ выпрашивать:
 «Ты скажи—скажи, Прасковьюшка, гдѣ Пруцкѣй Король?»
 20. — Пруцкѣя—тъ Король подѣ столикомъ—сѣрымъ котикомъ,
 — Возвивался же Пруцкой Король—чернымъ ворономъ,
 — По дикѣй—то степи летаеъ—сизымъ голубемъ:
 — Краснощокой—то летаеъ—яснымъ соколомъ ⁵⁾.—

*

20.

(Губ. Самбирской).

- Не золоты трубушки
 Вострубили ¹⁾,
 Не серебряны сиповочки
 Заигрывали.
 5. Тутъ востужился—восплакался,
 Самъ Прускѣй Король,
 Сидючій онъ на украсѣ,—
 На крутой горѣ,
 Глядючій онъ на украсу—
 10. На Берлинъ—городъ:
 «Ты украса моя, украсушка,
 «Ты Берлинъ—городъ!

²⁾ Рядомъ обѣ формы, на *оа* и *ой*.—³⁾ Жену для сына, невѣстку: эта черта намъ послѣ пригодится.—⁴⁾ См. выше и ниже обѣ этомъ имени въ XVIII в.—⁵⁾ Въ противоположность Королю, отъ него перешли вѣщія свойства и на Краснощокова, а творчество выиграло новый образъ.

¹⁾ Отрѣзки съ конца перваго стиха образуютъ стихъ второй, короче перваго (не по ровнымъ половинамъ, какъ въ „двойномъ“).

«Доставалася моя украсушка
 «Царю Бѣлому,
 15. «Его главному генералу
 «Краснощочкову.»

*

Вторая половина этого образца переходить уже къ Очакову и Потемкину, а потому см. ее ниже.

Слѣдующій образецъ заключаетъ собою однородный разрядъ пѣсень. Въ немъ изображается торжественный возвратъ войска въ Москву и за сямъ, какъ рассказъ возвратившихся, взятіе Берлина представляется дѣломъ уже совершившимся (хотя и въ устахъ еще Короля):

21.

(Губ. Тульской, у. Чернского).

Что не стадишко изъ черныхъ галочекъ подымалось,
 Подымалася наша армія государева:
 И не много, и не мало,—семьдесятъ семь полковъ.
 Впередъ бѣжить молодой почтарь,
 5. Молодой почтарь, самъ не трѣхнется,
 По плечамъ бѣжать русыя кудерьки,
 Русы кудерьки не воробхнутся.
 Подбѣгаетъ къ матушкѣ каменной Москвѣ,
 На устрѣчу Московскіе цѣловальнички;
 10. Цѣловальнички испугались, всѣ разбѣглися:
 «Вы не бойтесь, цѣловальнички, не пугайтесь ничего!
 «Отпустите вы сладкой водочки на пять сотъ рублей,
 «Зеленá вина на всю армію государеву ¹⁾!»

На оградѣ сидѣлъ Прусской Король—чернымъ ворономъ,
 15. По поднѣбью леталъ Прусской Король—яснымъ соколомъ,
 Подъ столомъ—то сидѣлъ Прусской Король—сѣрымъ котикомъ.

Какъ возгворилъ Прусской Король:

¹⁾ За сямъ рассказъ возвратившихся, изображеніемъ и словами Короля

«Ты укрѣпа-ль моя, укрѣпушка,
«Славный Берлинъ—городъ!

20. «Ты кому же, моя укрѣпа, доставнешься?
«Доставалась моя укрѣпа царю Бѣлому,
«Царю Бѣлому, генералу Краснощокому.
«Я строи́гь тебя, укрѣпушку, ровно тридцать лѣтъ:
«Разорили тебя, укрѣпушку, въ три часа!»»

* *

Какъ мы видѣли выше въ пѣсняхъ возвратъ войска изъ походовъ Шведскихъ и Прусскихъ, такъ и послѣдующій небольшой разрядъ пѣсень описываетъ возвратъ изъ похода съ Краснощоковымъ, но такъ, что молодець, обыкновенно при этомъ изображаемый какъ типъ ранней гибели отъ врага, смѣшивается съ самимъ, умирающимъ будто бы отъ ранъ, Краснощоковымъ.

Возвратъ войска изъ похода съ Краснощоковымъ.

22.

(Губ. Оренбургской).

- Мимо города мимо Питера,
Мимо матушки каменной Москвы,
Туто шли—прошли два полка солдатъ.
На перѣдъ полкъ идѣтъ весель и радошень,
5. А другая—тъ полкъ идетъ не весель, не радошень:
На перѣдъ идутъ съ барабанами,
По бокамъ—то идутъ со сиповками,
Позади—то идутъ съ музыкантами,
Посередъ—то ведутъ коня сиваго,
10. Коня сиваго, свѣтлогриваго.
На конѣ—то сидитъ добрый молодець,
Добрый молодець, Краснощоковъ князь.
Овъ не пьянъ—то сидитъ,—самъ шатается,
Подъ нимъ добрый конь подгибается.
15. Увидала его родна матушка
Изъ высокаго, новаго терема,

Изъ подъ краснаго изъ окошечка:

- «Ты дитятко мое милое,
«Чадичко возлюбленное!
20. «Не ходи-ка ты на царевъ кабакъ,
«Ты не пей-ка, не пей вино царское,
«Вино царское, государское!»
— Государыня моя, родна матушка!
— Не ходилъ-то я на царевъ кабакъ,
25. — Ужь я не пилъ-то вино царское.
— Вино царское, государское;
— Напомилъ-то, де, насъ Краснощоконъ князь,
— Тремя пойлами, тремя разными:
— Еще перво-то пойлице—свинцовъ пуля,
30. — Другое-то пойлице—строево ружье,
— А третье-то пойлице—кленовъ стрѣла.—

(Сообщено В. Ш. Далемъ).

*

23.

(С. Головино, губ. Сѣмбирск.).

- Какъ по Питерской было по дороженьки,
По Московскою по широкою,
Тутъ шли-прошли солдаты.
Веселы полки, очень радостны,
Б. А одинъ-то полкъ не весель и деть,
Не весель и не радошень:
Добрыхъ коней въ поводу ведутъ,
Краснощокон на рукахъ несутъ.

Увидала его родна матушка:

10. «Охъ ты дитятко мое милое!
«Ты за чѣмъ больно пьянъ напиваешься?»
— Государыня моя, родна матушка!
— Я не самъ-то пьянъ напиваюся,
— Напомилъ-то меня супостатъ Прусской Король,

15. — Трѣя пойлами, трѣя разными:
 — Первое пойлице—сабля острая,
 — Другое пойлице—ружье огненно,
 — Третье пойлице—каленá стрѣла.—

(Записано Языковымъ.).

* *

Къ этой же эпохѣ происхожденіемъ своимъ примыкаетъ пѣсня *о взятой полонянкѣ* (даже двухъ полонянкахъ), видимо возникшая сперва на рубежахъ Шведскихъ (быть можетъ въ связи еще съ королевной Шведскою, о которой въ 8-мъ выпускѣ), потомъ на Прусскихъ (гдѣ мы также видѣли недавно взятую королевну), а наконецъ и Турецкихъ, смотря по ходу событий и войнъ. *Германты* сливается здѣсь съ *Кистрилою—Костроманомъ*, потомъ съ врагомъ *Барманомъ*, *Кистриль* и *Гостимъ* съ *Хотиломъ*. Постепенно изъ этого явленія, совершенно естественнаго, обычнаго и частнаго, вырабатывается пѣсня съ чертами *чисто-историческими*, при чемъ въ ней повторяются многіе образы и выраженія, свойственные кругу Краснощокскому; но, кромѣ того, *Румянцева*, тогда же начавшій свое поприще и въ началѣ, какъ извѣстно, отмѣченный на границѣ между прочимъ любовными похождениями, Румянецъ, по народному воззрѣнію и словопроизводству какъ генералъ *румяный*, связуется съ другимъ генераломъ *Краснощокимъ*, то есть, какъ мы знаемъ, *Краснощокowymъ*. Къ Румянцеву, въ его спеціальную пѣсню, переходитъ многое изъ пѣсни Краснощокской. Когда это сліяніе случаевъ, образовъ, именъ и выраженій совершилось для народа, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ при Румянцевѣ пѣсня окрѣпла и примѣнена, говоримъ, къ событію чисто-историческому: но это совершилось уже при Екатеринѣ, гдѣ мы и напомнимъ это, и приведемъ самую пѣсню въ ея исторической обстановкѣ. Пока же помѣстимъ здѣсь нѣсколько образцовъ ея перваго зародыша въ постепенномъ развитіи.

Взята дѣвушка на границѣ.

24.

(Москва).

Подъ городомъ подъ Кермантомъ,
 Служили тамъ два брата,
 Не поручикъ ли съ капитаномъ.

- Не подь городъ подступали ¹⁾,
 5. Земляную стѣнушку разбивали:
 Во полону-то они взяли
 На ²⁾ Шведскую панью, млáдую княгиню.
 Восплакалась наша Шведская панья,
 Востужилася наша млáдая княгиня:
 10. Утѣшаютъ её на ²⁾ два братца,
 Утѣшаютъ её на два родные,
 Не поручикъ ли съ капитаномъ:
 «Не плачь ты, не тужи, на Шведская панья,
 «Мы возьмёмъ тебя за сестру родную!»

(Записано П. В. К—мъ).

*

25.

(Воронки, у. Звенигородскаго).

- Приворачивай, ребята, ко царёву кабаку,
 Ко царёву кабаку, зелёного вина пить ¹⁾!
 Не успѣли вина пить, въ барабаны стали бить,
 Въ барабаны выбивали, насъ мóлодцевъ высылали.
 5. Насъ мóлодцевъ высылали, лёгки щляпы надѣвали,
 Лёгки щляпы со перами, съ генералами гуляли ²⁾.
 Генераль съ нами гуляль, сорокъ пушекъ заряжалъ,
 Сорокъ пушекъ заряжалъ, въ Костроманъ городъ стрѣляль ³⁾.
 Костроманъ городъ—привоолье, питья-кушанья довольно.
 10. Ой, во лужкахъ-лужкѣхъ ходять дѣвушки въ кружкахъ,
 Двѣ дѣвушки танцовали, насъ мóлодцевъ забавляли ⁴⁾....

(Запис. П. В. К—мъ 1833, Авг. 20).

*

¹⁾ То же, что иначе: „ужь какъ подь городъ они подступали (объ отрицательномъ оборотѣ ср. у насъ во многихъ мѣстахъ выше).“—²⁾ То же, что выше „не, но,—ино.“

¹⁾ Слова солдатъ и солдатской пѣсни.—²⁾ Т. е. „ми.“—³⁾ Ср. эти черты и самыя выраженія съ пѣснями о Прусскомъ походѣ при Краснощокѣхъ.—

⁴⁾ Пѣсня не кончена въ этомъ образцѣ: слѣдовало, какъ взяли дѣвушку на Русь. Дѣл же дѣвушки, вмѣсто одной, отвѣчаютъ выведеннымъ выше двумъ братьямъ, вмѣсто одного (двоихъ же увидимъ ниже и при Румянцевѣ: отца и сына).

Прежде, тѣмъ перейти къ Румищеву (о чемъ ниже), образъ молодяка, взятой на Русь за мужа, переходить, какъ мы говорили, ко Краснощоккову, этому многообъемлющему герою по мѣсту и времени дѣйствія, на границу „Турецкую“, гдѣ, благодаря богатству козацкаго творчества, образуетъ слѣдующую прекрасную пѣсню:

26.

Краснощокковъ и полонянка.

(Земля Войска Донскаго).

Между Кумь-рѣки, между Терекомъ ¹⁾,
Между тѣхъ-то, было, трехъ Кумскихъ отнóженокъ ²⁾,
Тамъ ходить-гулять удалъ-добрый молодець,
Младъ Донской козакъ, младъ охотничекъ.

5. За плечами онъ носилъ пицаль Турску,
(Пицаль Турску) все винтовочку,
Долгомѣрную, семипядную, восьмибляшную;
Виѣсто цѣлика врѣзанъ у винтовочки бралянтъ камень;
У винтовочки насѣчка позлачóная;
10. У винтовочки подсошечекъ ³⁾ кизилovýй.
На винтовочкѣ какъ написано-напечатано:
Что «Иванъ-то сударь Краснощокковъ сынъ.»

Онъ шелъ-то не стѣжкой, не дорожкой,
Всѣ тропинкою (всѣ) звѣриною:

15. На встрѣчу ему мать сѣра ланья сы ланятами.
Какъ раскидываетъ онъ подсошечекъ кизилovýй,
Онъ прикладываетъ, благословляется:
«Ты позволь, мать сѣра ланья, по тебѣ стрѣлять,
«По тебѣ стрѣлять, по твоимъ дѣточкамъ?»
20. — Ты меня убьешь—не шубу сошьешь,
— Ланять побьешь—не опушишь ⁴⁾:
— Ты пойдѣ, пойдѣ, младъ Донской козакъ,

¹⁾ Между Кумовъ и Терекомъ.—²⁾ *Отмогъ, Отмога*, старое Славянское слово (какъ *отрогъ* ит. п.): развѣтвленіе, извѣтіе—горь, корней (*radices—redes montium*).—³⁾ Какъ у сохи въ древнѣйшихъ былинахъ: подставка (распиреная рогатка) подъ ружье.—⁴⁾ Шубу.

- Младъ Донской козакъ, младъ охотничекъ,
 — Въ зелены луга, въ заповѣдныя:
 25. — Тамъ ходитъ Турчинъ со Турчаночкою,
 — Онъ ублажаетъ молодую ⁵⁾ Турчаночку,
 — Забавляетъ въ звончатныя ⁶⁾ гусельки.
 — Ты Турчина убьешь,
 — А Турчаночку за мѣжь возьмешь.—

(Ср. Сборникъ г. Савельева 1866 г.).

* * *

Послѣ мнимой или такъ сказать подетавной бѣды и смерти Краснощочкова при возвратѣ войска изъ Прусскаго похода, настаетъ по пѣснямъ дѣйствительная, подлинная *неволя* и *смерть Краснощочкова*, гдѣ онъ гибнетъ уже самъ собою, никого собою не замѣняя и ни съ кѣмъ не обмѣниваясь своимъ историческимъ именемъ, то есть настаетъ именно такія пѣсни, которыя, по извѣстнымъ признакамъ, выше въ подробности означеннымъ, мы называемъ спеціально *историческими*.

Это не значитъ, впрочемъ, что пѣсни эти *слерые* и *цѣликомъ* сложены про Краснощочкова: по извѣстнымъ намъ пріемамъ, онѣ воспользовались мотивами, образами и чертами гораздо старшими. Такъ, первая изъ нихъ, о *неволя*, прямо повторяетъ образы и даже выраженія пѣсни *Развѣской*, напечатанной нами въ 8-мъ выпускѣ, Дополненія, стр. 316, 317, № 2; въ сборникѣ у Кирши, какъ извѣстно, повторяется то же въ другой обстановкѣ и съ ними примѣненіемъ.

Краснощочковъ

въ неволѣ.

27.

- Не отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,—
 Отъ великаго оружія солдатскаго
 Загоралася въ чистомъ полѣ ковыль—трава.
 Добиралася ¹⁾ до бѣлаго до камышка:
 5. Что на камышкѣ сидитъ младъ—ясень соколъ.
 Подпалилъ онъ свои бѣстрыя крылышки.

⁵⁾ Д. б. „младую.“—⁶⁾ Чаще „звончатныя.“

¹⁾ Загорѣвшаяся трава, трава съ огнемъ.

Обожогъ онъ свои скорыя ноженъки.
 Прилетали ²⁾ къ соколу стадо вороновъ,
 Что сажались чѣрны вороны вокругъ его,
 10. И въ глаза ли ясному ³⁾ соколу насѣялися.
 Называли они сокола вороною:
 «Ты ворона, ты ворона подгумѣнная!»

Ахъ, что взговорить въ кручинѣ младъ-яснѣ соколъ:
 «Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
 15. «Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
 «Оживлю я свои ноги, ноги скорыя,
 «Я взовьюсь, младъ-яснѣ соколъ, выше облака,
 «Опущуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣльи,
 «Перебью я чернѣхъ вороновъ до единого ⁴⁾!»

20. Ахъ, когда былъ Краснощокъ во неволѣхъ,
 Онъ вскричалъ ли, онъ взвопилъ ⁵⁾ громкимъ голосомъ:
 «Ой вы гой еси, друзья-братья-товарищи!
 «Не покиньте добраго ⁶⁾ мѣлодца при бѣдности:
 «Ужъ какъ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ,
 25. «Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
 «Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

(Первоначально въ пѣсенникѣ Чулковскомъ и Новиковскомъ, потомъ въ послѣдующихъ, на примѣръ въ Кузнецовскомъ, съ заглавиемъ „пѣсни о заключеніи Краснощокова“ и съ замѣткою, что „голосъ протяжной и громкой.“ Разнорѣчій мало; нѣсколько больше ихъ, по формамъ рѣчи, въ слѣдующемъ образцѣ:)

28.

(Земля Войска Донскаго).

Ни отъ тучи, ни отъ грома, ни отъ солнышка,—
 Отъ великаго оружія солдатскаго
 Загоралась въ чистомъ полѣ кавыль-травушка.
 Добиралась (ся) до бѣлаго до камышка:

²⁾ Множественное при собирательномъ „стадо,“ какъ обычно въ древнемъ языкѣ.—³⁾ Д. б. „ясну.“—⁴⁾ Доселѣ сравненіе.—⁵⁾ Книжное; д. б. „онъ вскричалъ ли—возвопилъ“ или „возвоилъ.“—⁶⁾ Д. б. „добра.“

5. Что на камышкѣ сидитъ младъ-ясень соколъ.
 Подпалилъ онъ свои быстры крылышки,
 Обжогъ онъ свои скорыя ноженки.
 Прилетало къ соколѣ стадо вороновъ,
 Что садились чернѣ вороны вокругъ его,
10. И въ глаза ли ясному (ясну) соколу насмѣхались,
 Называли они сокола вороною:
 «Ты ворона, ты ворона подгуменная!»

- Какъ возговорить во (въ) кручинѣ младъ-ясень соколъ:
 «Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
15. «Огрошу я свои крылья, крылья быстрыя,
 «Ожидаю я свои ноги, ноги скорыя,
 «Я взвѣюсь (ся), младъ-ясень соколъ, выше облака,
 «Опущуся (ся) въ ваше стадо я скорѣй стрѣльнѣ,
 «Перебью я черныхъ вороновъ до одинаго!»
20. Ахъ, когда былъ Краснощоконъ во неволюшкѣ,
 Онъ вскричалъ ли, онъ взопилъ громкимъ голосомъ....

(Ср. Сборникъ г. Савельева 1866 г.).

* *

Подобнымъ образомъ и слѣдующая пѣсня, о смерти Краснощокова, основана вся на старшихъ, именно Петровскихъ, приведенныхъ у насъ о разныхъ лицахъ въ 8-мъ выпускѣ, и даже еще на старшей, съ которой собственно и начинается весь этотъ разрядъ, о князѣ Семенѣ Пожарскомъ, что напечатано мы въ выпускѣ 7-мъ. При лицѣ Краснощокова пѣсня только вторично „специализована“, одинаково и предъ Лёвенгаунтомъ (ср. у насъ выше), и предъ ханомъ Крымскимъ.

29.

Краснощоконъ умираетъ.

Что сказать ли вамъ, братцы, про диковинку.
 Какъ про вѣрнаго слугу про Краснощокова?
 Отъ чего, братцы, ему скоро смерть случилася?
 Случилася ему скоро смерть отъ измѣнника

12*

5. Понимали же Краснощокова на черной грязи ¹⁾.
 Онъ слѣзалъ ли Краснощоковъ со добра коня,
 Выниналъ ли Краснощоковъ саблю остроу,
 Онъ срубилъ ли со добра коня буйну голову;
 Онъ срубивши голову, говорилъ ему:
10. — Не доставайся ты, мой добрый конь, злу Татарину ²⁾! —

- Ужь какъ взяли Краснощокова за бѣлы руки,
 Повели же Краснощокова къ хану Крымскому,
 Ужь какъ стали Краснощокова крѣпко спрашивать:
 «Ты скажи, скажи, Краснощоковъ, истинну,
 15. «Еще много ли у васъ силы со фельдмаршаломъ ³⁾?»
 — Со фельдмаршаломъ у насъ силы—ой смѣты вѣтъ.—
 «Еще много ли у васъ силы съ Краснощоковымъ?»
 — Съ Краснощоковымъ у насъ—что цвѣтовъ въ поляхъ.—
 «Послужи же намъ, Краснощоковъ, вѣрой—правдою!»
 20. Ахъ что въговорить Краснощоковъ злымъ Татаринамъ:
 — Послужу я вамъ, друзья мои ⁴⁾, саблей острою
 — Что надъ вашими ль надъ буйными головками!—
 Еще тутъ ли Татаре осердились,
 Они стали надъ Краснощоковынъ наругатися,
 25. Принялись у Краснощокова ноги рѣзати.
 Они разными муками его мучили:
 А правды изъ него не вывѣдали.
 (Хоть съ живаго съ него кожу сбдрали,
 Но души изъ него не вынули ⁴⁾.)

*

(У Чужова и Новикова; потомъ мелкия отиѣны у прочихъ, изъ которыхъ приведемъ подъ слѣдующимъ № текстъ пѣсенника Театральнаго и Кузнецовскаго, съ поправками Н. В. Дмитриева, обозначая главныя изъ нихъ курсивомъ).

¹⁾ Первоначально это указывало на имя *Юпретдѣленной мѣстности*, какъ при Пожарскомъ на Конотонѣ.—²⁾ Совершенно тотъ же мотивъ, какъ при смерти знаменитаго Сербскаго Кралевича Марка.—³⁾ То же при Шереметевѣ или съ Краснощоковымъ при Леси и Минихѣ.—⁴⁾ Отзывается книжкою поддразнокъ.

30.

Сказать ли вамъ, братцы, про диковинку.
 Про вѣрнаго слугу Краснощокова?
 Отъ чего скоро смерть ему случилася?
 Случилася ему скоро смерть отъ измѣнника ¹⁾).

5. Поймали же Краснощокова на черной грязи.
 Онъ слѣзалъ, Краснощоковъ, съ добра коня,
 Вынималъ Краснощоковъ саблю острую,
 Онъ срубилъ со добра коня буйну голову,
 Онъ срубивши голову, говорилъ ему:

10. — Не доставайся ты, мой доброй конь, злу Татарину!—

Ужъ какъ взяли Краснощокова крѣпко спрашивать ²⁾:

«Ты скажи, скажи, Краснощоковъ, *правду* истинну.

«Еще много ли у васъ силы со фельдмаршаломъ?»

— Со фельдмаршаломъ у насъ *силамъ* смѣты нѣтъ.—

15. «Еще много ли у васъ силы ³⁾ съ Краснощоковымъ?»

— Съ Краснощоковымъ у насъ—что цвѣтовъ въ поляхъ.—

«Послужи же намъ, Краснощоковъ, *съ вѣрой—правдою!*»

Какъ возговоритъ Краснощоковъ злымъ *Татарскал:*

— Послужу я вамъ, друзья мои, саблей острою,

20. — *Попьку ей ваши буйны головы!*—

Тутъ невѣрные озлобились,

Они стали надъ Краснощоковымъ ругатися.

Они разными муками его мучили:

А правды изъ него не вывѣдали.

25. Хоть съ живаго съ него кожу содрали,

Да души ею не вынули.

(Почиталось съ надписью: «Воспоминаніе о Краснощоковѣ. Голосъ истинной.»)

* *

1) „Измѣнника.“—2) Такъ сокращено; или: „Ужъ какъ взяли Кр. за бѣлыя руки, Повели же Кр. крѣпко спрашивать.“—3) „Силы“ нѣтъ.

Имя и подвиги Краснощокова встрѣчаются какъ „воспоминаніе“ и въ пѣсняхъ позднѣйшихъ, которыя увидимъ ниже.—Одна пѣсня объ немъ („Приутихло-приумолкло“) приведена у Корниловяча въ „Русской Старинѣ“ съ голосомъ на нотахъ, стараніемъ Кольбе.

Объ этомъ крупномъ историческомъ лицѣ нѣтъ доселѣ дѣльной монографіи, ни біографіи его, даже у самихъ Донцовъ, столь имъ прославленныхъ. Самые обильные наши историки, по необходимости встрѣчая его имя, отзываются объ немъ на вопросы наши совершеннымъ незнаніемъ.

А между тѣмъ это *последній Русскій богатырь*, въ смыслѣ, близкомъ къ древности: съ именемъ и лицомъ его связаны *последнія* наши *Былины* въ собственномъ смыслѣ; никто послѣ него не вызвалъ въ народѣ подобнаго былевого творчества. Онъ, какъ герой, сопровождается пѣсней съ мелодіей лѣтъ до смерти: и, какъ видѣли мы, нѣсколько разъ исчезаетъ, нѣсколько разъ гибнетъ и умираетъ на разные лады (значитъ не совсѣмъ еще умираетъ за разъ, а черезъ промежутки снова воскресаетъ въ творческомъ сознаніи), подобно Ильѣ Муромцу. Подобно сему же послѣднему, соединяетъ онъ имя *богатыря* и *вожака, атамана*: но, кромѣ того, еще *вожаго бригадира, генерала*, связуя собою древность съ самою послѣднею новизною; народъ, видѣли мы, дѣлаетъ его даже *королемъ* и *княземъ*. По силѣ его значенія, къ образу его привлечены былевыя богатырскія черты и выраженія изъ самыхъ старшихъ Былинъ: соприкоснувшись съ ними, именно этому обязанъ дѣлаю больше Король Прусскій, получившій также древнѣйшія богатырскія отличія, подобно какъ сими способомъ воскресали и живо изображались разные *эпосы* нашихъ богатырей. Ему же, говорили мы, обязанъ Румянцевъ, тѣмъ, что стяжалъ въ пѣснѣ нѣсколько очертаній и выраженій народныхъ. Платовъ, единственный, напоминающій нѣсколько Краснощокова, счастливъ единственно тѣмъ, что повторилъ при себѣ отголоски Краснощоковскихъ Былинъ, что было отъѣнкомъ, тѣнью Краснощокова. Другаго же, *разлага* Былеваго образа во всемъ блескѣ послѣ Краснощокова, не вторяемъ, вовсе уже не было. Прочіе, послѣдующіе и пресловутые наши герои прославлены искусственнымъ словомъ, не въ пѣснѣ исторической, не въ Былинѣ народной: много, если имъ отданы пѣсни Солдатскія. Краснощоковымъ Былевымъ наше пѣснотворчество, можно сказать, замыкается на всегда въ смыслѣ собственномъ и въ силѣ производительной.

* *

Теперь, по закону XVIII вѣка, нами разъясненному, послѣ геройской стороны свѣтлой, сейчасъ изображенной, въ пѣснотворствѣ народномъ готова соотвѣтственная темная, хотя также въ своемъ родѣ героическая и во всякомъ случаѣ историческая. На этотъ разъ продолжаютъ послѣдствія эпохи Канновской: воспоминается связанный съ нею и съ Камчаткою Балчугъ, смерть одного изъ Канновыхъ послѣдователей, *Васьки Ремезова*, и въ особенности казнь, постигшая извѣстную намъ *Амушку* (теперь уже купеческую вдову), рукою палача Андрея, по всему видно—за измѣну, жертвою которой былъ сначала Канъ, потомъ выданный Ремезовъ.

**Казнь Васьки Ремезова.
Мѣсть предательницѣ Аннушкѣ.**

(Астрахань).

За Москвою за рѣкою,
За Мушнымъ большимъ рядомъ
И за Балчужнымъ ¹⁾,
Тута шли—прошли солдаты,
5. Солдатушки служивые.
У нихъ ружья на плечахъ—
Штыки прѣмкнуты ²⁾;
Поперѣдъ у нихъ идетъ
Самъ грозный, братцы, палачъ;
10. Позади его ведутъ
Ваську Ремезова:
Ведутъ его казнить—вѣшати.

Какъ возговорить Василій
Андрею палачу:
15. «Ужъ ты братецъ, ты мой братецъ,
«Братъ Андриушенька палачъ!
«Не попомни, братъ Андриуша,
«Прежней грубости ³⁾:
«Ты повѣсь меня скорѣй,
20. «Веселѣе-веселѣй!
«Не повѣсишь ты, собака,
«Завтра самъ угодишь ⁴⁾»
Онъ повѣсилъ, воръ-собака,
Поскорѣхоньку;

¹⁾ Рыбнымъ: это извѣстная намъ мѣстность, отъ Мытнаго Двора и имѣшняго Москварѣцкаго моста, поприца Каннова, до границъ поприца Камчаткина.—²⁾ Стихъ, такъ называемый у насъ, „двойной.“—³⁾ Моей какой либо и по мести за нее не твоя казнь.—⁴⁾ „Воръ-собака“ обычное прозвище палачей: но Андрей былъ пріятель и самъ сообщникъ Ремезова, такъ что и ему угрожалъ наговоръ Аннушки.

25. И сѣдился воръ—собака
 На извошничка;
 Онъ поѣхаль, воръ—собака,
 Въ Преображенское село ⁵⁾,
 Ко Аннушкѣ ко вдовѣ,
 30. Ко купеческой женѣ ⁶⁾.
 Онъ стучится, воръ—собака,
 Объ колечушко.
 Не успѣла душа Аня
 Ворóтечекъ отпереть,—
 35. Вынимаетъ воръ—собака
 Свой булатный ножъ,
 Онъ подрѣзалъ, воръ—собака,
 Грудн бѣлыя ⁷⁾.

(Эта пѣсня, известная и въ Москвѣ, помѣщена по лучшему образцу, который записать для насъ почтеннымъ пѣвцомъ Н. Е. Молчановымъ, въ Астрахани, отъ старика Ильи Яковлева, бывшаго моряка-матроса, а сей послѣдній привезъ пѣсню изъ Москвы съ знакомой намъ Парусной фабрики или изъ Матросскаго дома, съ этого пѣлалца Канюковыхъ и Камчатскими преданіи).

* *

Гораздо яснѣе, по тому же правилу XVIII вѣка, послѣ свѣтлыхъ образцовъ въ народномъ пѣснотворствѣ выдается *образина*: не то, чтобы она не привлекала народнаго вниманія, — доказательствомъ противнаго служатъ уже сложенные про нее и сбереженные пѣсни; и безобразіе, возводимое до арктическаго удалства, также притягиваетъ къ себѣ новѣтческія краски. Но эпоха Каина послужила для Москвы и сосредоточеннаго въ ней творчества, поучительной школой, своего рода отрезвленіемъ и вразумленіемъ. Разбойники и разбойнички, удалая вольница, гулящіе люди продолжали не только дѣйствовать, но еще отчасти и пѣвять болѣе отдаленный міръ козачества, украинъ, рѣкъ судоходныхъ и степей, заманивая къ себѣ прихотливую фантазію нашихъ усердныхъ искателей „политическаго дви-

⁵⁾ Знаменитое послѣ Петра мѣсто всѣхъ возможныхъ постепенныхъ сектъ, изъ числа коихъ къ Скопеческой принадлежала Аннушка.—⁶⁾ Эта поспѣшность объясняется и желаніемъ Андрея отмстить за погибшаго товарища, и опасеніемъ навѣтовъ за самого себя.—⁷⁾ По древнему: „споролъ“ и за тѣмъ „вынулъ сердце съ печенью.“ Но здѣсь слышенъ еще памятливыи намекъ на дѣвushку-хлыстовку, съ подрѣзанными безъ того грудями: Андрей кончилъ, подрѣзалъ совсѣмъ.

жени между народами." Многолѣтній, яркій и внушительный примѣръ Кавина, начавшаго тѣмъ же, вывелъ подѣ конецъ плоды подобныхъ дѣяній на свѣжую воду: взглянувши въ нее безпристрастно, Москва—и первая между другими—увидала въ расчищенныхъ струяхъ дѣйствительную „образину," подлинныхъ и по просту—воровъ, мошенниковъ, грабителей. Практика текущей жизни прохалаживала взглядъ еще лѣкарственнѣе: трудно становилось жить въ Москвѣ отъ воровства и грабительства, пожаровъ, докосовъ и безконечныхъ разбирательствъ; еще тяжеле было въ окрестности, на 20 верстѣ вокругъ, по всѣмъ большимъ и провѣзкимъ дорогамъ. Чѣмъ шире, торѣе и люднѣе была дорога, тѣмъ опаснѣе, не только одиночкамъ, но и цѣлымъ обозамъ: выѣзжали за заставу помолясь усердно, крестясь, торопясь, оглядываясь,—страхъ, сопровождавшій каждаго по преданію до нашихъ собственныхъ лѣтъ въ ранней молодости (съ первыхъ дѣтскихъ годовъ мы ѣздили по деревнямъ и хорошо помнимъ впечатлѣнія). Такимъ образомъ это вовсе былъ не случай, не страхъ предъ неизвѣстностью: очень хорошо была извѣстна она, опасность, опредѣлены были пункты ея, на вѣрное ожидался насильникъ. Самыя первыя деревни отъ Москвы, большею частію выселки, останки и станціи, при оврагахъ, спускахъ и подъемахъ, переправахъ и лѣсистыхъ заходустяхъ, получили названія, удержанныя до сихъ поръ: по одной дорогѣ (Дмитровской)—*Лихоборы, Лулиха*; по другой (Рогачевскій)—*Глилуша, Свистуха*; по третьей (Владимірской)—*Обираловка*; по четвертой (Звенигородской)—*Раздоры* (гдѣ завязывались придирки), *Голуха* (гдѣ обирали), *Уборы* (гдѣ убирались и—концы въ воду), и т. п. названія, не требующія поясненій, тѣмъ больше, что мѣстности эти для народа доселѣ окружены страхомъ.—Въ подобномъ положеніи окрестностей Москвы, такъ какъ мы съ XVIII вѣка и теперь въ особенности должны обратить на нихъ вниманіе въ цѣляхъ нашего ближайшаго предмета, чтобы притѣ перейти къ нѣснямъ, здѣсь сосредоточеннымъ, предлагаемъ пока ориентироваться слѣдующимъ образомъ: спустимся изъ центра Москвы по Васманной и Лефортову къ тому пункту Яузъ, гдѣ нынѣ собственно входятъ она въ Москву, мяковавъ Сокольники, поле и огороды, круто поворачивая отсюда на право; другими словами, къ тому пункту, гдѣ раскинулась нѣкогда и въ пору, о которой говоримъ, процвѣтало знаменитое, любимое угодые Романовыхъ, *село Покровское*, съ его дворцами, церковными зданіями, оградами, мостомъ и т. д. На лѣво отсюда, если захватить взоромъ большое пространство до 10-ти квадратныхъ верстѣ, по среднѣ его окажется главная, прямолинейная, столбовая, самая людная и Богомольная дорога, къ Троицѣ, отъ Креста; по одну сторону ея, правую относительно насъ и нашего пункта, шла на 40 верстѣ непроходимая труднота Соколиной царской охоты, всѣ эти Оленьи рощи, Лосинные Острова и т. д., извѣщенные страстнымъ охотникомъ Алексѣемъ Михайловичемъ; по другую сторону тянулись отъ Москвы Марьяна и Маренна, Останкино, Свиблово (Свирлово) съ Леоновымъ и Медвѣдковымъ, наконецъ Тайнин-

ское, куда взоръ упирался и гдѣ шагъ уже останавливался, ибо за тѣмъ начинались мѣстности совсѣмъ иного положенія, населенія и значенія. Тѣ же, которые именованы у насъ, равно извѣстны въ смыслѣ народныхъ гульбищъ и привольной загородной жизни, знамениты именами владѣльцевъ (первыя—Черкасскихъ и за ними Шереметевыхъ; Леоново—Демидовыхъ; Медвѣдково—Пожарскаго, Софія, В. В. Голицына; Тайнинское—дари Алексѣя, князень дочерей его и Елизаветы), наконецъ собственными названіями, связанными съ живымъ народнымъ преданіемъ и пѣсней историческою. Дорога богомольцевъ, священнѣйшая изъ подмосковныхъ и Русскихъ, послѣ Креста черезъ пять верстъ упиралась въ Алексѣевское, любимое село царственнаго охотника съ храмомъ въ честь его ангела; еще съ версту—и раскидывалось людное селеніе *Растокино*. Яуза, весьма любимая въ народѣ, преданіяхъ и пѣняхъ его, столь загаженная нынѣ фабриками, между прочимъ красильными, и всякими нечистотами, совершенно негодная потому и даже зловредная для Москвы (гдѣ, не смотря на всѣ ея прецеденты, продолжаютъ пить изъ нея воду и варить кушанья), Яуза собственно могла бы напоить всю Москву отличною водою безъ другихъ искусственныхъ водопроводовъ. Она выходитъ изъ тѣхъ же, прославившихъ, громовыхъ Мытищинскихъ водоемовъ (на той же Троицкой дорогѣ за Растокинымъ въ 11-ти еще верстахъ), чистѣйшимъ холоднымъ кристалломъ омываетъ Тайнинское, огибаетъ Медвѣдково, Свиблово, Леоново и —растекается на привольѣ по пологимъ скатамъ луговъ: гдѣ ея *растока*, тамъ выросло и обстроилось Растокино (та же причина, которая далеко отселѣ породила знаменитый Растокъ или Ростокъ). Троицкая дорога, подобно прочимъ помянутымъ, въ ближайшихъ частяхъ къ Москвѣ, именно до Большихъ Мытищъ, славится доселѣ исполскими грабежами: самое имя Мытищъ объясняютъ въ народѣ послѣдними мытарствами, которые приходилось вытерпывать; у Креста изъ вѣка состоятъ всѣ главныя притоки такъ называемыхъ „жуликовъ“, нѣкоторымъ образомъ санкціонованные въ томъ отношеніи, что до послѣдняго времени сюда обыкновенно сѣла полиція со своими сыщиками, когда въ городѣ и окрестностяхъ совершался выдававшийся изъ ряда грабежъ; сама желѣзная дорога не устранила сего, предоставивъ въ сторонѣ отъ себя „простому народу“ пустынное ижеходство съ обычными его судьбами. — Здѣсь-то, въ Растокинѣ, какъ въ узлѣ, гдѣ имѣлась и большая дорога богомольцевъ, и по одну сторону Яуза, присоединявшая своимъ теченіемъ цѣлый дистриктъ крупныхъ, людныхъ и богатыхъ мѣстностей, ею обогнутыхъ, а по другую сторону вплоть до Мытищъ и до Москвы непроходимый Сокольническій боръ, здѣсь-то, въ эпоху Катина и Елизаветы, родилась, выросла и на далеко прославилась смѣлая владѣтельница цѣлаго очерченнаго края—Ташька Растокинская, „дѣвица-разбойникъ.“ По преданію мѣстная уроженка, до конца поприща своего дѣвица (хотя и водилась съ подвластными атаманами) и тѣмъ болѣе дѣвица до конца, что никого не могла плѣнить, отличаясь ужасавшимъ

безобразіемъ своихъ богатырскихъ формъ. Народъ терпѣлъ ее, проклиналъ: но народъ же и пѣлъ объ ея подвигахъ, какъ поетъ до сихъ поръ, и тѣмъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ, что поетъ о концѣ ея и казни, съ чувствомъ тѣмъ болѣе прощающимъ, что оно относится уже къ „несчастной.“ Народъ, особенно на пенеліщѣ ея, помнить и рассказываетъ объ ней доселѣ: онъ съ охотою приурочиваетъ ей во владѣніе и самое *Талинское* (измѣняя изъ „Тайнинскаго“), дакъ село „Танино,“ и готовъ самыя Екатерининскія водопроводы, въ сторонѣ отъ дороги, объяснять старыми пещерами, крѣпостью и логовищемъ Таньки. Эти невнимныя увлеченія силою героини или, лучше, преувеличенія, во всякомъ случаѣ неопасны для исторіи, но крайности краснорѣчивѣе совершеннаго молчанія, до сихъ поръ хранимаго оффиціальными полицейскими бумагами того времени: послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что весь полицейскій интересъ поглощенъ былъ вскорѣ крупными дѣяніями Каина, въ дѣлѣ Таньки не касался столицы, напротивъ имѣло мѣсто въ областной уѣздной жизни и быстрой казни виновной, какъ скоро она попалась, все живо покончилось и забыто для оффиціи. Но и преувеличенія народные, и молчаніе бумажное съ избыткомъ возмѣщаются другими преданіями и живыми урочищами. „Марьяна роща,“ входившая въ кругъ и поприще дѣяній Татьяны, долго прозывалась „*еурооскою* рощей (о чемъ скоро скажемъ подробно);“ „Маренинъ дугъ,“ съ нею связанный, долго слылъ и остается доселѣ мѣстомъ воровскимъ, грабительскимъ; роща отъ Растокіна (со стороны Москвы) въ лѣво, особенно послѣ поворота въ Медвѣдково, роща до послѣдняго времени извѣстная грабежами, изъ нея устремлявшимися на богомольцевъ, звалась и зовется доселѣ „*Талькила, Талькила* роща“ или просто „*Танька*“; въ пѣсняхъ воспѣвается знаменитая Тацькина „*Берѣза*,“ подъ которой собиралась ея станція; берѣза не могла перевѣковать, — осталось другое живое урочище Татьяны, ея „*Красная сосна*,“ уцѣлѣвшая и такъ называемая доселѣ, нѣсколько подалеже Тацькиной рощи, на той же сторонѣ (другая такая же, кривостая, вся некорюченная, вѣковая сосна Таньки — по дорогѣ изъ Тайнинскаго на Медвѣдково, близъ сего послѣдняго); мѣсто это такъ названо для грабежа, что съ тѣхъ поръ доселѣ на немъ держатъ ночной ливень, изъ окрестныхъ крестьянъ, по очереди собирающихся съ дубинами. Чтобы уловить, отчасти сохранить, отчасти фантастически воспроизвести подобныя народныя черты, судьба въ окрестностяхъ Медвѣдково, Свйблова и Леолова послѣдовательно похѣстила на дачной жизни представителей лучшаго нашего юра: *Новикова, Карамзина* и *Жуковскаго*. Первый, принявъ отъ Чулкова и провѣривъ, занесъ въ свой сборникъ двѣ главныя пѣсни о Татьянѣ, въ лучшей редакціи; второй занялъ — то ужасныя краски отверженнаго быта въ свою „*Наталью боярскую дочь*,“ то перенесъ краски нѣжныя, отъ воображаемой Марьи (о ней послѣ вскорѣ) на „*Лизу*,“ хотя и приурочилъ ее къ другой окривѣй Московской; третій по своему создалъ романтическую Марію, героиню, давшую имя „*Марьиной рощи*.“ Спусти нѣ-

сколько времени, старожилъ, страстный любитель и описатель Останкина съ его окрестностями, С. М. Любецкий (имя его известно уже и въ нашемъ сборникѣ), въ молодыхъ лѣтахъ, изъ ходячихъ преданій составилъ пѣснь романъ или историческую повѣсть въ 4-хъ частяхъ, „Танька, разбойница Растокинская (М., 1834),“—книга, конечно не по историчности, а по умѣнью сгруппировать для разсказа нѣсколько народныхъ данныхъ, съ удовольствіемъ читаемая доселѣ, между прочимъ дѣтми старшаго возраста (мы сами выжили въ томъ краѣ пѣснь три года, чтобы въ ряду прочихъ народныхъ памятниковъ собрать отчасти и все уцѣлѣвшее о Татьянѣ).

Татьянѣ Растокинской посвящены собственно *два, народные-историческія, пѣсни*, пѣсни яркія и выразительныя, отлично по старинѣ сложенныя, се знакомыя уже намъ пріемами въ подобномъ случаѣ.—*Первая* захватываетъ время нѣсколько пораньше: описываетъ подѣ „Вербом“ сборъ цвѣтущей станицы, помѣщаетъ среди станицы атамана-Татьяну, влагаетъ въ сердце ей раскаяніе и роковое предчувствіе бѣды, потомъ, во второй половинѣ, естественно переходитъ къ тому, что героиня изъ среды товарищей исчезла, они уже говорятъ объ томъ въ 3-й лицѣ, вспоминають ее какъ „заключенную,“ и, наконецъ, по знакомому намъ обычаю пѣсней сего рода, выводится на сцену сама заключенная, въ темницѣ, съ пѣсней въ устахъ, съ горькимъ сожалѣніемъ объ утраченномъ привольѣ среди „Марьиной роши.“ Последнее обстоятельство дало поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ пишущей и печатающей Русской братіи. Новиковъ, столь близкій еще къ живѣйшимъ устнымъ преданіямъ о Татьянѣ, не усумнился со словъ народа привести въ пѣснѣ эту „Марьину рошу,“ нѣсколько не приурочивая ее къ Марьѣ, напротивъ зная, что это было одно изъ ковричь грабешей Татьяны. Напротивъ послѣдующіе пѣсенники (или, лучше, собиратели ихъ и издатели) — одни увидали здѣсь разбойничьяго атамана *Марью* и перенесли ее даже въ заголовокъ 2-й Татьяниной пѣсни, которая прямо уже не знаетъ никакой Марьи и трактуеть о Растокинской Татьянѣ, другіе же, отчасти убѣжденные совсѣмъ несходными преданіями о дѣйствительной Марьѣ, давшей свое имя Марьиной рошѣ и деревнѣ, отчасти соблазненные распространенною повѣстью Жуковского о романтической Марьѣ, родоначальницѣ Марьиныхъ урочищъ, усумнились передавать о такой милой Марьѣ пѣсню съ разбойничьими красками, старались стереть съ выразительными черты, вставляли общія мѣста и выраженія, заглавливали пѣсню „вспоминаяніе потерянной воли,“ а вмѣсто „Марьиной,“ имени, звучащаго упрекомъ романтической дѣвицы Маріи, вставляли названіе, подъ которымъ впрочемъ издавна и слыла эта роша, названіе „*сорокской роши.*“ Другими словами, какъ нервы незаслуженно посвятили дѣйствительной Марьѣ въ разбойники, такъ вторые вѣлчески опасались, чтобы хотя бы осторожнымъ словомъ пѣсни не задѣть романтической *Маріи Жуковской*. То и другое теперь смѣшно въ виду истиннаго дѣла менѣе, и даже тѣмъ болѣе мы обязаны устранить э!

иные, вскрывъ его подлинный источник. — *Марья*, давшая имя рошѣ и деревнѣ, въ дѣйствительности не имѣетъ никакого отношенія къ *Татьянѣ Расстойкиной*. По ея имени, говорили мы, прозвала роца (съ прилежащею деревней); въ ту пору густая, вилоть отъ Останкина до Бутырокъ; рядомъ, по имени *Марем*, „Маренинъ лугъ (съ деревней Маренино, въ тѣво къ Петровскому-Разумовскому):“ по обычаю всего XVIII-го и начала XIX вѣка, такъ, личными женскими именами, прозывались у помѣщиковъ усадьбы, деревни, выселки и фермы въ честь и память—либо членовъ семьи, особенно дочерей, либо, еще чаще, помѣщичьихъ любовницъ, изъ крестьянъ и дворовыхъ (примѣръ встрѣтимъ еще ниже); а вся мѣстность, о которой говорить, за одно съ Останкинскимъ, принадлежала съ XVII вѣка князьямъ Черкасскимъ (послѣ черезъ замужество перешла къ Шереметевымъ). *Марья*, говорятъ, была изъ числа прославленныхъ любимицъ княжескихъ (родомъ изъ деревни, прозванной *Марьинкою*): *Марса*—сестра ея. И вотъ объясненіе. Оно сколько вѣрно, столько же просто: а совпаденіе именъ столь ярко, что когда Греки, Грузинамъ, частію Армяне, изстари избиравшіе эту мѣстность для загороднаго житія и гулянья, отчасти для кладбищъ, отводившихся здѣсь разнымъ иностранцамъ, сложились при Елизаветѣ и, изъ числа православныхъ, иждивеніемъ Луки Долгаго, построена была на углу роши Кладбищенская Церковь, она посвящена имени Лазаря и двухъ сестеръ его, *Маріи* и *Марем* (Лазарево кладбище). Такъ, по Московскому обычаю и обычаю тогдашней Русской, богомольной и вродѣ народной, Государини, законченъ и покрытъ церковнымъ дѣломъ всѣ былые грѣхи, далекая память и преданія двухъ сестеръ. Всѣ прочія фантастическія предположенія, въ родѣ того, что приводитъ С. М. Лубецкій, будто „атаманъ разбойниковъ, скрывавшійся въ Сокольникахъ, увезъ какую-то *Марышку*, отеческую дочку,“ годились только для чувствительнаго Карамзина и романтическаго Жуковскаго.

Вторая пѣсня *Татьянинская* нѣсколькими шагами позднеѣ, но за то прище, яслеѣ, рѣдительноѣ и заходитъ дальше, описывая самый конецъ героини. „Гуляла“ и съ товарищами „ходила“ она около 40 лѣтъ: по одной пѣснѣ круглымъ числомъ 40, по другой опредѣленіе 36 лѣтъ. Душь погубила тмелчъ двадцать, не считая старыхъ и малыхъ; держала въ крѣпкихъ рукахъ не только всю округу, отъ Мытищъ до Москвы, отъ Тайнинскаго до Преображенскаго и Покровскаго, но посѣщала и прочіе уѣзды, и города. Красная дѣвица сдѣлалась уже старухой: хотя все еще лиховъ, богатырскою и грозномъ. Но—сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро: захотѣлось загудать въ Москву. Конечно и тутъ она прежде бывала: да теперь, послѣ Кашиновскихъ смуть и пожаровъ, вниманіе было напряжено, а Государинѣ, жившей въ Покровскомъ, надобно наконецъ непрерывными тревога, не дававшія загороднаго покоя, мѣшавшія любимымъ прогулкамъ на богомолье. Съ этого момента и начинается вторая пѣсня. Подъ старость особенно атаманша полюбила вино: „*Татьяна пьяна*,“ таково сдѣлалось обычное

объ ней выраженіе. Загулала она разъ въ Москву къ „Петровскому Кру-
 жалу,“ обширной постоянной винной выставкѣ при Петровскихъ воротахъ
 Бѣлаго Города (что теперь отъ Большаго Театра до Петровскаго мона-
 стря): это было весьма близко отъ границъ Марьиной рощи и Бутырокъ.
 Ватага вокругъ, пошла похвальба, рублевика нвмрялись безъ счета за
 стойку, „храбро и бодро поступала“ атаманша, легко было признаться въ
 ней „атамановы поступки.“ Окружила Полиця, хозяйку ватаги вздернули
 на дыбу: и въ застѣвкѣ она пѣсней продолжала хвастливую исповѣдь. Судъ
 былъ коротокъ: ее жгли на соломенномъ кострѣ въ горада, на мѣстѣ
 преступлений, и отрубили подъ конецъ голову. Пѣсня по обычаю продол-
 жается и дальше: какъ Татьяна „приказала“ казнить ее по своему, разо-
 ложить со всѣми товарищами въ полѣ, ей послѣдней на край рубить голову;
 а пока перебирали прочихъ, она имѣла время пожалѣть друзей, что изъ
 за нея гибли, покалалась въ томъ и просила у нихъ слезно прощенья,—ко-
 нечно это прибавка уже преемниковъ Татьяны, продолжившихъ ее пѣсню
 и пѣвшихъ объ ней по воспоминанію. Равнымъ образомъ, съ начала XIX
 вѣка пѣсенники (Ильинскій, Театральнй, Кузнецовскій и т. п.), по извѣст-
 ному намъ недоразумѣнію, надписывали эту пѣсню: „Пѣсня Героини Марь-
 кой рощи, по близости Москвы состоящей, которая называется ея именемъ.
 Поеся протяжно, но съ порывами.“—То и другое, и подобныя неточности,
 нами растолкованныя, и передержки внутри самихъ пѣсней, не мѣшаютъ
 намъ признать съ полной исторической достовѣрностью, что *объ раско при-
 надлежатъ Танькѣ Растопицкой*, что это въ народѣ ея ясли, какъ неиз-
 мѣнно убѣжденъ народъ и доселѣ, что онѣ по началу *сложены и ясли ея
 самой*, хотя и продолжены дальше, объ самой кончинѣ ея и съ воспомина-
 ніями объ ней въ 3-мъ лицѣ, усердными ея поклонниками, уцѣлѣвшими
 въ живѣ, откуда и разошлись пѣсни сирва по Растопину и ближайшей
 округѣ, потомъ по всему Русскому народу. Примѣръ и типъ сего рода
 намъ не новъ, не новъ и читателямъ нашего труда послѣ многократныхъ
 нашихъ разъясненій: онъ повторится неизмѣнно съ одинакими приѣмами
 отъ Раина до Каина, отъ Ксеіи Годуновой и Евдокіи Лопухиной вплоть
 до Прасковьи Шереметевой, которую скоро встрѣтимъ.

Итакъ, передъ нами *два ясли* въ показанномъ ихъ порядкѣ:

Танька Растопицкая.

(Москва и ближайшія къ Москвѣ мѣстности).

1.

Что далече—далече, во ¹⁾ чистомъ полѣ
 При пути ли ²⁾—при широкій при ³⁾ дороженькѣ.

¹⁾ Разнорѣчія: „въ.“—²⁾ „Что при пути.“—³⁾ Этого „при“ нѣтъ.

Стояла тутъ кудрявая берёза:

Тонёшенька, бѣлешенька, кудревата.

5. Подъ тою подъ кудрявою ⁴⁾ подъ берёзой
Сидѣла тутъ разбойниковъ станица ⁵⁾.

Во той ли во станицѣ красная ⁶⁾ дѣвица.

Не пѣсенки красная ⁶⁾ дѣвица воспѣваетъ,

Она плачетъ, красная дѣвица, возрыдаетъ ⁷⁾:

10. «Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,

«Я сорокъ душъ съ душою погубила,

«И батюшкѣ, и матушкѣ не уступила ⁸⁾,

«И родъ-племя красна дѣвица погубила ⁹⁾!»

Не глѣбуи промежь себя воркуютъ,

15. Промежь себя разбойники рѣчь говорятъ ¹⁰⁾:

— Не стало у насъ, братцы, атамана!

— Засажень нашъ атаманъ во темницѣ,

— Во темную темницѣ заключенну ¹¹⁾!

— Не въ саду атаманъ нашъ ¹²⁾ гуляетъ:

20. — Гуляетъ нашъ атаманъ по темницѣ,

— По темной темницѣ заключенной.

— Тяжко-больно нашъ атаманъ въздыхаеть,

— Къ сердечушку бѣлы руки ¹³⁾ прижимаеть.

— Любимую свою рощу воспоминаеть:

25. — «Ой ¹⁴⁾ свѣтъ же ты моя Марына роща ¹⁵⁾!

⁴⁾ „подъ кудрявой;“ въ другихъ „подъ кудрявою берёзой.“—⁵⁾ Въ другихъ: „Стояли тутъ станицы воровскія.“—Но дальше вездѣ „во станицѣ.“—⁶⁾ „красна.“—⁷⁾ „Что кричитъ красна дѣвица, воетъ-плачетъ.“—⁸⁾ Такъ у Новикова: не уступила ихнимъ просьбамъ оставить разбой. Другіе образцы уже утрировали: „И батюшкѣ, и матушкѣ не спустила,“ и ихъ убила.—⁹⁾ Въ древнемъ значеніи—потеряла, разошлась съ нимъ; прочіе опять преувеличили: „И родъ-племя красна дѣвица потребила,“ извела, перебила. Ужь бытъ злодѣемъ, такъ злодѣемъ, по мнѣнію позднѣйшихъ пѣсенниковъ. — Отсебѣ переломъ пѣсни: Татьяна исчезла, другіе вспоминають ее въ неволѣ.—¹⁰⁾ Разнорѣч. „говорили.“—¹¹⁾ Заключенну заключенниці, какъ встрѣчали ны выше.—¹²⁾ Друг. „нашъ атаманъ.“—¹³⁾ У Новикова хуже: „бѣлу руку.“—¹⁴⁾ „Ай.“—¹⁵⁾ Въ другихъ „воровская роща,“ по причинамъ, растолкованнымъ нами выше.

- «Никакъ ¹⁶⁾ мнѣ по тебѣ, роца, не гуляти ¹⁷⁾,
- «Подъ широкой дороженькой не устояти ¹⁸⁾,
- «Купеческихъ людей мнѣ не разбивати ¹⁹⁾
- «(Только злата и сѣребра ²⁰⁾ не отбирати—)?!»—

* *

2 1).

- Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
 Со удалыми со добрыми молодцами,
 Со тѣми ли молодцами—со ворани.
 Не много я, красна дѣвица, гуляла:
5. Гуляла красна дѣвица тридцать шѣсть лѣтъ.
 Была-то я, красна дѣвица, атаманомъ
 И славнымъ—и преславнымъ—есауломъ.
 Стояла я, красна дѣвица, при дорогѣ,
 Со вострымъ я со ножичкомъ булатнымъ:
10. Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда ²⁾.
 Не много я, красна дѣвица, душъ губила:
 Погубила я, красна дѣвица, двадцать тысячъ,
 А стараго и малаго въ счетъ не клала.

- Я ѣздила по городамъ, по уѣздамъ:
 15. Захотѣла красна дѣвица загуляти

¹⁶⁾ Должно быть, ужь вѣрно.—¹⁷⁾ Прочіе многіе образцы: „Ужь какъ мнѣ по тебѣ, роца, не тужити!“—¹⁸⁾ Не дурно и въ другихъ: „Подъ широкой дорожкой не стояти.“—¹⁹⁾ Здѣсь кончается Новиковскій образецъ: слѣдующій стихъ прибавляется въ другихъ, многочисленныхъ впрочемъ, разнорѣчійхъ.—²⁰⁾ Въ книжкѣ: „и сребра.“

¹⁾ Къ этой-то пѣсни, какъ мы говорили, печатные пѣсенники съ начала нашего вѣка придѣляли ошибочное заглавіе: „Пѣсня Геронни Марьиной (или Марьянской) роци, по близости Москвы состоящей, которая называется ея именемъ. Поется протяжно, но съ порывами.“—За то образцы ея почти не представляютъ никакихъ разнорѣчій (немногія приведены у насъ); такъ она типично и цѣльно вылилась.—²⁾ Весьма частая, кажущаяся, непоследовательность народной рѣчи; собственно: „Ни конному нѣтъ проѣзда, ни пѣшему прохода.“

Во славное въ Московское государство ³⁾.
 Захотѣлось мнѣ, красной дѣвицѣ, посмотрѣти:
 Богатыхъ тамъ купцовъ мнѣ поглядѣти,
 Мнѣ каменны полаты поломати,

20. Желѣзные запоры отпирати.

Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
 На славное Петровское на Кружало ⁴⁾.
 Безъ счету я, дѣвица, деньги выдавала,
 Нѣ глядя рублѣвички за стѣничку ⁵⁾ бросала:

25. «Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!»
 Ужь тутъ—то я, красна дѣвица, бодрость оказала,
 Ужь храбро я и бодро поступала,
 Атамановы поступки показала ⁶⁾!

Ужь тутъ меня, дѣвицу, признавали:

30. По имени красну дѣвицу называли,
 По отечеству меня величали;
 Назадъ руки красной дѣвицѣ завязали,
 Повели меня, красну дѣвицу, во полицу ⁷⁾.
 Подымали красну дѣвицу на дыбу ⁸⁾;

35. Ужь смѣло красна дѣвица отвѣчала:
 «Постойте, судьи мои, не судите!
 «Чего вамъ отъ меня больше ⁹⁾ желати?
 «Сама я вамъ, красна дѣвица, повинюся ¹⁰⁾!

³⁾ Такъ, мы видали уже примѣры прежде, сливали часто государственную область Москвы съ средоточіемъ ея правленія—самой Москвою; такъ и современные Кайну бурлаки порывались видѣть „Московское сильное царство,“ т. е. Москву (ср. выше). Притомъ „областное“ чувство было еще сильно развито, отводя себѣ часто границу чуть не подъ самую Москву.—⁴⁾ О точномъ мѣстѣ этой постоянной винной выставки уже говорено у насъ.—⁵⁾ Изъ за которой раздають питье и на которой принимаютъ деньги.—⁶⁾ Здѣсь необыкновенно тонко схвачена черта чисто-женскаго характера, дѣтское хвастовство „мужествомъ“ безъ оглядки.—⁷⁾ Полицію, сыскную: но вѣроятно особую отъ Москвы, за городомъ, становую и волостную; и казнь совершена за городомъ (ср. выше о молчаніи бумагъ).—

⁸⁾ Для пытки, въ застѣнкѣ.—⁹⁾ Въ другихъ „больше“ опущено.—¹⁰⁾ За сямъ, по обыкновенному эпическому приему, слѣдуетъ повтореніе разсказа о глав-

- «Не много-то я, красна дѣвица, гуляла:
 40. «Гуляла я, красна дѣвица, тридцать шесть лѣтъ;
 «Была я, красна дѣвица, атаманомъ
 («И славнымъ—и преславнымъ—есауломъ»);
 «Стояла я, красна дѣвица, при дорогѣ,
 «Со вѣстрымъ я со ножичкомъ булатнымъ:
 45. «Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда;
 «Не много я, красна дѣвица, душъ губила:
 «Погубила я, красна дѣвица, двадцать тысячь,
 «А старого и малаго въ счетъ не клала.
 «Захотѣла я, красна дѣвица, загуляти
 50. «Во славное въ Московское во царство:
 «По широкимъ по улицамъ походить,
 «Богатыхъ тамъ купцовъ поглядѣти,
 «Мнѣ каменны полаты поломати,
 «Желѣзные запоры отпирати.
 55. «Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
 «На славное Петровское Кружало:
 «Нѣ глядя я рублѣвички выпимала,
 «За стѣничку безъ счету подавала,
 «Атамановы поступочки показала.
 60. «Ужь тутъ меня, дѣвицу, признавали:
 «По имени краснѣ дѣвицу называли,
 «По отечеству меня величали;
 «Назадъ руки красной дѣвицѣ завязали,
 «Повели меня, краснѣ дѣвицу, во полицу ¹¹⁾.—
 65. «Судите, судьи, меня поскорѣе:
 «Раскладывайте огни на соломи,
 «Вы жгите мое бѣлое тѣло.

номъ событiи. Иные образцы въ народѣ, по забвенiю и порчѣ, это опускаютъ; печатные же пѣсенники, съ начала нашего вѣка, сочили все это излишкомъ и замѣнили слѣдующими присочиненными стихами:

„Во всѣмъ-то я, красна дѣвица, повинилась,
 „Про всё-то я, красна дѣвица, рассказала,
 „И потому я ко судьбѣ говорила....“—

¹¹⁾ Доселѣ все выброшено въ позднѣйшихъ печатныхъ пѣсенникахъ.—

«Послѣ огня мнѣ голову рубите ¹³⁾!

«Вы слушайте, судьи, моего приказа:

70. «Ведите меня съ товарищи ¹³⁾ въ чистое ¹⁴⁾ поле,

«Зачинайте вы класть всѣхъ ¹⁵⁾ съ ряду,

«Меня, краснѣ дѣвицу, на послѣдокъ.»

Я лежа тамъ, краснѣ дѣвица, возрыдала,

Объ товарищахъ своихъ я пожалѣла:

75. Что «рано ¹⁶⁾ я васъ, дѣвица, погубила!

«Я въ сей винѣ, краснѣ дѣвица, причина ¹⁷⁾:

«Простите, мои пріятели—доброхоты!»

* * *

Окрестности Москвы, насъ занимающія, постепенно очистились отъ крупныхъ шаекъ, державшихъ ее въ осадѣ. Взоръ могъ весело объѣзжать, гуляющій пѣшеходъ безопасно обойти прелестныя мѣстности, которыя нѣкогда соединили своюю любовью, вниманіемъ и частымъ посѣщеніемъ царственный охотникъ: отъ любимаго его Тайнинскаго до Растокина и роднаго Алексѣевского, оттуда на заманчивые Сокольники, въ родовое помѣстье Преображенское съ Семеновскимъ, изъ уютнаго Покровскаго на Измайлово съ его Звѣридець, отсюда еще дальше на востокъ и юговостокъ, куда съ малою свитой верхомъ любилъ пускаться царь на досугъ, бросивъ поводъ, въѣзжая на Владимірку, заворачивая, чтобы навѣстить Вешняково Одоевскаго, спускаясь подъ Симоново и къ Печатицамъ, въ Люблино, на Перерву, оттуда до красавца дворцоваго Коломенскаго, гдѣ останавливались шагъ. Но минула давно уже, какъ тѣнь, эта царственная фигура, столь любезная взору и сердцу народа: крайнія оконечности очерченнаго нами пространства окрестностей пустыли либо забывались, отъ Тайнинскаго до Коломенскаго. Изъ *Покровскаго*, нами избраннаго средоточіемъ, взоръ прямо упирался лишь въ Преображенское съ Семеновскимъ и частію Измайловымъ: тамъ, на смѣнившейся сценѣ, шелъ трескъ барабановъ, грохотъ ружей и пушекъ отъ упражнявшагося молодаго богатыря; вѣтвями оттуда,

¹³⁾ Известное намъ предупрежденіе: разсказъ о собственной казни.—Недовольный этимъ, нѣсколько прозаическимъ исходомъ, народъ въ слѣдъ за смиръ прибавилъ еще другую казнь уже по приказу самой Татьяны, гдѣ дано мѣсто ея раскаянью и сожалѣнью о товарищахъ (ср. пѣсню 1-ю); отъ наслѣдниковъ Татьяны разошлось это и повсюду.—¹⁴⁾ Эту древнюю форму, сохраненную еще Новиковымъ, позднѣе измѣнили я прочюъ „съ товарищи.“—¹⁵⁾ По другимъ: „въ чѣсто.“—¹⁶⁾ Товарищей моихъ.—¹⁷⁾ Къ Новикову закралась опечатка „равно.“—¹⁷⁾ Я причиною тому, вина въ вашей ранней гибели ложится на меня.

въ лѣво разсыпались по Соколынкамъ маленькіе пробные фортецы, слѣды которыхъ видны доселѣ, — они нужны были только на пробу, и скоро брошены; въ право новая армія продвинулась на просторъ луговъ, миновавъ Коломенское и утвердилась съ ученьемъ своимъ на Воробьевыхъ горахъ, гдѣ были и возвышенія для приступа, и спуски, и за ними равнины, и широкая рѣка подъ пятою. Туда ушла за новобранцами пѣсни, чтобы горевать о насиліи учившихъ иностранцевъ, — пѣсни найдете въ Приложеніяхъ. Передъ взоромъ же, — глядя изъ Покровскаго, трескъ и гулъ на долго заглушили пѣсно: уже не разливалась она по прежнему, вспоминая, „какъ Никитѣ Романовичу дано село Преображенское (см. прежніе выпуски);“ Преображенскій Приказъ, насѣвшій здѣсь въ заключеніе, положилъ печать на всякія, не только поущія, но и говорившія уста. Зарождавшуся флотилію „шкиперъ славный“ перекинь съ Яузы волокомъ на приволье, межъ Владимірской и Рязанской дорогой, на глубокомъ озеро Косина: тамъ явилась уже другая роль Петра, тамъ дѣло его для народа мы еще встрѣтимъ при своемъ особенномъ случаѣ. Здѣсь же, гдѣ пока стоимъ мы, требовалось новой жизни, чтобы воспрянула окрестность въ смыслѣ народномъ и съ пѣснемъ: это совершила Елизавета, со вѣтъ Русскими чувствомъ, ей приснымъ, съ нѣжною попечительностью женскаго простаго сердца, любящаго и любимаго. Не про Университетъ говоримъ мы, даже не про то печатаніе древле-русскихъ, подлинныхъ церковныхъ напѣвовъ, которое, подготовленное къ эпохѣ Петра, своимъ завершеніемъ составило въ царствованіе Екатерины эпоху для народной музыки *): изъ унылыхъ развалинъ минаущаго, царица и царица смѣлымъ шагомъ продолжила новую дорогу теченію людной жизни и народной пѣсни. Елизавета любила еще посѣщать порою и Тайнинское, и Коломенское: но взоръ ея искалъ новыхъ путей. Изъ своего Покровскаго устремилась она частою прогулкой и торною тропою черезъ Измайлово, оживила Звѣринецъ, переступила Владимірку, оставилась съ любовью въ *Перовъ*: зацвѣло жалованное имѣнье Разумовскаго, поднялся великолѣпный дворецъ, протянулись тѣнистыя аллеи, запертъ роскошный садъ, зазбылись пруды, зажило двѣ тысячи людей крестьянъ и дворовыхъ, пѣсни и хоры пріучили не одну тысячу гуляющихъ, изъ окрестностей и Москвы, на долго утвердивши здѣсь любимое мѣсто народнаго гулянья. Церковь Перовская обогатилась древней утварью, родовою, въ томъ числѣ Романовскою: церковь, вѣнчавшая дѣло любви, сама увѣнчалась на главѣ Императорскою короною (и послѣ уже повторено это оффиціальнѣе на Церкви въ Баршахъ). Съ боку, между Звѣринецемъ и Перовымъ, выросло *Гиреево*, названное такъ (спустя немного) въ

*) Объ этой эпохѣ см. подробности въ нашихъ статьяхъ „Правосл. Обзор.“: „Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ“ 1864, №№ 5 и 6; „Знаменательные года и знаменитѣйшіе представители послѣднихъ двухъ вѣковъ въ исторіи церковнаго Русскаго пѣснопѣнія,“ 1872, №№ 3 и 4.

память покорнаго Гирей: домъ наполнился фамильными рѣдкостями *) Прошло еще немного времени, и красавица-крестьянка Перовская, *Марья Михайловна*, связала новымъ узломъ любви и народныхъ преданій родное свое Перово съ Гиреевымъ: то было началомъ новыхъ уже народныхъ рассказовъ, преданій и отчасти пѣсней о герояхъ „Перовскихъ.“ Шаги самой Елизаветы не зашли такъ далеко, въ глубь другаго вѣка: изъ Перова они продвинулись еще немного полемъ и остановились въ „Тетерьяхъ,“ тамъ, гдѣ, по преданію, вспорхнула передъ гуляющей Елизаветою стая тетеревовъ изъ близъ лежащей рощи Кусковской. Государыня дошла до *Бускова* при другой, ея преемницѣ, начинается уже вереница иныхъ преданій и пѣсней— Кусковскихъ, съ которыми мы скоро встрѣтимся. Шаги Елизаветы, повторяемъ, и не могли зайти такъ далеко: у нея было свое, главное и любимое мѣсто, гдѣ такъ долго прожила она и куда такъ часто возвращалась отовсюду,—*село Покровское*. Родовое Романовыхъ, изукрашенное церковными и дворцовыми зданіями, садами, оградами, прозрачною быстрой Яузой съ красивымъ черезъ нее мостомъ, заселившееся и все гуще селившееся вокругъ исконнаго мѣстопребыванія любимой царевны, оно само и вдохновляло, и приглашало тѣхъ, кто имѣлъ силу, вдохновлять все вокругъ въ народномъ поэтическомъ смыслѣ.

Сколь не чужда была такому вдохновенію Цесаревна и Царица, намъ сохранилъ память ближайшій современникъ, въ ея эпоху росшій, *Державинъ*. „Для показанія тогдашняго вкуса, говоритъ онъ, прилагаю ниже сего пѣсню, сколько по преданію извѣстно, сочиненную собственною Ея особю... Вотъ та пасторальная пѣсня, которая относится преданіемъ къ помянутой Высочайшей сочинительницѣ (въ „Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова,“ Чтеніе XIV, СПб. 1815, стр. 24, 29, 30):“

Пѣсня Государыни Елизаветы

(ею сочиненная).

4.

Чистый источникъ! Всѣхъ цвѣтовъ красивѣй,

Всѣхъ пріятнѣй мнѣ луговъ,

Ты и рощъ всѣхъ, ахъ, и меня щастливѣй,

Горь, долинъ и кустовъ.

5. Но не тѣмъ, что лишь струйки тихо льются

По сыпучему песку

*) Нынѣ полузаброшено, въ рукахъ частнаго владѣльца А. А. Торлецкаго.

- И что птичекъ въ слухъ пѣсни раздаются
 По зелёному лѣску:
 Нѣтъ, не тѣмъ - но прекрасно умывала
 10. Нимфа что лицо тобой,
 Съ брегу бѣлыя ноги опускала
 И токъ украшала твой.
 Тутъ и алыя розы устыдились,
 Зря ланиты и уста,
 15. И лилей къ ней на грудь преклонились,
 Что бѣлѣи ихъ — красота.
 О, коль щастливы жолтыя песчинки,
 Тронуты ея стопой!
 О, коль пріятны лёгкія травинки,
 20. Смятыя ея красой!
 Тише же нынѣ, тише протекайте,
 Чисты струйки, по песку
 И слѣдовъ съ моихъ глазъ вы не смывайте,
 Смойте лишь мою тоску!

*

Не смотря однако на авторитетъ Державина, въ одномъ изъ лучшихъ и „придворномъ“, пѣсенникѣ Шнора (изд. 2-е 1791 г.) мы находимъ это произведеніе Елизаветы съ значительными разнорѣчіями, принадлежали ли они старшему подлиннику, или вновь возникли при распространеніи по пѣсенникамъ:

2.

- Чистой источникъ! Ты цвѣтовъ краснѣйшіи
 И мнѣ пріятнѣе всѣхъ розъ;
 Ты изъ кусточковъ и лилей счастливѣи,
 Горъ, долинокъ и луговъ;
 5. Да не тѣмъ, что струйки вьются
 По зелёной травѣ

- И что въ рощахъ раздаются
 Пѣсни птичекъ при тебѣ:
 Нимфа при тебѣ прекрасное лице мыла,
 10. На бережкѣ сидючи,
 Бѣлыя ножки въ воду опустила,
 Скрасила тѣмъ твои ключи!
 Тутъ розы устыдились
 Отъ прекрасныхъ ея усть,
15. И лилеи наклонились,
 И вершинки закрылись ¹⁾ въ кустъ.
 Ахъ, сколько щастливы жолты тѣ песочки,
 Гдѣ ступила ты ногой ²⁾!
 Ахъ, сколь предраги и мягки тѣ травинки,
 20. Кои лежали подъ тобой!
 Струйки, тихо протекайте
 По выпучему песку ³⁾
 И слѣдочковъ не смывайте,
 Только смойте мнѣ тоску!
25. Жалуйтесь тихимъ вы со мной шумочкомъ,
 Что не успѣлъ я молвить съ ней ⁴⁾,
 Нѣжно свивайтесь ⁵⁾ бѣленькимъ клубочкомъ
 По подобію ⁶⁾ грудей!
 Вы пламень погасите,
 30. Что закрыть ⁷⁾ въ красотѣ,
 Или нимфу покажите
 Въ той яснѣйшей добротѣ!

*

¹⁾ „скрылись?“

²⁾ „Гдѣ ступила та?“ Вар. „Выступила та.“ — ³⁾ Въ вар. эти четыре стиха перестановлены: „И слѣд. не см., только см. мнѣ тоску, Струйки тихо протекайте по выпуч. песку.“ — ⁴⁾ Въ этой прибавкѣ рѣчь представляется отъ лица влюбленнаго, котораго вовсе не видно въ предыдущемъ образцѣ. — ⁵⁾ Вар. „свивайся.“ — ⁶⁾ Вар. „Покажи ему:“ по похожю? — ⁷⁾ Вар. „закрыто.“

Трудно не узнать, что здѣсь изобразила саму себя красавица, сознававшая свою красоту: нельзя не догадаться, что здѣсь вовсе не отвлеченная картина и не воображаемый случай, а просто милое Покровское, по берегу спускается къ Яузѣ царственная красавица, не можетъ не цѣнить красоты своей, невольно любитъся ею въ бесѣдѣ съ природой и — томится избыткомъ созрѣвшихъ чувствъ любви. — Но, это все-таки пѣсня „сочиненная“, виѣ народа и въ области развѣтывавшей литературы, на переходѣ отъ Стиха и Канты къ переводной перенятой Элегіи, полусилабизмомъ, который уступаетъ только нѣжности и простотѣ женской руки. У сочинительницы не меньше было отношеній прямыхъ и къ самому народу, и къ его исконному пѣснотворчеству.

„Царствованіе Императрицы Елисаветы — *вѣкъ былъ льсенъ*“, такъ говорилъ чуткій къ пѣснямъ маститый нашъ Державинъ, самъ выросшій въ сей вѣкъ и знавшій народную его цѣну (тамъ же, въ поманутомъ „Чтеніи“). Не трудно этому повѣрить и это повѣрить: пѣсни, сопровождавшія весь сей вѣкъ, передъ нами; въ бытовыхъ и прочихъ „женскихъ“ не трудно отличить редакцію XVIII вѣка и его половины; мы видѣли въ эпоху Кавна примѣръ, какъ волны цѣлаго прилива пѣсенъ вносились въ Москву изъ областей, по временамъ, то оттуда, то отсюда; Москва брала на себя редакцію ихъ и примѣненія, Москва имѣла массу „своихъ“ пѣсенъ, мѣсто-рожденныхъ, присныхъ; многочисленныя гульбища оглашались громкою пѣсней; слышалъ пѣсню и видѣлъ хоромы каждый садъ при части омы домѣ, слышала и видѣла каждая залавочка у воротъ, каждая улица съ переулкомъ и перекресткомъ, каждая площадка, всякая пригородная и загородная дуговинка. Уже мы, родившіеся при наступленіи времени суроваго, застали пѣсню и хоромы тутъ же, на всѣхъ поманутыхъ пунктахъ. Чего же ожидать старше, и, чѣмъ старше, тѣмъ конечно больше? Все, что явилось заразъ при Екатеринѣ въ пѣсенникахъ печатныхъ, все это подготовлено было, жило въ самой Московской жизни при Елисаветѣ. Какъ сама она любила народныя пѣсни и сказки, знаетъ, помнить, свидѣтельствуешь письменно каждый. Когда она, между прочимъ, жила въ уединеніи въ Александровской Слободѣ, среди увеселеній охоты, обы Масляницѣ у двора ея собирались толпы Слободскихъ дѣвушекъ „играть (т. е. развѣгрывать, наприм. въ хоромы)“ и пѣть народныя пѣсни: любительница пѣнія и сама прекрасная пѣвица щедро угощала созванныхъ гостей лакомствами *). Около нея, то истопникомъ, то на ночь постельникомъ со сказкою въ устахъ, подвизался Чулковъ **), знавшій и собравшій такую массу Сказокъ, Былицъ и Пѣсней, массу, унаслѣдованную счастливымъ его на-

*) См. статью въ „Молвѣ“ 1857 г.

**) *Василь*, пожалованный за услуги селомъ Архангельскимъ, изъ истопниковъ и метр-де-гардеробовъ вносѣдствіи генераль-аншефъ; но другимъ, истопникомъ, сказочникомъ и собирателемъ пѣсней былъ братъ его *Дмитрій*, отецъ Михайлы — издателя.

слѣдникомъ, *Чулковымъ-издателемъ* (Михайлов), а послѣ Новиковымъ ***); вокругъ нея импровизовались народныя выраженія пѣсней, когда, на примѣръ, она вставала ночью и постельникъ Лебедевъ, за то самое такъ и прозванный, невольно восклицалъ, глядя на Русскую красоту—„*Лебедь бл-ла!*“ Сама она, ближе къ старости, какъ известно по преданію, изъ хладячихъ пѣсней народныхъ особенно любила пѣть одну: „Я вечеръ, млада, во пиру была, Во пиру была—во бесѣдушкѣ ****)“... Пѣсня живая и удалая. Но ей по личному характеру доступны были пѣсни и другія, вѣжныя и томныя, особенно въ пору, какъ созрѣвала она и томилась отъ избытка полныхъ чувствъ красавицею Цесаревной: изъ народа искра вдохновенія и творчества должна была западать въ собственную ея душу, вызывая къ слову народному, чтобъ запѣть, какъ поетъ народъ самъ, и принести ему даръ собственнымъ личнымъ воспроизведеніемъ общихъ творческихъ началъ. Уединеніе само по себѣ, жизнь среди природы, а вмѣстѣ все вокругъ въ цвѣтущемъ Покровскомъ располагало не только къ чувству, но и къ энергіи дѣятельнаго творчества. Покровское въ этомъ отношеніи далеко не было глухо и вѣмо: оно даже славилось этого рода богатствомъ. Еще прежде катаній по Москвѣ-рѣкѣ объ Масляницѣ (имиѣ также давно упраздненныхъ и два раза уже измѣненныхъ), гурьбы народа и тысячи саней устремлялись изъ центра города къ Покровскому: тамъ были настоящія игрища, не привившіяся къ Нѣмецкой Слободѣ, Кокую, не смотря на усиленные старанія о томъ разчета; но еще больше славилась тамошняя игрища и гульбища лѣтнія, съ весны (обратившіяся, по запуснѣніи Покровскаго, въ Лѣтній или Государевъ садъ, Лефортовскій и Головинскій); Покровскіе хороводы долго, до нашего времени, отличались отъ другихъ мѣстныхъ своимъ обиліемъ голосовъ и особымъ строемъ, плодомъ частой практики и усиленной выработки для царскаго слуга, подобно послѣдующимъ Царьцывскимъ-Ильинскимъ (старшіе въ семь смыслѣ—хороводы Тайнинскіе, удержавшіеся отъ первыхъ Романовыхъ доселѣ и собирающіе на огромный дугъ подь селомъ, при окопахъ, по двѣсти поющихъ голосовъ и болѣе: но они сильно уже испорчены напѣвомъ). Есть рядъ народныхъ пѣсней, къ тому или другому случаю воспоминающихъ *село Покровское*, гульдивыхъ героевъ и героинь его (на примѣръ, „Покровскія дѣвки Гульдивыя были,“ и т. п.: ихъ встрѣтимъ въ своемъ мѣстѣ). Одна изъ нихъ, меж-

***) Преданія и выводы объ обоихъ Чулковыхъ, старшемъ и младшемъ, равно какъ вообще о зародившейся связи между народнымъ творчествомъ и печатною литературою того времени см. въ статьѣ вашей, въ „Зорѣ“ 1870 года, Апрель, „О вліяніи народнаго творчества на драмы И. Екатерины и о цѣльныхъ Русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ.“

****) Преданіе объ этомъ, какъ и объ другихъ многихъ чертахъ! домашней жизни Елизаветы, хранилось особенно въ роду А. Ст. Хомякова, отъ котораго мы и приняли.

ду прочимъ, складомъ своимъ и составомъ, вольнымъ судномъ на рѣкѣ, лукомъ и стрѣлами, указываетъ еще на значительную древность, когда уже славилось имя Покровскаго и Яузы. Она такъ хороша, что мы кстати приведемъ ее, забывая нѣсколько въ разрядъ послѣдующихъ у насъ Молодецкихъ или Безмянныхъ:

Покровское село и Яуза.

1.

- Мимо нашего Покровскаго села
 Протекала матка ¹⁾ Яуза рѣка.
 Что на Яузѣ судёнышко плывётъ,
 Во судёнышкѣ не множка ²⁾ людей:
 5. Всего только—всего восемь, человекъ.
 А девятый удалой молодёцъ;
 По судёнышку похаживаетъ,
 И онъ крѣпкій лукъ натягиваетъ,
 Калену стрѣлу накладываетъ,
 10. Онъ пустивши выговариваетъ:
 «Полети, моя калёная ³⁾ стрѣла,
 «Въ прежню милую ⁴⁾ сторонушку!
 «Ты убей, моя калёная ⁵⁾ стрѣла,
 «Сизу утушку на поплывѣ ⁶⁾,
 15. «Красну дѣвицу во теремѣ:
 «Ту, котора измѣнила, молодцу,
 «Полюбила она хужѣ ⁷⁾ меня,
 «Посрамила она ⁸⁾ родъ свой и племя,
 «А мнѣ, мблодцу, назблудушку дала!»

(Захвачена въ печать уже Чулковымъ и Новиковымъ, потомъ Вавиловымъ и подгѣшшимъ; поѣтъ доселѣ, сбиваясь къ напѣву „Здравствуй, милая-хорошая“).

1) Разнорѣчія другихъ образцовъ: „матушка.“—²⁾ „не много.“—
³⁾ „Полети ты, моя острая.“—⁴⁾ Въ печати нинѣ исправили: „въ прежде милую.“—⁵⁾ „Ты убей ли, моя острая.“—⁶⁾ Забывая Яузу, какъ незначительную теперь, многіе берутъ рѣку типическую: „Сизу уточку на Волгѣ на рѣкѣ.“—
⁷⁾ „хуже.“—⁸⁾ „Посрамила ли она и (родъ свой, и племя).“

Но, чтобы подобныя вдохновляющія стихія вылились созданиемъ новыиъ и изъ устъ царственныхъ, потребенъ былъ особенный случай личныхъ обстоятельствъ, который бы затронулъ сильнѣе и неудержимо вызвалъ бы къ пѣснѣ. Случай такой былъ, и самый вліятельный для жепскаго дѣвичьяго сердца. Мы не говоримъ о целовкомъ предложеніи Цесаревнѣ со стороны Французской, о выходѣ за принца Конти, черезъ жену какого-то придворнаго живописца: это могло только оскорбить или разсѣшить. Гораздо важнѣе и настойчивѣе было то предложеніе, котораго крѣпко держались, о которомъ мечтала Правительница Анна, надѣясь симъ способомъ сбыть опасную соперницу въ Курляндію: этотъ женихъ былъ братъ герцога генералиссимуса Антона, принцъ Людовикъ, предназначавшійся въ герцога Курляндскіе. Здѣсь былъ дѣйствительный „обманъ“, обманъ и въ политическомъ смыслѣ, которому льстили избавленіемъ отъ одиночества и высокою степенью самостоятельнаго герцогскаго сана, и обманъ иностранцевъ надеждѣ Русской, и обманъ сердцу, совсемъ несклонному, статья можетъ уже занятому. Опасность была такъ велика, что безпокойный слухъ распространился быстро между приверженцами Цесаревны: гвардейскіе офицеры сильно волновались. Необоримая, какъ стѣна, твердость Русской Артеиды превозмогла всѣ проискн. Но, когда, послѣ усильнаго напряженія, сердце вздохнуло спокойно на чистомъ воздухѣ въ селѣ Покровскомъ, суровость отказа смѣнились въ сердцѣ радостнымъ чувствомъ освобожденія и спасенная вольность дѣвушки-цесаревны излилась задушевною, простою, чисто-народною, веселою и шутивою пѣсней. Пѣсню записалъ уже Чулковъ, спѣшно перевелъ на ноты съ текстомъ Трутовскій, перепечатавъ Новиковъ, воспроизвелъ съ нотами Прачъ,—все это еще съ первыхъ 70-хъ годовъ, все это еще при Екатеринѣ. Дословное единство текста, въ которомъ является пѣсня за все это первое время, убѣждаетъ несомнѣнно, что она принадлежитъ одному генію создавшему, одной рукѣ: уваженіемъ печати къ знаменитому происхожденію еще болѣе поддержано единство.

Нельзя сказать вполне того же о голосѣ или напѣвѣ: у Трутовскаго и Прача онъ сходенъ, но, принявъ во вниманіе условія тогдашней музыки, не умѣвшей еще, какъ должно, относиться къ народнымъ стихіямъ, нельзя совершенно полагаться здѣсь на точность: употребленіе же, какъ въ устахъ знаменитой пѣвицы, о которой скоро скажемъ, такъ и повсюду впоследствии установило здѣсь въ основѣ тотъ же напѣвъ, какой знае: ѣ въ старинной народной пѣснѣ—„Ахъ вы сѣни мои, сѣни, Сѣни новыя мои.“ Самостоятельность напѣвовъ народныхъ въ ту пору начинала уже сильно слабѣть: новыя воспроизведенія въ томъ же народномъ характерѣ стремились прикнудить своимъ напѣвомъ къ какимъ либо старшимъ,— это казалось даже лучшимъ залогомъ близости къ народу. Не удивителъно, что сама героиня-слагательница избрала въ образецъ напѣва ту старшую народную пѣсню, которая совершенно подходила и складомъ-размѣромъ текста, и даже отчасти содержаніемъ (старшая пѣсня—сложена также отъ лица дѣвицы, поетъ и прославляетъ ея волю дѣвичью на родныхъ сѣняхъ дѣдов-

скаго дома, протестуетъ противъ насилія старшихъ въ семействѣ, настаиваетъ, чтобы, вопреки ихъ угрозамъ, по прежнему дѣвухи ходили, съ молодцами говорить и тѣшить избраннаго сердцемъ).—Какъ бы то ни было, вотъ эта, раздавшаяся изъ двorca по Покровскому селу пѣсня, дополняющая извѣстный уже намъ рядъ пѣсней изъ усть героннъ Русскихъ, начинающая съ Ксеніи Годуновой, а выше, пожалуй, и съ Ярославны; пѣсня въ старшемъ ея видѣ, какъ распространена она была со 2-й половины XVIII вѣка, съ тѣми немногими измѣненіями, которыя допущены были позднѣе исправлявшей печатью или произволомъ усть и которыя особо отмѣчены у насъ по обычаю въ тщательныхъ подстрочныхъ объясненіяхъ:

Пѣсня Царевны Елизаветы

(Е Ю С Л О Ж Е Н Н А Я , Н А Р О Д Н А Я).

1.

(Покровское, Москва и вся Россія).

Во селѣ-селѣ Покровскомъ.

Среди улицы большой ¹⁾.

Разыгралась—расплясалась

Красна дѣвица душа,

5. Красна дѣвица ²⁾ душа ³⁾

Авдотьюшка ⁴⁾ хороша.

Разыгравшись взговорила ⁵⁾:

«Вы подруженьки мои!

«Поиграйте со мною ⁶⁾.

10. «Поиграйте теперь:

«Я со радости—съ веселья ⁷⁾

«Поиграть съ вами ⁸⁾ хочу.

1) Пѣсня такъ называемаго у насъ *двойного* склада: можно тѣ же самыя два стиха укладывать въ одинъ, составляющій по напѣву „одно колѣно“—только съ наддомомъ или перегибомъ.—Кромѣ того пѣсня замѣтно дѣлится на *строфы*.—2) Иные: „дѣвушка.“—3) Въмѣсто этого повторенія, очень старъ также (1795 г.) вариантъ: „Бѣлолица, круглолица.“—4) Такъ вездѣ и конечно въ подлинникѣ: но замѣчательно, что размѣръ допускаетъ здѣсь „Лизавета.“—5) „зговорила; говорила.“—6) „со мной.“—7) Здѣсь удареніе: я хочу поиграть съ вами въ игры съ пѣснями,—да не просто, какъ бывало, а есть тому особая причина, хочу играть съ радости—съ веселья вотъ какого (слѣдуетъ объясненіе причины—освободилась отъ навязчиваго жениха).—8) „Съ вами поиграть.“

- «Привѣжалъ ко мнѣ дѣтница ⁹⁾
 «Изъ Санктпитера сюда;
 15. «Онъ меня, краснѹ дѣвицу,
 «Подговаривалъ съ собой,
 «Серебрѡмъ меня дарилъ,
 «Онъ и золото ¹⁰⁾ сулилъ ¹¹⁾);

- «— Поѣзжай со мной, Дуляша,
 20. «— Поѣзжай, онъ говорилъ.
 «— Подарю тебя парчою
 «— И на шею жемчугѡмъ;
 «— Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
 «— А тамъ ¹⁾ будешь госпожа:
 25. «— И во всемъ этомъ уборѣ
 «— Будешь въ двое пригожа ²⁾!—

- «Я сказала, что поѣду,
 «Да опомнилась ³⁾ опять ⁴⁾:
 ««Нѣтъ, сударикъ, не поѣду.»
 30. «Говорила я ему.
 ««Я крестьянкою родилась,
 ««Такъ нельзя быть госпожой:
 ««Я въ деревнѣ жить привыкла,
 ««А тамъ надо ⁵⁾ привыкать!
 35. ««Я совѣтую тебѣ,
 ««Имѣть ⁶⁾ равную себѣ ⁷⁾).

⁹⁾ Позднѣе: „дѣтница.“—¹⁰⁾ „Золота.“—¹¹⁾ Въ концѣ же XVIII в. переставлялось: „Серебрѡмъ м. дар., Онъ и зол. сулилъ, И меня, кр. дѣвицу Подговаривалъ съ собой.“

¹⁾ Позднѣе: „Тамъ же.“—²⁾ Старый также вариантъ: „хороша.“—³⁾ „Да раздумала,“ вариантъ еще въ концѣ XVIII в.—⁴⁾ Въ старомъ значеніи: назадъ, обратно.—⁵⁾ Такъ въ большинствѣ; но самые старшіе образцы: „А тамъ буду.“—⁶⁾ Сперва извѣнено „любить,“ потомъ „искать.“—⁷⁾ Съ 1795 г. разбавлено:

„Я совѣтую такую
 „Понскать, сударь, тебѣ,

«Въ вашемъ городѣ ⁸⁾ обычай—

«Я слыхала ото всѣхъ ⁹⁾:—

«Вы всѣхъ любите ¹⁰⁾ словами,

40. «А на сѣрдцѣ никого.

«А у насъ—то вѣдь ¹¹⁾ въ деревнѣ

«Здѣсь прямая простота:

«Словомъ мы кого полюбимъ,

«Тотъ и въ сѣрдцѣ вѣкъ у насъ ¹²⁾!»

45. «Вотъ чему я веселюся,

«Чему радуюсь теперь:

«Что осталась жить въ деревнѣ,

«А ¹³⁾ въ обманъ не отдалась!»

(Чулковъ, Трутовскій, Новиковъ, Праць, Сошниковъ, Глазуновъ и Рѣшетниковъ, Колотилкинъ, Театральный, Мамлаковъ, Семеновъ, Гурьяновъ и другіе, равно какъ многіе рукописные и устные образцы).

Пѣсня, говорили мы, тотчасъ по сложеніи облетѣла многія уста: но, пока цесаревна не сдѣлалась царицей, поостерегались публичности. Воцареніе воспослѣдовало вскорѣ: тогда все громко зашло и печать подготовила себѣ отборнымъ украшеніемъ образецъ знаменитаго произведенія. Разумѣется, она молчала о подробностяхъ и не растолковывала: и безъ того всѣ знали. Но—былое миновало и поустарѣло, сама царица не имѣла прежней охоты, ни нужды выслушивать вокругъ зады; да царица и померла. Если всегда въ подобныхъ случаяхъ, мы знаемъ по прежнимъ примѣрамъ, невольный страхъ, приличіе или этикетъ поддерживали уста, то тѣмъ больше этикетъ при государынѣ новой, которая, въ добавокъ, естественно не

„Чтобъ которая родилась

„И умѣла бѣ жить какъ ты.“

Далѣе еще:

„Я совѣтую тебѣ,

„Искать равную себѣ,

„Чтобъ которая родилась

„И умѣла бѣ жить какъ ты.““

⁸⁾ Позднѣе: „У насъ въ городѣ.“—⁹⁾ Позднѣе: „отъ людей.“—¹⁰⁾ Позднѣе: „Только лишь любить.“—¹¹⁾ „лишь.“—¹²⁾ Такъ мы предпочитаемъ текстъ, имѣя въ виду образцы 1795, 97, 99 и 1803 года; въ другихъ, старшихъ: „А у насъ—то вить въ деревнѣ Прямая простота (испорченъ стихъ),“ а младшихъ: „А у насъ—то вить въ деревнѣ Здѣсь прямая простота.“—¹³⁾ „И.“

совсѣмъ любила разглашеніе всѣхъ подробностей про Елизавету. Осторожный Шморъ, въ своемъ отличномъ пѣсенникѣ, по преимуществу „придворномъ“, помѣщая пѣсни, послужившія Екатеринѣ и Эрмитажу матеріаломъ, вовсе не рѣшился занести къ себѣ Елизаветинскую. Такимъ образомъ публика смолкала, а народъ, распѣвая, начиналъ позабывать происхожденіе пѣсни. — Тогда-то, эпохою въ семь отношеній, явилось смѣлое дѣло *Сандуковой*, поддержанное самой Императрицею. Опера „Федуль съ дѣтьми“ написана была Екатериною для Эрмитажа въ концѣ 1790 года. Главную роль должна была играть знаменитая „Лизанька Урванова“, терпѣвшая настойчивыя притязанія отъ навязчиваго обожателя гр. Безбородки, при поддержкѣ Храповицкаго и Соیمانова, которые управляли театромъ и сѣдшии угодить сильному вельможѣ. Сама *Елизавета*, игравшая въ добавокъ *Дукашу*, рѣшилась въ крайности воспользоваться весьма сходными обстоятельствами, породившими пѣсню Цесаревны „Елизаветы“ отъ лица Покровской, Дуняши или „Авдотьюшки.“ Въ смыслѣ такъ называемой „вкладной“ арии, Урванова со ведемъ искусствомъ, ей свойственнымъ, и прекраснымъ сильнымъ голосомъ, восхищавшимъ современниковъ, неожиданно для многихъ пропѣла или — какъ говорится у насъ — хватила и грянула „Во селѣ-селѣ Покровскомъ.“ Фуроръ былъ неимоверный: не знавшіе или не догадавшіеся привѣтствовали ведемъ знакомую, но дотолѣ не появлявшуюся публично, и въ такомъ „высокомъ“ мѣстѣ, почти затертую пѣсню покойной государыни; знавшіе, „чье мясо ѣли“, и ловко пораженные прямымъ примѣненіемъ, не знали, куда дѣваться со стыда. Императрица, сочиняя оперу и выдавъ съ актрисой, которой предназначала главную роль, не знала закулисныхъ ея дѣлъ и какой ходъ могла имъ дать опера: легко слушалась внушеній исполнительницы и могла безъ намѣренія подбавлять краски, даже самую щекотливую пѣсню, столь нужную для сей послѣдней. Но, всего вѣроятнѣе, что пѣсня даже не предназначалась, а вставлена Урвановою, подъ предлогомъ „кстати“, подобно другимъ, также точно вставлявшимся: иначе, по строжайшему чувству своего этикета и вкусу приличій, особенно столь боясь всякихъ скандаловъ, Екатерина *заранѣе* ни за что не допустила бы въ оперу этой пѣсни, и по своимъ отношеніямъ къ памяти Елизаветы, и по примѣненію къ Безбородковскому скандалу. Во всякомъ случаѣ, событіе и успѣхъ его были для государыни совершенной неожиданностью: услыхавъ вмѣстѣ о подобной же сценической рекламѣ и со стороны жениха Лизаньки, Сандунова, она воскликнула съ негодованіемъ предъ Храповицкимъ, — „Voilà ce que fait l'injustice,“ — вотъ до чего доводитъ несправедливость! Сама исполнительница, чтобы оправдать отвѣтственный поступокъ, вынуждена была, при представленіи „Федула“ 11-го Февраля (1791) стать на колѣна и со сцены подать Императрицѣ письменную жалобу на гонителей. Когда уже „фактъ совершился“ и нечего было съ нимъ дѣлать, государыня, по великодушію и естественно сложившейся обязанности, приняла его сторону и взяла его на свое попеченіе: Храповицкій и Соیمانовъ немедленно удалены отъ театра; Лизанька обвѣчана

съ Сандуновымъ въ придворной церкви; въ печатные экземпляры оперы допущена безпрепятственно щекотливая пѣсня. Сандунова съ мужемъ конечно должна была скоро переѣхать въ Москву, успѣвъ еще впрочемъ надѣлать нѣсколько новыхъ колкостей Безбородкѣ. Въ Москвѣ уже было безпрепятственное поле характерному исполненію роли и пѣсни: здѣсь не было личностей, только звать и интеллигенція могли „по слухамъ“ знать кое-что о случившемся въ Эрмитажѣ, оваціи же большинства продолжались много лѣтъ и силъ ихъ не было конца. Всѣмъ этимъ торжествомъ, составившимъ даже „моду,“ Сандунова съ тѣхъ поръ обязана была очевидно— не своей личной исторіи, не Эрмитажу, а памяти цесаревны Елизаветы, которая теперь снова воскресла передъ публикою и Русскимъ народомъ во всемъ своемъ любезномъ и обаятельномъ величіи. Здѣсь-то и ошибка нашей литературы съ ея мелкою библиографіей: одни полагали, что пѣсня сочинена была Екатериною, другіе—Сандуновомъ, третьи считали вставку ея случайною и неважною, а успѣхъ Лизаньки приписывали другимъ ея манифестаціямъ противу Безбородки (первая статья о семь принадлежитъ *М. Н. Ломонову* въ „Молвѣ“). Но мы съ самаго начала предостерегали поспѣшныхъ нашихъ библиографовъ, замѣчая, что пѣсня эта гораздо старше ея *примѣненія* и основой своею имѣла дѣйствительное событіе, совершившееся въ селѣ Покровскомъ, при чемъ общали разъяснить и доказать это впоследствии, при 9-мъ выпускѣ (подробности о семь въ упомянутой статьѣ нашей, въ „Зорѣ,“ см. выше). Общаніе свое и выполняемъ теперь со всею обстоятельностью.

Ободренные отважнымъ поступкомъ Сандуновой и вызываемые необходимою напоинуть народу истинное значеніе пѣсни, печатные Пѣсенники, то есть ихъ издатели и составители, съ конца XVIII вѣка (именно, сколько знаемъ, съ 1799 года) попытались прибавлять поясненія: но сперва, смущенные привившимся сюда интригами и сплетнями въ обстоятельствахъ актрисы, боялись видимо, чтобы не понастѣся въ какую ни будь театральную и придворную передѣлку (такъ всегда запугана у насъ была литература, то тѣмъ, то другимъ), говорили обще и отвлеченно, полусловами. Надписывали, на примѣръ: „Пѣсня сія сама по себѣ доказываетъ, на какой она случай сдѣлана и здѣ. Голосъ же ея долженъ быть веселой. Она часто поется на театрѣ г. С. чрезвычайно пріятно, и потому нынѣ въ модѣ.“ Пѣсенникъ Театральный (1818) пробовалъ даже отнести ея значеніе и успѣхъ чисто къ области сценическаго искусства, подавляя всякій смыслъ историческій: „Пѣсня дѣвушки, которую не прельстили ни знатность, ни богатства, *каковы и всѣ Россіанки*. Она, къ величайшему удовольствію Московской публики, неоднократно г-жею Сандуновой пѣта была на театрѣ; искусство пѣвицы и прекрасной голосъ пѣски сдѣлали ее весьма употребительною.“ Тѣмъ не менѣе, никто не осмѣливался помѣщать эту пѣсню въ разрядъ „Театральныхъ,“ а всѣ напротивъ настаивали, что она „народная, простонародная, веселая, плясовая“ и т. п. Лишь когда протекло еще лѣтъ двадцать, когда развернулась извѣстная доля свободы

Александровской, когда рѣшились называть и Разина, и Каина, и Таньку, и Чернышова, когда и самое событіе слишкомъ ушло уже въ даль минувшаго, именно въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, осмѣлились сказать прямо, въ силу непрерывнаго преданія, что это „сочиненіе знаменитой Россіанки (но какой, еще молчали).“ „Пѣсня дѣвушки, — печатали, — которая, любя простоту и искренность, не прельщается ни знатностью, ни богатствами. Сочиненіе знаменитой Россіанки. Она, къ величайшему удовольствію Московской публики, неоднократно г-жею Сандуповой пѣта была на театрѣ; искусство швицы, и прекрасной голосъ пѣсни, и натуральное выраженіе чувствъ (прибавляли намѣренно, желая показать, что здѣсь въ словахъ лежала дѣйствительная правда), сдѣлали ее весьма употребительною.“ И только М. Маклакова, въ тѣхъ же годахъ, перепечатывая нѣсколько разъ то „Орловскій,“ „Туалетный,“ то просто „Полный пѣсенникъ для особъ обо-его пола,“ вѣроятно обнадеженный поддержкою „пола прекраснаго,“ только Маклаковъ первый отважился передъ нимъ вполне открыться и открытъ печатно давно извѣстную всѣмъ истину. Онъ подписывалъ: „Пѣсня дѣвушки, которую не прельстили ни знатность, ни богатство, каковы и всѣ Россіанки. Произведеніе знаменитой Россіанки, восьмью Ломоносовымъ.“ Онъ къ пѣснѣ прибавилъ даже извѣстный эпитафъ:

„Не льсти меня ты, льстець, сіяньемъ городскимъ, —
„Довольна я своимъ селеніемъ простымъ.“

Съ тѣхъ поръ скрывать уже было нечего и не зачѣмъ: но можно было всё-таки забывать и забыть. Всѣхъ меньше забывъ народъ: въ устныхъ преданіяхъ его держится память о сочинительницѣ до сихъ поръ. Гораздо легче было и естественнѣе забыть литературѣ: въ романтизмѣ, мечтательности, потомъ въ Байронизмѣ и среди переводовъ съ иностраннаго, а также въ кучѣ мелкой бібліографіи, она постепенно отвыкала ото всего народнаго. Самые Пѣсенники, въ ихъ прежнемъ, приятно-полезномъ, дѣльномъ и практическомъ смыслѣ, перестали издаваться: явилась одна спекуляція, либо „нѣжныя“ пѣсни Цыганокъ, Тиролокъ и Кофеенъ. Черезъ литературу отставала и забывала публика, вершина нашего—такъ называемаго—общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ и наука. Хранилъ кое-какую память, говоримъ мы, народъ; хранились преданія вокругъ насъ, пока росли мы; подтвердились они намъ обильными живыми разсказами въ семьѣ Хомякова; и вотъ намъ пала участь, вмѣстѣ съ другими пѣснями, воздвигнуть на подобающее мѣсто и эту. Надѣмся, еще не послѣднюю.

* * *

III.

ПРИ ГОСУДАРЫНЪ

Екатеринѣ.

Больше, чѣмъ когда ни будь и гдѣ ни будь, мы обязаны здѣсь, на этомъ предѣлѣ, отличить пѣсни *народную устную* отъ *сочиненной*, дѣйствующей черезъ *письмо* и *печатъ*: отличія той и другой устанавливаются довольно рѣзко, хотя бы мало-опытному взгляду и не замѣтно. Народная устная, какъ скоро она болѣе или менѣе Историческая, по свойству второй половины XVIII вѣка преимущественно является Военною и Походною: этому только стороною народъ обращается къ жизни вышей надъ нимъ, вишней, торжествующей на главномъ поприщѣ, и только по этому единственному мѣрилу политической жизни мѣряетъ ростъ воспѣтыхъ героевъ или героинь. Исключенія, гдѣ оны, посредствомъ пѣсни, „самъ себя, какъ есть,“ вводитъ на передовую историческую сцену, приглашая всеобщее вниманіе, рѣдки: болѣею частію подобную исторію, если она случится и заслужитъ сего имени, народъ таитъ про себя, какъ бы прятать и таятся съ нею въ уголь за порогъ родной избы, тамъ пробавляясь ею, то воспроизводя, то дробя и разлагая, разясняя и толкуя по своему. И такъ, все еще какъ народъ, народомъ и самимъ собою входитъ оны въ область Военную, громкую и грохочущую; туда сообщаетъ пѣснотворческія силы свои, приемы, черты и образы: но входитъ туда конечно не весь, не цѣликомъ, не беззавѣтно, оставляя себѣ на долю, и на долю лучшую, много своего собственнаго, не початаго, не закушеннаго ни чѣмъ, ни чему не уступленнаго. Потому, въ пѣсняхъ сего рода мы видимъ народность, —но не полную, одностороннюю: самыми легкими качаніями она готова перейти здѣсь въ ную форму, въ солдатчину и въ книжное сочиненіе; нерѣдко даже здѣсь пѣсня, на оборотъ, истекаетъ прямо изъ солдатчины и военщины, только перефразируетъ, только переговариваетъ и перетолковываетъ „по своему“, наводя колоритъ свой: „народный.“—Съ другой стороны, и солдатъ того времени или отъ той поры, и военная жизнь, и слава, и вся повлтура сего слоя не есть вовсе рѣзкая противоположность народу и народности: рожденіе, раннее воспитаніе, жизнь до молодыхъ лѣтъ, за-

чатки возрѣній, взрваній и преданій, складъ, взглядъ, лязкъ, голосъ, первый аккордъ пѣснотворческихъ струнъ,—все это отсюда же по своему началу—изъ народа и народности. И въ пѣсняхъ солдатскихъ-военныхъ должно это такъ или иначе пробиваться отраженіемъ. Телько не тѣ послѣдствія: форма, выправка, вытяжка, строй, опредѣленный горизонтъ міросозерцанія, рѣчь, музыка, искусственная вывертка, вершина и завершеніе этого человѣка — не тѣ, совсѣмъ отличныя, не назовемъ — народныя. Если слагалась пѣсня еще самими солдатами, въ низшемъ строю жкъ и въ чернорабочей средѣ, пѣсня еще можетъ отойти въ первый отдѣлъ, къ народнымъ: но здѣсь уже чаще встрѣчается намъ письмо и печать, здѣсь такое „сочиненіе,“ которое дается сверху, внушается, добромъ—а не добромъ, такъ и накомъ,—заучивается, оставляетъ себя заучивать. И хоръ запоеть, хоръ дружно грянетъ, и весело, и громко, и совершитъ съ пѣсней чудеса, да подъ палочку регента или канцелямейстера, подъ жезлъ тамбуръ-мажора, даже просто подъ палку или угрозу экзекуціи. Такія произведенія иногда модѣльваются подъ народныя, готовы какъ разъ дронькуютъ въ народъ: но туда далеко не заходятъ, ихъ тинеть назадъ—къ своему плечу, новорожденному, тинеть неудержимомъ силою; вымираютъ они съ рабу, при новой войнѣ, вымираютъ по полямъ и ротамъ, а если по видимому живутъ, то представляются потомству на листочкахъ, въ печати, какъ отслушанные формуляры такихъ-то лицъ, такого-то времени, муждира, знайка и погона.

Таково различіе: и его строго, до послѣдней возможности, наблюдаемъ мы, начиная здѣсь съ *перваго* отдѣла, съ пѣсней *народныхъ устмыиъ*.

Напомнимъ, что счастливымъ посредникомъ между тѣми и другими отдѣломъ являются пѣсни „Козадкія,“ особенно „Донскія:“ о семъ уже не разъ мы говаривали прежде.

Все это очень естественно: но одна особенность здѣсь покажется бокишиству совершенно неожиданною, хотя она также вытекаетъ изъ сказаннаго. Въ чей пѣсней народныхъ оцутятся передъ нами совсѣмъ не тѣ имена и лица, которыхъ мы ожидали на привычной намъ авансценѣ, не тѣ герой-орды, которыхъ пѣнчали и въичаемъ за прошлое время, а если и тѣ, то совсѣмъ съ другихъ сторонъ, не громовосныхъ, а горадо проетдѣшихъ. На оборотъ, для кого выиѣшніе „политическіе“ писатели ждали бы самаго горячаго сочувствія и сильнаго слова изъ среды народа, представители его такъ называемыхъ „политическихъ“ движеній, оказывается, проходить молчкомъ и пѣсня объ нихъ вѣщаетъ столько же, сколько объ дробомъ, ворѣ, воржикѣ или „несчастномъ.“—Въ этомъ уже мы не виноваты: у насъ исторія своя особая, та, которую знаетъ и поетъ народъ безъ Погордица, Вѣлсева и Соловьева, а намъчае безъ Костомарова и Мордовцева.

Работы на линіи.

(Сѣмбарск. губ.).

Экъ да какъ задунали солдатъ набирати:
Ужъ не много — тысячь сорокъ и четыре,
Сорокъ и четыре, — козаченьки молодые.
Да какъ погнали солдатъ до Полтавы.

5. Впередь ѣдутъ да все генералы,
А по бокамъ ѣдутъ да все капитаны,
А позади ѣдутъ да все съ барабанами ¹⁾:
Бьютъ-выбиваютъ ²⁾, — горе утѣшаютъ,
Молодымъ солдатамъ жалобъ не задаваютъ ³⁾.

10. Экъ да какъ погнали солдатъ до Полтавы:
Ихъ заставили и рыть, и копати.
«Видно намъ же, братья, усѣмъ пропадати!
«Не будетъ знати ни отецъ, ни мати,
«Ни отецъ, ни мати, ни родна родина ⁴⁾,
15. «Ни родна родина, жена молодая ⁵⁾.»»

(Запис. Дн. А. Валуевымъ).

Этой пѣснѣ соответствуютъ и Малорусскія: см. ихъ ниже. Сама она сѣмбарскъ въ лѣвѣ
сторону и во всякомъ случаѣ возникла среди козаковъ.

* *

Первая Турецкая война.

Румянцовъ

(и Суворовъ).

1.

(Моск., Орловск. и Сѣмбарской губерній).

Еще кто у насъ, ребята, въ каменной Москвѣ бывалъ ¹⁾.
Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визіря кто слыхалъ,
Про того ли про визіря, про Турецкую войну?

¹⁾ Д. б. „съ барабаны“. — ²⁾ Въ барабаны съ музыком. — ³⁾ Чтобы не горь-
ко было солдатамъ, не жаловались они. „Задаетъ жалобу сердцу“: печаль-
ливъ меня. — ⁴⁾ Семья: Малорусск. — ⁵⁾ Ни жена молодая.

¹⁾ Стихъ двойной: потому можете его дѣлать пополамъ.

- Мы подъ городомъ стояли, много горя принимали,
 5. Много горя принимали, стѣну каменну пробивали;
 Мы стѣнушку не пробили, только Турка разсердили,
 Турки изъ пушекъ запалили, нашихъ дымятъ завалили:
 Каково есть красно солнце—не видать его въ дышу.
 Князь Румянцевъ генералъ свою смлу утверждалъ ³⁾),
10. А Суворовъ ³⁾ подскакалъ ко Донскійхъ козака́хъ:
 «Ой вы, братцы, молодцы, вы Донскіе козака́,
 «Вы Донскіе, Гребенскіе, Запорожски ⁴⁾ молодцы!
 «Сослужите такую службу, каку я вамъ велю,
 «Каку я вамъ велю и какую прикажу:
15. «Вы пейте—ка безъ мѣры зеленое вино,
 «Берите безъ расчета государевой казны,—
 «Не можно ли, робята, караулы Турски снять?»
 ««Не велика, сударь, страсть, караулы Турски скрасть!»»

- Тихо ночью подѣважали, караулы Турски скрали.
20. Закидался, забросался самъ Турецкій визирь,
 Чѣрзненъ рѣку перешолъ, во постелюшку слѣгъ:
 — Не чаялъ своей силушки въ погибели бывать,
 — А топера моя силушка побитая лежитъ,
 — Вся побитая лежитъ, вся порубленая,
25. — Побили—порубили всѣ Донскіе козака́,
 — Донскіе, Гребенскіе, Запорожцы молодцы!—

*

2.

(Оттуда же).

- Что же, робята, вы не весело сидите,
 Вы не весело сидите, ничего не говорите?
 Кто изъ васъ, робята, въ каменной Москвѣ бывалъ,
 Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визиря кто слыхалъ,
 5. Про того ли про визиря, про Турецкую войну?

³⁾ Ср. прежде это *обычное* выраженіе.— ³⁾ Онъ здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, обыкновенно поминвается *кстати*.— ⁴⁾ Мы знаемъ: если уже Донскіе, то непременно и прочіе.

Мы подь городомъ стояли, много горя принимали,
 Много горя принимали, стѣну каменну пробивали:
 Мы стѣнушки не пробили, только Турка разсердили.
 Напередъ идетъ визірь, генераламъ всѣмъ грозилъ:

10. — Въ каменну Москву взойду, всю ногами растопчу!—
 Генералы отвѣчали на визіровы слова:
 «— Не бывать тебѣ, собакѣ, въ нашей каменной Москвѣ!—»

Князь Румянцевъ генералъ всею силу утверждалъ,
 А Суворовъ поскакалъ къ Донскимъ козакамъ:

15. «Ой вы ой еси, робята, вы Донскіе козаки,
 «Вы Донскіе, Гребенскіе, Запорожски молодцы!
 «Ужь вы пейте-ка безденежно зелѣное вино,
 «Вы берите безъ расчёту золотой нашей казны,—
 «Сослужите таку службу, какую я велю,
 20. «И какую я велю, какую прикажу:
 «Не можно ли вамъ, робята, караулы Турски скрасть?»
 ««Не велика, сударь, страсть, караулы Турски скрасть!»
 Тихо ночью подѣзжали, караулы Турски скрали,
 Мелки пушки заряжали, мы и Турковъ въ полонъ брали.

*

3.

(Оттуда же).

Охъ, что жъ вы, ребятушки, не вѣселы сидите,
 Не пьѣте, не ѣдите, ничего не говорите?
 Еще кто бы намъ сказалъ про Турецкую войну,
 Про Турецкую войну, про визірову пальбу?

5. Кто въ походѣ не бывалъ, нужды-горя не видалъ,
 А кто въ походѣ-то бывалъ, много нужды принималъ,
 Много нужды принималъ и сухарики ѣдалъ.

Мы подь городомъ стояли, мы по городу стрѣляли,
 Мы по городу стрѣляли, свинець-порохъ растеряли:

10. Мы стѣны-то не пробили,—пошли прочь мы, отвалили,
 Пошли прочь мы, отвалили, въ чисто поле выходили,

Въ чисто поле выходили, солдатъ строешь становили,
А драгунскіе полки перемѣшаны стоятъ,
Перемѣшаны стоятъ, они плачуть—говорять:

18. «Не погодушка шумить, Турецкая ¹⁾ силушка валить,
«Турецкая силушка валить, Турецкой силы смѣту нѣтъ,
«Турецкой силы смѣту нѣтъ, конца—краю не видать!»»

А Румянцевъ генералъ по арміи разѣзжалъ.

Подѣзжаетъ къ козака́мъ, онъ тайно слово сказалъ:

20. «Охъ вы, братцы, козаки́, удалые молодцы!
«Вы берите, что́ хотите, государевой казны,—
«Еще кто бы изъ васъ караулъ Турецкой снялъ?»
Выбиралось молодцовъ пять сотъ козаковъ:
Они скрали—своровали у визіря караулъ.

*

4.

(Оттуда же).

Что́ же мы, робятушки.

Не вѣсело сидимъ ¹⁾,

Мы не вѣсело сидимъ.

Мы не пьемъ, не ѣдимъ?

5. Кто бы намъ, робята,

Про мирзірь—городъ ²⁾ сказалъ?

Мы трое суточки стояли,

Не пивали, не ѣдали.

Стѣну бѣлу пробивали:

10. Стѣны бѣлой не пробили,

Отъ города отвалили

Во зелѣные луга.

Становилась сила вокругъ:

А Румянцевъ съ ними внукъ ³⁾

¹⁾ Д. б. „Турска.“

²⁾ Здѣсь печатаемъ стихъ пополамъ.—³⁾ Сдѣлано изъ „визіря“.—⁴⁾ Стѣланъ ради рѣчи: впрочемъ выводится у Румянцева и сынъ, какъ увидимъ ниже.

15. Объѣзжать силу вокругъ.
 Поскорѣ поскакалъ
 Ко Донскимъ козакамъ:
 «Выбирайтесь козаковъ
 «Сорокъ тысячъ молодцовъ,
 20. «Что хотите, то берите
 «Государеву казну,—
 «Вы скрадите у мирзира
 «Огъѣзжй караулъ.»
 «Не диковина какая.
 25. «У мирзира караулы скрасть!»

- Наперѣдъ у насъ пѣхота,
 Козакй позади,
 Турецка сила впереди.
 Не дубровушка шумить,—
 30. Турецка силушка валить.
 Не ясенъ соколъ летить,—
 Наперѣдъ мирзиръ катить,
 Вострой сабелькой грозить.
 Генералы испугались,
 35. Кой-куда всѣ разѣзжались;
 А солдатушки стоять,
 Они то же говорятъ:
 «А намъ нѣ куда дѣваться,
 «Пришло дѣло раздѣваться!»
 40. Козаки силу сѣкутъ,—
 Кровавы ключи текутъ:
 Коя сила при долигѣ,
 Занетало пескомъ-глиной;
 Коя сила на горѣ,
 45. Стоитъ по поясъ въ кровѣ ⁴⁾!

*

⁴⁾ Ср. выше дѣло Лопухяна въ Прусскую войну.

5.

(Губ. и уѣзда Сибирск., село Архангельское).

- Что вы, братцы, не пьете—не ѣдите,
 Не вѣсело сидите, ничего не говорите?
 Кто бы нашъ, ребята, про мизирь—городъ сказалъ,
 Про мизирскую войну, про Турецкую стрельбу?
 5. Кто на войнѣ—то бывалъ, много горя тотъ видалъ,
 А кто въ службѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ.

- «Много ль васъ молодцовъ—Донскихъ козакѣвъ?
 «Сорокъ тысячъ молодцовъ—Донскихъ козакѣвъ,
 «Девять тысячъ молодцовъ—Запорожскихъ козакѣвъ?
 10. «Вы подите—ка—скрадите у мизира караулъ!»
 «Не какая, братцы, страсть, караулы крѣпки скрасть:
 «У насъ копьецы долги, на то саблицы востры!»»

- Ужъ мы билися—рубилися трое сѣточки,
 Ни пивали, ни ѣдали, съ добрыхъ коней не слѣзали,
 15. Бѣлы стѣны пробивали: бѣлы стѣны не пробили.
 Ядры—порохъ растеряли, пѣхотушку утомили,
 Сами прочь мы отвалили, въ чисто поле выходили.
 Въ чистомъ полѣ во долу становились во строю.
 Утолилася баталья,—стали тѣла разбирать ¹⁾:
 20. Который на горѣ стоитъ, по поясъ въ крови,
 А который подъ горой, заметало тѣхъ землей.
 По утру, братцы, раненько, не соколъ въ полѣ леталъ,
 Князь Румянцовъ разѣзжалъ, прытко скачетъ по горѣ,
 На своемъ добромъ конѣ, близѣхонько подѣзжалъ,
 25. Чорну шляпу скидалъ, низѣхонько воскланялъ,
 Румянцова, братцы, внукъ ²⁾ объѣзжаетъ силы въ кругъ.

* *

Слѣдующая пѣсня представляетъ свободную народную передѣлку сочиненной (которую увидѣли ниже), о переходѣ Татарской степи, о Вуджакѣ и о подступѣ къ Кагулу:

¹⁾ Опять черты Прусской войны: ср. выше.—²⁾ См. объ этомъ выше.

Черезъ Турецкое поле.

1.

(Земля Войска Донскаго).

- Находила туча тёмная
 На силушку царя Бѣлаго.
 А ты поле чистое, Турецкое!
 Мы когда тебя, поле, пройдемъ,
 5. Всѣ бугры твои, дороженьки,
 Всѣ мѣста твои прекрасные,
 Города твои проклятые?
 Черезъ гору перевалимся,
 Мы сойдемся съ неприятелемъ,
 10. Со Турецкимъ большимъ корпусомъ.
 На Турецкій [большой] праздничекъ
 Турки пьяно напивались,
 Сы похвѣлья выхвалялися:
 «Мы Россіюшку на скръсть пройдемъ!..»

(Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

На слѣдующей есть также порядочные слѣды сочиненія:

Средиземное море. Спиридовъ.

1.

(Москва).

- Не цвѣтами синё море покрывалось,
 Не лазоревыми Средиземное украшалось:
 Разцвѣтало синё море кораблями,
 Бѣлыми-полотняными парусами,
 5. Разными Россійскими флагами.
 Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ,—

Спиридовъ ¹⁾ генералъ по кораблику гуляетъ,
 Онъ Россійскихъ матросовъ утѣшаетъ,
 Утѣшаетъ ихъ, забавляетъ:

10. «Не тужите вы, дѣти, по своей отчизнѣ ²⁾,—

«Не вѣсье мы на синѣмъ морѣ погибнемъ!

«Воротимся мы въ Русь со побѣдой ³⁾, ●

«Увидимся съ отцами—матерями,

«Со братами и съ сестрами,

15. «Со молодыми своими женами,

«Со малыши дѣтьми со родными!»

Матросы печаль забываютъ

И съ радостью еще пробывать тамъ желаютъ ³⁾.

(У Новикова и вездѣ, кое гдѣ въ устахъ).

* *

Зоричъ въ бѣдѣ.

Память о Краснощоговѣ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Не черными—то зачернѣлось,—

Зачернѣлось Турецкое чисто поле;

Не плугами поле—не сохами пораспахано,—

А распахано поле конскими копытами;

5. Засѣяно поле не всхожими сѣмянами,—

Засѣяно козачьими головами,

Заволѣчено поле козачьими черными кудрами ¹⁾.

Какъ не добѣхавши поля, Зоргинъ ²⁾ генералушка

Становился надъ козачьими головушками,

¹⁾ Въ нѣкотор. „Спиридоновъ“.— ²⁾ Болѣе видные слѣды сочиненія.—

³⁾ Тѣ же слѣды.

1) Образы и черты Слова о Нозку Игоревѣ, известные намъ по вѣснанихъ Петровскихъ.—²⁾ Зоричъ, въ извѣстной бѣдѣ его при Рядбой Могилѣ.

10. Становившись онъ прослезился:

«По напрасну эти будища головушки пропадаютъ.

«Безъ вѣрнаго—то служителя съ Дону государева,

«Безъ Ивана сына Матѣева Краснощокова »!»

(Ср. сборн. Стел. 1866).

* *

Здѣсь, на этомъ мѣстѣ, собственно намъ думно бы поставить пѣсню о Вендерахъ и Румянцевѣ (съ Панинымъ): но, такъ какъ съ нею, извѣстными развѣтвленіями, связанъ совершенно особый кругъ пѣсней, частнаго приѣмленія и значенія, то мы пока отлагаемъ ее и помѣстимъ ниже послѣ всѣхъ Румянцевскихъ дѣйствій и послѣ первой Турецкой войны. А теперь пока о 1771 годѣ и Долгоруковѣ (въ пѣсню также проникли слѣды сочиненія):

Долгоруковъ.

Перекопъ. Каѳа.

1.

(Губ. Оренбургской).

Въ семьдесятъ первомъ году,

Отъ Яншлага плоту¹⁾

Покачались всѣ горы,

Потряслась сыра земля,

5. Пошли рыбы всѣ на нѣзъ

И всѣ птицы съ теплыхъ гнѣздъ²⁾.

Походъ на весну намъ сказанъ,

Въ Крымъ итти прямо показанъ.

Мы въ походъ поидемъ,

10. Турку дѣры понесемъ.

²⁾ Еслибы мы онъ былъ здѣсь, только развѣ онъ могъ бы спасти насъ.

¹⁾ Флота, лодокъ: откуда нѣкогда шла помощь и гдѣ пѣлась эта пѣсня.—

²⁾ Произноси „гнѣздъ“.—Первый и сильный походъ на Турцію изображенъ тѣми же почти красками, какъ первые походы Варяжской дружины съ Олегомъ, въ былинахъ объ немъ (см. прежніе вып. и Рыбникова).

Къ Перекопу подходим,
Турско войско находим.
Много ядеръ и картечь:
Мы не станемъ ихъ беречь.

18. Артилерія гремѣла,
Черезъ ровъ на стѣну взошла свѣло.
Предводитель Долгоруковъ,
Не страшай своихъ насъ звукомъ *)!

- Видя Турки ту бѣду,
20. Стали рвать безъ череду;
Закричали въ одинъ гласъ:
«Пощадите бѣдныхъ насъ,
«Вы насъ плѣнными сочтите
«И Киѳу †) въ полонъ возьмите!»»

25. А Татаршкн негодны,
Они очень сумазбродны:
До Киѳы они бѣжали,
Мы ихъ больше не видали.
Наша армія спокойно

30. Отдыхаетъ, стоитъ стройно.
Ожидаемъ мы курьера,
Гдѣ намъ вѣчныя квартиры:
Расположимся въ Крыму,
Свѣту на диво всему!

(Доставлено В. И. Далемъ).

* *

Неудача подъ Силистріей.

1.

(Губ. Самбарской).

Вся-та наша армяшка приуныла.
Запомъ-те мы, ребятушки, пѣсню новую,

*) Здѣсь уже сочиненіе врѣзлось безсмысленною фразою.— †) Каеу.

Мы которую пѣвали ¹⁾...

Во походѣ мы не пѣсенки пѣвали,—

5. Горевали мы, подѣ городоужь стояли,

Подѣ Салистроужь за быстрою

За рѣченькой за Дунаеужь.

А не вѣсело наша армеюшка пѣть-гулеть,

А не вѣсело солдатушки во строй собирались;

10. Во строю—то стоять солдатушки—сами плачуть,

Жалобу—то творять солдатушки на фицеровь:

«Загналь—то, загналь Прусской король въ ину землю.

«Нѣтъ ни вѣсточки, ни грамотки,

«Ни словеснаго отъ батюшки приказа ²⁾...»

(Запис. А. М. Языковичъ).

* *

Каменский оъ Донцами за Дунаеужь.

1.

(Земля Войска Донскаго).

За славной—то было за рѣчушкой—быстриужь Дунаеужь.

Собиралась тамъ наша армеюшка:

Повелитель у ней былъ самъ Каменский графъ,

У Турецкой было армеюшки—паша-мурза.

5. Пишетъ паша-мурза ко графу Каменскому:

«Прошу тебя, Каменский графъ, не прогнѣваться,

«Ты за чѣмъ зашелъ—завель армию Россійскую?

«Я солдатъ-драгунъ повырублю,

«А Донскихъ—то козакѣвъ во полонъ возьму,

10. «Со Донскими козакѣми я служить пойду!»

А Каменский—то графъ во отвѣтъ ему:

— Врешь ты, паша-мурза, облыгаешься,

¹⁾ Дополните, по прежнихъ образцахъ: „сами плакали“.—²⁾ Отдается и вспоминается, при одинакомъ случаѣ, страхъ, заданный нѣкогда Прусскимъ королемъ (ср. выше).

- Небыльми рѣчьми ³⁾ забавляешься.
 — Не пойшавши гуся сѣраго—ты щипать сталъ;
 15. — Я твою-то братію повырублю,
 — А съ тебя-то кожу сниму, соломою набью! --

(Ср. Сборн. Савел. 1866):

* *

Нападеніе на Шуменъ

и

отпоръ Турокъ.

1.

(Оттуда же).

- На ровной площади, на большой полянѣ,
 Стоялъ тамъ Второй Тацынъ полкъ.
 Стоялъ три недѣлюшки.
 На четвертой-то на недѣлюшкѣ приказъ они получили ¹⁾.
 5. Да иттить-то полку Тацыну подъ Шумной городъ.

Не пошелъ-то молодой полковничекъ большой дорогой:
 Онъ пошелъ, молодой полковничекъ, крутыми горами,
 Онъ крутыми-то горами, большими лѣсами.
 Среди-то, было, пути—среди дороженьки несчастье случилося:

10. Какъ не черные-то вороны изъ лѣсовъ солетася,
 Турки храбрые изъ за крутыхъ горъ на Тацына напали.

Туть-то мои малолѣточки ²⁾ дюжа ³⁾ перепужалися,
 По темнымъ-то лѣсамъ они разбѣжались.
 Кричить-то кричить молодой полковничекъ своимъ громкимъ голосомъ:

15. «Ужь вы стойте, мои малолѣточки, стойте—не робѣйте,
 «Государева свинцу-пороха не жалѣйте!»

¹⁾ Небылицами.

²⁾ Отсель стихъ двойной.—³⁾ Такъ обыкновенно въ тѣсныхъ, присутствіемъ малолѣтокъ, казаки объясняютъ неудачи.—⁴⁾ Крѣпко.

Пробилъ-то бы, пробилъ молодой полковничекъ двѣ за-
ставы:
На третей-то на заставѣ самъ головушку сложилъ.

* *

Теперь-то мы переходимъ или, лучше, возвращаемся къ *Бендерамъ*, и от-
крываемъ народную пѣсню, которая изображаетъ сборы въ походъ съ Ру-
мянцовицъ—Пакиными:

Сборы подъ Вендеры.

1.

(Москва).

У душечки у красной у дѣвицы
Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило:
Смочило бѣло личико слезами,
Тужа-плача по миленькомъ дружечкѣ,
5. По ласковомъ-привѣтливомъ словечкѣ.

Какъ далече-далече въ чѣстомъ полѣ,
Стояла въ полѣ бѣлая берѣза.
Подъ той ли подѣ бѣлой подѣ березой
Не голубь съ голубушкою воркують,
10. Не сизенькой со бѣленькою воркуеть.
Дѣвица съ молодцомъ рѣчь говорила:
«Ты душечка, удалый ¹⁾ молодецъ!
«Куда ты, моя радость, снаряжаешься,
«Во которую во дальнюю сторонушку,
15. «Во Казань городъ, или въ Астрахань,
«Или во славной городъ Сан-Пѣтербургъ,
«Или во матушку каменнѣ Москву?»
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:
— Какъ сказана мнѣ, молодецъ, царска служба,

¹⁾ Вар. „удалый-добрый.“

20. — Показана широкая дорожка ²⁾,—
— Ко славному ко городу Бендерамъ ³⁾!—

(Ср. пѣсен. Новиковскій и друг.).

*

И. И. Дмитриевъ въ своемъ „Карманномъ пѣсенникѣ“ 1796 года, Богъ знаетъ за чѣмъ, передѣлалъ Бендеры на *Черчилскъ*, а всю пѣсню—не утерять—исказилъ такими нѣжными подиравками (соблазнили тамъ и многихъ преемниковъ):

2.

(Сочиненіе).

- У душечки красной дѣвицы
Бѣло личико смочилося
Не отъ дожжичка весеняго:
Ахъ, смочилося отъ жаркихъ слезъ.
5. По привѣтливомъ миломъ дружечкѣ.
Возвѣстили другу милѣму
Службу царску. государеву,
Объявили путь—дороженьку
Изъ преславной каменной Москвы
10. Къ дальну городу *Черчинскому*.
«Ото всѣхъ мой другъ прощенье взялъ:
«Лишь со мною не простился онъ,
«Знать стыдится онъ любви моей!
«Такъ прости же ты, мой милый другъ.
15. «Наживай себѣ другую ты!
«Лучше найдешь, такъ забудь меня,
«Хуже найдешь, такъ вспомнишь самъ,
«А вспомнивши вздохнешь по мнѣ!»

* *

²⁾ „Дороженька“.—³⁾ Въ нѣкоторыхъ: „ко городу *Смоленску*“,—и это, кажется, старшій образецъ, изъ XVII-го вѣка.

Но подъ Бендерами въ пѣсняхъ разыгралась съ Румянцевымъ советиъ другая „исторiя“, гдѣ народъ расправился съ событіями „по свойски“.

Это стоить того, чтобы разъяснить подробнѣе: и, какъ мы сами долго путались въ массѣ переплетшихся образовъ, чтобы добиться наконецъ толку, такъ точно обязаны мы ввести читателей въ суть дѣла весьма медленнымъ и осторожнымъ шагомъ.

Всѣ пѣсенники, начиная съ Чулкова и Новикова, кончая Гурьяловымъ и Башиннымъ, видѣли въ предлагаемой пѣснѣ рѣшительную безтолковщину и бессмыслицу: а если тутъ и понадастся имъ какой либо намекъ историческій, то, по извѣстному намъ опасенію, не рѣшались воспользоваться этою чертою, какъ случайною, и помѣстить у себя пѣсню, чтобы тѣмъ хуже не понастѣя въ историческій просакъ или въ передѣлку у какихъ либо высшихъ лицъ, заинтересованныхъ тутъ родовыми именами. Между тѣмъ нѣтъ почти уголка среди повсей Россіи, гдѣ бы не знали и не распѣвали этой пѣсни: отъ Витебска до Ярославля, отъ Оренбурга и Саратова до Тулы, Орла и Чернигова, до губерній Рязанской, Тамбовской, Симбирской, особенно же Московской, — всюду живетъ и растетъ еще она въ устахъ народа; по мѣстамъ сдѣлали изъ нея даже пѣсню игровую и хороводную. Не досадно ли и что въ самомъ дѣлѣ за мелѣность? Мѣсто въ Швеціи, Пруссіи, и оно же въ Бендерахъ; изъ Бендеръ выходитъ дѣвушка, убранная по нѣмцамъ. въ карманкѣ съ врандашикомъ; Румянцевъ описывается чертамъ Красношюкова; у него не только внукъ (какъ мы видѣли по другимъ пѣснямъ), но прямо сынъ и — „Иванъ Ивановичъ“, Россійскій генералъ; ни съ того, ни съ сего, онъ сватаетъ встрѣчную дѣвку за сына и, послѣ ужаснаго гнѣва, успокоивается тогда лишь, когда Нѣмка соглашается идти за мужъ; а затѣмъ приглашеніа на свадьбу по Европѣ и всей Россіи... Что за масса кажущейся чепухи, наизнанной и переплетенной!

Но, полно такъ ли? Въ своихъ отношеніяхъ къ народу и его пѣснотворчеству, руководимые всегда неизмѣннымъ довѣріемъ и уваженіемъ, мы десять лѣтъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушивались, слыхали и соображали. И вотъ выводы, наконецъ истекшіе, опредѣлившіеся и утвердившіеся.

Кубела или Купала, изъ мѣологической области разными путями и подъ разными образами перешедшая позднѣе въ нашъ эпосъ, съ самаго начала представлялась то какъ „Мать“, то какъ дочь ея „Дѣвица.“ Исхои еѣ принадлежащее, строеніе первыхъ городовъ народныхъ и защита ихъ, то, что прозвало ее всюду (равно у Грековъ, даже у Римлянъ) „Матерью городовъ“ и возложило на голову ея вѣнецъ, какъ выражаются, „изъ городской стѣны“, а по нашему „городками (зубами, зубчатымъ забраломъ)“, осталось въпостоянной роли эпической Матери и Дѣвицы повсюду (подробности въ нашемъ изданіи Бѣлорусскихъ пѣсней 1871 г.). Въ Словѣ о Полку Игоревѣ Всеславъ добываетъ себѣ городъ не иначе какъ подъ видомъ со-

стигательнаго виставія (турнира), на которомъ бросаетъ жребій „о дѣвицу себѣ лбу“ и копьемъ достаеъ ее; Ярославна, вѣща спасенія родному городу и посылая воли къ далекому мужу, является съ обаятельною пѣсней „на зубчатой стѣнѣ. Олегъ, отыскивая наслѣдство вѣрному малолѣтку, встрѣчаетъ „Мать городовъ Русскихъ“: вѣсть съ стѣн лѣтописи въ избыткѣ разсыпаетъ вокругъ него мѣологическія и эпическія черты. Почти вѣсь старшіе у насъ города—по имени женскаго рода (ср. у насъ выше призыванія на стр. 168 и 169, а равно статью Дм. И. Иловайскаго о мнимомъ призваніи Варяговъ). По лѣтописемъ или, лучше, вставленнымъ въ нихъ сказаніямъ, какъ только городъ настагается бѣдой и разореніемъ, за него и объ немъ, въ его образѣ, „плачетъ“ женщина, частіе дѣвица. Не касаясь столь далекихъ образовъ, какъ въ Стихахъ объ Егорѣ и Феодорѣ, самый Новгородъ, какъ скоро настигъ его разгромъ отъ Суздальскаго князя, увидалъ—по сказанію—спасительницу на стѣнахъ своихъ (ея образъ совершенно отвѣчаетъ древнему изображенію Купалы, даже какъ вытесывалась она въ каменныхъ „Бабахъ“). Съ самаго начала нашего эпоса, сохранившагося въ богатырскихъ Быликахъ, по „стѣнѣ городовою“ ходитъ защитницей и представительницей „Турица златорогая (образъ Купалы въ вѣдѣ),“ сама называемая порою прямо „Мать стѣна городовая:“ вѣсто нея, поздиѣ, какъ только Краснощочковъ вступилъ въ Турецкую Землю, ему предстала „Мать сыра ланца со ланцями (какъ „Мать сыра земля“ или Турица съ извѣстными 12-ю дѣтьми своими).“ То защитница, то — изъ любви къ пришельцу — предательница города, то невольная за свой городъ полонянка, преимущественно дѣвушка, „Королевна“ и „Королевична“,—на каждомъ шагу эпоса, почти въ исторіи каждаго героя. Напомнимъ, крупнѣе другихъ, Елену Прекрасную, Настасью Королевичну, Апраксию, Маринку (что достала Добрыня стрѣлами по терему и зубчатому зѣмку), Лиховидевну, Лебедь Бѣлую и т. п. Петру является она Королевною въ Стокгольмѣ и Колывани (см. прежніе наши выпуски и разныя изданія). Въ Швеціи и Пруссіи для XVIII вѣка она рѣшительно на всегда засѣла: какъ только приходится съ тѣхъ поръ „пробывать каменную стѣну“, дѣвица-королевна тутъ какъ тутъ (см. этотъ выпускъ выше); мы видѣли ее и подъ Кермантомъ, в гдѣ угодно. такъ что иногда она просто, ради практики, обращается въ офицерскую жену и любовницу офицеровъ. Въ Берлинѣ, при Фридрихѣ, возстала она еще въ эпическомъ, чарующемъ величіи и въ ярпой обстановкѣ: то Королева, то Королевна, и чаще послѣдняя, она и защищаетъ городъ, запирая его и запираясь на допросѣ, и прикрываетъ вѣщія продѣлки Короля, и, при усильномъ напорѣ, сдается, сдаеъ и рассказываетъ сокровенныя тайны. Послѣ этого мы нѣсколько не удивимся, что она же, неизмѣнная, появилась въ Бендерахъ, какъ скоро стали тамъ „пробывать стѣну каменную;“ она пришла туда прямо изъ Пруссіи, какъ перешли сямъ путемъ многіе образы пѣсней; притомъ прибыла она вѣсть „съ Румянцевымъ“, который въ той же Пруссіи положилъ

начало военнымъ своимъ подвигамъ: теперь естественно, что она Нѣмка и „по Нѣмецкому приубрана,“ даже подъ стѣною самихъ Бендеръ. Мы ее встрѣтимъ еще, въ томъ же уборѣ и значеніи, кое-гдѣ дальше, и въ Турціи, и обратно въ Западной Европѣ.

Кто же этотъ герой, передъ которымъ Королевна-Дѣвица-Полоняночка непремѣнно встаетъ изъ подъ земли, склонная и къ другимъ, но къ нему какбы прикованная? *Румянцевъ* въ первой своей молодости, переводя древнюю „Дѣву“ и „Жену“ на простой обиходный языкъ, прославился любовными приключеніями съ иностранками по чужимъ землямъ среди походовъ, еще въ Швеціи, потомъ въ Пруссіи. Соответственно сему, въ пѣсняхъ его времени безпрестанно является „емералушка:“ то беретъ поланянокъ, то—понятіе для пѣсни—убиваетъ ихъ какъ враговъ; а иногда это по просту, какъ мы встрѣчали примѣры выше, какая ни будь „жена офицерская (надъ которою, въ разныхъ анекдотическихкихъ случаяхъ, столь извѣстны проказы молодого Румянцева)“. Не боясь нисколько повториться, мы приведемъ здѣсь подобную пѣсню, въ которой явны всѣ знакомыя намъ черты и выраженія „Прусскаго похода,“ но въ которой есть и „емералушка,“ съ „офицерскою женою:“

Пруссія. Емералушка. Жена офицерская.

1.

(Губ. Смибирской, Усть-Урень).

- Не бѣлая берѣзенька къ землѣ клонится,
 Не медкѣва травенька по чисту полю разстиляется:
 По чисту полю разстиляется полынъ горькая.
 Горька ты, полынуска, изъ всей травы:
3. Еще горьчѣй—тошнѣй того служба царская,
 Служба царская, нужда крайняя.
 И ни день—то, ни ночь намъ, солдатушкамъ, угомону нѣтъ:
 Темная ночь настанетъ,—мы на часахъ стоимъ,
 Какъ бѣлый день настанетъ,—во строю стоимъ,
10. Во строю стоимъ, по ружью держимъ.
 И стояли мы, солдатушки, трое сутоки,
 Не пиваючи и не ѣдаючи.
 И ходить же дума емералушка по армяюшкѣ,
 Закунаетъ емералушка свинцу съ порохомъ,

15. И заряжает енералушка сорокъ пушечекъ,
 Пробиваетъ енералушка стѣну каменную,
 И убиваетъ енералушка жену офицерскую,
 Молодыхъ—то ребятъ во полонъ беретъ.

(Запис. отъ Полякова П. В. Шейномъ; ср. „Чтения“).

*

Но въ Пруссіи начинающему Румянцеву явился соперникъ, уже зрѣлый и завершавшій свои подвиги: это Краснощокъ, бывшій, какъ знаемъ, и въ Шведіи за одно съ Румянцевымъ, а затѣмъ въ Пруссіи затмившій его юную извѣстность и привлекшій все главное вниманіе пѣсни. Донской богатырь, намъ извѣстно, также довелъ образы пробитой стѣны, взятаго города и полоненной Королевы до высшей апогеи развитія и до всей яркости эпической. Онъ даже, въ кругѣ пѣсень своихъ, соединилъ образъ древней „Турицы“ и дѣтей ея съ „Матерью сѣрой ланью и ланятами,“ которая встрѣчается ему при вступленіи въ Турецкую землю (ср. выше у насъ № 26), а историческую „Марьюшку“ съ невѣсткою Короля Прусскаго и съ эпическою „Марьею-лебедью, Марьею Юрьевной, Романовной, Маринкой“ и т. п. (см. при № 11). Да сверхъ всего этого, онъ еще привлекъ изъ старины и привилъ къ себѣ ту эпическую особенность, что, сообразно древности, явился въ пѣснотворчествѣ „купцомъ“ и „купеческимъ сыномъ,“ „закупалъ на торгу свинець съ порохомъ (какъ это случалось тогда въ дѣйствительности при скудости нашихъ снарядовъ, — ср. выше),“ былъ въ полону у Короля“ и, захвативъ поломянку, вылетѣлъ „соколомъ отъ чорпаго ворона.“ Образъ былъ такъ яркъ, выраженія такъ сильны и вліятельны, что съ тѣхъ поръ, мы знаемъ, почти при каждомъ походѣ и подобной осадѣ города повторяются общія фразы, — „Мы со вечера въ торгу торговали, Свилицу-пороху покупали, Стѣну каменную пробивали, Поломянку въ полонъ взяли“ и т. п.

Однако, опредѣлившись совершенно типомъ художественнымъ и его въ себѣ опредѣливши, а въ дѣйствительности совершивши рядъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, Краснощокъ, по закону живучаго историческаго пѣснотворчества, долженъ былъ въ пѣснѣ передать кому ни будь свое наслѣдство,—созданные образы и черты событій, краски, выраженія. Случай подошелъ такой, что можно было передать и самое имя. Краснощокъ, по естественному закону языка, нами уясненному, обратился въ *краснощокаго*, сдѣланъ *краснощокимъ*: отъ него зардѣлся самъ столкнувшійся Король и вышелъ также „королемъ краснощокимъ“ Еще шагъ, и самъ герой обращенъ въ „*краснощокаго короля*,“ „*князя*“ и „*графа*.“ Если бы заглянуть въ тогдашнее воображеніе поющихъ, если бы пригласить ихъ къ раскрытій какой ни будь тогдашней лубочной картины,—конечно мы долучили бы

рельефнаго героя—*краснощочаго* и *румынаго*, какъ и подобаетъ быть Русскому богатырю по представленію сильнаго, здороваго, цвѣтущаго народа. *Графъ Румянцевъ*, сотоварищъ времени и походовъ, вышелъ подъ стать: герой такой же *румыный* (его зовуть въ пѣсняхъ *Румянчикъ*), какъ Краснощочковъ *краснощочкій*. Съ тѣхъ поръ всѣ помянутыя пѣснотворческія отличія дѣйствительно перешли въ пѣсняхъ отъ Краснощочкова къ Румянцеву, до самыхъ мелочныхъ выраженій; тутъ же и неизмѣнная „полонянка,“ то Королевна, то просто „Нѣмка,“ а отличіе лишь въ томъ, что наследникъ Румянцевъ ступилъ шагомъ далѣе: Краснощочковъ неизвѣстно чѣмъ кончаетъ съ полонянкою, а Румянцевъ, какъ слѣдуетъ солидному, остепенившемуся въ дѣйствительности герою и отцу семейства, сватаетъ ее за сына (впрочемъ и выше, по нѣкоторымъ образцамъ, герой, плѣняющій полонянку, также раздвоился на двоихъ и даже при Краснощочковѣ выведенъ „сынъ“ какъ при Румянцевѣ). Пѣсня, повторяемъ, прошла въ семь видѣ отъ Швеція черезъ главную Пруссію и потомъ черезъ Россію, гдѣ столь распространена, до самыхъ Бендеръ вмѣстѣ съ Румянцевымъ: шла по началу съ Краснощочковымъ грозной тучею, потомъ, постепенно свиваясь вокругъ геройской головы Румянцева, преобразилась свѣтлымъ облакомъ, какъ блестящій ореолъ въ радужныхъ переливахъ народныхъ. На этой ступени мы проведемъ различныя образцы сей пѣсни передъ глазами читателей:

Румянцевъ въ Пруссіи. Полонянка. Сватовство за Россійскаго генерала.

1.

(Черниговскія Слободы).

Купцы съ вѣчера торговали,
Свинцу—пороху покупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Короля въ глаза не видали ¹⁾,
5. Въ каменнѣ стѣну ²⁾ (не) стрѣляли,
Красну дѣвочку вызывали:
Красну дѣвочку въ полонъ взяли.
Къ графъ—Румянцеву приводили.

1) Это было бы непонятно безъ предыдущихъ нашихъ образцовъ.—2) Такъ тогда же мы исправляли при печати, вмѣсто „Москву:“ Москва здѣсь значить вообще „городъ“ и „стѣну.“

Графъ Румянцевъ дивовался,

16. Красотѣ ея любовался:

Хороша дѣвица, румяна,
По Нѣмецкому приубрана,
На ней шубочка парчевая,
Душегрѣчка золотая,

15. Въ косѣ ленточка голубая.

«Ты поди, поди въ Россію за мужъ
«За любимаго моего сына за Ивана,
«За Ивановича свѣтъ Ивана,
«За Россійскаго за енарала.»

20. — Я не йду, не йду въ Россію за мужъ

— За любимаго твоего сына за Ивана,
— За Ивановича свѣтъ Ивана,
— За Россійскаго за енарала.—

Графъ Румянцевъ рассердился,

25. Онъ безъ милости распалился,

Востру шабельку вынимаетъ,
Красотѣ ея угрожаетъ:

«Ты поди, поди въ Россію за мужъ
«За любимаго моего сына за Ивана,

30. «За Ивановича свѣтъ Ивана,

«За Россійскаго за енарала!»

Красна дѣвица испужалась:

— Я йду, йду въ Россію за мужъ

— За любимаго твоего сына за Ивана,

35. — За Ивановича свѣтъ Ивана,

— За Россійскаго за енарала!—

(Ср. II-й томъ собран. Румянцева).

*

2.

(Рязанск. губ., у. Зарайского, с. Жолчино).

Мы вечеръ въ торгу торговали,
 Мѣдны пушечки заряжали,
 Въ каменнѣ стѣну стрѣляли,
 Короля мы въ глаза не видали:
 5. Крѣсну дѣвицу въ полонъ взяли,
 Къ графу(ъ) Румянцеву подводили.

Графъ Румянцевъ дивовался,
 Въ красоту ея влюблялся:
 Хороша дѣвица, румяна,
 10. По Нѣмецкому разубрана,
 На ней шубочка голубая,
 Душегрѣчка парчевая,
 Въ косѣ ленточка золотая.
 «Ты позволъ ¹⁾ со мной поговорити,
 15. «Про мою силушку спросити,
 «А про свою силушку явити ²⁾.
 «Ты пойдѣ ко мнѣ въ Россю за мужъ,
 «За мого за сына любимаго ³⁾,
 «За Иванныча Ивана,
 20. «За Россейскаго генерала.»
 — Не хочу я съ вами говорити,
 — Про вашу силушку спросити,
 — Про свою силушку явити.
 — Не пойдѣ я къ вамъ въ Россю за мужъ,
 25. — За твоего за сына любимаго,
 — За Иванныча Ивана,
 — За Россейскаго генерала.—

¹⁾ Позволъ, сдѣлай одолженіе.—²⁾ Черта, возстановляющая военный допросъ: я тебѣ расскажу про нашу, ты Расскажи про свою силу.—То же и объ Королѣ, выпытываютъ выше, а при Петрѣ отъ „маіора.“ —³⁾ Дурно раздѣлены стихи.

Графъ Румянцевъ на нее разсердился,
 Востру сабельку вынимаетъ,
 30. Красну дѣвицу пугаетъ.

Красна дѣвица испужалась,
 За Румянцевымъ погонялась:
 — Ты позволь, позволь, графъ Румянцевъ,
 — Съ тобою поговорити:
 35. — Я хочу съ вами говорить,
 — Про свою силу явити;
 — Я иду въ Россю за мужъ
 — За твоего за сына любимаго,
 — За Иваныча Ивана,
 40. — За Россейскаго генерала!—

(Ср. „Р. нар. пѣсни,“ собр. П. В. Шейномъ, ч. I, 1870).

•

3.

(Губ. Ярославской, у. Ростовскаго, село Сущево).

Мы вечеръ въ торгу торговали,
 Свинцу—пороху закушали,
 Въ мѣдны пушечки заряжали,
 Въ каменнѣ стѣну стрѣляли,
 5. Стѣнѣ каменной не разбили:
 Красну дѣвицу полонили,
 Да къ Румянцеву отводили.

Графъ Румянцевъ взрадовался,
 Красотѣ ея дивовался:
 10. Хороша дѣвушка, румяна,
 По Нѣмецкому изубрана,
 На ней юбочка голубая,
 Душегрѣчка парчевая.
 Въ косѣ ленточка золотая
 15. До шелковаго поясочку,

- До Нѣмецкаго до чулочку,
 Графъ Румянцевъ говоритъ ей,
 Графъ Румянцевъ вопрошалъ ей:
 «Ты скажи, скажи, дѣвка Нѣмка,
 20. «Про свою силу про Нѣмецкую,
 «И поди ты въ Россію за мужъ
 «За моего сына за Ивана,
 «За Россійскаго генерала.»

- Дѣвка Нѣмка отвѣчала,
 25. На прямикъ ему сказала:
 — Не скажу я про нашу силу.
 — И не йду я въ Россію за мужъ
 — За твоего сына за Ивана,
 — За Россійскаго генерала.—

30. Графъ Румянцевъ разсердился,
 До безъ-милости распалился,
 Востру саблю обнажаетъ,
 Красну дѣвицу стращаетъ.

- Красна дѣвка испугалась
 35. И во всемъ ему спозналась:
 — Нашей силушки не много;
 — Я иду въ Россію за мужъ
 — За твоего сына за Ивана,
 — За Россійскаго генерала!—

(Прославск. Губернск. Вѣдомости 1872 г.; то же дословно повторяется въ образцахъ
 Оренбургскихъ и Саратовскихъ).

*

То же подъ Бендерами.

4.

(Ярала, губ. Сибирск.).

- Какъ подъ Бендеромъ мы стояли,
Трое сутокъ простояли,
Мы не пивали и не ѣдали,
Съ добрыхъ коней не слѣзали,
5. Мы бѣлу стѣну пробивали:
Бѣлой стѣны мы не пробили,
Короля въ домѣ не застали;
Королевишну ¹⁾ въ полонъ взяли:
Къ бѣлымъ шатрамъ привозили,
10. Предъ Румянцова становили.

- Румянцевъ князь дивовался,
Красотѣ изумлялся:
«Что это за дѣвица,
Бѣлолица, круглолица,
15. «Черноглаза, черноброва,
«Хороша больно уродилась!
«Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица:
«Я отдамъ тебя за мужъ
«За лучшаго генерала,
20. «За роднѣго моего брата ²⁾!»

(Записано Языковимъ).

*

¹⁾ Здѣсь возстановляется королевское достоинство, напоминающее Пруссію—²⁾ Здѣсь пѣсня уступаетъ дѣйствительной исторіи: женихъ—уже не сынъ его, а собратъ, лучшій Россійскій генераль. Черта эта важна и намъ пригодится.

Слѣдующій образецъ тѣмъ особенно важенъ, что въ немъ Румянцевъ, чего не нужно бы съ полонянковъ, предлагаетъ ей подписать контрактъ въ согласіи на обрученіе и бракъ: .

5.

(Москва).

Мы вечеръ въ торгу торговали.
Свинцу—пороху закупаали,
Мѣдвы пушечки заряжали,
Въ каменнѣ стѣнушку стрѣляли.
5. Красну дѣвицу въ полонъ брали

Красна дѣвица испугалася ¹⁾.
По Нѣмецкому изубрана,
По Россійскому изубрана ²⁾:
На ней шубочка голубая,
10. Душегрѣчка шелковая,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ко Румянцеву подводили ¹⁾:
«Ты пойдѣ, пойдѣ въ Роси ³⁾ за мужъ
«За любимаго моего сына,
15. «За Ивана Ивановича ¹⁾,
«За Россійскаго генерала.»
— Я не йду, не йду въ Росен за мужъ
— За любимаго твоего сына,
— За Ивана Ивановича,
20. — За Россійскаго генерала.—

Грабъ Румянцевъ разсердился,
Отъ безъ милости распалился.

Красна дѣвица испугалась:
— Я иду, иду въ Роси за мужъ
25. — За любимаго твоего сына,

¹⁾ Перебито.—²⁾ Совсѣмъ лишнее повтореніе и порча стиха.—³⁾ Если не испорчено, то древнее *Росъ*, *Роси* и *Роси*.

— За Ивановича за Ивана ⁴⁾,

— За Россійскаго генерала!—

«Красна дѣвица, распустился:

«Ты подай, подай листъ бумаги,

30. «Изъ кармашика карандашикъ ⁵⁾!»

(Запис. О. Л. Барыковымъ; ср. Якушк. „Нар. Р. пѣсни“ 1865).

* *

Такъ выдмалась вся эта пѣсня въ одинъ цѣльный типъ; творчество въ ней совершенно закончено, свобода творческая удовлетворена, удовлетворился и народъ: пусть не записывали и не печатали его пѣсни, считая небыллицей или безтолковщиной,—за то въ ней народу былъ просторъ и онъ обдѣлалъ произведение на всей своей волѣ, какъ душѣ хотѣлось. Могло этимъ повершиться и на всегда, безъ всякаго прямаго отношенія къ исторіи положительной и къ вышней ея правдѣ: внутренняя правда, удовлетворенная созданными образами, не нуждалась въ формальномъ оправданіи какимъ либо наружнымъ фактомъ, всего менѣе политическимъ. Говоря проще, Румянцевъ могъ въ послѣднее время не встрѣтить никакой полонянки, не женить сына, даже вовсе не имѣть его, особенно Ивана Ивановича, и красавицы Нѣмецкой могло не существовать въ дѣйствительности: творчество пошло въ началѣ отъ дѣйствительныхъ случаевъ и событій, имѣло основу реальную, точно знало Краснощокаго и Румянаго генерала, вѣдало объ ихъ подвигахъ,—и этого вполне было довольно, чтобы успокоиться на выработанныхъ послѣ того краскахъ и образахъ, шлодахъ не стѣснившейся фантазіи. Замѣйте при томъ, что пѣсня значительно отдѣлана, въ художественномъ отношеніи весьма законченна, какбы искусно выточена, складенъ ея размѣръ, въ мѣру всякое выраженіе и слово. Не заботясь дальше объ „исторіи“ въ нашемъ смыслѣ, народъ, какъ мы упоминали, сдѣлалъ себѣ изъ этого даже игру, хороводъ: ходить въ серединѣ (воображаемый) генералъ, ходить дѣвица-красавица,—и раскланиваются, утираются платочкомъ, разводять руками....

Судьба рѣшила, чтобы на этомъ не остановилось, этимъ не покончилось. Сперва по арміи, столь преданной любимому полководцу, потомъ по Москвѣ, всегда заинтересованной событіями въ царскомъ семействѣ, быстро и по всему отсюда народу, пѣвшему про Румянцева, разносится слухъ, что онъ ѣдетъ въ яную землю, по приказу Государыни, ѣдетъ съ Салтыковымъ—ниа, столь же знакомое пѣснямъ и Москвѣ (ср. выше старшаго Петра Семеновича), ѣдетъ къ знакомцу пѣсни и народа—къ тому же ро-

4) Такъ бы слѣдовало и выше.—5) Черта, которую нужно принять къ соображенію.

ковому Королю Прусскому, который так памятен, который задалъ такого страха на вѣчную память. Румянцевъ снова у Короля, этого хитраго и опаснаго чародѣя, въ Берлинѣ, гдѣ покупалъ свинцу-пороху, пробивалъ стѣну каменну... задумались, заговорили. Стало быть стоить, изъ за чего туда ѣхать: и точно стоить, онъ беретъ тамъ невиданную Нѣмецкую красавицу, обручаетъ за Россійскаго генерала царской крови, присутствующъ при брачномъ договорѣ, готовить для Россіи всей громкую свадьбу. *Румянцевъ сопровождаетъ единственнаго сына царицы и наслѣдника, Прускаго генерала Павла Петровича, и въ Берлинѣ присутствуетъ при его обрученіи съ Королевной (принцессою) Виртембергскою, Марьей Федоровной, племянницей Короля Прускаго (1776-й годъ).* Все, что издавна слагалось въ пѣснотворчествѣ народа для подобнаго случая и выше представлено нами въ образцахъ, всѣ образы, черты и краски воскресли, поднялись со дна души, заговорили громче, раздались въ пѣснѣ рѣшительнѣе. Образцы сложившіеся, съ ихъ вариантами, поколебались въ своей безграничн ой свободѣ разнорѣчій: наступила опредѣленность болѣе вышняя, та историческая, гдѣ каждое выраженіе и имя бьетъ прямо въ дѣйствительность, совладаетъ съ непререкаемой и ослзательной былью. Образцы, говорятъ, поколебались въ прежнемъ произволѣ: они выиграли точностью, вновь забытыми незначительными чертами,—отъ того помнута выработка, которая довела искусство до конца. Отъ того кое-гдѣ, по образцамъ, Королевную увидать уже *Марьюшка* (ср. на примѣръ выше у насъ № 11); отъ того въ другихъ (ср. № 19) она является „молодой снохою,“ невѣсткою Короля; отъ того и выше иногда пѣвнющая герой, какъ здѣсь Румянцевъ, дѣлится на двохъ лицъ (ср. № № 24 и 25); отъ того получилъ смыслъ „единственный сынъ,“ за котораго сватають (въ одной пѣснѣ, у насъ № 11, выведенъ „сынъ“ и при Краснощокѣвѣ); отъ того въ иныхъ не только онъ „Россійскій генералъ,“ но „генералъ лучшій,“ и уже не сынъ Румянцева, а собрать его; отъ того онъ, не по отцу, съ вымышленнымъ именемъ, *Иванъ Ивановичъ*, какъ „сѣверный графъ,“ никогдѣ, подѣ которымъ ѣздилъ за границу Павелъ; отъ того рѣчь о „распискѣ,“ контрактѣ. Вотъ какъ слагаются „Историческія“ пѣсни изъ чистаго „Эпоса“ или богатырскихъ „Былихъ,“ а послѣднія изъ прочихъ пѣсенъ по мотивамъ окружающей дѣйствительности: передъ вами весь процессъ, которымъ можете повѣрить старшіе и позднѣйшіе образцы. Печать пѣсенниковъ смолкла передъ такимъ исходомъ, совершившимся на глазахъ: историческое событіе было такъ свѣжо и крупно именовано, а кажущаяся прежняя безтолковщина пѣсни такъ разительна, что, по извѣстному намъ опасенію, побоялись сочетать ту и другую сторону въ печатномъ образцѣ. Тѣмъ не менѣе, не глядя на литературу, пѣсня устная продолжала пѣть и дорабатывать: оказалось, уже не въ бровь, а въ самый глазъ исторической дѣйствительности, что Королевна, согласившись на замужество, *пригласила самого Короля для свадьбы*, чего не сдѣлала бы простая полонянка со скромной участью,

хотя бы шла за сына Румянцева, и пригласила *привзати*, стало быть свадьба въ Россіи; еще больше—*разсмѣляются письма по всей Россіи, есл она приглашаетъ на веселье*, а такое общее народу веселье случалось лишь при свадьбѣ царской, и точно, самъ Румянцевъ, какъ названный отецъ, по обороту намъ знакомому, именуется уже „царемъ“, „Румянъ-царемъ (какъ Красношюкій король)“. Дальше нечего спрашивать, передъ нами пѣсня—

Обрученіе Павла Петровича

и

Маріи Федоровны

въ Берлинѣ.

Румянцевъ сватомъ и сходатаемъ.

6.

(Губ. Московской, у. Можайскаго, с. Милитина).

Мы вечеръ въ торгу торговали,
Свинцу-пороху закупаемъ,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменнѣ стѣнушку стрѣляли,
5. Короля въ глаза не видаемъ:
Красну дѣвицу въ полонъ взяли,
Ко Румянцеву подводили.

Графъ Румянцевъ дивовался,
Красотѣ ея любовался:
10. Хороша дѣвушка, румяна,
По Нѣмецкому изубрана,
На ней шубочка голубая,
Душегрѣчка парчевая,
Въ косѣ ленточка золотая.
15. «Ты позволъ ¹⁾ съ нами говорить,

¹⁾ См. выше.

- «Про мою силушку спросити,
 «Про свою армию сказать ¹⁾;
 «Ты поди, поди, въ Россеею ²⁾ за мужь
 «За любимаго моего сына,
 20. «За Ивановича Ивана,
 «За Россейскаго генерала ³⁾!»

- Не хочу съ вами говорити,
 — Я не йду, не йду въ Россеею за мужь
 — За любимаго твоего ⁴⁾ сына,
 25. — За Ивановича Ивана,
 — За Россейскаго генерала.—

- Графъ Румянцевъ разсердился,
 Онъ безъ милости распалился,
 Востру сабельку вынимаетъ,
 30. Красну дѣвушку онъ стращаетъ.

- Красна дѣвушка испужалась,
 За Румянцевымъ погонялась:
 — Ужь ты батюшка, графъ Румянцевъ!
 — Ты позволъ со мной говорити,
 35. — Про мою армию спросити,
 — Про свою силушку сказать;
 — Я иду, иду въ Россеею за мужь
 — За любимаго твоего сына,
 — За Ивановича Ивана,
 40. — За Россейскаго генерала!—

- Мы со вечера спать ложились,
 По утру мы рано вставали,
 Ключевой водой умывались,
 Шелковымъ платкомъ утирались.
 45. Началъ дѣвица писати,
 Королю письмо отсылати:

¹⁾ См. выше.—²⁾ Первое изданіе „въ Россіи.“—³⁾ Перв. изд. „За Россійскаго генерала.“—⁴⁾ Перв. изд. „твое.“

- Пріѣзжай ⁵⁾ ты, Король, на свадьбу,
- Къ любимому своему сыну.
- Ко Ивановичу Ивану!—

(Скотница Аннушка; Запис. П. В. Шейномъ, въ 1-мъ изд. 1859, потомъ 1870 г.—То же, по усмотренію собирателя, поется въ губ. Тульской и Калужской).

*

Слѣдующій образецъ, обращенный въ хороводъ, по обычаю сего послѣдняго, изъ Берлина сдѣлалъ такъ сказать „общій“ или „отвлеченный“ хоръ, столь любимый у насъ въ подобныхъ случаяхъ,—Китай:

7.

(Губ. Витебской).

- Какъ во городѣ во Китаѣ,
Тамъ ходилъ графъ Румянчикъ ¹⁾,
Выбиралъ себѣ красну дѣвушку.
Выбиравши ея, любовался,
5. Красоты ея дивовался:
Хорошо дѣвушка убрана,
По Нѣмецкому разубрана,
На ней шубка шелковѣя,
Копубѣчка пальцевѣя ²⁾,
10. Въ косѣ ленты шелковѣя.
«Позволь, дѣвушка, спроситься,
«Вашей силушкѣ доложиться ³⁾;
«Пойдешь ли, дѣвушка, въ Россію за мужъ
«За любезнаго моего сына,
15. «За Ивановича Ивана,
«За Россійскаго капитана?»

⁵⁾ Первое изданіе „Пріѣзжалъ,“ и кажется лучше, т. е. „пріѣзжалъ бы ты (обыкновенная форма при убѣжденіи и повелѣніи, особенно частая у Сербовъ).“

¹⁾ Румяный, какъ Краснощокъ—краснощокій.—²⁾ Кудавейка (коротышка) вязаная въ пальцахъ, кружевная.—³⁾ Указать о вашей силѣ: ср. выше.

- Я не иду ⁴⁾, не иду въ Россеею за мужь
 — За любезнаго твоего сына,
 — За Ивановича Ивана,
 20. — За Россейскаго капитана.—

Графъ Румянчикъ разсердился,
 Не по милости ⁵⁾ распыллся,
 Онъ узялъ востру саблю,
 Онъ стращаль красну дѣвку.

25. Красна дѣвка оробѣла,
 Съ бѣлаго ⁶⁾ личика сполотнѣла ⁷⁾:
 — Я иду, иду въ Россеею за мужь
 — За любезнаго твоего сына,
 — За Ивановича Ивана,
 30. — За Россейскаго капитана!—

Вынималъ же графъ Румянчикъ
 Пакъ ⁸⁾ бумаги, со кармаца карандашъ ⁹⁾,
 Началъ писемцы писать,
 По Россееюшкѣ разсылать:
 35. «Ты пожалуй-ка, Россеея,
 «Къ Румянъ-царю ¹⁰⁾ на веселье ¹¹⁾!»

(Ср. „Р. нар. пѣсни“ П. В. Шейна, ч. I, 1870).

Этимъ кончаются у насъ всѣ народныя устныя пѣсни съ участіемъ Румянцова или изъ его эпохи.

Сравните еще только въ V-мъ выпускѣ отд. VII, стр. 179, гдѣ имя Румянцова взято *вмѣсто* Волконскаго и подобныхъ.

* * *

Между тѣмъ, еще до второй Турецкой войны, въ потокъ событій, воспѣныхъ пѣсней, врѣзался *Музаичесъ*. Пѣсней, объ дамѣ немногой и не наша задача отыскивать здѣсь „политическія движенія“ Русскаго народа, слово за или *противъ*, оправданіе или порицаніе. Не только Разинъ оставилъ намъ свою пѣсню и *пѣсни Разинцева*, но не отказалъ народъ въ этой знаменательной собственности даже Камяу: у Пугачева, отъ лица его и за него

⁴⁾ „Нейду?“—⁵⁾ Онъ безъ милости.—⁶⁾ Д. б. „съ бѣла.“—⁷⁾ Побѣднѣла.—⁸⁾ Пачку.—⁹⁾ Д. б. „карандашикъ.“—¹⁰⁾ Такому же, какъ выше „краснощокій король.“ Но здѣсь еще намекъ на „царское дѣло.“—¹¹⁾ На свадьбу.

отъ народа—нѣтъ себѣй пѣсни. Народу въ пѣснѣ представляется онъ счастливымъ гулящимъ человѣкомъ, на котораго чешутся руки, либо разбойникомъ-преступникомъ, либо „несчастливымъ,“ либо даже смѣхотворомъ: геройской черты ни одной и хоть какого либо подъема помысла, способнаго настроить творчество величавѣе — не видно нигдѣ. Просто Пугачевъ — и концы въ воду.

Милиція въ войсѣ Яицкомъ.

1.

(Губ. Оренбургской).

- По славной было по низовой лини
И при славномъ было при Красноярскомъ форпостѣ,
Собиралось небольшо войско Яицко.
Прибѣгалъ къ войску скорой курьеръ.
5. Матвѣюшка сынъ Петровичъ
По фамили Шубиченковъ;
Привозилъ отъ Государыни повелѣньице:
Объявилъ войску службу лиціонну.
Тутъ восплакнули всѣ козаки горючими слезами:
10. «Знать мы, добрые молодцы, передъ Господомъ согрѣшили,
«Милосердой Государынѣ прослужились!»
- Собиралися козаки во единый кругъ,
Они думали крѣпкую думу за одну:
«Нѣтъ ли изъ насъ, козаковъ, таковыхъ добрыхъ молод-
цевъ,—
15. «Вхаты къ Государынѣ съ челобитною,
«Просить о службѣ лиціонной ¹⁾?»
- Гой еси, милостивая наша Государыня!
— Въ честь мы тебѣ прослужились.
— Или гдѣ измѣну сдѣлали?
20. — Не можно ли отиѣнить службу лиціонну,
— Намъ, войску Яицкому?

¹⁾ За симъ уже слова посланныхъ.

— Заставь, наша матушка, за себя Богу вѣчно молиться!—
 Принимала Государыня просьбу слезну отъ войска Яицкаго
 И простила во всѣхъ винахъ,
 25. И отмѣнила войску Яицкому службу лиціонну.

(Сообщено В. Н. Далека).

* *

Пѣсня въ этомъ образѣ не кончена; она продолжается въ слѣдующемъ
 (который зато при пѣніи и записываніи лишень былъ началомъ):

Пугачевъ.

1.

(Губ. Сибирской, Головинно).

Въ тѣмъ Сударыня ¹⁾ простила ²⁾,
 Жить по старому пустила.
 Полтора года страдали:
 Всѣ царя себѣ искали.
 5. Нашли себѣ царя—
 Донскаго козака,
 Емельяна Пугача
 Сынъ—Ивановича.

Онъ со силой собрался,
 10. Подъ Гурьевъ поднялся:
 Стрѣльба была несносна,
 Стоять было не можно.
 Онъ видитъ, что не взять:
 Воротился въ задъ.
 15. Съ большою силой собрался,
 Подъ Яикъ поднялся:
 Подъ Яикъ подходилъ,
 Баталицу сочинилъ.
 Они зачали палить,

¹⁾ Государыня Екатерина.—²⁾ Козаковъ.

20. Силу-армію валить.

Изъ Яика-городка
Протекла кровью рѣка,
Крутыя горы закачались,
Сыра земля затряслась;

25. Сыра земля затряслась,
Мелка рыба внизъ пошла,
Мелка пташка со гнѣзда.
Мелка пташка со гнѣзда ²⁾
Укрѣпила Пугача

30. Сынъ-Ивановича.

(Записано Ямковымъ).

*

2.

Въ Оренбургѣ, на Яикѣ и Самарѣ.

(Губ. Симбирск., у. Корсунскаго, выселокъ Александровъ).

Охъ ты батюшка, Ленбурхъ городъ!
Про тебя, Ленбурхъ, идетъ славушка,
Слава добрая, нарѣчье хорошее:
Будто ты, Ленбурхъ, на красѣ стоишь,
5. На красѣ стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, на желтымъ пескѣ,
На желтымъ пескѣ разсыпчатымъ,
На трехъ рѣчушкахъ, да на устьицахъ ¹⁾.
Да первая рѣчушка течетъ—Самарушка,
10. Другая рѣчушка—Яикъ-рѣка,
Третья рѣчушка—Ураль-рѣка:
По Ураль-рѣкѣ живутъ Козаченьки,
По Яикъ-рѣкѣ Калмыченьки,

²⁾ Какъ выше „малютки“ новобранцы, новые сообщники.

¹⁾ Обыкновенное начало при обращеніи ко многимъ городамъ, особливо Волжскимъ, Ярославлю и т. п.

По Самарушкѣ живутъ Татарушки.
15. По Уралу гулялъ генераль Пугачь.

Какъ во матушкѣ было во каменной Москвѣ,
Молодой—то солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, себѣ рѣчи говорить:
«Не дають—то мнѣ, доброму молодцу, волюшки—
20. «Во Ленбѹрхъ сходить, Пугача убить!»

(Ср. сборникъ П. В. Шейна, 1-го изданія. — «Дальше, къ сожалѣнію, пѣвецъ не поминалъ,
а говорить, что пѣсня довольно долгая.» Запис. отъ К. Ослова).

*

3.

(Губ. Оренбургской).

Изъ за лѣса—лѣса темнаго
Не была зоря занималася,
Не краснѣ солнце выкаталося:
Выѣзжалъ туто добрый молодець,
5. Добрый молодець Емельянъ козакъ,
Емельянъ козакъ сынъ Ивановичь.
Подъ нимъ добрый конь—сивъ—буръ—шахматный ¹⁾,
Сѣва гривушка до сырѣи земли.
Онъ идетъ—спотыкается,
10. Вострой сабелькой подпирается,
Горючѣи слезми заливается ²⁾:
«Что ты, мой добрый конь, рано спотыкаешься ³⁾?
«Али чайшь ⁴⁾ надъ собой невзгодушку,
«Невзгодушку, кроволитьце?»
15. Мы билися троя суточки,
Не пиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи.

(Сообщено. Очевидно не кончало, только начало).

*

¹⁾ Въѣсто „космать.“—²⁾ Изображеніе переходитъ отъ коня на самого
козака. —³⁾ Д. б. „Что ты, добрый конь, спотыкаешься?“—⁴⁾ Чаешь.

4.

Судъ надъ Пугачевымъ. Панинъ.

(Губ. Симбирской, Головино).

Судилъ тутъ графъ Панинъ вора Пугачева:
«Скажи, скажи, Пугаченька, Емельянъ Иванычъ,
«Много ли перевѣшалъ князей и боѳрей?»

— Перевѣшалъ вашей братьи семь сотъ семи тысячь.

5. — Спасибо тебѣ, Панинъ, что ты не попался:

— Я бы чину-то прибавилъ, спину-то поправилъ,

— На твою-то бы на шею варовинны ¹⁾ возжи,

— За твою-то бы услугу повыше подвѣсилъ!—

Графъ и ²⁾ Панинъ испужался, руками сшибался ³⁾:

10. «Вы берите, слуги вѣрны, вора Пугачева,

«Поведите—повезите въ Нижній городочекъ,

«Въ Нижнемъ объявите, въ Москвѣ покажите ⁴⁾!»

Всѣ Московски сенатѳры не могутъ судити ⁵⁾.

(Отъ Ламкова).

*

5.

**Поѳздъ въ Москвѣ. Пугачевъ
и сообщники.**

(Губ. Орловской, у. Малоархангельскаго).

5.

По морю по Латынскому ¹⁾,

Тамъ плывутъ два насада,

¹⁾ Варовые, помягче и порастяжице —²⁾ Только для стиха и.—³⁾ Всплеснуть.—⁴⁾ Накажите?—⁵⁾ Не дается судъ: всѣмъ ловкѣй и рѣзкѣй отвѣтъ.

¹⁾ Съ тѣхъ поръ какъ, съ Петра, море Вереѣское — Латынское сочеталось съ прочими Русскими, имя его переносится на другія и обратно (ср. вми. 8).

Два насадника, два зеленыхъ.

На насадикахъ сидятъ люди,

5. Сидятъ люди, все Рязанцы,

Все Рязанцы, все Казанцы.

На цѣпяхъ они крѣпко прикованы:

Какъ одинъ Рязанецъ не прикованъ,

По насадику гуляють,

10. Во звончатія во гуслицы игрантъ,

Насъ невольничковъ забавляють:

«Ужь вы братцы, вы Рязанцы!

«Мы поѣдимъ по матушки ²⁾ по морю,

«Мы прѣйдемъ у матушку у Москву,

15. «Мы кѹнимтя сибѣ Бога ³⁾—

«Николая Угодника Чудотворца,

«А мы станимъ ему Господу молитца:

«Авось Господи насъ протити!»

(Завис. П. И. Якушкинымъ).

✱

Поѣздъ къ Москвѣ встрѣтился по сказанію, какъ мы знаемъ, съ ѣхавшимъ въ ссылку Андреемъ Селивановымъ: оба Петра Третьихъ; „и повезли,—на годо шпаги, у мужиковъ деревенскихъ у всякого была палка въ рукахъ, и деревенскія бабы провожали отъ деревни до деревни. Въ ту пору, когда Пугачева везли, и онъ на дорогѣ встрѣтился: и его провожали полкъ полкомъ, и подъ великимъ везли карауломъ, а меня (говоритъ Селивановъ) везли вдвое, и весьма строго везли. И тутъ, который народъ меня провожалъ, за нимъ пошли, а которые его провожали, за мной пошли.“ Ср. выше при Каинѣ.

6.

Судьба Пугачева.

(Губ. Калужск., у. Боровскаго, с. Слобода).

Ужь при славной было при царицѣ,

При матушкѣ при царицѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ,

Ужь весь—то народъ Русскій жилъ во счастьяцѣ,

²⁾ *Моя*, женскаго рода.—³⁾ Икону.

- Во счастьяцѣ, во раздольицѣ, во богатемъ житью.
 3. Ужь какъ всѣ-то купцы себѣ домъ накопили,
 А бѣдные-то ни въ чемъ нужды не видали:
 Всѣ жили и молили за царицу.
 За матушку Катерину Алексѣевну.

- Но вдругъ ¹⁾ настало время злое,
 10. Время злое, несчастливое:
 Ужь какъ нанесло-то вихремъ ¹⁾
 На святую Русь бѣду пагубную ¹⁾,
 Бѣду пагубную, не минуемую.
 Проявился у насъ на славной на землѣ,
 15. На славной на землѣ, на святой Руси,
 Проявился воръ-собака, проклятыи челоуѣкъ,
 Проклятыи челоуѣкъ, Пугачевъ козацкiи сынъ.

- Ужь какъ этотъ-то собака вздумалъ по Руси гулять,
 Вздумалъ по Руси гулять, а себя царемъ казать.
 20. Много казнилъ, много вѣшалъ, много гóловы рубилъ,
 Много головы рубилъ и во ямушки валилъ.

- Какъ пымали-то собаку во чистомъ полѣ,
 Привезли эту собаку во Москву-городъ гостить,
 Во Москву-городъ гостить, буйну голову рубить.
 23. Какъ казнили-то собаку на главной площадѣ,
 Ужь казнили, пятарили, буйну голову срубили.

(Записано самимъ П. В. К.—мъ отъ 70-лѣтней старухи Катерины Андреевны).

*

Пѣвица или, лучше, пересказчица намъ извѣстная: она сообщила Петру Васильевичу и другiя историческiя пѣсни, и много Стиховъ (жила подъ конецъ въ Москвѣ, въ Рогожской; см. прежнiе выпуски, особенно 7-й). Усердная, памятливая, говорливая: но скучная и тяжелая. Всѣ у нея вышло „бабьей старинной:“ нахватаю изъ разложившихся былинъ, растянута, не сложено въ цѣлости народомъ, а пересказано за ново усхиѣмъ умблôй разказчицы. Нельзя этого вытолкнуть изъ области народной: похьяи и принять иначе, какъ что-то натянутое и искусственное.

¹⁾ Не народно.

Таковъ же, совершенно съ обратной стороны, и слѣдующій образецъ: хотѣлось чѣмъ-то наошбить, усиленное смѣхотворство. Имя Пугачева взято на прокатъ и въ шутку.

7.

**Пугачь-Мигачь
въ Астрахани и въ Москвѣ.**

(Москва).

- Что во славномъ было городѣ—Астраханѣ,
Вдоль по улицѣ Мигачь¹⁾, вдоль по шірокой Мигачь,
Вдоль по шірокой Мигачь всё похаживать,
И онъ съ ножки на ножку прыскакиваетъ,
5. Онъ сапогъ объ сапогъ покалѣчиваетъ,
Ко дѣвичьему двору приворачиваетъ.
«Ахъ дѣвичья красота, засушила ты меня,
«Засушила ты меня: отпирай воротъ,
«Отпирай воротъ, пропускай Мигача,
10. «Пропускай Мигача сына Ивановича²⁾!»
И онъ скокъ на крыльцо, и онъ брякнулъ въ кольцо³⁾
Что во то ли кольцо въ⁴⁾ серебряное,
Во серебряно колечко, позолоченое.
Красна дѣвка выходила—прибранивала,
15. Отпирала ему—приговаривала:
— Ахъ ты гдѣ, Мигачь, бывалъ и ты что, Мигачь, слыхалъ,
— И ты что, Мигачь, слыхалъ, что, Ивановичъ, видалъ?—
Въ⁴⁾ Москвѣ Мигачь бывалъ, три диковинки видалъ,
Три диковинки видалъ: саламату ѣдалъ⁵⁾,
20. Саламату ѣдалъ, и съ дѣвѣцами гулялъ,
И съ дѣвѣцами гулялъ, съ молодницами бывалъ⁶⁾.

¹⁾ Мигачь—что подмигиваетъ, волокита; передѣлано, для замаскировки, изъ Пугача (Филина), какъ у Малоруссовъ (ср. ниже).—²⁾ Какъ Емельяна Ивановича.—³⁾ Д. б. „бракъ во кольцо“.—⁴⁾ Д. б. „во.“—⁵⁾ Кашицу, розги, плети, казни.—⁶⁾ Въ Астрахани не успѣлъ и только всего успѣлъ въ Москвѣ: вотъ краткій, „отвлеченный“ смыслъ.

Молбдушка молодѣ, бѣлолица, хороша:
 У ней ѳсмеро въ запасѣ, на девятаго глядѣть,
 На девятаго глядѣть, по десятаго пошлѣть,
 25. А десятой—тотъ придетъ и еще приведетъ.

(Цѣс. Новиковскій и образцы устны).

Ср. Пугача ниже у Малоруссовъ.

* * *

Тенерь продолжаемъ народную пѣсню тогдашней Русской славы, преванную бѣло, по обычаю XVIII вѣка, безобразіемъ.

Война Союзниковъ противъ Турокъ.

Вторая Турецкая война

1.

(Москва).

Пишетъ Князь Цесаринъ ¹⁾ къ Государынѣ въ Москву:
 Ты Росейская Сударыня, ты пожалуй мнѣ силы войскою ²⁾,
 «Силы войскою двадцать пять полковъ!»
 А Сударыня съ сенаторами думу думала,
 5. Она думала думу крѣпкую за единое:
 Набирала она силу войскою двадцать пять полковъ.
 Набравши она силушку, перправлять стала
 Черезъ матушку черезъ рѣченьку, черезъ Тихій Донъ.
 Переправивши свою силушку, въ строй поставила.
 10. Въ строй поставивши. Государыня перекликала:
 — Охъ вы гой еси, князья со боярами!
 — Послужите вы вѣрою—правдою Князю Цесарину,
 — Съ бѣлокаменной стѣною—со пѣхотою,
 — Со свирѣпыми людьми—со гусарами,
 15. — Со проворными людьми—со Калмыками!—

(Въ вѣсколькихъ обрацатъ):

* * *

¹⁾ Цесарь, Австрійскій.—²⁾ О словѣ „войскій“ выше.

Такъ какъ, мы знаемъ, Турецкая война въ пѣсняхъ непосредственно связуется съ предидущей войною Прусскою, носему и слѣдующій образецъ начинается съ Берлина: „Тутъ восту́жился—восплакался Самъ Прусскій король (напечатано у насъ выше при Краснощокѣхъ № 20).“ И только послѣ этого переходъ къ Очакову:

2.

Очаковъ. Потемкинъ.

(Губ. Сибирской).

.....

Какъ возгворилъ Князь Потемкинъ
Своимъ дѣтямъ солдатушкамъ:

«Начинайте—ка, ребятушки,
«Съ Божьей помощію!»

5. Заряжали солдатушки первую бомбу:

Первую бомбу бросали,—не добросили;
Вторую бомбу потрудились ребятушки,—
И за стѣны бѣлокаменные перебросили,
Но стѣнь бѣлокаменныхъ не зажгли;

10. Третью же бомбу бросили,—Очакъ—городъ зажгли.

Тутъ возрадовалися Русскіе солдатушки.
Не золотыя трубушки вострубили,
Не серебряны свивочки заигрывали.

*

3.

(Оттуда же).

Далеченько—далеченько въ чѣстошъ полѣ,
А еще того подалѣ во раздольи,
Не бѣлые свѣжочки забѣлѣлися,
Забѣлѣлся князь Потемкинъ съ своей силой,
5. Забѣлѣлися знамена—знамя царскія.

- Какъ Потемкинъ князь по лагеряиъ гуляетъ,
 Онъ солдатамъ—своей силѣ—честь воздаваетъ.
 Свинцу—пороху Потемкинъ закупаетъ ¹⁾,—
 Чтобы были у солдатовъ ружья чѣсты,
 10. Пистолеты бы были у солдатовъ заряжены,
 Чтобы сабли были у солдатовъ припасены:
 «Стрѣляйте-ка, солдаты, не робѣйте,
 «Свинцу—пороху государева не жалѣйте,—
 «Кабы Боже намъ поможе—Очакъ—городъ взяти!»
 (Отъ Языкова).

*

4.

(Губ. Моск., у. Звенигор., Воронеж).

- Какъ подъ славнымъ подъ городомъ подъ Очаковымъ
 Собиралася силушка—армія царя Бѣлаго.
 Они лагеря занимали въ чистое поле,
 А палатки разбирались по лиманту ¹⁾,
 5. Они пушечки—манерочки становили,
 Они шанцы—батареи покопали,
 Предводителя графа Потемкина обжидали.

- Предводитель графъ Потемкинъ приказъ отдасть,
 Во второмъ часу ночи приказъ отдасть:
 10. «Ужь вы млáды ёгори, надѣвайте бѣлы вы платье;
 «Ужь у насъ заўтра на праздникъ на Миколу
 «Съ Турками штурмъ будетъ!»

- Становились мы при мхахъ—при болотахъ,
 Много голоду и холоду принимали,
 15. Подъ Очакъвъ—городочикъ подходили,
 Бѣлокаменныя стѣны пробивали,
 Барабанщики на бѣлокаменну стѣну влѣзали,
 Влѣзали и отбой отбивали.

¹⁾ Черта старая: см. выше.²⁾ По лиману.

Что Очаковъ городъ взяли, взяли,
20. Закричали: «ура! ура!»

Ключи намъ на золотомъ блюдѣ выносили,
Намъ отъ всѣхъ вратъ ключи выносили:
Слава, слава! Весь Турецкій городъ взяли,
Что всѣ Турки подъ нашею властью стали,
25. Что Очаковъ городъ взяли!

(Запис. П. В. К.—мъ 1833. Авг. 19).

*

Слѣдующій образецъ не много сбивается на „сочиненный“ О полѣ Буд-
ладкомъ и известный „Не спиши ты, зима:“

5.

(Яраки, губ. Самбирск.).

Поле-поле чистое,
Широкò поле Турецкое,
Что Турецкое-Нѣмецкое ¹⁾!
Когда, поле, перейдемъ тебя,
5. Горы-долы перевалимся,
Быстры рѣки переправимся?
Мы дойдемъ-дойдемъ до города,
До города до Очакова:
Становимся въ зеленыхъ лугахъ,
10. Въ зеленыхъ лугахъ подъ грушею,
Подъ яблонькой подъ кудрявою.

Тутъ Потемкинъ князь похаживаетъ,
Своей арміи приказываетъ:
«Солдатушки наши батюшки!
15. «Вы стойте грудью бѣлою,
«Грудью бѣлой, неизмѣнною ²⁾!»

¹⁾ Нѣмецкое поле перешло сюда изъ Пруссіи, какъ Латышское-Вереж-
ское къ Черному и Каспійскому: см. выше.—²⁾ За симиъ начале известной
сочиненной пѣсни, два стиха.

Не спиши, зима съ морозами:
 Не замѣна ты Очакову!
 На Николу было въ среду,
 20. Не громъ гремитъ передъ тучами,
 Не молнія блеснитъ передъ дожджичкомъ:
 Загрѣбли пушками наши солдатухки,
 Повалились башни каменны,
 Потопляла кровь Турецкая и Нѣмецкая ³⁾.

(Отъ Ямкова).

*

Теперь снова въ Очаковѣ предстанетъ намъ знакома „Дѣвида-Королева“, какъ представительница города, защитница, а потомъ предательница изъ любви къ пришельцу-завоевателю; пришелецъ же, представитель Руси, „Добрый Молодецъ.“ Кромѣ предыдущихъ ближайшихъ примѣровъ, здѣсь есть и другіе старшіе: послѣ связи съ женою князя Волконскаго, Елена Прекрасная и Настасья Королева Литовская. Образцы, ихъ касающіеся, крайне схолимы съ подлежащимъ (кромѣ имени Очакова), изъ разряда „Безымянныхъ, Молодецкихъ“ въ достаточномъ обиліи предложены нами: въ вып. 5-мъ цѣлый отдѣлъ VI, особенно № 6, 7 и 8; въ вып. 7-мъ стр. 40—44, особенно №№ 1 и 2, съ объясненіями.

6.

(Губ. Оренбургской).

Перезябъ я, Добрый Молодецъ, передрогъ,
 Въ одномъ полушубкѣ, и то на распашечку,
 Стоячи я, братцы, у стѣнки бѣлокаменной ¹⁾:
 У стѣнушки ворота больно-крѣпко заперты,
 5. Заперты, запечатаны.
 Караульные солдаты больно-крѣпко спятъ:

³⁾ Какъ и поле Нѣмецкое, и море Верейское: ср. выше.

¹⁾ Вспомните, какъ долго стояли и зябли наши подъ Очаковомъ: такова участь и нашему представителю, Доброму Молодцу, а отсюда перенесеніе на другіе образцы (указанные выше), гдѣ по видимому совсѣмъ не кстати встрѣчаемъ описаніе страшныхъ морозовъ передъ лицомъ Елены Прекрасной и Настасьи Литовской.

Наѣхала наша сила Россійская,
Поколола солдатъ караульныхъ.

Выходила изъ палатъ Королевна

10. И выносила ключи золотые,
Отворяла ворѣты широкіе:
«Ступай, батюшка, Православный Государь ²⁾,
«Во мой ³⁾ крѣпкій городъ Очаковъ!
«Не губите, не рубите мою силушку:
15. «Пусть покорна я буду вамъ ⁴⁾!»

(Доставлено В. Н. Далемъ).

*

7.

(Москва).

- Перезябъ-то я, передрегъ Добрый Молодецъ,
Въ коротенькой одѣжѣ, въ полушубочкѣ,
Во сафьянныхъ во сапожкахъ, во портяночкахъ,
Стоячій, братцы, подъ стѣной бѣдокаменной,
5. Глядячій, братцы, на городъ на Очаковскій.
Какъ во славныемъ во городѣ во Очаковѣ
Крѣпко заперты ворѣтчики, запечатаны,
Караульные солдатушки очень крѣпко спятъ,
Очень крѣпко спятъ, не пробнута.
10. Къ сраженьицу служивые не готовятся ¹⁾.

Ахъ вы братцы мои, вы товарищи,
Мы сразимся всѣ по Россійскому!
Какъ со полома очи наши стали красныя,
А на личикахъ ²⁾ служивые стали черныя,

²⁾ Здѣсь истолковано на примыкъ: Королевна выпускаетъ Русскую армию и Царя.—³⁾ Городъ ея, Королевны.—⁴⁾ Она представительница горда и всей его силы, говорить за нихъ.

¹⁾ За сѣмъ переходъ отъ представителя ко есмю солдатахъ.—³⁾ Личиками.

15. Со прикусочки ³⁾ уста наши прихватились.

Съ большихъ маршовъ рѣзвы ноженъки спотыкались!

(Въ нѣсколькихъ образцахъ).

Не кончено: за симъ-то и выходитъ изъ воротъ Королева.

*

8.

(Сибирскъ).

Подъ городомъ подь Очаковымъ

Стоялъ Молодецъ подь стѣнкою бѣлокаменною.

Какъ у города у Очакова

Ворѣты крѣпко заперты,

3. Крѣпко были запечатаны,

И караульны солдаты крѣпко снить,

Служивые не прѣснутя.

Одна не сыпала красна дѣвка,

Красная дѣвка—Королевская дочь.

10. Восходила же красная дѣвка

Поздо во свою нову горницу.

Брала она со столика золотые ключи,

Отпирала отъ города отъ Очакова ворѣтчки,

Выпускала во ворѣтчки друга мѣлаго,

15. Называла его «дружокъ миленькій,»

Взвеличала «дружокъ батюшка.»

Услыхала это Королева-матушка:

— Охъ ты с... б... полубѣщица!

— За чѣмъ же ты всходила поздно въ нову горницу,

20. — На что брала со столика золоты ключи,

— На что ты отпирала отъ города,

— Отъ города отъ Очакова ворѣтчки,

— Кого же ты пускала во ворѣтчки,

— И кого называла «дружкомъ миленькимъ,»

25. — И кого взвеличала «дружокъ батюшка?»

(Записано Дн. А. Валуевымъ).

³⁾ Не дождали, только успѣвали прикусывать.

Не кончецо. По другимъ образцамъ (см. прежніе выпуски) слѣдуютъ обстоятельные отвѣты Королевыи, притворства ея, а наконецъ прямая княжна вѣсть съ городомъ въ пользу милаго.—Въ практическомъ быту переходномъ, какъ мы упоминали, этому отвѣчаютъ, весьма часто помогающія, интриги полководцевъ, офицеровъ и солдатъ съ жителями города.

Теперь закончимъ отрывкомъ, который по видимому сдѣланъ дѣло съ первою Турецкою войной и подвигами нашего оцета:

9.

(Сызрань, г. Сызбарск.).

Подъ славнымъ было подь городомъ подь Очаковымъ,
Тутъ ходить—тутъ гуляетъ младъ Туретчанинъ,
Глядитъ—то младъ Туретчанинъ на синѣ море:
И что по синю морю за корабль плывѣтъ,
5. На корабличкѣ стоитъ деревцо купарисовое,
На деревцѣ тонки снасточки все шелковыя,
А на снасточкѣ виситъ рѣица позолоченая,
На рѣицкѣ тонки парусы, парусы,
На кормѣ сидитъ самъ хозяинъ приружнѣе всѣхъ...

(Отъ Языкова).

Этимъ кончаютъ народныя устыи пѣсни съ Очаковымъ.

* * *

10.

Сборы Дондовъ къ Вендерамъ,
Потемкинъ.

(Земля Войска Донскаго).

Пишетъ—пишетъ Потемкинъ князь къ Исаеву,
Чтобъ былъ готовъ Исаевъ въ легкую партію.
Позамедивши немножко, онъ еще прислалъ
Къ любимому есаулу Филипу Ивановичу,
5. Филипу Ивановичу Араканцеву,
Чтобъ взялъ козаковъ изъ семи полковъ,
Изъ семи полковъ, что ни лучшихъ.

- Шошь—прошошь Араканцевъ подь Бендеръ—городъ.
 Не дошедши до Бендеръ, Араканцевъ становился.
10. Потревожилъ онъ всю армяюшку Турецкую,
 Потревоживши армяюшку, на отводъ пошолъ.
 Тутъ-то Араканцева больно ранили:
 И падаеть Араканцевъ коню на чернѹ гриву.
 А съ чорной гривы на сырѹ землю.
15. Съ сырѹи земли Араканцевъ подьмается,
 На любимыхъ своихъ станичниковъ оглядаеться,
 На острую—то свою саблю опираеться:
 «Ой вы, станичники мои любимые,
 «Подводите ко мнѣ коня моего черногриваго!»
- (Ср. сборн. г. Савельева 1866 г.).

* *

11.

Бендеры и Суворовъ.

(Тульск. губ. в уѣздѣ).

- Какъ у насъ было за городомъ за Вендѣрой,
 Не двѣ тучевки не двѣ грозныя онѣ выкатались:
 Выкаталася сила—армія во чистѹе поле,
 Во чистѹомъ полѣ въ широкое раздолье.
5. Выходилъ тутъ сама—гь ¹⁾ батюшко графъ Суворовъ,
 Камышевой своей тросточкой онъ комендуеть ²⁾:
 «Становитесь вы, солдатушки, по правому фланку,
 «Вы берите, робята, и не робѣйте,
 «Своихъ бѣлыхъ рукъ не жалѣйте!»

(Записано въ Новгородѣ отъ солдата, 11 Сентября 1834 г., самца М. В. К.—агъ).

Смѣть собственно и кончатся народныя устныя пѣсни о войнѣ Турецкой.

* *

Слѣдуютъ вообще:

¹⁾ Сама—гь: см. выше.—²⁾ Командуеть.—Ср. о Суворовѣ ниже.

Донцы при Екатеринѣ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Лежала дорожка изъ Питера прямо до Черкаскаго:
 Пишетъ-то Государыня указъ повтерительный,
 Чтобъ собрать-то Донское войско во единый кругъ.
 Собралъ-то нашъ атаманушка войско Донское во единый
 кругъ,

5. Началъ-то нашъ атаманушка указъ во слухъ читать:
 Пишетъ-то наша Государыня, чтобъ выдали ей трѣхъ ви-
 новниковъ, —

Перваго-то виновника—сына Есаулова,
 Какъ втораго-то—козака Стародубова,
 А третьяго виновника - сына Гурьянова.

*

2.

(Оттуда же):

Отъ чего Тихій Донъ смущается?
 Смущается Тихій Донъ отъ генераловъ трехъ:
 Отъ перваго генерала—отъ Поповича,
 Отъ другаго генерала—отъ Гудовича,
 5. Отъ третьяго генерала—отъ сына Каменцова ¹⁾.

Каменцовъ сынъ всю ночь не спалъ,
 Онъ съ Москалями проигралъ,
 Не въ шашечки, не въ бирюлечки, а въ карточки:
 Проигралъ онъ славный Тихій Донъ.
 10. Проигравши, сълъ призадумавшись,
 Онъ роняетъ свои слёзы на шёлкову скатерть:
 «Не бывать мнѣ, сыну Каменцову, на Россейшкѣ.

¹⁾ Каменскаго.

«Не видать мнѣ, сыну Каменцову, отца и матушки,
 «Быть мнѣ, сыну Каменцову, въ застѣнушкѣ!»

* *

Кстати:

Гудовичъ
противъ шаха Персидскаго.

1.

(Оттуда же).

- На зорѣ-то было, всё на зорюшкѣ,
 На бѣлой зорѣ на утренней,
 На закатѣ было мѣсяца яснаго,
 На восходѣ было солнца краснаго.
5. Проявились у насъ вѣсти новыя,
 Вѣсти новыя—Грузинскія:
 Растворились горы крутыя,
 Круты горы Кавказскія;
 Засверкали пики вострыя.
10. Пики вострыя козацкія;
 Какъ пошли войска Россійскія
 На того шаха Персидскаго.

- Напередѣ ¹⁾ идетъ Гудовичъ графъ,
 Онъ грозитъ шаху Персидскому:
15. «Ты собака, ты Персидскій шахъ!
 «Ты по што отрѣзалъ голову
 «Славному князю Цинціанову ²⁾?
 «На кого ты, собака, понадѣлся?»
 — Я понадѣлся ³⁾ на Грузію, на Грузинскихъ князей.
20. — Больше всего на Александрюшку на царевича.—

*

¹⁾ Напередъ?—²⁾ Цицианову.—³⁾ Д. б. „Понадѣлся я.“

Взять Костюшко.

1.

(Земля Войска Донского).

- Не лясень—то соколъ по крутымъ горахъ летаетъ:
 То Костюшко-варваръ по своей армеешкѣ разъѣзжаетъ.
 Онъ фронты—то свои—знамѣнушки украшаетъ,
 Своихъ мызничковъ—генералушекъ ¹⁾ улажаетъ:
 5. «Вы не плачьте же, мои мызнички, право-генералы ²⁾,
 «Не рыдайте жъ вы, мои свирѣпые кавалеры ³⁾:
 «Какъ заўтра у Бѣла царя будетъ праздникъ,
 «Не маленькій праздникъ, праздничекъ Петровъ день ⁴⁾:
 «Всѣ рынушки-трактирушки будутъ растворѣны,
 10. «Всѣ гусарушки, всѣ уланушки будутъ пьяны,
 «Козакѣ наши Донецкіе всѣ загуляютъ.»

- Какъ на тотъ—то разъ козакѣ-други были осторѣжены:
 Всю ночушку козакѣ-други не спали,
 Во рукахъ во своихъ борзыхъ коней продержали.
 15. На бѣлой—то зорѣ на утренней «ура» закричали,
 Закричали они—загичали: Костюшку поймали.
 Да велѣли жъ его скоро, Костюшку, на крѣпко связать,
 Приказали у него скоро допросъ допросить.

(Ср. сборн. г. Савельева 1866).

Ср. ниже переводъ на Великоорусскую изъ Малорусской.

* * *

Заключается пѣснями или, лучше, плачами о смерти Государини. Происхождение ихъ в длинный рядъ послѣдовательныхъ образцовъ достаточно нами объяснены въ выпускахъ предыдущихъ. Образцы Екатерининскіе не прибавляютъ къ прежнимъ никакихъ новыхъ яркихъ чертъ или образцовъ и, кромя имени, ничѣмъ больше не специализируютъ событія, ни пѣснотворческаго типа.

¹⁾ Фермеровъ, однодворцевъ, шляхту.—²⁾ Настоящіе, въ правду генералы (иронія поущихъ).— ³⁾ Любопытно, что въ эту эпоху въ Россіи, въ Западныхъ губерніяхъ и въ Польшѣ называли обыкновенно кавалерію, особенно гусаровъ, «свирѣпыми (подобно какъ это имя усвоено табунамъ дикихъ лошадей).»—⁴⁾ Сидѣли 29-е Сентября съ 29-мъ Іюня.

**Плачь войска
по Государынѣ Екатеринѣ.**

1.

(Лихвинскій уездъ).

Ужь ты батюшка, свѣтѣль мѣсяць,
Чтѣ же ходишь по низѣшеньку,
Чтѣ жь ты свѣтишь по малѣхоньку,
Ни по старому, ни по прежнему?

5. Въ новомѣ городѣ, во Спленскому ¹⁾,
Стоять верем точеныя,
Всѣ точеныя, раскрашоныя;
Дли ²⁾ верей стоитъ молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ;
10. Онъ не такъ стоитъ,—слезно плачетца,
Онъ не такъ плачетъ, что рѣка льетца:
«Подымитесь, вѣтры буйныя,
«Разнесите всѣ желтыя пески,
«Распахнися, шелковѣ царча,
15. «Разломися, гробовѣ доска,
«Подымися, наша матушка,
«Милосердная государыня,
«Катерина Алексѣевна!
«Безъ тебя намъ жить похужѣло,
20. «Всему царству почежѣлѣло,
«При твоємъ сыну любезному
«Что при Павлу при Петровичу:
«Онъ загналъ силу во Туретчину,
«Поморилъ смертью голодною,
25. «Познобилъ зимой холодною!»

*

¹⁾ Въ Успенскомѣ, соборѣ; вариантъ: „во Смоленскому (городу).“ — ²⁾ Подѣ, возлѣ.

2.

(Губ. Тверской).

Какъ во славнымъ было городѣ,
 Въ Петроавдовской славной крѣпости,
 Засажоны добры молодцы,
 Засажоны—думу думали.

5. Думу думали, слезно плакали,
 Во слезахъ оид рѣчь говорили:
 «Подымитесь, вѣтры буйные,
 «Вѣтры буйные, полунощные,
 «Вы раздуйте мать сыру землю,

10. «Разнесите вы желтыя пески,
 «Желтыя пески, мелки камушки;
 «Раскройся ты, гробовая доска,
 «Размахнись, золотая парча;
 «Ужь встарь—проснись, наша матушка,

15. «Ты Россійская государыня,
 «Катерина Алексѣевна!
 «Посмотри-ка на свои полки,
 «На любезной—то полкъ Семеновской,
 «На Семеновской, на Конную Гвардію!

20. «Какъ у насъ въ полкахъ не по прежнему:
 «Караулы стали частые,
 «Перемѣны стали рѣдкія,
 «А начальство пошло строгое!»

(Запис. г. Тюрьнымъ).

Это все очевидно вопли со стороны недовольныхъ государемъ Павломъ,

*

3.

(Губ. Сямбарск.).

Во тошной тюрьмѣ, въ каменной Москвѣ,
 Тутъ сидять и сидять двое молодцы,

Два гвардейскіе, Петербургскіе.

Думу думаютъ, слезно всплакнули,

5. Во слезахъ рѣчь говорили,

Рѣчь говорили про буйныя вѣтры:

«Вы подуйте-ка, вѣтры, вѣтры буйные,

«Вѣтры буйные, полудѣнные,

«Поснесите-ка, вѣтры, съ горъ желтыхъ песковъ,

10. «Дикіе камешки со могилушки,

«Разступись, разступись-ка, мать сыра земля,

«Ты раскройся-ка, раскройся, гробовая доска,

«Распахнись-ка, распахнись, золотая парча,

«Ты встань-ка, пробудись, наша матушка,

15. «Наша матушка Екатеринушка:

«И еще всѣ твои полки во походъ пошли!»

(Отъ Лампова).

* * *

Народныхъ устныхъ пѣсень объ Екатеринѣ и изъ эпохи ея у насъ больше не имѣется въ собраніи, ни въ виду, ни въ памяти. Переходимъ къ другому отдѣлу—„сочиненнымъ.“

IV.

Пѣсни Военныя, Солдатскія, сочиненныя (при Екатеринѣ).

Переходя къ этому отдѣлу, мы не скроемъ нѣкотораго естественнаго чувства отвращенія: но—нельзя и миновать. Литература въ эту пору становилась уже силой, съ которой нужно считаться: что дѣлать, если она являлась въ этомъ, а не въ другомъ видѣ. Есть намъ польза, есть и необходимость: ни изъ чего такъ ясно не усмотримъ высоту и красоту народнаго пѣснотворчества, какъ изъ сравненія его противоположностей; при томъ же, говорили мы выше, многое и въ народномъ устномъ объясняется уже влияніемъ письма и печати.

Больше всего искренно намъ жаль тѣхъ немногихъ нашихъ критиковъ и еще малочисленнѣйшихъ, внимательно читающихъ паматники и добросовѣстно изучающихъ литераторовъ или ученыхъ, которые, послѣ 8-го и особенно по 8-му нашему выпуску, вообразили, что все это историческое народное пѣснотворчество прогрессивно растетъ, похваляли себя и насъ съ открытіями, даже радостно печатали: „Погодите-ка, что будетъ дальше вотъ какъ дойдетъ до Екатерины, увидите, что дѣнется и воспѣвается Русскимъ народомъ!“ Они не вникали давнимъ нашимъ увѣреніямъ, считая ихъ плодомъ лессимизма, — что все это пѣснотворчество медленнѣе, но самымъ вѣрнымъ шагомъ вымираетъ, изсякаетъ силами, клонится къ паденію и разлагается: не зная вѣрно судьбы другихъ пѣсенныхъ отдѣловъ, — ибо изъ нихъ мы мало еще печатали, — оптимисты во всякомъ случаѣ надѣялись на исключеніе въ области эпической и исторической. Самое горькое разочарованіе теперь ихъ ожидаетъ или уже постигло на нашихъ страницахъ. Эпоха Грознаго была точно временемъ самаго обильнаго цвѣта — именно для пѣснотворчества Московскаго и зависящихъ отъ него круговъ; періодъ Петра былъ величавымъ и блестящимъ напряженіемъ послѣднихъ силъ, счастливо успѣвшихъ отпраздновать: сверхъ внутреннихъ условій пѣснотворчества, лежащихъ въ его природѣ, какъ и во всякомъ явленіи

ни природы, не указываемъ другихъ причинъ, ускорившихъ паденіе,—объ нихъ мы тамъ и сямъ не рѣдко говорили,—только теперь, какъ можете судить по всѣмъ собраннымъ и объявленнымъ образцамъ, устнымъ и народнымъ, въ XVIII вѣкѣ передъ вами одиѣ коротенькія Былины, мелкіе отрывки, усильныя — и не всегда удачныя воспроизведенія старины, развалины или разложившіяся части былаго, а если и счастливыя, и законченныя художественно произведенія, то не въ ладу съ современною имъ жизнію высшей исторической сферы, или въ родствѣ съ другими видами пѣсней и на переходѣ къ нимъ, однимъ словомъ совсѣмъ уже не то, что имѣемъ богатого, обильнаго, широкаго и развитаго въ Былинахъ старшихъ, въ Побывальщинахъ и Старинахъ времени ранняго, въ Эпосѣ и пѣснотворествѣ Историческомъ, тѣмъ болѣе насъ удивляемъ, что мы сами не живемъ въ древности, что древность унесла съ собою еще гораздо болѣе, а имѣемъ мы уцѣлѣвшее въ устахъ на тысячу разъ менѣе. Вѣкъ XVIII къ намъ близокъ, онъ нинѣшнѣшнѣ еще какъ вчера, некогда многого забыть изъ него, некуда разнести и растерять: да только нечего больше взять, нечего забыть, разнести и растерять. Тамъ, въ древности, для насъ „затрудненія богатства,“ и отъ избытка, отъ роскоши, кидались мы въ теоріи г. Стасова и въ наслоенія О. Миллера: здѣсь, напротивъ, просторъ бѣдности, „босоты да наготы изнавѣшаны шесты, а холоду да голоду амбары стоять.“ Довольствуйтесь тѣмъ, что собралъ П. В. Кирѣевскій въ теченіе 36-ти лѣтъ, да прибавили мы въ теченіе 25-ти, теперь же сравнили, объяснили, отпечатали. Азіатская теорія немногимъ здѣсь пользуется, наслоеніе осмѣдетъ за немногосложностью. Выиграетъ Исторія иная, до сихъ поръ только чаемая: внутренняя исторія „самого“ пѣснотворчества, какъ величайшаго изъ народныхъ явленій; разумнѣе того, какъ самъ „народъ“ понимаетъ исторію и на сколько участвуетъ во всякой исторіи другой, не народной; раздѣлка того труднаго вопроса, гдѣ сама „исторія,“ и тамъ ли, гдѣ мы обыкновенно ищемъ ее или знаемъ.

Для утѣшенія же помянутыхъ, достоуважаемыхъ литераторовъ и ученыхъ, ожидавшихъ прогресса, вящей полноты, обильнѣйшаго развитія, пресловутыхъ именъ и апогеи Екатерининскаго вѣка, предлагаемъ слѣдующія произведенія: здѣсь все это есть,—кромя народа, народнаго и народности.

Впрочемъ, хотя подобной мелочи на самомъ дѣлѣ недостаетъ, нельзя сказать, чтобы къ ней не стремились: всѣ эти сочинители, министры-поэты, кавалерственные сладкопѣвцы, исправители народнаго смысла и слова—очень любили „простой народъ,“ старались войти въ его строй, складъ языкъ, вообще ласкали себя народностью, приговаривая съ искреннимъ радушіемъ—*j'aime beaucoup tout ça!*“

Откуда беретъ текстъ, мы теперь почти уже не указываемъ: это печатная литература XVIII вѣка, письменные и печатные пѣсенники.

Первая Турецкая война.

1.

Во златой вѣкъ на Сѣверѣ,
 Что подь мудрымъ правленіемъ
 Тишиной наслаждалося
 Всероссійское воинство.

5. Среди самыхъ спокойныхъ дней,
 Загорѣлся Востокъ войной:
 Вѣроломными совѣтами
 Нарушилъ клятву данную,
 Объявилъ войну страшную.

10. Принужденъ былъ Россійской тронъ
 Защитить своихъ подданныхъ:
 Среди лѣта среди краснаго
 Наказать вѣроломнаго.

При струяхъ водъ Днѣпра-рѣки

15. Возсіяло оружіе:

Столь великой герой идетъ,
 Вездѣ слышенъ громъ, молнія,
 Стоитъ въ землѣ ¹⁾ непріятельской.
 Разбить въ прахъ вѣроломной стань,

20. Сокрушено войско вражее,
 Всколебался Турецкой тронъ,
 Затряслись стѣны серальскія.
 Славятъ, славятъ побѣдителей,
 Во концахъ почти всей земли ²⁾.

*

1) По нѣкотор. „въ полѣ.“ — 2) Есть слѣды этого въ народномъ.

2.

Вѣдь мы Турковъ не боимся
 И Татарь-то не страшимся,
 Ой люли, люли, ребята,
 И Татарь-то не страшимся ¹⁾!

5. Коли въ полѣ разобьемъ,
 Такъ и городъ мы возьмемъ.
 За отечество, за вѣру,
 Ради всѣхъ мы кровь пролить:
 Или Турковъ всѣхъ побьемъ,
10. Иль на мѣстѣ всѣ померемъ.
 Наши храбры генералы
 Насъ всегда въ ладъ поведутъ:
 А Россійскіе солдаты
 Никогда назадъ не ѣдутъ.
15. Ну, впередъ ступай, ребята,
 Не робѣйте ничего:
 Хоть и нужды мы прихватимъ,
 Но за славу то почтемъ.
 Намъ въ Россіи хлѣбъ-вода—
20. То солдатская ѣда!
 А какъ Турковъ мы побьемъ,
 Такъ говядины найдемъ.
 Пусть безъ кофе и шербету
 Янычара никуда:
25. Напротѣвъ мы съ сухарями
 Хоть край свѣта такъ пройдемъ.
 Пироги наши изъ пѣчи—
 Пули, ядра и картечи.
 Что за Русской за солдатъ,

¹⁾ Пригвѣвъ, и ниже послѣ каждаго двухъ стиховъ.

30. Когда съ порохомъ не свать?
 Янычары еще спять:
 На коняхъ наши сидятъ;
 Нѣжный Турокъ на софѣ:
 А Русакъ уже въ ружьѣ.
35. Наши кресла-канapé—
 Шанцы то и батареи.
 Ну, послушайте жь, робята,
 Вашего вы земляка:
 Твердость ваша и терпѣнье
40. Всѣ труды превзойдутъ.
 Такъ-то надобно служить,
 Чтобъ монарху ²⁾ угодить!
 Вы побѣдою доставьте
 Всей Россіи славной миръ!
45. Жоны, дѣти, братья, сѣстры!
 Не пускайте на глаза,
 Если назадъ повернемся
 Безъ побѣды мы въ домѣ.

3.

Перекопъ. Крымскій ханъ.

Пушкинъ. Прозоровскій. Голицыны.

- Красно солнце закатилося ¹⁾
 И настала мать темная ночь.
 Намъ тутъ сонъ на умъ не шелъ,
 Загоралися сердца храбрыя.
5. Ночь не молніей освѣщалася,
 Не грозныя тучи взгремѣли вдругъ:
 Батарея наша вскрылася,

¹⁾ Какъ царю, отвѣчено: и при государыняхъ.

²⁾ Вариантъ: „закаталоса.“

Осыпало крѣпость Перекопскую,
Оглушало Турокъ трескомъ бомбъ.

10. Храбрый Пушкинъ графъ услышалъ тутъ,
Со безстрашнымъ своимъ корпусомъ,
Сѣрдца смѣлости наполненнымъ:
Онъ подъ Крымскую пошелъ лицію.
Не остановилъ его картечный градъ,

15. Не боялся онъ ихъ тучъ дождя:
Самъ дорогу имъ показывалъ,
Разъѣзжая на быстромъ конѣ,
Изъ конца въ конецъ въ переди ихъ,
Приближался онъ подъ самый валъ:

20. Что къ тому ли глубокому рву,
Ко той ли бездонной пропасти,
Опускали долгія лѣстницы
Какъ былинку во синѣ море.
Что увидя, графъ Мусинъ-Пушкинъ,

25. Не боялся онъ всего того,
Закричалъ тутъ громкимъ голосомъ:
«Ой вы, братцы и друзья мои,
«Гранадеры вы и егери!
«Не пришли мы, чтобъ назадъ итти:

30. «Побѣдимъ врага, или умремъ всѣ тутъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Какъ всѣ въ ровъ они бросились,
Позабыли они отъ ушибу боль.
Какъ соколы наши взвивались,

35. Опираясь на штыкахъ однихъ:
Опускался во глубокой ровъ,
По плечамъ онъ ихъ на валъ взошелъ.

Тутъ бѣжалъ ужъ уstraшенный врагъ,
Онъ во ужасѣ кидалъ ужъ всё,
40. Свое платье и оружіе.

- Къ удивленію тута егери,
 Не довольствуясь всѣмъ этимъ,
 Они брали съ собой двѣ пушки,
 Черезъ глубокой ровъ тащили ихъ,
 45. Заряжали ихъ во скорости,
 На бѣгу врага разили тѣмъ.

- Лишь успѣлъ онъ вѣдь отъ нихъ уйти,
 Какъ Прозоровскій съ гусарами,
 На конѣ онъ какъ на вихорѣ,
 50. Что съ князьями со Голицыными,
 Какъ орелъ во птицѣ пуцался въ нихъ:
 Ему всѣ уже послѣдуя,
 Всю Татаръ кучу разсѣяли,
 По чисту полю по Крымскому.
 55. Чуть успѣлъ уйти и самъ ихъ ханъ,
 Съ стыдомъ, съ страхомъ и горестью.

(Старше у Новикова: „поется.“ прибавляли, „мужественнымъ голосомъ“).

*

И. И. Дмитріевъ это передѣлалъ и пѣсня явилась въ такомъ видѣ:

4.

То же.

- Красно солнце закатилось,
 Наставала мать ночь темная.
 Намъ, солдатамъ, сонъ на умъ не шелъ,
 Разгоралось сердце храброе,
 5. Сердце храброе воинское,
 Что воинское Россійское.
 Не отъ молній освѣтилась ночь,
 Не изъ грозной тучи громъ взгремѣлъ:
 Батарея наша вскрылася,

10. Осыпало крѣпость ядрами ¹⁾,
Оглушало Турокъ трескомъ бомбъ.

Храброй Пушкинъ графъ, услышавъ знакъ,
Со безстрашнымъ своимъ корпусомъ,
Въ сердцѣ смѣлости наполненнымъ,

15. Полетѣлъ подъ Крымску линію.
Не страшилъ его картечный градъ,
Не боялся онъ ни пуль дождя,
Развѣзжая на быстромъ конѣ,
Изъ конца въ конецъ предъ воинствомъ,

20. И дорогу показуя всѣмъ.
Приближался онъ подъ самой валь,
Ко глубокому Татарску рву:
Во бездонну страшну пропасть ту
Опускали долги лѣстницы,

25. Какъ былинку въ море синее.
То увидя, графъ Мусинъ-Пушкинъ,
Закричалъ тутъ громкимъ голосомъ,
Возбуждая всѣхъ ко храбрости:
«Ой вы, братцы и друзья мои,

30. «Гренадеры, легки егери!
«Не пришли мы, чтобъ назадъ итти:
«Побѣдимъ врага, иль всё помремъ!»
Не успѣлъ онъ слова молвити,
Всѣ какъ соколы взвивались,

35. Въ ровъ солдатушки бросались,
Опираясь на штыки одни,
Забывая отъ ушиба бомь.
По плечамъ ихъ графъ на валь взощелъ.

Тутъ бѣжалъ ужъ устрашенный врагъ

40. И, гонимый смертнымъ ужасомъ,

¹⁾ Вар. прибавка: „Крѣпость вражью Перекопскую.“

- Въ облегченъе измѣнившихъ ногъ,
 Все срывалъ, бросалъ съ себя долой,
 Платье, сбрую и оружіе.
 Къ удивленью всѣхъ тутъ егери,
 45. Не довольствуясь успѣхомъ симъ,
 Подхвата съ собой двѣ пушки тутъ,
 Черезъ глубокой ровъ помчали ихъ,
 Заряжали ихъ во скорости
 И разили на бѣгу врага.
50. Лишь бѣжать онъ успѣвалъ отъ нихъ,
 Какъ Прозоровскій съ гусарами,
 На конѣ онъ какъ на вихорѣ,
 Со князьями со Голицыны,
 Какъ орелъ во птицъ испуганныхъ,
 55. Онъ пустился въ силу вражеску.
 Войско все, за нимъ послѣдуя,
 Такъ, какъ вѣтеръ вѣетъ легкій прахъ,
 Всю толпу Татаръ развѣяло,
 По чисту полю по Крымскому.
60. Чуть успѣлъ уйти и самъ ихъ ханъ,
 Стыдъ, и страхъ, и грусть неся съ собой.

*

5.

О томъ же самомъ...

Наполнены ¹⁾ духомъ храбрымъ,
 Къ неприятелю мы шли:
 Ихъ сердцамъ дивились слабымъ,
 Что въ пути ихъ не нашли;

¹⁾ Вар. „Наполняся.“

5. Хоть желали мы подраться,
 Но, надежду потерявъ,
 Принуждённы ²⁾ дожидаться
 Мы до тѣхъ поръ, какъ узнавъ,
 Что Татары устрашённы
10. Къ Перекопскимъ шли стѣнамъ
 И отчаянемъ вспаленны
 Встрѣчу тутъ готовятъ намъ,—
 Вдругъ сердца всѣхъ загорались,
 Путь казался дологъ намъ,
15. Потому что всѣ ласкались
 Вѣчну приобрѣсть честь ³⁾ тамъ.
 Но прибавила стремленье ⁴⁾
 Общая къ вождю любовь:
 Всякъ въ немъ видитъ одобренье,
20. Съ нимъ пролить всякъ хочетъ кровь.
 Непріатели! Вы бойтесь,
 Побѣдимъ васъ вѣрно всѣхъ ⁵⁾,
 За стѣнами какъ ни кройтесь,
 Нашъ ужъ вѣренъ въ томъ успѣхъ.
25. Лишь пришли къ стѣнамъ мы града,
 На коня самъ князь нашъ сѣлъ,
 Не страшась ихъ ядеръ града,
 Онъ мѣста всѣ обзрѣлъ;
 На другой день ужъ прихода,
30. Къ штурму линіи пошли,
 Прежде солнечнаго взохода
 Мы до рва уже дошли.
 Тутъ явилась всѣхъ горячность,
 Всякъ стремится напередъ:
35. Пушкинъ графъ презрѣлъ ⁶⁾ опасность,

²⁾ Вар. „Должно было.“—³⁾ Вар. „честь сыскати.“—⁴⁾ „Прибавила намъ стремленье.“—⁵⁾ „Скоро побѣдимъ васъ всѣхъ.“—⁶⁾ „презрѣвъ.“

- За собой казалъ всѣмъ слѣдъ.
 Егери и гренадеры
 Храбро въ ровъ бросались съ нимъ;
 Передъ ними офицеры
40. Въ томъ примѣръ давали имъ.
 Чѣмъ враги стояли болѣ,
 Тѣмъ честь наша возрасла:
 Но съѣзжали ⁷⁾ по неволѣ,
 Какъ пѣхота лишь взошла.
45. Глубину рва презирая,
 Пушки егери взвезли,
 И врага въ тылъ поражая,
 Въ крайню робость привели.

- Князь Прозоровскій тутъ храбрый
 50. Ихъ съ гусарами встрѣчалъ,
 Черезъ Сивашъ прошелъ путь трудной,
 Разбивая ихъ прогналъ ⁸⁾.

- Отперты врата днесъ ⁹⁾ Крымски,
 Намъ противниковъ ужь нѣтъ:
 55. Храбры войны Россійски,
 Нашей славы полощъ свѣтъ ¹⁰⁾!

⁷⁾ „попчались.“—⁸⁾ „Въ досталь всёхъ ихъ разогналъ.“—Въ некоторыхъ за снмъ:

Зря одно повсѣду бѣдство
 И страшася смертныхъ ранъ,
 Со овиши въ равно бѣгство
 Самъ пустился Крымской ханъ.—

⁹⁾ Вар. „Днесъ врата отверзти.“—¹⁰⁾ Слѣды сего есть въ народномъ.

Море Средиземное. Флотъ.

- Не бушуйте вы, вѣтры буйныя,
 Вы буйныя вѣтры осенне ¹⁾!
 Успокойся ты, море синее,
 Не волнуй ты ²⁾, море Средиземное!
 5. Ты постой, постой, лѣто теплое,
 Не теки, постой, солнце красное!
 Не я самъ велю: вамъ указъ велить,
 Вамъ указъ пришелъ ³⁾, съ страны Сѣверной.
 Хоть ⁴⁾ давно течетъ солнце красное,
 10. Что ⁵⁾ давно вѣютъ вѣтры буйныя,
 Не видали вы такова дива:
 По указу ли царя Бѣлаго ⁶⁾,
 Наказать царя вѣроломнаго,
 На Восточную дальню сторону
 15. Снаряжался флотъ со бѣлой Руса,
 Со береговъ Невы, рѣки славныя.
 Снарядившись онъ протекалъ моря ⁷⁾,
 Всѣ препятствія ⁸⁾ ни во что вмѣнялъ.
 Приближаяся ко Царю-граду,
 20. Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
 «Ой ⁹⁾ ты гой еси, невѣрной цары!
 «Прогнѣвивши ты своей гордостью
 «Нашу мудрую Государыню,
 «Прогнѣвляешь ты самого Творца.

¹⁾ Такъ начинаются многія народныя пѣсни, сравнивая вѣтеръ съ плачемъ дѣвушки, когда уѣзжаетъ (или идетъ въ походъ) милый.—²⁾ Въ нѣкот. „ты“ опущено.—³⁾ „Со страны указъ пришелъ.“—⁴⁾ „Хоть.“—⁵⁾ „Что“ опущено.—⁶⁾ Такъ часто употребляется, какъ мы видѣли, и при государыняхъ.—⁷⁾ „протекалъ море.“—⁸⁾ „препятства.“—⁹⁾ „Ахъ.“

25. «Я за то присланъ наказать тебя.
 «Поспѣши упасть ко стопамъ ея ¹⁰⁾,
 «Ты успѣй просить прощенья:
 «Не успѣешь ты просить прощенья,
 «Опровергнуть тронъ невѣрнаго. ¹¹⁾!»

(Новиковъ, Трутовскій, Шноръ и друг.; рано подверглось исправленіямъ, въ томъ числѣ Н. И. Дмитріева; образецъ подобный увидимъ еще ниже; голосъ есть у Кашана).

*

7.

Буджакъ, движеніе въ Кагулу.
Румянцевъ. Долгоруковъ.

- Ахъ ты поле-поле чистое,
 Ты чистое поле Буджацкое ¹⁾!
 Ужь когда мы изойдѣмъ тебя,
 Всѣ ²⁾ бугры твои перевалимся?
5. Какъ давно пора сойтитися
 Что со той ордой невѣрною,
 Что со той силой Турецкою,
 Намъ исполнить волю царскую,
 Нашей мудрой Государыни!
10. Что не облаки подымались,
 Не грозны тучи соходилися:
 Собирались тмы невѣрныхъ врагъ,
 Что острили мечи черные,
 Мечи черные булатные,
15. И хвалилися наѣхавши
 Не срубити, но отрѣзати
 Буйны головы солдатскія.
 Не громкѣ труба воскликнула,

¹⁰⁾ „къ ногамъ ея.“—¹¹⁾ „нечестиваго.“

¹⁾ „Буджацкое.“—²⁾ „Чрезъ.“

Какъ возгворить Румянцевъ графъ:

20. «Добры молодцы, товарищи,
«Наши храбрые солдатушки!
«Не дадимъ врагамъ хвалитися,
«Пойдемъ сами противъ злости ихъ!»
За нимъ двинулась вся армія,
25. Восклидая: «Мы пойдемъ съ тобой!»

На разсвѣтъ было въ среду,
На дорогъ на Трояновой,
Подошли мы близко къ лагерю:
Окружили насъ Агаряне

30. Отовсюду съ равнымъ бѣшенствомъ,
Янычаровъ тѣма ударила
На пѣхоту вдругъ Россійскую.
Буйны головы валилися
Что отъ звѣрства ихъ и множества.

35. То увидя, съ кавалеріей,
Гдѣ ни вѣлся Долгоруковъ князь,
Съ мечомъ острымъ, такъ какъ съ молніей.
Онъ пустился въ кучу вражію:
Гдѣ мечомъ сверкнѣтъ, тутъ улица,

40. Гдѣ вернѣтъ коня, тутъ площадь тѣлъ.
Въ то же время съ гренадерами
Самъ Румянцевъ ли ударилъ въ нихъ:
Тутъ познали Турки гордые
Руку тяжку гренадерскую,

45. Предводительство Румянцово.
Они бросились бѣжать тогда:
Но и моста не нашли уже,
А увидѣли позадь себя
Храбра Боура ³⁾ со егерями,

³⁾ „Храбра, бодра.“

50. Съ легкимъ войскомъ со гусарами:

Полилась тутъ кровь Турецкая,

Не ручьями, рѣкой сильною;

Ихъ остатки потопилися

Во глубокой во Дунай-рѣкѣ;

55. А другіе съ визиремъ своимъ

За нимъ скрыли стыдъ и ужасъ свой.

(Новиковъ и друг.).

*

Рано это также подверглось исправленію, въ томъ числѣ И. И. Дмитріева:

8.

То же.

Ахъ ты поле-поле чистое,

Чисто поле ты Буджакское!

Изойдемъ ли мы когда тебя,

Всѣ бугры твои минуемъ ли?

5. Ужъ давно пора сойтися намъ

Со ордой Крымской невѣрною,

Съ злобной силою Турецкою,

Чтобъ исполнить волю царскую,

Нашей мудрой Государыни!

10. Что не облаки вздымались,

Не грозныя тучи сходилися:

Собирались тмы невѣрныхъ врагъ,

Что острили мечи черные,

Мечи черныя булатныя,

15. И хвалилися, нахъавши,

Не срубити, но отрѣзати

Буйныя головы солдатскія.

- Не громкѣ труба воскликнула ¹⁾,
 Какъ возгóворить Румянцовъ графъ:
 20. «Дóбры мóлодцы, товарищи,
 «Наши храбрые солдатушки!
 «Не дадимъ врагамъ хвалитися,
 «Пойдемъ сами противъ злости ихъ!»
 За нимъ двинулась вся армія,
 25. Воскликая: «Мы пойдемъ съ тобой!»»

- На разсвѣтъ было въ середу,
 На дорогѣ на Трояновой,
 Подошли мы близко къ лагерю:
 Окружили насъ Агаряне
 30. Отовсюду съ равнымъ бѣшенствомъ;
 Янычаровъ тьма ударила
 На пѣхоту вдругъ Россійскую;
 Буйны головы валилися
 Ото звѣрства ихъ и множества.

35. То увидя, съ кавалеріей,
 Гдѣ ни взялся Долгоруковъ князь,
 Съ мечемъ острымъ, такъ какъ съ молніей;
 Онъ пустился въ кучу вражію:
 Гдѣ мечемъ сверкнётъ, тутъ улица;
 40. Гдѣ вернётъ коня, тутъ площадь тѣлъ.
 Въ то же время, съ гранодерами,
 Самъ Румянцовъ графъ ударилъ въ нихъ:
 Руку тяжку гранодерскую,
 Предводительство Румянцово,
 45. Тутъ познали Турки гордые.
 Они бросились бѣжать тогда,
 Но и моста не нашли уже;
 А увидѣли позадь себя

¹⁾ „возкрикнула.“

- Храбра Боура со егерями,
 50. Съ легкимъ войскомъ со гусарами.
 Полилась тутъ кровь Түрецкая,
 Не ручьями, рѣкой сильною;
 Ихъ остатки потопилися
 Во глубокой во Дунай-рѣкѣ:
 55. А другіе, съ визиремъ своимъ,
 Бѣгомъ скрыли стыдъ и ужасъ свой.

*

9.

Вендеры. Панинъ.

Этотъ образецъ также потерпѣлъ исправленія И. И. Дмитріева, которыя покажемъ въ сноскахъ.

- О ты крѣпкій-крѣпкій Бѣндеръ-градъ,
 Ты разумный-храбрый Панинъ графъ!
 Ждетъ Европа чуда славнаго,
 Ждетъ Россія славы новыя:
 5. Царь Турецкій и не думаетъ,
 Чтобы Бѣндеръ было взяти лъзя ¹⁾.
 Петръ великій, храбрый мудрый Петръ
 Далъ Петру ²⁾ свой умъ и мужество,
 И устами Самодержицы
 10. Щедрой, мудрой и великия,
 Говоритъ онъ графу Панину:
 «Не былъ городъ ³⁾ Бѣндеръ взятъ никѣмъ;
 «Вижу града стѣны крѣпкія,
 «Вижу множество Турецкихъ войскъ;
 15. «Здѣсь число войскъ Русскихъ малое,
 «Да въ тебѣ душа великая.

¹⁾ „было можно взять.“ — ²⁾ Петру Ивановичу Панину, — ³⁾ „Еще не былъ.“ —

- «Чада Матери Имперіи 4)!
- «Будьте славой Самодержицѣ,
«Будьте пользою отечеству 5)!»
20. Панинъ на это отвѣтствуетъ
Отъ Невы пришедшу голосу:
— Я клянуся передъ воинствомъ,
— Градъ возьму, или 6) умру подъ нимъ!
— Увѣнчаемъ здѣсь лаврами,
25. — Иль падемъ подъ кипари сами!—
Слышенъ голосъ войска храбраго:
«Градъ возьмемъ, иль всё помрѣмъ съ тобой!»

- Наступилъ уже рѣшенья часъ:
Приближается ночь тѣмная,
30. Скрылось солнце въ море бурное.
Изъ за лѣса не взошла луна.
Не мѣшаетъ небо мрачное 7):
Войска двинулись ко Бѣндеру,
Загремѣли свѣтлы 8) молніи,
35. Зашумѣли войска Россійскія 9),
Затряслися стѣны градскія,
Зажигается селеніе,
Разгарается все зданіе 10)...

- Панинъ, Панинъ, то исполнилъ ты,
40. Въ чемъ ты клялся передъ воинствомъ!
Стонуть-стонуть побѣжденные,
Торжествуютъ побѣдители:
Славься, славься, Государыня,
Славься, Панинъ, славься, воинство 11)!

(Прибавилось: „Сія пѣсня поется възвѣщающимъ мужествомъ голосомъ“.).

*

4) „Покажите вы величество Чады и Матери Имперіи!“—5) „Имперіи.“—
6) „Градъ возьму я иль.“—7) Этого стиха нѣтъ.—8) „Засверкали яри.“—
9) „Загремѣли войска Русскія.“—10) „Сокрушаются всѣ зданія.“—11) Послед-
нихъ двухъ стиховъ нѣтъ: но они отзываются у народа.

Пѣсня эта помѣщается также въ числѣ сочиненій Сумарокова со слѣдующими особенностями:

О разумный-храбрый Панинъ графъ....

Чтобы Бѣндеръ было *взяти* лзя...

Не былъ городъ Бѣндеръ *взять* ни кѣмъ...

Покажите вы величество *

5. *Чадъ и Матери Имперіи....*

Будьте пользою *отечества...*

Градъ *возьму или умру* подъ нимъ...

Не мѣшаетъ небо мрачное:

Войско двинулось ко Бѣндеру.

10. *Загремѣли громы страшные,*

Заблестали свѣтлы молніи,

Зашумѣли войски Русскія....

Разгораются всѣ зданія...

Последнихъ двухъ стиховъ также нѣтъ.

(Изд. 2-е Новикова, М., ч. VIII, 1787 г.; но въ изданіи Новиковскаго пѣсенника текстъ различенъ).

*

Слѣдующій образецъ усвоенъ народомъ, съ нѣкоторыми его оборотами и выраженіями:

10.

Крымская линія. Перевопъ.

Долгоруковъ.

Перешли мы всю Татарскую степь,

Мы ни въ чемъ нужды не видали,

Про кручину и не знали мы:

Непріатели боялись насъ,

5. Въдъ боялись, не казались намъ,

Они клами всю надежду нхъ

На крѣпкую ль стѣну Перекопскую,
 На широкой и глубокой ровъ.
 Только этимъ не спасетесь вы,
 10. Не закроетъ васъ море Черное,
 Не удержитъ насъ тамъ Сивашъ!

Третьяго числа было на десять,
 Что Юня ¹⁾ лѣтня мѣсяца,
 Семдесятъ ли во первомъ году ²⁾,
 15. Что пришли жь мы подъ Пѣрекопъ,
 Подъ ту ль Перекопскую линію.
 Не отъ вѣтру зашумѣлъ тутъ листъ,
 Не на Волгѣ подымался валъ:
 Тутъ летали пули свинцовыя,
 20. Тутъ свистали ядра чугуныя.
 Нашъ отецъ Долгоруковъ князь,
 Князь Василій Михайловичъ,
 Ничего не страшился тутъ:
 Близко города развѣзживалъ,
 25. Онъ все ли самъ осматривалъ.
 Возвратился онъ, возговорилъ:
 «Ахъ вы гой еси, ребятушки,
 «Вы храбрые Русскіе солдатушки,
 «Офицеры вы исправные,
 30. «Генералы всѣ друзья мои!
 «Уже ль стануть намъ смѣяться
 «Тѣ ль Татары вероломные
 «И тѣ Турки невѣрные?
 «Не дадимъ мы имъ опомниться
 35. «И бѣжать отъ насъ собратися:
 «Мы пойдемъ на нихъ, товарищи!»
 «Рады, рады мы съ тобой всюды,
 «Ты берегъ насъ всё досюдова,

1) По нѣкотор. „Юля.“—2) Это способъ счета пѣсенный: ср. 7 и 8-й вышущи.

- «Силы наши не ослабляли,
40. «Ты жь прибавилъ намъ храбрости
«Твоимъ умнымъ предводительствомъ!»
Такъ вскричали въ одинъ голосъ всѣ.

*

Но и это не укрылось отъ И. И. Дмитріева:

11.

То же.

- Перешли мы всю Татарску степь,
Нужды мы ни въ чемъ не видѣли,
Про кручину и не знали мы:
Непріятеля боялись насъ,
5. Насъ боялись, не казались намъ;
Они клали всю надежду ихъ
На свою на стѣну крѣпкую,
На высѣку Перекопскую,
На широкой и глубокой ровъ.
10. Только этимъ не спасетесь вы:
Васъ не скроетъ море Черное,
Не удержитъ насъ Сивашъ-рѣка!

- Третій на десять тогда былъ день
Во Юнѣ лѣтнемъ мѣсяцѣ,
15. Въ семьсотъ семьдесятъ первомъ году,
Какъ пришли мы къ непріятелю,
Къ Перекопской крѣпкой линіи.
Не отъ вѣтра зашумѣлъ тутъ листъ,
Не на Волгѣ подымался валъ:
20. Зашумѣли тьмы свинцовыхъ пуль,
Подымался градъ чугунныхъ ядръ.
Тутъ отецъ нашъ, Долгоруковъ князь,

- Князь Василій князь Михайловичь,
 Не жалѣя головы своей,
 25. Не страшася тмы Татарскихъ стрѣлъ,
 Близко города развѣзживаль,
 И всё на все самъ осматриваль.
 Осмотрѣвши жь всё, возговорилъ:
 «Ахъ вы гой еси, робятушки,
 30. «Храбры Русскіе солдатушки!
 «Офицеры вы исправные!
 «Генералы, всё друзья мои!
 «Не уже ли мы, Россіяне,
 «Надъ собой въ побѣдѣ верехъ дадимъ
 35. «Въроломной сей толпѣ Татаръ
 «И невѣрныхъ Турокъ сонмищу?
 «Не дадимъ мы имъ опомниться
 «И бѣжать отъ насъ собратися:
 «Полетимъ на нихъ, товарищи,
 40. «И свирѣпо все ихъ полчище
 «Срубимъ, сломимъ, опрокинемъ въ адъ!
 ««Всюду рады мы, на всё съ тобой:
 ««Ты берегъ насъ всёхъ какъ чадъ своихъ,
 ««Твоимъ умнымъ предводительствомъ
 45. ««Силъ ты въ насъ не ослаблялъ нигдѣ,
 ««А прибавилъ намъ лишь храбрости!»
 Такъ вскричали въ одинъ голосъ всё.

Румянцевъ.

Намъ нельзя того оставить,
 Чтобъ Румянцова не славить:
 Графъ Румянцовъ нашъ отецъ,

- Мы сплетемъ ему вѣнецъ
5. Изъ своихъ, братцы, сердецъ!
 Пѣсню нову запоемъ,
 Какъ мы въ лагерь живемъ:
 Провіантъ мы получаемъ
 И ни въ чемъ нужды не знаемъ
10. Близъ Дуная мы стоимъ
 И безъ страсти говоримъ:
 Той надеждой обольстимся,
 Что мы Турокъ не боимся.
 Какъ Бендеры штурмомъ взяли,
15. Крымъ съ покорностью отдали.
 Фокшаны ¹⁾ и Ибраилъ
 Взяли такъ, какъ Измаилъ;
 Бухарестъ, Журжѣ, Килія,
 Тамъ баталья была сильна.
20. Графъ Румянцовъ генералъ
 По арміи развѣзжалъ,
 Турокъ съ шанцовъ выгонялъ,
 Гранодерамъ подтверждалъ:
 «Гранодеры, вы не бойтесь,
25. «Поскорѣе фрунтомъ стройтесь!
 «Я велю васъ подкрѣпить:
 «Изъ пушекъ залпомъ выстрѣлить ²⁾»
 Канонеры, бомбандеры
 Знаютъ разные примѣры:
30. Когда время имъ стрѣлять
 И когда поощждать.
 Полковники во строю
 Наблюдаютъ честь свою,
 Приказъ главной исполняютъ,
35. Всѣмъ солдатамъ подтверждаютъ:

¹⁾ „Вакшаны.“ — ²⁾ „Залпъ изъ пушекъ выстрѣлить.“

- Вы солдатики ³⁾ военные!
- На васъ значики почтенны ⁴⁾:
- Заслужили честь отъѣвну,
- Удивили всю вселенну.—

Публикалось: „Сочинена въ лагерѣ находившимся при Дунаѣ однимъ офицеромъ. Пое-
ется съ наполненнымъ подобострастными чувствами сердцемъ.“)

*

13:

Хоръ на миръ съ Портою.

(1774).

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ,
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потрѣси!

5. Славься симъ, Екатерина,
Славься, нѣжная къ намъ мать ¹⁾!

- Вѣды быстрого Дуная
Ужь въ рукахъ теперь у насъ;
Храбрость Россовъ почитая,
10. Тавръ подъ нами ²⁾ и Кавказъ ³⁾.

Звукъ сигнала ⁴⁾ раздается
Днесъ въ подсолнечной вездѣ:
Зависть и вражда мятется,
И терзается въ себѣ.

15. Мы ликуемъ славы звуки,
Чтобъ враги могли то ⁵⁾ зрѣть,

³⁾ „солдаты.“—⁴⁾ „отъѣвны.“

¹⁾ Припѣвъ послѣ строфъ.—²⁾ „предъ нами.“—³⁾ За симъ въ нѣкоторыхъ
„Звукъ сигнала“ опущено.—⁴⁾ „Измайла.“—⁵⁾ „Чтобъ злодѣи могли.“

Что свои готовы руки
Въ край вселенныя ⁶⁾ простерть.

Зри, премудрая царица,
20. Зри, великая жена,
Что твой взглядъ, твоя десница
Нашъ ⁷⁾ законъ, душа одна ⁸⁾.

Ужь не могутъ орды Крыма
Нынѣ рушить нашъ покой:
25. Гордость низится Селима
И блѣднѣетъ онъ съ луной ⁹⁾.

Зри на блещущи соборы,
Зри на красной этотъ строй:
Всѣхъ ¹⁰⁾ сердца тобой и взоры
30. Оживляются одной.

Зри, монарха ¹¹⁾, утѣшайся
На побѣдъ твоихъ вѣнецъ!
Зри, о мать, и ¹²⁾ восхищайся
На любовь къ тебѣ сердець!

(Надписывалось: „Сей хоръ по прѣлесту и огромности своего голоса въ музыкѣ почитается за наилучшій.“—На гуслихъ играли и пѣли хоромъ до нашихъ дней въ молодомъ лѣтѣ; ноты сохранились).

* *

Война Шведская.

1.

Движемъ, храбрые солдатушки,
На границы мы на Шведскія:
Не уступимъ мы товарищамъ.

⁶⁾ „Въ край вселенной ихъ.“—⁷⁾ „Новъ.“—⁸⁾ Слѣдующая строфа не во всѣхъ.—⁹⁾ За этимъ въ иныхъ: „Звукъ Измайла.“—¹⁰⁾ „Всѣ.“—¹¹⁾ Монархия. Въ иныхъ: „Зри, монархъ, и...“—¹²⁾ „Зри, о мать.“

- Тѣмъ, что бьютъ силы Турецкія!
5. И у насъ сердца Россійскія:
 Пусть умремъ мы за отечество,
 За велику Государыню,
 Нашу мудрую монархиню!
 Намъ не страшны вѣйска ббльшія,
10. Отступать мы не училися:
 Расхлѣбаемъ съ непріятелемъ
 Чашу славу, чашу смертную!
 Порохъ намъ—дрова берѣзовы:
 Мы затопимъ небо синее,
15. Подогрѣемъ вѣроломну грудь;
 А штыки-то къ чести лѣстница.
 Шведы помнютъ руку тяжкую,
 Не забыли дѣла прежнія:
 Не забыли храбрыхъ предковъ мы
20. И побѣду подъ Полтавою.
 Побѣждать намъ не учиться:
 Съ командирами искусными
 Усмиримъ мы душу гордую
 И заставимъ насъ бояться.
25. Возвратясь же во Санктпѣтербургъ,
 Мы поздравимъ нашу Матушку
 Съ полученьемъ Божьей милости,
 Со успѣхомъ надъ коварными.
 А потомъ пойдемъ къ красавицамъ,
30. Жонамъ, нашимъ полюбовницамъ ¹⁾):
 Онѣ снимутъ аммуницію,
 Оботрутъ съ лица кровавой потъ,
 Подведутъ къ намъ милыхъ дѣтушекъ;
 Тутъ мы станемъ забавлятися
35. И побѣдой прославлятися.

*

¹⁾ „Жонкамъ нашимъ и любовницамъ.“

2.

Татищевъ.

- Мы гвардейскіе солдаты
Идемъ съ радостью въ походъ:
Командиръ у насъ Татищевъ,
Никакихъ намъ нѣтъ заботъ.
5. Онъ солдатску нужду знаетъ,
Не оставитъ насъ ни въ чемъ:
Провіантомъ насъ пробавитъ,
Надѣлитъ насъ и харчомъ.
Аммуниціей исправны,
10. Всѣмъ снарядамъ сряжены ¹⁾,
Ружья и штыки преславны ²⁾,
И какъ быть вооружены.
Съ командиромъ симъ въ сраженье
И въ кравовой ѣдемъ бой
15. Словно такъ, какъ на ученье
Мы выходимъ когда въ строй.
Лишь бы только намъ случилось
Тѣхъ злодѣевъ поймать,
Отъ которыхъ огорчилась
20. Вселюбезна наша Мать.
Мы бѣ умѣли проучити
Злоковарныхъ сяхъ сосѣдовъ:
Мы бѣ ихъ стали также бити,
Какъ бывали мы ихъ дѣдовъ ³⁾.
25. Намъ вѣдь драться не учиться,
Мы бывали ужъ въ бояхъ:

¹⁾ „снабжены.“ — ²⁾ „У насъ ружья, штыки славы.“ — ³⁾ „Злоковарнѣйшихъ сосѣдовъ Мы бѣ умѣли проучить: Какъ бывали мы ихъ дѣдовъ, Также бѣ стали ихъ мы битъ.“

Лишь бы дали намъ сразиться,
Разщелкаемъ мы ихъ въ прахъ!
А потомъ въ свою столицу

30. Возвратимся мы опять
И любезную царицу
Успокоимъ нашу Мать.

(„Резвостымыъ и радость въывляющимъ голосомъ.“).

*

3. ●

Наступилъ ужъ мѣсяцъ Мартъ:
Насъ беретъ крѣпкой азартъ,—
Въ сердцахъ чувствуемъ мы жаръ,
Новой дать Шведу ударъ.

5. Открывайся, крыша водъ,
Дай скорѣй намъ въ море ходъ!
Спѣши, Шведъ, опять ты въ шкеры,
Коль построилъ ужъ галеры,
Иль, забывши стыдъ и горе,
10. Изъ Кармъ-Кронъ явился въ море!
Коли есть у те охота,
Выставляй вдругъ оба флота:
Ты казался вѣдь остѣръ,
Острогу развѣ постѣръ?
15. Пусть запѣсные гостинцы
Дѣлятъ герцоги и принцы:
Готеамъ надо за отвагу
Похмельнѣй сготовить брагу.
Лишь выдерживайте стойку,
20. Ужъ вамъ сдѣлаемъ попойку:
Сами скажете вы свѣту,
Что ужъ лучше ея нѣту, --
Вкусна, хмельна, разъимаетъ,

- Ноги совсѣмъ отъимаетъ,
 25. И кто сдѣлался хмелѣнъ,
 Въ зыбѣ ложиться онъ волѣнъ;
 А кто средствомъ лишь пьянъ,
 Тотъ ступай къ намъ на арканъ.
 Вы племянники, мы дяди:
 30. Принимать васъ къ себѣ ради.
 Заупрямится жъ кто много,
 Тотъ наказанъ будетъ строго:
 И сумнѣнья никакъ нѣтъ,
 Дадимъ паспортъ на тотъ свѣтъ.
 35. Тамъ и тѣни удивятся,
 Какъ упрямы къ нимъ явятся.
 Такъ вы, ждавши сей почостки,
 Наливайте мозгомъ кости:
 Мы жъ себя не станемъ ивжить
 40. И васъ можемъ обнадежить,
 Что по сихъ скоро словахъ
 Въ вашихъ будемъ мы страхахъ.

*

4.

Пушкѣнъ.

- Прочь вы, Шведы, удалитесь,
 Намъ ружья не показавъ,—
 Знайте вы и всѣ страшитесь:
 Противъ васъ самъ Пушкинъ графъ!
 5. Мы идемъ съ нимъ на сраженъе
 Словно какъ идемъ на пиръ,
 Исполняемъ Той велѣнъе,
 Кой дивится цѣлой мѣръ.

- Мы увѣрены заранее,
 10. Не польетъ онъ даромъ кровь:
 Мы приложимъ все старанье,
 Чтобъ прославиться намъ вновь.
 Крымъ ужъ чувствовалъ удары
 И Бендеры знаютъ то,
 15. Что онъ бомбы, пули, ядры,
 Все вмѣняетъ ни во что.
 Лишь куда онъ обратится,
 Летить слава ему въ слѣдъ:
 Все предъ нимъ страшась валится,
 20. Онъ родился для побѣдъ.
 Всякой ищетъ того счастья,
 Чтобы съ нимъ всегда служить:
 Средь войны съ нимъ нѣтъ ненастья,
 Онъ отецъ намъ хочетъ быть.
 25. Какъ дѣтей онъ насъ жалѣетъ
 И•таковъ его есть нравъ,
 Сердце доброе имѣетъ:
 Ты прославься, Пушкинъ графъ!
 Полетимъ мы противъ Шведа
 30. И покажемъ свою мочь:
 Мы накажемъ зла сосѣда
 Утромъ, въ полдень и въ полночь ¹⁾.
 Онъ осмѣлился встревожить
 Нашей Матери покой:
 35. Какъ намъ злобы не умножить,
 Какъ не жертвовать собой?

(„Идетъ показывая храбрость“ или „смѣлимъ голосомъ.“).

*

¹⁾ „Завтраку, обѣду и ужину:“ Сл. о П. И.

У И. И. Дмитриева находимъ:

5.

- Кинемъ, братцы, бесполезну
 Мы кручинушку свою:
 Обойми каждый любезну
 И потомъ ступай къ ружью!
5. Мы, солдаты, съ тѣмъ родимся,
 Чтобы жизнь вести въ трудахъ:
 Грозной смерти не боимся,
 Сами громъ несемъ въ рукахъ.
 Грянемъ имъ въ коварныхъ Шведовъ,
10. Возмутившихъ нашъ покой:
 По примѣру нашихъ дѣдовъ
 Вражью кровь прольемъ рѣкой.
 Вспомнимъ, други, мы Полтаву,
 Вспомнимъ нашей мочь руки:
15. Купимъ нову честь и славу,
 И лавровые вѣнки!

* *

**Хоръ на возвратъ изъ похода
 Турецкаго и Шведскаго.**

1.

- Возратившись изъ походовъ,
 Принеся ¹⁾ съ собой трофей,
 Среди звуковъ, среди громовъ,
 Плодъ побѣды вы своей,
5. Торжествуйте, Россы бранны,
 Славой, честію вѣнчанны,

¹⁾ „Принесемъ.“

Торжествуйте, ликозествуйте,
 Наполняйте плескомъ ²⁾ свѣтъ,
 Всей вселенной доказуйте,
 10. Что храбрѣи васъ въ свѣтъ нѣтъ,
 Нѣтъ храбрѣе и славнѣе,
 Насъ царямъ своимъ вѣрите ³⁾!

Вы въ полкахъ ли гдѣ сражались,
 Били тысячи вы стомъ;
 15. На моряхъ ли въ бой пускались,
 Флоты рушили огнемъ;
 Гдѣ вы грады осаждали,
 Страшны стѣны ихъ упали,
 Пали съ трескомъ, пали съ громомъ,
 20. Раздалося слово въ свѣтъ,
 Что съ Россійскимъ храбрымъ родомъ
 Сопротивника днесъ нѣтъ;
 Нѣтъ имъ спорника во брани:
 Лавры рвутъ вездѣ ихъ длани.

25. Въ лаврахъ мы теперь ликуемъ,
 Изорженныхъ у враговъ:
 Вамъ, Россіянки, даруемъ
 Храбрыхъ нашихъ плодъ боёвъ!
 Раздѣляйте съ нами славу,

30. Честь, утѣху и забаву,
 Раздѣляйте, ободряйте
 И впередъ къ побѣдамъ насъ,
 Жаръ въ сердца вы намъ вливайте:
 Вашъ надъ нами силенъ гласъ;

35. За единъ вашъ взглядъ любви
 Лить мы рады токи крови.

²⁾ „Влескомъ;“ плескомъ дланей. ³⁾ „Нѣтъ храбрѣе и славнѣе Васъ, царямъ своимъ;“ Этими въ нѣкоторыхъ и кончается.

- За одну Твою щедроту,
 За одинъ Твой кроткій взглядъ,
 Сердце, душу, жизнь, охоту
 40. Россъ принести на жертву радъ,
 О любезна Мать народа!
 Вѣрь, что щедрая природа
 Съ тѣмъ Тобой насъ наградила,
 Чтобъ Ты звучны чудеса
 45. Съ храбрымъ Россомъ сотворила:
 Продолжите, небеса,
 Продолжите Ея лѣта,
 Къ удивленью всего свѣта!

(„Сей есть веселый изъ хорозъ, потому что онъ означаетъ веселіе, какое бываетъ при возвращеніи изъ походовъ“).

* *

Полковныя.

1.

(Исправленія И. И. Дмитриева въ скобкахъ).

- Гренадеры молодцы,
 Други, братья, удалцы!
 Ой кáлнна, ой мáлнна ¹⁾!
 Станемъ, братцы ²⁾, въ круговую,
 5. Грянемъ пѣсню удалюю,
 Грянемъ пѣсню въ доброй часъ,
 Благо хлѣбъ-соль есть у насъ!
 Запоемъ мы трыцко-хвацко
 Про житье-бытье солдатско.
 10. Что подъ дожжичкомъ трава,
 То солдатска голова:

¹⁾ Припѣвъ (народный) послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—²⁾ „ладомъ.“

Весело ³⁾ цвѣтеть, не вянуть,
Службу царску бойко танеть ⁴⁾.
Жизнь мужицкая, прости:

15. Ради службу мы нести;

По позыву иль ⁵⁾ по волю,
Умереть готовы въ полѣ ⁶⁾.

Въ комъ хоть мало есть ума,
Не страшна тому сума:

20. Онъ ружье, патронникъ, ляжку

Какъ ребенокъ любить мамку.

А бывало, братцы, въ старь,

Хоть дубиной приударь,

Ни изъ чести, ни изъ платы,

25. Не поидеть мужикъ въ солдаты.

Пальцы рубить, зубы рветъ,

Въ службу царскую не йдетъ.

А когда служить сберется,

То какъ съ жизнью разстается;

30. Тамъ жена, и братъ, и свать,

Гришка, Сидоръ и Кондрать

Какъ по мертвомъ зарыдають;

До кружала ⁷⁾ провожаютъ,

Всей деревней заревуть:

35 «Ваньку въ рекруты дають!»

—Ахъ, прости на вѣки, Ваня:

—Вотъ ужо тѣ ⁸⁾ будетъ баня!—

А теперь чего тужить,

Какъ съ охотой не служить?

³⁾ „Весела.“—⁴⁾ Прибавлено:

Весело тогда служить,

Какъ дають въ покоѣ жить,

Какъ спящій дубьемъ не тѣшуть

И скребнемъ волосъ не чешуть.

⁶⁾ „и.“—⁶⁾ Слѣдующіе четыре стиха опущены.—⁷⁾ Кабака, выставш. — ⁸⁾ Тебѣ.

40. Слава Богу: есть отставка,
 По два рублика прибавка.
 Ой ⁹⁾, спасибо, наша Мать!
 Ради въ полъ умирать,
 Жизнь солдатска намъ забава,
 45. Польза, счастье намъ ¹⁰⁾ и слава!

(На голосъ известной народной пѣсни: „Нѣтъ подъ дуба, нѣтъ подъ вяза, Нѣтъ подъ вяза коренья.“—При этомъ прибавлялись картинки полковыхъ кружковъ въ тогдашней амуниціи).

*

2.

- Веселитесь, всѣ наши солдаты,
 Славой, честію своей,
 Что мы страшны всѣмъ нашимъ злодѣямъ,
 Мы ихъ рубимъ, бьемъ и жжемъ.
 5. Мы не трусимъ, хотъ ихъ числомъ больше,
 Только слушаемъ приказъ:
 Куда скажутъ наши командиры,
 Туда всѣ идемъ и бьемъ.
 Хотя храбро на насъ наступають,
 10. Мы встрѣчаемъ ихъ въ штыки ¹⁾,
 Бьемъ, разимъ, не портя свой порядокъ,
 И кричимъ «ура, ура, ура ²⁾!»
 «Вѣвать мать наша Екатерина,»
 По ³⁾ побѣдѣ всѣ кричимъ:
 15. Насъ не держатъ крѣпки ⁴⁾ стѣны градски,
 Мы и въ нихъ врагамъ отмстимъ.
 Намъ ни горы ⁵⁾, мѣря, холмы, рѣки
 Не препятствуютъ итти:

⁹⁾ „Ай.“—¹⁰⁾ „всѣмъ.“

¹⁾ „Мы встрѣчаемъ на штыкахъ.“—²⁾ „ура, ура.“—³⁾ „О.“—⁴⁾ „крѣпки“
 нѣтъ.—⁵⁾ „горы“ нѣтъ.

Наша храбрость воймъ извѣстна
20. И въ молвѣ ⁶⁾ всѣ знаютъ насъ.

(„Сочиненіе одного умнаго военного человека. Поется съ веселымъ духомъ“).

Прочія подобныя, безъ особнхъ историческихъ чертъ и намековъ, помѣстятся послѣ въ своемъ мѣстѣ.

Сочиненныя пѣсни XVIII вѣка, подобно народнымъ, также точно прерываются въ своемъ торжествѣ разными бѣдами и изображеніемъ ихъ: только здѣсь уже не Каинъ, Тавька или Пугачевъ, а на прикѣрѣ Чума, славная бѣгствомъ начальниковъ столицы, високомѣремъ владыкъ и безобразіемъ разъяреннаго народа. Солдаты между тѣмъ спасались карантинномъ и среди его было время досужимъ стихописцамъ повѣствовать о горѣ.

Чума.

1.

Какъ во прошломъ во году
Прѣзжали мы въ Москву:
Въ Головиной домъ ¹⁾ вѣзжали,
Гдѣ кордонъ мы содержали;
5. Разомъ всѣхъ насъ тутъ пустили
И рогати затворили,
Караулы становили
И всѣмъ сказанъ намъ арестъ,
Подъ которымъ ²⁾ мы и естъ.
10. Поутру рано вставали,
Все несчастье узнавали ³⁾,
Какъ въ Москвѣ многой народъ
Кончилъ язвою животь.
Глазами вокругъ дворца кидали ⁴⁾,
15. Вездѣ выходу искали:
Не могли его найтитъ,
Всѣ остались тутъ и жить.

⁶⁾ „На моряхъ.“

¹⁾ Дворецъ.—²⁾ „Во которомъ.“—³⁾ „Поутру мы рано встали, Все несчастье узнали.“—⁴⁾ „Глазами вокругъ кидали.“

- Къ намъ штабъ-дѣкаръ выбѣгалъ,
 Карантины утверждалъ
 20. И курить насъ заставлялъ,
 Самъ съ робости обмиралъ.
 Дни такі были ненастны ⁵⁾,
 А мы все-таки несчастны
 Жили были много дней
 25. Не похожи на людей.
 Послѣ многого мученья
 Получили облегченье:
 Намъ прибавлено вино,
 Обогрѣло ⁶⁾ насъ оно.
 30. Ничего ужъ не боялись,
 Разными пѣснями забавлялись.
 Постъ весь были мы въ весельѣ ⁷⁾,
 Только дай Богъ намъ терпѣнья.
 Страхъ и трепеть обуялъ,
 35. Какъ рейтаръ въ чуму цопалъ.
 Мы наружно веселились,
 А внутренно все мутились.
 У рогатки мы стоимъ,
 На Москву всегда глядимъ:
 40. Преображенскія ⁸⁾ слободки,
 Прощай, дѣвки ⁹⁾ и молодки!
 Съ горя выпьемъ теперь водки.
 Прощай, Яуза съ заливы,
 Намъ сударушки не мѣлы!
 45. Прощай, матушка Москва,
 Во глазахъ видна всегда!
 Только вытти намъ нельзя.

⁵⁾ „напастны.“—⁶⁾ „Ободряло.“—⁷⁾ Это кстатн постомъ.—⁸⁾ Преображенскія, въ Преображенскомъ; перечисляются мѣстности, видныя изъ двора.—⁹⁾ „Дѣвушки.“

- Графъ Орловъ-тъ ¹⁾ отъѣзжаетъ,
 Всѣхъ насъ въ горѣ оставляетъ:
50. Однимъ только увѣщаль,—
 Въ Петербургъ взять обвѣщаль.
 Самъ поѣхаль—поклонился
 И со всѣми тутъ простился.
 Къ намъ пріѣхаль князь Волконскій ²⁾:
55. Опять вновь насъ ободрилъ,
 Отпустить насъ говорилъ;
 Мы надеждою ласкались,
 А всё тутъ же оставались.
 Во концѣ жь ³⁾ прошлаго года
60. Испугались очень много:
 Во второмъ часу съ полночи,
 Какъ сомкнулись только очи,
 Вдругъ тревогу ударяютъ,
 На пожаръ всѣхъ высылаютъ.
65. Мы не знаемъ гдѣ горить,
 Ужаснулся нашъ тутъ видъ,
 Всякъ другъ другу говоритъ:
 «Ахъ, дворець совсѣмъ горитъ!»
 Въ ту минуту побѣжали,
70. Изъ дворца все выбирали.
 На зорѣ былъ битъ тутъ сборъ,
 Въ гошпиталѣ данъ намъ домъ:
 Мы тамъ жили-поживали,
 Всего горя мы не знали.
75. Вдругъ встревоженъ былъ нашъ духъ,
 Поразилъ несчастный слухъ,
 Гренадеры говорятъ:
 «Вѣдь ужъ полно намъ гулять,
 «Командира мы лишились,—

¹⁾ Орловъ-то.—²⁾ „Волынскій.“—³⁾ „А въ концѣ.“

80. «Какъ отцемъ всегда хвалились,
 «Мы всё плачемъ, возрыдаемъ,
 «Его милость вспоминаемъ:
 «Прости, батюшка Архаровъ ⁴⁾,
 «Гренадеръ плачетъ не даромъ!»

(„Голосъ печальной“).

*

Къ подобнымъ же событіямъ относится и *прибытіе Слона въ Москву*: среди жизни, бѣдной явленіями развитія, и такой случай сочтемъ мировымъ историческимъ событіемъ, вызвалъ лубочныя картины и вдохновилъ известную пѣсню:

„Что въ Москвѣ за удивленье,
 что такое за явленье“,
 конченную впрочемъ совершенно въ духъ народной экономіи:
 „Для чего за ту скотину
 Рубль берутъ или полтину?
 Нѣ за что и гривны несть:
 Слоны родилия, слонъ и есть.“

* *

Опять война Турецкая. Союзники.

1.

Бирбѣръ Туркамъ сталъ не милъ,
 Алѣ, алѣ, имъ не милъ ¹⁾.
 Страхъ развѣялъ ихъ какъ прахъ ²⁾.
 Крѣпость, пушки и подкопы
 5. Все бросали, дурносопы.
 Въ ночь исчезли все какъ бѣсы
 Черезъ тѣмныя свои лѣсы.

⁴⁾ Известная фамилія, сочетавшаяся поддѣе съ Васильчиковыми.

¹⁾ Прикѣвъ такимъ образомъ къ каждому стиху.—²⁾ Въ подлинномъ сочиненіи вѣроятно „какъ пыль.“

- Нынѣ войны Австрійски,
 Также точно какъ Россійски,
 10. Черезъ дѣйствія удачны
 Мусульманамъ стали страшны ³⁾.
 Лишь покажутъ стройной маршъ,
 Туркамъ драться и шабашъ.
 Ужь мнутея и въ Бѣлградѣ,
 15. Что имъ скоро быть въ осадѣ.
 Вся ихъ крѣпкая твердыня
 Имъ мечтается какъ дыня.
 Палисады жь, рвы, укрѣпы
 Мы считаемъ вмѣсто рѣпы.
 20. Такъ смотрите жь вы, невѣжды:
 Коль вамъ нѣтъ ни въ чемъ надежды,
 Въ бой вступать и не дерзайте,
 Такъ крѣпости оставляйте;
 Оставаясь здравы, цѣлы,
 25. Въ дальны кройтеся предѣлы,
 Къ Восточному ближе свѣту,
 То есть въ Мекку къ Магомету!

*

Слѣдующая пѣсня очевидно сочинена въ средѣ солдатской и потому близка къ народной:

2.

На Турецкой границѣ.

Долго ли снѣжочкамъ во чистомъ полѣ лежать,
 Долго ли солдатушкамъ горе горевать ¹⁾?
 Оставимъ тоску-печаль во тѣмныхъ во лѣсахъ,
 Станемъ привыкать ко Турецкимъ ко странамъ ²⁾.

²⁾ Искусственность доводила до униженія и лживой неправды.

¹⁾ Каждый второй стихъ повторяется.—³⁾ Вѣроятно старше: „во Турецкихъ во странахъ.“

5. Забывай, солдатушки, отца-мать, жену:
 Вспомните, служилые, тесаки, ружье, суму.
 Плащъ, кафтанъ съ камзоломъ намъ не надо скидывать:
 Стоя въ караулѣ намъ не надобно дремать.
 Съ дѣвками, съ молодками ³⁾ полно намъ гулять:
10. Мягкія перинушки пора намъ забывать.
 Солдатско житье, право, лучше всего:
 Чортъ возьми того, кто не хвалитъ его ⁴⁾!
 Ходя найдимся, стоя выспимся,
 По утру слезами умоемся ⁵⁾,
15. Утремся полой, Богу помолимся:
 Дай, Боже, солдатушкамъ пожить да послужить,
 На чужой сторонущіе головки положить!
 Есть у насъ, братцы, мука и крупа:
 Хлѣбовъ напечемъ, еще каши наваримъ.
20. Сложимся по денежкѣ да купимъ мы винца ⁶⁾:
 Выпьемъ мы по чарочкѣ ⁷⁾, позавтракаемъ;
 Выпьемъ по другой, разгуляемся;
 Выпьемъ мы по третьей, сами пѣсни запоемъ:
 «Трахъ, трахъ, трахъ, тарарушечки!
25. «Гдѣ наши дѣвались прежни душечки,
 «Душечки красны дѣвушки?»

(„Сочинена на Турецкой границѣ солдатами. Поется со изъявленіемъ въ голосѣ мужества.“ На самомъ же дѣлѣ пѣлась голосомъ „Нвушка, ввушка, зелѣная моя.“)

*

3.

Кинбуриская коса. Суворовъ.

Нынѣ времячко военно,
 Отъ покоя удаленно:

³⁾ „Съ дѣвушками, съ молодухами.“—⁴⁾ Въ нѣкоторыхъ эти два, стихи переставлены.—⁵⁾ „Умываемся.“—⁶⁾ „вина.“—⁷⁾ „по чаркѣ.“

- Наша Кінбурнска коса
Открыла перва чудеса.
5. Флотъ Турецкой подступаетъ,
Турокъ на Косу сажаетъ
И ¹⁾ въ день первый Октября
Выходила тутъ ихъ тьма.
Они шанцы тутъ копають.
10. Изъ судовъ припасъ таскають,
Чтобы Кинбурномъ владѣть
И въ побѣдѣ себя зрѣть.
Но Суворовъ генералъ
Тогда не спалъ—не дремалъ:
15. Свое войско учреждалъ,
Турковъ больше поджидалъ.
Турки вскорѣ накопились,
Во предмѣстія набились:
Тутъ Суворовъ выступаетъ,
20. Всю опасность презираетъ.
Онъ приказъ войску отдалъ,
Во сраженіе самъ сталъ:
Турки бросились на сабляхъ,
Презирая свою смерть.
25. Ихъ Суворовъ видя дерзость,
Оказалъ тутъ свою ревность,
Поминутно повторялъ:
«Ступай наши на штыкахъ!»
Приказъ только получили,
30. Турковъ били и топили,
И которыхъ полонили,
А оставшихъ порубили.
Ужь не видя предъ собой,
Что вновь скоро будетъ бой,

¹⁾ „Какъ.“

35. Они пѣсенки запѣли,
 На покой въ Кинбурнъ пошли.
 Съ предводителемъ такимъ
 Воевать всегда хотимъ;
 За его храбры дѣла

40. Закричимъ ему: «ура!»

(„Поется показывая голосомъ неустранимость.“—Герстенбергъ успѣлъ намъ въ своемъ изданіи сохранивъ нѣтъ на ногахъ).

*

4.

Очаковъ. Потемкинъ.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные ¹⁾,
 Не спѣши ты, зима, съ морозами ²⁾:
 Не защита вы Очакову,
 Не спасеніе ³⁾ врагамъ нашимъ.

5. Сыны храбрые Россійскіе
 Презираютъ ваши лютости.
 Въ нихъ сердца горятъ вѣрностью ⁴⁾
 Ко премудрѣйшей своей Матери,
 Въ нихъ вся кровь кипитъ усердіемъ

10. Ко прехраброму ко начальнику.

На зорѣ то было на утренней,
 На восходѣ красна солнышка,
 Какъ возгворить Потемкинъ князь:
 «Ой вы гой еси, солдатушки!

15. «Намъ пришла пора Очаковъ взять,

¹⁾ Таково подлинное начало, согласно пѣснѣ „народной“ и приведенной выше сочиненной о Средиземномъ морѣ.—²⁾ Но уже въ 1791 г. находимъ начало:

Не спѣши ты, зима, морозами,
 Не бурдите, вѣтры холодные.—

³⁾ „Не спасенье вы.“—⁴⁾ „любовію.“

- «Чась приближился луну сорвать,
 «Со окоповъ бѣлокаменныхъ
 «Разметать башни Турецкія,
 «Покорить враговъ мечу Русскому,
 20. «Скиптру мудрыя Государыни!»
 «— И ты гой еси, нашъ батюшко,
 «— Ой прехраброй предводитель нашъ!
 «— Лишь рукой махни, Очаковъ взять ⁵⁾!
 «— Слово вымолви, Стамбуль падеть ⁶⁾!
 25. «— Мы пойдемъ съ тобой въ огонь въ по́ломе ⁷⁾,
 «— Пройдемъ пропасти подземныя ⁸⁾!—»

- Лишь успѣли ⁹⁾ храбры войны
 Рѣчь окончити геройскую,
 Засверкали ¹⁰⁾ штыки Русскіе,
 30. Загремѣла вдругъ артилерія,
 Полилась рѣкой Турецка кровь ¹¹⁾,
 Повалились башни крѣпкія ¹²⁾.
 Гдѣ луна была, тамъ орлы парятъ,
 Гдѣ бунчукъ стоялъ; тутъ штандартъ блеститъ,
 35. И паша, упавъ предъ Потемкинымъ,
 Вручилъ жизнь свою и ключи града ¹³⁾.

- Тутъ воскликнули побѣдители:
 ««Ой ты гой еси, невѣрной царь!
 ««Посмотри ты ¹⁴⁾ на пашей своихъ,
 40. ««Ты взгляни на кровь Турецкую,

⁵⁾ „такъ Очаковъ нашъ.“—⁶⁾ „Мы Стамбуль возьмемъ.“—⁷⁾ „въ огонь и въ по́ломе.“—⁸⁾ „подводныя.“—⁹⁾ „успѣли такъ.“—¹⁰⁾ „Засверкали тамъ.“—¹¹⁾ „кровь Турецкая.“—¹²⁾ „гордыя.“—¹³⁾ Въѣсто сихъ двухъ стиховъ, въ нѣкоторыхъ четыре: Сераскирь упалъ предъ Потемкинымъ, Преклоняючи свою главу, Покорялся со всѣмъ городомъ, Умоляя жизнь съ ланчарами.—¹⁴⁾ „ты здѣсь.“

«Покорись нашей Монархинѣ,
«Не тебѣ, царь, воевать съ нами ¹⁵⁾!»»

(„Поется на голосъ „Не бушуйте вы, вѣтры буйные,“ т. е. народной известной пѣс-
ни. Нотъ намъ не известно въ печати, но еще въ молодости нашей любилъ пѣть объ
Очаковѣ хоромъ, и напѣть намъ памятенъ).

*

Эта знаменитая пѣсня, хотя и сочиненная, но любимая нѣкогда, весьма
распространенная и почти сто лѣтъ продержавшаяся, имѣла конечно мно-
жество вариантовъ. Мы привели главные и старшіе. Вотъ еще одинъ изъ
рукописи:

5.

То же.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не спѣши, зима, съ морозами:
Не защита вы Очакову,
Не спасеніе врагамъ нашимъ!
5. Сыны храбрые Россійскіе,
Въ нихъ сердца горятъ любовью
Ко премудрой своей матери
И ко храброму начальнику.

Какъ возгворить Потемкинъ князь:
10. «Охъ вы дѣтушки-солдатушки,
«Сыны храбрые Россійскіе!
«Побѣдимъ врага невѣрнаго:
«Намъ пришла пора сорвать луну,

¹⁵⁾ Въ болѣе позднихъ прибавлено еще:

Твой безсильный другъ на Сѣверѣ
За Арабскіе червонны
Не войну ведетъ, онъ разбой держитъ:
Тамъ смирять его одинъ егарь,
Одинъ егарь со козѣками:
Не достоинъ онъ гранодерскихъ рукъ!

«Со окоповъ бѣлокаменныхъ
15. «Разметать башни Турецкія!»

Не успѣлъ онъ слово вымолвить,—
Повалились башни гордыя,
Полилась рѣкой кровь Турецкая.
Гдѣ бунчукъ стоялъ,
20. Тутъ штандартъ блещитъ.
Сѣраскиръ упалъ предъ Потемкинымъ,
Преклоняючи свою голову,
Умоляючи жизнь янычарамъ.
Какъ возгворитъ Потемкинъ князь:
25. «Не тебѣ, царю, воевать съ нами!»

*

6.

О ТОМЪ ЖЕ.

Всѣ армейскіе солдаты,
Слѣдуй грудью во походъ:
Командиры всѣмъ богаты,
Мы пойдемъ точно въ разводъ.
5. Всю солдатску нужду знаютъ,
Ихъ не надобно учить:
Аммуниціей пробавятъ ¹⁾,
Такъ престанемъ же тужить.
Хоть и свѣта кто лишится,
10. Какъ на брани убіютъ,
Къ ликамъ вѣчнымъ премѣнится ²⁾,
Злы дѣла того уснутъ.
Силу къ силѣ приберемъ,

1) „Аммуниціи прибавятъ.“ — 2) „преселится?“

- Ничего мы не оставимъ,
 15. Всѣ до éднаго умремъ!
 А Потемкина прославимъ:
 Мы сплетемъ ему вѣнецъ
 Отъ своихъ, братцы, сердець ³⁾!
 Вождемъ будетъ ему Марсъ,
 20. Подъяремникомъ Пегасъ ⁴⁾.
 Артикулъ насъ не пугаетъ,
 Его твердо всякой знаетъ.
 Той надеждой всегда льстимся,
 Что мы Турокъ не боимся.
 25. Ихъ крѣпкіе города
 Не годятся нивкуда:
 Какъ Очаковъ ни упоренъ,
 Но теперь ужъ намъ покоренъ.

*

А вотъ еще *четвертый* образецъ съ началомъ „Не бушуйте, вѣтры буй-
 ные,“ образецъ очень рѣдкій (ибо черезъ чуръ самонадвѣнный и хвастли-
 вый), напечатанный впрочемъ уже 1791 года:

7.

Море Средиземное.

- Не бушуйте, вѣтры буйные,
 Не волнуй ты, море синее,
 Ты синѣ море, Средиземное!
 Успокойся ты, лѣто красное (?),
 5. Не мѣшай смирить вѣроломнаго,
 Да султана намъ Турецкаго!
 Какъ наѣдетъ прехраброй князь,
 Его свѣтлость, предводитель нашъ,
 Не объявить ли приказа намъ,

³⁾ Это взято изъ пѣсни Румянцеву; см. выше.—⁴⁾ Очень одушевително для солдата.

10. Намъ приказа государева,
 Чтобъ подвинуться подъ стольной градъ ¹⁾,
 Что подъ ту ли древню Грецію?
 Мы бъ тотчасъ сгубили мечети,
 Ввели въру христіанскую!

*

8.

Поскорѣй бы взять Бендеры.

- Ужь видать ли намъ, дожждаться,
 Намъ въ Бендеры-то забратсья?!
 Не для того, чтобы драться
 И съ чалмами намъ считаться:
5. Уменьъ сталъ ужь бусурманъ.
 Тѣхъ замѣтя силу знаковъ,
 Какъ пропалъ его Очаковъ,
 Сдалъ до слова Акерманъ.
 То же будетъ, знать, и здѣсь:
10. Не вскричитьъ—«На стѣны лѣзъ!»
 И то вѣрно ужь, не враки,
 Что не будетъ съ ними драки.
 Такъ и сила наша—рать
 Ихъ не будетъ обирать:
15. Намъ червонцевъ не видать,
 Ими сумъ не набивать.
 А воздавши хвалу Спасу,
 Ихъ попробуемъ запасу:
 Пивца попьемъ вмѣсто квасу,
20. Пусть хоть тикъ вмѣсто атласу!
 Ихъ повѣртлива нога:
 Вонъ ихъ выѣхалъ ага!
 Знать, упрямства, вѣрно, нѣту:

¹⁾ Царь-градъ.

Смѣло ѣдетъ онъ къ пикету.

25. Что-то скажетъ имъ нашъ Князь ¹⁾?

Ахъ, мы смѣли бъ всѣхъ ихъ въ грязь!

Но не имѣтся тому вѣры,

Чтобъ воспротивились Бендеры!

Чу, и слухи раздаются,

30. Что они ужъ намъ сдаются!

Ну, инъ такъ тому и быть:

Мы не станемъ ужъ ихъ бить!

Пойдемъ въ крѣпость мы, пойдемъ;

Хоть тамъ хлѣбъ съ солью найдемъ!

*

9.

Браиловъ. Гассанъ.

Суворовъ-Рымникскій.

Дней назначенныхъ дождавшись,

Съ сильной арміей подявшись

Ко Браилову Гассанъ,

Тутъ хотѣлъ держать свой станъ.

5. Но, проведши одну ночь,

Въ кучѣ всю имѣя мочь,

Не лѣнливо поднялъ ногу

На Фокшанскую дорогу,

Планъ имѣючи таковъ

10. И совѣты свои дивны,

Чтобъ достигнувъ рѣки Римны,

Потоптать тутъ Русаковъ,

Или кучами Азіяцовъ

Подавить хотя Австрійцовъ.

¹⁾ Потемкинъ.

15. Но вдругъ слышать въ войскѣ рѣчи,
 Что идутъ къ нему для встрѣчи
 Не поклонъ свой отдавать,
 А знать—лагерь разбивать,
 Полки арміи Россійской
20. Совокупные съ Австрійской.

- Полянь вскрылась вмѣсто мѣду:
 Поднимаетъ руки къ небу,
 Онъ молится Магомеду,—
 Не о томъ, чтобъ далъ побѣду,—
25. Въ томъ надежда будетъ ложна
 И побѣда невозможна—:
 Но хоть столько бъ имѣлъ внять,
 Чтобъ помогъ весь лагерь снять.
 Коль Русакъ идетъ—хохочеть,
30. Знать, къ рукамъ прибрать все хочеть,
 Не считая за навозъ—
 И палатки, и обозъ,
 И котлы мѣдны, и блюда,
 И бараны, и верблюды,
35. И буйволовъ, лошадей,—
 Заберётъ всѣхъ сей злодѣй ¹⁾!

- Но Пророкъ мольбы не внимлетъ:
 Въ раю съ гурьями, знать, дремлетъ.
 А Русакъ ужь на отвагу
40. Поприбавилъ къ стану шагу.
 Хотя Турки и храбрились ²⁾,
 Но безъ всякого успѣха
 И, надѣлавъ только смѣха,
 Всѣ на полѣ повалились;

¹⁾ „Заберетъ сей чудодѣй.“—²⁾ „Хоть Турки и храбрились.“

45. Иль, сказать, такъ Турокъ дули,
 Что сномъ вѣчнымъ всѣ послули ³⁾.
 Глава высша главъ поганскихъ ⁴⁾,
 Войскъ начальникъ Оттоманскихъ,
 Окончавъ къ нему ⁵⁾ мольбу,
50. По своимъ дѣламъ пальбу:
 Знать, сердясь на Магомета,
 Что гналъ силы ихъ со свѣта,
 И, устлавъ поле тѣлами,
 Самъ раздѣлался тѣмъ съ нами.
55. Обуяла какъ тоска,—
 Не противно намъ, но мило ⁶⁾,—
 То онъ всё, что его было,
 До послѣдня волоска,
 Въ побѣгъ ударившись самъ ⁷⁾,
60. Вездѣ всё оставилъ намъ.
 Ура, ура, ты Гассанъ!
 Попадай намъ въ руки самъ
 И не дѣлай тамо ⁸⁾ споровъ,
 Гдѣ Рымникской Графъ Суворовъ!

(„Поется нужественно.“—Много вариантовъ).

*

10.

Измаилъ.

- Толика нынѣ слава есть:
 Русаку въ побѣдахъ честь.
 Ступай, не робѣй. 2 (дважды).
 Мы къ Измаилу пришли,
5. Незваные гости:
 Много Турокъ тутъ нашли,

³⁾ „Заснули.“—⁴⁾ „Главный этихъ силъ поганскихъ.“—⁵⁾ „Къ небу.“—⁶⁾ „лимадо.“—⁷⁾ „удалившись;“ „Въ побѣгу ударившися самъ.“—⁸⁾ „тамъ тм.“

- Ихъ ломать всё кости.
 Всё ужасно испужались,
 Въ разны стороны бросались:
10. Имъ ужь некуда бѣжать. 2.
 У боярина большого ¹⁾
 Нѣтъ отзыва никакого:
 Стой на мѣстѣ тутъ. 2.
 Мы не будемъ тутъ дремать,
15. Или думать, или спать:
 Пришли работаты! 2.
 Кто и больше ростомъ насъ ²⁾,
 Будь товарищъ намъ въ тотъ часъ,
 Ступай съ нами въ ряды! 2.
20. Приказъ равной всёмъ былъ данъ:
 Послужилъ какъ намъ таланъ,
 То намъ и сбылось,
 Чего ждали мы.
 Пушекъ грома не боимся,
25. Пуль и ядеръ не страшимся:
 Не вновь привыкать!
 А картечи какъ горохъ,
 Тонуть въ воздухъ какъ въ мохъ,
 А въ грудь ничего.
30. Какъ къ стѣнамъ поближе стали,
 Тутъ его ужь штурмомъ брали:
 Турокъ, не сердись,
 Лучше помирись!
 Намъ покоиться пора,
35. Закричимъ теперь: «Ура,
 Слава Русаку,
 Слава Русаку!»

(Напѣвъ слѣтъ изъ двухъ— „Ужь какъ по мосту-мосту“ и „Ахъ вы стѣны мои, стѣны,
 или, извѣстнѣе по пѣсни, развитой особенно впоследствии, „За горами, за долами“).

¹⁾ Потемкина?—²⁾ Потемкинъ?

Этот образец, возникший среди солдатъ, ближе къ народному, а слѣдующій обличаетъ болѣе искусственное желаніе приблизиться къ народному:

11.

О томъ же.

Гдѣ ты, воронъ, былъ, гдѣ полѣтывалъ?

Ты скажи, воронъ, что видаль-слыхаль?

Что случилось во Турчинѣ,

Въ грозной арміи Суворова?

5. Не убить ли мой сердечной другъ,

Сердцу вѣрному зазнобушка?

«Я леталь-леталь, полѣтывалъ,

«По бѣлу свѣту погуливалъ,

«Въ слѣдъ за арміей православною;

10. «Я клевалъ-клевалъ, поклѣвывалъ

«Тѣло вражье-бусурманское;

«Я видаль диво, диво дивное,

«Диво дивное, чудо чудное:

«Какъ нашъ батюшка, Суворовъ князь,

15. «Съ малой силой соколовъ своихъ,

«Разбивалъ полки тѣмъ-численны,

«Полонилъ пашей и вѣзирей,

«Бралъ Измѣялъ, крѣпость сильную,

«Крѣпость сильную, завѣтную.

20. «Много пало тамъ солдатушекъ,

«За святую Русь, отечество,

«И за вѣру христіанскую.

«Я принесъ тебѣ и вѣсточку,

«Что твой милой другъ на приступѣ

25. «Палъ со славой Русска война.

«Онъ велѣлъ отдать кольцо тебѣ

«Обручально, съ челобитьяцемъ,

- «Чтобы красная ты дѣвица
 «Не кручинилась, не печалилась.
 30. «Князь Суворовъ, нашъ отецъ родной,
 «Смерть отмстилъ онъ своихъ дѣтушекъ
 «Надъ главами басурманъ-враговъ:
 «Онъ отпѣвъ тѣла геройскія,
 «Проронилъ слезу отеческу
 35. «И, по долгу христіанскому,
 «Надъ могилой ихъ поставилъ крестъ.»

- Я пойду, млада, на улицу,
 Расскажу я эту вѣсточку
 Всѣмъ подружкамъ, всѣмъ голубушкамъ:
 40. Пусть поплачуть со мной, горькою,
 Облегчать тоску смертельную
 И утѣшать сиротинушку.
 Охъ, мнѣ тошно жить безъ милаго,
 Безъ сердечна друга вѣрнаго!
 45. Я сама бъ себя не видѣла
 И сей бѣлой свѣтъ оставила!
 Еслибъ не было ни матушки,
 Ни роднаго сударь-батюшки,
 Еслибъ Бога не боялася
 50. И суда Его предвѣчнаго,
 Тобъ подняла руки бѣлыя
 На главу свою злосчастную.

Кстати:

*

12.

**Мачинъ. Черезъ Дунай.
 Реппинъ, Голицынъ, Кутузовъ,
 Волконскій, Рибасъ.**

Ужъ какъ нутка, кавалеры,
 Расположимъ свои мѣры,

- Прѣс Мачинъ пѣсню сложить
И побѣду подтвердить.
5. Князь Репнинъ повелѣваетъ,
За Дунай переправляетъ,
И карен учредилъ,
Генераламъ поручилъ,
Онъ тѣмъ планъ свой объявляетъ,
10. Во баталію вступаетъ.
Визирь съ войскомъ насъ встрѣчалъ,
Туркамъ онъ «Алла» кричалъ,
Въ драгъ же стоялъ упорно,
Защищаяся проворно:
15. Турки были храбродушны,
Визирю во всемъ послушны.
Штыкъ Голицына сверкаетъ,
Турокъ смѣлыхъ поражаетъ.
Что ихъ каменные горы:
20. Нѣтъ Кутузову упоры!
Визирь, видя ослабленье,
Насыляетъ повелѣнье,
Чтобы музыка играла,
Собой Турокъ ободряла.
25. Турки вновь тутъ укрѣпились
И на сабляхъ всѣ пустились:
Дерзость ихъ Репнинъ приметилъ,
Князь Волконской тотчасъ встрѣтилъ.
Двумъ кареямъ закричалъ:
30. «Стой, равняйся,» и наступалъ;
Съ ними въ гору посѣщааетъ,
Себя славно отличаетъ.
Рѣбасъ ловить ихъ на уду ¹⁾
И кидаетъ въ одну груду.
35. А визирь не унываетъ,

¹⁾ Игра словами по поводу фамиліи «Рѣба.»

- Только свѣжихъ подсылаеть
 Всѣ кареи подвигались,
 Крѣпко съ Турками сражались:
 Турки билися упорно,
 40. Мы кололи ихъ задорно.
 Изъ Браилова десантъ
 Вздумалъ тутъ же помогать:
 Три кареи отпиривались,
 Со десантомъ тѣ сражались.
 45. Что вступили во сраженье,
 Такъ пошло вдругъ пораженье:
 Ихъ три сѣдна потопили;
 А другія въ прахъ разбили.
 Турки жару не отерпѣли,
 50. Ну бѣжать, куда успѣли:
 Во Дунай стали бросаться;
 Чтобы тѣмъ отъ насъ спастись.
 Турки шесть часовъ стояли
 И надежду потеряли:
 55. Своего пашу кидаютъ,
 Съ поля лыжи наостряютъ²⁾.
 Князь Волконской поспѣшаетъ,
 Лагерь Турской занимаетъ:
 Ставки, пушки забираетъ
 60. И добычу раздѣляетъ.
 Такъ побѣду одержали
 И «ура» мы закричали.
 День, пресчастливый сынакъ,
 Еще радостнѣй былъ намъ!
 65. Пусть въ томъ всякой разсуждаеть,
 Какъ Россія побѣждаетъ:
 Да никакъ это не диво,—

²⁾ „направляють.“

- ослушаніе велико!
 Командиры наши хваты,
 70. Да и сами мы, ребята,
 Въ насъ къ отечеству любовь,
 Мы прольемъ до капли крови!
 Что жъ теперя затѣвать?
 Станемъ-ка вѣнки свивать!
 75. Мы ихъ множество навьемъ,
 Командирамъ разнесемъ.
 Репнину жъ князю вѣнецъ
 Сработаемъ изъ сердець ³⁾!
 Его славныя дѣла,
 80. Закричимъ ему «ура!»

*

Къ этой войнѣ относятся нѣкоторыя дубочныя картины съ любопытнымъ текстомъ въ стихахъ, въ родѣ: „Турки валятся какъ чурки, Россійскіе прямо стоятъ (Хоть и безъ головы); Только одинъ покачулся, Лежитъ во рву на боку, Проситъ покурить передъ смертью трубку табаку (Да еще Фалеру ⁴⁾),“ и т. п.

*

13.

Хоръ на миръ съ Портою.

- Звукъ оружія ⁵⁾ безсмертныхъ
 Слышенъ съ громомъ въ облакахъ;
 Съ нимъ и слава Россовъ вѣрныхъ
 Разлилася въ небесахъ:
 5. Торжествуй, Екат. рина,
 Царствуй, кротко божество!
 Оды ⁶⁾ твой мечъ Перуновъ ⁷⁾ блещеть:
 Тамъ надежда и успѣхъ;

³⁾ Опять изъ пѣсни Румянцеву.

⁴⁾ Табакъ знаменитой впоследствии фабрики.

⁵⁾ „оружіевъ.“ — ⁶⁾ „Гдѣ?“ — ⁷⁾ „Перуновъ?“ —

Врагъ страшится и трепещеть,
10. Остается безъ утѣхъ.

Торжествуй, о Мать народа,
Царствуй, кротко божество!

(„Сей—хоръ—также славенъ у мушкетеровъ по своему голосу.“)

* *

Польша. Прага. Варшава.

1.

Холя ¹⁾ съ гребнемъ приходила
Буйну голову ²⁾ чесать;
Мыть грозила—отступила ³⁾:
Руска грудь не идетъ назадъ.
5. Слава, слава Руской груди,
Слава Рускому уму!
Исполать вамъ, Руски люди,
Что послушны вы ему ⁴⁾!
Буйну голову—шершаву ⁵⁾
10. Кто влокотилъ ⁶⁾, кто трепалъ?
Руской выступилъ на славу,
Взялъ шершаву—разчесалъ ⁷⁾.

Руской Богъ Россію славить,
Бѣлой свѣтъ онъ въ ней вмѣститъ:
15. Руской умъ полсвѣтомъ править,
Руска грудь—булатной щить.

1) Нѣга; слово выбрано особенно по рѣмъ съ „волей.“—2) Полякъ.—3) Хотѣла вымыть, привести въ порядокъ, устроить, да спасовала и прочь отступила.—4) Припѣвъ послѣ каждой строфы.—5) Все это построено на томъ же остроуміи и созвучіи, которое дѣйствуетъ въ лубочныхъ картинкахъ: „Варшава—шершава;“ „Варшава, гдѣ живетъ бабушка шершава.“—6) Не по Русски: нужно „влокочилъ, всклокочилъ.“—7) Въ двухъ смыслахъ устроилъ, причесалъ, и—рачесалъ въ пухъ, разбилъ.

Какъ на дѣло гдѣ сойдутся ⁹⁾
 Руской умъ да Руской Богъ:
 Горы треснутъ—раздадутся,
 20. Царства цѣлыя у ногъ!

(Старше вѣкъ у Н. Н. Дмитриева въ „Карманномъ пѣсенникѣ“ и имъ устроена. Называлась обыкновенно „забавною пѣсней“).

Сочинитель въ своемъ тонкомъ остроуміи, какъ говорится, „черезъ чуръ, заракортовался,“ а подъ конецъ черезъ кѣру разхвстался. И литераторамъ а недавно солдатамъ, это было вовсе непонятно и дико. Потому для послѣднихъ явилась другая сочиненная пѣсня, къ сожалѣнію до насъ не дошедшая въ подлинномъ видѣ или мы не могли ея смыкать. Мы имѣемъ ее только въ „обратной“ передѣлкѣ, на народную:

2.

О томъ же. Суворовъ.

Какъ не туча находила
 И не сильны дожди льютъ:
 Грабъ Суворовъ показался,
 Полки въ Польшу съ нимъ идутъ.
 5. Онъ имѣлъ то повелѣнье,
 Чтобы Польшу усмирить,
 И не мудро угожденье,—
 Ваять Аршаву, покорить.
 Гдѣ онъ шелъ скоро по Польшѣ,
 10. Войско слѣдовало съ нимъ.
 Какъ Аршавъ-городъ узнала,
 Что Суворовъ къ ней идеть,
 Воздохнулъ тѣжко Аршава,
 Всѣ заплакали мѣста:
 15. «Лучше скрозь землія пройтить,
 «Отъ Суворова уйтить!»»

⁹⁾ О Русскихъ людяхъ говорить напротивъ пословица, „Гдѣ двое къ дѣлу сойдутся, тамъ на вѣрно подерутся.“

- Не туманъ съ войска поднялся
 И военный грянулъ громъ:
 Городъ ядрами покрылся,
 20. Полчаса не видѣнь былъ.
 Намъ Суворовъ волю далъ,
 Ровно три часа гулять:
 Погуляемте, ребята,
 Намъ Суворовъ приказалъ!
 25. За его выпьемъ здоровье,
 Мы проздравимте его:
 Здравствуй, здравствуй, графъ Суворовъ,
 Что ты правдою живешь,
 Справедливо насъ, солдатъ, ведешь!
 30. Ты военностей ¹⁾ не тужишь,
 Радъ хочь въ воду и въ огонь;
 Ты царицѣ вѣрно служишь!

(Записано П. В. К.—мъ въ Новгородѣ 1834 г. Сент. 11, отъ солдата изъ Тульск. губернии и уѣзда).

*

Какъ извѣстно по рассказамъ участниковъ осады и по непрерывному преданію, солдаты Суворова шли на приступъ Праги съ народною пѣсней, которую увидимъ цѣликомъ въ своемъ ~~клетѣ~~ ^{клетѣ}.

Ахъ на что бы огородъ ²⁾ городить!

Ахъ на что было капусту садить?!

Ай лёли, ай люли, люли, люли,

Ахъ на что было капусту садить?!

* *

Возвращаясь еще разъ къ „пѣснямъ сочиненнымъ“ сей часъ предложимъ, чтобы сказать объ нихъ заключительное слово, мы должны напомнить точку возрѣнія, на которой осуждены были, сужденію даже и высказанъ приговоръ объ нихъ: мы смотрѣли на отношеніе къ народу и народности, особенно къ народнымъ произведеніямъ изъ области историческаго пѣснотворчества. Съ этой стороны литературныя измышленія имѣли всякой критики и практическаго примѣненія: они навязывались насильно, волею и неволею, продолжая, черезъ солдатъ, давленіе свое и на всю на-

¹⁾ Военностей, дѣломъ военнымъ.—²⁾ Или: „На что было огорода“..

родную массу; они становились на ходули, преувеличивали, наивно и прочь — играли, фальшивили дорожными чувствами, развивали напускной азарт и непомерную самонадеянность; они создавали привилегированную, невежественную, но вместе гордую и презрительную къ низшимъ братьямъ корпорацію; они развращали нравственно, они отрывали себя отъ народа, народъ отъ себя, роя въ промежуткѣ бездну, на которую неслѣ приходилось плакаться; они подрывали истинный, творческій и художественный, вкусъ, ускоряя паденіе и безъ того клонившейся къ ослабленію народной пѣсни. Строгость такого приговора, конечно не нашего, а историческаго, не колебима: но она справедлива будетъ лишь тогда, когда соединится съ подлиннымъ безпристрастіемъ. — Исторія народа, народнаго творчества, и само историческое устное пѣснотворчество — не есть еще *вся, цѣльная и всеобщая исторія*: напротивъ даже, мы доселѣ ведемъ исторію, живемъ исторически, собираемъ матеріалы по исторіи, изслѣдуемъ ее и пишемъ — вовсе минуя *помянутый народный отдѣлъ*, какъ часть и частное явленіе, а иногда и какъ *исключе*, и какъ ненужное. Подъ взглядомъ сего рода *нашей исторіи*, „пѣсни сочиненныя“ означеннаго вида не только представляютъ важный историческій матеріалъ, но даже *саму исторію* и даже замѣчательное *явленіе* ея или *произведеніе*: думаемъ, что положивши на это трудъ, единственно только намъ возможный при обиліи нашихъ средствъ, собравши несобранное доселѣ и отпечатавши съ объясненіями (хотя и не во всей еще полнотѣ), мы оказали порядочную посильную услугу, не одному только народному поэтическому слову. Въ самомъ дѣлѣ, въ представленныхъ образахъ, такъ или иначе изложенная (а въ исторіи критика нужна повсюду), все-таки проходить передъ вашимъ взоромъ довольно полная исторія полувѣка завоеваній, славной Екатерининской эпохи, съ громкими лицами ея и именами. И исторія, самой фальшью своею часто, такъ сказать, правдивая, ибо правда пробивается насквозь, сквозь безграничныя торжества и навязчивые восторги: по мѣрѣ, какъ слово касается здѣсь устъ солдатскихъ и взлетаетъ изъ чисто-солдатской груди, вы слышите въ немъ дѣйствительную богатырскую отвагу и храбрость, безпредѣльное мужество, вѣру въ Бога, въ народъ и въ себя, безграничное терпѣніе, готовность переносить все и вся ради высокой цѣли, дѣйствительную горькую долю — голода, жажды и бѣдности, хотя бы эту долю сочинители расхваливали какъ наше достоинство и преимущество передъ другими. Въ той же мѣрѣ пробивается вместе и неподдѣльное Русское чувство, и всѣе народное слово, и юморъ. и наша иронія. Пользуясь симъ такъ или иначе, литература по необходимости должна была поддѣлываться, а поддѣлка хоть и не къ чести, но *приней* по крайности приходилось вдушиваться, поддѣчать, перенимать. Какъ болѣе яркій примѣръ плодовъ сего, нужно указать на *размѣръ стиховъ*: послѣ Ломоносова, это совершенно новая эпоха, нигдѣ на другомъ поприщѣ литературы не предупредившая. Размѣръ сей именно есть тотъ, которому послѣ усвоено имя *народнаго* (хотя онъ есть собственно тысячная доля, тысячный видъ народнаго блага), которымъ увлекался

Державинъ и Шишковъ, пробовалъ писать Карамзинъ; изъ за него долго писали и спорили отъ Гибдича и Востокова, Уварова и Капниста, до Церетелева, Остапопова и Кубарева. Именно:

о о - о о о о - о о
 Не спиши ты, зима, съ морозами, и т. п.,
 совершенно то же, что

о о - о о о о - о о
 Илья Муромецъ, сынъ Иллановичъ,

о — о о о о — о о
 Онъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Литература, стало быть, исполняла здѣсь свою лучшую задачу—*слиянiе* устной и письменной области послѣ періода ихъ непосредственнаго совместнаго жительства или исключительнаго противодѣйствiя. Слѣдуетъ критиковать ея частные образцы порознь: но не смѣяться на нихъ и не простира- рать сужденiй на цѣлое. Когда цѣлое все (почти) теперь передъ вами, когда оно объемлетъ значительный историческiй періодъ, когда вспомнимъ что это пѣлось многими тысячами по землѣ Русской, иногда въ поддѣльномъ, но на чистую душу и въ искреннемъ восторгѣ, и шли съ этими звуками на исполнскiе подвиги, и покрыли съ ними славомъ память свою и отчизну, когда и кто видѣлъ, засталъ, какъ мы, хоры, продолжавшіе это пѣть черезъ пятьдесятъ лѣтъ, съ одушевленiемъ Русскаго сердца и слезами на глазахъ,—тогда намъ всѣмъ это отнюдь уже не шутка. Кромѣ *адресной* области есть еще *національнал*, воспитанная въ кругозорѣ—какія есть—политическихъ идей и явленiй, та область, въ которой большинствомъ мы живемъ, „люди образованные,“ скромно такъ называющіеся: вездѣ есть и была, и у насъ была и есть отвѣчающая сему „національная“ литература, та, которой нынче спѣшить присягать вся публицистика. Не будь того, вспомнимъ, за время Екатерины, что же осталось бы тогдашнимъ современникамъ при разлагавшейся области народной, скудные образчики которой подобрали мы выше? И нынче, ради нея, еще болѣе оскудѣвшей, а отчасти и внезапно пополнившейся трудомъ собирателей и издателей, вскрывшихъ неожиданныя сокровища, и нынче, представьте, что ради нея отказались бы мы отъ Пушкинской группы „письменныхъ“ поговѣвъ или отъ романовъ и повѣстей нынѣ „народствующей“ литературы, отъ тѣхъ явленiй, которыя, по масштабу современнаго состоянiя народной словесности, собранныхъ памятниковъ ея, вкуса и разумнiя, стоятъ нисколько не выше, тѣмъ стояли „военныя сочиненныя пѣсни“ относительно своей эпохи. И такъ, литература сего рода, на свой пай и на свое время, дѣлала и сдѣлала свое дѣло: это не только матеріалъ для чего ни будь, но и замѣчательное произведенiе само по себѣ.—Не имѣя времени и призванiя спеціально сему отдаться, приглашаемъ послѣдователей для разработки такого любопытнаго и не початаго вопроса. Между прочимъ, мы нигдѣ почти не приводимъ именъ *сочинителей*, хотя они и навертывались или цитовались въ печати: истекало это изъ того убѣжденiя, подтвержденнаго многими оим-

тами, что произведенія такіа, возникшая на почвѣ колумародной, такъ сказать саредней, носили и отпечатокъ, знаменующій произведенія народныя и имъ подобныя, то есть, личность сочинителя въ нихъ скоро забывалась, или вовсе дѣйствовала безличность; потому многое, вставленное въ „сочиненія“ извѣстныхъ нашихъ писателей, мы встрѣчали въ пѣсняхъ годовъ гораздо болѣе раннихъ. Вопросъ здѣсь, стало быть, можетъ касаться только „исправленій“ или „редакцій“ (это совсѣмъ не то, что послѣдующія, на примѣръ, пѣсни, проникшія и въ народъ, но въ точности „написанныя“ Нелединскимъ, Долгорукииъ, Мерзляковимъ, Дельвигомъ, Некрасовимъ). Ту же осторожность въ выводахъ мы рекомендуемъ и послѣдователямъ. Однако крайне будетъ интересно, если, подвергнувъ матеріалъ разработкѣ подробнѣйшей, они вскроютъ вновь нѣкоторые имена сочинителей, года, мѣсто и ближайшее время сочиненія. То будетъ истинное приобращеніе для литературы, котораго отъ всей души ей желаемъ.

V.

Канты XVIII вѣка

цесля Петра.

Обращаясь къ *Кантам*, мы переходимъ къ той, болѣе глубокой, ступени литературы, съ которой подвѣялись отчасти и „пѣсни сочиненныя“ XVIII вѣка. „Кантъ (Cantus),“ „Канта“ и „Кантычка“—Польская и Западно-русская форма того же самаго произведенія, которое извѣстно было у насъ въ древности подъ именемъ „Стиха.“ Оторвавшись отъ основы народной и сдѣлавшись плодомъ литературы искусственной, какая только могла развиться на Сѣверо-западъ и Юго-западъ Россіи, Канта вмѣстѣ съ тѣмъ отъ исконныхъ духовныхъ произведеній Церкви и отъ религиозныхъ преданій области народной естественно перешла къ изображенію „всякихъ“ торжествъ, сколько религиозныхъ, столько же общественныхъ, школьныхъ и даже политическихъ, военныхъ триумфовъ и коронацій. На этой самой точкѣ стояла нѣкогда въ Западной Европѣ, при проснувшейся литературѣ XVII вѣка, такъ называемая „Ода.“ Ода же перешла и къ намъ, какъ первая форма для тѣхъ писателей-поэтовъ, которые воспитались новѣйшими иностранными образцами XVIII вѣка. Но, еще раньше того, съ XVII вѣка, хлынулъ къ намъ потокъ, въ источникъ изъ Польши, въ ближайшемъ разливѣ изъ Западной Россіи, потокъ ея литературы искусственной, вмѣстѣ съ массою вліятельныхъ нересленцевъ, къ намъ прибывшихъ. Объ этомъ событіи и вѣковомъ вліяніи нами такъ много и подробно было уже говорено въ прежнихъ изданіяхъ и статьяхъ, что остается только отослать туда любопытствующихъ *). Нашъ собственный древній Стихъ (Сарген) не

*) При 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ выпускѣ „Калѣкъ Перехожихъ,“ въ статьяхъ („Православнаго Обзорѣнія“) „О судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ,“ „Юрій Крижаничъ,“ особенно „Знаменательные года.... въ исторіи Церковнаго Русскаго пѣснопѣнія (а отчасти и при другіяхъ нашихъ изданіяхъ).“ Къ сожалѣнію, въ послѣдней статьѣ, отъ выпуска цѣлой тирады изъ текста при печатаніи, произошла значительная несообразность на стр. 69—71. Говорится о дѣлахъ Елизаветы, продолжавшихъ начинанія Петровы, и въ

сдался на приманку сей новой текущей литературы, чтобы поддѣлываться и служить ей интересамъ: онъ остановился на старой ступени и почти кристаллизовался въ устахъ слѣпыхъ пѣвцовъ съ прежнимъ народнымъ характеромъ, если только не успѣлъ попасть раньше въ рукопись и за-твердѣть тамъ памятникомъ. За то цѣликомъ пересажены, восприняты и послѣдовательно развиты у насъ записки Канты (частіе „верши, вирши, пѣсьми“ и т. п.): судьба ихъ прижизненія, иногда даже въ поддѣлахъ подъ народный складъ или въ передѣлкѣ на древній ладъ, самая разнообразная **). Вліятельные владыки, проповѣдники и ораторы, архіерейскіе дома и подворья, духовныя (долго бывшія общинами) школы, массы школяровъ, архіерейскіе, соборныя и „вольные“ пѣвческіе хоры, семьи духовенства, отчасти раскольниковъ, и т. п., все это долго было для Кантъ и убѣжищемъ, и пристанищемъ, и мѣстомъ широкаго развитія, и учрежденіемъ про-паганды. — Съ этого же предѣла имѣла возникнуть и остальная наша, соб-ственно—Великорусская литература, когда начала вмесовождатьсь отъ иерикальности къ мірскому или свѣтскому характеру и не успѣла еще овладѣть блестящими, но слишкомъ еще новыми и занятыми выдалека, тѣми формами письменной поэзіи, которыя такъ сказать брошены были въ обра-зецъ и на удивленіе Россіи талантливымъ Ломоносовымъ. Долго, почти до 2-й четверти XIX вѣка, дѣйствовало послѣ обаяніе его Одѣ и прочихъ по-добныхъ формъ: но еще прочіе должно было утвердиться и дальше про-тннуться по племени ороднее, по старой памяти Стиховъ привычное, воз-дѣйствіе Кантъ, къ тому же усиленно втѣсняемыхъ навязчивыми выходками Западной Руси: отсюда, въ страшномъ общи, всѣ эти, столь навѣст-ные,—„гимнь, пѣснь (не пѣсня), проложеніе, размышленіе, гласъ, вошь“ и т. п., пріятѣ и ближе,—по старой же памяти,—„Стихъ, Стихотвореніе.“ Изъ Verzus у Западныхъ Славянъ и Русскихъ родилса „виритъ“ и „вершь“, для обозначенія каждой стихотворенной строки: у насъ, по выводу и возбужденію Кантъ, но по имени древнему, отбѣжавшему покоей области, названіемъ для цѣлаго произведенія утвердилось — „Стихотвореніе (Сл-шен),“ для отдѣльной строки и ряда строкъ—„Стихъ, Стихи.“ Ясно, что собственное начало всякого нашего Стихотворчества идетъ —отъ Стиховъ древнихъ по имени, отъ Кантъ по сущности, предмету и ближайшему упо-требленію. Самъ Ломоносовъ, при всей его рѣшительности, напоминавшей Петра и съ разу поставившей насъ съ глаза на глаза передъ Западною Европою, въ ровень съ ея письменной поэзіей, минуя всѣ переходные мо-сточки образованности Западно-русской и Польской, самъ Ломоносовъ да-

томъ члелъ, за пересмотромъ Виблейскаго текста, о пересмотрѣ текста потного. Но далье, вслѣдствіе помянутаго выпуска, самое печатаніе не-ныхъ книгъ, совершившаея *десятью лѣтъ* спустя при Екатеринѣ, развива-вается такъ, что ссылки на „императрицу“ незнающіе могутъ ошибкомъ от-нести къ Елизаветѣ, вмѣсто Екатерины.

**) Подробнѣе см. тамъ же.

леко не чуждъ былъ направленія „стихотворческаго,“ истекавшаго изъ Кантъ: преемникъ ему въ лучшихъ и недлинныхъ чертахъ поэзіи, еще болѣе его склонился къ „кантическому“ направленію Державинъ, а недавно уже Сумароковъ, Херасковъ и имъ подобные. Возбудительный источникъ такого вдохновенія и поддержка въ такомъ настроеніи были для наждаго слишкомъ близки и общи, подъ бокомъ: весь XVIII-й вѣкъ не дремалъ, работали и дѣлательно подвизались на Великой Руси поманутые „духовные“ реденачальники, покровители, приверженцы и создатели всякого рода Кантъ. Для литературы дальнѣйшей, если не желала она замереть, выходя отсюда, изъ закодированнаго круга—то иностраннѣхъ образцовъ, то возвращенныхъ дома стихоплетствъ кантическихъ, взаимно скрещавшихся, возможенъ былъ только на единственномъ пути: по мѣрѣ обращенія, какъ говорятъ нынче, къ національности, а лучше и примѣе, и черезъ нее саму,—по мѣрѣ искренняго сближенія съ народомъ, народнымъ словомъ и пѣснотворчествомъ, или, еще иначе, по мѣрѣ позвращенія заблудшаго сына къ своему родному и исконному. Литературѣ, ей первой и передовой, предстояло совершить сію великую задачу и сослужить эту Русскую службу, со всѣми, уже обильными, ей средствами, съ письмомъ и печатемъ, со школьнымъ правиломъ и образованнымъ вкусомъ, съ покомдіемъ тысячелѣтнихъ преданій и опытовъ, которые не улетучивались въ воздухѣ виѣсть съ устиннымъ словомъ и груднымъ звукомъ (какъ это было у народа), напротивъ бережно копились и уцѣлѣвъ въ массѣ прочныхъ письменныхъ памятниконъ. Но такое широкое дѣло требовало, разумеется, не укаго кабинета: до развитія новѣйшей общественности, оно шло весьма туго подъ перомъ даровитыхъ, но сидячихъ и кабинетныхъ, нашихъ писателей-новотовъ, не смотря на тотъ убѣдительный признакъ и внужительный урокъ, не всегда явны, къ сожалѣнію, создававшійся, что все лучшее у насъ художниковъ и весь ихъ успѣхъ зависѣли единственно отъ степени сближенія ихъ съ народомъ и вѣковѣчными образцами его творчества въ преданіи, словѣ, сказаніи, пѣснѣ, сказкѣ, поговорицѣ, игрѣ, обрядѣ, обычай и бытѣ. Чтобы шагъ къ перевороту былъ твердъ и рѣшителенъ, нужно было какое ни будь поле пошире: вызовъ попрактичѣе, возбужденіе пожановѣе, интересъ почувствительнѣе, голосъ погромче. Это и совершилось первый разъ на полѣ битвъ, въ обаяніи военной славы, черезъ среду геройскую и солдатскую. „Пѣсни сочиненныя“ были именно здѣсь первымъ крутымъ поворотомъ, самою яркою звѣздой возрожденія, не замедлившемъ увлечь и самихъ писателей, и ихъ письменную поэзію, и всякое творчество ихъ слова, и литературный оборотъ всякого слова: вотъ почему, опять, мы должны привѣтствовать сію эпоху какъ дѣйствительную эру. Явѣть черезъ 40, когда такое направленіе перешло въ XIX-й вѣкъ и начало пытаться соками патриотизма Отечественной войны, хорошее и благодарное дѣло опять было затянудо и завало подъ руками обильныхъ безталаннѣхъ писакъ; но пропасть оно не могло, для бесплодности было уже слишкомъ поздно: „Пѣсни сочиненныя“ связались тѣсно съ „Пѣсенниками,“ и правыми

столь важную роль, о которой векоръ скажемъ подробнѣе; тѣ и другіе затронули прямо себѣ „народную“, частію ее эксплоатировали, частію, отдавши ее и сроднившимся, совсѣмъ были замечены ею; началось собраніе народныхъ памятниковъ, открытіе, и печатаніе, изслѣдованіе, — и — дѣло рѣшилось, дѣло подготовилось къ торжеству — уже не одного пѣнотворчества устнаго, а „литературы народной“, — понятія и слова дотолѣ почти несовѣстными, — но крайности въ лучшихъ ея представителяхъ, хотя бы десяти рѣдкихъ, или извѣстныхъ одними „опытами.“ Не забывая впрочемъ такъ далеко впередъ, и прежде еще всего этого, благополучно совершившагося на глазахъ нашихъ, — заглазно и до насъ, повторяемъ, уже рѣшенъ былъ переворотъ литературы. — Намъ понятны теперь связи и отношенія „народнаго“ творчества къ „сочиненному“, а старше и выше — связи подобнаго сочиненія какъ со „стихотворствомъ кантическимъ“, такъ и съ „иностранными образцами“, привитыми помощію перевода или счастливаго подражанія со времени Ломоносова. Одно вытекало изъ другаго и другъ за другомъ послѣдовало, либо другъ друга смѣняло. Понятно также, что Канты всего болѣе процвѣтали при Петрѣ (онѣ и отпечатаны нами въ порядочномъ общаи при 8-мъ выпускѣ) или непосредственно въ слѣдъ за нимъ: то была жаркая пора ихъ ревностнаго нововведенія у насъ; онѣ были то единственными на широкомъ полѣ „художественной“ литературы, не встрѣчая себя соперниковъ; онѣ звучали громко и — не безынтересно, ибо забрали себя изображеніе не только триумфовъ и коронацій, но и текущихъ побѣдоносныхъ событій, сдѣлавшишь своего рода Кантами „Историческими“, подобно какъ „историческая сочиненная дѣяніа“, какъ „историческое пѣнотворчество народа“, рѣчь ихъ была оригинальна и внужительна, усиленная Церковно-Славянскими формами, не только точными для всей нашей древней письменности, но и обновленными, и возсозданными, и обогащенными талантомъ церковнымъ тогдашнихъ витій, школъ духовныхъ, или хоть одного такого писателя, какъ краснорѣчивый Дмитрій Ростовскій. Не то уже было съ Анны, а особенно при Елизаветѣ: явились счастливые соперники — иностранные образцы въ прииженіи, переводѣ или переложеніи; Канты продолжаютъ, но уже слабѣють, теряя самое содержаніе или приложеніе „историческое“, захваченное теперь Одами, похвальными Рѣчами и зарождавшимся Военномъ пѣнемъ, напротивъ по необходимости ограничившиесь одними триумфами и торжественными возгласами на праздникахъ, всѣмъ этимъ безконечнымъ „ликовствуемъ, торжествуемъ, ясло, согласно.“ И формы ихъ, чувствовалось, ветшаютъ, и образъ повторительный, и полуцерковная славящина тяжела, и рѣчь не витная, катанута, школярна. Еще шагъ — и раздалсь громко сочиненными военными пѣснями: Канты совсѣмъ присмирѣли, начали смолкать или прятаться по уголкамъ, куда не проникалъ звукъ славнаго оружіа, да по кабинетамъ, которые продолжали „стихотворствовать“ въ прежней узкой мономаніи. При Екатеринѣ, наконецъ, Кантъ уже вовсе мало, почти нѣту: учитель Павла, митрополитъ Платонъ былъ послѣднимъ ихъ настойчивымъ ревнителемъ и

покровителемъ, на острѣ болѣе или менѣе дубодной. Это все мы сей часъ увидимъ и провѣримъ на самихъ образахъ. Качественныя приращенныя думали еще послѣ того оцѣнить отчасти рутинною, отчасти поддѣлкою подъ шагнувшую эру новыхъ патріотическихъ торжествъ, новыхъ временныя „идеологическаго“ 12-го года: но ихъ была свѣтская общественность, которой присягнули Карамзинъ, Жуковский и Пушкинъ; ихъ была всеобщая культура, связующая всѣ народы и скрѣпляющая у насъ усвоенными въ переводѣ или переделкѣ Западными Европейскими образами; ихъ была національность, не та, что подслащалась литературою, а та, что тянула къ практической дѣятельности и къ политической жизни, заговорившей новымъ языкомъ газетъ и журналовъ; а больше всего ихъ была и убилъ народность, сама ли воспринимавшая дѣянныя памятниками во очю, проникшая ли въ художественную литературу и здѣсь вопарившаяся.

Итакъ, будемъ снисходительны и во всякомъ случаѣ любезны къ битымъ и побитымъ, нынѣ лежачимъ, столь недавно еще торжествовавшимъ:

Анна.

1. Да здравствуетъ днесь императриксъ 1) Анна,
 На престолѣ сѣдши, увѣнчанна!
 Се благодать 2) всѣмъ отъ небесъ ниспослается,
 Что днесь вѣнчанъ Анна влечется 3).
 5. Небо все нынѣ весело играетъ,
 Солнце на немъ лучше катается 4),
 Вѣяныя въ брегахъ стануть своими токи,
 Выбѣгутъ всѣ мерани пороки.
 Прочь всѣ отъяду, враждебныя сокры:
 10. Анна красивѣша суроры.
 Торжествуйте всѣ, Россійскія народы:
 У насъ идутъ златые годы,
 Ничѣмъ мы днесь радость утѣждему 5),
 Повсюду славно разнесенну!
15. Да здравствуетъ днесь императриксъ Анна,
 На престолѣ сѣдши, увѣнчанна,
 Красавица долнца и дѣвца сіяюща нынѣ
 Въ императорскомъ чинѣ,

1) Императрица.—2) Значеніе имени Анны.—3) Удаляется, вѣнчается.—
 4) Кадится.—5) Пиршествую.

- Да здравствует на многа лѣта
 20. Порфиром златом одѣта!
 Бѣгутъ къ намъ изъ всей мѣщи Сатурнова двѣи:
 Радуйтесь, человѣки!
 Миръ, обиліе, щастье полно
 Всегда будетъ у насъ доводѣе.
 25. Земля при Аннѣ вездѣ плодovitа будетъ,
 И всякъ нужду забудетъ ⁶⁾.
 Воздухъ всегда въ Россіи здравъ:
 Переживается злые нравы.
 Правда, благочестіа Анну окружаютъ ⁷⁾,
 30. Тѣмъ Анну прославляютъ.
 Любовь къ подданнымъ, судъ и милость,
 Изъ всѣхъ сердець гонять унылость,
 Всѣхъ въ любовь себѣ сердца преклонила вѣчно ⁸⁾:
 Вѣрность имуть сердечну.
 35. Всѣ почитавтъ должно Анну,
 Самодержицу Богомъ данну.
 Воспримемъ съ радости полные стаканы,
 Мы, вѣрные гражданы!
 Восплещемъ громко и руками,
 40. Заскачемъ весело ногами ⁹⁾!
 Анна надъ Россіею воцарилась вѣсно,
 Признають всею душою.
 То-то есть прямая царица,
 То-то бодра императрица,
 45. Краснѣйши солнца и звѣздъ сіяющи нмѣи
 Въ императорской чинѣ!
 Да здравствуетъ на многы лѣта
 Порфиром златом одѣта!
 *
 2.
- Торжествуй, Россія, съ воиномъ преславнымъ ¹⁾,
 Егда есть вѣчнана орломъ двоеславнымъ!
 Съ небеси корону царственныя силы
 Мы подъ щитомъ твоимъ людіе пожили ²⁾.

⁶⁾ Забавится отъ нужды.—⁷⁾ Если это не наивность, то вѣроятно полное невѣдѣніе.—⁸⁾ Въ любовь вѣчно.—⁹⁾ Любопытно представить въ этомъ пожеланіи, ~~отечественныхъ~~ покровителей Канта.

¹⁾ Остатокъ памяти о торжествахъ побѣдителя Цезаря.—²⁾ Мы, дѣла, вѣдомъ щитомъ твоимъ, получили (черезъ тебя) отъ леба доводу царственной оны.

3. Нашей императрицѣ снѣ возопіемъ,
 Анна есть камень вѣрн, зрн, что возглаголемъ
 „Императрицѣ нашей дамъ скипетромъ владычи ³⁾),
 „Многа лѣта жити,
 „Врага побѣдити,
 10. „Вивать, вивать, виваты!“
 Мы вси днесъ непрестанно, усердно,
 Звѣствуемъ ⁴⁾ императрицѣ
 Радость, привѣствуемъ снѣ:
 „Вивать, вивать, виваты!
 15. „Днесъ, царица Россійская, торжествуй преславно:
 „Се ти есть данно,
 „Требъ ⁵⁾ вѣчннн!
 „Вивать, вивать, виваты!“

*

3.

- Прочь устунай, прочь,
 Печальная ночь ¹⁾):
 Солнце всходить,
 Свѣтъ возводить,
 5. Слѣтъ возводить,—
 Радость рѣдитъ.
 Колѣннй у насъ мразъ
 Вмгъ и умасъ!
 Солнце Анна возсіла,
 10. Свѣтаннй намъ доль даровала.
 Богомъ вѣчнннн,
 Августа Анна,
 Ты нашъ ясный свѣтъ,
 Ты и красный цвѣтъ,
 15. Ты добрѣта,
 Ты красѣта,
 Ты велие
 Веселіе!
 Твой держава—
 20. Нама то слава!

³⁾ Читай: „владычи (Малорусское произношеніе).“—⁴⁾ Возвѣщаемъ.—⁵⁾ Намъ свидуемъ, какъ нужно и необходимо.

¹⁾ Начало многихъ, и старшихъ Коствъ, въ разкохъ крайнннннн.

- Да вознесеть Богъ
Силы твоей рогъ,
Враги твоя побѣдая,
Тебе въ бѣдахъ заступая!
25. Рцыте, вси люди:
„О буди, буди 2)!“

*

4.

- Триумфуй свѣтло, Сіоне избранный,
Свыше отъ Бога обрадованный!
Слава твоя днесь мсходитъ ясна:
Императрица во славу красна.
5. Красуйся днесь, царская порфира,
Ликуй, веселися, христіанская вѣра 1)!
Торжествуй свѣтло, Сіоне новый,
Украши златомъ стѣны и всѣ кровы:
Алчянымъ людемъ дадеса манна,
10. Намъ же днесь государыня Анна!
Тако пребуди невредима во вѣки,
Сіяюща между человѣки.
Слава ея днесь процвѣтаетъ,
На главѣ вѣнецъ свѣтлости блистаетъ;
15. Скипетръ держащи во своей десницѣ,
Анна дражайша въ монаршемъ лицѣ 2).
Что Тебѣ, Творче нашъ, принесемъ
О дни днесь о торжественномъ семъ?
Велій Богъ нашъ, Ты еси съ нами,
20. Прославленъ буди во вѣки нами!
Прослави славно ея корону
Во общу славу и оборону!
Яко отъ Тебе сія намъ данна
Императрица славная Анна.

2) Впослѣдствіи та же Канта передѣлана на Елизавету со слѣдующими
измѣненіями:

Солнце мнѣ возсіяло,
Свѣтлый намъ день даровало
Богомъ вѣнчанна Августа

Елисаветъ

Ты нашъ ясный свѣтъ. И проч.

1) Читайте „вѣра.“—2) Когда она въ ликѣ, въ сонмѣ и числѣ монарховъ,

25. Возопіємъ вси днесь согласно,
 „Вівать“ Императрицѣ глаголемъ ясно.
 Ликуй, преславна и пресильна,
 Ликуй, Росія, отъ всѣхъ единая:
 Мы за сіе радость ти приносимъ,
 30. „Вівать, вивать,“ отъ Бога ти просимъ.
 Осіянна свѣше свѣтомъ отъ Бога,
 Царствуй мирно на лѣта многа!
 Многа лѣтъ, многа лѣтъ, на многая лѣта!

* *

Елизавета.

1.

Да здравствуетъ днесь императрицѣ Елисаветъ,
 На престолахъ сѣдши, увѣччанная!
 Се благодать вѣзмъ отъ небесъ діетея:
 Елисаветъ вѣнцемъ вьзется.

И прочее.

Это передѣлка одной и той же Каяты съ Анны на Елизавету, столь по-
 сѣшная, что даже не измѣнила перваго стиха въ риму (прежде „Анна—
 вѣччанная“).

*

2.

- Вівать преславна, Самодержавна,
 Благостей дверь,
 Елисавета На многа лѣта,
 Петрова дщерь, Петрова дщерь!
 5. Вивать возшедша Чрезъ Бога ведша
 На Россійскій тронъ;
 Ничто безбѣдно, Ибо наследно ¹⁾:
 Ея былъ онъ, Ея былъ онъ!
 Вивать толь щедра, Для угѣхъ вѣдра ²⁾,
 10. Подданнымъ вѣзмъ:
 Винныхъ простивша, Свѣтъ удививша
 Безмѣрно тѣмъ, Безмѣрно тѣмъ.

¹⁾ Бѣдъ тутъ не было, ибо тронъ наследственный.—²⁾ Въ радости ле-
 ной.

- Вивать желанна, Ужь увѣчанна
 Драгимъ вѣнцемъ,
 15. Скипетръ, державу Носяща въ славу,
 Красна лицемъ, Красна лицемъ!
 Вивать подданства, Всего гражданства
 Честь-красотѣ,
 И благородства, И полководства
 20. Щитъ-высота, Щитъ-высота!
 Вивать для чина ³⁾, Коимъ едина
 Вѣра цвѣтетъ:
 Елисавета Духовна свѣта
 Отъ нихъ всѣхъ ждетъ, Отъ нихъ всѣхъ ждетъ!
 25. Вивать, котору Мы въ сію пору
 Должно поемъ:
 Здравствуй, дѣвица, Императрица,
 Для всѣхъ при семъ, Для всѣхъ при семъ!

*

3.

- Златые вѣки нынѣ наступили,
 Златую радость всемірно явили
 Входимъ ¹⁾ дивныя Елисаветъ сущи,
 Во славу цвѣтущи.
 5. Та виновница радости толики:
 Бряцайте днесь, вси тимпани и дьки ²⁾!
 Прочь все отсюду, враждебныя ссоры,
 Во дальныя горы ³⁾!
 Бѣжите скоро, Россійски народы,
 10. Уже златые настали намъ годы;
 Вплещемъ весело и громко руками:
 Царствуетъ надъ нами!
 Гряди, гряди днесь, мати всего царства,
 Ты вождельница Русска государства:

³⁾ Духовнаго.—¹⁾ Вступленіемъ (на престолъ).—²⁾ Варіантъ за симъ:
 „Усрѣтаючи монархию славу,
 Отъ Бога вѣчанну.“—

³⁾ За симъ варіантъ:
 „Ощутили мы радость учрежденну,
 Сяду и сяду тую вознесенну.“

15. Тебѣ радостно быти вси желали ⁴⁾,
 Но и ожидали!
 Тобою вси къ намъ триумфы приспѣли,
 Тобой златыя времена наспѣли;
 Теперь, Россія, не престай бряцати
 И совосклицати:
 „Боже всеяльный, въ триехъ ипостасехъ,
 „Управи престоль, возносимый въ гласѣхъ,
 „Императрицы Елисаветъ славны,
 „Отъ Бога вѣнчанны ⁵⁾!“
20. Вѣвать вѣнчанна, вивать вознесенна,
 Вивать преславна, вивать предпочтенна,
 Вивать, вивать, днесъ усты восклицаемъ,
 Много лѣтъ желаемъ!

*

4.

- Вселенная торжествуетъ,
 Что Россія господствуетъ;
 Все едиными поуть гласы,
 Новымъ вѣнцемъ покрывъ вѣсы (2: дважды).
5. Торжество днесъ се ново,
 Россіаномъ слышать ¹⁾ слово:
 Новымъ вѣнцемъ покры главу ²⁾,
 Нову Россомъ носить славу (2).
 Любимая чадомъ мати,
10. Юже зvoli Богъ вѣнчати,
 Подъять труда зѣло много
 За отечество и за Бога (2).
 Мзду воспріять—вновь корону,
 Честно взыде на холмъ трону ³⁾:
15. Россійская вѣвать мати,
 Яко зvoli честь пріяти (2)!
 На престоль посажденна,
 Во вѣкъ Россіи проявленна,
 Льва зіянца ⁴⁾ укротила,
20. Гвѣздо орлу ⁵⁾ умягчила (2),

⁴⁾ Всѣ радостно желали тебѣ быть царицей.—⁵⁾ Славной, отъ Бога вѣнчанной.

¹⁾ Слышно (какъ „видать“—видно).—²⁾ Императрица.—³⁾ На возвышеніе трона.—⁴⁾ Зіяющаго; Швецію.—⁵⁾ Пруссіи.

- Гордой луны ⁶⁾ сотры рѳги,
 Подъ христіанъ мечеть ноги.
 Все радостно торжествуйте,
 Въичашную привѣтствуйте (2):
25. „Россійская вивать мати
 „Божественной благодати,
 „Вивать, вивать многа лѣта,
 „Поки ⁷⁾ становь всего свѣта ⁸⁾ (2)!“

*

5.

- Россіе, торжественно благоукрасія,
 Во радости премнозѣ (2; дважды),
 Днесь возвеселися (2):
- Яко дадеся тебѣ сугуба корона,
 5. Елисаветъ предрагая (2):
 Россійскаго трона (2),
 Соединенна кунно союзомъ доброты
 И увѣчанна въицемъ (2)
 Божія красѳты (2).
10. Петръ величайшей прежде отецъ благодати:
 Днесь же Елисавета (2)
 Россійская мати (2),
 Короною въичашна Россійскія державы,
 Въ порфиру облеченна (2)
15. Безсмертныя славы (2).
 Тѣмже вси днесь въ тимнаны, въ гусли ударяйте,
 Въ лицѣхъ и органѣхъ (2)
 Свѣтло восклицайте (2):

⁶⁾ Турци.—⁷⁾ Пока.—⁸⁾ Свѣтъ весь стоимъ; пока хватитъ всего свѣта.—
 Подобная Канта, болѣе краткая, составлена была и раньше на коронацію:

Слава Богу всемогущу,
 Въ триехъ иностасѣхъ сущу:
 Благосердъ намъ зрится быти,
 Надъ рабами милость явити.
 Днесь вселенна торжествуетъ,
 Что Россія господствуетъ:
 Елисаветъ воцарися,
 Новымъ въицемъ одарися!

- „Вѣвать Елисавета, вивать наша мати,
20. „Вивать державствующи (2)
„Въ Божьей благодати!
„Вивать Елисавета, вивать въ концѣхъ свѣта,
„На престолѣ сѣдаца (2),
„На многая лѣта (2)!“

*

6.

- Воспоемъ пѣснь нову (2) Господеви Богу,
Яко даровалъ есть (2) Намъ радость премногу,
Увѣнчавъ нову Есепрь вѣнцемъ славы (2);
Посадивъ на оронѣ Россійской державы (2).
6. Органы съ псалтири (2) Благовосклидайте,
Цесареву Росску ¹⁾ (2) Все днесь величайте,
Пѣсни триумфальны Оной приносяще (2),
„Вѣвать многа лѣта,“ Весело гласяще (2)!
Вивать, вивать, вивать (2) Въ вѣкъ Елисавета,
10. Вивать цвѣтъ чистѣйшій (2) Благовонна крѣна ²⁾!
Вивать вѣнецъ славы И скипетръ носяца (2),
Вивать на престолѣ Россійскомъ сѣдаца,
Вивать, вивать, вивать Этъ бене вивать ³⁾,
Вивать, вивать, вивать Этъ бене виваты!

*

7.

Боже трипостасный, въ Троицѣ хвалимый,
Отъ ангель славимый!
Прими отъ насъ земныхъ пѣніе хвалебно,
Дабы Тебѣ было и сіе потребно.

¹⁾ Вариантъ „Монархиню нашу.“ За симъ начало слѣдующаго: „Какъ воз-
величимъ мы ее достойно?“—²⁾ Очевидно, по рѣмѣ, что здѣсь должна
быть „Екатерина.“ Это мы приводимъ какъ курьезъ, въ примѣръ передѣл-
ки Кантъ съ одного имени на другое; первоначально же къ Елизаветѣ
обращены были по рукописямъ слѣдующіе стихи:

Вивать Дѣвица (2), днесь Императрица,
Вивать Елисаветъ (2), благовонный цвѣтъ.

³⁾ et bene vivat.

5. Ты Царю Творче, предвѣчный Боже,
Начати сіе дѣло ¹⁾ Ты поможе ²⁾!
Который рабъ Твой жааетъ начати,
И честно предъ Тобю хочетъ окончати ³⁾.
Сидитесь скоро, вси окрестны страны,
10. Несите съ собою согласны органы:
Радостно възграйте орлу двоуглавному ⁴⁾.
„Вивать, вивать,“ воспоемъ согласно,
„Вивать, вивать,“ кликнемъ велегласно ⁵⁾.

15. Радуйся славно
Богомъ вѣчанна,
Елисавета предивна!
Наша монархия дивна
Дѣлаетъ смѣло
Честное дѣло!
Вивать, вивать!

*

8.

- Гряди нашъ свѣтъ, Елисаветъ,
Во градъ самодержавный, Петрому основанный,
Великій во вѣки ¹⁾.
Гряди смѣло ²⁾, всещастливо,
5. Гряди, о всѣхъ Мати, полна благодати,
И лицемъ, и сердцемъ
Гостя вождельна, радость презьальна,
Милости лучина, доброта едина,
Красота и слава, гряди мирна, здрава,
10. Въ домъ наследный ³⁾,
Въ день сей велий, полноя веселій,
Муромъ освещенна, порфирой почтенна,
За многу честь къ Богу,
За любовь къ отчизнѣ во всей твоей жизни,

¹⁾ Дѣло воцаренія.—²⁾ Второе лицо: ты помогъ.—³⁾ Окончить.—⁴⁾ За симъ пропускъ одного стиха въ нашихъ экземплярахъ.—⁵⁾ За симъ призывъ ко всей Кантѣ; разный размѣръ стиха и напѣва обыкновенно сбивалъ пѣвцовъ, а еще болѣе издателей въ печати.

¹⁾ Читайте: „вики; смило.“—²⁾ Ниже см. рѣмому „вѣдний.“

15. За то, что навѣты, толь многими лѣты,
Храбро всё терпѣла ³⁾, пока свободила
Народъ бѣдный!
Ибо миръ весь славится даясь ⁴⁾,
Ты бо страхи и замахы
20. Всё прочь отвратила, вѣкъ возобновила
Сладчайшій, дражайшій,
Въ которомъ побѣды—Петровы слѣды,
Надъ Львомъ новымъ ⁵⁾, безъ пролитой крови,
Дщерь Екатерины,
25. Щастьемъ то единымъ.
Гряди убо, и сугубо,
Какъ Петръ, твой родитель, преславный владѣтель ⁶⁾,
Налицай, успѣвай ⁷⁾,
И надъ люди буди-буди
30. Царствуй пресильно, вездѣ, безпредѣльно ⁸⁾,
Богато и свято.
И всё тебѣ чини, мати благостыни,
Старые и млада, родители съ чады,
Въ стрѣчу нсходяая, слѣды лобызая,
35. Всё желаемъ!

*

9.

- Приспѣ день красный, возсіяло вѣдро:
Милость Россіи небеса прещедро
Давно желанну зрѣти показали.
Прочь всё печали!
5. Изъ всѣхъ сторонъ весело смотрѣти ¹⁾:
Вдругъ сталъ свѣтъ дивный свѣтити ²⁾,
Се премѣнися вѣтръ ³⁾ зимній хладный
Въ зефиръ прохладный,
Аки полудень полунощъ сіяетъ,
10. Самая стужа плоды намъ являетъ.

³⁾ Чит. „терпила.“—⁴⁾ За смѣ въ вариантѣ безтолковщина:

Что какъ ты выну
Зрѣти не може никто же.

⁶⁾ Шведомъ.—⁶⁾ Чит. „владитель; безпредѣльно.“—⁷⁾ Изъ псалма.

¹⁾ Чит. „смотреть.“—²⁾ Вар. „на свѣтъ;“ „свѣтъ дневный свѣтити;“ „свѣтъ дивный и свѣтъ озаренный;“ „свѣтъ дивно власть свою имѣти.“—
³⁾ „Все премѣнися, и вѣтръ.“

- Такъ Богъ содѣла, Россю озаряя,
 Вся созерцаѣ ⁴⁾.
 Не одно, ни два, но многая лѣта
 Все дождь проливалъ и не было свѣта;
 15. Тако жь и пучина и слезъ безъизвѣстна ⁵⁾,
 Богу извѣстна:
 Сей Единъ свыше видѣлъ всѣ печали,
 Въ нихъ же кто прирѣлъ, вси далече стали,
 Сѣрдца и жизни хотя не щадяще,
 20. Умрети хотяще ⁶⁾.
 А теперъ тая гдѣ туча презѣльна?
 Нѣтъ аквилона, ярость ужь безбѣдна ⁷⁾,
 Зло, видишь, знати не мощно: дорогѣ
 Сдѣланы многи ⁸⁾.
 25. Тогда ⁹⁾ Богъ велѣлъ вѣтромъ умолчати,
 Тишина стала: кто могъ противъ стати?
 О перемѣна! Богъ достойну выну
 Вознесъ едину.
 Буди же Богомъ въ вѣкъ благословенна,
 30. Чрезъ Его милость дѣломъ совершенна!
 Се человекѣ называлъ достойнымъ
 Стадомъ избраннымъ ¹⁰⁾.
 Буди и ведро на всегда ¹¹⁾ сіяя,
 Императрица, Петра дщерь драгая!
 35. Свѣтъ, наша мати ¹²⁾, присѣчай, отрада,
 Россійскія чада!
 Свѣтло встрѣчаемъ, свѣтло восклицаемъ,
 Твой, Елисаветъ, скипетръ, всѣ желаемъ ¹³⁾,
 Да править Россю въ несочтены годы,
 40. Въ роды и роды!

(Много вариантовъ; между прочимъ одинъ, вставленный и у насъ, въ день вѣзда Императрицы въ Москву пѣтъ былъ воспитанниками Славяно-Греко-Латинской Академіи, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ вѣнками на головахъ и лавровыми вѣтвями въ рукахъ, на Никольской передъ воротами, когда

⁴⁾ „содѣлалъ, Россю одаряя, Вся созерцаѣ “—⁴⁾ „Така жь пучина И слезъ бѣ безвѣстна.“—⁵⁾ оконч. *щ.*—⁷⁾ Безъ бѣдъ.—Вар. „бездѣльна.“—⁸⁾ Испорчено.—Вар. „За обиды жь знати Не мощно дорогѣ Здѣланы многи.“—⁹⁾ „Когда “—¹⁰⁾ „Буди же Бога Въ вѣкъ благословенно Имя, имже се дѣло совершенно, Со человекѣ, Христовымъ названнымъ Стадомъ избраннымъ.“—¹¹⁾ „во всегда.“—¹²⁾ „Свѣтъ нашъ, о Матерь.“—¹³⁾ „всрѣтая, восклицая;“ „скице трѣ свѣтлѣ желаемъ.“

мимо вѣхала государыня. Помѣщенъ въ „Обстоятельномъ описаніи“ коро-
нованія, С. П. Б. 1844, folio).

*

10.

Днесь торжествуйте вси купно нинѣ ¹⁾...

Всякъ веселися, что воцарися
Императрица, самодержица,
Крестною силою, Христовой върою ²⁾,

5. Едина матеръ...

Хвалима буди, убо пріяла за своя труды
Чего желала...

Да узримъ прекрасну, надъ всѣми имену
Елисавету самодержицу надъ нами...

10. Со славою честно, вси неслестно

Сынове—„Вивать“,

Съ Россіей Россемъ, уже мати

Изволи Творецъ послати,

Вивать на лѣта, на многа лѣта!

*

11.

Торжествуй, непорочна
Церковь Россовъ восточна,
Зря дни пріятны, дни благодатны,
Вѣкъ щастливой, вѣкъ всѣмъ видимой.

5. Твоему вертограду

Тщится выну ограду

Распространити Августа ³⁾ мати,

И се успѣлъ уже предѣль.

Прицѣпляется нова

10. Въ немъ вѣтвь, расти готова:

Чистится доно земли, чтобы оно

Было не косно, плодоносно.

Тервіе не угодно,

Съ нимъ и волчець, всё бесплодно,

¹⁾ По излишней длиннотѣ многое выпускаемъ.—²⁾ Чит. „вирую.“

³⁾ Августѣйшая.

15. Прочь-прочь бывають, да не вреждають
Шипки красны, красны-лесны.
Источники свободны
Лить струи многогородны:
Не чѣмъ препяти воду истоцати
20. Во прохладу вертограду.
Зимы нѣтъ, Фебъ твой выну
Творить весну едину:
Лѣсъ стройнѣ крыеть, древо не иметь,
Всегда цвѣты можно зрѣти.
25. Матерь убо державы
Торжествуя прослави,
Чудна въ поребрѣ проповѣждь въ мѣрѣ
Елисаветъ, полкъ Петра цвѣтъ!

*

12.

- Россійская слава повсюду летаетъ,
Триумфъ многи всѣмъ днесь составляетъ,
Вѣнчанну (3) всѣмъ хвалить и величаютъ:
Вивать Елисавета на многа лѣта ¹⁾!...
5. Емуже со страхомъ припадемъ подъ нозѣ,
Да веселимся о Тебѣ вси, Божѣ ²⁾:
Соблуди державу нашей днесь царицы,
Императрицы,
Еяже возлюбилъ есь ³⁾ и сохранилъ днесь,
10. На многая лѣта!

*

13.

- Торжествуй, Россійска земля, ликуй, веселися:
Се бо днесь мати твоя вѣнцемъ украси́ся,
Порфирю, и виссономъ, и златыми рясы;
Пой гимны красны, пой гимны красны!
5. Не такъ солнце сіяеть на широкомъ небѣ,
Егда ходъ свой имѣеть въ златовидномъ Фебѣ,

¹⁾ Пропускаемъ за сѣмъ многое, ради длинноты и помѣщенія ниже. —

²⁾ О Тебѣ, о Богѣ.—³⁾ Еся.

Яко императрица на Російскомъ тронѣ,
Въ златой коронѣ (2).

- Славою великою повсюду сіяеть,
10. Російскихъ сыновъ своихъ тако прославляетъ,
Яко востанетъ, западетъ, полдень, полуночь чудится,
Весь міръ дивится (2).
Ей рецетъ ¹⁾: „Вивать, вивать Російская мати,
Елисавета, нынѣ въ новой благодати,
15. Вивать, вивать, вивать!“ Ей „вивать“ буди,
Рцйте вси люди (2)!
Днесъ вивать Всеросійская императрица,
Чудная и славная, благая дѣвица!
Да покрметъ ю во вѣкъ Божіа десница:
20. Склоняемъ лица, склоняемъ лица!

*

14.

- Днесъ всѣхъ радостей радость приближися,
Всему мірови радостна явися:
Ибо Елисаветъ императрица
На престолѣ вѣнчана славою дѣвица ²⁾....
5. Мы же, дѣти, будемъ шѣти:
Вивать (3)!

*

15.

- Торжествуйте (2), музы, ясно,
Ликовствуйте (2), музы, красно:
Пулхерія ³⁾ воцарися,
Въ тронѣ отческомъ посади (2).
5. Слезы званицъ (2) отираетъ,
Да Греція (2) не рыдаеть:
Аркадія бывъ лишена,
Но днесъ наку угѣшенна (2).
Радость нова (2) наступила,
10. Печаль всяку (2) потребила:

¹⁾ Вар. „За сердцемъ.“—²⁾ Выпускаемъ всю середину по излишней длиннотѣ.—³⁾ Красавица.—Канта съ хитростію представляетъ Грецію и Аркадію, а тамъ царицу Пулхерію.

- Малы кунно и велики
 Соррадно пойте лики (2)!
 Царствующей (2) монархійѣ
 Восклидайте (2) „вивать“ нынѣ,
 15. Державнѣйшу чтите въ роды,
 Непрестанно, по вся годы!

*

Побѣда Турецкая и Шведская изображены передѣлкою Кантъ Петровскихъ: 1) „Днесъ, орле Россійскій, прости своя крылѣ („Днесъ *Императрица* вивать много лѣта“)¹⁾“ и 2) „Радуйся, Росска земле („Турокъ побѣдися и Шведъ узавися... Ликуй, *Императрица наша*, грады у нихъ взяша“).“ Ср. выпускъ 8-й.

Въ заключеніе мы не можемъ не привести распространенной Канты изъ временъ Елизаветы, гдѣ довольно характерно изображена Россія, а вмѣстѣ отчасти Елизавета, одна другою. Это напоминаетъ Ломоносова, употребившаго тотъ же самый приемъ и конечно имѣвшаго передъ глазами самую Канту (въ его „Отвѣтъ Анакреону:“ „Тебѣ я нынѣ подражаю И живописца избираю;“ Конецъ: „О, коль изображенъе сходно, Красно, любезно, благородно! Великая, промолви, мать, И повели войнамъ престаты!“):

16.

Россія при Елизаветѣ.

- Начну на флейтѣ стихи печальны ¹⁾,
 Зря на Россію чрезъ страны дальны ²⁾,
 Ибо всѣ днесъ мнѣ ея доброты
 Мыслить умомъ есть много охоты:
 5. Россія, мати, свѣтъ мой безмѣрный!
 Позволь то, чадо прошу твой вѣрный.
 Ахъ, какъ сѣдишь ты на тронѣ красно,
 Небу Россійску ты солнце ясно!
 Красятъ нимъ всѣхъ златые скиптры
 10. И драгоценна ³⁾ порфира, митры:
 Ты собой скипетръ твой украсила
 И лицемъ свѣтлымъ вѣнецъ почтила ⁴⁾.
 О благородствѣ твоємъ высокомъ
 Кто бы не вѣдалъ въ свѣтѣ широкомъ?
 15. Прямое сама вся благородство,

¹⁾ Элегію, по образцу древнихъ на флейтѣ.—²⁾ По неизмѣримымъ ея пространствамъ.—³⁾ Вариантъ; „И драгоценность.“—⁴⁾ Своимъ лицомъ дала почетъ вѣнцу.

- Божіе, ей ⁶⁾), ты свѣтло изводство ⁶⁾!
 Въ тебѣ вся вѣра благочестивымъ,
 Къ тебѣ примѣру ⁷⁾ нѣтъ нечестивымъ:
 Въ тебѣ не будетъ вѣры двойныя ⁸⁾,
 20. Къ тебѣ не смѣють приступить злыя.
 Твои вси люди суть православны
 И храбростію повсюду славны ⁹⁾.
 Чада, достойны таковой матери,
 Вездѣ готовы за тебя стати.
 25. Чѣмъ ты, Россія, не изобильна?
 Гдѣ ты, Россія, не была сильна?
 Сокровище всѣхъ добротъ ¹⁰⁾ една,
 Всегда богата славы причина.
 Коль въ тебѣ ¹¹⁾ звѣзды всѣ здравіемъ ¹²⁾ блещутъ
 30. И Россіяне коль громко плещутъ!
 Вивать Россія, вивать драга,
 Вивать надежда, вивать блага!
 Скопчу ¹³⁾ на флейтѣ стихи печальны,
 Зря на Россію чрезъ страны дальны:
 35. Сто мнѣ языковъ надобно бѣ было,
 Прославить все то, что въ тебѣ мило!

Эта Канта относительнымъ достоинствомъ своимъ искушаетъ пустословіе и скуку остальныхъ.

Мы сказали прежде, и видѣли здѣсь, что многія Канты Елизаветинскія передѣланы изъ Петровскихъ: ср. вып. 8-й. Потому и Петровскія извѣстны болѣе въ семь видѣ, въ печати второй половины XVIII вѣка.

* *

Екатерина.

1.

Россійская слава повсюду летаетъ,
 Трумомъ многи всѣмъ днесь составляетъ,
 Вѣнчану (3) всѣмъ хвалить и величаетъ:

⁶⁾ Клятва.—⁶⁾ Произведеніе, твореніе (какъ „изводъ“—редакція).—⁷⁾ Прикосновенія; вар. позднѣйшій „примѣру.“—⁸⁾ Уник: слышенъ Западный Русскій.—⁹⁾ Вар. „явны;“ „ясны.“—¹⁰⁾ Вар. „добрѣ ты.“—¹¹⁾ Вар. „тебѣ.“—¹²⁾ Вар. „здравы.“—¹³⁾ „Окончу.“

Вивать императрица Екатерина ¹⁾

5. На многая лѣта!
 Россія радостно тако возшумѣла,
 Егда отъ славы весель гласъ имѣла ²⁾.
 Вънчанну, на тронѣ предсѣдѣящу,
 Всѣхъ веселящу,
 10. „Ликуй, любезна мати, во благодати,
 „На многая лѣта,“
 Россійски народи съ лики ликоствуйте ³⁾,
 Съ радостны гласы тако венеруйте ⁴⁾.
 Тебя вси днесъ хвалятъ, буди всѣмъ хвалима,
 15. Превозносима!
 Играйте, вси органы и со тмианы,
 На многая лѣта!
 Богу хвалу нынѣ отъ сердца приносимъ,
 Гласы шумящи громко днесъ возносимъ:
 20. Даде намъ во вѣки превелію радость,
 Сущюю сладость ⁵⁾,
 Избра въ міръ царицу, императрицу,
 На многая лѣта.
 Емуже со страхомъ припадемъ подъ нозѣ,
 25. Да веселимся о Тебѣ вся, Божѣ:
 Соблуди державу нашей днесъ царицы,
 Императрицы,
 Елиже возлюбилъ есь и сохранилъ днесъ,
 На многая лѣта!
 Передѣлана изъ Елизаветинской: см. выше № 12.

•

Екатерина и Павелъ.

2.

- Да радуется днесъ Россія славна,
 Во славу славна издѣвна,
 Судьбою нынѣ Бога вышняго спасенна!
 Да здравствуетъ Екатерина,
 5. Объемли дономъ Павла сына,

¹⁾ Такъ и видно, что была прежде „Елисавета.“—²⁾ Когда получила отъ молвы извѣстіе (vosem de fama).—³⁾ Вариантъ „ликоствуетъ.“—⁴⁾ Вар. „привѣтствуетъ.“—⁵⁾ Вар. „благость.“

- На царство возведена!
 Се Вышній милость намъ свою являетъ,
 Отъ бѣды рукою избавляетъ:
 Петрова твердость, Богомъ надша, сокрушился ¹⁾,
 10. Догматы церкви процвѣтають,
 Противныхъ козни распадаютъ,
 Надежда утвердися.
 * Внутрь отечества все пользы не упали,
 Которы расхищены стали ²⁾:
 5. Страхъ нашъ и ужась темной въ радость превратися,
 Украсимъ мы себя вѣнками,
 Примемъ лавры со цвѣтами ³⁾:
 Враговъ рогъ низложися.
 Щедротамъ мы все сія царицы,
 20. Толкии императрицы,
 Въ союзъ златаго вѣка крѣпко соплетемся:
 Исполнимъ святость всехъ законовъ.
 Судъ воспримемъ Соломоновъ.
 Блаженны наречемся.
 25. Прочь отъ насъ все нынѣ противныя ссоры,
 Прочь суевѣрные раздоры ⁴⁾:
 Екатерина миромъ всехъ въ любовь связуетъ,
 Надежду Павелъ общаетъ
 И милымъ взоромъ то являетъ,
 30. Всехъ миромъ привѣтствуетъ.
 Воскликнемъ все Россійскіе народы:
 Текуть у насъ златые годы,
 Екатерина намъ есть какъ Елизавета!
 Восплещемъ весело руками,
 35. Воскликнемъ громко и устами:
 „Съ Россією Богъ свѣта!“
 О Творче вышній, міра Вседержитель,
 Единъ Россіи покровитель!
 Мы все Тебѣ взываемъ мыслію своею:
 40. Екатерины даждь корону,
 Россіи твердо оборону,
 Молимъ всей душою!

¹⁾ Разумѣется латинство Римское въ Западной Россіи —²⁾ Опять пользы Православныхъ; расхищенныя было Католиками.—³⁾ Такъ и являлись духовные воспитанники предъ публику съ кантами; см. выше встрѣчу Елизаветы.—⁴⁾ Расколы церковныя.

3.

То же.

Что так сильно движать днесь къ веселію всѣхъ духъ?
Отчего наполняеъ разговорами воздухъ?

Что вси радостью пылають
И съ любовію срѣтають

5. Днесь пришедша гости.

Гость вождельный отъ восточныхъ странъ грядеть,
Преласная планета и Россійска солнца свѣтъ:

Путь, которымъ протекаетъ,
Дивнымъ свѣтомъ озаряетъ,

10. Грады всѣ и села.

Радостно течите на священный сей позоръ,
Вси сердца прострите, возведя веселый взоръ!

Се грядетъ покровъ, одежда,
Всѣхъ благъ твердая надежда,

15. Князь Великій Павель.

Восклоните, старцы, умъ согбенный свой хребеть,
Юноши, воззрите, гдѣ сей чудный блещетъ свѣтъ:

Зрите вси въ наслѣдной крови
Праведны слѣды Петровы

20. Въ Великому Князю Павлѣ.

О, времена блаженны, что къ Россійской красотѣ
Умъ Екатерина во всей царской лѣпотѣ

Судъ и милость всѣмъ вѣщаетъ:
Павель то жъ намъ обѣщаетъ

25. Къ святости ¹⁾ законовъ.

Вы жъ, Россійски чада, умножайте въ сердцѣхъ жаръ ²⁾,
Огнь любви зажигаите, да Божественный сей даръ

Долго лѣтъ не оскудеѣтъ,
Въ совершенный возрастъ спѣветъ

30. При Екатеринѣ!

*

(Изъ рукописей нашего собранія, В. М. Удольскаго, Ф. Н. Вуслаева и другихъ, а также печатныхъ изданій и Добрынина 1799 года).

¹⁾ Вариантъ: „Святости.“—²⁾ Ср. ниже такое же (взятое отсюда?) выраженіе въ „Хорѣ“ Павлу.

Мы не приводимъ здѣсь, но все-таки напоминаемъ разные „хоры,“ сочиненныя на повторявшійся день коронаціи Екатерины или тѣ, на примѣръ, которые сочинены Сумароковымъ и, въ обстановкѣ Волкова, пѣты въ масляницу 1763 года.

Всѣ приведенныя по рукописямъ Канта на нотахъ, такъ что ихъ можно пѣть до сихъ поръ, кромѣ изданій печатныхъ и Добринина.

* *
*

VI.

Пѣсни Малорусскія.

Мы говорили выше, что со временъ Петра Былевая-Историческая пѣсня Малой Руси дружится съ Московскою или Великорусскою, правильнѣе сказать—обще-Русскою, и вторитъ сей послѣдней. Но само это творчество Малорусское было не многовѣчно: оно началось на старой Великорусской почвѣ, занятой пришельцами, тогда лишь, когда успѣли они развернуть здѣсь свое вольное козачество подъ властью самостоятельныхъ гетмановъ, съ XVI вѣка. То были „Думы,“ отвѣчающія отчасти нашимъ Былицамъ, только моложе нѣсколькими вѣками противу нашихъ Богатырскихъ-Владиміровыхъ, испорченнѣ складомъ, который уже съ самаго начала сбивалъ стихи, смѣшивалъ розный размѣръ или переходилъ въ скороговорку пересказа (подобно речитативу); не помогли здѣсь и инструменты, богато развитые и сохранившіеся гораздо дольше, чѣмъ у Москвы (прочіе козаки, особенно Донскіе и гулявшіе по Волгѣ, были еще счастливѣе въ семъ музыкальномъ отношеніи): не помогли потому, что народъ еще рѣшительнѣе нашего спускался въ низшій слой „простой,“ болѣе или менѣе невѣжественный; подъ панствомъ, которое шляхетствовало по Польски, а потомъ боярствовало по Московски; всего же больше, не смотря ни на какіе инструменты, повредило здѣсь школярство съ его искусственнымъ языкомъ и возлюбленною римой, — римой, которая съ тѣхъ же самихъ поръ отличаетъ или, что то же, губитъ всѣ Малорусскіе образцы, даже древнѣйшіе по происхожденію. Такъ, уже въ цвѣтущую пору гетманства, какъ судимъ по уцѣлѣвшимъ примѣрамъ, Дума, во многомъ нисшая нашей Былины, спустилась противу сей послѣдней еще ниже, на ту степень, которую мы у себя называемъ Побывальщиной, Бабьей Старицей и всякою „Женскою“ пѣсней: раздробились и вновь образовались такъ называемыя „Думки,“ болѣе краткія, мелкія, слабыя и узкія кругозоромъ, какъ бы сказать—наши „Былинки.“ Во всякомъ случаѣ Былевое творчество Малоруссовъ всю первую свою эпоху держалось строго интересовъ мѣстныхъ, областныхъ, исключительныхъ, словомъ своихъ лишь Украинскихъ да частью Запорожскихъ: широты древней Богатырской, Владиміровой-Кіевской, въ немъ не было никогда и не могло быть. Извѣдать такую ступень

пришлось лишь поздне. Именно, всеобщее историческое движение, расшевеленное гением Петра для всей и всякой Руси, отозвалось и здесь: Думы и Думки поднялись своимъ *содержаніемъ* до этой общей Русской исторіи и стали въ ровень съ нашими *пѣснями Историческими*, переключаясь съ ними то тѣмъ, то другимъ взаимнымъ отголоскомъ, какъ бы лозунгомъ или паролемъ великой эпохи. Но такой, довольно поздній для народа подъемъ, блескомъ своимъ не искунавшій долгаго ожиданія и многихъ вѣковъ младенчества, въ которомъ успѣвали состариться прежде достиженія зрѣлаго возраста, такой неожиданный подъемъ не могъ длиться долго и продолжаться прогрессивно: какъ и у насъ, относительно народа это было на приженіе послѣднихъ силъ, безспорно великихъ, но насыщенныхъ сиднемъ подобно Ильѣ богатырю и вдругъ изъ долговременнаго сиднья расхлывшихся. Думки, вѣрныя одинъ разъ заданному толчку и направленію, продолжаютъ вторить нашимъ Историческимъ пѣснямъ и послѣ Петра во весь XVIII-й вѣкъ: но участь ихъ еще бѣдственнѣе Историческаго пѣснотворчества нашего. У насъ еще, какъ мы видѣли по образцамъ, цѣлый преобразованный вѣкъ продолжала твердо держаться концепція старой Москвы, сложившаяся вмѣстѣ съ сею послѣдней,—разумѣемъ складъ, разкѣръ, строй, пріемъ и оборотъ Былины „Московской,“ сжатый, краткій, весьма художественно закованный, выразительный при всемъ, столь часто, лаконизмъ, ясный своею логичностью, искуснымъ указаніемъ причинъ и послѣдствій воспѣтаго событія, на сколько это доступно было творчеству безъ искусства личнаго и науки; у насъ помогло содержаніе, внезапно выросшее побѣдами, завоеваніями и всемірною славой: а когда и это все не спасло у насъ народнаго Историческаго творчества, на смѣну его у насъ подосѣли „пѣсни сочиненныя,“ литература, которая то вбирала, то старалась реформировать, то для многихъ замѣняла и замѣнила народную пѣсню. Совѣмъ не такъ откликнулось все это въ Малоросіи и не такъ было тамъ послѣ Петра. Думы и Думки, носившія внутри себя сѣмя неудержимаго разложенія, нами очерченнаго, не имѣли въ замѣнъ того опоры или регулирующаго образца, какимъ въ области творчества конечно *могъ быть*, но на самомъ дѣлѣ *не былъ* Кіевъ въ параллель Москвѣ; громкія, занявшія у насъ всю сцену, военныя событія, для Малорусскаго свободнаго участія въ нихъ и отклика, не имѣли теперь на мѣстѣ прежней подставки и основы, еще существовавшей нѣкогда при Петрѣ: не имѣли прежняго гетманства, свободной по старому Украйны и даже вскорѣ не имѣли уже и Запорожья; не было базиса, на которомъ бы удержаться въ ровень съ нами и запѣть за одно съ нами братскимъ голосомъ. Славные наши подвиги слышались тамъ, издали и вблизи, но слышались большею частію *какъ наши* и висели надъ головами камишъ-то господствомъ, родственнымъ и однако же стороннимъ: не были въ равной степени дѣломъ, соучастіемъ и торжествомъ мѣстнымъ, не были общими въ прежней мѣрѣ—Петровской, казались скорѣе исключительными—Московскими и Петербургскими. И центръ тяжести, и базисъ козачества передвинулся изъ прежней террито-

рив: на Днѣпъ, на Волгу, на Яикъ, на Сибирскую Украину, на Азовъ и Черноморье въ новой ихъ обстановкѣ, даже на Кубань и позднѣе на Кавказъ; тамъ уже, а не по прежнему въ Малой Руси, видѣли мы параллель пѣснямъ Московскимъ, тамъ явилось козачество такъ сказать „Московское“ и даже „Подмосковное;“ *отсюда* оно двигалось, въ дѣйствительности и въ пѣснѣ, съ Азовскаго моря на Варяжское, съ Варяжскаго на Каспійское, изъ Червасека въ Швецію, изъ Пруссіи въ Казань и Астрахань. Послѣ этого, въ чемъ же могъ быть выходъ для Малорусскаго пѣснотворчества, выходъ подобный тому, какъ у насъ въ подхватившей „пѣсенной литературѣ?“ Выходъ оставался одинъ—въ Кантахъ и къ Кантамъ: ступень еще болѣе глубокая, грубая и невѣжественная, чѣмъ наши „сочиненныя пѣсни;“ ступень тѣмъ болѣе ветшавшая на мѣстѣ, что и она передвинута была для прогресса въ Москву, и она уже успѣла замѣниться тамъ болѣе счастливымъ содержимомъ. Такова была роковая судьба: сама Малороссія (въ связи съ Сѣверо-западомъ) породила изъ себя, при помощи Польской, это гнусное школярство и типъ его искусственныхъ стихоплетствъ,—ей же самой пришлось и вкусить всю горечь своего плода, его нежитательность, его ничтожество. А за тѣмъ развѣ оставался уже для спасенія блины, испеченныя Сквородою (въ видѣ искусственныхъ пѣсень), да нѣжныя, но слишкомъ слабыя, звуки козачка Кшмовскаго. Только горожанство-мѣщанство съумѣло еще воскресить тамъ какую-то пеструю смѣсь Канты и народной Пѣсни, съ пестрымъ языкомъ и характеромъ: но то уже были пѣсни не Историческія, а всякія другія „Женскія“ и преимущественно любовныя. Такимъ образомъ, при всякомъ изслѣдованіи нашего предмета за XVIII-й вѣкъ, мы можемъ идти весьма рачіонально отъ нашихъ „народныхъ“ Историческихъ пѣсней къ ихъ сестрамъ „сочиненнымъ,“ коренившимся на старомъ письменномъ стихотворствѣ; отъ нихъ къ самому „Стихотворству;“ отсюда къ заноснымъ „Кантамъ,“ какъ литературной ступени еще болѣе низкой и ветхой; а отсюда къ мѣсторожденію Кантъ, къ Западной Руси и частице къ Малороссіи, къ ей уцѣлѣвшимъ, подо всеѣмъ этимъ хламомъ, „пѣснямъ народнымъ, Думкамъ.“ Это ходъ ретроспективный. Но можно идти и обратно, то есть впередъ, и тогда мы пройдемъ отъ народныхъ Думъ Малороссіи къ ей Кантамъ, отъ тамошнихъ Кантъ къ нашимъ заноснымъ, отъ сихъ послѣднихъ къ пѣснямъ сочиненнымъ и, наконецъ, къ нашей Великорусской народной пѣснѣ, которая, можно сказать, не столько уцѣлѣла, сколько воскресла въ собранныхъ памятникахъ, а самой смертью, изъ подъ памятника, изъ за могилы, одушевила народнымъ дыханіемъ всю нашу новую литературу. Это подлинное воскресеніе и жизнь совершенно новая, преобразившаяся,—минута, въ которой только теперь мы начинаемъ жить сознательно: литература пріяла завѣщанный ей народный духъ какъ священнѣйшее наследіе, сперва почти какъ мистерію, потомъ какъ смутный образъ, далѣе какъ оживляющее начало, нынѣ же какъ дѣйствительную силу, самую реальную изъ реальныхъ, самую классическую изъ классическихъ. Съ Малороссіей же случилось и сего послѣд-

ниго, столь отраднаго, явленія: собирателей народной Малорусской поэзіи не смотря на воли вѣрныхъ сыновъ отчизны, нашлось мало, и тѣ на половину Великоруссы, а изслѣдователи и издатели ожидаютъ пока исключительно изъ сихъ же послѣднихъ. Вотъ почему и всякая литература тамъ, сколько ни будь съ лозунгомъ народности, виялась и вияется сенсара-тивнойю, а какъ скоро избавляется отъ сего неблаговиднаго признака, то-чуть въ литературѣ обще-Русской, то есть Великорусской по основамъ и почти по синонимическому значенію.

И такъ вотъ чего мы можемъ ожидать отъ народной Исторической, частію и сочиненной, пѣсни въ Малороссіи XVIII вѣка, послѣ Петра, и вотъ что найдемъ въ предлагаемыхъ за симъ образцахъ.

Предупреждаемъ, что эти пѣсни, дабы еще больше не дробить ихъ, обнимаютъ нѣсколько шире, чѣмъ періодъ Екатерининскій и, подобно приведеннымъ у насъ Кантамъ, простираются отъ Анны до Павла *).

*

4.

Посылка на Линію а), на работы.

- У Глухови у городи у вси ¹⁾ дзвоны дзвонють:
 Да вже ²⁾ нашихъ козаченькивъ на Линію гонють.
 У Глухови у городи стрэ(в)льнули ³⁾ зъ гарматы ⁴⁾:
 Не по однимъ козаченьку заплакала маты.
 5. У Глухови у городи стрэльнули зъ ручніци ⁵⁾:
 Не по однимъ козаченьку плакали сестрици.
 У Глухови у городи поплетены ситки:

Во Глуховѣ во городѣ всѣ звоны трезвоняютъ:
 То нашихъ козаченьковъ на Линію гонятъ.
 Во Глуховѣ во городѣ стрѣльнули изъ пушки:
 Не по одномъ заплакали матери-старушки.
 5. Во Глуховѣ во городѣ стрѣльнули ручицы:
 Не по одномъ козаченькѣ плакали сестрицы.
 Во Глуховѣ во городѣ поплетены сѣтки:

а) 1731 г. и далѣе.—¹⁾ Вариантъ „да й вси.“—²⁾ „Да вже жъ.“—³⁾ „стрѣлено.“—⁴⁾ Отъ „армата,“ „армада.“—⁵⁾ ружье, пищаль.

- Не по однимъ козаченьку заплакали дѣтки.
 На быстрому ⁶⁾ на озерѣ геть плавала качка ⁷⁾:
 10. Не по однимъ козаченьку плакала козачка.

- У Грицькови огни горять ⁸⁾, а въ Полтави дымно:
 На могили гетьманъ сидить, — геть тамъ ёго видно ⁹⁾.
 «Допевняйся жъ, нашъ ¹⁰⁾ гетьмане, допевняйся платы:
 «Якъ не будешъ допевняти, будемо втекати!»
 15. — Ой идѣть-же вы, панове, до Петра до свита ¹¹⁾, —
 — Ой тамъ буде вамъ, панове, велика заплата:
 — По заступу у рѹченъки, да ще ¹²⁾ и лопата! —

- Сидить козакъ на могили, сорочку латае:
 Ой кинувся до черешкѣ — копейки ¹³⁾ не мае.
 20. Сидить пугачъ ¹⁴⁾ на ўбочу, на витирѣ надувѣя:
 Иде козакъ въ Украину, на лихо здобувся.

- Не по одномъ козаченькѣ заплакали дѣтки.
 На быстромъ на озерѣ вонъ утка плескалась:
 10. Не одна жена по мужъ слезьми заливалась.

- Во Грицьковѣ огни горять, а въ Полтавѣ дымно:
 На пригоркѣ сидить гетманъ, вонъ тамъ его видно.
 „Домогайся же, нашъ гетманъ, хлопочи о платъ:
 „Коль не будешъ домогаться, будемъ утекати!“
 15. — Ой идите, господа вы, ко Петру ко свѣту, —
 — Ой тамъ будетъ, господа, вамъ велика заплата:
 — По заступу во рученьки да еще лопата! —

- Сидить козакъ на пригоркѣ, чинить рубашонку:
 Не копейки не пайдетъ онъ, заглянувъ въ мошонку.
 20. Сидеть филинъ на закраѣ, отъ вѣтру надмится:
 Пойдетъ козакъ на Украину, лихомъ поживится.

⁶⁾ „На быстренькомъ.“ — ⁷⁾ Утка. — ⁸⁾ „огонь горить.“ — ⁹⁾ „гетьманъ стоить, геть намъ ёго видно.“ — ¹⁰⁾ „панъ.“ — ¹¹⁾ У Максимовича „свата;“ но здѣсь другой стихъ съ риемою пропущенъ, а это вѣроятно по памяти указаніе на Петра I-го и урочныя его работы. — ¹²⁾ „еще.“ — ¹³⁾ „копейци.“ — ¹⁴⁾ Филинъ.

Ишовъ ¹³⁾ козакъ на Ливію, да ѿ вельми надувся:

Ишовъ козакъ и-зъ Ливіи,—якъ лихо зогнувся.

(Помѣчалось въ старшихъ нашихъ писемникахъ; ср. у Максимовича, изд. 2-е).

*

2.

Пикинеры ¹⁾.

Ой надъ Бугомъ надъ рикою, на Турецкій на граници,
Тамъ стояли пикинеры ¹⁾, зъ ними компанійци ²⁾.

Зеленой Недилоньки ³⁾ орда наступае:

«Гей, панѡве, уступімо! Запасу не мае!»

5. —«Ой чо́го жъ намъ уступати, чо́го боємбеса?

—«Ой хочъ орды багато ⁴⁾ йде, мы іѿ не дамбеса!»—

Иде орда изъ-за Гарда много зъ прапорѡми:

Наложите жъ, пикинеры, отъ тутъ головами!

Шель козакъ на Ливію,—да какой надутый:

Пришель козакъ съ Ливіи,—какъ лихо согнутый!

2.

Ой надъ Бугомъ надъ рѣкою, у Турецкой у граници,
Тамъ стояли пикинеры ¹⁾, съ ними компанійци ²⁾.

На Зеленой на Недѣль ³⁾ орда наступае:

„Эй, господа, отступитъ бы, запасъ не хватаетъ!“

5. —„Ой, чего жъ намъ отступить-то, чего побоимся?

—„Хоть орды и вѣлитъ много, мы ей не дадимся!“—

Идетъ орда изъ-за Гарда, всё-то съ знаменѡми:

Подумайте жъ головами, что тутъ будетъ съ вами!

¹³⁾ „Ихавъ.“

¹⁾ Съ 1738 г. и далѣе: полки, вербовавшіеся изъ Малоруссовъ въ бо́лѣе регулярную службу.—²⁾ Название, долго державшееся и послѣ за охочевкомовыми полками: поздиѣе постушили они въ регулярную конницу и карабинерные полки.—³⁾ На Зелѣныхъ Святкахъ, обнимающихъ собственно ту недѣлю, которую занимаетъ Семикъ и отвѣчающій ему въ Христіанствѣ Троицкѡй день, праздникъ кущей среди первой зелени.—⁴⁾ Богато, много.

Иде орда изъ-за Буга, и въ Бугъ не знабится ³⁾:

10. Стали бидни пикинеры въ Бугъ-рику топиться.

Идутъ батьки й матери да сынивъ пытаются:

«—Да вже, батьки, вашихъ сынивъ орлы доглядають ⁶⁾!

«—Не зхотѣли ваши сыны въ пикинер(а)хъ служити:

«—Сили соби слободою надъ Бугомъ-рикою.—»

15. Погорили степы, поля й зелени байраки,

Идутъ зъ вѣйска у города голыи козаки.

*

3.

Киотринъ ¹⁾.

Ой на мѣри—на мѣри синѣнькимъ,

Тамъ плавала била лебѣдонька

И-зъ малѣнькими лебедятами.

Идетъ орда изъ-за Буга, и въ Бугъ не набится ³⁾:

10. Стали бѣдны пикинеры въ Бугъ-рѣку топиться.

Идутъ отцы-матери, про сыновъ пытаются:

«—Сыновеи вашихъ, отцы, орлы поджидають ⁶⁾!

«—Не хотѣлось вашимъ дѣтямъ служить въ пикинерахъ:

«—Сѣли себѣ слободою надъ Бугомъ-рѣкою.—»

15. Погорѣли стени, нивы, зелены байраки,

Идутъ съ войска въ города голыи козаки.

3.

Ой на морѣ-морѣ синенькомъ,

Тамъ плаыла бѣла лебѣдушка

Со малыи лебедятами.

³⁾ У Максимов. „не знобится,“ не студится: и ноги еще не опускаетъ въ воду, не переходитъ еще.—⁶⁾ (Стерегуть для добычи: выражение, известное еще по слову о П. Игор.

¹⁾ Намъ известный, связанный даже съ Гостинимъ-Хотинимъ (отчего и орда: см. объ этомъ выше, при войнѣ Прусской).—

Да ся взявъ сизопирый орёлъ:

5. Ставъ лебедку бити й забивати:

Стала лебедка до ёго промовляти ²⁾:

«Ой не бій мене, сизопирый орлоньку,

«Скажу тобі всю щирую правдоньку.

«Якъ у тимъ мисци у Кистрини

10. «Да бьеться орда уже трі дни,

«Бьеться вона трі дни й три години:

«Розбилася вона на три половини.

«Течуть рички—да все кровавыи,

«Черезъ ты рички мостять мосты—

15. «Мостять мосты да все головками ³⁾,

«Головками да все Московьскими.»

*

Гдѣ не взялся сизопѣръ орѣлъ:

5. Ну битъ-забивать лебѣдушку;

А лебѣдушка промовилась ²⁾:

„Не бей меня, сизопѣръ орѣлъ,

„Скажу тебѣ правду истинну.

„Какъ во городѣ во Кистринѣ,

10. „Тамъ орда бьется уже трі дни,

„Бьется она трі дни, три часочки:

„Разбилася она на три рукавочка.

„Текуть рѣчки—да все кровавыя,

„Черезъ рѣчки мосты мостили,

15. „Мосты мостять да все головками ³⁾,

„Головками да все Московскими.“

*

²⁾ Начало почти одинаковое съ известною хороводною пѣней. —³⁾ Напоминается Слово о И. Игорѣ.

4.

Гостинъ-Хотинъ ¹⁾).

- Ой мала вдова сына соколá,
 Выгодвала—въ вѣско оддала.
 Ой старша сестра коня сидлала,
 А середуца ²⁾ хустку качала,
 5. А наймолодша выпроважала,
 А мати ёго выпытовала:
 «Сыну мій, коли прійдешъ до насъ?»
 —Тоди я, нене, прійду до васъ,
 —Якъ павине перья на спидъ потоне,
 10. —А млиновый камень на верхъ выплине ³⁾!—

Вже жъ млиновый камень на верхъ выплинувъ,
 Вже й павине перья на спидъ потонуло:

4.

- Игъла вдова сына соколá,
 Воспитавъ его—въ войско оддала.
 Старшая сестра—коня сѣдлала,
 А середняя платкомъ махала ²⁾,
 5. А меньшая сестра провожала,
 А мати его—та выпытовала:
 „Смьтъ ты мой, когда жъ прійдешъ ты къ намъ?“
 —Тогда я, родима, буду я къ вамъ,
 —Какъ павино перье потонеть на низъ,
 10. —А камень жерновный выплыветь на верхъ ³⁾!—

Вотъ камень жерновный выплыль уже въ верхъ,
 Вотъ павино перье на низъ потонуло:

¹⁾ О сжъшеніи именъ (за одно съ мѣстомъ дѣйствія) см. у насъ выше.—
²⁾ „Середульша?“—³⁾ При проводахъ: народный обычай.—⁴⁾ То же, что у насъ на первыхъ страницахъ лѣтописи („Оли камень начнегъ плавати“ и проч.), въ Былинахъ о Садкѣ и другихъ народныхъ памятниклахъ.

- «А ще мого сына зъ Гостинá не видно!»
 Выйшла на гóру: «Ой вси полки йдутъ,
 15. «То мого сына коника ведуть!»
 Пытала вона всей старшины:
 «Чи не бачили сына сокола?»

—Чи не то твй сынъ, що семь полкивъ вбйвъ,
 —За вóсьмымъ полкомъ головку зхиливъ?

20. —Зозуля литала надъ нимъ куючй,
 —А коники ржали ёго везучй,
 —Колёса скрипѣли пидъ нимъ котючйсь³⁾,
 —Служеньки плакали за нимъ идучй!—

Климовскій еще раньше, по старшему образцу, сочинилъ въ этомъ родѣ о побѣдѣ козака за Дунай знаменитую пѣсню „Ихавъ козакъ за Дунай“, которая имѣла въ Западной Россіи и у насъ въ 18—19 вѣкѣ разнообразнѣйшія судьбы (см. о томъ прежнія наши изданія и ниже).

Нѣкоторые впрочемъ читаютъ такъ: „Коли жъ ты придешь до насъ у гостину,“—въ побывку; потому „А ще мого сына зъ гостиним не видно,“—не видно изъ побывки, изъ отлучки (или съ большой дороги). Но это, кажется, скорѣе порча, проникшая въ пѣсню Историческую.

*

-
- „А всё мого сына съ Хотина не видно!“
 Взшла на гору: „Всѣ полки идутъ,
 15. „Да сыновяго коника ведуть!“
 Пытала она начальства всего:
 „Не видали ль сокола, сына моего?“

- Что тотъ ли твой сынъ,—семь полковъ разбилъ,
 —За вóсьмымъ полкомъ головку склонилъ?
 20. —Кукушка летала свѣрхъ кукучй,
 —А коники ржали его везучй,
 —Колёса скрипѣли подъ нимъ бѣгучй,
 —Служеньки плакали за нимъ идучй!—

*

³⁾ „котючи,“ форма очень возможная?

5.

Хотинь¹⁾.

- Въ славнымъ мѣстѣ підъ Хотиномъ,
 Гей, гей, у погоу,
 Ой, бѣся Турокъ зъ Москалемъ
 Бильше якъ пивъ-року.
5. Коли стали тай Москали
 Видъ рана до ночи,
 Та не еденъ Турокъ-баша
 Замкнувъ свои очи;
 Коли стали тай Москали
10. Якъ у²⁾ половинѣ,
 Не хай знае Турокъ-баша,
 Который день ныни;
 Коли крикнувъ Турокъ-баша
 Та на свои Турки,

5.

- Подъ Хотиномъ славнымъ градомъ,
 У рѣки у брода,
 Бѣется Турокъ съ Москалями
 Болѣ полгода.
5. Коли примется Москаль битъ
 Съ утра и до ноци,
 Не одинъ паша Турецкій
 Замкнетъ свои очи;
 Коли примется Москаль битъ
10. Днемъ, на половинѣ,
 Будеть знать паша Турецкій,
 Который день нынѣ;
 Коли крикнетъ паша-Турокъ
 На свою на рать ту,

¹⁾ Текстъ по Вацлаву зъ Олеська.—²⁾ Вар. „Яко въ“

15. Голосъ гуде ³⁾: «Досить буде, погинемо тутки!
 «Утйкаймо въ Волощину,
 «Въ Волоськое место:
 «А-чей бы насъ боронило
 «Видъ Москаливъ мицно!»
20. Чорни кавы, чорни вроны, круту гору вырвали:
 А молодыхъ Туркивъ-башивъ Москали побили.

*

6.

Степанъ Жадченко,
 набѣгъ на Ялту ¹⁾.

Ой кто въ Крымѣ не бувавъ,
 Той и дива не видавъ:
 А мы въ Крымѣ бували,
 Мы тамъ диво видали ²⁾.

15. Гудять голосъ: „Нѣтъ, довольно,
 „Намъ не погибать тутъ ³⁾!
 „Побѣжите мы въ Волохи,
 „Къ Волошскому граду:
 „Не дастъ ли отъ Москалей намъ

20. Крикую ограду!“
 Чорни враны и ворбны круту гору крыли:
 Молодыхъ нашей Турецкихъ Москали побили.

6.

Ой кто въ Крымѣ не бывалъ,
 Тотъ и дива не видалъ:
 А мы во Крымѣ бывали,
 Мы тамъ диво увидали ²⁾.

²⁾ Вар. „Голосъ иде.“—Довольно, иначе здѣсь погибемъ.

¹⁾ Около 1771 г.—У Максимовича отнесено, предположительно, къ 1736 году.—²⁾ Ср. выше почти такое же точно начало у нѣкоторыхъ нашихъ народныхъ пѣсень о Турецкой войнѣ.

5. Перекопський комендантъ
 Запорозьцямъ даé знать:
 «Ой гóдѣ жъ (вамъ), Запорозьци,
 «Въ Калантаѣ пробувать,—
 «Ой ходімо на Ялты ³⁾,
 10. «Козáченькивъ ратоваты!»

Запорозьци якъ пишли,
 Впередъ голову найшли:
 А въ Жадченка Степана
 Облуплена голова;
 15. Въ Московського копитана
 Спина обидрана.
 Лежать наши козáченьки
 Якъ билёнъки смычки:

5. Перекопський комендантъ
 Запорожцамъ даеъ знать:
 „Запорожцы, будетъ вамъ
 „Въ Калантаѣ пробывать,—
 „Ой пойдѣте на Ялту,
 10. „Козáченькамъ помогать!“

Запорожцы какъ пошли,
 Впередъ голову наши:
 У Жадченка у Степана
 Облуплена голова ⁴⁾;
 15. У Московска капитана
 Вся спинушка ободрана.
 Лежать наши козáченьки,
 Бѣлые ⁵⁾, какъ мѣчки:

³⁾ У Максимов. „Ялты.“—⁴⁾ Азіатскій (перешедшій и къ Южнымъ Славянамъ) обычай сдирать кожу и волосы съ головы убитаго, особливо „чубъ“, косу, какъ трофей.—⁵⁾ Блѣдныя, съ испуга: лежать лежмя, пластомъ, растянувшись.

А въ Жадченка у Степана
20. По-за нѳгтями спички.

По времени и значенію нашей Пугачевщинѣ отвѣчаетъ у Малоруссовъ „Уманская рѣзня“, воспѣтаѣ нѣсколькими пѣснями, которыя всѣ однако мѣстныя и исключительныя, безъ общаго Русскаго интереса, а потому здѣсь не приводятся нами.

Пугачевъ и самъ собѳю на Украинѣ имѣеть откликъ; но какъ у насъ скрывали опасное имя подъ перѳдѣлками (см. выдѣ), такъ и тамъ воспользовались названіемъ „пугача“—филіна:

7.

Пугачъ—Пугачевъ.

Ой спавъ Пугачъ на могилѣ ¹⁾ да й крикнувъ винъ «Пугу!»
Чи не дасть Богъ козаченькамъ хочъ теперь потугу?
Що день, що ничь,—усѣ ждемо: поживы не маемъ,
Давно була: Хмельниченька уже не згадаемъ ²⁾!
5. Ой коли-сь мы воѳвали; да больше не будемъ!

У Жадченка жъ у Степана
20. Подъ ногтями спицы-спички ⁶⁾.

7.

Ой спавъ Пугачъ на могилѣ ¹⁾, да и крикнулъ „Пугу!“
Не дасть ли Богъ козаченькамъ хочъ теперь подпѳгу ²⁾?
Что дѣнь, что нѳчь, всѣ-то ждемъ мы: а нѳту поживы,
Давно была: Хмельниченька нѳту уже въ живѣ ³⁾!
5. Когда-то мы воѳвали; да больше не будемъ!

⁶⁾ Остатокъ пытки, которою его мучили.

²⁾ И по словѳпроизводству, и особенно потому, что весь Югъ имѣеть усѣяныя могилами — курганами и холмами, „могила“ часто значить простой „приторокъ.“—³⁾ Утѣху.—³⁾ Не вздумать, ни згадать его (ср: Слово о П. Игор.): не воротить.—Юрій Хмельницкій.

Того счастья й той доли по вѣкъ не забудемъ!
 Да вже шабли заржавили, мушкеты безъ кѣрковъ:
 А ще сердце козацкое не боится Турковъ!

*

8.

Пропала Сѣчь Запорожская ¹⁾.

Да встань, Харьку ²⁾, да встань, батьку: годъ вже намъ
 спати!

Ой ходимо до Царицы милости прохати:

«Ой Царице, наша мати! Эмилуйся надъ нами,

«Ой дай же намъ прежни степи зъ темными лугами!»»

5. — Не дозволю Запорозьцямъ степомъ обладати,

— Да прикажу Москалеви всю Сичь разоряти!—

Ой ходить нашъ панъ Кошовый, шабельку стискае,—
 Таки жъ бо вонъ Москалеви виры не дѣлае—:

Того счастья и той доли по вѣкъ не забудемъ!

Заржавѣли наши сабли, мушкеты безъ кѣрковъ:

А всё сердце козацкое не боится Турковъ!

8.

Встань-ко, Харьку ²⁾, встань-ко, батько: будетъ же намъ спати!

Ой поидемъ мы до Царицѣ милости прашати:

„Ой Царица, наша мати! Эмилуйся надъ нами,

„Отдай же намъ прежни степи съ темными лѣсами!“»

5. — Не дозволю Запорожцямъ степью обладати,

— А прикажу Москалю я всю Сѣчь разоряти!—

Ой ходить нашъ Кошевой панъ, сабельку сжимаетъ,—

Вѣдь всё-таки Москалю онъ вѣры не имае—:

¹⁾ Просьбы Запорожцевъ Екатерины относятся къ 1774, уничтоженіе Сѣчи къ 1775 году.—²⁾ Герой Уманьскаго дѣла: по воспоминанію.

«О хто хоче зъ шабельками, а мы зъ кулаками,—
10. «Не хай пійде наша слава по-межъ козаками!»

*

9.

О томъ же.

Изъ-за горы, зъ-за Лиману, вѣтеръ повивае:
Да вже жъ Москва Запоризья кругомъ обступае.
Ой облягла, обступила, да въ городъ вступила,
Московскими знаменами городъ закрасѣла.
5. Пишла Москва по куренямъ запасу збирати ⁴⁾...
Ой набрали сребра-злота да й стали гадати:
«Ой якъ бы намъ, мили братья, Запоризья взяти?»
Взяли сотню Кошового й Писаря Полкового,
Щобъ не було Запоризья поки свѣта сѣго.

„Иной хочеть съ сабельками, а мы съ кулаками ³⁾,—
10. „Пусть же поидеть наша слава между козаками!“

9.

Изъ загорья, съ-за Лиману, вѣтеръ повѣваетъ:
Москва уже Запорожье кругомъ обступаетъ.
Облегла и обступила, и въ городъ вступала,
Московскими знаменами городъ украшала.
5. Пошла Москва куренями, запасъ въ нихъ збирати ⁴⁾...
Ой набрали сребра-злата и стали гадати:
„Какъ бы намъ, милые братья, Запорожье взяти?“
Взяли сотню Кошевого да Писаря Полкового,
Чтобы Запорожья въ свѣтъ не стало другаго ⁵⁾.

⁴⁾ Иди на насъ: а мы противъ сабель съ кулаками!—⁴⁾ За симиъ пропущенъ стихъ, выразившій конечно негодованіе и кончавшійся словомъ „мати.“—

⁵⁾ Чтобъ не было Запорожья пока свѣтъ стоять.

10. Ой покрьлось Запоризье густыми лозами:
Да вымылся Москаляки дрибными слезами!

*

10.

О томъ же ¹⁾.

- Та казавъ еси, Калнышъ кошовый ²⁾, що у Сичи мудро:
Ой якъ выйшли изъ Сиченькы, на серденьку нудно.
Та казавъ есы, Калнышъ кошовый, що у Сичи гречи:
Ой якъ выйшли изъ Сиченькы, оббывъ ворогъ плечи.
5. Ой у Сичи на базари побыто колочки:
Идутъ наши Запорозци та и безъ сорочки.
Та у Сичи на базари загачена гребля:
Ой якъ выйшли изъ Сиченькы, побывъ ворогъ ребра.

*

10. Ой покрьлось Запорожье густыми лозами:
Умылся Москаляки слезными слезами ³⁾!

10.

- Говорилъ ты прежде, Калнышъ ²⁾, что въ Сьчи все стройно:
Какъ мы вышли изъ Сьченъки, въ сердцѣ неспокойно.
Говорилъ ты прежде, Калнышъ, что въ Сьчи есть гречи:
Какъ мы вышли изъ Сьченъки, оббилъ ворогъ плечи.
5. А у Сьчи на базарѣ побиты колочки:
Идутъ наши Запорожцы, кто и безъ сорочки.
Да у Сьчи на базарѣ загачена гребля:
А какъ вышли изъ Сьченъки, побилъ ворогъ ребра.

*

⁶⁾ Не разъ послѣ вспомнили и пожалѣли, глядя на пустыню и не имѣя передоваго оплота противъ Татаръ-Турокъ.

¹⁾ По тексту Метлинскаго. — ²⁾ Послѣдній кошевой атаманъ Запорожскій: ревиитель и — по преданію — даже пѣвецъ Запорожья. Хорошо было въ Запорожьѣ по словамъ его: и точно, но выходѣ достигло Запорожьцевъ зло и горе.

11.

О томъ же ³⁾.

За лисомъ—за пролисомъ, за калыновымъ мостомъ,
Тамъ стоялы хмары вѣйска Запорожецька.

Помижъ козакамы молодой отаманъ иде,

Винъ ходе, винъ гуляе, такъ росказуе:

5. «О нуте жъ вы, осаулы молодѣнькыи!

«Ой збырайте вы худобу Запорожецькую,

«Вычищайте коныченкыи все Украиньскыхъ,

«А сидайте сиделечка все Черкеськыи:

«Ой у ранци, Запорозци, на Дунай широкый!»

10. Ой якъ выйшовъ нашъ отаманъ на крутую гору,

Якъ ударывъ нашъ отаманъ объ сырую землю:

«Сыра земля, мать-матинька, хмары вѣйска прыняла,

11 ³⁾.

За лѣсомъ-перелѣсьемъ, за мостомъ калыновымъ,

Тамъ стояли тучи войска Запорожскаго.

Молодой отаманъ ходить межъ козакамы,

И онъ ходить, онъ гуляетъ, онъ приказъ даетъ:

5. „А нуте-ка, есаулы молодѣшенькыи!

„Собирайте-ка вы бѣдность Запорожскую,

„Вычищайте вы коньковъ своихъ Украиньскыхъ,

„А сѣддайте вы сѣделечки Черкасскаи:

„Ой за-утра, Запорожцы, на широкъ Дунай!“

10. Какъ взошелъ ли отаманъ на крутую гору,

Какъ ударился ли онъ объ сырую землю:

„Приняла ты войска тучи, мать сыра земля,

³⁾ Оттуда же. Предыдущая пѣсня рисуетъ выходъ: а эта цереходъ на Дунай (и за Дунай). Самъ отаманъ, съ горя по отчизнѣ покинутой, умираетъ.—Пѣсня замѣчательна, между прочимъ, своимъ размѣромъ и складомъ, очень древнимъ и сходнымъ съ нашими Былинами.

«Бурлацкаго, Крымскаго, Запорожецкаго, —
«Прими жь ище, сыра земля, мене молодого!»

*

Г. Костомаровъ („Малорусскій сборникъ“ 1859) изъ Запорожцевъ передѣлалъ Донцовъ, ввелъ ихъ на Балканскую гору—то есть заставилъ служить въ войскѣ Русскомъ при Турецкомъ походѣ, отослалъ въ Москву „на квартиры“ и, вмѣсто кончины отъ скорби по родинѣ,—заставилъ полковника вслать смерти съ этого тяжелаго „Московского“ зла.

12.

О томъ же.
Галка ¹⁾.

Ой полети, ой полети,
Да черная галка,
На Донъ рыбы исти:

„Что бурлацкаго, изъ Крыму, Запорожецаго, —
„Прими жь еще молода меня, сыра земля!“

12.

Полети-ка, полети-ка,
Ты черная галка,
На Донъ рыбу исти:

¹⁾ Какъ „Чайку (см. ниже)“ приписываютъ нѣкоторые Мазепѣ, другіе Кальнашу или еще нѣкоторымъ лицамъ, такъ сочиненіе и этой пѣсни относятъ къ тому же Кальнашу, послѣднему Кошевому Запорожскому атаману: этого не можетъ быть, она пѣскольکو позднѣе и принадлежитъ хору войска строеваго. Важно намъ то, что сами ученые Малоруссы, какъ на примѣръ Максимовичъ, видятъ здѣсь пѣсню „сочиненную“, надъ которою, стало быть, напрасно такъ умиляются и льютъ слезы наши пристрастные (тевденціозные) писатели о Малороссіи, снабжая пѣсню для эффекта подправками и выводя изъ нея чудовищныя заключенія или передѣлывая ее на „Полтаву“ и относя къ старшимъ Великорусскимъ завоеваніямъ (ср. вып. 8, стр. 174, 175 и друг.). Пѣсня дѣйствительно рисуетъ полнѣйшее разрушеніе Сѣчи, но вмѣстѣ относится къ нему съ яркимъ юморомъ, даже

Ой принеси, ой принеси,
5. Да черная галка
Д' кошового ²⁾ вѣсти!

Принеси-ка, принеси-ка,
5. Ты черная галка,
Кошевыя ²⁾ вѣсти!

насмѣшкою: конечно она возникла на Украинѣ, и при томъ при сближе-
ніи во строевыми полками Московскими, при чемъ явился козацко-солдат-
скій хоръ, въ которомъ Малоруссы всегда отличались счастливымъ изоб-
рѣженіемъ, музыкальнымъ исполненіемъ и прекрасными голосами. — Дѣло
въ томъ, что „напѣвъ“ Галки вполне сохранился доселѣ и усвоенъ нашему
современному „солдатскому (также „сочиненному“) хору“, напѣвъ отчасти
протяжный, отчасти отрывистый и веселый. Именно это—

Эй ребята, Русскіе солдаты (есть и другое начало)!

А гдѣ жь ваши матки?

Наши матки

Бѣлыя палатки,

Вотъ гдѣ наши матки!

Эй ребята, Русскіе солдаты,

А гдѣ жь ваши сестры?

Наши сестры

Сабли, сабли востры,

Вотъ гдѣ наши сестры! И т. д.

Здѣсь тройкій размѣръ: а) Дважды 4 слога или звука = 8; б) 6 слоговъ
или звуковъ; в) 4 слога или звука, то есть половина стиха восьмисложнаго.
Этому совершенно соответствуетъ музыка, напѣвъ и дѣяніе на колына:
осьмисложный стихъ начинается запѣвалой, четырехсложный и шести-
сложный подхватывается хоромъ, при чемъ слышенъ (какъ во всѣхъ по-
добныхъ хорахъ) строевой маршъ, звукъ барабана и рожокъ или клар-
нетъ. — Отъ того, при настоящемъ печатаніи, мы имѣемъ возможность при-
вести весь размѣръ въ порядокъ и правильно раздѣлить стихи, чего на-
прасно стали бы вы искать въ Малорусскихъ изданіяхъ, доселѣ имѣвшихъ
руководствомъ *одина текстъ*. „Черная галка“—обыкновенный образъ при
началѣ многихъ солдатскихъ хоровыхъ пѣсней (есть и въ дѣтскихъ: „Чер-
ная галка, далеко ли была, Много ли вѣстей подъ крыломъ принесла?“)
Но упоминаніе тутъ же вѣрѣдко „Марусеньки“ указываетъ на вліяніе Ма-
лороссіи. Такъ и для предлежащей сочиненной „Галки“ была основа въ
народной пѣснѣ—„Ой полети, галка.“

²⁾ Сокращалось при пѣніи изъ „одъ“ (съ концомъ предыдущей „галко“
это и составляло „одъ“). Но въ подлинникѣ вѣроятнѣе было „кошевыя, ко-
шевыя,“ вѣсти кошевыя, что дѣлается въ кошѣ.

- Да вже жъ мѣни не летати
 — На Донъ рыбы исти,
 — Да вже жъ мѣни не носити
 10. — Д' кошового вѣсти!—

- Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы!
 Повдавались 'динь въ одного
 Якъ братья ридны!
 15. Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы,
 А де жъ ваши кони?
 «Наши кони ³⁾
 «Въ пана на пригони ⁴⁾,
 20. «Сами жъ мы въ неволи.»»

Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы!
 А де жъ ваши узды?

- Мнѣ ужъ больше не летати
 — На Донъ рыбы вѣсти,
 — Мнѣ ужъ больше не носити
 10. — Кошевыя вѣсти!—

- Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы,
 Уродились другъ во дружку
 Какъ братья родные!
 15. Ой вы Запорожцы.
 Ой вы молодцы,
 А гдѣ жъ ваши кони?
 „Наши кони
 „На панскомъ пригонѣ ⁴⁾,
 20. „Сами жъ мы въ неволи.“»

Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы!
 А гдѣ жъ ваши узды?

³⁾ Это и есть половинный стихъ сравнительно съ осмысленнымъ.—⁴⁾ Въ вѣрностной работѣ на пана.

- «Наша узды
 25. «Въ копей на зануэди,
 «Сами жъ мы у нужди.»»
- Ой вы Запорозци,
 Ой вы молодцы!
 А де жъ ваши списы ⁶⁾?
30. «Наша списы
 «У пана у стриси ⁷⁾,
 «Сами жъ мы у лиси.»»
- Ой вы Запорозци,
 вы молодцы!
35. Де жъ ваши ручници?
 «Наш' ручници
 «У пана въ свѣтлицѣ,
 «Сами жъ мы въ темницѣ.»»

- „Наша узды
 25. „У копей въ зануэди ⁶⁾,
 „Сами же мы въ нужди.“»
- Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы!
 А гдѣ жъ ваши пики?
30. „Наша пики
 „Пану шли на крышки ⁷⁾,
 „Намъ лѣса велики ⁸⁾.“»
- Ой вы Запорожцы,
 Ой вы молодцы!
35. Гдѣ жъ ваши ручници?
 „А ручници
 „У пана въ свѣтлицѣ,
 „Сами жъ мы въ темницѣ.“»

⁶⁾ Уздами нашими взузданы кони на чужую работу; или просто висеть на зауздькѣ, а кони на волю.—⁷⁾ Съ Нѣмецкаго.—⁷⁾ Пошли пану въ слегы на стрѣху, въ соломенную или тростниковую крышку пана.—Пожалуй «Наша конья Въ крышу шли на снопя.»—⁸⁾ Сами же мы въ лѣсу, бѣжали „до ласу:“ намъ самимъ велики, просторны лѣса, можно тамъ надѣлать новыхъ дѣлъ.

40. Ой вы Запорозци,
Ой вы молодцы!
А де жъ ваши луки?
«Наши луки
«Побрали гайдѹки »),
«Сами жъ мы въ розлуки.»»
45. Ой вы Запорозци,
Ой вы молодцы!
Де жъ ваши жупаны?
«Наш' жупаны
«Поносили паны,
50. «Сами жъ мы пропали!»»
Ой полети, ой полети,
Да чорная галка (и прочее, въ концѣ повторяется на-
чало)...
*

40. Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
А гдѣ жъ ваши луки?
„Наши луки
„Побрали гайдѹки »),
„Сами жъ мы въ разлукѣ.“»
45. Ой вы Запорожцы,
Ой вы молодые!
Гдѣ жъ ваши жупаны?
„А жупаны
„Износили паны,
50. „Сами жъ мы пропали!“»
Полети-ка, полети-ка,
Да чорная галка (и прочее, въ концѣ повторѣтся начало).

*

*) Не хайдуки-разбойники, какъ у Южныхъ (Славянъ, а господскіе велико-
роslме служители, легко вооруженные, лишь для красоты.

13.

То же объ Украинѣ.

Чайка ¹⁾).

а)

Ой беда, беда чайци небози,
Що вывела дитки при битій дорозѣ!
«Кигі, Кигі ²⁾!» Злетивши въ гору ³⁾,
Тильки втопиться въ Чорному Морю ⁴⁾!

5. Жито поспило,
Приспило дило ⁵⁾:
Идутъ женьци жати,

13.

а)

Ой бѣда тебѣ, чайка убога:
Вывела ты дѣтокъ, гдѣ торна дорога!
«Киги, Киги ²⁾!» Взлетѣвъ высоко
Да пасть ей въ море Чорно-глубоко ⁴⁾!

5. Жито поспѣло,
Приспѣло дѣло ⁵⁾:
Идутъ жнецы жати,

¹⁾ Это кстати. „Галка“ породила „Чайку:“ уже явно сочиненную, лирическую и даже тенденціозную, стало быть позднѣйшее сочиненіе поэта, котораго называютъ различно, хотя до сихъ поръ безъ точныхъ доказательствъ. Здѣсь уже не Запорожье, а вся Украина, вся Малороссія, вѣжная мать дѣтокъ; въ куликѣ видятъ Польшу, въ „бугаѣ-бугу“ („бугу“, его крикъ), то есть въ быкѣ или быкѣ-птицѣ, выпивши, узнаютъ Москву, Великую Русь. Вариантовъ много (вслѣдствіе большаго употребленія); мы печатаемъ сначала по Максимовичу.—²⁾ Крикъ чайки.—³⁾ Въ верхъ.—⁴⁾ Это припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—⁵⁾ Размѣръ здѣсь имѣется противу начала: начинается стихъ „двойной“, съ рифмою въ концѣ обѣихъ половинокъ.

Дѣтокъ забирати.

«Киги, Киги!» и проч.

10. «Ой дити, дити!
«Де васъ подити?
«Чи мени втопиться,
«Чи зъ горя убиться?»

И куликъ чайку

15. Взявъ за чубайку;
Чайка кигиче:
«Згинь ты, куличе!»

А бугай-бугу

Гне чайку въ дугу:

20. — Не кричи, чайко,
— Бо буде тяжко! —

«Якъ не кричати,
«Якъ не летати?»

Дѣтокъ забирати.

„Киги, Киги!“ и про ч.

10. „Ой дѣти, дѣти!
„Гдѣ васъ мнѣ дѣти?
„Что мнѣ, утошиться,
„Иль съ горя убиться?“

Взялъ куликъ чайку

15. За хохоль-чубайку;
Чайка вопити:
„Сгинь, пропади ты!“

А бугай-бугу

Гидѣ чайку въ дугу:

20. — Не кричи, ну же,
— Иль будетъ хуже! —

„Какъ не кричати,
„Какъ не летати?“

- «Дѣтки малѣньки,
25. «А я ихъ мати!»
«Киги, Киги!» Злетѣвши въ гору,
Тильки втопяться въ Чорному Морю!

*

Мы прибавимъ къ этому варианту изъ собранія кн. Церетелева, такъ какъ пѣсня очень распространена:

- б)
Ой беда, беда
Чайци небоги,
Що вывела дитокъ,
Край самой дороги!
5. «Киги, Киги!» Влетѣвши въ гору,
Прійдется втопяться въ Чорному морю!
Жито пожовтѣло,
Подобно ¹⁾ поспило:
Идутъ женци жаты,
10. Дитокъ забираты!
И кулыкъ чайку
Взявъ за чубайку;
Чайка кигиче:
«Згинь ты, кулыче!»
15. А бугай въ лугу
Гне чайку въ дугу:
— Не кричи, чайко,
— Буде тобі тяжко!—

-
- «Дѣтки малѣньки,
25. «А я имъ мати!»
«Киги, Киги!» Влетѣтъ високо
Да пасть ей въ море Чорно-глубоко!

*

⁶⁾ Пѣсня не народная, а потому мы не гоняемся за точными и лучшими ея переводами.

¹⁾ Видимо, по всему.

«Якъ не кричаты,

20. «Якъ не лятаты?

«Дитки маленьки, -

«А я ихъ маты!»

«Киги, Киги!» Взлетивши въ гору,

Прійдется втопиться въ Чорному морю!

*

14.

Кинбуръ ¹⁾.

Ой стоялы на гавани, протывъ Яныкѡля,

Ой тамъ була хуртовына изъ Чорного моря.

Ой въ недилю по раненьку, якъ стало свитаты,

Ой ставъ нашъ ²⁾ Головатый на хлопцивъ гукаты:

5. «Пидыймайте, добри хлопци, паруса вси въ гору,

«Ой бье Турокъ изъ Кинбѡру зъ пушокъ на тревогу!»

Пиднялы ³⁾ добри хлопци вси паруса въ гору,

Пийшлы Днипромъ протывъ воды корабли на воду.

Пийшлы наши добри хлопци Днипромъ протывъ воды:

10. Набралыся сердешнымъ превелькйи биды.

14.

Ой мы въ гавани стоили, протывъ Еникѡля,

Всѡ держала злая буря отъ Чорнаго моря.

Въ воскресенье ранымъ-рано, какъ стало свѣтати,

Началъ павъ нашъ Головатый на хлопцевъ кричати:

5. „Подымайте, добры хлопцы, паруса въ дорогу,

„Вонъ бьетъ Турокъ изъ Кинбѡра пушками тревогу!“

Поднямали добры хлопцы паруса въ дорогу,

По Днѣпру протывъ воды шли корабли на воду.

Хлопцы шли Днѣпромъ рѣкою, протывъ ихъ шли воды:

10. Сердешные набралися великой невзгоды.

¹⁾ Текстъ по Метлинскому: ср. пѣсни „сочиненныя.“ — ²⁾ „нашъ павъ?“ —
³⁾ „Ой пиднялы?“

Ой оглянувъ ⁴⁾ нашъ Головатый въ прозорную трубу:
«Ой теперъ я вражихъ Туркивъ бояться не буду!»

*

15.

Очаковъ.

Збиралися комисары пидъ царьски палаты,
Пишуть листы ¹⁾ на Украину—пидъ аршины брати ²⁾.
Написали на Украинѣ вдовиного сына:
«Ой то жъ козакъ уродливый ³⁾, доходить аршина!»

5. Ой зачуче жъ стара ненька, Ивасёва мати:
—Ой де жъ тебе, мій сыноньку, я маю сховати?—
«На що жъ мене, матусенько, ты маешъ ховати?
«Буду тобі изъ столици червоными слати.»
—На що жъ мени, мій сыноньку, червоный твои,
10. —Що некому поховати головоньки мени?—

Глянулъ трубкою подозрной атаманъ оттуда:
„Вотъ теперъ я вражихъ Турковъ бояться не буду!“

15.

Сбиралися комисары подъ царски палаты,
Пишуть листы ¹⁾ на Украину—подъ аршины брати ²⁾.
Записали на Украинѣ вдовиного сына:
„Хорошъ козакъ уродился, по мѣркѣ аршина!“

5. Заслышитъ стара родима, заговорить дитяти
Ванюшкина мать:—Сыночекъ, гдѣ жъ тебя дѣвати?—
„На что меня, матушка, ты будешь сберегати?
„Буду тебѣ изъ столицы червоными слати.“
—На что мнѣ твоихъ червоныхъ, сыночекъ мой, горы,
10. —Какъ некому схоронить здѣсь головушки хворой?—

⁴⁾ „Ой глянувъ?“ Всего этого требуетъ размѣръ стиховъ.

¹⁾ Грамоты, указы (письма).—²⁾ Вербовать по росту и мѣркѣ.—³⁾ По природѣ хороший, „по уродѣ:“ у насъ „хорошъ уродился.“

«Поховають, моя нене, тебе добри люде,
«Ой якъ мене, молодого, до тебе не буде.»

- Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, коня наповае:
Его ненька старесенька въ викно поглядае.
15. Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, коника сидлае:
Его ненька старесенька сильненько рыдае.
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, на коня сѣдае:
Его ненька старесенька крыжемъ упадае ⁴⁾.
Вдовинъ сынокъ, вдовиченко, зъ двора выизжае:
20. Его ненька старесенька за стремѣнъ хапае.

Ой въ городи въ Очакови вдарили изъ лука:
Да вже жъ тобі, вдовинъ сыну, зъ матерью розлука!
У городи въ Очакови вдарили зъ гарматы ⁵⁾:
Уже жъ тобі, вдовинъ сыну, матки не видати!

*

„Похоронять, родимая, тебя добры люди,
„Какъ меня здѣсь, молодого, при тебѣ не будетъ.“

- Вдовинъ сынокъ, сиротинка, коня себѣ поить:
Родимая старѣшенька въ окно на то смотреть.
15. Вдовинъ сынокъ, сиротинка, коника сѣдлае:
Родимая старѣшенька сильненько рыдае.
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, на коня садится:
Родимая на земь пала и крестомъ ложится ⁴⁾.
Вдовинъ сынокъ, сиротинка, съ двора выѣзжаетъ:
20. Родимая старѣшенька за стремя хватаетъ.

Во городѣ въ Очаковѣ стрѣльнули изъ лука:
Это тебѣ, вдовинъ сынокъ, съ матерью разлука!
Во городѣ въ Очаковѣ стрѣльнули изъ пушки:
Больше тебѣ не видати матери старушки!

*

⁴⁾ Обычай, отъ католиковъ, ложиться „крыжемъ“, крестомъ на землю для молитвы: такъ выражается порою и горькое отчаяніе, которому остается прибѣжищемъ одинъ крестъ.—⁵⁾ См. выше.

16.

Тамъ же ¹⁾.

Ой изъ нyzу зъ-за Лиману вѣтеръ повивае,
А вже Супрунъ до Калныша лысты посылае:

«Ой чи звелышъ, пане Калнышу, у недилю ²⁾ рушаты,
«Ой чи звелышъ, пане Калнышу ³⁾, понедилка ждаты?»

5. — Ой не велю тобі, козаче Супруне ³⁾, у недилю рушаты,
— А велю тобі, козаче Супруне ³⁾, понедилка ждаты.—

Ой не знавъ же козакъ Супрунъ, якъ славы зажиты:
Веде вѣйсько Запорозьке пидъ Очакивъ, велить орду бити ⁴⁾.

Ой выстрѣливъ зъ малой пушки, а зъ одной двичи:

10. А сунула вража орда а осою въ вичи.

Ой козакови Супрунови та назадъ ⁵⁾ руки вяжуть,

16.

Съ нyzу было съ-за Лиману вѣтеръ повѣваеъ,
А Супрунъ козакъ Калнышу письма посылаеъ:
„Не велишь ли въ воскресеньє, Калнышъ, подыматься,
„Или лучше въ понедѣльникъ и его дождаться?“

5. — Не велю я въ воскресеньє, Супрунъ, подыматься,
— А велю я въ понедѣльникъ и его дождаться.—

Ой Супрунъ козакъ не знаеъ, какъ славы добыти:
Ведеть войско подъ Очаковъ, орду велить бити ⁴⁾.

Выстрѣлялъ изъ малой пушки, изъ одной два раза:

10. Налетѣла орда вражья осой въ оба глаза.

Ворогъ козаку Супруну руки назадъ вяжетъ,

¹⁾ По тексту Метлицкаго.—²⁾ Судя по размѣру стиховъ, должно быть: „Ой чи звелышъ, панъ-Калнышу,“ „пане Калнышъ“, или „Чи звелышъ, пане Калнышу;“ „въ недилю.“—³⁾ Д. б. „Не велю тобі, Супруне;“ „А велю тобі, Супруне.“—⁴⁾ Д. б. „Веде вѣйсько пидъ Очакивъ, велить орду бити;“ а еще вѣроятнѣе, Очаковъ вставленъ позже, съ начала же было: „Веде вѣйсько Запорозьке, велить орду бити.“—⁵⁾ Д. б. „Козакови Супрунови назадъ.“

А козакъ Супрунъ двомъ ⁶⁾ мурзакамъ правдонькы не ка-
жетъ:

«Ой поведить мене, та два мурзакы, а на Паліеву могылу ⁷⁾,
«Не хай же я самъ побачу, де марно загыну!»

15. Ой якъ глянувъ та козакъ Супрунъ а на свою та великую
сылу ⁸⁾:

«А берите двоухъ мурзакивъ, бо я ще не згыну!»

Отселъ идуть собственно пѣсни Черноморскія.

*

17.

Тамъ же ¹⁾.

Ой хотивъ же та панъ Супрунъ та славы зажиты,
Веде війско пидъ Очакивъ, вельть Турка биты ²⁾.

Били Турка денно-нично и храбро ступалы,

А въ середу по раненьку зъ Кубани рушалы,

5. А восьмой неделенькы у Варшави стали ³⁾.

А Супрунъ мурзамъ поганымъ правды все не скажетъ.

„Поведите-ка меня вы на мою могилу ⁷⁾,

„Дайте прежде посмотрѣть мнѣ, гдѣ напрасно сгину!“

15. Какъ завидѣлъ тамъ Супрунъ свою велику силу:

„Эй, берите мурзъ поганыхъ, я еще не сгину!“

17.

Захотѣлъ же панъ Супрунъ нашъ славы придобити,

Ведеть войско подъ Очаковъ, вельть Турка бити ²⁾.

Били Турка денно-ночно, храбро подвизались,

А въ середу по раненьку съ Кубани подыались,

5. На восьмью на недѣлю Варшавы добрались ³⁾.

⁶⁾ „двомъ“ лишнее.—⁷⁾ Замѣтно, что должно быть первоначально: „Поведить мене, мурзакы, на мою могилу;“ древняго и славнаго Палія очевидно пѣвецъ вставлялъ ради поэтической вольности и красоты.—⁸⁾ Въ подлинникѣ конечно было: „Ой якъ глянувъ козакъ Супрунъ а на свою силу.“

¹⁾ Оттуда же.—²⁾ Смотри такой же стихъ въ предыдущемъ образцѣ, по требованію размѣра.—³⁾ Пѣсня предупреждаетъ послѣдовавшее вскорѣ движеніе козакѣвъ подъ Варшаву,

- А въ неділю по раненьку коныкъ розыгрався,
 А къ вечеру нашъ панъ Супрунъ въ неволю попався.
 Надъ ричкою надъ Дунаемъ орлы загравалы,
 А козаки отамана зъ неволи досталы.
10. Надъ ричкою надъ Дунаемъ короговка вьется:
 Ой тамъ-то нашъ та панъ Супрунъ зъ Татарыномъ бьется.
 Надъ ричкою надъ Дунаемъ короговка мае:
 Десь нашего та Супруна на свити не мае.
 Ой не стрилы громовыи, гарматы ворожськыи ⁴⁾
15. Напираютъ на козакывъ та на Запорозцивъ.
 «Бійте, бійте та Супруна, пана коменданта,
 «Бійте, бійте, не жалуйте, хочъ ридного брата!»
 Ой не орла, не сокола збираються вбиты:
 Ой то жъ пана та Супруна ведуть загубиты.
20. «Ой не ведить мене, братця, въ глыбоку долину,

- Въ воскресеньє ранимъ-рано конѣкъ разыгрався,
 А къ вечеру панъ Супрунъ нашъ въ неволю попался.
 Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ орлы заиграли,
 А козаки атамана изъ неволи взяли.
10. Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ хоруговка вьется:
 Тамъ-то, было, панъ Супрунъ нашъ съ Татарыномъ бьется.
 Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ хоруговку видно:
 Что-то нашего Супруна на свѣтъ не слышно.
 Ой не стрѣлы громовыи, а пушка ворожьи
15. Напираетъ на козакѡвъ, внуковъ Запорожья ⁴⁾.
 „Бейте, бейте вы Супруна, пана коменданта,
 „Бейте, бейте, не жалуйте, хочъ родного брата!“
 Не орла, не соколá тамъ собираются бити:
 Ужъ какъ пана тамъ Супруна ведуть загубити.
20. „Не ведите меня, братцы, въ глыбоку долину,

⁴⁾ Д. б. „ворожськыи“ или, пожалуй, еще старшая форма „ворожсьци.“ — Черноморцы были внуками Запорожья нослѣ псыхъ сыновъ или дѣтей его

«Ой поведить мене, ворогы, на високу ⁵⁾ могилу:
«Не хай буде знаты ⁶⁾ Украина, де панъ Сунрунъ згы-
нувъ!»

*

18.

Измаилъ ¹⁾).

Видъ Кылыи до Измайлова ²⁾ покопани шанци:
Ой вырубалы Туркы Новодонцевъ ³⁾ у середу въ рэнци.
А Черноморцы, храбри Запорожцы, черезъ Дунай переиз-
дылы,
Воны жъ тую проклятую Измайлильску орду зъ батарей
збылы.
5. Ой далы жъ, далы Измайлильски Туркы Надольскому баши
знаты:

„Поведите на високу, ворогы, могилу ⁵⁾:
„Пусть узнаеть Украина, гдѣ я, Сунрунъ, сгину!“

18.

Отъ Килии къ Измаилу шанцы покопали:
Въ среду рано Новодонцевъ ³⁾ Турки вырубали.
Козаки же Черноморцы, славны Запорожцы,
Черезъ рѣку чрезъ Дунай они переѣзжали,
5. Орду тую проклятую съ батарей сбивали.
Измайловскіе Турки дали пашѣ знати:

⁵⁾ Д. б. „Ой поведить на високу, ворогы, могилу,“ а еще проще, и вѣро-
ятно старше, „Ой поведить мене, братця, на мою могилу.“ Ср: выше преды-
дущій образецъ.—⁶⁾ Конечно „Не хай знае.“

¹⁾ Оттуда же.—²⁾ По размѣру, которому и мы обычно слѣдовали, нужно
бы „до Измайла,“ или, какъ приведенъ г. Метлицскимъ вариантъ, „до Шмай-
лова.“ Но размѣръ уже явно попорченъ и по два стиха втиснуто въ одинъ.—

³⁾ Донцовъ, „новыхъ“ козаковъ сравнительно съ Запорожскими и Украин-
скими.

«Що не мусишь, Анадо́льскій башо, противъ Черноморцевъ стояты.»»

Ой ставъ же та Измайливскій баша билый флагъ выкидаты:
Ой тоди стали славны Запорозци запасы й ружья видбираты.

40. Ой брали ружья й кони вороны,
Брали й сукна дорогыи,
Усе розмылише... которихъ порубалы,
То тихъ у вострови поховалы,
А котори поранени, у Кылію одправлялы.

*

19.

**Тамань. Гетманъ Потемкинъ.
Пѣсня Черноморская ¹⁾.**

Ой годи намъ журитися, пора перестати:
Дождалися отъ Царицы за службу заплаты!

..„Что паша ли Анадо́льскій, паша, глава наша,
..„Нельзя противъ Черноморцевъ тебѣ устояти.““
Ой с алъ наша флагъ свой бѣлый со стѣнъ выкидаты:

10. Ста и Запорозци ружья, запасъ отбирати.
Брали ружья, брали коней, кони вороны,
Брали коней, брали сукна, сукна дорогія.
Все побрали, растрепали... Кого порубили,
Тѣхъ на острову, какъ должно, въ землю хоронили,
15. А который былъ поранецъ, въ Кылію возили.

19.

Полно же намъ тосковать, пора перестати:
Дождалися отъ Царицы за службу заплаты!

¹⁾ Потемкинъ набралъ изъ Запорожцевъ охочее войско, подъ именемъ Черноморцевъ, и, послѣ Очакова, гдѣ они отличились, самъ получилъ ти-

- Дала ²⁾ хлѣбъ-соль и грамоты за вирныя службы:
 Отъ, теперъ мы, милы братця ³⁾, забудемъ вси нужды!
 5. Въ Тамани жить, вирне служить, границу держати,
 Рыбу ловить, горилку пить: ще й будемъ багати!
 Да вже треба женитися и хлѣба робити,
 А хто прійде изъ невірныхъ ⁴⁾, то якъ чорта ⁵⁾ бити ⁶⁾!
 Слава Богу и Царици, а покой Гетьману ⁷⁾:
 10. Заличили въ сердцахъ нашихъ ⁸⁾ великую рану!
 Благодаримъ мы Царицю, молимся Богу,
 Що вона намъ указала на Тамань дорогу!

*

- Дала ²⁾ хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрныя службы:
 Вотъ теперъ мы, милы братья, забудемъ всѣ нужды!
 5. Жить въ Тамани, служить вѣрно, границу держати,
 Рыбу ловить, пить горѣлку: вотъ будемъ багаты!
 Да ужъ нужно намъ жениться, свой хлѣбъ заводити,
 А кто придетъ изъ невѣрныхъ, ихъ какъ чорта бити ⁶⁾!
 Слава Богу и Царицѣ, а покой гетьману ⁷⁾:
 10. Залѣчили въ сердцахъ нашихъ великую рану!
 Мы благодаримъ Царицу, молимся мы Богу,
 Что она намъ указала на Тамань дорогу!

*

туль ихъ Гетмана, а Черноморцы въ 1792 г. поселены на Тамани. На праздникъ, по случаю присланныхъ утвердительныхъ Царскихъ грамотъ, 15 Августа 1792 года, явилась и пѣта означенная пѣсня: сочиненіе ея приписываютъ Войсковому (Судѣ), который привезъ въ Черноморскій кошь и грамоты, *Головато*му, извѣстному также „Вершею“, которую оцъ произнесъ Потемкину отъ лица Запорожцевъ въ Свѣтлое Воскресенье („Христось воскресъ, радъ миръ увесъ“ собственно это его передѣлка, ср. „Калѣки Перехожіе“). Пѣсня помѣщалась и въ нашихъ Пѣсенникахъ, но тамъ она приводится какъ „сочиненіе извѣстнаго *Сковороды* (такъ шатки вообще всѣ эти указанія на лица при пѣсняхъ „сочиненныхъ“ ср. во многихъ мѣстахъ выше).—²⁾ Варіантъ „Дали.“—³⁾ Вар. „миле братья.“—⁴⁾ „Хто прійде къ намъ изъ невірныхъ.“—⁵⁾ „Якъ враги.“—⁶⁾ Значительный варіантъ (послѣ встрѣчи съ Черкесами): „Туть-то мы будемо жити, и рыбу ловити, И вражого да Черкеса по кручамъ (высотамъ) гонити.“—⁷⁾ Потемкину.—⁸⁾ Вар. „Злѣчили намъ въ сердцахъ нашихъ.“—Между прочимъ лѣченьемъ указана наставшая безвоиннымъ и безработнымъ Запорожцамъ необходимость—жениться и обрабатывать пашню для хлѣба.

Костюшко.—Потоцкій ¹⁾.

На широкомъ поли бѣлый орелъ вбитый:
 Пишли жъ наши Ляшки Французамъ служить.
 Костюшко Французамъ за надежду служить:
 Охъ, якъ же винъ дуже за Польцою тужить!

5. Домбровского ²⁾ пришлють насъ всехъ вызволити:
 Не будемъ Москалямъ видъ души платити.
 Въ тотъ часъ вдаримъ твердо на наши сусиди,
 Що насъ набавили нужды и всей биды:
 А де очерета, тамъ люде сидали,
 10. А де жизни ³⁾ поля, Москали стояли;
 Матери и батьки очи выплакали,
 Що ихъ сыны чужи війска въ рекруты забрали.

На широкомъ полѣ бѣлый орелъ вбитый:
 Пошли наши Ляхи Французамъ служить.
 Костюшко Французамъ по надеждѣ служить:
 Да какъ же о Польшѣ онъ крѣпко и тужить!

5. Домбровскаго ²⁾ пришлють насъ освободити:
 Москалямъ не будемъ подушны платити.
 Мы ударимъ твердо, пусть знаютъ сосѣды,
 Отъ которыхъ вышли всѣ нужды и бѣды:
 Плетень тростниковый,—тамъ люди садились,
 10. Гдѣ житное поле,—съ Москвы становились;
 Матерямъ ли, батькамъ, слезъ имъ не достало,
 Какъ дѣтей чужое войско въ рекруты забрало.

¹⁾ По тексту О. М. Бодянского, изъ „Чтеній“.—Образецъ не хорошъ по складу и азбуку.—²⁾ Генерала того времени.—³⁾ „Житны?“ Хотя по дѣтскому языкѣ жито именуется и „жизнью“, и „жиромъ“ (ср. Слово о П. И. Игор.).“

- Ой ты, пане Потоцькій, Воеводський сыну ⁴⁾,
 Запродавесь ⁵⁾ Польшу, Литву й Україну!
 15. Твоя гадка була королёмъ зистати:
 Пишовсь ³⁾ до Царици помощи прохати!
 Прийде тотъ часъ, прийде, и тая година,
 Счезнешъ, бисе проклятый, и твоя родина!

*

(Текст Малорусскихъ пѣсенъ приведенъ нами всего чаще по Максимовичу, Метлинскому и некоторымъ другимъ.)

21.

Костюша ¹⁾.

(Губ. Московск., у. Звенигор., с. Ильинское).

- Лежать Ляхи на три шляхи ²⁾, москаль на четыре ³⁾:
 Лежать ранены Поляки по сту по четыре,
 По сту по четыре, ни каждой долинь.
 Л. жить раненъ панъ Костюша у бѣлаго камня.
 5. Къ нему панья ⁴⁾ прїѣзжала, жена молодая,
 Она плакала-рыдала, слезно причитала:
 «Не я ль тебѣ, панъ Костюша, не я ль говорила,
 «Говорила я, Костюша, не ѣди въ Бѣлой городъ ⁵⁾,

- Ой ты, панъ Потоцькій, Воеводскій сыну ⁴⁾,
 Запродай ты Польшу, Литву, Україну!
 15. Думаль и гадалъ ты королемъ въ нихъ быти:
 Пошоль ты къ Царицѣ помощи просити!
 Придетъ тебѣ часъ тотъ, придетъ тое время,
 Исчезнешъ, проклятый бѣсъ, семья твоя, племя!

*

⁴⁾ Глава конфедераціи.—³⁾ Запродай еси, пошоль еси.

¹⁾ Помѣщаемъ въ концѣ Малорусскихъ пѣсенъ, такъ какъ это явная передѣлка изъ нихъ.—²⁾ По трѣмъ большимъ дорогамъ (съ Нѣмецк., см. выше).—

³⁾ Это начало чисто-Малорусское изъ некоторыхъ тамошнихъ пѣсенъ.—

⁴⁾ Госпожа.—⁵⁾ Бѣлостокъ?

«Полно, полно, пань Костюша, съ Москвой воевати, —
10. «Москва славна и велика, больше нашей Польши 6)!»

(Записано П. В. К.—мъ въ 1833 году).

Эта Великорусская передѣлка изъ Малорусской пѣсни крайне замѣчательна, и по характерности, и потому, что подлинника Малорусскаго не имѣемъ.

Г. Мордовцевъ („Литературный сборникъ“ 1859) вздумалъ было напечатать какую-то хитрую „Малорусскую (хотя плохимъ Малорусскимъ языкомъ писанную)“ сказку, гдѣ очень тонко выводитъ злую бабу „Катерину“ съ войскомъ, „Короля“ и несчастную жертву ихъ „Полаинна (не лучше ли назвать собственнымъ именемъ?):“ но мы здѣсь, разумѣется, не помѣстимъ ни такихъ выдумокъ г. Мордовцева, ни фантазій почтеннаго г. Костомарова. При всей внутренней порчѣ, о которой мы говорили, при всей тенденціозности, которая мѣстами сюда проникла по мѣрѣ „сочиненія“ и которая вовсе не помогаетъ, а напротивъ вездѣ вредитъ искусству, наконецъ при всей нескладности или складности искусственной и приемъ, наложенной школярствомъ, приведенныя Малорусскія пѣсни, въ лучшихъ и избранныхъ образцахъ своихъ, достойны величайшаго вниманія и высокой безотносительной цѣны. Многія изъ нихъ, въ борьбѣ внутренней за народность пѣсни и борьбою сей побѣждая трудности, оказываются равны современнымъ для нихъ Великорусскимъ (Московскимъ по началу) краткимъ Былинамъ или пѣснямъ Историческимъ, въ своей концепціи, сжатой и художественно законченной, въ меткомъ образѣ и словѣ: рѣзкость же и грубость нѣкоторыхъ Великорусскихъ (вездѣ почти проскользающая) замѣняется, восполняется, счастливо вознаграждается и смягчается нѣжностью, деликатностью и какой-то дѣвственностью Малорусской. Кромѣ того, относительно древности, мы встрѣчали (и отмѣчали) столько параллелей со Словомъ о Полю Игоревѣ, старѣйшей лѣтописью, нашими лучшими Былинами и пѣснями старины: а это значить, что нить, связующая народное творчество съ его высокимъ прошедшимъ, у Малоруссовъ до конца эпохи, нами оглянутой, была жива и дѣйствена въ значительной силѣ. Такое пѣснотворчество судить много и будущей мѣстной, и всякой Русской литературы, если она захочетъ во время воспользоваться естественными стихіями своего искусства. Слабые, какъ опытъ, наши переводы старались поддерживать по возможности такое впечатлѣніе.

* * *

6) Отзывъ уже чисто-Великорусскій, но умѣвшій выдержать въ яркіе „нашей Польши.“

VII.

Историческія пѣсни Сербскія

(свѣзанныя съ Русскими послѣ Петра).

. Мы говорили уже прежде, что со временъ Петра расширились предѣлы какъ *смуты* самого пѣснотворчества, вслѣдствіе сближенія народнаго съ личнымъ, устнаго съ письменнымъ, хотя и ко многимъ невыгодамъ перваго, въ знакъ его наступившаго ослабленія, такъ точно раздвинулись границы *славянъ*, въ силу союза съ пѣснями Малоруссовъ и Южныхъ Славянъ. Но мы также сказали, что съ той же самой поры, какъ и у насъ, и на Украинѣ, самое представительное творчество Историческое, — „Юнацкія пѣсни“ Сербовъ, то есть произведенія эпоса героическаго, Богатырскаго и Молодецкаго, постепенно начали разлагаться и клониться къ упадку, еще „повторяя“ прошлое, еще „воспроизводя“ его, но безостановочно скупая „производительностью“ при откликѣ на текущую, новѣйшую исторію. Была, правду сказать, не утѣшительна тамъ и сама исторія виѣшняя: безконечныя, мѣстныя, одиночныя драки съ Турками не могли уже вызвать такого вдохновенія, какъ на примѣръ судьбы благаго самостоятельнаго царства или времена Королевича Марка; примѣнялись еще приемы, обороты, выраженія, рѣчи и слова, образы и краски эпоса стараго; но именно лишь примѣнялись, не создавались вновь для жизни, и Турецкое вліяніе скорѣе было способно воротить Сербовъ въ ихъ старыя эпосы, чѣмъ возбудить къ новой исторіи въ пѣснѣ, къ новой пѣснѣ въ области исторической. На оборотъ, когда уже самъ народъ, какъ у насъ и у Славянъ повсюду, спустившійся здѣсь въ низшіе и простѣйшіе слои, освободился наконецъ отъ пластовъ, изстари его давившихъ, и почва, подъ пятою Турка, одинаково изъ всѣхъ слоевъ претворилась въ единый земледѣльческій черноземъ; когда и сама пята Турокъ принуждена была искать иного поприща, оставляя за собою только старыя слѣды на почвѣ Сербской; другими словами, когда возникло „Княжество“, а съ нимъ ожидаемая или ожидаемая самостоятельность прочихъ областей Сербскихъ: и тогда „Пѣсенъ Юнацкихъ“ сложилось не довольно много, и не особенно онѣ ярки, счастливы, живучи и вліятельны. Новое доказательство тому, что исторія и здѣсь

опоздала помочь пѣснотворчеству устному, а эпосъ перервался развитіемъ и не въ силахъ уже подняться до уровня исторіи текущей, ему вышней, То есть, въ собственной своей исторіи, Эпосъ и пѣсни Историческая приблизились къ концу своего „естественнаго,“ природнаго существованія: возможенъ остался одинъ исходъ,—взаимный союзъ съ литературою, печатаніе того, что осталось памятникомъ народнымъ и вновь вызвано къ общей жизни, а съ другой стороны живая память самой печати о томъ, что служило, должно служить и всегда будетъ служить для письменной поэзіи неизсякаемымъ источникомъ одушевленія.—Помяну, что, при такомъ положеніи дѣла, между самими Сербами не довольно находится охотниковъ собирать и записывать „песме новиг времена,“ болѣе краткія, сбивчивыя, слабыя и плохія сравнительно со старшими, притомъ не столько любопытныя по собственному содержанію, которое и безъ того слишкомъ извѣстно изъ положительной исторіи. Желая ознакомиться съ ними, мы должны довольствоваться кой-чѣмъ. Скорѣе, напротивъ, если попадется Сербамъ въ руки наше изданіе, жадно схватятся они за Русскіе образцы, мало имъ вѣдомые и пополняющіе ихъ собственную пѣсню: такимъ образомъ, для народнаго устнаго творчества дѣлается теперь могучимъ посредникомъ литература, обобщающая и связующая концы Славянства (дай Богъ, чтобы концы по территоріи, не по времени и существу). Стало быть, не отъ хождености къ Русскимъ, находимъ мы у Сербовъ мало образцовъ послѣдняго времени, касающихся Русской исторіи. Изъ Славянъ Южныхъ одни лишь Болгаре до сихъ поръ въ этическомъ кругѣ своего пѣснотворчества заняты исключительно внутреннимъ процессомъ своего народнаго возсозданія, а потому мѣстными интересами, событіями, лицами и именами: Сербы уже давно вышли изъ этихъ тѣсныхъ границъ къ Славянскому общенію со всѣхъ сторонъ. Въ уцѣлѣвшихъ Сербскихъ пѣсняхъ, какъ скоро дѣло касается Руси, нѣтъ даже этого чувства къ чему-то „стороннему,“ чувства вездѣ столь замѣтнаго у Малоруссовъ примѣнительно къ Руси Великой и Общей: для Сербовъ эта область отнюдь не сторонняя, давно не чужая; они горячи ко всякому Русскому дѣлу и имени, гдѣ бы оно ни попало, а особенно въ привычной имъ поэтической формѣ. Русь, безъ различія ея вѣтвей, остается для нихъ великою страной, „стороной“ далекою, но стороною родною, любимую, привлекательною, сочувственною. Тѣмъ болѣе интересна Сербамъ Историческая наша пѣсня съ половины XVIII вѣка, и всякая собственная ихъ пѣсня Юнацкая, простертая на ту же эпоху въ соприкосновеніи съ Русью; тѣмъ болѣе, говоримъ, интересна, что здѣсь на сценѣ—ихній и нашъ общій врагъ—Мусульманинъ, а за нимъ въ пѣснѣ, какъ и въ самой исторіи, стоитъ всегда Южный Славянинъ, обыкновенно затянутый во всякую Турецкую войну: и въ былые янычары, и въ современные гарнизоны крѣпостей, въ инженеры, пионеры, саперы, наконецъ, среди массъ народа, волею и неволею отъ войны всѣхъ больше страдающій: При такомъ „сложномъ“ интересѣ, каждая Историческая пѣсня, свя-

зующая Турка и Славянина, приобретает еще новый и увлекательный отцвѣтъ, какъ скоро мѣръ Турко-Славянской освѣщается отблескомъ Россіи, той или другою Русскою чертою, проникающей сюда какъ свѣтлый лучъ изъ братскаго, сильнаго и могучаго, края: тутъ оживаетъ и надежда, и бодрѣетъ духъ Славянской, и разъясняются грядущія судьбы полуострова Балканскаго въ связи со всѣмъ Востокомъ, и внимательнѣй слушается, и скорѣй записывается такая пѣсня. Потому, какъ съ полной достовѣрностью можно ожидать теплаго пріема нашему изданію, особенно настоящему выпуску, въ средѣ Сербской, и это конечно захочитъ многихъ Славянъ собирать ревностию ихъ собственныя пѣсни новыя: такъ и мы, по тому же закону взаимности, обязаны пополнить и характеризовать нашъ 9-й выпускъ какимъ-бы то ни было народнымъ произведеніемъ пѣвучей Сербіи въ точкахъ сближенія міра Русскаго, Турецкаго и Славянскаго, изъ занимающаго насъ XVIII вѣка.

4.

**Москва подарила,
Туржи отдачили.**

<p>Ситне книге землю приедѣше, Приедѣше землю и градове, Докле книге к дивану додѣше, Муезиту цару Турачкоме.</p> <p>5. Ево книге од Москве простране</p> <p>И уз книге господски дарови:</p> <p>Самом цару од злата синия, На синии од злата джамия, Око не е змя исплетена,</p> <p>40. На глави ёй адем камен драги, При коме се ходити видяше</p> <p>Усред тавне ноти без месеца,</p>	<p>Чѣтки письма проѣзжали землю, Проѣхали землю съ городами, Пока письма прибыли къ дивану, Къ Муезиту ко царю Турецку.</p> <p>Вотъ и письма отъ Москвы широ- кой, Вотъ при письмахъ и дары господ- ски:</p> <p>Самому царю поднось ¹⁾ изъ злата, На поднось мечеть золотая, Вокругъ ней змѣя переплелася, Въ головѣ змѣи дорогой камень, Самоцвѣтный яхонтъ,—при немъ видно Безъ мѣсяца среди тѣмной ночи,</p>
--	--

¹⁾ Собственно низенькій столикъ для кушанья: взято Турками съ Латинскаго *села* (наше *слѣ*, *слѣни*—мѣсто сидѣнья, *сали*—сидни).

Како у дан, када грее сунце;
 Ибрахиму, сину царевоме,
 15. Додѣше му двѣ сабле бритке:
 На сабляма два гайтана златна,
 На гайтанам' два камена драга;
 Найстариѣй царевой султани,
 Нѣй бияше од злата бошика ²⁾,
 20. На бошици соко тица сива.

А кад цару дари допануше,
 Од дара се царе узмучио,
 Ёр не има дара за уздаре.
 Све мислио, ние с' домислио:

25. Богодъ цару беше доходно,
 Свакоме се царе пофалюе,
 Какви су му дари допанули
 Од великог цара Московскога ³⁾,
 Не би ли га ткогодъ научно,
 30. Шта те послат' у землю Московску.

Доде нему паша Соколовить ⁴⁾,
 Фали му се царе за дарове;
 По том доде ходжа и кадиѣ ⁵⁾,
 Смерно ми се цару поклонише,

Словно днемъ ходи, какъ солнце
 свѣтитъ;

Ибрагиму, царя Турска сину,
 Пришли ему двѣ вострыя сабли:
 На сабляхъ двѣ перевязи злат-
 ныхъ,

Всяка перевязъ съ дорогимъ кам-
 немъ;

Самой старшей у царя султаншѣ,
 Ей прислана зыбка золотая,
 А на зыбкѣ соколъ, птица сива.

Какъ царю дары эти достались,
 Отъ даровъ измучился онъ мукой:
 Нѣтъ равнаго дара—отдарити.
 Всѣ онъ думалъ, да нѣтъ, не при-
 думалъ:

Кто бы ко царю ни приходилъ бы,
 Похваляется царь передъ каждымъ,
 Каковы дары ему достались
 Отъ великаго царя Московска ³⁾,
 Авось либо кто его научить,
 Чтѣ послать ему въ Московску
 землю.

Разъ приходитъ паша Соколо-
 вичъ ⁴⁾,

Хвалится обычно царь дарами;
 Потомъ входятъ ходжа и кадиѣ ⁵⁾,
 Поклонилися царю смиренно,

²⁾ Съ Лат. *vesica*, пузырь (у насъ изъ рыбы *vesiga*): потомъ все легкое, качающееся и надуваемое—колыбель, зыбка; далѣе у Сербовъ—мѣхъ (к. можно надуть), „мехур,“ вслѣдствіе чего Латинское *vesica* (колыбель и дѣтскія пеленки, подстилки) сходится съ нашимъ *кумы*—мѣха, кожи. А потому обратно *vesica* можно роднить съ нашимъ *вис-ить* и *вис-ть*, какова всякая колыбель и *vesiga* въ видѣ жилъ.—³⁾ Мы видѣли и въ Русскихъ пѣсняхъ, что такъ нерѣдко называется *царь* даже *при государыняхъ*.—⁴⁾ Изъ Славянъ, потурченныи.—⁵⁾ Представители духовной и судной власти.

35. Любише му руку и колѣно;
 Пак с' и нима царе пофалюе,
 Какви су му дари допанули;
 По том царе нима бесѣдио:

«Слуге мое, ходжо и каднѣ!

40. «Не бисте ли мене научили,
 «Шта тю послат' у землю Москов-
 ску

«За ударе из моего царства?»

А они му стидно бесѣдише:
 ««Воля царе, драги господару!

45. ««Ми внесмо од наука твога,
 ««Нит' можемо тебе научити;
 ««Но дозови старца патриарха:
 ««Хоте тебе старац научити,

««Шта теши послат' у землю Мо-
 сковску

50. ««Великоме цару Московскоме.»»

А кад царе речи разабрао,
 Брже посла своего гаваса ⁶⁾,
 Те дозваше старца патриарха.
 А кад доде старац патриархе,

55. И нему се царе пофалюе,

Какви су му дари допанули;
 Пак му по том царе бесѣдио:

«Слуго моя, стари патриархе!

«Не би л' мене научио, слуго,

60. «Шта тю послат' у землю Москов-
 ску?»

Цѣловали его руку и колѣно;
 Царь и передъ ними похвалился,
 Каковы дары ему достались;
 А потомъ бесѣдовать сталъ съ ни-
 ми:

«Мои слуги, ходжа и каднѣ!

«Какъ бы вы меня понаучили,
 «Что послать мнѣ во Московску
 землю,

«Отдарить ее отъ моего царства?»

Они ему скромно отвѣчали:

««Воля твоя царска-государска!

««Мы не вѣдаемъ твоей науки
 ««И тебя не можемъ научить мы;

««Ты призови старца патриарха:

««Онъ тебя, тотъ старецъ, и на-
 учитъ,

««Что послать тебѣ въ Московску
 землю

««Для великаго царя Московска.»»

Разобравши таковыя рѣчи,
 Скоро царь послалъ своего гаваса ⁶⁾,
 И призвали старца патриарха.
 Старецъ патриархъ на зовъ прихо-
 дитъ,

Похваляется предъ нимъ султаниъ
 Турецкнй,

Каковы дары ему достались;

А потомъ съ нимъ держитъ раз-
 говоры:

«Ты слуга моя, патриархъ старецъ!

«Ты меня, слуга, понаучилъ бы,

«Что послать мнѣ во Московску
 землю?»

⁶⁾ Полицейскаго, служителя исполнительнаго.

<p>Нему старац стидно беседно:
 — Султан-царе, огрияно сунце!
 — Я внесам од науна твога,
 — Ср е тебе и Бог научно.</p> <p>65. — Имаш, царе, у твоему царству,
 — Ти имадеш дара за уздаре,
 — Кон нису теби за потребу,
 — А нима би врло мило било:
 — Пошли штату Неманитя Саве ¹⁾,</p> <p>70. — Златну круну цара Костантина,
 — И одежду светога Ювана,
 — Брсташ баряк Српског кнез-
 Лазара ²⁾.
 — То ти, царе, ништа не требуе,
 — А нима те врло мило бити.—</p> <p>75. А кад царе речи разабрао,
 Он приправи господске дарове
 И даде их Московским делиям ³⁾.
 Испрати их старац патрияре,
 Юш их учи старац патрияре:</p> <p>80. — Ид'те с Богом, Московске
 делие!</p> | <p>Ему старецъ скромно отвѣчаетъ:
 — Царь-султанъ нашъ, пресвѣт-
 лое солнце!
 — Я не вѣдаю твоей науки,
 — Научилъ тебя, султана, Богъ
 самъ.
 — А имѣешь, царь, въ своемъ ты
 царствѣ,
 — Ты имѣешь, чѣмъ бы отдарити,
 — Есть дары, совсѣмъ тебѣ не
 нужны,
 — А Московскимъ были бь очень
 милы:
 — Пошли посохъ Неманича Сав-
 вы ¹⁾,
 — Вѣнецъ золотъ царя Констан-
 тина,
 — Да одежду свята Юанна,
 — Да князь-Лазаря ²⁾ крестово
 знамя.
 — Всѣ это тебѣ, царю, не нужно,
 — А имъ всѣ то будетъ очень
 мило.—</p> <p>Разобравши таковыя рѣчи,
 Царь дары господски приготовилъ
 И Московскимъ удалцамъ ³⁾ ихъ
 отдалъ.
 Старецъ патриархъ ихъ провожа-
 етъ,
 Провожая старецъ еще учить:
 — Теперь съ Богомъ, удалцы Мо-
 сковски!</p> |
|--|--|

¹⁾ Извѣстнаго Сербскаго святителя, сына Немани.—²⁾ Крестовое знамя Сербскаго князя Лазаря, съ которымъ вель онъ войско и погибъ на Косовомъ полѣ.—³⁾ Посланнымъ: предполагается, что они были отборные, герои, удалцы.

- Не видите другом царевнем,
— Веть видите гором кроз планину:
— Ср те за вам' силна поточ поти.
- Отете вам хриштянска знаме-
ня ⁴⁾).
85. — А я сам веть изгубио главу
— И тело е мое погнуло:
— Ма ми не те душа, ако Бог да!
- Пак се с нима раздовоно беше.
- Бад е царе даре оправно,
90. Он се за то сваком пофалюе.
- К нем' долази паша Соколовичь,
Вако нему царе беседио:
- «Знаш ли, пашо, моя верпа слуго,
«Шта сам посл'о у землю Москов-
ску?»
95. «Послах штаку Неманитя Саве,
«Златну круну цара Константина,
«Крсташ баряк Српског княз-Лаза-
ра
- «И одежду светого Иована:
«То ми ние ништа требовало,
100. «А нима те врло мило бити.»
Ма га пита Соколовичь паша:
— «Султан-царе, огрияно сунце!
- Не ходите вы большой дорого и
— А идите лѣсомъ черезъ горы:
— Будеть слѣдомъ васъ сильна
погоня,
— Христіански знаменья ⁴⁾ отни-
мутъ.
— Голову свою уже сгубилъ я
— И погибнуть будеть мойму тѣ-
лу:
— Но душа не сгинеть, если
Богъ дастъ!—
Съ этими словами и разстался.
- Царь пословъ дарами отдарив-
ши,
Хвалится о томъ онъ передъ вся-
кимъ.
Входитъ къ нему паша Соколовичь,
Онъ о томъ же молвить и съ па-
шею:
«Знаешь ли, паша, слуга мой вѣр-
ный,
«Что послалъ я во Московску зем-
лю?»
«Послалъ посохъ Неманича Саввы,
«Вѣнецъ золотъ царя Константина,
«Князь-Лаваря крестовое знамя
«И одежду свята Іоанна:
«Ничего миѣ этого не нужно,
«А имъ всё то будеть очень мило.»
Но царя пытается Соколовичь:
— «Царь-султанъ нашъ, пресвѣт-
лое солнце!

4) Знаки, регалии, святыни; чудеса и источники чудесъ.

— «Тко е тебе на то научно?» —

Цар му каже право и лице:

105. «Научи ме старац патрiархе.»

Нему паша тихо беседио:

— «Султан-царе, огрияно сунце!

— «Буд ти посла хришћанска
зламена,

— «За шт' не посла ключе од
Стамбола?»

110. — «Послие теш дат' их на сра-
моту:

— «Оно ти еи држало царство!» —

Бад е царе пашу разумио,
Овако му беше беседио:

«Иди, пашо, моя верна слуго,

115. «Те покупи Турке яничаре,
«И достигни Московске делие,

«Пак ти отми хришћанска зламена,
«А погуби Московске делие.»
Хитро нега паша послушао,

120. Он покупи Турке яничаре,
Па одоше друмом широкием,

Те тераю Московске делие:
Ал делие нигде не стигоше.

Пак се натраг они повратише,

«Бто тебѣ такую даль нау-
ку?» —

Царь отвѣтилъ прямо и пристойно:

«Старець патрiархъ, онъ недоу-
милъ.»

Тихую повежь паша бесѣду:

— «Царь-султанъ пашъ, пресвѣт-
лое солнце!

— «Будь послалъ ты знаменья
хришћански,

— «Что не отдалъ ключи отъ
Стамбула?»

— «Послѣ ихъ отдашь, еще со
срамомъ:

— «Знаменьями царство и дер-
жалось.»

Разумѣвши, что паша вѣщаетъ,
Такъ султанъ Турецкiй ему мол-
вилъ:

«Ты иди, паша, слуга мой вѣрный,
«Собери ты Турокъ янычаровъ,
«Догоняй ты удалцовъ Москов-
скихъ,

«Отними ты знаменья хришћански,
«А самихъ посланцевъ погуби ты.»
Въ томъ паша послушался провор-
но,

Собираетъ Турокъ янычаровъ,
Двинулись не медля путемъ цар-
скимъ³⁾,

Гонятся они за удалцами:
Но нигдѣ Московскихъ не настиг-
ли.

Тѣмъ же слѣдомъ слуги воротн-
лись,

³⁾ То же, что выше „большой дорогой.“

125. И паша ес царю чиниаше,
Да не видѣ Московско дѣла.

Онда царь пашинъ говорю:
«Иди, паша, моя верна слуга,
«Те погуби старца патриарха!»

130. Хитро негя паша послушао,

Онъ увати старца патриарха;
Хотѣ паша да погуби старца,
Ма е старецъ пашинъ бесѣдно:
— Аман мало, пашо господарю!

135. — Не губи ме на землици сухой:

— Ер те за мною обратишъ суша ⁶⁾
— Три године дана без престан-
ка! —

А кадъ паша старца разумю,
Поведе га на то море сине;

140. Кадъ на море онъ доведе старца,

Ту га хотѣ паша да погуби;

Опетъ пашу старецъ говораше:

— Аман, пашо, ако Бога знадеш!

— Не губи ме на мору синему:

145. — Ер те за мною обратитъ врие-

ше ⁷⁾,

— Устанутъ моря и озера,

— Стоятъ они лодки съ кораб-
лями

И паша царю о бывшемъ клался,
Что Московскихъ удалцовъ не ви-
дѣлъ.

Говорилъ пашѣ султанъ Турецкій:
«Ну иди, паша, слуга мой вѣрный,
«Погуби ты старца патриарха!»

Въ томъ паша проворно его
слушалъ,

Ухватилъ онъ старца патриарха;
Хочетъ Соколовичъ смерти старца,
А пашѣ премоливъ старецъ рѣчи:

— Заключаю, подожди не много!
— Не губи меня на землѣ твер-
дой:

— Оборотится за мною суша ⁶⁾
— Безъ дожда на цѣлыхъ на три
года! —

Разумѣвши, что старикъ вѣщаетъ,
Велъ его паша на сине море;

Какъ привелъ паша на море стар-
ца,

Хочетъ его тутъ предать злой
смерти,

Старецъ снова говоритъ съ моль-
бою:

— Заключаю, если Бога знаешь!

— Не губи меня на синемъ морѣ:

— Иль за мною встанетъ непо-
года ⁷⁾,

— Приподнимутся моря, озера,

— Стоятъ они лодки съ кораб-
лями

⁶⁾ Во слѣдъ за мною поворотится погода и станетъ бездождею.—⁷⁾ На Сербскы дѣржа, какъ у насъ «погода (въ смыслъ непогоды),» пора дождя ливая.

<p>— И сву землю на четыре стра- не!— Вараше га стари патриаре, 150. Ал се паша варат' не даваше: Саблѣм ману, осече му главу ²⁾.</p>	<p>— И вса землю на четыре края!— Обмануль хотѣль его нашъ ста- рецъ, Но паша обману не давался: Махомъ сабли голову отѣлъ онъ ³⁾.</p>
--	---

Погубише старца патриара:
Бог му дао у раю наседе,
Нама, братѣ, здравье и веседе!

Загубили старца патриарха:
Дай ему въ раю Господь Богъ мѣсто,
А намъ, братья, здравье и веседе!

*

*

Записавшій эту Историческую пѣсню ¹⁾ прибавляетъ, что «во
всему народу Сербскому существуетъ мысль, будто помянутыя драго-
цѣнныя и святыя вещи были у Турокъ, а потомъ отнесены въ
Россию.» Въ другой пѣснѣ, приводимой у него вариантомъ, раска-
зывается, какъ Московская царица «госпа Славсва (государыня
Елизавета)» писала письмо Турецкому царю «султанъ-Сулейману,»
что у царя хранится *ея* отцовское наследство:

Златна круна цара Симеуна ²⁾,
И одежда светога Ювана,
Брстат баряк цара Костантина,

Вънецъ золотъ цара Симеона ²⁾,
И одежда свята Юанна,
Царя Константина съ крестомъ
знамя,

Златна штала светог оца Саве,
Бритка сабля Сильнога Стефана ³⁾
И икона оца Дмитрия ⁴⁾;

Златой досохъ свята отца Савы,
Востра сабля Сильнаго Стефана ³⁾
И отца Дмитрія ⁴⁾ икона;

такъ пусть же царь пошлетъ ей это, а она ему за то, въ от-
плату дара, даруетъ миръ на тридцать лѣтъ, в пшеницы на девять
лѣтъ кормить войско, и сверхъ того солдеть ему мечеть изъ злата,

На джамии тридесет мунара,
А лемето све од сува злата,
И од злата дванаест ябука.

На мечети тридцать минаретовъ,
А верхуницъ всѣхъ иже красна злата,
Да еще дванадцать златныхъ яблукъ—

¹⁾ Въ слѣдъ за симъ прихвѣтъ пѣвца.

²⁾ Покойный В. Ст. Караджичъ (ср. его 3-ю кн. „пѣсенъ“).—³⁾ Сербскаго.—⁴⁾ Душана.—⁵⁾ Солунскаго, чинаго общеславянскаго подвижника, героя Стиховъ и Эпоса.

И у овакой бещенъ намъ драги. И во всякомъ бѣвъ цѣны драгъ
тамень.

Бодина в од злата джамия.— Бакова мечеть та золотая,—
Д у нейъ влани дванаест Турака, Въ нейъ двѣнадцать вланиются Ту-

Да се сян насред Цариграда Пусть сияеть среди Цареграда
У по ноти од злата джамия, Въ саму полночь мечеть золотая,
Бао ярко усред подне сунце. Словно ярко солнце средь полудня.

«Ако ли ми не даш очевине, «Если жь мнѣ отцовскаго наслед-

«Войску купи, царь Сулеймане, «Не отдашь, царь Сулейманъ, то
войско

«Войску купи, айде на Киево ⁵⁾, «Собирай я къ Киеву ⁵⁾ иди съ
нимъ,

«Да юначки мейдан ⁶⁾ поделимо «Да подвѣнимъ богатырски поле ⁶⁾

«И сабляма землю размеримо: «И мы саблями размѣримъ землю:

«Я' повратит' мою очевину, «Либо отчину мнѣ воротити,

«Я' Московску саблю отпасаати!» «Саблю ли Московску отпосаати!»

На это ей Турецкій царь отвѣчалъ пристойно и мирно, что отчина ея больше уже не находится у него, «Вѣтъ у Крму у цара Татара,» «Но во Крымѣ у цара Татарска.» Тогда она написала царю Татарину и просила его, дабы послалъ ей должное, а она объщаетъ миръ еще дольше, и шеницы больше, и мечеть еще лучше. Но царь Татаринъ отвѣтилъ ей очень грубо и непристойно, говоря, что отцовское ея наследство точно у него, но что онъ не отдасть его, а напротивъ подвигнетъ на нее войско, «Петрибора (те) с' землѣмъ поравнити,» «Петербургъ сравниваетъ онъ съ землею,» сыновей же, дочерей и самоё нейъ возметъ въ полонъ да потуречить ⁷⁾. Такъ открылась война, и «госпа Елисавка (смѣшанная здѣсь съ Екаториной)» завладѣла Крымомъ, придобывъ отцовское наследство.

⁵⁾ Сербское „Кіево (поле, мѣсто)“ есть здѣсь древнѣйшая форма послѣ женскаго рода („Кіева, Кіѣва, Куява“), старше рода мужскаго („Кіевъ“): ср. у насъ выше объ именахъ городовъ.—⁶⁾ Поле единоборства, соединокъ.—⁷⁾ Ср. выше Русскія пѣсни: „Пишетъ-пишетъ—король и султанъ“ къ государынямъ.

Намъ, особенно бросается здѣсь въ глаза увѣренность Сербская: что Русскихъ связуетъ связь съ Греціей до самопожертвованія; что святыни Сербскія суть общія Славянамъ, а Русскимъ составляютъ даже, «отцовское наследство;» что все это возвращено отъ Турокъ либо Татаръ и хранится теперь на Руси; что этимъ-то и держалось Турецкое царство, а безъ того должно пасть; что мы прежде всего добиваемся сихъ драгоценностей и готовы изъ за нихъ, въ случаѣ неудачи, «отпоясать свою Московскую саблю;» что Востокъ волею Неводей подчиняется намъ въ концѣ концовъ, и т. д., и т. д.

* * *

Желая вкратцѣ очертить общій характеръ Екатерининской эпохи относительно народнаго пѣснотворчества, мы не имѣемъ надобности повторять здѣсь тѣ подробности, которыя одинъ разъ обстоятельно уже изложены нами по этому вопросу въ журналѣ „Зоря *);“ только перечислимъ оттуда выводы или имена и названія, да нѣсколько дополнимъ недостававшее. Извѣстны слова самой императрицы, благосклонно отзывавшейся о томъ народѣ, который поетъ пѣсню или, лучше, продолжаетъ еще пѣть ее: „народъ, который веселится и поетъ, худа не думаетъ;“ но слова эти нужно понимать условно, если хотимъ вѣрно уразумѣть смыслъ отзыва. Не столько народная, какъ Елизавета, по рожденію, воспитанію, образу жизни, возрѣніямъ и убѣжденіямъ, сама Екатерина не могла конечно спустити до этихъ массъ, распѣвающихъ громко по деревнямъ и полямъ, по рѣкамъ и лѣсамъ, на завалинкѣ избы въ будни и при каждомъ раздолѣ праздника, на работѣ и на досугѣ, съ радости и горя: не могла сочувствовать этому всеобъемлющему дѣлу-бездѣлю, ни даже выслушивать съ любопытствомъ, или хоть равнодушно, этого оглушающаго гула и рѣзкихъ его звуковъ. Она понимала и цѣнила эту область литературно, съ литературной точки зрѣнія, которой принадлежала сама долею собственной профессіи: она видѣла здѣсь „литературное“ занятіе народа, полезное ему и развивающее, безъ различія, все равно, устное ли вѣковое, или вновь сочиненное въ родѣ пастушеской элегіи и патріотическаго гимна; съ другой стороны, по необыкновенному таланту своему, она не могла не усмотрѣть здѣсь обильнаго матеріала и живительной стихіи для литературы высшей и общественной, личной и искусственной, художественной. Такъ точно взглянула она, извѣстно, и на самый языкъ, такъ точно обращалась съ его вопросами, въ своихъ литературныхъ и сравнительно научныхъ изысканіяхъ. Подобнымъ же образомъ, и мы донавали это нѣкогда омонотально, императрица воспользовалась отчасти Былинами, гораздо болѣе Сказками, а всего обильнѣе чисто-народными Пѣснями: цѣлномъ вставляла ихъ въ свои драмы (ср. выше („Во селѣ Покровскомъ,“ а также „Перекатно красно солнышко,“ „Пѣ снечкамъ-снечкамъ,“ „Ты расти, расти, чадо мое“); поручала или дозволяла дѣлать выборку пригодныхъ стиховъ и выраженій; передѣлывала или давала обработывать для хоровъ; занимала содержаніе нѣкъ изъ Былинъ и Сказокъ. Прямое дѣло литературы и литературы лучшей, въ которой даровитая писательница сямъ способомъ далеко

*) Апрель, 1870: „О вліяніи народнаго творчества на драми императрицы Екатерины и о цѣльныхъ Русскихъ пѣсняхъ, сюда вставленныхъ.“ Почтенный П. К. Щербальскій, въ послѣдующихъ статьяхъ своихъ о сочиненіяхъ Екатерины, воспользовавшись нашими указаніями и выводами, умолчалъ однако же о самой статьѣ нашего имени, хотя она и шла даже черезъ его руки (къ сожалѣнію, по заглавному печатанію, сюда выралось нѣсколько самыхъ грубыхъ опечатокъ).

определяла не только свой вѣкъ, но и начало будущаго. Любопытно же спросить: что служило здѣсь источникомъ для сочиненія и черезъ какое посредство? Прямого, непосредственнаго отношенія къ устному творчеству, мы говорили, Екатерина не имѣла никакого; собранія памятниконъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ ради нихъ самихъ и для изданія, тогда еще не существовало. Произведенія народные, цѣлкомъ или скорѣе по частямъ, издревле у насъ проникали въ письменность, весьма отъ нея отличаась передъ опытнымъ взглядомъ: вставлялись, служили для примѣненія, пользования, или ссылки и сноски. Позднѣе, особенно съ XVII вѣка, а именно со старшаго пока примѣра — знаменитой тетради Ричарда Джемса, начали у насъ появляться „отдѣльныя рукописи,“ которыя уже вполне передавали разныя Былины и нѣкоторые Стихи, порою же — хотя рѣже — и прочія пѣсни, но записывали или случайно, или по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, или по желанію заинтересованныхъ лицъ, или по личному влеченію досужаго пѣвца: это совсѣмъ еще не то, что послѣдующіе „Пѣсенники,“ образцемъ остается до сихъ поръ трудъ Кириши Данилова. Изъ трехъ драгоценныхъ манускриптовъ, тѣсно связанныхъ судьбами, Остромирово Евангеліе, Слово о Полку Игоревѣ и Кириша Даниловъ, всѣ три сдѣланы извѣстны въ Екатерининскую эпоху: два послѣдніе нынѣ уже исчезли въ подлинникахъ; два первые, въ спискахъ, найдены были въ полахъ и бумагахъ императрицы: почти несомнѣнно, что тамъ же, въ рукахъ писательницы, побывалъ и третій изъ нихъ. Но то былъ — памятникъ языка и Вѣры, или древнѣйшей художественной литературы (на основѣ Былинъ), или цѣлкомъ народныя устныя Былины (Кириша), которыми драматическая сочинительница воспользовалась, вмѣстѣ со Сказками, весьма не много (преимущественно въ драмѣ „о Васильѣ Буслаевѣ“). Стало быть, существовали дочичники еще болѣе подручныя, ближайшіе и обильнѣйшіе: это были „Пѣсенники,“ о которыхъ сейчасъ скажемъ пространнѣе, а теперь, относительно Екатерины, прибавимъ, что они — въ современной тогдашней печати — сохранили намъ тотъ самый матеріалъ, которымъ для своей драмы пользовалась императрица, удержали всѣ черты ея эпохи и употребленія, собрали намъ даже пѣсни обѣихъ, или же съ друженіемъ и отношеніемъ къ ней. Собственнымъ теченіемъ исторіи возникшіе „Пѣсенники“ при поддержкѣ и подѣ покровительствомъ Екатерины, а всего ближе по ея примѣру, послужили въ ея вѣкъ посредствомъ между устами и печатью, народною словесностью и художественною литературою.

Не только прежде, но даже, мы видѣли, при Елизаветѣ вся область Русской жизни, особенно семейной и бытовой, отчасти же исторической (по мѣрѣ удѣлывшаго отношенія къ жизни общей и государственной), оглашалась громко народною пѣсней и переполнена была живѣйшими къ ней интересами. Когда стало замѣтно народному чутью ослабленіе пѣсодтворческой памяти; когда начали забываться, а вмѣстѣ съ тѣмъ разлагаться и теряться лучшіе образцы; когда не видѣлось дви-

женія впередъ, а приходилось лишь повторять или воспроизводить старое; когда для народа исчезали вокругъ, одинъ за другимъ, пріятельскіе, общественные, церковные и политическіе; но когда въ то же время представляла услуги свои грамотность и распространявшаяся литература своими вѣяніемъ манила къ опытамъ на письмѣхъ и бумагахъ: тогда, и первымъ дѣломъ, явилось стремленіе послужить своему законному творчеству, записать ходячія, знакомыя, любимыя и подручныя пѣсни; во всей ихъ подлинности, про себя и про домашній обиходъ, для семьи, круга пріятелей и собственнаго досуга; чтобы ходъ частъ обратиться въ этому завѣтному другу, съ нимъ побесѣдовать и поить. Произошло это, разумѣется, прежде всего по городамъ; особенно Москва сдѣлалась средоточіемъ: въ посадскихъ, мѣщанскихъ и купеческихъ домахъ развелись сего рода тетрадки и рукописныя книжки. Проникшія изъ Западной Россіи подобныя же рукописи и ноты съ Псалмами, Кантатами, Виршами, со стихотворствомъ своего рода и съ передѣлкою нашихъ Стиховъ древнихъ—поддерживали соревнованіе, въ которомъ однако духовная область скоро уступала первенство мірской и свѣтской. Переводы и передѣлки иностранныхъ образцовъ также втѣснялись изъ литературы; наконецъ поднялись и завладѣли вниманіемъ „сочиненныя пѣсни“ военныя, современныя текущей эпохѣ. Помогло этому и обстоятельство: „боярство“ или „барство“, разставаясь съ прежними условіями жизни и переходя съ одной стороны въ „дворянство“ позднѣйшаго смысла, съ другой въ новую казенную „службу“, весьма отличную отъ старыхъ „служилыхъ людей“, а съ третьей—въ жизнь „помѣщичью“ по усадьбамъ и по палатамъ для отдыха въ Москвѣ, — все это сопровождалось явленіями совершенно особаго быта, столь еще не давно развитаго у насъ и только теперь на глазахъ нашихъ исчезающаго. Образованность смысла высшаго, связанная въ этомъ быту съ литературою, и національный духъ, охватившій тогда своимъ подъемомъ, не замѣнили собою простой народности, напротивъ побудили склониться къ ней и трактовать ее особыми пріемами. Крѣпостныя отношенія были дурною, близость къ народу и привычки совмѣстной жизни съ нимъ, при обмѣнѣ взаимныхъ интересовъ, были хорошею стороною сего быта, и, между прочимъ, поддерживали старыя, привычныя пѣсенныя строю, либо давали ему новый ходъ и движеніе усилёнными средствами. Посадскіе и слободскіе сборники смѣшались барскими или помѣщичьими, а чрезъ нихъ поднялись градусомъ: очистились вкусомъ, развились цѣлостію. Они вошли еще выше, даже до Двору, вмѣстѣ съ самими лицами, окружавшими тамъ и подвизавшимися, а равно и по сходству быта, развившагося только нѣсколькими ступенями: и тамъ былъ свой домашній обиходъ съ пѣснями, были лица руководившія, были обученные исполнители и руководства въ письменныхъ сборникахъ. Царствованіе Елизаветы, сказалъ Державинъ, было вѣкомъ пѣсенъ: „правленіе Екатерины“, прибавимъ, „было вѣкомъ Пясенниковъ.“ Въ „вѣкѣ пѣсенъ“, кромѣ самой цесарев-

ны, воспитались, и остались вѣрны воспитанной склонности—Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ, Руманцевъ Задунайскій, Потемкинъ, Суворовъ, Державинъ. И любопытно, по вліянію наступившаго тогда печатанія подлинныхъ церковныхъ пѣнъ, а главное, по тѣсной связи ихъ съ пѣніемъ народнымъ, большая часть помянутыхъ лицъ и ихъ подобныхъ извѣстна одинаково расположеніемъ къ пѣнію церковному; къ нему охотно прибѣгали при торжествахъ своихъ, особенно Потемкинъ и Руманцевъ, и среди жизни частной (Чернышовъ и Державинъ), и на простомъ кдирсѣ (Суворовъ). „Вѣкъ Пѣсенниковъ,“ отсюда же истекающій, еще обильнѣе былъ яркими явленіями, ибо связывался съ печатью и всею литературой: сборники рукописные, разумѣется, вели къ печатнымъ. Каждый крупный барскій, и даже многіе мелкіе помѣщичьи дома имѣли у себя оркестръ домашнихъ музыкантовъ и хоръ пѣвчихъ, большею частію изъ дворовыхъ, мужичинъ, женщинъ и дѣтей, между которыми цѣнились по голосамъ Малоруссы подъ управленіемъ доморошонныхъ артистовъ, а нерѣдко и нанятыхъ пріѣзжихъ, изъ коихъ выдавались впередъ Чехи. Но они же, еще ревностнѣе, берегли у себя про домашній обиходъ, какъ дѣло и развлеченіе праздничное, какъ занятіе для семьи и какъ угощеніе гостямъ, въ качествѣ своего рода домашней хѣтописи, цѣннаго искусства и даже извѣстнаго хозяйственнаго запаса,—„рукописные сборники народныхъ пѣсенъ:“ всеобщихъ и любимыхъ, слагавшихся вновь для цѣлой Россіи или даже фамильно принадлежавшихъ по преимуществу тому или другому дому. Такіе сборники дошли до насъ, въ значительномъ обліи, и всего чаще изъ временъ Екатерины. Кстати замѣтить, что и П. В. Кирѣевскій имѣлъ ихъ довольно, и мы собрали у себя еще больше. Къ сожалѣнію, С. А. Соболевскій, съ которымъ мы такъ часто мѣнялись рѣдкими книгами, спасши нѣкогда отъ гибели рукописный сборникъ *Сонинскій* (книгъ опять затерянный *) и построивши великолѣпный шкафъ, какъ хранилищу для листочковъ Кирѣевскаго **, вздѣлъ наши рукописи къ себѣ, не за долго до своей смерти ***, собираясь составить библиографію „Пѣсенниковъ:“ по кончинѣ, съ помощію наследниковъ, мы рились въ его библиотекѣ,—и увя,—ничего уже не нашли тамъ, такъ что лишены были пособія при изданіи настоящаго выпуска. По счастью, мы успѣли прежде хорошо ознакомиться съ содержаніемъ сихъ рукописей, которое вошло послѣ цѣлякомъ и въ Пѣсенники печатные. Составлялись онѣ въ главныхъ пунктахъ государства Московскаго и особенно въ Москвѣ: потому, изъ Былинъ, содержатъ въ себѣ только *Суздальскія* да *Московскія*, особенно же съ *Грозною*; ни Владиміро-

*) См. означеную статью въ „Зорѣ.“—**) Ср. въ выпускѣ 8-мъ.—***) Но уже послѣ „Этнографической выставки,“ гдѣ еще помѣщались онѣ между нашихъ собраніемъ; съ рукописными были вмѣстѣ старшіе и лучшіе Пѣсенники печатные, которыхъ также не нашлось, но которыхъ есть по крайности въ нашихъ рукахъ дублеты.

выхъ-богатырскихъ, ни Новгородскихъ, нѣтъ здѣсь ни одной, исключая позднихъ отрывковъ; за тѣмъ идутъ, Московскія же по своему началу и употребленію, *Историческія пѣсни*, до послѣднихъ годовъ, современныхъ сборнику, а при нихъ военныя „сочиненныя,“ немного ходячихъ *Малорусскихъ*, частію и Кантъ, и швольныхъ; всего же больше, по поламъ того и другаго, а) переведенныя, или передѣланныя съ иностраннаго, по чужеземному образцу, *стихотворенія*, т. е. романы, элегіи, идилліи, эклоги, съ именемъ „пѣсней нѣжныхъ, пастушескихъ, любовныхъ, забавныхъ, критическихъ“ и т. п., да б) *пѣсни чистонародныя*, всѣхъ временъ, разрядовъ и видовъ; преимущественно мелкія, бытовыя, семейныя или женскія, по нашему „лирическія (о тѣхъ и другихъ мы скажемъ подробнѣе при выпускѣ 10-мъ и далѣе);“ наконецъ въ нѣкоторыхъ, по вліянію театра и литературы, прибавлялись еще *театральныя* или (гораздо позднѣе) *Цыганскія*. Благодаря такому общему явленію, воспитались въ немъ и выросли изъ него сперва „національныя,“ потомъ даже „народныя“ наши поэты и музыканты, производившіе уже во сферѣ личной, художественной и письменной, вплоть до самого Пушкина и Глинки, не цитуя болѣе мелкихъ. Обычай многихъ частныхъ, и притомъ знатныхъ домовъ, повторяемъ; отозвался еще громче при Дворѣ, на его внутреннихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, при обиліи средствъ и пособій.

Еще одинъ шагъ, отселѣ уже обратный, ибо онъ шелъ больше съ верху,—и всѣ эти „рукописныя сборники,“ цѣликомъ того же состава и употребленія, превратились помощью печати въ „Пѣсенники,“ оттиснутыя книжки, за которыми удержалось на всегда это техническое и распространенное названіе. Печатные Пѣсенники возникли: *исключительно во времена Екатерины и съ ея эпохи*; старшіе въ *Петербургѣ*, болѣе или менѣе *вокругъ Двора*, стало быть по его литературному вліянію (искони въ дѣлахъ „національной цивилизаціи“ задавалось оно съ верху); по вызову и съ пособіемъ *знатныхъ особъ*, къ которымъ обыкновенно обращалось посвященіе; трудомъ *лицъ, ближе стоявшихъ къ симъ послѣднимъ и ко Двору*; спустя немного, и то сначала перепечаткою, въ *Москвѣ*, а за нею уже, позднѣе, и въ *другихъ городахъ* (на примѣръ въ Орлѣ, Твери, Ярославлѣ); сперва *для текста*, но скоро и *для ноты*, съ нотами (объ этомъ постарался Петербургъ, гдѣ раньше привилась музыкальность иностранная подъ именемъ всеобщей, гдѣ не могли знать хорошо голоса „съ наслышки,“ такъ, какъ въ Москвѣ, и гдѣ раньше вывелись гусли, связанныя съ Кантами и школярными произведеніями).—Главными дѣятелями и издателями, по части текста, были: 1) *Чулковы*, Василій (собратель-владѣлецъ-исполнитель) и Михайлъ (издатель) въ сотрудничествѣ съ М. А. Поповымъ (см. выше; С. П. Б. 1770—74,—*первое* изданіе; второе 1776, при немъ „Прибавленіе“).—2) *Н. И. Новиковъ* (М. 1780—81,—*первое Московское* изданіе; за нимъ *третья* перепечатка Чулкова, въ видѣ Чулковскихъ 4-хъ частей съ Прибавленіемъ, но съ экземпляръ Нови-

ковскаго, именуемая иначе „старымъ Московскимъ изданіемъ,“ собственно же второе Новиковское, четвертое въ общей сложности, 1783—88). Составъ здѣсь нѣсколько разнится отъ Чулковскаго, вслѣдствіе прибавленія 5 и 6-й части, съ пѣснями „сочиненными“ и „романсами.“—4) *И. К. Шноръ*, его и *Т. П.* издвигеніемъ (вскорѣ за Чулковымъ и Трутовскимъ, въ Петербургѣ же: пѣсенникъ *третьяго* особаго состава, преимущественно „придворнаго“ по выбору и вкусу, уже въ 1791 г. *вторымъ* изданіемъ).—4) *В. Ст. Сомиковъ*, Петербургскій сидѣлецъ Новикова, послѣ самостоятельный книгопродавецъ и библиографъ (рукописный подлинникъ пѣсенника найденъ и снова пропасть, см. „Зорю;“ это редація *четвертая*, С. П. Б. 1792; въ Москвѣ 1795 и 1797, съ „прибавленіями“ изъ Чулкова).—5) *В. Ие. Охороковъ*, преемникъ въ Новиковской типографіи и торговлѣ (отпечатавшій только отобранныя уже Новиковымъ пѣсни новѣйшія „сочиненныя;“ М., 1791).—6) *Василій Глазуновъ*, одинъ изъ старшихъ книгопродавцевъ, удержавшихъ торговый домъ доселѣ (М. въ типогр. Рѣшетникова, откуда Пѣсенникъ называется еще „Рѣшетниковскимъ,“ 1799 г.; выборка изъ прежнихъ, но самостоятельная и послѣ повторявшаяся съ дополненіями).—7) На переломѣ двухъ столѣтій, въ 1801 г., „Веселая Эрата на Русской свадьбѣ,“ пѣсни свадебныя, пока еще насъ не касающіяся (М. у Рѣшетникова).—По части *напѣва, музыки,* и притомъ съ *текстомъ:* 1) *Василій Федоровичъ Трутовскій*, придворный сваденникъ, Малороссъ, гусларь и пѣвецъ (пѣсни употребительнѣйшія при Дворѣ и въ высшихъ кругахъ, съ хорошимъ выборомъ и вкусомъ, въ томъ числѣ Малорусскія; музыка имъ самимъ „положена“ или, какъ говорили, „переложена“—съ народнаго; С. П. Б., 1-я часть въ 3-хъ изданіяхъ, 1776, 1782 и 1799 г.; 2-я, 3-я и 4-я, по одному изданію, въ 1778, 1779 и 1795 годахъ; текстъ разнится отъ Чулковскаго и Новиковскаго, муарка отъ ближайшихъ преемниковъ).—2) *Праць*, Чехъ, докторъ (вслѣдствіе чего, между прочимъ, изданія его разосланы были по губернскимъ Медицинскимъ Конторамъ и, сдѣлавшись рѣдкимъ, тамъ только и находились искателями; *вторая* редація по тексту и музыкѣ, съ обѣихъ сторонъ удовлетворительная для своего времени, хотя и уступаетъ Трутовскому въ оригинальности; С. П. Б. 1790 и потомъ еще два изданія, послѣ смерти, съ дополненіями, 1806 и 1815 года. Самъ Праць издавалъ пѣсни и тетрадами или „книжками;“ но это уже такая рѣдкость, что дай Богъ кому ни будь хоть увидать глазами).—3) *Герстенбергъ* съ Дигмаромъ, музыкантъ и умный издатель-продавецъ, съ практическими цѣлями, безъ особенностей текста (музыкальный магазинъ былъ въ П. Б. на Большой Морской, въ домѣ Шарова; „Пѣсенникъ“ собственно въ двухъ частяхъ, 1790, но есть и отдѣльныя книжки до 1795 г.).—4) *Матей Гютри*, Французъ, медикъ, писавшій самъ по Французски (главное его сочиненіе извѣстно подъ заглавіемъ „Dissertations sur les antiquités de Russie,“ гдѣ, кромѣ дѣсей съ нотами, рисунки старыхъ инструментовъ, умныя замѣтки и дѣльныя

анія о народной Русской музыкѣ).—5) *Без текста* или только съ началомъ его, ноты и музыкальныя „переложенія:“ *Хандомики, Козловскаго, Ребетштейна, Борденау* („Борденаф“); *Кайзера, Нерлиха, Баме, Обастіана Жоржа, Мекера, Пилшау, Баумбаха, Броденаго*, и т. д., все въ Петербургѣ; при чемъ слѣдуетъ помянуть и знаменитаго *Мареча* (по Польски *Marzes*), Чеха, творца пресловутой „роговой“ музыки, композитора и исполнителя на ней.—Таковы *естъ главнѣйшіе, до нашего столѣтія* *)).

Замѣтимъ здѣсь очень важное обстоятельство, хотя и забѣжимъ этия нѣсколько впередъ. Пѣсенники первой и даже отчасти второй четверти нашего столѣтія, за маловажными исключеніями, почти ничею народною не прибавили противу конца XVIII вѣка, то есть противу вѣка Екатерины и помянутыхъ нами тогдашнихъ нѣсколькихъ редакцій: они только *перепечатывали* изъ прошлаго вѣка и другъ отъ друга, такъ или иначе перетасовывая, иногда съ неминуемою порчею и обмолвками, даже съ пропусками; такъ, на прижѣръ, они постоянно обходили отличной пѣсенникъ Шпоровскій и художественный трудъ Трутовскаго, которые уже не повторялись больше, потому ли, что служили ближе Двору и не достигали массъ, а вѣрнѣе по страху передъ ними и по извѣстному намъ опасенію, „какъ бы не попасться.“ Постепенно подбавляя вновь „сочиненныя“ и „правленныя,“ особенно „романсы“ и всякія пѣсни „пѣжныя,“ они полнѣли преимущественно „театральными,“ куплетами, аріями и хорами, а послѣ „Цыганскими,“ „Тирольскими,“ изъ разныхъ трактировъ и кофеенъ, отъ публичныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, пока въ наше время совсѣмъ обратились въ постыдную спекуляцію, эксплуатирующую и развращающую народъ изъ за мелакаго барыша, посредствомъ расчитанной порчи послѣдняго его вкуса. Однако и тутъ Богъ не безъ милости: на спасеніе явились ревностные „сборители“ подлинныхъ памятникъ народныхъ, а за ними выдвинулись „издатели,“ въ рукахъ которыхъ видимо спѣеть счастливая будущность для словесности народной. Тѣмъ поучительнѣе и любопытнѣе выводъ: стало быть „Пѣсенники XVIII вѣка“ или „Екатерининскіе“ собственно и суть только „единственные Пѣсенники,“ создавшіе и получившіе это званіе въ особомъ его смыслѣ; что они представляютъ собою своеобразное явленіе литературы, на рубежѣ между устами и книгою, голосомъ и печатью, Русскимъ и Европейскимъ инструментомъ, творчествомъ народнымъ и искусствомъ личнымъ. Обойти ихъ въ исторіи нашей словесности и литературы никакъ нельзя: и вотъ новая плодотворная задача молодымъ силамъ для занимательныхъ монографій.

Теперь, минуя пѣсни „чисто-сочиненныя,“ о которыхъ довольно уже говорено у насъ въ отдѣлѣ Историческомъ и придется еще говорить въ

*) Богѣ подробнѣе, съ величайшимъ трудомъ собранна, свѣдѣнія о сихъ лицахъ и издачіяхъ см. въ помянутой статьѣ „Зорі.“

других отдѣлахъ; опуская изъ виду и тѣ вынужденныя измѣненія, которымъ подвергалась пѣсня черезъ чуръ уже близкая къ современнымъ лицамъ и щекотливая: остается сказать нѣсколько словъ о другихъ, произвольныхъ „поправкахъ, передѣлахъ и поддѣлахъ.“ Въ чести старшихъ и собственныхъ Пѣсенниковъ слѣдуетъ упомянуть, что поддѣлки въ родѣ Сахаровскихъ, достаточно нами обличенныхъ, равно какъ увлеченія въ родѣ Костомаровскихъ, были совершенно для нихъ немислимы и невозможны. Исправленія проскользали лишь случайно, всего чаще по недоразумѣнью или просто отъ неразборчивости подлинныхъ рукописей (какъ у Чулкова и Новикова). Малкія передѣлки зависѣли отъ тѣхъ, кто самъ дѣлалъ и сочинялъ, стало быть простирались только на сочиненное, „намѣренной“ же и „крупной передѣлки,“ сверхъ вынужденныхъ обстоятельствъ, долго не рѣшалась простереть никто на „текстъ народный.“ Пѣсенники были простыми лишь передатчиками и посредниками, болѣе и менѣе точными, осторожными, полезными и предприимчивыми. Первый покусился на то *М. А. Поговъ*: но коснулся однѣхъ пѣсенъ лирическихъ, женскихъ и кое-какихъ ходячихъ, да и то вскорѣ встрѣтилъ осужденіе, по крайности не вызвалъ ни въ комъ сочувствія. Смѣлый шагъ, предсказавшій печальное будущее вблизи, и отважный походъ, при томъ прямо на пѣсни Историческія, принадлежалъ даровитому *И. И. Дмитріеву* („Карманый дѣсенникъ“ 1796 г. М.). Онъ одинъ собственно въ XVIII вѣкѣ положилъ силу своего таланта, хотя иногда съ замѣчательною меткостью, на жалкую и недостойную профессію сего рода, которая смутила Пѣсенники XIX вѣка до того, что между ними безпрестанно приходится сомнѣваться въ подлинности, либо заглядывать отсюда къ Дмитріеву, не понесъ ли извѣстный образецъ слѣдовъ реформаціи его пера. Но эти несчастныя послѣдствія переходятъ уже въ наше столѣтіе, а XVIII-е все-таки остается само по себѣ непричастнымъ сему и чистымъ въ его общемъ направленіи.

Послѣ этого не трудно изложить заключительные выводы о плодахъ Елизаветинскаго времени въ дѣлѣ пѣсенотворчества. Кромѣ сближенія по существу и кромѣ общенія *внутренняю*, между областями разными и передъ тѣмъ далеко было разошедшимися, между областью народно-устною и между литературною, произошли новыя явленія въ самомъ пространствѣ и территоріи, въ *область, во вѣщности* и въ *видимамъ соотношеніи* сихъ областей. Народное творческое устное слово, нѣкогда исключительно царившее, а недавно ослабѣвшее или подавленное, прошло теперь снова отъ низшаго простонародья и крестьянства по всѣмъ среднимъ и высшимъ общественнымъ слоямъ до самаго Двора; литературная дѣятельность, и особенно форма, со всѣми своими средствами, но преимуществу черезъ печать, черезъ это скорѣйшее и вѣрнѣйшее орудіе, проникла и спустилась также точно, по ступенямъ искусства, отъ высшихъ сферъ, блестящихъ, могучихъ, образованныхъ, обладающихъ своего рода тактомъ и вкусомъ, черезъ всѣ сферы бѣды, исключенія:

отъ палатъ царскихъ и боарскихъ, отъ усадьбъ помѣщичьихъ, запертыхъ крѣпко купеческихъ хоромъ, домовъ и семействъ духовенства, мѣщанскихъ и посадскихъ жилищъ, до порога самой послѣдней, лишь бы грамотной, крестьянской избы. Пѣсенники *все* это соединили подъ рядъ и въ ровень. Мы на примѣръ встрѣчаемъ въ нихъ, особенно же въ „придворныхъ“ и поставленныхъ подъ какое ни будь знатное покровительство, всевозможные этикетъ и шарканья, присѣданья и поклоны: то передъ Чернышовымъ, то передъ старою Лолухиной, то передъ пѣснями Елизаветы или передъ театральными интригами эпохи Екатеринынской, то даже передъ самою Екатериной, до того, прибавимъ образчикъ, что пѣсню „Какъ пошла наши подружки, въ дѣсь по агодки гулять“ долго не пускали въ ея подлинномъ видѣ и Катеринушку замѣняли вездѣ выраженіемъ „млада сельская дочушка (въ подлинникѣ „хороша была подружка Катеринушка“)“. Но... рядомъ же пробирался сюда и Разинъ, и Канинъ, загуливала Тавька, разныгрывалось все прѣстѣйшее и беззащитнѣе, даже ухорское, нагое или голенькое, ибо въ чувствѣ матери - природы XVIII-й вѣкъ не такъ былъ щепетилень и придирчивъ, какъ мы. Сколько этимъ способомъ *безразличія* спасено *отлично*, отъ забвенія и смерти! Съ переворотомъ въ дѣлахъ Западной Европы и въ воззрѣніяхъ самой Государыни, Пѣсенники попались подъ обѣду въ лицѣ Новикова, даже были осуждены и потерпѣли кару, ибо, по извѣстному отзыву *Московскаго* Платона, поставлены были въ числѣ книгъ „сумнительныхъ, могущихъ служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и разгоряченію умовъ.“ Но и это уже не могло остановить потока: Пѣсенники лѣдились, росли, проникали всюду и до того „употреблялись“, что жинче почти невозможно найти старое, не только порадонное, но даже сноснаго или хоть бы истрепаннаго экземпляра (только мы счастливы этимъ въ нашемъ личномъ многолѣтнемъ собраніи. Не все же произведенія литературы изъ прошлаго вѣка или другихъ временъ могутъ похвалиться подобнымъ сбытомъ, потребленіемъ и пользованіемъ! Такимъ образомъ, если ожидалось еще обильнѣйшее „собираніе“ и научное „изданіе“ памятниконъ, а на передней сценѣ недооставало „самыхъ памятниконъ“ во всей ихъ древности, красотѣ и величіи; если оставалось еще впереди единение *народное* и торжество всѣхъ влѣвній со стороны *искусствоворчества, народнаго*: то все-таки, какъ дѣло XVIII вѣка и какъ даръ Екатерининской эпохи, мы должны привѣтствовать на *подниціи литературы* созданное начало единства *національнаго* и первое вкушеніе *плодовъ національныхъ*, при посредствѣ объединяющей пѣсни и объединеннаго пѣсеннаго слова.

Время государя Павла ничѣмъ особеннымъ не отличается въ нашемъ дѣлѣ отъ предшествующаго и отъ всего XVIII вѣка вплоть до Петра. По краткости сего періода и малочисленности пѣсенныхъ образцовъ, мы не разиѣщаемъ народныхъ и устныхъ порознь отъ сочиненныхъ или отъ кантъ и тому подобныхъ, печатаая все подъ рядъ.

VIII.

ПРИ ГОСУДАРЬ ПАВЛѢ.

1.

Суворовъ въ Италиі и противъ Французовъ.

(Борисоглебск. у., Тамбовск. г.).

Не двѣ тученьки, братцы, не двѣ грозныя, братцы, ахъ,
изъ горъ выкатались,

Ахъ, изъ горъ выкатались:

Выходила да наша сила - армія, братцы, ахъ, во чистое поле,

Ахъ, во чистое поле;

5. Выходилъ да онъ, всё нашъ родный батюшка, братцы,
ахъ, да нашъ графъ Суворовъ,

Ахъ, да нашъ графъ Суворовъ.

Онъ своею да генеральской палочкой, братцы, ахъ, да онъ командруеть,

Ахъ, да онъ командруеть:

«Ой вы братцы, да братцы вы солдатушки, братцы,
бейте, не робѣйте,

10. «Ахъ, бейте, не робѣйте,

«Свинцу-пороху, братцы, вы солдатушки, братцы, ахъ,
да вы не жалѣйте,

«Ахъ, да вы не жалѣйте!

«У государя, да братцы, вы солдатушки, братцы, ахъ,
у него ¹⁾ казны много,

¹⁾ „У“ въ сихъ случаяхъ, какъ и выше „у государя,“ произносится почти какъ *оу*.

«Ахъ, у него казны много.

15. Самого-то вы ворога Француза, братцы, ахъ, на штыкъ
посадите,

•Ахъ, на штыкъ посадите,

«А молодую-то всё его ховяшкку, братцы, ахъ, на во-
струю саблю!»

(Записано и сообщено намъ покойнымъ Н. Е Лясковскимъ въ 1869 г.).

*

Суворовъ въ народныхъ пѣсняхъ не очень выдается, и постоянно въ од-
номъ образѣ: командуетъ своей палочкой да убѣждаетъ свою армию „не ро-
бѣть, свинцу-пороху не жалѣть,“ или, какъ вообще выражаются пѣсни,
„свою силу утверждалъ. (дочь Суворовъ генераль).“

Слѣдующую пѣсню о томъ же, хотя и „сочиненную,“ можно назвать от-
части „полународною:“

2.

О томъ же.

Батюшка Никола съ нами
И Суворовъ, другъ его,
Павелъ царь: ура, горами
Сплющимъ чорта самого!

5. Цѣлый свѣтъ на штыкъ поднимаемъ.
А Французъ лишь чорту свать:
Въ адъ его, мы въ адъ закинемъ,
Чтобъ не сталъ бурлить опять!

Экой варваръ! Безъ управы

10. Ладно жить, онъ говорить:

А безвиннымъ для забавы

Головы вездѣ пилить;

Скипетръ королей ломаетъ;

Вѣру ставить ни во что,

15. И таку комедь играетъ,

Что не слыхивалъ никто.

Полно жъ, полно упиваться

Кровью, слѣзами людей:

- Часть пришелъ тебѣ вѣстаться,
 20. Выставляй богатырей!
 Вивать, Русскіе солдаты,
 Вивать! Время работать:
 Царь изъ Невскія палаты
 Всѣ изволятъ примѣчать ¹⁾.
25. Храбрымъ скажетъ онъ: «Ребята,
 «Вы какъ надо молодцы!
 «Здѣсь изъ лавра вамъ заплата,
 «Въ небѣ же изъ звѣздъ вѣнцы!»
 Маршъ впередъ, впередъ скорѣе,
 30. Запѣ, поближе подлетѣвъ,
 Въ мигъ въ штыки, коли ловчѣе,
 Намъ музыка—пушекъ ревъ!

*

Слѣдующая совсѣмъ уже „сочиненная“, безъ всякой поддѣлки подъ народность:

3.

При Трѣби.

- Къ ружью ¹⁾! Друзья, летите,
 Ударъ въ рукахъ несите:
 Россійскіе сымы
 Къ побѣдамъ рождены!
 5. Отечество прославимъ,
 Царю вѣнокъ сдѣлемъ,
 Враговъ дрожать заставимъ,
 Къ Парижу потечемъ!
- Суворовъ, мы съ тобою!
 10. Полночный зри народъ:
 И грудью, и душою
 Съ тобой идемъ впередъ ²⁾!
- Какъ облакъ сизо-чорный
 Стремится Галль упорный!

¹⁾ Вариантъ: „Изъ-за Невскія палаты царь изволятъ примѣчать.“

²⁾ Вар „Къ оружію!“—²⁾ Какъ примѣтъ повторенъ всѣмъ каждой строфи.

15. На насъ со всѣхъ сторонъ
 Нѣтъ мужеству предосты,
 Изъ рукъ перуны мечеть,
 Градъ огненный пустиль,
 Земля подъ нимъ трепещеть
20. И воздухъ помутить.
 Но Россювъ — князь предводитъ,
 И лавръ въ поляхъ находитъ
 На Трѣбскихъ берегахъ;
 Побѣда на штыкахъ
25. Россійскихъ веселится;
 Смирися гордый Галлъ,
 Повергнуть мечъ стремится
 И самъ къ ногамъ упалъ:
 Исчезнетъ Галловъ слава,
30. Россійская держава
 Оливой процвѣтеть³⁾;
 Суворовъ насъ ведетъ!
 Побѣдою владѣя,
 Не дастъ ей убѣжать:
35. Царей карать умѣя,
 Умѣетъ и спасать.

*

4.

Хоръ императору Павлу по прибытіи въ Москву.

- Громы славы раздаются;
 Громы радости несутся,
 Торжествуй, Москва, ты днесь;
 Милосердый царь твой здѣсь!
5. Слався, Павелъ несравненный,
 Слався, первый въ мірѣ царь⁴⁾!
 Зри тобою оживленныхъ
 И щедротой изумленныхъ:

³⁾ Посоветившись при вопросѣ, по какимъ губерніямъ процвѣтеть олива, поэты исправили „со славою процвѣтеть.“

⁴⁾ Повторяется какъ крикъъ носѣ каждой строфы.

Всѣ отцомъ тебя зовутъ,
10. Слезы умиленья льютъ.

О, веселія содѣтель!
Будь усердія свидѣтель,
Зло, коварство истребляй,
Вѣчной мудростью сіяй!

15. Духъ мы кротостью питаю,
Въ ней блаженство обрѣтая,
Къ мыслямъ склонимся твоимъ,
Честь имъ должну воздадимъ.

Подъ твою мы державой
20. Всякой трудъ почтемъ забавой:
Множь къ себѣ въ насъ сердца жаръ,
Дай намъ пѣсней даръ!

Воскресають здѣсь утѣхи,
Игры, рѣзвости и смѣхи;
25. Ты монаршій бросилъ взглядъ:
Всякъ принести жизнь въ жертву радъ.

И Марія кроткимъ взоромъ,
Тихихъ прелестей соборомъ,
Наши души оживить,
30. Будто солнцемъ озарить.

Ваши отрасли драгія
Намъ залогъ судьбы златія:
Уже скрылася война,
Низлетаютъ миръ, весна!

(Сочиненъ былъ для „Польскаго“).

*

Напомнимъ также разныя „сѣихи“ съ хоромъ, поднесенныя Павлу въ дни коронаціи, на примѣръ извѣстныя — „Россія въ сердцѣ — во Кремлѣ — Царь Павелъ пребывалъ И милости оттолъ народу проливалъ;“ или: „Какіе солдаты озаряютъ Великолѣпный Русскій тронъ?... Не возвращенъ ли намъ судьбиной Великій Петръ съ Екатериной? Се Павелъ Первый и Марія, Се поданныхъ отецъ и мать,“ и т. п.

Заключается слова пѣсней народнои:

5.

Умеръ Павелъ императоръ.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, с. Андроновское).

Что жь это въ каменной Москвѣ за тревога?
 Во призывный новый большой колоколъ прозвонили,
 Въ печальны славны барабанчики указы били ¹⁾?
 Переставился нашъ родный батюшка Павелъ импе-
 раторъ,

5. По всей матушкѣ каменной Москвѣ ладонь сплоски-
 баеть ²⁾,

Изъ палатъ несутъ его гробницу, несутъ золотую:
 Во передь-то идутъ самой гробницы попы-патріархи,
 Позади идутъ самой гробницы всё князья-бarya,
 По правую руку идетъ гробницы самъ сынъ царевъ ³⁾.

10. Онъ ни такъ плачетъ, младый сынъ царевъ ⁴⁾,—
 только что рѣка льётся ⁵⁾.

Онъ ни такъ плачетъ, младый сынъ царевъ,—только
 что быстрѣ льётся.

« Ты не плачь-ка, младый сынъ царевъ, не плачь,
 не печалься! »

— Да и какъ-жѣ мнѣ не плакать, да какъ не тужить?

— Подошли-то года плохія, госнода лихіе:

15. — Изведуть-то меня, млада царенча ⁶⁾, за младыя
 лѣта ⁷⁾,

— Ни дадутъ мнѣ, младу царевичу, да мнѣ спому-
 жати ⁸⁾!—

(Завис. П. И. Якушкинимъ).

* *

IX.

Мы переходимъ къ послѣдному отдѣлу, очень любопытному и по-
 учительному.

¹⁾ Указы читали при звукѣ барабановъ. — ²⁾ Бьетъ въ носъ, пахнетъ. —
³⁾ Рѣчал, хотя естественная, форма прилагательнаго (гдѣ ѣ=й, подобно
 какъ „Алексѣй—Алексѣвъ“). — ⁴⁾ Извѣстное намъ отрицательное сравненіе
 (гдѣ само сравниваемое стоитъ съ отрицаніемъ): онъ плачетъ—что рѣка
 льется. — ⁵⁾ Подобно какъ отъ „Алексѣй“—„Алексѣвич“ вм. „Алексѣевич“. —
⁶⁾ Въ молодыхъ еще лѣтахъ. — ⁷⁾ Возмужать, соарѣтъ.

Не раз мы замѣчали, что *съ пѣснотворчествомъ* народномъ есть своя исторія и, кромѣ того, *для самаго пѣснотворчества*, какъ и для цѣлаго народа, существуетъ также совершенно *своя особая исторія*, которая служить иногда вызовомъ или содержаниемъ пѣсни Исторической, нисколько не осведомляясь объ насъ и объ томъ, какъ относится этотъ историческій предметъ, любезный или важный народу, къ остальной *нашей исторіи*, въ которой мы думаемъ фигурировать членами, носителями или представителями. Не рѣдко тутъ совершается и послѣ попадаетъ нашему взору или слуху, очерченная рассказомъ или воспѣтая творчествомъ, такая „исторія,“ которой мы вовсе не дали бы подобнаго имени, которую сочли бы случаемъ мелкимъ, частнымъ, бытовымъ, короче такимъ, какой отнюдь не достоинъ подняться до высоты исторической, болѣе или менѣе обязательной всѣмъ и каждому, всей Россіи, всякому интересу и вниманію.

Нижеслѣдующее обобщеніе и сложенная объ немъ Историческая пѣсня, со всѣми потребными признаками подлинной исторіи и вдохновеннаго пѣснотворчества, всѣмъ почти, ближе или дальше, извѣстна, распространенная по всей Россіи и въ ней прожитыя или поющіяся, занимающія собою страницу въ народномъ порядочномъ Пѣсенникѣ, а слѣдовательно въ литературѣ вѣла, наконецъ не вымысленныя и не „сочиненныя,“ а реально прожитыя и естественно сложившіяся, съ полною свободою повѣствующаго и творящаго народнаго духа, наконецъ, вмѣстѣ съ симъ, на вѣки оставшіяся неколебимымъ народнымъ „памятникомъ,“ — служить всему сказанному совершенно яснымъ доказательствомъ и яркимъ подтвержденіемъ.

Какъ скоро мы по слухамъ и свѣдѣніямъ, хотя давно уже къ намъ дошедшимъ, убѣдились въ такой важности и въ такомъ интересѣ явленія, мы сочли долгомъ ближе ознакомиться съ нимъ *на мѣстѣ*, во всѣхъ его подробностяхъ, чтобы исчерпать и положительныя данныя, и уцѣлѣвшія преданія, и округленныя фантастически сказанія, и черты, издалика болѣе или менѣе туманныя, въ самой пѣснѣ: мы поспѣшили переѣхать въ Кусково, прожили тамъ два гѣта и при помощи того сообщаемъ здѣсь результаты изысканій, доставшіяся довольно сложною работою, какой не пойметъ лишь развѣ тотъ, кто не пробовалъ собирать и издавать, такъ какъ мы, народные памятники во всѣхъ ихъ обстановкѣ, и притомъ пѣсни „Историческія,“ обязующія ко многимъ опытнымъ познаніямъ и приемамъ сверхъ вопросовъ одного творчества какъ творчества.

Благодаря геройской личности и любезному для народа образу Бориса Петровича, весь кругъ Петровскихъ пѣсней, а отсюда и нашъ 8-й выпускъ, проникнуть участіемъ и обогащенъ именемъ графскаго рода *Шереметьева*. Такого же происхожденія событіемъ и именемъ начинается нашъ 9-й выпускъ: ему суждено тѣмъ же самымъ и заключиться.

*

**Графиня Прасковья Ивановна Шереметева,
урожденная крестьянка села Кускова.**

Прииѣръ Московскихъ государей и государынь, въ полукругѣи оло-
ясавшихъ окрестности Москвы загородными селами, съ дворцами, са-
дами и народными гуляньями, отъ Тайнинскаго до Коломенскаго и до
самыхъ Воробьевыхъ горъ, отозвался подражаніемъ на ближнихъ боярахъ,
потомъ на крупныхъ барахъ Петровскаго времени, искавшихъ въ Москвѣ
отдохновенія и спокойствія, а наконецъ на прочихъ богатыхъ дворя-
нахъ-помѣщикахъ XVIII вѣка. Возникшимъ новымъ „Подмосковнымъ,“ со
всѣми соединенными дарами природы, искусства и образованія, не
было конца: теперь это достояніе равнодушнаго купечества, гнѣздо
пріютившихся мелкихъ дачъ или — пустырь. Въ той же мѣрѣ процвѣ-
тали здѣсь нѣкогда и домашніе оркестры, пѣвческіе хоры, а въ кон-
цѣ XVIII вѣка „Пѣсенники,“ хотя не вновь уже записанные изъ устъ,
а только исполнявшіеся на практикѣ по печатному, — и преимущественно
сытою дворовой челядью. Новыхъ причинъ и побужденій, которыя вы-
звали бы вдохновеніе народнаго пѣснотворчества, съ каждымъ годомъ
становилось все меньше и меньше около центровъ сей загородной жи-
зни: силы крестьянства напротивъ всячески истощались и шла — либо
на пополненіе дворовыхъ, гдѣ безслѣдно исчезали, либо на рекрутскую
службу за прочихъ, либо на громадныя работы въ поддержку величія
„Подмосковныхъ,“ либо на удовлетвореніе барскихъ прихотей и стра-
стей. Мы знаемъ, что народъ въ своей пѣснѣ заключалъ XVIII вѣкъ
отзывомъ: „Подошли-то года плохіе, господа лихіе.“ Немного было ис-
ключеній и, въ числѣ ихъ, такой приговоръ не простирался единствен-
но на одинъ только родъ боярскій — *Шереметевыхъ*: сколько ни сла-
вились они благодѣтельной щедростью за всѣ вѣка, и сколько разъ ни
оскудѣвали на завѣстный промежутокъ времени, — для возобновлявшаго-
ся богатства и довольства ихъ не было длинныхъ „годовъ плохихъ;“
сколько ни наживались вокругъ нихъ и какъ ни злоупотребляли ихъ
довѣріемъ довѣренныя, до самаго того періода, когда, въ нашу пору,
многіе ихніе крестьяне, при вопросѣ освобожденія, принуждены были
отойти безъ угодій, столь имъ привычныхъ прежде, — сами „господа“
никогда не были для народа „длиними,“ напротивъ примѣрными и всег-
да были искренно любимы народомъ. Такъ хорошо жилось у нихъ, что
крѣпостные не отступались, когда имѣли къ тому всю возможность, на

оборотъ все свое подписывали на имя графское: „графа Шереметева“— видѣлась надпись на тысячѣ домовъ, имуществъ, сдѣлокъ, подрядовъ, и это было всегда символомъ достатка, залогомъ общаго довѣрія. Съ другой стороны, господа весьма рѣдко отпускали „на волю,“ хотя бы за нее предлагались громадныя суммы: не нуждались въ томъ, а если нуждались, то довѣряли текущей бытовой жизни; и это довѣріе оправдалось, когда настала пора всеобщаго вѣуна, когда въ заштѣтъ накопившихся долговъ притекли въ графскую казну многіе надличныя милліоны. Шереметевскіе крестьяне знали хорошо историческую и дѣйствительную славу своихъ графовъ: пѣли объ нихъ и пѣсонажи разносили ихъ народную извѣстность по тысячѣ селъ и деревень, по всему лицу необъятной Россіи, — причина, почему между прочимъ, дошло къ намъ столь много писемъ съ именемъ Шереметевскимъ. Эти массы „простаго народа“ живо интересовались всѣмъ, что касалось ихняго владѣльческаго дома, имуществъ, угоды: такъ, что даже за послѣдовавшимъ отчужденіемъ, даже при послѣднихъ поводахъ недовольства, можетъ стать изъ псѣхъ освобожденныхъ крѣпостныхъ одинъ только бывшій Шереметевскій крестьянинъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдить по прежнему за ходомъ барскаго хозяйства, радуются радостнымъ извѣстіямъ объ немъ, скорбятъ о разореніи древностей, о развалившихся дорогихъ зданіяхъ, о запущенныхъ великолѣпныхъ садахъ, о потравленныхъ лугахъ, объ уничтожаемыхъ вѣковыхъ, нѣкогда заботливо разсаженныхъ, рощахъ. Черезъ это именно посредство, и не иначе, какъ черезъ посредство любящаго народа, имя, благо, достоинство и преемство рода Шереметевыхъ сдѣлалось, не частнымъ уже, а Все-россійскимъ и Историческимъ: принадлежитъ нашей общей Исторіи и цѣлой Россіи, ее интересуетъ, ее привлекаетъ вниманіемъ и озабочиваетъ.

За смертью старшаго сына отъ перваго брака ¹⁾ и за денежнымъ вознагражденіемъ меньшаго ²⁾, сынъ графа Бориса Петровича отъ втораго брака ³⁾, рожденный въ Прилукахъ 1718 г. и воспринятый гетманомъ Скоропадскимъ, *Петръ Борисовичъ* остался единственнымъ наследникомъ славы и состоянія послѣ отца. (1719 г.). Начавши военнымъ поприщемъ, онъ при Елизаветѣ обратился на болѣе сродную придворную дорогу и достигъ здѣсь высокихъ почестей. Будучи близокъ къ Петру II-му, онъ съ тою же придворной ловкостью устранился отъ несчастной судьбы Долгорукихъ и собственной сестры своей, знаменитой Натальи Борисовны (на что она намекаетъ въ своихъ запискахъ). Впрочемъ, послѣ кончины супруги своей и нѣкоторыхъ другихъ семейныхъ огорченій, онъ во время умѣлъ удалиться отъ

¹⁾ Михаилъ Борисовичъ отъ Евдокии Александровны, урожд. Чириковой. — ²⁾ Сергій Борисовичъ. — ³⁾ Съ Анною Петровною, урожд. Салтыковой, семнадцатилѣтнею вдовою послѣ близкаго царскаго родственника Льва Кирилловича Нарышкина († въ М. 1728 г., девятью годами переживши престарѣлаго мужа).

хлопотливаго участія въ событіяхъ Двора и, только по назначеніи „выборгоу“, при главнокомандующемъ Захарѣ Григорьевичѣ Чернышеви, явился первымъ Московскимъ предводителемъ дворянства. Тогда-то, среди поднаго досуга, по обычаю эпохи отдался онъ загородной жизни; но при этомъ напрасно иные полагаютъ, что онъ самъ до сейдѣ не достаточно владѣлъ средствами: отцу его жаловали и дарили много помѣстій, хотя конечно болѣе отдаленныхъ, и между ними знаменита на примѣръ Малорусская „Борисовка“, названная такъ по имени владѣтеля, съ доимъ самого Бориса Петровича, а вмѣстѣ съ дѣлицемъ Петра Великаго. Во всякомъ случаѣ, село *Кусково* (позднѣе „Спасское“ по деревнѣ), отъ Москвы въ 7 верстахъ между Рязанскою и Владимірскою дорогою, по прозванію, какъ думаютъ, отъ „куска“ родоваго имущества, а въ самомъ дѣлѣ точно такое же, какъ „Кучково“, какъ ближнее „Перово“, „Останьково“ и т. п., Кусково, говоримъ, было изстари у Шереметевыхъ родовою ихъ Подмосковною. Здѣсь-то (на мѣстѣ нынѣшняго оранжерейнаго зданія, гдѣ умѣла старая домовая церковь) стоялъ *первый* домъ владѣльцевъ, за которыми, въ память эпохи Петровской и для собранія во едино Голландскихъ памятниковъ, сооруженъ дадше второй, „Голландскій (1749 г.)“ ¹⁾. Но, разумеется, всѣ главныя источники для своихъ приудливыхъ плановъ приобрѣлъ молодой графъ, женившись на *Барварѣ Алексеевнѣ Черкасской* ²⁾, дочери извѣстнаго Алексѣя Михайловича ³⁾ и наследникъ несомнѣнныхъ, въ томъ числѣ Сибирскихъ, богатствъ, прибавилъ — наследникъ особаго изящнаго вкуса, ибо отецъ завѣдывалъ строеніемъ дворцовъ и садовъ, равно какъ устройствомъ художественныхъ ремеселъ. Съ нею достались счастливцу: „Останкино“, не менѣе славное своимъ домомъ, отдѣлкой, утварью, садами и прудами, празднествамъ, народнымъ до сихъ поръ гуляньемъ, а главное — достались всѣ ближнія и отличнѣйшія имѣнья, простирающіяся, кромѣ Владимірки и прочихъ направленій, отъ Москвы чуть не до Коломны. Въ томъ же числѣ, на Рязанской дорогѣ, прикнуло къ селу Кускову „Вяшилково“, лежащее между Владимірскою и Измайловскимъ Звѣриницею съ одной стороны, между Перервою и селомъ Коломенскимъ съ другой: то было естественное убѣжище зн. Одоевскихъ ⁴⁾, куда, мы знаемъ, навѣщать сына

¹⁾ Къ удивленію мало повторенъ до сихъ поръ. — ²⁾ Родилась 1718; † 1767 г. По матери была Трубецкой Марья Юрьевна; дочери Юрля Юрьевича. — ³⁾ Род. 1680, † въ М. 1742; богатый наследникъ послѣ Сибирской службы отца, отчасти самъ честный, хотя и недостаточно дѣятельный канцлеръ Анны и Елизаветы — ⁴⁾ Сынъ Никиты Ивановича Яковъ приобрѣлъ много въ суружествѣ на Шереметевовъ, дочь боярина Федора Ивановича; потомъ, безъ сыновей, за его дочью перешло имѣніе Черкасскимъ, а наконецъ снова возвратилось къ Петру Борисовичу. Въ томъ случаѣ состоялось и смѣшеніе съ Кусковымъ Вяшилково, о дѣтскихъ фамильныхъ преданіяхъ еще поминанъ и сообщалъ намъ пріязненный Кн. В. Ѳ. Одоевскій.

и утѣшать отца сворачивая нѣкогда къ Никитѣ Ивановичу страстный охотникъ и всадникъ царь Алексѣй. Свадьба совершилась въ 1743 году: помынѣ рассказываютъ, какъ поѣздъ ея, прибывая въ Вешняки, конкомъ своимъ тянулся еще у Московскаго вала. Молодая графиня здѣсь провела свое дѣтство: чтобы связать мѣсто дорогихъ для ней воспоминаній, отъ любимаго ея Вешнякова до Кускова предприняты и котанулись первыя великозвѣныя постройки и блестящія улучшения ⁵⁾.

Глядя со стороны Кускова, между нимъ и Вешняковнымъ, въ право отъ соединяющей дороги, разбитъ былъ вѣковой лѣсъ на просѣки и аллеи, съ посадкою деревьевъ и съ особымъ зданіемъ „Руинъ“ по срединѣ ⁶⁾.—Въ лѣво, среди вкупъ засаженныхъ по роцѣ липъ, изъ которыхъ многія сдѣлались теперь уже вѣковыми, раскинулся громадный „Звѣринецъ“, занимавшій, съ жильемъ служителей по краямъ и веротами, 1.383 сажени вокругъ, обнесенный весь оградомъ, съ прекрасною въ центрѣ каменною круглою бесѣдкою, украшенною колоннами: жилище всевозможныхъ дилекъ животныхъ и искусственное поприще для большой охоты, подѣ смотрѣніемъ особыхъ звѣринщиковъ ⁷⁾.—Еще лѣвѣе его, поднялся смежный, построенный обширнымъ замкомъ, „Копюшенный дворъ“ со „Скотнымъ“ и „Псарнымъ“, или „Охотничьимъ“, гдѣ жили со своими сворами псаря и ловчіе ⁸⁾.—Все это про-

⁵⁾ Достопримѣчательности Кускова описаны были въ печати много разъ (въ „Моск. Вѣдом.“ старшихъ годовъ, „Отеч. Зап.“, „Свѣ Цвѣтахъ“, „Вѣстникъ Европы“, въ Путеводителяхъ по Москвѣ и окрестностямъ, въ сочиненіяхъ Долгорукова, Воейкова, у С. М. Любецкаго и отдѣльными книжками): но или отрывками, или по слухамъ, или по памяти безъ надлежащей точности, а отъ того со множествомъ ошибокъ и путаницы. Въ краткомъ нашемъ очеркѣ точность добыта съ большимъ трудомъ изъ документовъ и разысканія на мѣстѣ.—⁶⁾ Лѣсъ нинѣ совсѣмъ заброшенъ и заросъ. Остатки прежняго, съ подростками и лугами, истребляются пастбищемъ, отданнымъ въ наймы подѣ гурти воловъ, приближающихся съ сосѣдней Рязанско-Козловской дороги: это бытъ молодого лѣса, гуляющихъ дачниковъ и шестнижъ частныхъ стадъ, непрерывно отъ того поражаемыхъ болѣзнями.—Руина построена въ 1786 году „на подобіе развалинагося строенія изъ двѣхъ пирамидъ;“ она стояла долго и разобрана не такъ давно, когда камень понадобился, чтобы починить въ Вешняковѣ ограду и кое-какія постройки при церкви.—⁷⁾ Звѣринщиковъ состояло всегда двое; по штату 1788—89 г. положено было содержать: оленей Нѣмецкихъ 20, Американскихъ 100, волковъ Сибирскихъ черныхъ 12, собакъ Американскихъ 6, зайцевъ безъ счету; въ 1799 г. было уже оленей Нѣм. 9, Америк. 146; потомъ съ каждымъ годомъ менѣе, пока въ 1809 г. много извели и распродали, съ 1810—11 отдавали уже Звѣринецъ подѣ нѣмощь, а нинѣ, безъ слѣда зданій и ограды, подвергся онъ одинаковой участи съ прочими роцями.—⁸⁾ Копюшенный на 98 столѣтъ, Скотный и Псарный построены въ одно время съ Руиной: уцѣлѣлъ лишь полуразрушенный первый. Копюшевъ было 11, нощѣ меньше. Псарей и ловчихъ въ концѣ XVIII вѣка то больше, то меньше.

странство, сверхъ соединительной проѣзжей дороги, прорѣзано было особенною „просѣкой,“ черезъ которую видно было Курсову все Вешняково. Лицомъ къ сему послѣднему и къ просѣкѣ, въ протяженіи поперечномъ, рукою знаменитаго архитектора Валии, воздвигнутъ былъ, на каменныхъ сводахъ и подвалахъ, деревянный двухъ-этажный „Домъ,“ великодушный по тому времени, прочный, прекрасный и удобнѣйшій доселѣ, *третій* по порядку помянутыхъ нами зданій, извѣстный съ тѣхъ поръ подъ именемъ „Большаго:“ полный какъ чаша всѣмъ, столь извѣстнымъ имуществомъ знатныхъ богачей изъ XVIII вѣка, въ томъ числѣ Гобеленовыми работами, древнимъ оружіемъ, бібліотекою, картинною и преимущественно портретною галлереей (о которой скажемъ ниже), бюстами, вазами и т. д. ⁴⁾. По бокамъ его уцѣлѣла еще желѣзная рѣшетка, сдѣланная по рисунку, который во время пребыванія здѣсь на досугѣ набросала Екатерина.—На лѣво отъ дома, и въ одно время съ нимъ, построена вторая, послѣ первой домовою, каменная „Церковь“ во имя Спаса (перваго, августа 1-го), куда изъ старой перенесена главная утварь и поступило нѣсколько драгоценностей ⁵⁾.—

⁴⁾ Благодаря удивительной прочности и достоинству матеріала, домъ доселѣ, кромя незначительныхъ мелочей внутри, таковъ точно, какъ за сто почти лѣтъ. Верхній этажъ собственно — антресоли; подвалы назывались „Фряжскими погребами,“ съ Фряжскими винами. Послѣднихъ, въ томъ числѣ оцель старихъ, рѣдкихъ и дорогихъ, при перевозкѣ въ Москву 1810 года, нашлось 1023 бутылки и посудины. Но любопытно, что въ опекунскомъ реестрѣ оказались по наличности совсѣмъ другія, болѣе простые и дешевыя вина, даже наливки и воды, вѣсто числившихся дорогихъ по прежнимъ бумагамъ. Тутъ же, въ подвалахъ, была часть провинцій и содержались кладовья, между прочимъ пушки — трофеи Бориса Петровича, употреблявшіяся послѣ для стрѣльбы по праздникамъ и увеселеній.— Библіотека была довольно велика, на разныхъ языкахъ, и теперь болѣе не существуетъ на лицо; въ ней стояли бюсты Вольтера, Руссо, Франклина, множество фигурокъ, зрительныя и слуховыя трубки, географическія карты, камеръ-обскура и т. п. Когда, въ 1810 г. книги всѣ отправлены были въ Московскій Воздвиженскій домъ, ихъ оказалось 40 сундуковъ съ 11,668 номерами. Старшимъ бібліотекаремъ при нихъ былъ *Вас. Воробьевскій*, оставившій намъ „Литцескіе переводы“ — „Оружейная“ или „Кригсъ-камера“ содержала 572 №№, въ 1817 г. отправленныхъ въ Останкино: между ними сѣдло Карла, отбитое при Полтавѣ и подаренное герою битвы Петромъ. Подлѣ дома кухня и уничтоженная нинѣ „Оффиціанская“ съ „Гостиннымъ флагомъ“.—

⁵⁾ Между прочимъ крестъ, бывшій постоянно на груди фельдмаршала, теперь сдѣланный въ ручку для употребленія Переправлена въ 1801 и 1818 году. Зимняя же домовая передѣлана въ 1830 г. и расписана живописцемъ *Мисайлоу Лавиженковымъ*. Въ дрѣвчѣ состояли — старшіе: священникъ *Александръ Федоровъ*, а потомъ *Петръ Матвеевъ* и *Дмитрій Ивановъ*; дячокъ *Петръ Васильевъ*, потомъ *Григорій Яковлевъ* и *Федоръ Христофоровъ*; дячекъ *Иванъ Павловъ*, потомъ *Иванъ Бюровъ*; пономарь *Дмитрій, Илья* и *Иванъ Васильевичи*; просвиря *Анна Федорова*. Жиды они сначала за Скотнымъ прудомъ

Передъ лицомъ дома, между нимъ и помянутою просѣкою, съ которою открывался видъ на Вешняково, воспользовавшись болотистой мѣстностью, вырыли громадный „Прудъ,“ съ теченіемъ времени обратившійся въ озеро, съ трубами и каналами, отъ которыхъ зависятъ три пруда ниже въ лѣво, пруды и каналы въ саду. Какъ всѣ работы по Кускову, обычаемъ Шереметевыхъ, щедро оплачивались, такъ и для этой, весьма тяжелой, употребили силы бѣдняковъ, дабы дать имъ средства въ годъ 1770 года. Вообще прудовъ, прорѣзавшихъ и орошавшихъ Кусково, до 17-ти: главный превосходилъ ихъ затѣями украшенія. Тамъ, гдѣ онъ къ Вешнякову вдавался въ просѣку узкою полоскою, при входѣ въ сію послѣднюю съ обѣихъ сторонъ поставлены два каменныхъ „Обелиска,“ а при концѣ полосы на берегу устроена была превосходная „бесѣдка съ каскадами“ поднятой воды; по среднѣмъ пруда островъ съ другою „Китайскою“ бесѣдкою; по берегамъ,—противъ дома „шить на подобіе руины,“ а по бокамъ его искусственныя „рыбачьи хижины“ съ развѣшанными снастями ловли; на поверхности пруда, сверхъ разнаго вида лодокъ, большая раззолоченная „Яхта“ съ пушками, „Китайское судно,“ „Баржа“ и „Шлюпка,“ доставленная изъ Петербурга и т. п., а для нихъ особые матросы и гребцы; по праздникамъ мелькали здѣсь ночные огни и горѣли блестящія фейерверки; внутри—рѣдкое обиліе саженной рыбы *).—Между тѣмъ, вырытая съ прудоваго ложа земля перенесена за домъ, по другую его сторону, и пошла на уравниеніе или планировку нѣсколькихъ десятинъ подъ садъ и подъ дальнѣйшія сооруженія въ немъ. Вместе съ тѣмъ мы сами теперь оборачиваемся на другую сторону Большаго дома и смотримъ съ задняго его фасада, гдѣ устроена терраса.—„Садъ“, открывавшійся съ нея взору, вплоть до означеннаго выше оранжерейнаго зданія (какъ и доселѣ), разбитъ

на углу Старой Слободки, потомъ, послѣ артистовъ, въ ихъ корпусахъ по линіи Большой дороги. Нишъ церковь приходитъ въ ветхость и штукатурка обваливается. — *) „Обелиски“ поставлены въ 1786 году, тогда же „шитурина“ и тогда же устройство яхты (отдѣлана архитекторомъ А. Мироновымъ). Матросовъ, состоявшихъ при яхтѣ и сначала напимавшихся для обученія другихъ съ Сухаревой башни, было трое, въ шкиперскихъ кафтанахъ и суконныхъ шароварахъ, кофейнаго или вишневаго цвѣта, съ бѣлыми пуговицами, для работъ камзолы и шаровари парусинные, шляпы круглыя поарковныя съ желтыми жентами, галстуки кумачные, кушаки стамедовые, башмаки, чулки гарусные или бумажные; гребцовъ 13, въ кафтанахъ и штанахъ суконныхъ желтыхъ съ бѣлыми пуговицами или въ камлотовыхъ полосатыхъ камзолахъ, кафтаны и шляпы съ серебрянымъ позументомъ, малиновыя ленты, башмаки, чулки, пряжки, подвязки. Изъ пруда вывута была разъ раковина съ жемчугомъ; рыба столько, что за разъ, на примѣръ, снастями вылавливалось до 2000 карасей. Нишче главный прудъ уже начинаетъ заростать травой; бесѣдки съ каскадами; руины и рыбачьихъ хижинъ нѣтъ, нѣтъ ничего и на острову; яхта со шляпками и лодками сгнила въ сараяхъ; рыба часто дохнетъ; стоитъ нѣсколько безобразныхъ, вѣлураарушенныхъ кулаевъ.

былъ, на квадратѣ въ 200 сажень, во французскомъ вкусѣ, съ открытыми клумбами разнообразнаго рисунка для дорогихъ цвѣтовъ, по бокамъ со шпалерами подстриженныхъ липъ и березъ, образованныхъ аллей, а за ними послѣдними, за листовницей и кедрами, съ рядами елей, тополей, рябины, черемухи, сосенъ и т. д., чѣмъ дальше отъ середины къ краямъ, тѣмъ гуще. Онъ дѣлился на двѣ неравныя половины, поперегъ разгороженныхъ узористою рѣшеткой ⁷⁾, и названъ садомъ „Большимъ“ (въ отличіе отъ „Маллаго“, старшаго, о которомъ ниже). Въ самой срединѣ сада помещался прудъ, вышій зарощенный лугомъ; дорожки, перекрестки и переходы украшались множествомъ мраморныхъ статуй, подаренныхъ Екатериною и дополненныхъ другими простѣйшими, алебастровыми на гранитѣ, своей Московской работы ⁸⁾. Садовая кайма шпалеръ и аллей отдѣлялась отъ крайней чащи другихъ саженыхъ деревьевъ, съ права, съ лѣва и впереди (за оранжереей) ровомъ или довольно глубокимъ каналомъ съ проведенною отъ прудовъ чистою водою: на высокомъ берегу канала, кончавшемъ края сада, съ трехъ же сторонъ обнесена была высокая ограда въ каменныхъ столбахъ ⁹⁾.—Красивѣйшія зданія, воздвигнутыя въ одно время съ Большимъ домомъ, пришлись *внутри* этого воднаго обвода, среди аллей. То были: *на право* отъ домовой террасы, каменный такъ называемый „Гротъ“, выложенный внутри разнообразными морскими раковинами, съ тилическими статуями приморскихъ жителей, въ томъ числѣ и нашихъ, съ рѣдкостями въ родѣ маюпта и т. п. ¹⁰⁾; съ боку его, между нимъ и Итальянскимъ домомъ, прудъ съ особенно-рѣдкою рыбою, ходившею по зову, а на берегу, на пригоркѣ, мраморная статуя Сирены надъ фонтаномъ ¹¹⁾; далѣе „Итальянскій домъ“, предназначенный собственно для наглядниковъ Итальянскаго искусства, преимущественно дорогихъ картинъ,—передъ нимъ статуи, фонтаны, цвѣтники ¹²⁾; тутъ же, правая сторона обводнаго канала служила для плаванія рѣдкихъ птицъ, особенно лебедей, съ ихъ жилищемъ на высо-

⁷⁾ Рисунка Екатерины, тою самою, что послѣ перенесена къ Большому дому (ср. выше). — ⁸⁾ По видимому ради невысокаго ихъ достоинства: предназначались прежде для садовъ Потербургскихъ, ихъ до 70-ти. Гипсовые бюсты въ 1785 г. дѣлалъ Мартинъ Андреевичъ. — ⁹⁾ Стѣды ея столбовъ видны доселѣ. —

¹⁰⁾ Полъ въ залѣ изъ Орлеанскаго мрамора, въ кабинетахъ—синяго и бѣлаго мрамора; 12 статуй деревянныхъ съ перламутромъ и раковинами; столы со мраморными досками. При нѣкоторой порчѣ и ветхости, сохранился доселѣ, хотя въ пыли и грязи. — ¹¹⁾ Порядочная рыба есть доселѣ; статуя Сирены снята. — ¹²⁾ Вышность дома обезображена, внутри теперь жилые покои, съ мебелью Петровскаго времени, картины и рѣдкости вынесены. Прежде вездѣ, кромѣ картинъ и статуй, былъ мраморъ, золото, хрусталь, бисеръ, рѣзба по дереву, штофъ, атласъ, живописные плафоны и фрески. Повреждены послѣ отдачи въ наѣмы и когда жила здѣсь Н. П. Щ. Особый садикъ передъ домомъ былъ огороженъ: въ немъ бассейны и фонтаны (въѣзд изъ Водовзводной башни, ср. ниже), мраморныя вазы, статуи, пирамиды, отлитыя утки и т. п.

комъ берегу, что къ оградѣ,—такъ называемая „Менажеря“ (Ménagerie) или „Менажеря“, пять изящныхъ каменныхъ домиковъ съ окнами и воротцами, рѣшетками и колоннами ¹²⁾; наконецъ, всего дальше, на перекресткѣ аллей въ правомъ углу, круглая деревянная зеленая бесѣдка, вершина куполомъ съ 8-ю окошками, служившая и именованная сначала „Бельведвромъ“ ¹³⁾.—Настоящій же „Бельведеръ“, каменный, сооруженъ немного снустя, въ крайнемъ углу сада съ той же правой стороны: иначе „Круглая всѣдка“, а позднѣе „Обсерваторія“ ¹⁴⁾.—*На льво* отъ террасы, прежде всего, по сю сторону прудика, соединеннаго съ главнымъ прудомъ посредствомъ пролива, стояла деревянная „Сквозная, Раскрытая, Столбовая (т. е. съ колоннами) всѣдка“ или Разрѣзная Галлерейя,“ съ двумя кабинетами по бокамъ; а напротивъ, по другую сторону прудика, при садовой загородкѣ на валу, стояла такая же каменная въ родѣ триумфальныхъ воротъ, служившая для подъѣзда къ саду со стороны Москвы: она отличалась необычайною красотою и величавостью постройки, въ верху съ Діанною на скалѣ и нѣсколькими статуями; съ боку ея помѣщался подъемный мостъ черезъ проливъ на дорогу къ подъѣзду Большаго дома ¹⁾.—На третьемъ берегу прудика, съ третнимъ спускомъ для катанья и уженья, стоялъ помпанный двухъ-этажный „Голландскій домъ“, весь выложенный внутри изразцами или плитками самаго разнообразнаго рисунка, съ мраморнымъ поломъ, украшенный по стѣнамъ множествомъ картинъ съ Голландскими видами, Фламандской школы и Итальянской, рисовавшей природу или домашній бытъ (Итальянскій домъ напротивъ вмѣщалъ

¹²⁾ Отъ Итальянскаго дома черезъ валь сюда вель мостикъ; кругомъ домиковъ ограда, рѣшетки позолочены; фронтоны съ позолоченною рѣзбою. Лебедей было до 20 и болѣе, при нихъ „лебединчикъ;“ журавли, Американскіе гуси, фазаны, утки красныя Американскія и кривоносыя Голландскія, куры Цесарскія и лучшія Русскія, позднѣе Шеликанъ, и при нихъ люди итшвики (старшій *Николай Соколовъ*). Теперь, кромѣ какой-то избушки, нѣтъ этому слѣдовъ, ровъ вездѣ сухой. — ¹³⁾ До постройки каменнаго (см. ниже). Въ потолокъ была люстра въ видѣ куста розонвъ; по стѣнамъ, обитымъ золоченою травчатой кожей, висѣли виды Кускова. Послѣ уничтожено. — ¹⁴⁾ Внутри расписной плафомъ, купидоны съ вазами, вокругъ зала четыре кабинета, изъ одного лѣстница въ верхъ, а съ верху четверо дверей на балконъ, чтобы любоваться видами (bel-veder'); снаружи площадка вокругъ съ вазами и амурами. Уцѣлѣлъ въ полуразрушенномъ видѣ.—¹⁾ Первая цѣла въ полуразрушенномъ состояніи: кабинеты ея, съ зеркалами и картинами, служили для ночлега гостямъ, а послѣ отдавались въ наемъ. Вторая цѣла еще была въ 1812 г., но послѣ совѣти исчезла и только удивляетъ насъ на картинахъ. Подъемный мостъ ея, черезъ проливъ, отвѣчалъ другому на противоположномъ концѣ, за церковью и кухней. И точно, эта триумфальная бесѣдка для подъѣзда сдѣлалась практичности не нужна. какъ скоро къ торжеству 1786 и 87 года (см. ниже устроенъ былъ новый подъѣздъ при Большомъ домѣ, прежде не существовавшій.

картины историческія, библейскія и евангельскія); при немъ отличная кухня, буфетъ, погребицы, а сзади дома Голландскій садикъ съ гюльпанами, съ гвоздикой, и хозяйственный огорождъ; видность дома, довольно грубая, хоть и оригинальная, выигрываетъ отъ красивыхъ пристроекъ по бокамъ, столбиковъ, рѣшотокъ, мостиковъ, снарядовъ для уженья, плаванья и катанья ²⁾.—Между этими пристройками, среди галлерей, стоялъ „Пагоденбургъ“, иначе называемый „Индійскою бесѣдкой“ ³⁾: сводъ потолка былъ расписанъ „небомъ“, по стѣнамъ лѣсные виды и особо большая картина, изображавшая Кусковскій проспектъ на Перово, съ профилемъ сего послѣдняго. Совсѣмъ исчезшіи нынѣ, онъ замѣненъ довольно безобразною „Китайскою бесѣдкой“, перенесенною изъ Англійскаго сада (см. ниже) и потерявшею свои старыя, Китайскія или Японскія, украшенія внутри. Сюда же принадлежали двѣ раскидныхъ „Палатки“, такъ называемыя „Персидская“ и „Китайская“, изъ дорогихъ восточныхъ тканей и съ восточными узорами ⁴⁾.—Отъ Голландскаго дома поворотъ, съ каменными столбами и рѣшотками, велъ къ устроенной въ аллеѣ „игра Малли (jeu de mail)“ ⁵⁾. Наконецъ, рядъ крупныхъ и дорогихъ зданій въ Большомъ саду, ближе къ среднимъ его отъ Голландскаго дома и дальше отъ террасы дома Большого, въ перекресткѣ липовыхъ аллей замыкалъ двухъ-этажный красивѣйшій „Эрмитажъ“, построенный въ Мавританскомъ вкусѣ тѣмъ же Валли, съ четырьмя выступами наружу, павильонами или по старому кабинетамъ, откуда съ балконовъ открывались вокругъ виды, съ бюстами въ наружныхъ нишахъ и статуей Ганимеда на кровлѣ. Украшенія его отвѣчали всей остальной роскоши, но превосходили ее изяществомъ: плафоны зала и кабинетовъ прекрасной живописи, зеркала на стѣнахъ и простѣнкахъ, нишестры и десюпорты, карнизы съ фризомъ и архитравомъ, и все это, въ цѣльныхъ рамахъ, на панеляхъ и дверяхъ или при особыхъ кронштейнахъ, отдѣлано дубомъ съ позолоченою

²⁾ При домѣ этомъ жилъ долго, въ особомъ жильѣ, особый хранитель Голландецъ; теперь, кромѣ разбитыхъ плитокъ, внутри не осталось никакой утвари; нѣтъ ни садика, ни огорода; но зрителя продолжаетъ илѣзать сводовъ и лѣстницъ, удобство и прочность постройки, къ сожалѣнію страдающей отъ сырости безъ вентиляціи, а особенно главный кабинетъ или залъ, весьма хорошо сохранившійся. — ³⁾ Не принимая объясненій Голландскихъ, думаемъ по этимъ даннымъ, что то была Индійская *Паода*, въ отличіе отъ Бельведера, послѣ того какъ онъ построенъ изъ камня. Къ сожалѣнію, нѣтъ соответственнаго рисунка и на картинахъ по бокамъ Голландскаго дома мы видимъ только украшавшія его пристройки, свѣтлаго цвѣта (самый домъ темнокрасный, кирпичный). — ⁴⁾ Онѣ хранились послѣ въ сараяхъ или пошли на обивку стѣнъ и мебели; отсюда-то, изъ сего рода бесѣдокъ и палатокъ, разсѣяно теперь въ Шереметевскихъ домахъ столько Китайскихъ, Японскихъ, Индійскихъ и Персидскихъ мелочей. Въ Москвѣ также былъ свой „Китайскій домъ“, дѣлавшійся украшеніямъ съ Кусковыми. — ⁵⁾ Нынѣ не осталось слѣда.

рѣзью. Скольکو привлекаетъ знатока эта, уцѣлѣвшая изъ всего про-
чаго, отдѣлка, столько нынѣшнихъ посѣтителей занимаетъ конечно обык-
новенная принадлежность тогдашнихъ „отшельнческихъ жилищъ,“ да-
вавшая возможность интимному кружку на верху обходиться безъ при-
служія вокругъ, — машина, поднимавшая съ низу диваны и столовый при-
боръ на 16 человекъ, по знаку проведенныхъ колокольчиковъ ⁴⁾.—Отъ
Эринтажа, параллельно серединѣ сада, упиравшагося въ Оранжевую,
шла, сохранившаяся понинѣ въ томъ же направленіи, большая аллея
къ выходу въ Англійскій садъ, на Сѣверъ. Здѣсь, во первыхъ, гдѣ нынче
круглой запущенный цвѣтникъ, помѣщалась, въ каменныхъ стѣнахъ,
„Карусель“ съ разными затѣйливыми играми ⁵⁾.—Далѣе, на томъ же
проспектѣ, деревянный „Бассейнъ,“ по срединѣ мраморная статуя Плу-
тона, вокругъ Минось, Евридика, Персефона, Орфей, 16 фонтанныхъ
трубокъ, скамьи и двѣ мраморныя собаки ⁶⁾. — Въ заключеніе передъ
самымъ выходомъ, гдѣ сѣдомъ остался теперь трехугольный выступъ
сухаго рва при оградѣ, „Пещера огнедышащаго дракона,“ стража
выходу и входу, а подлѣ, для маскированія входу, декорация руины и
деревьевъ, да два шалаша, покрытые мохомъ, въ одномъ капуцинтъ, въ
другомъ деревенская дѣвушка. Все это рано было сломано и перенесено
съ измѣненіемъ въ сосѣдство Дома Уединенія (о которомъ ниже), а по-
ближе къ сему послѣднему (ибо отъ Большаго дома далеко) устроены
были съ краю пещеры въ столбахъ „Фрижскій погревъ“ для винъ ⁷⁾.

Намъ остается теперь „Оранжевый домъ,“ старшее Кусковское
зданіе (см. выше), въ которое упирался разбитый средній Большой садъ
и за которымъ нынѣшніе ворота. Фасадомъ къ Сѣверу (обратно Боль-

⁴⁾ Уцѣлѣла внутреннія украшенія по стѣнамъ и попорченная машина; въ
верху при тарелкѣ графа помѣщалась шестерня, для движенія приборовъ
снизу и кругомъ стола. — ⁵⁾ Здѣсь былъ деревянный досчатый кругъ на ходу,
на кругу двѣ деревянныя лошади съ полнымъ уборомъ для ѣзды и двѣ одно-
колки; 6 рапиръ; 5 дротиковъ съ желѣзными наконечниками; 15 стрѣлъ съ
желѣзными конейцами; разныя кольца, мячи и столъ съ прорѣзнымъ кру-
гомъ, куда ихъ метали; одна кегля на 4-хъ столбахъ съ вислицы шаромъ,
другіе въ ящикѣ; фортуна, ящикъ съ жолобомъ для шаровъ и колокольчи-
комъ; на столбахъ цѣль—деревянная утка съ носомъ и крыльями желѣзными;
столбъ съ кругомъ, на кругу буквы; качели вислицы и круглыя на стол-
бахъ, и т. п. Теперь все уничтожено. — ⁶⁾ Нѣтъ слѣда. — ⁷⁾ Въ пещерѣ на-
ходился одинъ большой драконъ съ крыльями и два маленькихъ, „двѣ гадюки
ползающихъ,“ лѣтъ изъ холстныхъ, обвившійся вокругъ дерева, надъ вхо-
домъ надпись „Non furit, sed indomitus,“ Не ярится, но не укротимъ (послѣ
сдѣлали пещеру „львиною“, см. ниже); тутъ же была каменная плита съ ока-
мѣлыми жорскими раковинами, найденная близъ Кускова. — Подъ манеж-
номъ капуцина былъ кожаный черный стулъ, на столкѣ черныя плита и пе-
сочница, черныя глиняныя: когда послѣ, въ Англійскомъ саду, сдѣлали въ-
сто того Дюгена, народъ по памяти капуцина звалъ и зоветъ философа до-
селѣ „монахомъ.“ Дѣвушка держала блюдо съ грибами.

шому дому); отъ времянь Бориса Петровича оставалось оно въ такомъ видѣ: вытянутое въ длину, по серединѣ имѣло оно круглый залъ подъ куполомъ съ хорами, съ 4-мя дверьми на выходъ, съ нѣсколькими статуями внутри въ нишахъ, стоячими большими канделябрами и кожаной мебелью; изъ двухъ половинъ по обѣимъ сторонамъ, каждая въ два этажа; одна, на лѣво къ Карусели (см. выше), представляла два особыхъ покоя, или, какъ говорили тогда, „кабинета“, раздѣленныхъ кухней, съ висячими люстрами, камнями, нѣсколькими бюстами и самой простой мебелью, — это жилые покои; въ другой половинѣ, на право къ церкви, двѣ галлерей, — съ оружіемъ, съ картинами и рѣдкостями ¹⁰⁾. Когда молодой наслѣдникъ, устроившись съ дѣлами своими при началѣ правленія Елизаветы, сталъ чаще посѣщать подмосковную, онъ поправилъ въ 1742 году церковь во имя архангелова Чуда (6 сентября), помѣщавшуюся на правомъ концѣ здания, и по ранней архитектурной страсти своей началъ отдѣлывать покои. Женитьба вскорѣ дала ему лучшія средства: тогда, изъ наполнившихся галлерей, Голландскіе и тому подобныя старыя памятники съ картинами перенесены въ соответственный второй домъ 1749 г. (см. выше), портреты помѣщены въ первой „Портретной“ сего имени кладовой или галлерей надъ церковью, а оружіе поступило позднѣе въ Кригс-Камеру при Большомъ домѣ. Въ одно время съ постройкою сего послѣдняго, въ 70-хъ годахъ, обращенная къ нему вся задняя половина, состоявшая изъ одного высокаго этажа, передѣлаца въ Оранжерею, стеклами на Югъ, въ садъ. Сѣверная половина, уменьшившаяся вдвое, тѣсна стала для жилыхъ покоевъ: здѣсь позднѣе назначено жилье главнымъ садовникомъ, а въ опустѣвшихъ галлерейхъ устроена „Кордегардія“ для прочихъ садовниковъ съ учениками. Тамъ возникла „Большая Оранжерея“, смѣнившая старую, что въ Маломъ саду за Управительскимъ домомъ (см. ниже; тамъ было 5 деревянныхъ оранжерей и 2 грунтовыхъ сараевъ): теперь въ Большой помѣстилось самое рѣдкое и цѣнное, доставшееся особенно отъ Черкасскихъ, между прочимъ безцѣнный лавровыя и померанцовыя деревья, громадной величины и нѣсколькихъ сотъ лѣтъ; съ боку къ Слободкѣ раскинулось со временемъ еще нѣсколько оранжерей, теплицъ и грунтовыхъ сараевъ, доселѣ замѣчательныхъ, а въ старину снабжавшихъ всѣ окрестныя помѣстья и самую Москву. Въ промежуткѣ ихъ оставались старшія людскія, кухни, погреба, кладовыя. Такое устройство постепенно совершалось въ пер-

¹⁰⁾ Въ залѣ образъ св. Іоанна Предтечи, 4 гипсовыхъ статуй, 4 пальмовыхъ дерева съ визолоченными грубками для свѣчъ; въ кабинетахъ висятъ „паннакандида“ съ кустомъ розеновъ, 11 гипсовыхъ бюстовъ, 2 трюмо съ составными зеркалами, занавѣсы, виды Кускова, о которыхъ ниже. Корпусъ въ жилыхъ покояхъ часто послѣ переправлялся, и каждый разъ къ худшему, пока для живущихъ здѣсь дачниковъ сдѣлался источникомъ ревматизма.

выхъ 70-хъ годахъ, въ концу ихъ почти окончилось и въ частностяхъ за ново исправлено къ 1786 году ¹¹⁾).

Сооруженія, сей часъ нами описанныя, при всей порчѣ, во вѣдѣнномъ видѣ своемъ большою частію сохранились доселѣ на лицо, благодаря относительной прочности матеріала, не поддававшася времени и управителямъ: отчасти на картинахъ и рисункахъ, а еще болѣе въ описяхъ,

¹¹⁾ Церковь, послѣ постройки Спасской, обращена въ домовую и зимнюю; здѣсь былъ прежде грудной крестъ, тѣльничъ фельдмаршала. Кладовая надъ ней, превращенная въ первую Портретную галерею, вмѣщала тогда 26 портретовъ, на половину фамильныхъ, нѣсколько эстамповъ и Кусковскихъ видовъ. — Старшіе главные садовники были: *Петръ Ракъ* съ 1786; *Іоанъ Шредеръ* съ 1798; Англичанинъ *Романъ Кернсъ* съ 1808; *Романъ Маннерсъ*; за имя нѣсколько Русскихъ, съ которыми начались злоупотребленія; снова иностранцы *Детмерсъ* и *Гмюске*, и снова Русскіе, запустившіе дѣло. Садовыхъ подмастерьевъ въ старину 4, учениковъ 13 и болѣе, изъ нихъ многіе женаты съ семействами. Вешняково при Черкасскихъ и особенно Останкино имѣло свои богатѣйшія оранжереи, откуда и перешли главныя рѣдкости, постепенно разраставшіеся и пополнявшіеся. Такихъ лавровыхъ и померанцовыхъ деревьевъ, по древности и величинѣ, нѣтъ въ Россіи, а только на югѣ Европы при знатнѣйшихъ палацахъ и въ образцовыхъ садахъ; но и кромѣ нихъ много драгоцѣннаго: только наши ученые Московскіе ботаники не знаютъ этого, не видятъ и не изслѣдуютъ. По старшимъ описямъ, лавровыхъ „съ мѣтрою“ было 23, безъ мѣри 13, молодыхъ отъ 9 до 17; лимонныхъ болѣе 130; померанцовыхъ до 80, нѣкоторые огромной величины; апельсиновыхъ 21; абрикосовыхъ до 70 (и до 100), персиковыхъ до 80 кромѣ молодыхъ (а съ ними до 225); фиговыхъ 40, мелкихъ до 80 (почти всѣ пропали); яблонныхъ болѣе 100; грушевыхъ до 200 сверхъ дачковъ; вишневыхъ столько же; сливныхъ около 150, кромѣ молодыхъ; миндальныхъ, виноградныхъ (въ грунтѣ 33, въ горшкахъ 135), лавровишневыхъ, лотусы, гранатовыхъ, арабскихъ, оливковыхъ, каштаны, бананы, олеандры; ананасныхъ плантовъ 95⁰; ягодныхъ кустовъ всякаго рода безъ счету; цвѣтовъ до 120 видовъ, нѣкоторые въ нѣсколькихъ видахъ, однихъ розоновъ до 300 кустовъ. Въ случаяхъ болѣзни или порчи дерева наряжалось слѣдствіе или съѣзжался совѣтъ изъ окрестныхъ лучшихъ садовниковъ, отъ которыхъ отбирался мнѣніе и голоса. Употреблялось, дарилось и продавалось фруктовъ и ягодъ возами; отсюда заводились сады другіе, учались и выходили садовники въ Москву и по окрестностямъ. Это важный періодъ для исторіи ботаники и садоводства въ Россіи (не тронутый доселѣ наукою и печатью). Цокортля все невнимательностью и алчность онекуновъ по смерти Николая Петровича и въ малолѣтство Дмитрія Николаевича; нѣтъ одинъ Богъ хранить и одинъ вѣдаетъ плоды столѣтій, все еще по виду насъ удивляющіе. —

Переведя Деляева „Сады“, А. Воейковъ вставилъ сюда описаніе нѣкоторыхъ Русскихъ, между прочимъ:

Примѣръ Двора озаиченъ вельможамъ, богачамъ,
Во всѣхъ родилась страсть извѣстная къ садамъ:
Въ Архангельскомъ саду, чертоги и аллеи,
Какбы твореніе могущей вѣдой Феи,

хотя и отрывочных ¹²⁾). Обыкновенно думали и увѣрили до сихъ поръ, что все это, созданное съ помощью средствъ Барвары Алексѣевны, дѣлалось именно для нея и она тѣмъ утѣшалась: точно, задумано было для нея, въ счастливые годы жизни съ нею, но исполнено было графомъ, когда она давно уже была въ могилѣ, именно съ 70-хъ годовъ и далѣе. Петръ Борисовичъ все это выполнилъ не для кого либо, даже, скажемъ, не для себя самого и не для посѣтителей, а ради одного искусства. Но видя наконецъ задуманное въ счастливомъ исполненіи и самое дѣло какъ бы завершившимся, а между тѣмъ безъ подруги жизни, унесенной въ могилу, вдовецъ графъ успѣлъ втѣмъ скоро наскутить. Другой бы опустилъ руки, продолжалъ бы только пользоваться или кончилъ бы смертію: предприимчивый безъ усталости, графъ такъ сказать перекинулся на другую сторону и съ тѣмъ вмѣстѣ перевелъ насъ къ Сѣверу, за садъ и оранжерею.

Все, чтó мы кратко очертимъ въ слѣдъ за симъ, начато непосредственно послѣ помянутыхъ сооруженій, но нѣсколько позднѣе, а отдѣлялось еще медленнѣе: то-есть съ конца 70-хъ годовъ, а въ отдѣлкѣ

За диво бы почли и въ Англіи самой.

Село Кусково, гдѣ бояринъ жилъ большой,

Любимый Русское старинно хлѣбосоольство,

Народныя праздники и по трудахъ сподойство. —

По случаю праздника (см. ниже), въ 1786 г. оранжерейный корпусъ прѣвращенъ былъ на время въ вокзалъ, а залъ его въ танцевальный.

¹²⁾ Кромѣ стѣнныхъ видовъ Кускова, большею частію поврежденныхъ и исчезшихъ, есть нѣсколько прекрасныхъ масляныхъ картинъ, хотя также монореченныхъ; 13 гравюръ, къ сожалѣнію не сохранившихся, сдѣланныхъ „мастеромъ *Михаиломъ Магасеи*“, который самъ воспитался въ Кусковѣ, съ Русскимъ и Французскимъ текстомъ (впоследствии онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ *Махова*); прекрасная инкрустація на столѣ (въ Большомъ домѣ) съ видомъ Кускова; видъ, вырѣзанный на столѣ изъ дерева (почти исчезъ, ибо на немъ умывались и дерево разодрано); планъ, составленный и отпечатанный геодезистомъ *Александромъ Ивановымъ*, жившимъ въ Кусковѣ (см. ниже) и т. п. Всѣ они берутъ время *Петра Борисовича*, большею частію 70-хъ годовъ: есть еще „Круглая деревянная Бесѣдка“ въ саду, вторая „Сквозная“, пристройки при домѣ Голландскомъ, Карусель, бесѣдка „съ Касками“, планъ Англійскаго сада и Лабиринта, видъ „Портретной галлерей“ и т. п., но нѣтъ еще „Дома уединенія“, ни сооруженій вокругъ него, ни даже Театра, а тѣмъ болѣе позднѣйшихъ зданій. — „Описаніе“ мы разухбемъ письменныя (о печатныхъ выше), которыми мы занимались, разбирая послѣднимъ лѣтомъ Архивъ Кускова, помѣщенный въ Театрѣ. — До сихъ поръ мы шли въ виду сооруженія, ограниченнаго пространствомъ Большаго Сада и его окрестностей: они, кромѣ Большаго дома, почти всѣ каменныя и этому много помогала „Кирпичный заводъ“, нарочно для сего устроенный П. Бичемъ въ Вешняковѣ и продолжавшій дѣйствовать до конца вѣка. Напротивъ слѣдующія за симъ постройки, въ Гай, около его, во слободахъ и въ саду Большомъ были уже по большей части деревянныя.

при началѣ 80-хъ, не за долго до смерти графа и даже при его снѣхъ. Именно, отъ фасада Оранжерей и Большаго сада на Сѣверъ (къ теперешней желѣзной дорогѣ), распланировано было обширное лѣсистое мѣсто, съ посадкою новыхъ деревьевъ, съ дорожками и аллеями, въ двухъ большихъ половинахъ. Лѣвая (глядя на Сѣверъ) или Западная, къ Гирееву и Тетерькамъ, разбита въ „Англійскій Сады“, съ тѣнистыми аллеями среди природной чащи; глубина его называлась и называется „Галемъ“, имя, которое вѣроятно унесъ къ себѣ еще Борисъ Петровичъ изъ любимой Малороссіи и которое равно дорого было сыну, тамъ родившемуся. Средняя дорожка, аллеей, приходилась прямо противъ того входа въ Большой садъ, гдѣ мы видѣли Драконову пещеру и за тѣмъ Эрмитажъ: при концѣ ея, подлѣ перекрестка съ другими дорожками, раньше прочихъ построекъ воздвигнута была „Портретная галлерея (вторая)“, куда, вслѣдствіе пополненій, перенесены портреты изъ кладовой надъ церковью. Это было четверугольное, продолговатое и довольно высокое деревянное зданіе съ деревянною крышей. Стояло оно къ помянутой аллеѣ поперекъ, входъ былъ изъ аллей наискось въ средину, такъ что приходился почти противъ дорожки, съ которой видѣны были Эрмитажъ; на оборотъ, отъ Эрмитажа прямо, вышедши изъ Большаго сада, по аллеѣ Англійскаго входили въ переднія сѣни Галлерей. На право и на лѣво, на оконечностяхъ длины, стояло по кабинету съ извѣстными убранствами; по бокамъ у дверей праваго были портреты Бориса Петровича и супруги, у лѣваго портреты Алексѣя Михайловича и Марьи Юрьевны Черкасскихъ. Въ срединѣ зданія, въ залѣ, по четыремъ стѣнамъ, обитымъ холстиною и выбѣленнымъ, сверху до низу въ три ряда, а также въ простѣнкахъ у дверей, висѣли портреты, почти всѣ въ рѣзныхъ золоченыхъ рамахъ; съ извѣстною системою развѣщенія, въ огромномъ уже количествѣ — *ста двадцати восьми*. Когда послѣ, безъ поддержки, зданіе обветшало и крыша стала протекать, портреты, почти того же количества, въ первыхъ 10-хъ годахъ сего столѣтія перенесены въ Большой домъ, а зданіе срыто ¹⁾.—Правая или Восточная половина всего расчищеннаго и об-

¹⁾ Гай теперь весь заросъ и въ немъ пасется стадо; зданія же здѣшнія всѣ, и ниже перечисленныя, не поддержанныя въ теченіе онекуинства надъ Дмитриемъ Николаевичемъ, опали и разобраны; пинче отъ нихъ лишь сѣдмъ фундаментовъ, по мѣстамъ разбросанные камни; да на мѣстѣ ихъ кучи кирпичей и бурьяна; аллей и кое-гдѣ англійскія дорожки еще замѣтны.—Кабинеты Галлерей были расписаны, съ покойными каванами. Залъ былъ убранъ очень дроско. Кромѣ портретовъ, между окнами и дверьми въ простѣнкахъ было 4 историческія картины „батайл“, по угламъ гипсовыя кулидоны. Изъ портретовъ, въ первыхъ 8-хъ рядахъ, начиная съ Грознаго, царевенныя фамиліи, Русскія, потомъ иностранныя намъ родственныя, 47; помянутыхъ 4 родоначальницъ; въ одномъ кабинетѣ особю Ромедановской, въ другомъ особю же десаръ Юшфъ І.; далье передовые Русскіе дѣятели XVIII вѣка (адъмъ А. А. Матвѣевъ и Сумароковъ, княгиня Н. П. Голицына и герцогиня В. Курляндъ

саженного пространства, на Востокъ отъ Англійскаго Сада къ Слободкѣ, обращена въ „Лабиринтъ,“ совершенно правильный четырехугольникъ, изъ подстригавшихся тѣнистыхъ березъ, со входомъ съ Запада (отъ Портретной галереи): дорожки среди березъ, сами по себѣ тѣнистыя и кромѣ того непроницаемыя отъ частыхъ кустовъ по бокамъ, представляли видъ цвѣтка, такъ что въ серединѣ былъ кругъ, а отъ него лепестки на подобіе округленной звѣзды; входившій долго могъ путаться ²⁾.—За Англійскимъ Садамъ и Лабиринтомъ все углубленіе на Сѣверъ (или собственный „Гай“) занято было тѣнистою рощей съ прудами: оно прорѣзывалось большимъ „Проспектомъ,“ который однимъ концемъ велъ къ Сѣверному выходу, а началомъ своимъ приходился противъ Оранжереи Большаго сада, какъ и доннѣ. Гдѣ рекрецировался Проспектъ идеею Поперечной, при самомъ Сѣверо-Западномъ углѣ Лабиринта, не много поглубже чынѣшней безобразной деревянной лавочки, отдаваемой по найму, въ слѣдъ за Портретною Галереей построены, *четвертый по счету* (см. выше), барскій „Домъ Уединенія,“ окончательно отдѣланный въ 1782—86 годахъ. Сюда ушелъ, какъ отшельникъ, Петръ Борисовичъ, покинувъ опостылѣвшій Большой Домъ и Садъ: здѣсь отчасти повторилъ, въ новомъ видѣ, прежнія сооруженія, отчасти, увлекшись, въ изобиліи создалъ новыя, еще болѣе затѣйливыя. Въ прежнихъ массивность, прочность, дороговизна, великолѣпіе, иностранныя образцы, вѣковѣчные памятники искусства, обширность для публичныхъ приемовъ: здѣсь разсчитанное тщельничество, намѣренная простота, уютность и удобство, мелкіе узоры, вкусъ болѣе Русскій. „Домъ Уединенія“ или, иначе, „во уединеніи,“ повторилъ собою — только по Русски — прежній Эрмитажъ. Онъ былъ четверугольный, продолговатый, деревянный, на каменномъ фундаментѣ, съ тесовою крышею; фасадъ на Сѣверъ, одинаково со старымъ Оранжерейнымъ домомъ, отворотившись отъ Дома Большаго; 3 крыльца съ сѣнями: съ передняго буфетъ, проходная, гостиная съ каменною,

ская), 21 + 3 + 3 + 5 + 5; за тѣмъ 3 Русскихъ дамы и Прокоповичъ, 4; владѣтели и владѣтельницы иностранныя, 18 + 3; царь Алексѣй Михайловичъ (портретъ второй, въ латахъ, и потому вѣроятно онъ попалъ сюда), Грузинскій Ираклій и Королева Прусская, 3; наконецъ нѣсколько королей и королевъ, особенно Польскихъ, да папа Климентъ XIV, 4 + 4 + 2. Въ Кусковѣ есть еще нѣсколько дублетовъ симиъ портретамъ, тамъ и самъ разбросанныхъ; въ Большомъ же домѣ прибавилось нѣсколько еще, прежде тамъ бывшихъ, или вновь написанныхъ; равно какъ фамильныя Шереметевыхъ и изъ кладовой надъ церковью. Вообще эта исторія въ лицахъ, по выбору и исполненію, въ Кусковѣ одна изъ лучшихъ на всю Россію. — ³⁾ Въ 1810-хъ годахъ, при поминутыхъ обстоятельствахъ, нашли излишнимъ продолжать посадку, березки безъ ухода и подстрижки вытянулись въ вышину, кусты поломаны, дорожки затоптаны или измѣнены, и запущенный Лабиринтъ обратился въ приближаще вынѣшняго чаепитія, для гуляющихъ и особенно для богомольцевъ между Москвою и Косинымъ.

спальня, будуаръ; за тѣмъ спальня *Анны Николаевны*, весьма важнаго въ Кусковѣ лица, Калмычки, постоянно жившей съ графомъ, а послѣ переехавшей въ Большой Домъ (и тогда сдѣлана здѣсь уборная Николая Петровича, предкальная и контора или конторка для хозяйственныхъ дѣлъ; это отдѣленіе съ середняго крыльца); наконецъ, соединенная коридоромъ, собственно женская половина, по видимому строенная въ память Варвары Алексѣевны,—спальня (послѣ обращенная въ гостиную и биліардную), узкая проходная, уборная и наугольная гостиная. Всего 12 — 13 комнатъ, убранныхъ не столько роскошно, сколько комфортно и хозяйственно; вокругъ лужокъ, рѣсотка въ столбахъ и противъ хоромъ на каменномъ столбѣ солнечные часы. Домъ началъ ветшать съ 1810-хъ годовъ, его нанмали для лѣтней дачи, между прочимъ столь извѣстная *Клизивета Семеновна Сандунова*, въ 1812 году, прельщенная преданіями старинны и Кусковского театра; а послѣ, чтобы не поправлять, былъ онъ сломанъ и оставилъ намъ одни слѣды фундамента ²⁾.—Отсюда-то Петръ Борисовичъ постепенно раскинулъ свои затѣи вплоть до крайней Сѣверной границы рощи. Во первыхъ, на поперечной аллеѣ, что шла отъ Дома Уединенія къ Галлерей и кончалась Западнымъ выходомъ изъ Гая, въ направленіи къ „Тетерской рощѣ“ и къ Москвѣ, по сторонамъ воротъ, которыми въѣзжали гости къ Дому Уединенія, для лучшаго вида ихъ взорамъ, поставлены были на столбахъ три большихъ „Декорации“ изъ тесу, гдѣ разными красками изображены были красивые ландшафты и строенія (какъ дѣлывалъ Потемкинъ для проѣзда Екатерины). За воротами, внѣ

²⁾ Въ 1й, мужской половинѣ, находились: барометръ, столики карточные и шахматные, образа Бориса и Гляба (Борисъ Петровичъ) и Ап. Петра (ангелъ графа); у окна Анны Николаевны колокольчикъ для приваиванія голубей (см. ниже); въ конторѣ барометръ, бандура и 2 сундуки, календари 1782, 85 и 86 г., письменные приборы, шкафъ для книгъ, большою частію съ гравюрами въ ящикахъ и съ книгою „объ операхъ,“ подзорная трубка; въ половинѣ женской образъ Св. Варвары, роскошная спальная кровать, утварь для бѣлья, термометръ, комоды, картины „свадьбы;“ вообще въ домѣ много картинъ на мѣди, стеклѣ, атласѣ, а болѣе на бумагѣ съ пасторальными сюжетами или сельскими видами, статуетки, корабленик, чучела птицъ. Вещи перенесены послѣ въ „Новый домъ (см. ниже)“ или въ Останкино (съ 1795 г.). — Весною 1812 г. нанялъ было купецъ 1-й гильдіи Чертковъ, но отказался; за тѣмъ въ іюлѣ нанялъ М. Ѳ. Вестужевъ, за 500 р., и также отказался изъ опасенія сырости; уже въ іюлѣ явилась „двоярная актриса“ Сандунова и давала 350 р. ради упущеннаго времени: по опекуны, цѣня домъ „тысячъ въ 50 и болѣе,“ разсудили отказать „политическимъ образомъ,“ а въ самомъ дѣлѣ потому, что она жила съ мужемъ въ разводѣ, состояніе ея было неизвѣстно и опасались „неблагопрістойныхъ компаній.“ Судьба спасла Сандунову отъ послѣдующей встрѣчи здѣсь съ Французами, а ограбленный ими домъ былъ вскорѣ сломанъ (объ этомъ курьезѣ наша особая статья).

сада, помѣщенъ былъ большой деревянный „Скотный дворъ (впослѣдствіи перелесенный, когда отстроили каменный Конюшенный корпусъ ⁴⁾).“ Вокругъ самаго дома, кромѣ „лакейскаго флигеля,“ ближе всего была „Голубятня,“ въ столбахъ, деревянная, рѣшетчатая, шестиугольная, о 3-хъ этажахъ, съ бѣлою желѣзною крышею, а по угламъ колокольчики, на верху желѣзный шпиль съ кольцами и вызолоченный драконъ; при ней „Птичникъ“ плетеный изъ жестяной проволоки, въ верху шаръ съ рѣзнымъ золоченымъ ястребомъ: это было повтореніе Менажерей, съ дорогими птицами, домашними и пѣвчими ⁵⁾. — Тутъ же, въ право (глядя отъ дома на Сѣверъ) знаменитый „Санной Стогъ“—снаружи, а внутри его расписная бесѣдка съ плафономъ, съ 4-мя окнами, двумя стеклянными дверями, на стѣнахъ съ шестью зеркалами, вокругъ которыхъ кусты розановъ для свѣчей и тутъ же деревянные стѣнные часы, бой съ кукушкою, а по срединѣ большой круглый столъ ⁶⁾. — Влѣзь Стога „Костры“ или „Костеръ,“ расписанная на подобіе костра бесѣдка изъ бревень. — Далѣе „Открытый Воксалъ,“ для музыки и танцевъ, съ наугольными кабинетами, снаружи и внутри фонтаны и колокольчики, деревянный (вмѣсто каменнаго оранжерейнаго; равно сломанъ, ср. ниже). — При его выходѣ, но въ связи съ нимъ, такъ что воксалъ обращался въ зрительную залу, столъ старый „Театръ,“ заступившій мѣсто „Домашняго“ и въ свою очередь сломанный для „Новаго“ въ 1786 г. — Потомъ бесѣдка „Трефилъ,“ снаружи и внутри обитая равендукомъ, съ расписанными стеклами, на ней надпись: „Найти здѣсь спокойство,“ напротивъ ея живописная достата „Декорация,“ представлявшая домики, при ней ворота съ замкомъ и скобками (то и другое рано сломано). — „Бельведеръ трельяжный (вмѣсто стоявшіе въ Большомъ саду, ср. выше),“ рѣшетчатый деревянный, внутри винтовая лѣстница на верхъ, напротивъ двѣ башенки трельяжныя съ золочеными флюгерами и также достата „Декорация,“ съ видомъ бесѣдки, скамьи и воротъ по срединѣ (также рано сломаны). — „Философскій домикъ,“ надъ дверьми Французская и Русская надпись золотомъ; стѣны и потолокъ обиты березовою корою съ уборкою поадреватаго камня; травяные или дерновые диваны; внутренней буфетъ, на столѣ мраморныя книжки и накладки (прессъ-папье), полъ бѣлыми и синими плитками, двѣ статуйки — одна изъ нихъ Диана. — Возлѣ, изъ поадреватаго камня, „Львиная Пещера,“ повторившая известную намъ Дрикову, съ тою же самою надписью золотыми лите-

⁴⁾ Отъ Декорацій и Скотнаго двора теперь нѣтъ и слѣда. — ⁵⁾ Видно еще мѣсто въ деревьяхъ. Голубей козырныхъ и простыхъ состояло по 20 паръ; были „черные Турецкіе красноглазые; глинистые; бѣлые грибастые; бѣлые трубастые; бѣлые чернопокрытые“ и т. д.; изъ пѣвчихъ: чижей 70, зяблицы 30, щегловъ 70, чечетокъ 20, жаворонковъ 10; снегирей 10, снегирокъ 5; рानоловнхъ 30; овсянокъ 30; урковъ 20; влестовъ 5 и т. д. (1786 г.). — ⁶⁾ Преміе описатели почему-то сочинили, что здѣсь сидѣли „мужички, пыльная компания.“ см. ниже.

рами на мраморной доскѣ и съ мелкими фонтанами вокругъ: внутри изъ глины расписанный левъ. — Наконецъ, въ томъ же направленіи, ближе къ Восточному выходу за Лабиринтомъ, противъ Озерка (см. ниже), вмѣсто поманутаго капуцина, „Диогенъ:“ врытый въ землю дубовый чанъ со снимавшеяся крышкою, обложенный камнями (они уцѣлѣли до сихъ поръ), „внутри того чану (говорить опись) сидитъ философъ Диогенъ, сдѣланный изъ алебаstra и расписанъ подѣ цвѣтъ натуральнаго тѣла. На немъ обложено байла сѣрой два аршина; передъ нимъ поставлено двѣ чашечки муравленныя, внутри селенныя, а снаружи выкрашены мумією, горшочекъ муравленый (кувшинъ) и чашечка, дѣнга шнуровая въ кожаномъ переплетѣ; въ правой рукѣ держитъ перо (это и звать народъ, и доселѣ вспоминаетъ „монахомъ.“ — Въ Лабиринтѣ, на Восточной его сторонѣ, за Театромъ, вблизи посаженныхъ кедровъ, поднималась сдѣланная „на подобіе улитки“ гора, сохранившаяся доселѣ: въ верку, на шести точеныхъ столбахъ, стала бесѣдка, съ обитымъ холстиною и выбѣленными потолкамъ; внутри, на деревянной подставѣ, глиняная, съ металлической обдѣлкою, статуя особенно чтимой графомъ „Діанаи,“ съ лукомъ и колчаномъ стрѣлъ; подѣ нею лебедь, по сторонамъ подставы четыре головы животныхъ. — Въ самомъ Лабиринтѣ на центральной площадкѣ сооруженъ былъ „Храмъ Гвинны,“ съ 4-мя окнами, 3-мя дверями, до-половныи стеклянными; и простѣмъ основнымъ поломъ: внутри стояли только, въ знакъ молчалия, двѣ гипсовыя вазы, замкнутыя врыжками. — Такова была вся лѣнія сооруженій, шедшая вдоль помпунтой посеречной аллеи, мимо Портретной Галлерей и Дома Уединенія, отъ Западнаго до Восточнаго выхода, позади Англійскаго Сада и Лабиринта, отдѣляя сіи: ослѣдніе отъ Гаа или отъ той глубины роши, которая продолжалась на Сѣверъ.

Но и глубина высокой чаши скоро оживилась. По самой Сѣверной ея границѣ, на оконечности къ Гиреву, къ мому и Владычну, съ Запада на Востокъ тавъ среди болота бѣстрый „Ручей,“ который играетъ важную роль въ нашемъ дѣлѣ. Онъ былъ расчищенъ, углубленъ, обложенъ по берегамъ камнемъ и обращенъ въ вавъ называемую „Рѣчку,“ отъ Рѣчки сдѣланы ослѣды и каналы, между ними вырыты четыре довольно большихъ родоса: такъ возникли шевиль *четыре пруда*, уцѣлѣвшихъ доселѣ, соединенныхъ между собою извилистою рѣчкою, отлочно въ ту пору отдѣленныхъ, обставленныхъ и расукрашенныхъ, съ живописными берегами, островками, передающими мосточками, на мосточкахъ золоченныя перила, тамъ башенки, тутъ бесѣдки. Первый, съ Запада, „Локасийскій,“ потомъ, послѣ извилины протѣкавшей сквозь него рѣчки, „Длинный“ или „Безъимянный,“ дальшѣ „Крѣпкій,“ и на самомъ Востокѣ „Озерокъ,“ болѣе глубокой и природный: отъ Озерка Ручеекъ (или Рѣчка), поворачивая, входитъ подѣ мостъ, который, ведъ и ведетъ вонъ изъ Бускова къ деревнѣ Владычну и дальше къ Косину, — мѣстность столь же занятая для нашихъ „во-

просовъ ¹⁾. — Здѣсь-то, между прудами и между линіей означенныхъ сооружений, въ самой глубинѣ роши, возникла новая и послѣдняя черта затѣи Петра Борисовича. — Начиная съ Запада, къ Локаси-скому пруду спускалась маленькая, искусственная или образцовая деревенька, населенная впрочемъ особо помѣщавшимися здѣсь выборными крестьянами, по имени Основателя (Петра Борисовича) Деревня, или же иначе „Тентерева,“ названная такъ въ параллель лежавшихъ въ виду за лѣсомъ Тетерекъ (намъ уцѣлѣлъ лишь срубъ отъ колодца при деревенькѣ). — Немного выше ея, на пригоркѣ къ Портретной Галлерей, построенъ былъ въ 1785 году прекрасный домикъ „Лакасино“ или „Локасино,“ отличавшійся внутри и снаружи особеннымъ изяществомъ, какъ дорогая игрушка: деревянный въ столбахъ, покрытый тростникомъ; входная дверь съ Востока, дверь разрывная къ пруду и въ садъ; комната о двухъ окнахъ съ каминомъ, передняя, буфетъ, внизу погребъ, вверху свѣтелка. Долго еще въ нашемъ вѣкѣ любовались этимъ памятникомъ Кусковскіе жители ²⁾. — Нѣсколь-ко правѣе или Восточнѣе, подѣ Голубятнею къ пруду, поставлена была „Метрея (maître)“ или, какъ называли, Матерея, маленькій образцовый скотный дворъ подѣ надзоромъ самого графа, для рациональнаго хозяйства: со стороны Дома Уединенія обнесена была чугуниною рѣшеткой, надѣ воротами башня съ фальшивыми часами и колоколомъ. Здѣсь, на право со двора, рабочая или крестьянская изба; въ сѣняхъ 55 футляровъ съ чучелами птицъ и одинъ съ чучелами пѣтуховъ; въ просторной и рѣзной избѣ стоялъ столъ съ ковромъ, браные завѣсы, зѣркала и нѣсколько картинъ. На лѣво покой самого хозяина: въ сѣняхъ картины съ видами городовъ, дачь, охоты, пристаней, судовъ; комната съ каминомъ, выложена Голландскими плитамъ (вообще внутренность напоминала собою Голландскій домъ); кухня съ очагомъ; ска-тертная съ русскою печью, полная дорогой посуды, чашъ, корзинъ,

¹⁾ Ручеекъ теперь быстръ и силенъ только ниже моста, среди болота, подѣ лѣсочкомъ, что къ Косину; выше моста, гдѣ онъ спускался къ мосту изъ Озерка, его завалили, отчасти перерили, отчасти онъ заросъ травой, а отъ того и всѣ пруды лѣтомъ затягиваетъ, они зарастаютъ или нечисты; только весной, въ разливъ, Ручеекъ беретъ свое и пруды запасаются водою на весъ лѣто; еще же выше прудовъ, на Западѣ, вѣтъ Кускова, идеъ онъ ниже подѣ мостомъ желѣзной дороги Владимірской, а началомъ своимъ теряется подѣ Гиреевскою рошею и Тетерьками. — ²⁾ Теперь его нѣтъ. Приходило на мысль, что при прудахъ и озерахъ это было старое „le Casino,“ близъ лежащее Косино: на самомъ дѣлѣ это, съ Итальянскаго, казино, увеселительный домикъ, la Casina или lo Casino. — Стѣны были обиты Нѣмецкими обоями, потолокъ въ четверо холстиною, полъ крашеный и лощенный; зеркала, пятнадцать портретцевъ, маленькія картины, мраморные медальоны, мраморная статуя Юнони, мраморные — столики, шандалы, вазы, пирамидки; вездѣ легкая позолота; въ стеклянныхъ ящикахъ „Китайскій маскарадъ;“ стулья съ рѣшетчатыми раскрашенными спинками; узорчатая панеля, и т. п.

лотковъ, ставцовъ, грѣлокъ. Изба скотника убрана была также столарною работою; въ погребѣ полки съ фарфоровой посудой и разною утварью для молока. По сторонамъ два хлѣва, въ нихъ стояла съ лучшими коровами и быками; Американскіе и Китайскіе поросята; на дворѣ утки шипуны съ селезнями и отборныя Русскія куры; позади двора садикъ. Все это хозяйство рушилось со смертью Петра Борисовича. — Еще правѣ отъ Метрен, то спускаясь къ прудамъ, то соединяясь съ Діогеномъ, Трефилемъ и Трельяжемъ, шло еще нѣсколько подобныхъ построекъ, между прочимъ: „Кофийная,“ съ очагомъ о двухъ большихъ камфорахъ и Голландскою печью (рано перенесена и обращена во флигель для танцовщиковъ на слободѣ, см. ниже); „Рыбачій домикъ“ съ неводами, сѣтями, кошелями, вершами, удочками шелковыхъ лесъ, позади домика Мамонтовы кости; на плотинѣ, откуда съ Запада спускалась Рѣчка каскадомъ, стояла статуя „Венеры“ съ дельфиномъ (взята послѣ къ Итальянскому дому); на островѣ Круглаго пруда „Китайская Бесѣдка (см. выше)“ съ Китайскими фонарями, картинами, посудой, мебелью, занавѣсами; противъ бесѣдки къ мостику по обѣимъ сторонамъ два шеста съ разноцвѣтными флагами; на берегу, близъ дороги, отъ солнца „Китайскій парасоль,“ на деревянномъ столбѣ огромный зонтикъ, съ крашенымъ чехломъ и желѣзными прутьями, подъ нимъ канане, на шпиль колокольчики, и т. п. Наконецъ при самомъ мостѣ, что ко Владычню надъ Ручейкомъ, „Водовзводная башня,“ снаружи выкрашенная подъ кирпичъ, съ лѣстницею вверхъ, гдѣ стоялъ наполненный чанъ, снизу два насоса, на крышѣ золоченый флюгеръ: отсюда шли фонтанныя трубы ко „Львиной пещерѣ“ и „Китайской бесѣдкѣ,“ отсюда же, къ величайшему удивленію многочисленныхъ прохожихъ по мосту, особенно богомольцевъ, по желанію ихъ въ жары или для шутки сюрпризомъ и невзначай обрызгивали ихъ съ ногъ до головы мелкимъ дождемъ изъ брызгаловъ (рано сломана и отъ трубъ ея остался нынѣ колодезь близъ Театра; ей отвѣчала другая для Мыльни, на Восточной сторонѣ сада, о чемъ ниже).

Таково было все углубленіе на Сѣверѣ; но на Восточной окраинѣ Лабиринта и близъ дороги, гдѣ мы видѣли храмъ Діаны, не доходя его и Театра, стояло еще нѣсколько сооружений; изъ которыхъ замѣчательнѣе два „Шомьеръ (шашиѣте, хижина, крытая соломой),“ одинъ старый и другой — въ 80-хъ годахъ — новый. Первый по стѣнамъ былъ выложенъ мохомъ и фигурами изъ раковинъ, потолокъ въ листьяхъ и раковинахъ (то было отчасти повтореніе „Грота“), зеркала въ томъ же убранствѣ, скамьи на березовыхъ сучьяхъ въ видѣ иней; на столѣ, съ подстольемъ иня во мху, стоялъ столовый полный приборъ изъ перламутра, перламутровые — чайникъ, чайница, сахарница, шкатулка, чернилица и песочница, подносы съ чарками въ перламутрѣ; въ томъ же родѣ, цвѣтами и листьями, убранъ былъ буфетъ, выходящій дверью къ Слободѣ. Другой, болѣе новый, всего сильнѣе распространилъ басно-

словные рассказы о Кусковѣ, не столько убранствомъ, весьма простымъ, съ двумя стеклянными дверьми, четырьмя окнами, Русскими обоями и гравюрами по стѣнамъ, сколько своимъ круглымъ столомъ съ знаменитыми фигурами застольныхъ гостей, представлявшихъ разные характерные типы: къ сожалѣнiю, онъ еще въ первыхъ 90-хъ годахъ былъ обокраденъ, стѣны же сломаны очень не давно, гораздо позже другихъ памятниковъ Кускова ³⁾. — Памятники эти на Восточной сторонѣ

³⁾ Портной Иванъ Пучковъ и обойщикъ Нефедъ Никитичъ въ ночное время перебили куклы, отшибли нинимъ голову, другимъ руки, изломали хлѣбъ и колбасу, платье ободрали, похитили и продали въ Москвѣ; остальные довершили миши. Впрочемъ вслѣдствiе такого ранняго опустошенiя возникла ошибка описателей, относившихъ застольную группу къ Сѣвному Стогу и видѣвшихъ въ ней „мужичковъ,“ какими дѣйствительно казались изуродованныя фигуры, особенно передъ взоромъ простаго народа. Между тѣмъ старинная опись такъ рассказываетъ о группѣ въ первобытномъ видѣ: „Въ срединѣ онаго Шомьера поставленъ столъ круглый на 6 точеныхъ ножкахъ; на немъ доска бѣлая, выкрашена изъ масла, борть выкрашенъ ярью. На томъ столѣ поставлено 6 блюдечекъ овальныхъ и одна тарелка фаянсовая: на нихъ, на первомъ сдѣланная изъ воску жаркая курица; на второмъ изъ воску 5 лимоновъ соленыхъ; на третьемъ изъ воску 4 съ половиною яйца куриныхъ; на четвертомъ салатъ и три четверти яйца; на пятомъ три хлѣба французскихъ и половина колбасы; на шестомъ пять яблокъ, одна зеленая маковица и одна груша; на тарелкѣ 5 сливъ и 3 огурчика.... Вокругъ онаго стола 6 стуловъ березовыхъ рѣзныхъ, сидѣнья и спинки обиты золотой трачатой кожей, ветхiе. На нихъ сидятъ пять куколъ мужскихъ и одна женщина, головы и руки сдѣланы изъ воску.—Первая *Виллизъ*. На немъ кафтанъ и камзолъ перленевой, штаны черные саржевые, рубашка коротенькая бѣлая холстинная, манжеты миткалевия, галстукъ полотняной бѣлой, на чулкахъ кошелекъ черной тафтяной, на ногахъ чулки бѣлые шелковые штопаные, башмаки черные старые, пряжки шлифныя стальные, а башмачныя просметалныя бѣлыя.—Вторая *Господинъ безъ печали, веселой братъ*. На немъ шафорокъ набойчатой кофейной полосатой на набойчатой же пестрой подкладкѣ, камзолъ суконной фиолетоваго цвѣту и обложенъ мишурнымъ краснымъ гасомъ, рубашка коротенькая холстинная, манжеты бѣлыя кисейныя, на головѣ картузь зеленой клееношной, туля бѣлая тафтяная, по краямъ зеленая ленточка и пришитъ кругомъ узенькой желтой позументикъ, штаны черные саржевые, пряжки стальные, на ногахъ сапоги черные кожаные старые.—Третий *Французъ*. Въ правой рукѣ держитъ и читаетъ Французскiя газеты, на немъ кафтанъ шелковой матерiи съ полосками и черными крапинками, камзолъ шелковой же матерiи мелкополосатой, — бѣлыя, зеленая, оранжевая и съ черными пятнышками, и обложенъ шелковой же тесемочкою, маковица обтесанная и плетеная подъ цвѣтъ же матерiи, штаны черные шелковые канфоновыя, рубашка полотняная, манжеты шитыя кисейныя съ кружевомъ, галстукъ бѣлой кисейной съ кружевомъ, кошелекъ черной тафтяной старой, пряжки шлифныя мѣдныя, чулки шелковые бѣлые штопаные, башмаки черные кожаные новыя съ рытомъ, пряжки мѣдныя прорѣзныя посеребренныя.—Четвертый *Турка*. На немъ фуфайка стамедная бруснишная цвѣту на

отъ Лабиринта или, лучше, въ Юговосточномъ углу всего занимающаго насъ пространства, заключались самымъ достойнымъ — Театромъ.

Говоря о Кусковскомъ „Театрѣ“ вкратцѣ, нельзя умолчать того, что изъ Русскихъ частныхъ театровъ это былъ самый старшій и лучшій, не уступавшій Петербургскимъ придворнымъ и далеко превосходившій устройство тогдашняго Московскаго, содержавшагося Медоксомъ; послѣдній жаловался даже по начальству на отбой зрителей, и получилъ такое же форменное объясненіе графа, что „театръ у него бываетъ не ежедневно и притомъ входъ въ него бесплатный.“ Деревянный, вырубленный изъ цѣльныхъ, громадныхъ и отличныхъ брусевъ, а потому прочный доселѣ, превосходно расположенный внутри, по своей акустикѣ, во своей сценѣ и ложахъ въ три яруса, съ партеромъ, онъ объемомъ зрительной залы равнялся нынѣшнему Московскому Малому и Народному, но, разумѣется, удобствомъ, вкусомъ, изяществомъ и богатствомъ отдѣлки, блестящей до сихъ поръ, превышалъ и превышаетъ ихъ, вышедши изъ рукъ того же знаменитаго Валии (по его плану), обрисовавшись рисунками даровитаго Гонзаго и напоминая близко подобныя сооруженія Западной Европы. Начать онъ, по единогласному преданію, годъ спустя послѣ „барскаго дома“ (вѣроятно „Дома Уединенія“): но, такъ какъ, мы знаемъ, домовъ этихъ послѣдовательно воздвиглось нѣсколько, а отстраивались они медленно, притомъ и театръ былъ не одинъ, посему позднѣйшій и послѣдній, извѣстный нынѣ, отличался постоянно названіемъ „Новаго“ или „Новоустроеннаго.“ Сначала былъ „Домашній,“ потомъ „Старый,“ при Воксалѣ въ Газъ (см. выше), съ теченіемъ времени совсѣмъ сломанный, наконецъ „Новый,“ о построй-

холстинной бѣлой подкладкѣ и по борту обложено узенькимъ бѣлымъ мишурнымъ гасикомъ, камзолъ зеленой стамедной, около рукавовъ и на брюхѣ обложено широкимъ и узенькимъ бѣлымъ мишурнымъ гасомъ, кушакъ желтой стамедной, шаровари такіе же стамедные желтые, на ногахъ туфли желтыя сафьянныя новыя, на шеѣ галстукъ бѣлой миткалевой, на головѣ чалма розовая китайчатая и вокругъ оной обвито Голландскимъ бѣлымъ полотномъ и приткнутъ изъ бѣлыхъ перьевъ султанчикъ. — Пятая *докторъ Намбасъ*. На немъ кафтанъ суконной старой коришневаго цвѣту съ золотыми петлицами и съ мѣдными позолоченными пуговицами, вокругъ воротника обложено узенькимъ золотымъ позументикомъ, камзолъ суконной алой старой съ нашатырными золотомъ горючками и съ мѣдными золочеными пуговицами, штаны черные саржевые, пряжки просметалные бѣлые, рубашка коротенькая холстинная, манжеты бѣлыя филейныя, галстукъ бѣлой полотняной, комселекъ черной тафтой новей, чулки бѣлые шолковые штопаные, башмаки черные кожаные старше; пряжки оловянныя круглыя. — Шестая *Дамы*. На ней роброндъ и юбка пукетовая; по голубой землѣ разныя цвѣты и клѣточки, мантия бѣлая тафтяная съ кашнею, обшита шелковымъ кружевомъ, манжеты кисейныя бѣлыя съ кружевомъ, косиночка бѣлая золотая, на шеѣ ленточка алмазная тафтяная, въ ушахъ серьги мѣдныя съ бѣлыми хрустальными камушками (одна была вырвана помаянскими ворами), въ головѣ приткнутъ цвѣтокъ и бѣлая перушка.

въ котораго извѣстія начинаются съ 1784 года, но который съ полною отдѣлкою посѣлъ во всемъ убранствѣ лишь въ 1786 — 87 годамъ. Такимъ образомъ, въ новомъ видѣ онъ дѣйствовалъ весьма не долго, передъ кончиной Петра Воросовича и въ первые лишь годы Николая Петровича, особенно же причинамъ, которыя увидимъ ниже въ подробности, ибо онъ играетъ важную роль въ нашихъ вопросахъ. Громкую славу стяжалъ онъ у современниковъ и образованнѣйшихъ посѣтителей отличными исполненіемъ богатаго репертуара и счастливымъ выборомъ главныхъ исполнителей, которые повсе не были многочисленны, но за то хорошо поддержаны массою танцовщицъ, особенно же благоустроеннымъ оркестромъ музыкантовъ и хоромъ пѣвчихъ. Обиліе и красота декораций, гардероба, занавѣсовъ и прочей обетановки отзѣчались устройству существенному. Лѣтомъ, въ избранные дни, исполнители его и средства переходили въ другой Театръ „Воздушный“, помѣщавшійся подъ открытымъ небомъ въ Большомъ саду между Итальянскимъ домомъ и деревяннымъ Бельведеромъ, гдѣ и теперь уцѣлѣвшіе слѣды привлекаютъ вниманіе искуснымъ выборомъ мѣста для сцены и замѣчательною акустикой для стороны зрителей. Давались — нѣсколько Драмъ, съ десятокъ Комедій, до 20 Балетовъ и особенно Оперы, болѣе 40. Иныя мѣсы своимъ появленіемъ упрядали здѣсь Дворъ и Эрмитажъ, другія были единственными для своего времени, почти все было лучшимъ по исполненію!).

Остается нѣсколько словъ о сооружеиіяхъ и предметахъ „служебныхъ“, подчиненныхъ или служившихъ главному искусству, которое вдохновляло, и вкусу, который руководилъ графа въ неистощимой его дѣятельности. — Почетные и званіе гости, прибывавшіе въ Кусково тогдашніи, размѣщались по господскимъ домамъ и бесѣдкамъ разнаго рода: но были еще гости нужные для всякихъ дѣлъ и вольноприходящіе посѣтители. По построеніи Большаго дома немедленно въ близости его, около Церкви, поставленъ былъ для нихъ деревянный, огромный и богатый, „Гостинный флигель“ въ 17 оконъ, съ нѣсколькими на-

*) Театръ былъ равно запечатанъ, съ начала нашего столѣтія, а потому уцѣлѣлъ лучше, почти въ томъ самомъ наружномъ видѣ, въ какомъ дѣйствовалъ: онъ только мѣстами покосился и при незначительныхъ поправкахъ могъ бы быть пушенъ въ ходъ даже теперь; если же нынче опасенъ для посѣщенія, то это потому, что въ небреженіи, полъ продолжаетъ осѣдать, доски не закрыты, внизу подмостковъ вода, самая впрочемъ сердобольная изъ враговъ искусства и древности, ибо до сихъ поръ не успѣла подмытъ и сгноить строеніи. Было даже время, когда, лѣтъ 12 тому назадъ, въ залу сѣдомъ театръ поселились, говорятъ, мошенники цѣлою шайкою и едва были оттуда выгнаны: *res nullius cedit primo occupanti*. По крайности, принадлежности двѣдцатимя въ послѣдній годъ, при описи, нѣсколько прибранны. Дѣ съ сожалѣніемъ, меньше всего можно узнать объ его прошломъ въ Кусковѣ: архивъ, здѣсь хранящійся, замѣтно посѣщаемъ былъ какимъ ни будь театралемъ прежде (названа была и книжка — „Кусковскій перевозчикъ“), а можетъ статься, какъ увидимъ далѣе, очищенъ давно отъ щекотливыхъ подробно-

чани, Нѣмецкими обоями, занавѣсами, ширмами, зеркалами, мебелью, рѣзьбой. По удаленіи въ Домъ Уединенія къ простотѣ, флигель естественно былъ сломанъ (уже въ 1786 г.) и близъ новаго барскаго помещенія, въ Гаѣ, на мѣсто поманутаго Воксала, построенъ „Домикъ для пристанища хорошимъ людямъ,“ деревянный, въ одну просторную комнату съ сѣнями и кухней, прѣстой, но все еще красивый и удобный, съ зеркалами, карточнымъ столомъ и т. п. Между тѣмъ, онъ не всегда же бывалъ занятъ и еще болѣе нужны были подручные исполнители: такъ онъ обратился въ Домикъ „Прикащикій“ съ пристройками для официантовъ.—Съ другой стороны, при всей любезности хозяина, большинство гостей хлопотливо было держать возлѣ себя, а кромѣ того прибывало много богомольцевъ въ Косино, по дорогѣ туда и обратно: потому, вмѣсто прежняго пристанища, намскось отъ Театра и по другую сторону большой дороги, тамъ, гдѣ это зданіе существуетъ почти безъ перемѣнъ до нынѣ, въ замѣнъ старой маленькой по-

стей по приказанію самого хозяина: только все почти, касающееся Театра, отсюда вынута, такъ что даже въ оберткахъ „Описи Театру“ вставлены совсѣмъ другія бумаги. — Вали начерталъ только планъ; самъ Петръ Борисовичъ соображался еще съ планомъ и профилемъ стараго театра Московскаго: довершеніе было послѣ дѣломъ Гонзаго, равно какъ „своихъ“ художниковъ и мастеровъ, во главѣ которыхъ стоялъ архитекторъ Мироновъ.—Послѣ „Домашняго“ и „Стараго,“ что при Воксалѣ въ Гаѣ (см. выше; сломанъ 1785 г.), въ теперешней конструкціи Театръ документально извѣстенъ съ 1784-го, когда начать, доработанъ же снаружи и въ фундаментѣ 1786—87 года, частію и поздиѣ. Потолокъ былъ обитъ холстомъ и выбіленъ, съ него свѣшивалась люстра, по бокамъ большія жирандоля (статуетками) и шандалы для освѣщенія; обитъ бумажками; на авансценѣ между колоннъ четыре гипсовыхъ статуи; въ ложахъ пилсъ, на скамьяхъ алое сукно; простѣнки расписаны по холсту; медальонъ гипсовыи съ масками; много краски, хрустала, золота, но съ большимъ вкусомъ.—Расписанныхъ по холсту занавѣсовъ 8, одинъ цѣльный зеленый и одинъ малиновый канчатный; 194 живописныхъ декораций на холстѣ, главныхъ, до 52 подставныхъ (почти всѣ уничтожены цѣлкомъ) и 68 мелкихъ декоративныхъ аксессуаровъ—на холстѣ, на бумагѣ или изъ дерева; нѣсколько еще изорванныхъ издавна (въ сараѣ) и 30 „поддухъ“ или облаковъ; колеса, арматуры, бревна, гири и т. п.; одна классическая деревянная колесница съ золоченою рѣзьбой, любимица для насъ своимъ употребленіемъ.—„Кабинеты,“ уборныя и гардеробныя весьма удовлетворительны. — Много помогали здѣсь собственныи, изъ крѣпостныхъ, живописцы (каковъ, на примѣръ, при Петрѣ Б. извѣстный *Иванъ Леонтьевъ Аргуновъ*), маляры, обойщики, столары и т. п.—О полнотѣ и богатствѣ гардероба можно судить по тому, что въ 1810 году, при опекунахъ, по сдѣланной описи, „театральнаго платья“ парчеваго, бархатнаго, шелковаго, суконнаго, шерстянаго и бумажнаго, оказалось на лицо большихъ *семнадцати сундуковъ*; а когда опекуны, въ 1811 году, по обычаю присудили продать „излишнее, порченое и никуда не годное,“ нашлось изъ Театра платьевъ, уборовъ, обуви, военныхъ оружій, бунчуговъ, знаменъ, звѣриныхъ кожъ, андуръ, масокъ, разноцвѣтныхъ перьевъ, занавѣсовъ и т. п., *званій* съ 423

стройки выведенъ былъ вновь обширный деревянный „Гостинный флигель“ (второй этого имени и собственно третій по назначенію), въ двѣ большихъ половинны, правую и лѣвую, каждая снова раздѣлена продольнымъ коридоромъ на переднюю и заднюю часть, лицевыя окна на большую дорогу и къ Театру. Матеріалъ и пошибъ постройки указываютъ на одно время съ новымъ Театромъ, вѣроятно тотчасъ въ слѣдъ за нимъ. Внутри большое удобство, изразчатая печи кафлами, зеркала, подзоры, занавѣсы, красивые обои, покрытый холстомъ и выбѣленный потолокъ, тамбуры при дверяхъ, обильная—хотя и простая—мебель. Дѣленіе флигеля на двѣ половинны и четыре части давало возможность удовлетворять гостей и прохожихъ, но въ то же время пользоваться частью и „Прикащику;“ поелику же быстрое развитіе дѣлъ усложняло собою управленіе и требовало высшаго ранга, отсюда надъ Прикащикомъ явился „Управитель,“ и флигель постепенно перешелъ въ помѣщеніе его и „Канторы,“ подъ именемъ „Управительскаго“).“ Сзади флигеля нѣкоторое время оставались еще отъ эпохи

по 559 № (=186 №№), въ 76 сундукахъ, картонахъ и ящикахъ.—О развитіи музыкальной части для исполненія Оперъ свидѣтельствуеъ показаніе, что въ томъ же 1810 году изъ Кусова въ Москву отправлено было 3 сундука съ нотами, „113 папокъ съ симфоніями, увертюрами, Русскими партиціями, содатами, дуэтами, концертантами и тріо, коихъ числомъ 913 партій“.—Исполнители помѣщались въ особнхъ корпусахъ близъ Театра (см. ниже), „свои“ же иногда и по собственнымъ домамъ; пѣвчіе, родоначальники знаменитой Шереметевской капеллы, къ несчастію нинѣ распавшейся, изъ „своихъ,“ преимущественно Малороссовъ; пѣвцы—солдаты, музыканты, актеры и актрисы (тапцовщицы и танцовщицы особо)—изъ своихъ и приглашенныхъ за плату; въ старшихъ музыкантахъ было много иностранцевъ, главнѣе *Файеръ* и *Фациль* или *Фацусъ*, а изъ „своихъ“ Русскихъ *Дмитрій Трехваловъ*; позднѣе *Алексій Скориковъ*, *Осипъ Домоголовъ* и *Василій Зайцевъ*. Любопытно, что музыкантамъ иностранцамъ, особенно же актерамъ и актрисамъ, предпочтительнее предъ прочими сожителами и на равнѣ съ семейемъ графскою, отпускались изъ крудовъ къ столу „караси,“ иногда (напр. Русскимъ въ посты) въ большомъ количествѣ на весь корпусъ, такъ что, глядя на счеты, можно бы съ перваго раза подумать, не считалось ли это принадлежностью и лучшимъ питаніемъ жрецовъ сценическаго искусства.—Стражами Театра состояли—старшій „Гусарь (при П. Бор. *Иванъ Бѣлый*)“ съ шестью рабочими.—Отъ Воздушнаго театра уцѣлѣли—расчищенная сцена, мѣста для подставныхъ декораций, кулисы, оркестра и зрителей.—Прочія указанія прежнихъ описателей, о томъ, на примѣръ, что Театръ выстроенъ въ 1771 году, въ полгода, къ именинамъ графа и т. п., принадлежать воображенію—Этотъ важный эпизодъ для исторіи нашего искусства ждетъ особенной и обширной монографіи —¹⁾ Мы теперь понимаемъ, почему въ бумагахъ всѣ эти домики называются то Гостинными и Пристанницами, то Прикащичьими и Управительскими. При Петрѣ Борисовичѣ и даже послѣ долгое время, возвышенный изъ Прикащиковъ, Управителемъ или, иначе, „Главнымъ Командиромъ“ состоялъ Алексѣй Алексѣевичъ Агаповъ, по которому Управительскій

фельдмаршала пять старших оранжерей и два грунта, существовавшие здѣсь, подъ именемъ „Малаго Сада,“ при маленькомъ жилищѣ садовниковъ, до отдѣлки Оранжерей каменной при Саду Большомъ (см. выше; нынѣ уцѣлѣла какой-то глухой и заросшей чащей пустырь, окруженный полуразвалившейся оградой); самый же флигель, сохранившійся очень хорошо снаружи и внутри, дорогъ намъ воспоминаніями, о которыхъ ниже. Еще шагъ, послѣдній,—и вмѣсто флигеля, отомедшаго къ Управителю и его „Конторѣ,“ оказалось нужнымъ ставить еще „четвертое“ зданіе, самое уже простое, для прохожихъ богомольцевъ: по той же сторонѣ большой дороги, не много ближе къ Владыченскому мосту, при лѣсточкѣ, гдѣ нынѣ остались слѣдами рывины, насупротивъ затѣйливыхъ, но бесполезныхъ бездѣлушекъ отцовскихъ, добросердечный Николай Петровичъ поставилъ деревянный „Круглый покой для обогрѣванія гостинныхъ людей“ зимою, для отдыха лѣтомъ (такой же и тогда же сдѣлалъ онъ въ Останкинѣ).

Вмѣстѣ съ нимъ мы выбрались теперь на „Вольшую дорогу:“ она шла собственно съ Коломенской и Рязанской, сворачивая при Вешняковѣ на Кусково и Косино; Кусковымъ же тянулась по краю Зѣрища, а потомъ между прудами—Большимъ и тремя Нижнимъ, отсюда мимо Большаго сада, Театра и Лабиринта, пока, миновавъ Шюльбергъ и Водозводную Башню, вступала на Владыченскій мостъ, послѣ котораго или прямо вела во Владычно, или, главнымъ образомъ, для чего и была проторена, поворачивала на Косино въ 3¼ верстахъ отъ Кускова. Ею шли, какъ и теперь идутъ многія тысячи богомольцевъ (жѣзной Владимірки еще не было). Слѣдовательно, на Кусковской Шереметевской землѣ, Большая дорога соединяла два крайнихъ пункта: Вешняково и Владыченскій Мостъ; съ Моста видно было Вешняково, изъ Вешнякова видѣнъ былъ Мостъ, гдѣ, на границѣ Кускова и при началѣ земли Владыченской, стояли тогда, какъ и теперь подъ шлагбаумомъ, въѣздныя Кусковскіе „Воротъ.“ Эти двѣ оконечности прямой линіи пригодятся намъ послѣ для параллели: на одной, въ Вешняковѣ и изъ Вешнякова, вѣта богатая невѣста, рѣшившая судьбу воздвигнутаго къ славѣ Кускова; на другой, отъ Моста и Ручейка, взята бѣдная дѣвушка, судившая Кускову паденіе. — А пока, идя по Восточной

флигель донинѣ часто еще зовутъ „Агаповскимъ“.—Управитель съ теченіемъ времени, за графомъ, перебрався на лѣто въ Останкино, на зиму былъ въ Москвѣ и Петербургѣ; Прикащикъ (старшіе *Модестъ Балагановъ, Иванъ Арцуновъ, Алексій Бахтемировъ, Алексій Бизневъ, Петръ Александровъ* и др.), подобно какъ теперь, живя постоянно въ Кусковѣ, соединялъ распоряженіе близъ лежащими вотчинами, Вешняковымъ, Выхонью, Жулебиннымъ, Вязовками, Островцевою, иногда и Константиновскою волостью. При Кусковской Конторѣ его, въ томъ же флигелѣ, куда послѣ Управителя перебрався Прикащикъ, состоялъ „Пищикъ,“ иначе—позднѣе—„Подъячій,“ еще позднѣе „Повытчикъ,“ „Канцеляристъ,“ „Копистъ“ и „Конторщикъ (при Петрѣ Бор. *Петръ Козельской* и послѣ *Семенъ Кондыревъ*).“

сторонѣ Большой дороги отъ Моста, мы получаемъ во первыхъ помянутый Круглый Гостинный Покой, потомъ Управительскій флигель съ Конторою и Оффицантскими, далѣе еще рядъ нѣсколькихъ деревянныхъ флигелей, помѣщенныхъ насупротивъ Большаго Сада и сохранившихся большею частію доселѣ, но теперь отдаваемыхъ въ наймы дачникамъ или занятыхъ Кусковскими службами, а въ старину служившихъ искусству и наукѣ.—Именно, изъ флигелей, слѣдующихъ за Управительскимъ, первые два (съ колоннами) заняты были *Актерами и Актрисами*,— „Актерскіе.“ Третій и четвертый (длинный, со множествомъ оконъ) были „Павческій“ и „Музыкантскій.“ Пятый, болѣе просторный, флигель посвященъ былъ „Больница“⁴⁾. Послѣдній, самый нижній, къ прудамъ — „Школа,“ заведенная Петромъ Борисовичемъ, особенно поддержанная сыномъ его и полвѣка процвѣтавшая въ Кусковѣ, пока въ началѣ нашего столѣтія переведена въ Останкино⁵⁾. Въ связи съ нею, кромѣ обыкновеннаго мастерства, развивалось преимущественно искусство „Живописное,“ оставившее намъ нѣсколько выдающихся именъ, но послѣ также съ успѣхомъ пересаженное въ Останкино⁶⁾. При всѣхъ флигеляхъ находились садики, а сады ихъ, на Востоку, около „Скотнаго Пруда,“ стояла Слободка, именуемая нынѣ „Старою,“ съ домами церковнаго причта и дворами, изъ которыхъ нѣкоторые были довольно обширны и отдѣланы, съ своими садами и огородами. — Па-

⁴⁾ Здѣсь состоялъ Нѣмецъ (старшій штабъ-дѣлкаръ *Ростъ*, потомъ *Зандемъ*) и при немъ „дѣлкарскій ученикъ“ (*Петръ Герасимовъ*), „вслѣдствіи самостоятельный „поддѣлкаръ.“—⁵⁾ Школа состояла изъ трехъ комнатъ, 2 для классовъ и 1 для учителя; дѣлилась сначала на 3, потомъ на 2 класса; штатъ назначенъ П. Б.—чемъ въ 12 человекъ изъ дѣтей дворовыхъ, по 4 на классъ, а съ 1791 г. въ 24 человекъ, на лицо же бывало гораздо больше, до 30 слѣшкомъ, и изъ стороннихъ жителей; ученики, кромѣ полного содержанія, получали еще денежное (въ старшемъ 3-мъ классѣ по 3 р. на человекъ). Грамотѣ и письму обучалъ Дячекъ (старшій *Иванъ Павловъ*, потомъ *Петръ Наумовъ*); ариметикѣ Архитекторъ, имѣвшій и своихъ специальныхъ учениковъ (старшій, при Петрѣ Бор., *Алексій Мироновъ*); „Словесная наука“ долго преподавалъ особый учитель *Степанъ Носовъ*, изъ ружейниковъ, отличавшійся выпивкою, а позднѣе *Савинъ Фед. Рябининъ* (изъ крестьянъ) и *Ермолай Маткинъ*; была экзамены, давались аттестаты, представлялись барину списки и отчеты. При опекунахъ, въ концѣ 1810 года, школа уничтожена, принадлежности перешли въ Останкино къ первому тамшнему учителю *Михайловскому*, а шесть послѣднихъ Кусковскихъ учениковъ отданы въ Москву учиться Геодезіи.—⁶⁾ Изъ жившихъ, кромѣ помянутаго *Ивана Артунова* и сына его *Якова*, въ XVIII в. извѣстны *Кондратій Фунтусовъ*, *Семенъ Калининъ*, *Семенъ Михайловъ*, *Назаръ* и *Петръ Машковъ*, *Григорій Бурютинъ*, *Алексій Позднеевъ* и сынъ его *Истръ*, *Авдеево Балачеевъ* съ сыномъ *Петромъ* и ученикомъ *Никитой Васильевымъ*, *Никита Булбенковъ*, *Григорій Патокинъ*, и др.; въ Останкинѣ искусство началось съ *Семена Калинина* и ученика его *Николая Шемаева* (въ концѣ прошлаго и началѣ нашего вѣка), а продолжалось до современника нашего *Николая Иван. Поджючниковъ*: почти

параллельно Скотному пруду, по обѣ стороны Большой Дороги стояли разные сараи: два Театральныя съ декораціями, Каретные съ экипажами и сброей, большой Матеріальный, Ельникъ — одинъ съ мебелью, другой съ гребными судами и т. п.: часть ихъ со стороны Сада снесена прочь при Николаѣ Петровичѣ, когда на этой сторонѣ воздвиглась новая барская постройка (см. ниже). — Наконецъ, при поворотѣ съ Большой дороги на Юго-Востокъ къ Нижнимъ прудамъ, стояла „Кухнища“ (гдѣ и нынче), а за ней, прямо противъ подземнаго моста, замыкалъ все большой деревянный, „Старый Конюшенный дворъ,“ служившій до постройки каменнаго, да и при немъ еще „Черногавочью конюшняй.“

Къ Москвѣ, Владиміркѣ и Тетерькамъ (гдѣ нынѣ желѣзная дорога и усадьба Купріяловская) шелъ густой Кусковскій лѣсъ (впослѣдствіи Разумовскаго, Лукаша и прочихъ раздробившихся владѣльцевъ). Сквозь него, отъ Кусковского Большаго дома, сада, пруда и подземнаго моста велъ одинъ только громадный „Проспектъ,“ обсаженный деревьями и уцѣлѣвшій доселѣ большою дорогою: тамъ, гдѣ теперь Столбы и шлагбаумъ, на выѣздѣ съ Кусковской земли въ сторону Перова и Опекунова, при поворотѣ къ Тетерькамъ, стоялъ деревянный столбъ съ надписью, приглашавшею посѣтителей Кускова „веселиться, какъ кому угодно, въ Домѣ и въ Саду.“ И точно, благодаря радушію хозяевъ и рѣдкостямъ хозяйства, число посѣтителей гуляющихъ въ XVIII вѣкѣ доходило по праздникамъ до 50.000, званыхъ гостей до 2.000, да „своихъ“ всегдашнихъ жителей состояло въ Кусковѣ до 1.000. Съ начала нашего вѣка число посѣтителей и жителей уменьшилось значительно. Но быстрое сооруженіе недавнихъ желѣзныхъ дорогъ, при которомъ Кусково отлучилось въ углу между двумя — Владимірскою и Рязанскою; освобожденіе дворовыхъ, вслѣдствіе котораго создалась „Новая Слобода,“ въ сторону Гирсева и Тетерекъ; наконецъ послѣдніе годы жизни Дмитрія Николаевича, проведенные лѣтомъ въ Кусковѣ, — все это отчасти обновило, хотя и не воскресило, прежнюю жизнь Кускова ⁹⁾.

всѣ они были вмѣстѣ иконописцами. Кромѣ того приглашались живописцы и со стороны, напр. въ 1785 г. служитель кн. Голицыной *Александръ Петровъ*, расписавшій снаружи Лавасину, куполь въ Гротѣ, Бесѣдку въ Звѣрицѣ. — При живописцахъ состояли — Лѣшникъ (старшій *Иванъ Хожбинъ*), Мраморщикъ (*Григорій Страховъ*), Золотарь (*Петръ Рыбаковъ*), съ учениками: ученики при каждомъ мастерѣ поддерживали постоянное развитіе впередъ. — ⁹⁾ Въ эти послѣдніе годы, хотя не было уже прежнихъ званыхъ приемовъ и увеселеній, а въ саду становилось жутко отъ часовыхъ, остальная мѣстность пользовалась еще совершенною свободою для всѣхъ и каждого, изстари отличавшею владѣнія Шереметевыхъ: потому снова устремлялись сюда гуляющіе, а дачь настроялось громадное множество. — Что касается до жителей постоянныхъ и дворовыхъ, то, по штату Петра Борисовича, 1786 года, кромѣ упомянутыхъ нами выше, на примѣръ Главнаго Командира или Управителя, Прикащика съ конторою, Са¹

Естественно, что, при такомъ рѣдкомъ устройствѣ подмосковной, владѣлецъ дождался къ себѣ посѣтителей самыхъ знатныхъ и высокихъ по тому времени. Имѣя въ своемъ воспитаніи, характерѣ, взглядѣ, образѣ мыслей и дѣйствій весьма мало народнаго, а еще менѣе прямой связи съ народомъ, императрица Екатерина тѣмъ болѣе любила показываться народу и собственными очами видѣть возбужденіе его патриотическихъ чувствъ. Она не создала и не оставила по себѣ, подобно предшественницамъ, въ Москвѣ и подъ Москвою, какового ни будь постоянного мѣста, которое упрочило бы память ея имени въ народѣ, поддерживало бы обычай народа или вызвало его къ празднеству, гульбищу, пѣснѣ и пѣснотворчеству. Со стороны Петербургской дороги начала она Петровскій дворецъ, но и тотъ довершенъ въ подробностяхъ лишь впоследствии, а гульбища и увеселенія въ его саду никогда не шли дальше официальныхъ и ниже словъ привилегированныхъ. На протяженіи извѣстной намъ старой линіи подмосковныхъ, имерпо за Перервою и Коломенскимъ, въ сторонѣ, откуда приходилось государынѣ совершать торжественные вѣзды послѣ уснѣховъ на Югъ, начать былъ для нея дворецъ Царицынскій, въ мѣстности и обстановкѣ, обѣщавшей удачу,

довника, Архитектора, Лѣкаря, Церковнаго причта, Квартермистра, управлявшаго матросами и гребцами (старшій, при П. Бор., *Никита Емельяновъ*), художниковъ и артистовъ, Звѣринчиковъ, Ловчихъ и Псарей, Конюховъ, Лебедянщика и Птичниковъ, Скотниковъ и Скотницъ, Учителей, Живописца, Малара, Лѣпщика, Мраморщика, Золотара и т. д., — все это по большей части со своими подмастерьями или учениками, — состояли еще: для непрерывной громадной планировки или разбивки участковъ постоянный „Геодезистъ (старшій *Александръ Ивановъ*, оставившій намъ планъ Кускова, потомъ *Алексей Дубровинъ*)“; „Свисы“, т. е. Швейцары (народъ произносилъ и доселѣ называетъ „Свистъ“; „донъ служить свистомъ“), въ пышныхъ нарядахъ, въ кафтанѣ и камзолѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, въ поярковой или пуховой шляпѣ съ полументомъ, съ желтою перевязью, блестящими пуговицами, баса-нами, позументомъ и плисомъ въ отдѣлкѣ; особый состоялъ при Большомъ домѣ (главный, старшій, любимецъ графа, *Петръ Кузнецовъ*), особый при домѣ Голландскомъ, Итальянскомъ, Уединенія, при Мильнѣ и Бельведерѣ, при Портретной и Картинной галлерей, вообще въ главныхъ пунктахъ, гдѣ помещался или долго оставался владѣлецъ. Изъ нихъ при Голландскомъ — Голландецъ, а впоследствии Русскій, носившій это имя (уже при Петрѣ Бор. *Иванъ Бушуевъ*), ходилъ въ „шкиперскомъ“ платьѣ. Далѣ Ключникъ, прихорасодчикъ хлѣбныхъ запасовъ (въ Сушилѣ) и на погребѣ (*Павелъ Халдинъ*); Ружейникъ и „Ложный мастеръ“, Саесарь съ ученикомъ; Полощисъ; 6 Кузнецовъ; 2 Печника и ученикъ; 5 Столяровъ и 3 ученика; 3 Рѣщика; 2 Плотника; Колесникъ; Обойщикъ съ ученикомъ (прославившійся *Нефедъ Никитинъ*); Палльщикъ съ ученикомъ; 2 Токаря и ученикъ; Сапожникъ съ ученикомъ; Башмачникъ; Портныхъ 2 и ученикъ; Оконничниковъ 2 и ученикъ; Обручникъ; 2 Трубочиста; Басманниковъ и Квасниковъ по 2; Лѣсяниковъ 4; Приемщики матеріаловъ 2; Дворникъ на псарнѣ для присмотру; Дровяникъ и Угольщикъ; караульные и сторожа; мальчики въ постугахъ; Наряд-

среди прекрасных прудовъ и обильныхъ рощей, съ садомъ, цвѣтниками, между населеніемъ, отличающимся пѣвучестью и яркими особенностями напѣва: но предпріятіе не вызвало удовольствія императрицы и было брошено на половинѣ. Тѣмъ сильнѣе однако желала всегда Екатерина дарить народу торжества временныя, кстати или при случаѣ, разливая вокругъ себя мгновенный блескъ и поражающую милость. Если здѣсь не много выигрывалъ народъ съ его народностью, то за то поднималось чувство національное и, при свѣтѣ какого либо историческаго событія, составлявшаго предметъ празднику, при разсчитанномъ искусствѣ въ его устройствѣ и при пособіи воспѣвавшей литературы, спланивались связи или узы націи, ликующей по мановенію царской десницы и по указанію жезла государственнаго. Таковъ, въ семь родѣ, былъ „для нея“ устроенный „народный“ праздникъ во славу Турецкой войны, послѣ выгоднаго мира и въ честь героя Задунайскаго, извѣстный праздникъ на Ходыннѣ, среди лагеря и полковъ. Марта 22-го, бывши въ Москвѣ, а послѣ Ходынского торжества въ Августѣ 23-го числа 1775 года императрица, въ сопровожденіи двора и иностранцевъ, посѣтила Кусково. Устройство сего послѣдняго держалось тогда еще на первой своей половинѣ, далеко не было завершено и не представляло достаточной пищи празднеству: мы видѣли, что высокая гостыя сама еще чертила рисунки послѣдующихъ украшеній сада (на примѣръ рѣшетки). Она отиѣтила, чего Кускову недоставало, подарила саду статуи и—

чикъ на конюшнѣ (*Гаврило Новожиновъ*); 12 Гусаровъ, во главѣ съ „Гусарскимъ командиромъ (старшій *Василій Дубовъ* и потомъ долго *Павелъ Вильмъ*);“ „Метръ д-отель (старшій *Григорій Тереховъ*);“ „Кухеншрейберъ (*Смаиць*)“ и Повара (*Осинъ Андреевъ, Гаврило Жуковъ*); Мундшенкъ (*Седратъ Балаиавъ*); Кофешенкъ (*Харитонъ Градинъ*), Скороходы и т. д. Штатъ сей не „сокращался“, напротивъ, когда „обновлялся“ и со временемъ „прекратился“ (въ концѣ жизни Николая Петровича и при послѣдующихъ опекунахъ), „образовались“ „заштатные“, получавшіе содержаніе, особо пенсіонеры и особо въ богадѣльняхъ. По штату же шло всѣмъ симъ лицамъ жалованье деньгами и содержаніе мукою, крупами, печенымъ хлѣбомъ, солодомъ, квасомъ, поливомъ, мясомъ, рыбою, масломъ, квартирою, освѣщеніемъ, дровами, угольями, одеждою, да еще награды и въ извѣстную пору подарки. Всего при Петрѣ Борисовичѣ, около 1786 г. и послѣ до 90-хъ годовъ, ежегодныхъ штатныхъ расходовъ по Кускову составлялось слишкомъ на 16.000, а за исключеніемъ отсюда домашнихъ запасовъ, деньгами почти на 8.000. Это было свое особое княжество или герцогство: хозяинъ всегда назывался въ бумагахъ и словесно „Его сіятельство графъ *исударь*.“ У него были свои *табельные* дни, когда, подобно праздникамъ, никто у него не работалъ (на пр. 28-е Іюня — день рожденія сына и 29-е — именинъ хозяина). Онъ съ извѣстной стороны самъ входилъ въ „штатъ“ и Петръ Борисовичъ получалъ изъ своего „казначейства“ по 1.000 р. въ мѣсяцъ „на собственныя расходы“, обыкновенно серебряными рублями въ мѣшечкѣ. Кромѣ того въ Вешняковѣ поддерживались нѣкоторое время прежнія оранжерей, устроена обширная богадѣльня на мужчинъ и женщинъ, состоялъ смотритель, церковный причетъ, сторожа и т. д.

особенна—массы мрамора, зная очень хорошо, что при обработкѣ его конечно не забудутъ имени и дѣлнй десницы дарующей. Притомъ послѣднее посвященіе было лишь проѣздомъ: съ тою же свитой, да еще съ батальонами гвардіи, посѣтительница направилась изъ Кускова верстъ за десять, въ имѣнне, недавно предъ тѣмъ приобретенное Руманцевымъ, въ село *Троицкое*, чтобы продолжить тогдашній триумфъ героя въ его собственномъ домѣ и владѣніи. Блескъ встрѣтившаго и проводившаго императрицу тамошняго праздника конечно позабылся въ народѣ безъ слѣда; скоро уничтожаны были всѣ памятники, которые напоминали бы тамъ кратковременную жизнь цолководца (онъ уѣхалъ отсюда и скончался далеко); напротивъ яркія краски, рисующія бытъ его наслѣдниковъ, эти „Фенно“ и „Зенно“, названія, ко зидкому для насъ обычая данныя участкамъ въ память любимца и дочерей послѣдующаго владѣльца (Афиши, Зинаиды), а вмѣстѣ съ сими переходъ помѣстья изъ Руманцевскаго рода въ руки другихъ фамилій,— все это не могло прикрѣпить вниманія народнаго, ни заинтересовать памяти исторической въ массахъ самого народа. Тѣмъ не менѣе „Кайнарджи“, имя, подаренное здѣшнему дому и селу изъ устъ державной гостыи, „Кагуль“, которымъ модныя, прозвана близкая ферма, а малобольше мраморный памятникъ, воздвигнутый среди села въ честь Екатерины сыномъ Задунайскаго,— эти звуки, хотя бы мимѣ коверкались въ устахъ безумнаго народа, эти слѣды, хотя бы затирались колесами мужицкихъ телегъ, не помнящихъ давняго историческаго явленія, въ грубыхъ нуждахъ дня,— все-таки говорятъ образованному слуху и скоро, все-таки принадлежать исторіи, если даже и не дошла она до народа, не рассказывается и не воспѣвается его устами. Исторія эта ждетъ будущаго времени, когда съ нею познакомятся народъ черезъ нашу литературу. Такое же точно, безъ всякаго притязанія на смыслъ народный, наступило вскорѣ торжество въ Кусковѣ, приготовленное для той же государыни. Тодны, недавно глазѣвшія на разную диковину въ селѣ Троицкомъ, допущены были вдоль цоглазѣть на дѣловныя еще болѣе рѣдкія. Конецъ 1785 и начало 1786 года посвящены были въ Кусковѣ ревностному сооруженію „Обелисковъ“ изъ царскаго дарованнаго мрамора: подрядчики усердно строили, пріятливо, удѣблясь хитрымъ затѣямъ графа, весьма щедро платившаго къ спѣху. День коронаванія Екатерины, день рожденія сына и канунъ графскихъ именинъ, 28-е Іюня 86-го года назначено было для открытія уставленыхъ наконцевъ Обелисковъ.¹⁰⁾ Одинъ, помѣщенный въ глубинѣ Большаго Сада, тамъ, гдѣ нѣкогда перегораживала его рѣшетка по рису-

¹⁰⁾ Обелиски дѣлали „мраморныхъ дѣлъ мастеръ *Василій Пановъ* (онъ же вѣроятно и часть статуй или бюстовъ);“ помогалъ *Мартынъ Андреевичъ*.— А такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ и Театръ получалъ окончательную отдѣлку, то отсюда возникли помннутые рассказы, что онъ построенъ на скоро къ именинамъ графа.

ку императрицы, имѣлъ (и сохранилъ) на вершинѣ статую—якобы Минервы, но гораздо похожѣ фигуру самой государыни (вмѣсто шлема скорѣе Фригійскій колпакъ, символъ тогдашнихъ свободныхъ учрежденій), съ надписью о посвященіи 1775 года „въ память чего благодарность сей монументъ изъ пожертвованнаго Ея Величествомъ мрамора соорудила.“ Другой, близъ Большаго дома, пирамидальный, гласитъ, что „Екатерина II пожаловала графу П. Б. Шереметеву (мраморъ) въ 1785 году, во время бытности его губернскимъ предводителемъ Московскаго дворянства.“ Для открытія задуманъ и выполненъ былъ ирландскій со всѣмъ Шереметьевскимъ искусствомъ и богатствомъ: съ иллюминаціей, прозрачными картинками и пирамидами, отъ которыхъ горѣла вся окрестность, съ хорами пѣвчихъ и оркестрами музыкантовъ, съ танцующими въ Оранжереѣ, которая превращена была въ громадный воксалъ (см. выше), и т. п. Однако все это было лишь рассчитанною репетиціей: слухъ о затѣливомъ весельѣ дошелъ до Екатерины и, ровно черезъ годъ, отпраздновавши въ Москвѣ того же 28-го іюня двадцатипятилѣтіе своего царствованія, на третій день—іюня 30-го 1787 года,—въ 3 часа по полудни, императрица отправилась въ Кусково со всѣмъ дворомъ; блестящею свитою и великолѣпнымъ княземъ Тавриды. То было послѣднее званіе въ ряду триумфальныхъ торжествъ, начавшихся путешествіемъ въ Крымъ, продолжавшихся подъ Коломенскимъ, при Серпуховской заставѣ и въ Москвѣ.¹⁾ Тамъ, гдѣ некогда при Тетерькахъ, со стороны Перова, остановился шагъ Елизаветы, Екатерина ступила дальше на Кусковскую землю черезъ великолѣпную арку; при вѣздѣ къ саду, въ известной намъ развѣзной триумфальной Бесѣдѣ²⁾, убранный дорогами деревьями и цвѣтами, размѣщены были символическія картины, съ привѣтственными надписями³⁾, а сверху галлерей играла музыка; на Большомъ пруду съ многочисленными, убранными флагами, судами и съ береговъ гремѣли пушечные салюты; къ Большому дому вела галлерей живая,—здѣсь стояли цокарно жители и служители Кускова съ корзинами цвѣтовъ, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и вѣнкахъ разсыпали букеты по пути. Черезъ Большій садъ хозяйникъ повелъ государыню въ садъ Англійскій и Лабринтъ, гдѣ при вечернемъ солнцѣ показалъ свои прихотливыя сооруженія и рѣдкости, а отсюда пригласилъ въ Театръ, гдѣ давали оперу „Самнитскіе браки“ и въ заключеніе балетъ. Ревностная служительница сценическаго искусства оцѣнила достойно новый его храмъ, только что отдѣланный и заверченный⁴⁾; она допустила артистовъ къ рукѣ

¹⁾ Не знаяши ея, прежніе описатели увѣряли, что триумфальные ворота сооружены были нарочно вновь, среди проспекта. — ²⁾ Нѣкоторые изъ этихъ картинъ уцѣлѣли до сихъ поръ.—³⁾ Представленія предшествующія можно считать репетиціями: только съ этихъ поръ піисы вступили на свою настоящую дорогу, при окончательномъ устройствѣ Театра (см. выше). Впоследствии давали здѣсь собственныя произведенія императрицы, на примѣръ „Февей.“

и раздала имъ подарки; восторгъ отъ милости, столь рѣдкой тогда, былъ неопиcанъ и разлился по всему Кускову въ ходившихъ долго воспоминаіяхъ и разсказахъ. На возвратномъ пути изъ Театра Большой садъ весь уже блестялъ огнями; передъ Большимъ домомъ, на главномъ пруду, разнообразно иллюминированы были суда, катались посѣтели и ибсельники съ пѣснями; два обелиска,—колонны на противоположномъ берегу, извѣстныя намъ и къ тому же времени отдѣланныя, обращены были въ маяки; между ними съ вензелемъ государыни щитъ; вдали, при концѣ рукава къ Вешнякову, каскады воды изъ знакомой намъ бесѣдки сыпались разноцвѣтными огнями ⁴⁾. Подобно древней Ольгѣ, Екатерина пустила изъ рука голубя съ огнемъ: загорѣлся щитъ, начался громадный и дорогой фейерверкъ, безчисленныя толпы народа любовались, гуляя цѣлую ночь. Ужинъ былъ въ „Галереѣ,“ въ теченіе его пѣвчіе исполняли Екатерининскую канту („Слався симъ, Екатерина,“ см. выше). По дорогѣ, освѣщенной площадками, фонарями и смоляными бочками, государыня воротилась въ Москву къ утренней зорѣ. Разочаренный графъ повторилъ праздникъ и гулянье, уже больше для мѣстныхъ жителей, въ престольный праздникъ 1-го Августа или Перваго Спаса, потомъ 6-го Августа въ Спасъ Преображенъ: по совершеніи этого по видимому ничего больше не оставалось графу дѣлать, и онъ умеръ, заснувши сномъ праведника, 30-го ноября 1788 года ⁵⁾.

Образецъ Екатерининскаго вельможи-богача, ловкій, хотя не слишкомъ услужливый и довольно самостоятельный придворный; съ хитростью, блестявшею въ его—нѣсколько скошенныхъ—глазахъ; важный, но не надменный и со всѣми до низшихъ ласковый; не любившій головоломнаго труда, но очень крѣпкій природнымъ умомъ и образованный по Французски; членъ знати Европейской и вмѣстѣ хлѣбосольный Русскій баринъ; артистъ въ душѣ для всѣхъ искусствъ—строительнаго, скульптурнаго, живописнаго и сценическаго, съ отличными во всему вкусу—до изысканной гастрономіи и равно до тяжелыхъ дѣдовскихъ блюдъ; дѣятельный въ теченіи каждаго дня и готовый на всякую затѣю, хотя далеко не расточительный и весьма осторожный въ расходахъ; превосходный хозяинъ, устроившій систематическую экономію и строгіе штаты со смѣтами; наконецъ безстрастный, ничѣмъ безъ края не увлекавшійся и во всемъ способный успокоить душу свою; отчасти благочестивый, сколько требовало достоинство его сана, нравственный въ мѣру порядочнаго человѣка,—Петръ Борисовичъ провелъ долгій вѣкъ свой безмятежно. Оплакавъ раннюю смерть жены и нѣсколькихъ дѣтей ⁶⁾, онъ сохранилъ довольно энергію, чтобы послѣ нихъ обогат-

⁴⁾ Особенно иллюминирована была, на подобіе дорогихъ разноцвѣтныхъ камешевъ, триумфальная сквозная бесѣдка, которую описатели вторично сочли здѣсь новымъ сооруженіемъ.—⁵⁾ Похороненъ въ монастырѣ Новоспасскомъ.—

⁶⁾ Сынъ *Алексѣй* и дочь *Марья* скончались дѣтми 1748 г.; *Борисъ*—уже корнетомъ и 13-ти лѣтъ, 1768 г.; самая любимая *Анна Петровна*, блестя-

тить любимое Кусково всімъ диковинками свѣта, показать ихъ всему людскому свѣту, прославиться передъ свѣтомъ высшимъ, а уходя на другой свѣтъ, бросить спокойный взоръ надежды на единственнаго сына и наследника, графа Николая, въ цвѣтущемъ возрастѣ обѣщавшаго поддержать честь, богатый достатокъ и достоинство рода ¹⁷⁾.

Мы перечислили вкратцѣ только тѣ *памятники* Кускова, созданные ревностью Петра Борисовича, которые наиболѣе замѣчательны, не были прежде описаны или изображались невѣрно, исчезли въ настоящемъ и даже вовсе исчезли бы изъ памяти исторической безъ нашего изслѣдованія на мѣстѣ. Между тѣмъ всякой теперь видитъ, что они занимаютъ важную страницу въ исторіи искусствъ и цивилизаціи

щая флейрина при Екатеринѣ и невѣста Никиты Ивановича Панина, умерла внезапно (отъ оспы? Ср. записки гр. Блудовой), 24-хъ лѣтъ, въ 1768 году, на другой годъ послѣ матери: это обстоятельство и огорчило особенно отца, удалило его отъ службъ и — таяло дѣятельностью въ Кусковѣ (отъ уволенья 29 іюля 1768 г., а въ 1770 г. уже за постройками Большаго дома и зданій Большаго сада). Въ живыхъ оставилъ только Николай Петровичъ да *Варвара Петровна* (род. 1750 г.), вышедшая за *Алексея Кирилловича Разумовскаго* (1774 года) и унесшая съ собою въ приданое значительную часть имѣнья около Кускова: вотъ, кромѣ мѣстнаго сосѣдства и исторической связи черезъ Тетерьки, еще семейная связь Перова, Гиреева и Горенюкъ (конфискованныхъ послѣ Долгорукихъ и поступившихъ къ Разумовскому) съ Кусковымъ. — ¹⁷⁾ И. М. Долгорукій, родной внукъ Натальи Борисовны, такъ описывалъ и поминалъ Кусково:

Дворецъ роскошнаго вельможи,
Москвы любимый вертоградъ,
Гдѣ жизни день бывалъ дороже
Среди безчисленныхъ отрадъ,
Чѣмъ годъ въ иной странѣ прекрасной:
Тебѣ ли знать удѣлъ несчастный?
Земли лоскутикъ *) драгоцѣнный,
Кусково, милый уголокъ,
Эдема сколокъ сокращенный,
Въ которомъ самый тяжкій рокъ
Въ воскресный день позабывался
И всякой чѣмъ ни будь плѣнялся,
Восторги новыя всечасно
Мѣнялись тамъ какъ облака:
Кусково было всѣмъ запасно,
Проси хоть птичья молока.
Куда пять пальцевъ ни протянешь,
Вездѣ пріятности достанешь.
Свобода, мать увеселенья **).

*) Намекъ на производство имени отъ куска. --- **) Указаніе надписи на столбѣ при вѣзѣ въ Кусково.

вообще; тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ такъ жалуются до сихъ поръ на слишкомъ малое количество созданныхъ крупныхъ „цѣнностей.“ Безъ сихъ памятниковъ и безъ участія Шереметьевского рода исторія нашего XVIII вѣка не полна, теряетъ много жизни и красоты своей. Если же прибавимъ сюда историческое значеніе Шереметьевыхъ ~~на~~ Кускова, а съ другой стороны массу передовыхъ историческихъ нашихъ лицъ и событій; оставившихъ пронасть слѣдовъ своихъ въ Кусковѣ, то тамъ, то здѣсь, и доселѣ намятныхъ мѣстными жителями: тогда мы поймемъ, что на основѣ нашего, черезъ чуръ простаго, народнаго бытія всѣмъ этимъ слагалась известная историческая сфера, известная среди впечатлѣній, воззрѣній, воспоминаній и убѣжденій, въ которой народъ волею и неволею воспитывался, въ которой онъ жилъ и доселѣ живетъ исторически. Сверхъ самого Кускова, окрестности его, —

И роскошь съ нею за одно
Изобрѣтали наслажденія
Для тѣхъ, кому судьбой дано
Кидать сребра и злата кучи,
Какъ сыплютъ градъ небесны тучи.
Завали мягкія равнины,
Цвѣтами воздухъ не курятъ;
Лужайки, тропочки, долины
Мальчишки всадиной сорятъ;
Валатся стѣны залъ огромныхъ
И въ нихъ не слышно звуковъ стройныхъ... *)
Пустыня **) нѣтъ ужъ для капризу,
Въ которой множествомъ пружинъ
Могли на верхъ подняться съ низу
Безъ лѣстницъ гость и господинъ,
И молча требовать отсюда
Въ звонокъ на столъ различны блюда.
Изсакали мраморны фонтаны,
Нетуновъ сухъ водопроводъ ***)
И бризговъ челюсти мѣдiani
Не шлютъ столпомъ въ небесный сводъ:
Прохлады нѣтъ при солнцѣ яромъ
И зной полдня варить все варомъ.
Подохли карпы златоперы,
Которыхъ звонъ въ колокола ****)
Ссыпавъ на край пруда матерій:
Воина ихъ сизая несла,
Нырнуть на пристань, усь разломать

*) Это могло только относиться къ Воксалу, который замѣненъ новымъ Театромъ: прочее не валялось и не валится до сихъ поръ. —

) Эрмитажъ, отлично сохранившійся доселѣ. — *) Водовзводная башня, близъ Владыченскаго моста. — ****) Итальянскій прудъ при Гротѣ.

Измайловскій Звѣринецъ, Перово, Гиреево, Тетерьки, Вешняково, Троицкое, и т. д., живутъ до сихъ поръ памятью прошлаго и разказами. Торжества Петра Борисовича не заглушили воспоминаній о злополучной сестрѣ его, отъ которой нѣкогда сѣумѣлъ онъ отстраниться. Въ галлерейхъ помѣщались и теперь въ Большомъ домѣ висятъ портреты Натальи Борисовны, невѣстою и монахиней: тутъ же и мужъ ея, а изъ удѣлявшаго въ рукахъ наслѣдниковъ, съ конца прошлаго вѣка до 1812 года, хранилось при домѣ, послѣ князя Ивана Алексѣевича, нѣсколько Долгоруковскихъ вещей, простой бѣдной мебели и посуды ¹⁸⁾. Между тѣмъ, по близости на Владимирѣ лежатъ еще „Горенки“, старое имѣнье Долгорукихъ, отлично устроенное, съ знаменитымъ одинаково садомъ и съ церковью, гдѣ вѣнчались несчастные супруги ¹⁹⁾. Рассказываютъ, что по той же Владимиркѣ, на дорогѣ изъ Сибири, княгиня съ ребенкомъ свернула въ Кусково и въ темный осенній ве-

И хлѣбъ изъ рукъ господскихъ гложуть.
Цари, царицы *), посѣщала
Москву-старушку иногда,
Какъ боги въ самомъ нѣдрѣ рая,
Въ Кусковѣ тѣшились всегда;
И тамъ веселой черни смѣхи
По рощамъ разносили эхи.
Куда владыка твой дѣвался,
Кусково, царство всѣхъ страстей?
Графъ Петръ Борисовичъ казался
Безсмертнымъ быть на тверди сей:
Его печали не касались **)
И всѣ затѣи удавались.
И ты, сей точки обладатель,
Великолѣпнѣйшій богачъ,
Столицы всей очарователь,
Въ улыбку превращавшій плачь,
И ты съ Кусковымъ распростился,
Въ землянкѣ тѣсной уложился!
Отъ восхода солнца до заката
Промча въ забавахъ жизни кругъ,
Послѣдній вздохъ пустилъ на злато,
Готовилъ пиръ — и умеръ вдругъ!....

И т. д. „Прогулка въ Кусковѣ“.—Воспоминаніе его о театрѣ см. ниже.

¹⁸⁾ Шкафы, ставцы, кровать, столы и стулья, блюда и тарелки. Объ этомъ особая наша статья.—¹⁹⁾ Послѣ Долгорукихъ, при Разумовскомъ Горенки соединены были съ Перовымъ красивою дорогою — проспектомъ (черезъ Гиреево).

*) Екатерина, Павелъ, Іосифъ—Фалькенштейнъ, эрцъ-герцогъ Карлъ, Станиславъ Понатовскій. Позднѣе Марія Федоровна, Елена Павловна. — **) Какъ съ гуса вода, легко ему обходилось, хотя очень часто случалось.

черъ подошла къ старому родительскому дому: все было заверто и ни огонька. Путница провела ночь въ домѣ священника, и не братная любовь, а милость государыни вскорѣ возвратила ей спокойствіе и средства жизни, честь и достояніе ²⁰⁾. Такъ держатся и помнятся здѣсь изъ исторіи не однѣ свѣтлыя стороны, а и страданія, и участь бѣдности съ сиротствомъ. Подобное настроеніе жителей, а вмѣстѣ всѣхъ вообще Шереметьевскихъ крестьянъ, соединенныхъ, говорили мы, тѣсною нравственною связью съ судьбами знаменитаго рода, настроеніе, постоянно обращенное къ прошедшему и поддержанное яркими его памятниками, не могло и не можетъ оставаться безслѣднымъ: оно воспринимается, оно учитъ смотрѣть, говорить и жить сообразно настроенію, оно сказывается словомъ, если не пѣсней, то охотною повѣстью, или живучимъ преданіемъ, или по крайности не умирающей памятью, складомъ ума и сердца, обычаемъ и приемомъ. Вы убѣждаетесь въ этомъ на каждомъ шагѣ: слышите подъ собою почву, по которой прошла извѣстная исторія, обильная своеобразными лицами, дѣяніями и событіями; и прошла такъ, что съ верхняго слоя проникла до пластовъ самыхъ низшихъ, простыхъ и глубокихъ. Почва народа простаго завлечена здѣсь со многихъ сторонъ своихъ въ участію въ судьбахъ націй, открыто предлагавшей здѣсь для всякаго долю извѣстной цивилизаціи. Сколько принадлежит неотъемлемой Русской исторіи родъ графовъ, жизнь ихъ, созданное ими Кусково и всё его памятники, столько же глубоко входитъ въ эту область и та благодарная почва, на которой и

²⁰⁾ Преданіемъ этимъ, крѣпко утвердившимся и всюду распространеннымъ, прекрасно воспользовался Козловъ въ извѣстной своей пѣснѣ. Онъ очень метко касается того, что Наталья Борисовна провела свое дѣтство въ Кусковѣ, но, не зная холодныхъ къ ней отношеній брата, не могъ постичь, почему путница прямо не пошла къ нему, и потому заставилъ его жить въ Петербургѣ, тогда какъ именію Петръ Борисовичъ засѣлъ тогда въ Кусковѣ и началъ свататься за княжну Черкасскую („Простаясь съ родимой Москвою, Въ столицѣ иишней надъ Невою Живеть наслѣдникъ молодой“). Только уже возстановленная государынею въ правахъ своихъ, сестра рѣшилась помѣститься у брата въ его Петербургскомъ домѣ. За то, какъ чуткій поэтъ, Козловъ не пропустилъ *перстня*, игравшаго, мы знаемъ, такую роль въ жизни страданца и въ самыхъ пѣсняхъ объ ней. Если мужнинъ сохранился у наслѣдниковъ, то собственный перстень свой, какъ извѣстно, полная всюду драматизма Наталья Борисовна, накануне своего монашескаго постриженія въ 1757 году, бросила съ высокаго берега въ волны Двѣира. Поэтъ „допѣлъ“ объ этомъ историческую пѣсню народа:

На Двѣбрь, вздохнувши, посмотрѣла,
Сняла вѣнчальное кольцо...
И вѣрой грудь ея дышала,
И жертва тайная въ мечтахъ:
Она кольцо въ устахъ прижала, —
Оно блеститъ, оно въ волнахъ...

для которой, силами и средствами ея, сохранилась истинная история. Одним словом, мы очевидно оказываемся на такой почве народной, из которой, при всѣхъ цивилизующихъ началахъ и вѣдѣствіяхъ, могли легко возстать новые историческіе герои и героини, могли занять страницу исторіи, одушевить историческую пѣсню и сами дѣйствовать въ пѣснотворствѣхъ, слагая въ немъ громкіи по себѣ памятники историческіи. Такова именно героиня и пѣсня, которую мы скоро здѣсь встрѣтимъ.

Но, если народная почва окрасилась здѣсь извѣстнаго рода цивилизаціей съ правами на исторію, то съ другой стороны исторія приобрѣтала здѣсь характеръ народный. Событія графскаго дома и двора, памятки, случаи и диковинки, вѣсти и рассказы входили въ массу народа, филътрируясь и вросаясь туда по всѣмъ направленіямъ, а на пути приобретая новую окраску и особенный отцвѣтъ, толкуясь и перетолковываясь по своему: изъ самаго простаго имени и явленія создавались въ себѣ новой, и громадной, средѣ образы самыхъ фантастическихъ размѣровъ и чертъ; на оборотъ, самыя затѣливыя графскія выдумки переводились на понятіе и слово крайне простое. Много того: народный бытъ Кускова и окрестностей встрѣтилъ исторію верхнюю и заносную данными своей исторіи старшей, многовѣковой, издавна сложившейся въ оригинальный образъ и готовое слово. Нужно сказать, что съ этой именно черты, Гиреевской, Перовской, Кусковской, Владимірской и Косинской въ населеніи начинаются особенности „Владимірскія“, постепенно возрастающія отсюда вплоть до Владиміра, Суздаля и Мурома: начинается верхняя одежда (извѣстная у насъ въ городахъ по Владимірцамъ-штукатурамъ) — желтоватый шерстяной олабень съ широкимъ отложнымъ воротникомъ; начинаются, по бывшему обилію дѣса, лучшія деревянныя постройки, не рѣдко въ два этажа; опрятность въ избахъ, по стѣнамъ картины, наследіе старой Суздальщины; въ характерѣ степенность, серьезность и стойкость, близкая къ суровости и упрямству; промышленная предприимчивость и энергія; выговоръ на о, п, при общей пѣвучести, пѣсня особая, глубоко отличная отъ Тверскаго и Тульскаго тракта ²¹⁾. И вездѣ до сихъ поръ пѣсня, съ пѣсней свои хоры и хороводы, свои старшія преданія. Вспомнимъ, что въ одномъ углу Владимірскаго округа лежитъ Корочарово, родина Ильи Муромца: а подъ Москвою, близъ Вешняковъ и рядомъ съ Владиміркой, существуетъ Корочарово другое. Въ сосѣдствѣ Троицкаго, замыкая рядъ древнихъ кургановъ, надъ обрывомъ берега рѣки Пехорки уцѣлѣлъ народный памятникъ, быть можетъ единствен-

²¹⁾ Самые гребцы на судахъ по Кусковскимъ ярусамъ, перешедшіе отсюда позднѣе въ Останкино, выбранный, со временемъ Петра Борисовича, изъ крестьянъ, отличавшихся своимъ голосомъ: ихъ хоръ звучалъ громкою и удалой пѣсней. Таковъ, на примѣръ, былъ извѣстный здѣсь изъ гребцовъ пѣвецъ *Халдинъ*, отецъ послѣдовавшаго сидовича.

иди во всей Россіи Великой, изъ періода миеологии еще Купальской: это два камня, окруженные глубокимъ уваженіемъ народа и скороняшіе подъ собою „Ивана да Марью“, сочетавшихся брата съ сестрою, убитыхъ за невольное нечестіе громомъ; и много-подобнаго. Но все это затмѣвается славомъ „Косина“, въ 3-хъ съ половиною верстахъ за Кусковымъ, между нимъ и Троицкимъ. Это самый старшій и крупный подмосковный памятникъ сѣдаго язычества и стойкой народности. Съ незапамятной поры, „Святое озеро“, явившееся на мѣсто, говорятъ, разрушеннаго храма и храмовыхъ жилищъ, служило здѣсь предметомъ самаго усерднаго поклоненія. Не только всякій долженъ здѣсь искупаться, а больные, особенно дѣти, получаютъ отъ купанья немедленное исцѣленіе, но въ нашихъ еще раннихъ лѣтахъ совершались здѣсь непремѣнныя жертвоприношенія: въ воду бросали съ себя одежду, металлическія вещи, деньги, утварь; цѣлый классъ людей существовалъ вокругъ, искусствомъ плаванья и нырянья, добывая изъ подъ воды принесенную жертву (съ большой опасностью, ибо озеро крайне глубоко). Христіанство осватило приношенія явленною на озерѣ иконой: но слѣды язычества уверно пробиваются доселѣ и замѣнилось существованіемъ только то, что къ прочимъ жертвамъ присоединились кресты и образы съ тѣла; нигдѣ въ семь родѣ нельзя достать старшихъ памятниковъ, если, бывало, не купите добытыхъ со дна. Рядомъ со „Святымъ“ простирается, ближе къ Кускову, озеро „Большое“ или „Бѣлое“ и за тѣмъ „Черное“ или „Чертово“, со временемъ, и давно уже, уступившее славу свою Святому. Меткимъ взглядомъ отличивши ту и другую особенность, счастливую мѣстность и фанатизмъ древняго поклоненія, Петръ I-й волокомъ перетащилъ сюда съ Лузы изъ подъ Измайлова, на приволье глубокихъ озеръ, новорожденную свою флотидію ²²⁾: съ другой стороны, желая понизить языческое рвеніе и поднять духъ христіанскій, онъ, часто посѣщая Косино по поводу флота, подарилъ сюда вывезенную имъ изъ Италіи, изъ Модены, икону Богоматери, съ тѣхъ поръ названную Моденскою ²³⁾. Прямимъ послѣдствіемъ было то, что икона Св. Николая, явившаяся нѣкогда на водѣ и связанная съ мѣстнымъ „Бѣлымъ озеромъ“ такими же народными сказаніями, какія уцѣлѣли въ устныхъ Былинахъ о Бѣлоозерѣ и Волковѣ Сѣверномъ, получила рядомъ еще другой христіанскій памятникъ, предметъ новаго почитанія, а старшая деревянная церковь (отстроенная

²²⁾ Слѣды ея остановокъ замѣтны доселѣ: но чествованіе Петра въ семь году забыло совсѣмъ эту историческую мѣстность.—²³⁾ Древней Итальянской живописи, близкой къ стилю Византии. Можетъ быть именно эта связь съ Италіей и искусствомъ ея побудило Шереметева, какъ мы видѣли, дать двусмысленное названіе своей Лакасинѣ, напоминавшей Италію и вмѣстѣ Косино на берегу водоемовъ. А съ другой стороны, нѣкоторые путешественники, на пр. Свиньянъ („Отч. Зап.“), самое Косино писали и объясняли именемъ „Кассино.“

въ послѣдній годъ жизни царя Алексѣя съ тѣми же цѣлями, какія руководили Петромъ) смѣнена новымъ каменнымъ храмомъ, гдѣ соединились обѣ иконы. Но ни сами богомольцы, ни причетъ, богатый дарами, не имѣли причины устранить слѣды, памятники и внушенія отдаленной древности: обстановка измѣнилась, но сущность осталась та же. Ревность поклонниковъ противу прежняго еще [возрасла и растетъ: до 100.000 и болѣе собирается сюда богомольцевъ въ теченіе лѣта. Нащенное или, лучше, исхоженное мѣсто народной святини, какъ водится, вызвало себѣ всегдашняго своего сосѣда и спутника: послѣ Сергіева монастыря у Троицы нигдѣ не было, а нынче послѣ Киевскихъ пещеръ нигдѣ нѣтъ, въ такомъ количествѣ и обычай, какъ здѣсь, извѣстныхъ „Калѣкъ переходжихъ“ съ ихъ духовными Стихами. Вся дорога отъ церкви до Святаго Озера, чуть не съ версту, усажена ими, по одиночкѣ и кучами, такъ что идете вы между двухъ поящихъ стѣнъ; мы сами, прежде изданія сихъ пѣсноиѣній, получали, да и по нынѣ получаемъ отсюда самый богатый матеріалъ народныхъ памятниковъ. Между тѣмъ, Кусково служило всегда неизмѣннымъ переулкомъ между Косинымъ и Москвою, по дорогѣ туда и обратно: богомольцы, направляясь изъ Москвы на Перово или Вешняково, а потомъ черезъ Кусково, заходили бывало въ Старую Слободку, жилище дворовыхъ и церковниковъ, по краю дороги, закусывать, пить квасъ и пиво, отдыхать и ночевать; самъ баринъ, повинувся явленію народному, долженъ былъ, какъ мы видѣли, строить для посѣтителей-прохожихъ особня зданія, одно за другимъ, то лучшее близъ себя, то попроще и подальше. Нынче богомольцы, черезъ Перово и желѣзную Владимірку, прямо входятъ въ Кусково и на отдыхъ пьютъ чай въ бывшемъ Гаѣ или Лабиринтѣ: народное пережило всякую искусственность и обратило ее на свою потребу. Тѣмъ же путемъ, разумѣется, идутъ и Калѣки Перехожіе, и Стихи ихъ, а вмѣстѣ всякіе рассказы, слухи, преданія, такъ что живущимъ въ Кусковѣ нѣтъ возможности не слышать ихъ, не интересоваться ими, не пропитаться и не воспитываться: особенно же тѣмъ, въ старину, кто жилъ или имѣлъ свой домъ на Старой Слободкѣ, гдѣ долженъ былъ неуклонно принимать у себя тысячи богомольцевъ, пѣвцовъ и сказателей со всѣхъ странъ, бесѣдовать, выслушивать, увлекаться и умиляться. Ту же самую школу народной религіозности и поэзіи, по мѣсту жизни своей, прошла и героиня нашего очерка въ своей ранней молодости, среди отцовскаго дома на Старой Слободкѣ.

Единственный въ живыхъ сынъ и наслѣдникъ Петра Борисовича, графъ *Николай Петровичъ* Шереметевъ получилъ отличное воспитаніе, довершилъ образованіе за границею, быстро поднялся въ чинахъ при Дворѣ, развернулъ передъ всѣми блескъ искусствъ и богатствъ отцовскихъ, и—подъ конецъ безповоротно уединился въ домашней жизни, сошелъ съ громкой сцены свѣта, умеръ, при всей знатной обстановкѣ своей, почти одиноко. Не подмосковная, подобно отцу, не уединеніе природы и широкое развитіе артистическое отвлекли его съ блестящаго

поприца: это былъ бракъ, бракъ тайный, и однако же всѣмъ извѣст-
ный, женидба на *Прасковью Ивановну* изъ рода шляхтичей *Ковалев-*
скихъ, какъ говорятъ официальные показанія, — на крестьянскѣ села
Кускова, какъ знали и знаютъ объ этомъ всѣ въ Русскомъ народѣ. Долго
таинственность и загадочность покрывала собою эти явленія, во всемъ
ихъ противорѣчїи: никто не нарушалъ завѣтнаго молчанія, кто по оф-
фициальности своего положенія и принятой виѣшной оболочкѣ всего
дѣла, кто изъ этикета и приличія, своеобразно по тому времени пона-
таго, кто изъ опасенія и страха, а кто—и большею частью—по совер-
шенному незнанію. Не заглянула сюда и литература съ Карамзинскимъ,
хотя бы получила богатое содержаніе; молчала и печать, не разъясняя
намековъ пѣсни народной. Даже многіе блдзкннхъ въ родѣ и семей-
ствѣ подробности оставались до сихъ поръ невѣдомы. Только наше
время получило всѣ права на голосъ громкій, а интересъ пѣснотворче-
ской области, равно цивилизованной и народной, печатной и устной,
исторической и бытовой, интересъ, глубоко здѣсь затронутый, придалъ
силы, рвеніе и досугъ, помощію изысканія, возстановить все дѣло въ
его подлинномъ свѣтѣ. Мы обязаны только предупредить, что, по сущ-
ности и требованію нашей области, въ нее входитъ исторія самая много-
сторонняя, не одна какая ни будь, и всего менѣе такъ называемая ко-
ложительная: слой жизни бывшихъ „дворовыхъ“ придаетъ иногда исто-
рическимъ показаніямъ характеръ „лакейскій;“ исторія народа простаго,
сюда также вступающая на свою долю, скажется иногда черезъ чуръ
простымъ, грубоватымъ возрѣніемъ, понятіемъ и словомъ. Заранѣе
предостерегая тонкій и нѣжный слухъ передъ такимъ кажущимся дис-
сонансомъ, прибавимъ, что онъ разрѣшается сполна только стройностію
пѣснотворческой, въ той пѣснѣ, которая заключила событіе для народа.
Родившись 28 іюня 1751 года, годомъ моложе сестры Варвары, графъ
вмѣстѣ съ нею провелъ дѣтскіе годы, по обычаю числался въ гвардіи,
подъ ближайшимъ попеченіемъ матери и, при всемъ отличномъ воспи-
таніи, какъ единственный сынъ, былъ, разумѣется, очень балованъ ма-
терью и извѣженъ. Портреты его рисуютъ намъ худощаваго, блѣднаго
и слабонервнаго мальчика, созрѣваго послѣ въ стройнаго, хотя и не
высокаго, красавца, въ даровитаго и образованнаго юношу, но съ тѣми
же отличительными чертами характера и, какъ всегда при этомъ бы-
ваетъ, очень страстнаго: страсти его, если не были сильны и глубоки,
то быстро воспламенялись до крайности и потягали также скоро, чтобы
снова вспыхнуть, именно такіа страсти, какія вовсе были невѣдомы
отцу его. Старикъ графу послѣ семейныхъ катастрофъ, смерти жены и
любимой дочери, не подъ силу было приневолить его къ окружающему
систематическому строю: не оставалось ничего больше дѣлать, какъ
только отправить сына за границу. Съ 1769 года Николай Петровичъ
долго путешествовалъ по Западной Европѣ, былъ въ Англіи, Франціи,
Германіи, Швейцаріи, всюду запасался познаніями, глубоко западав-
шими въ его душу, но воли его не доставало энергіи, чтобы прямо при-

дожить ихъ въ жизни или явить плоды практическіе. Всего больше учился онъ въ Лейденѣ, въ томъ знаменитомъ университетѣ, который столь славился на Руси и подарилъ намъ не однимъ крупнымъ дѣвателемъ эпохи. Въ 1778 году пришла пора возвратиться: путешественника встрѣтили отцовскія затѣйливыя сооруженія и тѣ старшіе памятники Кушова, къ которымъ юноша 22-хъ лѣтъ питалъ естественное уваженіе, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ отцу, но которыхъ не могъ любить и которыми не могъ увлекаться въ мѣрѣ отцовской, уже ради своего новаго образованія и многого лучшаго, видѣннаго за границей. Предлежалъ пока одинъ исходъ: лично представленный императрицѣ въ числѣ Московскихъ дворянъ предводителемъ отцомъ (1762 г.), онъ ринулся въ службу придворную, начатую подобно всѣмъ людямъ его положенія весьма рано, и быстро съ той поры возвысился до оберъ-камергера, гофъ-маршала, д. тайнаго совѣтника, потомъ сенатора и всевозможныхъ орденовъ кавалера, не исключая Іоанна Іерусалимскаго и Андрея; но, по мѣрѣ движенія этимъ путемъ, страстный и Европейски образованный графъ постепенно остывалъ въ каждой новой фазѣ, скоро ему надоедала. Тѣмъ больше, по прїездѣ въ Кусково, ничего особенно не приваживало дома: разошедшись съ опечаленнымъ прошлымъ и съ первою половиною своихъ сооруженій, старый графъ, мы знаемъ, отступилъ въ глубь своего Гаа и Лабиринта, основавшись по преимуществу въ Домѣ Уединенія. Сколько видимымъ пространствомъ мѣста, на столько же и характеромъ внутреннимъ онъ расходился съ сыномъ: передъ послѣднимъ ему какъ будто приходилось совѣстно за свои, пожалуй, для многаго ребяческія, затѣи. Совершенно въ то же самое время, съ 1785-го и всею больше въ 1786-мъ году, намѣренно и усиленно отдѣляется Большой домъ съ его садомъ „для Николая Петровича.“ ему отводилось особое жилище, какъ бы отдѣльное царство, гдѣ была съ нимъ библіотека, перебитая галлерей картинъ и портретовъ, да по смерти отца старый другъ дѣтства, калмычиа Анна Николаевна, сюда же переселившаяся изъ „Уединенія.“ Кончина родителя, заранѣе переданая въ руки только что совершившему 37-ми-лѣтнему богачу все то, чѣмъ бы онъ могъ гордиться, а вмѣстѣ всѣ тѣ памятники и планы, которые онъ считалъ до тѣхъ поръ исключительно отцовскими и которыхъ никакъ не могъ признать своими личнымъ дѣломъ. По обязанности сына и наследника, онъ поддерживалъ, кое-что поправлялъ или подновлялъ, отдѣлялъ себѣ покой въ „Уединеніи.“ но, остановившись здѣсь съ утѣхою или вести шаги далѣе, онъ не чувствовалъ въ себѣ ни охоты, ни силы. Искусство интересовало его, но не поглощало; отличный виолончелистъ, онъ ограничивался однако музыкою въ уединенномъ кабинетѣ, получивъ обращеніе отъ глубинности, такъ какъ покойный отецъ „заставлялъ“ его играть при гостяхъ въ оркестрѣ; самый театръ натурѣ его нравился не столько искусства, а дѣйствующими лицами. Подготовленная невозможностью, отчасти воспитанная и указанная самимъ отцомъ, — другого онъ не могъ придумать по характеру сына, — страсти получили исклю-

чтительное и весьма узное русло: то была колесая охота, связанная съ наю лошади, да близкія къ новосотву — женщины. Охоту любилъ въ свою мѣру и отецъ: но у сына рано начались „любимыя“ виды охоты, „любимыя“ охотники и псы; къ лошадямъ прибавились „любимыя“ Англійскія; образъ жизни старика-вдовца распахнулся совѣтъмъ въ дру-гомъ видѣ для холостого сына, среди громаднаго числа дворовыхъ дѣ-душекъ, окружавшихъ его въ Большомъ домѣ и маневшихъ барина въ трупахъ артистокъ. Кусково, привывшее къ величайшему разнообразію веселаго дня, увидало полнѣйшее однообразіе въ неизмѣнномъ повто-реніи: нынче охота и лошади, завтра то же; днемъ охота, ночью другая Баринъ обходилъ — не сооруженія, не памятники и залы, а комнаты. Баринъ по минутной прихоти оставлялъ то въ той, то въ другой ком-натѣ платонъ: за платкомъ являлся онъ ночью, безъ постороннихъ свидѣтелей, кромѣ той, которая должна была возвратить ему платонъ. Въ извѣстномъ родѣ степенное, до извѣстной степени богомольное, Кусково начинало теперь сживаться съ аллеяными совѣтъмъ другаго рода. Такъ длилось, такъ до смерти старика, общало длиться безконечно, пока одинъ день, одинъ день подъ исходъ лѣта 1789-го года, все пере-мѣнилось и перевернулось вверхъ дномъ. Графъ встрѣтилъ *Ларашу*.

Между графскими вотчинами, изъ которыхъ ближайшія отправляли мелкую подѣлку или доставляли крупныхъ дворовыхъ, чернорабочіе цѣли больше изъ Мещеринова и особенно изъ Константинова (съ Коломенки). Около 1719 года въ Петербургскій домъ Бориса Петровича взятъ былъ кузнецомъ Юхотской волости, села Большаго, деревни Березинѣ крестьянинъ Степанъ Сергѣевъ: по 2-й ревизіи 1746 года онъ значился въ Московскихъ дворовыхъ при Петрѣ Борисовичѣ, 35 лѣтъ, съ женою Оленюю Ивановой 46 лѣтъ и сыномъ *Иваномъ* по 6-му году (родился въ 1739 г.). Не смотря на нѣкоторыя странныя претензіи (которыя уви-димъ мы ниже), семейство это приписано было въ подушный окладъ по Мещериновской вотчинѣ и, по смерти Степана, къ ревизіи 64-го года, переведенное опять въ Юхотскую волость, продолжало въ ней чис-литься съ нисходящими до самаго 1795 года. Воспитанный въ бѣдности матерью-вдовою, сынъ Иванъ наследовалъ занятія отца и сдѣлался куз-нецомъ, а повторявшаяся профессія утвердила за всѣмъ родомъ его фамилію *Кузнецовыхъ*, которая встрѣчается равно и при отцѣ, и при дѣ-тахъ. Онъ, обремененъ былъ къ тому и самому природою; это былъ *гор-буна*, долгу носилъ самъ личное прозвище „Горбуна“ и сообщилъ его дѣтямъ, которые также, именовались *Горбуновыми*. Это уже фамилія вторая: 1-я, возникла по занятіямъ и званію, вторая по лицу и отцовской фигурѣ. Къ 4-й ревизіи 1782 года мать Ивана умерла; онъ самъ, 43 лѣтъ, женился на Варварѣ Борисовой, 35 лѣтъ, изъ граф-овыхъ же дворовыхъ, и прижилъ съ нею, пятерыхъ дѣтей: *Пра-скویی* — въ ревизіи 14 лѣтъ, Аванасья 11-ти, Матрону 8-ми, Николая 5-ти и Михайлау 2-хъ лѣтъ. То Юхотскій, то Мещериновскій крестьянинъ и графскій дворовый, жилъ онъ на работѣ въ разныя мѣстахъ (такъ сынъ Аванасій родился у него въ *Воложнинской*, а годъ

конецъ, по общему преданію, въ Константиновѣ: именно отсюда, въ первыхъ 80-хъ годахъ, взялъ онъ по извѣстной опытности на открывшуюся вакансію въ Петру Борисовичу въ Кусково. Съ тѣхъ поръ, по штатамъ съ 1785 года, старшимъ изъ кузнецовъ Кусковскихъ значится „Иванъ Степановъ Горбуновъ,“ съ семействомъ и прибавившимся сыномъ Васильемъ. Онъ даже сдѣланъ былъ „кузнецкимъ старостою“ и порою попадаетъ въ числѣ наказанныхъ за неисправность или вино. Самъ ли, по обычаю Горбуновъ, сердился онъ за данное прозвище, или другіе, при баринѣ, любившемъ для всѣхъ почеть, хотѣли смягчить укоръ тѣлеснаго недостатка, только въ слѣдующихъ годахъ—вмѣсто Горбуна—называютъ его порою *Горимъ*, а когда и это не нравилось, еще — *Зоримъ*: вотъ уже 3-я и 4-я фамиліи счастливцу. Гораздо болѣе отличала его примѣрная старательность объ дѣтахъ, къ чему представлялось много поводовъ и средствъ въ разумномъ устройствѣ Кускова при Петрѣ Борисовичѣ: и вотъ почему дочь сохранила къ отцу на всегда пламенную привязанность, несравненно болѣе, чѣмъ ко всѣмъ прочимъ членамъ семьи. Сына Аванасья отдалъ онъ учиться при дворѣ ремеслу портному, Михайлу также; Николая, поумнѣе, съ 8 лѣтъ обучилъ грамотѣ и сдѣлалъ послѣ музыкантомъ при Театрѣ вблизи сестры.

Старшая дочь П р а с к о в ѣ я, наша героиня, родилась 20 іюля 1768 года; но гдѣ—неизвѣстно съ достовѣрностью: во всякомъ случаѣ не въ Кусковѣ; по общему устному преданію въ Константиновѣ; а можетъ быть и въ Вошажниковѣ, вмѣстѣ съ ближайшимъ по возрасту братомъ Аванасьемъ, или въ другомъ какомъ либо имѣннѣ Долгорукихъ, такъ какъ она въ малыхъ лѣтахъ воспитана была княгиней *Маршою Михайловною Долгорукой* ¹⁾, по свидѣтельству одного весьма важнаго показанія ²⁾. Въ Кусково переехала она съ отцомъ лѣтъ 14—15. Ждѣшній домъ ихъ, въ числѣ прочихъ дворовыхъ, находился на Старой Слободкѣ (гдѣ теперь домъ Скуратнаго), недалеко отъ Скотнаго пруда и кузницы: мы можемъ до извѣстной степени представить впечатлѣнія и обстановку первыхъ лѣтъ дѣвчьи ³⁾. Внутренность дома, объ одной русской печкѣ взади, съ перегородочками для членовъ семьи, на улицу выходила просторною свѣтлою комнатою, гдѣ въ переднемъ углу помѣщались образа, свидѣтельство Богомолья и зажиточности: Спасителя и Богоматери (благословеніе брака), Ивана Предтечи (хозяйскаго ангела), Казанской въ окладѣ съ позолоченнымъ вѣнцомъ, Рождества Богородицы съ мѣдными полями и вѣнцами, В. М. Варвары (ангела хозяйки) въ посеребренномъ окладѣ и на конецъ Всѣхъ Скорбящихъ съ мѣдными полями и вѣнцами, — икона, къ которой Прасковья Ивановна съ дѣт-

¹⁾ Дочерью Михайла Борисовича, старшаго сына фельдмаршала, въ замужествѣ за кн. Алексѣемъ Михайловичемъ Долгорукимъ, умершимъ 1725 г.—

²⁾ Оставшагося послѣ друга Прасковьи Ивановны, о которомъ ниже.—³⁾ Удѣльна подробная опись дома Ивана Степановича въ концѣ XVIII вѣка; дополняется итальянскими описками Кускова.

скихъ дѣтъ до смерти сохранила особенное усердіе (ей много досталось скорби на долю). Передъ кіотою 6 жестяныхъ подсвѣчниковъ для свѣчъ хрустальный пузырь съ гробомъ Господнимъ внутри, подъ образами расписанныхъ 6 яичекъ. По стѣнамъ отъ нбонъ висѣли, въ рамкахъ за стеклами, печатный на бумагѣ образъ Богоматери и Успенія, да 9 картинокъ въ рамкахъ деревянныхъ; далѣе восковая картина въ глухой рамѣ, — Петръ 1-й на конѣ, и въ футлярѣ за стекломъ восковыя фигурки гуляющихъ людей между деревьями. Въ другомъ углу комнаты наугольникъ съ посудою: тамъ 2 чайника, чашки, расписанная цвѣтами шкатулочка для чаю и сахару, хрустальная солонка, 2 алебастровыя фигурки — женщины и старика, да 2 статуйки. По срединѣ 2 деревянныхъ стола и 2 скамьи, на нихъ щипцы для свѣчъ и кузнечныя орудія; кухонная утварь близъ печки; оконъ всѣхъ десять; на маленькомъ дворикѣ куры, двѣ коровы и большая цѣпная собака. Художникъ и любитель природы, владѣлецъ Кускова хотѣлъ, чтобъ и служители окружали себя подобною же обстановкою: всѣ почти имѣли сверхъ надѣла лишнюю землю вокругъ, кто подъ травою, огородамъ, градами. У кузнеца, сверхъ 60 квадратныхъ сажень надѣла, состояла еще 141 сажень (23¹/₂ длины, 6 ширины) „подъ крыжовникомъ и аблонями:“ было гдѣ погулять и позабавиться, и дѣвушка, и прочимъ дѣтямъ. Безобѣдное содержаніе, удѣлявшееся щедрымъ графомъ и простиравшееся до мелочей, разливало въ жизни довольство, въ характерѣ спокойствіе и веселую безпечность. Среди Кускова не было недостатка въ красотахъ, а потому и въ чувствахъ природы: она съ избыткомъ пополнилась еще дивилизующими памятниками и новостями искусства. Ревностное благочестіе семьи, благочестіе жителей вокругъ, массы богомольцевъ черезъ Кусково, въ немъ на ночлегъ и по близости въ Косинѣ, все говорило и непрерывно напоминало о Богѣ: за Богомъ и природою съ искусствомъ, оставалось только воспитать умъ и сердце. Съ этой стороны, мы видѣли, историческія, столь образующія, событія и воспоминанія, на мѣстѣ и изъ окрестностей, сами просились въ душу: по счастливому условію, ихъ сопровождалъ и оживлялъ повсюду характеръ здравой, сильной народности. Ранній возрастъ подъ сѣнію Долгоруковскихъ и Шереметьевскихъ преданій училъ не одной грамотѣ: вмѣстѣ съ близостію Горенокъ и Кусковскимъ ночлегомъ Натальи Борисовны, всего сильнѣе и вліятельнѣе говорили они женскому уму и сердцу о роли женщины, о возможномъ женскомъ подвигѣ, о необходимой жертвѣ, равно соединенной и съ торжествомъ, и съ искупляющимъ страданіемъ; они способны были приготовить одинаково и къ славѣ, и къ мученичеству. Разказы о „благотворительномъ расположеніи графа Петра Борисовича и супруги его,“ обращенномъ на дѣвушку, ради „отличныхъ ея достоинствъ въ характерѣ и поведеніи,“ разказы о развитіи ея „при домовомъ Театрѣ, въ числѣ упражняющихся, для забавы, дѣтей графа Петра Борисовича, въ томъ числѣ самого графа Николая Петровича и прочихъ благородныхъ лицъ,“ а вслѣдствіе того

о раинемъ, „особенномъ, но непорочномъ объ ней вниманіи“ со стороны молодого графа, принадлежать конечно къ области неудачныхъ вымысловъ *). Тѣмъ не менѣе достоверно, что въ ту пору, для Театра сперва домашняго, потомъ пробнаго при Воксалѣ и наконецъ вновь отдѣланнаго, хлопотливымъ владѣльцежъ отовсюду прискивались лица и силы: не могла укрыться отъ вниманія и пробы крѣпостная, даровитая дѣвушка, со всѣми задатками успѣха. Какъ все дворовые, и она была близка къ дому, ко „дворцу,“ или, какъ еще говорили тогда по привычкѣ отъ царской старины, къ „верху:“ она тотчасъ приобрѣла тамъ завѣтнаго и вѣрнаго друга на всю жизнь и за мигну, *Татьяну Василевну Шлыкву*, которой суждено было во всѣхъ судьбахъ подруги играть съ тѣхъ поръ ближайшую роль и которая сама съ семилѣтняго возраста жила въ домѣ графа, какъ дочь Елены Ивановны Шлыквой, состоявшей при Варварѣ Алексѣевнѣ. Сама привлекательная **), сама столь же даровитая и представительная, Шлыквова всѣхъ тѣснѣе сошлась съ Парашей и помогала ей. Послѣдняя уже 17-ти лѣтъ поминается въ штатахъ Кусковскихъ „при верхѣ актрисок:“ то были первые пробы, оказавшія въ дѣвушкѣ способность артистки и въ особенности прекрасный голосъ, который данъ былъ ей отъ природы, развивался на дѣвичьей волѣ среди благопріятной среды, а послѣ составилъ заслуженную славу пѣвицѣ сценической. Нѣтъ сомнѣнія, что этихъ первымъ участіемъ при Театрѣ заронилась искра, которая зажглась потомъ и освѣтила природный талантъ, а самому лицу прибавилась послѣдняя, заключительная, недостававшая прежде, черта развитія, черта драматическая; конечно при этихъ раннихъ опытахъ могъ присутствовать и даже въ нихъ участвовать молодой графъ, а слава вновь отстроеннаго Театра, озарившагося торжествомъ 1787 года, одобреніемъ и милостью Императрицы, должна была возбудить соревнованіе артистовъ и артистокъ, убѣдивши начинающихъ, посвятить сценѣ свои таланты и всячески развивать ихъ. При всемъ томъ, Параша оставалась еще по прежнему крестьянкой; дочерью кузнеца или, какъ долго звали и доселѣ зовутъ ее въ народѣ, — „кузнечихой;“ продолжала жить съ отцомъ, заниматься домашними и сельскими работами; развивала свой прекрасный голосъ не столько на сценѣ, куда при новомъ большомъ театрѣ допускалась вѣроятно лишь для полноты хора, сколько на раздолѣй природной и народной пѣсни. Графъ Николай, хотя бы порою видавшій ее и слыхавшій, естественно долженъ былъ забывать ее среди массы тогдашней челяди и набранныхъ артистокъ, тѣмъ больше, что за это время былъ еще довольно холоденъ и безучастенъ къ затѣямъ

*) Это показаніе, о которыхъ скажемъ еще ниже и которыя грѣшатъ здѣсь тѣмъ, что Параша родилась годъ спустя послѣ смерти графини Варвары; что графъ Николай былъ старше ея на 17 лѣтъ и не могъ быть сверстникомъ ей въ играхъ дѣтства; что особенное вниманіе его сначала, именно сначала, вовсе не было такъ „непорочно,“ и т. п. — *) Портретъ ея, раннихъ молодыхъ лѣтъ, сохранился въ Большомъ домѣ Кускова.

родительскимъ. Между тѣмъ умная, сердечная, даровитая, богомольная, горячо преданная семьѣ и особенно привязанная къ отцу, съ дѣтскихъ лѣтъ порядочно обученная первыми началами, нужными женщинамъ, воспитанная природою, облажающимъ некуствомъ и всѣмъ мѣстнымъ вѣдѣніемъ, историческимъ и народнымъ, пѣвица, узнавшая дѣву своему голосу среди сельскихъ хорошедовъ и опытовъ сценическихъ, захваченная недавно интересомъ артистки и затронутая драматизмомъ, коренившимся въ ея натурѣ, а теперь искавшимъ ниши и поприща, вѣрная подруга графскихъ домашнихъ и трудолюбивая крестьянка, дѣвушка росла и, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, выросла и сформировалась истого, зрѣлою красавицей Кускова. Разсматривая теперь етолько сохранившихся ея портретовъ, писанныхъ съ ранняго возраста до смерти замѣчательными художниками времени, слыша и читая столько разсказовъ про нее и описаній, мы видимъ, что это вовсе не была такъ называемая „Русская красота“, которую скорѣе было бы ожидать отъ крестьянки и дитяти природы, съ извѣстною овальностью или круглотою лица, глазами на выкатѣ или съ паволокою, ясностію взора, близкою и румянцемъ, мягкими приглаженными волосами и роскошною косою. Ни античной, ни классической, ни художественно правильной красоты въ ней также не было: напротивъ, съ этой точки зрѣнія лобъ нашли бы малымъ, глаза не достаточно обрисованы ясными линиями и не велики, а по краямъ нѣсколько растянуты по Восточному, въ волосахъ нѣтъ роскоши, скулы выдаются слишкомъ замѣтно, колоритъ лица то нѣжно-слабый, то смугловатый и запаженный. Но въ общемъ это именно то, что называется красотою выразительной и красотою выраженія: а выражается здѣсь душа, со всѣмъ тѣмъ дѣльнымъ и дѣльнымъ, которое пытались мы выше пересчитать по частямъ и чертамъ. Цѣлое этого лица и этой фигуры дѣйствуетъ неотразимо и перазительно: это типъ, рожденный отъ типа и способный воспроизвести ряды характерныхъ типовъ. Въ минуту обаянія, которое немалымъ охватываетъ васъ при взглядѣ, приобретаютъ весь смыслъ и все свое значеніе: и эта казавшаяся неправильность въ овалѣ лица; и эти глаза, равно сильные и нѣжные во взорѣ своей глубиною и влажностью; и эта томность, близкая къ слабости, разлитая повсюду и наслѣдовавшая вѣроятно, какъ часто встрѣчается, отъ болѣзненнаго отцовскаго организма, но въ то же время смуглый колоритъ, готовый заимствовать твердость воли и силу натуры; и эти небрежные волосы, отличающіе общей небрежности убора и всей позы, а видѣть энергію, видимо готовая подняться и до послѣдней стойкости, и до крайней напряженной дѣятельности. Что-то зовущее, призывающее и видѣть съ собою влекущее. Фигура эта будто встала передъ вами внезапно или встрѣчена невзначай на пути: а идетъ она на подвигъ, и путь ея есть предначертанный, рѣшенный путь побѣды и жертвы, торжества и мученичества. Раньше вы ея не знаете и не можете представить, какова была она, но теперь, когда она созрѣла и видите ее созрѣвшею, вы, хотя бы разъ ее увидали, никогда ея не позабудете и вѣчно она

будетъ съ вами.—Внимательный отецъ не позже другихъ замѣтилъ эту зрѣлость: онъ уже хлопоталъ, чтобы дочь пристроить, то есть выдать за мужа. На такую невѣсту скоро сватался и женихъ, хорошо извѣстный по устному преданію и памятливымъ рассказамъ землякъ Ивана Стенанова (взятый изъ Мецеринова въ 63 году), *Егоръ Ивановъ Ушаковъ*, сперва басманникъ (пекарь хлѣбовъ), потомъ лѣсникъ при Звѣринцѣ, сваталъ сына своего *Ивана* ⁴⁾. Конечно искатель не стоялъ Парашин: она могла только жалеть его искреннюю привязанность, питать къ нему не любовь, а жалость.

Выгонъ скотины со Старой Слободки, гдѣ жилъ Иванъ Стенановъ, какъ и нынче, былъ сзади въ лѣсочкѣ, по направленію къ Косину: утромъ ходили черезъ лѣсъ и за лѣсъ, на поддни пригоняли къ пруду, что и теперь зовется „Скотинимъ“ передъ Слободкой, потомъ опять въ лѣсъ и изъ лѣсу вечеромъ домой. Строго наказано было, чтобы всѣ козлевы выходили сами за скотиною при ея возвратѣ: иначе она забѣгала, черезъ дорогу въ барскія отдѣланныя угодья и въ садъ. Отъ лѣсу и Слободки идетъ спускъ къ тому Ручейку, на которомъ видѣли мы (и удѣлялъ доселѣ) мостъ ко Владычнѣ: а на Западной сторонѣ моста начинались уже затѣйливыя постройки Петра Борисовича, при ручьяхъ въ Гай. Когда пригоняли скотину изъ лѣсочка къ опушкѣ, сюда выходили за нею владѣльцы: взявши скотину нужно было спуститься къ ручейку, пройти нѣсколько сажень его берегомъ и отсюда поворотить къ верху, чтобы подойти къ заднимъ воротамъ, въ томъ числѣ ко двору кузнеца. Поворотъ приходился у моста, за мостомъ же, по ту сторону Ручейка, лежало поле, къ Гирееву, Владычнѣ и особенно къ Косину, съ привольемъ для охоты, съ болотами, до сихъ норъ полными дичью. Въ одинъ изъ послѣднихъ лѣтнихъ дней 1789 года, вечеромъ, дѣвушка двадцати съ небольшимъ лѣтъ (ей только минуло 21 годъ), Параша ведетъ изъ лѣсочка пригнанныхъ отцовскихъ двухъ коровъ, спускается къ Ручью, а за мостомъ идетъ „баринъ“, т. е. Николай Петровичъ, идетъ „съ колы“, съ охоты, съ двумя своими любимыми собаками. Мы не повторяемъ словъ лѣсни: повторяя мы не могли бы передать рассказа въ такой прелести правды, простоты и изящества. Пораженный красотой и озадаченный съ перваго взгляда, узнавши, что это его собственная крѣпостная крестьянка и дворовая, припомнивши, какъ видѣлъ ее и слыжалъ ея прекрасный голосъ когда-то прежде, а недавно принималъ просителя, просившаго дѣвушку за сына, Николай Петровичъ могъ только сказать себѣ: „Такъ вотъ она, эта Параша, о которой такъ говорятъ и на дняхъ еще шли рѣчи!“ У него вырвались слова: „Не къ тому ты рождена!.... Ты родилася крестьянкой, завтра будешь госпожа!“ Параша вернулась домой смущенная: звукъ рѣчей отдавался въ ея слухѣ, смыслъ ихъ кружилъ голову; тель-

⁴⁾ Иванъ былъ также лѣсникомъ, а послѣ караульнымъ въ Веняковѣ, и имѣлъ свой собственный домъ, вѣроятно полученный въ награду отказа.

ко на завтра можно было поупоконться, собраться съ мыслями, пересказать подругамъ и съ ними посовѣтоваться: эта самая минута и выбрана исходною точкою, откуда поднимается и раздается голосъ пѣсни,—вспоминають вчерашній вечеръ, и, выслупавъ рассказъ, подруги подають совѣтъ свой, свой судъ о судьбѣ, уже предрѣшенной бариномъ. Въ теченіе сутокъ конечно были уже шаги впередъ и дѣло любви было рѣшено. Такъ по содержанию пѣсни и процессу внутреннаго ея творчества: но въ своей формѣ создалась она конечно нѣсколько поздиѣ. Параша освоилась съ новымъ положеніемъ, силы творческаго настроились въ спокойствіи любящей души: нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, два послѣ событія, и могла созрѣть пѣсня, его воспѣвшая какъ близкое прошлое, еще длившееся въ счастливомъ настоящемъ.

.. Пѣсня до послѣдней мелочи отвѣчаетъ натурѣ, характеру и воспитанію Парашы: это пѣсня совершенно народная, но вмѣстѣ со всѣми чертами личнаго дарованія и возможной образованности, возвышающими ее надъ слоємъ грубымъ; и сама она, и особенно языкъ ея стоитъ на удачной ступени между словесностью устной и художественнымъ произведеніемъ литературы, подобно какъ весь конецъ XVIII вѣка, для котораго служить она лучшимъ типомъ и выразителемъ; нѣжность, легкость и мягкость, разлитая въ ея созданіи, обличаетъ женскій умъ, женское сердце, женскую руку; нацѣвъ ея говоритъ объ отличной пѣвицѣ, нацѣвшей впервые, и повториться можетъ только изъ устъ пѣвицы такой же, равно замѣчательной; для нея нуженъ голосъ далеко обработанный, съ народными свойствами соединяющій элементы личнаго вкуса и драматизма; красота ея достигла высшей простоты, краткости и непринужденности формъ; это одинаково наша Русская, народная, крестьянская пѣсня, и романсъ въ его лучшемъ, западномъ Европейскомъ смыслѣ, когда положеніе и слово женщины достигло свободы въ вѣкѣ рыцарства. Въ нашемъ обществѣ оцѣнить и исполнить эту пѣсню могла только Е. С. Сандунова: она и славилась этимъ, при всѣхъ немолодыхъ уже своихъ лѣтахъ; она и была почитательницею Кускова, любила его и преданія его героини, искала постоянной жизни въ немъ на лѣто, и вѣроятно, ближе съ нимъ ознакомившись, оставила бы намъ свои живыя воспоминанія, если бы, мы видѣли, не помѣшало тому невѣжество управляющихъ и 1812-й годъ не потрясъ бы окончательно тогдашняго порядка вещей.

Въ народѣ пѣсня сдѣлалась извѣстна и быстро распространилась изъ Кускова черезъ тысячи Шереметьевскихъ крестьянъ, столь заинтересованныхъ ею, по всему лицу Россіи. Скоро не было Русскаго уголка, гдѣ бъ ея не знали, преимущественно между дворовыми, мѣщанами, купечествомъ, чиновниками, духовенствомъ, вообще въ среднемъ классѣ, а отчасти и въ высшемъ, это только изъ него любилъ и любить пѣсню. Изъ этой массы, за исключеніемъ развѣ лунныхъ жителей Петербурга, намъ положительно не случалось встрѣчать человека, который не былъ бы знакомъ съ пѣсней хоть въ отрывкахъ, разумѣется—не вѣдалъ кара-

шеньке, о томъ она и откуда. Средній же классъ въ особенности сохранилъ пѣсню потому, что она сама, какъ говорили мы, средняя по своей концепціи и голосу, не совсѣмъ доступна въ исполненіи простому народу при огрубѣвшей музыкальности и требуетъ уже нѣскольکو личнаго, болѣе цивилизованнаго развитія: а Шереметьевскіе крестьяне, наиболѣе зажиточные, бывалые и образованные, послужили въ семь случаевъ первыми проводниками для остальныхъ членовъ средняго слоя. По сему въ той же средѣ вы можете услышать цѣльную пѣсню до сихъ поръ, если встрѣтите хорошаго пѣвца и преимущественно хорошую пѣвицу; чѣмъ ниже слой народа и изъ простаго дѣлается одичалымъ, тѣмъ рѣже попадается пѣсня или уже въ искаженномъ видѣ по составу и напѣву; а больше ее говорятъ говорюмъ или напѣвають кое-какъ, не въ силахъ будучи справиться съ голосомъ нѣжнымъ и значительно „образованнымъ.“ Что касается до вопроса, о комъ эта пѣсня и когда возникла, то въ народѣ простомъ исчезло уже почти всякое преданіе: догадываются только, и то со многими ошибками, люди пообразованнѣе, старики, наиболѣе по происхожденію изъ „Шереметьевскихъ,“ да нынѣшніе старожилы Кускова. За то въ самомъ Кусковѣ она вовсе нынче не поется, а если вспоминается и передается на словахъ, то съ таинственнымъ видомъ и какимъ-то страхомъ, до сихъ поръ еще не остывшимъ. Дѣло въ томъ, что, быстро разошедшись отсюда, она однакоже, чѣмъ ближе къ Кускову, а еще болѣе въ нею самомъ, состояла довольно долго подъ строжайшимъ запретомъ: Николай Петровичъ самъ долженъ былъ наблюдать за этимъ; пѣть ее громко значило бы говорить объ его тайной любви, потомъ обличать происхожденіе графини, а потомъ упрекать барина былью. Явленіе это, мы знаемъ, постоянно повторяется при всѣхъ историческихъ пѣсняхъ о крупныхъ и выдающихся лицахъ: здѣсь же прибавились еще суровыя обстоятельства, о которыхъ скоро скажемъ. Такимъ образомъ, подавляемая на мѣстѣ происхожденія и искореняемая въ корнѣ, но распространенная далеко и широко, тѣмъ самымъ пѣсня забыла происхожденіе и свои историческія черты, а отъ того получила нѣкотораго добавки и постепенныя искаженія. При такомъ положеніи дѣла, въ печати, то есть въ „Пѣсенникахъ,“ сколько мы знаемъ, появилась пѣсня только въ 1819 году, и то вдалекѣ отъ мѣста происхожденія, въ Петербургѣ у Глазунова, съ передѣлкою имени; распространилась же сильнѣе съ 1820, особенно благодаря извѣстному Малякову, служившему „для особъ прекраснаго пола“ и сослужившему подобную службу Елизаветѣ, равно какъ трудолюбивому, менѣе связанному щекотливостью отношеній, иностранцу А. И. Семену¹⁾. Время было благо-

¹⁾ Мы еще застали въ живыхъ этого замѣчательнаго человека, съвѣтъ много сдѣлавшаго для Русской печати вообще и для Синодальной Московской Типографіи въ особенности: имъ выдѣтъ служили съ этимъ любезнымъ, милымъ

приятно: Николай Петрович окончался, наследники были малъ, оекуны кромѣ доходовъ ничего не вѣдали. За то съ самаго начала печати прибавлялось, что пѣсня „извѣстна по голосу,“ ибо она была уже очень распространена: и тѣмъ не менѣе, никто до насъ не рѣшился, а впоследствии по незнанію и не могъ сказать на вѣрное, кѣмъ пѣсня сложена, о комъ, въ какомъ случаѣ и мѣстѣ. По порядку изданія, дошедши до предѣла, гдѣ представлялось мѣсто пѣснѣ, мы поселились нарочно въ Кусковѣ и собрали всѣ возможные подробности для ея объясненія, которыми теперь и дѣлимся съ читателями.

Пѣсня Кусковской крестьянки Параша Кузнецовой-Горбуновой.

1.

(Москва и Кусково).

- Вечбрь ¹⁾ поздно, изъ лѣсочку ²⁾
Я коровъ домой гнала.
Лишь спустилась къ ручейчку
Возлѣ нашего села ³⁾:
5. Вижу,—баринъ ⁴⁾ ѣдетъ съ поля ⁴⁾,
Двѣ собачки ⁴⁾ впереди.
Поровнявшись со мною,
Онъ привѣтливо сказалъ:
«Здравствуй, милая красотка,
10. «Изъ какого ты села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.

и образованнымъ старикомъ; помнимъ его рассказы, какой отвѣтъ передъ обществомъ и цензурою, какого пренебреженія къ упрекамъ и страхамъ стоило ему напечатать пѣсню цѣлкомъ въ 20-хъ годахъ,—тогда еще многіе знали, о комъ она, и боялись оскорбить (!) графскій родъ.

¹⁾ Вчера вечеромъ. Случилось, что пѣсня Параша начиналась одинаково съ любимой пѣсней Елизаветы („Я вечеръ млада,“ см. выше). — ²⁾ Подробности о всей этой мѣстности см. выше. — ³⁾ Не „какой ни будь,“ а извѣстный, Кусковский, графъ Николай Петровичъ (въ Западныхъ языкахъ былъ бы поставленъ „опредѣленный“ членъ). — ⁴⁾ Технически: охотничья, съ охоты. — ⁵⁾ Любимица, всюду его провожавшія: *Сервантъ* (черноногая) и *Жанъ* (черный); прочія изъ своры были Троянъ, Шивирокъ, Мунгасъ, Обръвъ, Клоя, Нѣмка, Аранка, Завитва, Лихотва, изъ молодыхъ Ерилатъ, Тиравъ, Лиходѣй и т. д.

- «Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына ⁴⁾ просилъ?
15. «Онъ ⁷⁾ тебя совсѣмъ не стоить,
«Не къ тому ты рождена:
«Ты родилася крестьянкой,
«Завтра будешь госпожа ⁸⁾!»

- Вы голубушки, подружки,
20. — Посовѣтуйте вы мнѣ!—
А подружки усмѣхнулись:
«Его ⁹⁾ воля, его власти!»

(Отъ Кусковскихъ старожилъ и старшихъ пѣвцовъ Московскихъ: образецъ основной, наиболее распространенный по Россіи въ устахъ лучшихъ пѣвцовъ и пѣвицъ.)

*

Слѣдующіе за сими образцы представляютъ или видоизмѣненія, или постепенные наросты къ основѣ.

2.

(Губ. Тверской, у Старицкаго):

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочку
Я коровушекъ гнала,
Подгоняла къ ручейчку,
Оглянулася назадъ ¹⁾.
5. Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,

⁴⁾ Егоръ Ушakovъ за сына Ивана: см. выше. — ⁷⁾ Иванъ. — ⁸⁾ Здѣсь собственно конецъ основной пѣсни, по героинѣ, предмету и содержанію: слѣдующее за сими поется уже не такъ часто и всеобщее, но представляеть однако общанное „завтра“, когда героиня собралась съ подружками къ мысли; съ этой же послѣдней точки зрѣнія слагавшая, такъ сказать, обернулась назадъ и, вспоминая случившееся „вчера“, запѣла. Вслѣдъ за словомъ барина, первый актъ на завтра конечно былъ актъ любви; для Параша и пѣсни первый послѣдующій актъ—совѣтъ собравшихся подружекъ. — ⁹⁾ Баринъ.

¹⁾ Помня гнѣже, подобно первому образцу: „Линь спустилася къ ручейчку Возлѣ нашего села.“ Но эти подробности вдали неизвѣстны и скорѣе забылись.

- Двѣ собачки впереди,
Два лакея позади ¹⁾).
- Поровнялся, поклонился:
«Здравствуй, милая моя,
10. «Чьего дому, чьего роду,
«Чьей деревни красота ²⁾?»
— Вашей милости крестьянка,
Отвѣчала ему я.
«Не тебя ль, моя красотка,
15. «Егоръ за сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стѣбитъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Ты родилася крестьянкой,
«Можешь быть и госпожа. ³⁾!»
20. — Ахъ вы дѣвушки, подружки,
— Вы голубушки мои!
— Вы сходитесь ко мнѣ,
— Потужите обо мнѣ ⁴⁾:
— Меня баринъ любить, лестно ⁵⁾).
25. — А Ванюшу очень жаль ⁶⁾.—
Всѣ подружки усмѣнулись
И въ отвѣтъ сказали ей:
«Его воля, его власть,
«За кого хочешь, отдасть ⁷⁾!»

(Отъ А. А. Пяцка и друг.)

¹⁾ Могло быть это въ дѣйствительности, съ охоты ѣхаль не одинъ: тѣмъ не менѣе прибавка „лакейская“, видимо желавшая придать барину подобающую важную обстановку. — ²⁾ Уже разбавлено: но поютъ также и согласно первому образцу. — ³⁾ Слышна неуверенность, но невѣднiю чого, что крестьянка дѣйствительно сдѣлалась послѣ госпожею. — ⁴⁾ Разбавлено и растянута, а вѣстѣ не вѣрно и дѣйствительности: задуматься было естественно, но не тужить и горевать. — ⁵⁾ Мнѣ конечно лестно, что любить баринъ. Вставка отчасти лакейская, отчасти видимо поздняя, ибо представляется, что баринъ „уже любить“, состоитъ въ любви и связи. — ⁶⁾ Черта драматичная: народъ и пѣсня не могли себѣ представить, чтобы не пожалѣть перваго жениха; въ дѣйствительности Параша, жи знаежь, могла только „сидѣть“, не больше: она сознавала, во сколько выше своего искателя. — ⁷⁾ Отвратительная лакейская прибавка, испортившая весь образецъ (хотя она и вѣрна тогдашнему воззрѣнiю на дѣйствительность).

3.

(Губ. Вологодской.)

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочку
Я коровъ гнала домой,
Лишь спустилась къ ручейку,
Близъ зелѣнаго лужка ¹⁾:
5. Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,
Двѣ собачки впереди,
Два лакея назади.
Повстрѣчавши онъ со мною,
Бросилъ взоръ свой на меня ²⁾:
10. «Здравствуй, милая красотка,
«Изъ котораго села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
15. «Чьего дому, чьего матери-отца ³⁾!»
— Вы изволите знать Петрушку:
— Я его, сударь, сестра ⁴⁾.—
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына просилъ?»
20. «Нѣтъ ⁵⁾, Егоровъ сынъ не стѣбитъ,
«Не къ тому ты рождена:
«Вотъ ты завтра же узнаешь,
«Какова судьба твоя ⁶⁾!»

¹⁾ Общія черты въ рамѣ картин, такъ какъ подлинной мѣстности вдалекѣ не знали. — ²⁾ Книжные обороты и фразы, явно взвѣсившіе похитѣе. — ³⁾ Должно быть, какъ во второмъ образцѣ: «Чьего дому, чьего роду, Чьего матери-отца (сложное склоняется мѣстѣ, по мужескому роду)?» — ⁴⁾ Встала бытъ похитѣе, но идетъ изъ Кускова и отъ Шереметьевскихъ людей или крестьянъ; это, похитѣе, пригласили Петра Кузнецова, старшаго и любимаго у Петра Борисовича „Самса“ при Большомъ домѣ: и по фамиліи его, указавшей на родство съ Парашей, и по особенной извѣстности его для всего двора, а можетъ стать еще потому, что онъ былъ двоюроднымъ братомъ Парашинъ, изъ того же рода. — ⁵⁾ Книжное. — ⁶⁾ Вдалекѣ предполагали, что теропки не знала этого барина и участь, послѣ встрѣчи, была для нея тай-

- Я пришедши домой ⁷⁾,
25. Всѣхъ подружекъ собрала:
— Вы послушайте, подружки,
— Что мнѣ баринъ говорилъ,
— Что мнѣ баринъ говорилъ,—
— За себя за мужъ просилъ ⁸⁾.—
30. Всѣ подруженьки взглянули,
Улыбнулись надо мной ⁹⁾:
«Его воля, его власть,
«Куда хочеть, и отдасть ¹⁰⁾!»»
Хошà барыней я буду,
35. Я Ванюшу не забуду:
Я Егорову семью
Всю оброкомъ слобожу ¹¹⁾,
Вотъ я милаго Ванюшу
На волю отпущу!

Пѣсня Семейная—Протяжная. Образецъ хотя растянутый, но очень хороший, ибо держится очень близко основн. Ср. Сборникъ г. Студитскаго 1841 г.)

*

Изъ образцовъ сего рода составился слѣдующій „сокращенный“:

4.

(Кусково и Москва).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ домой гнала.

ноу; а отчасти и сами не вѣдали, какова была эта участь въ дѣйствительности. Но замѣйте, что во всѣхъ образцахъ пѣсни упорно держатся этого „вечоръ“ и „завтра“, указывая, что событіе совершилось въ два дня и пѣсня обнимаетъ собою разстояніе двухъ дней. — ⁷⁾ Не вѣрно, совѣта и не могло быть тотчасъ, „поздно вечеромъ.“ Но обратите вниманіе: какъ скоро невѣрность дѣйствительности, и самый стихъ большею частію испорченъ.—⁸⁾ Самое повтореніе стиховъ обличаетъ напросившуюся прибавку, а прибавка, далекая по мѣсту происхожденія, не знаетъ дѣйствительности и разошлась съ нею: объ замужествѣ не было пока и намека. — ⁹⁾ Слова подругъ представляются ироніей и какби отъзвукомъ зависти: слишкомъ ты занялась и завралась. — ¹⁰⁾ За этимъ уже 3-й актъ въ развитіи дѣйствительности и пѣсни: выставлена мечта о томъ, что послѣдовало гораздо позднѣе, когда Царина приобрѣла вліяніе на графа. По тому самому, какъ предупрежденіе, эта добавка еще болѣе поздняя. — ¹¹⁾ Освобождѣніе отъ оброка.

Лишь спустилась къ ручейчку
Близъ зелёнаго лужка:

5. Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,

Двѣ собачки впереди:

Лишь со мною поровнялся;

Бросилъ взоръ свой на меня:

«Ты откуда, красотка,

10. «Изъ котораго села?»

— Вашей свѣтлости ¹⁾ крестьянка, —

Отвѣчала ему я.

«Не тебя ли, моя радость,

«Егоръ за сына просилъ?»

15. «Его сынъ тебя не стѣитъ,

«Не къ тому ты рождена:

«Завтра, милая, узнаешь,

«Какова судьба твоя ²⁾!»

(Отъ В. Хр. К—ра и друг.).

* *

¹⁾ Отседѣ у насъ, послѣ главныхъ образцовъ, исторія въ развитіи пѣс-
ни по печатнымъ „Пѣсенникамъ:“

5.

(Петербургъ).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочка

Я коровъ домой гнала.

Лишь спустилась къ ручейчку,

Оглянулася назадъ:

5. Вижу, баринъ съ поля ѣдетъ,

Двѣ собачки передъ нимъ.

¹⁾ Указаніе на то, что встрѣтившійся баринъ былъ именно графъ.—²⁾ Оста-
новка на этомъ рубежѣ убѣждаетъ еще болѣе, что здѣсь кончалась нѣкогда
первая основа пѣсни; небольшое продолженіе могла прибавить впоследствии
сама Параша.—О различіи „краткой основы подлинника“ отъ образцовъ
„сокращенныхъ“ говорено нѣсколько разъ выше

- Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоры на меня:
«Ты откудова красотка,
10. «Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала я ему.
«Не тебя ли, моя радость,
«Дмитрій ¹⁾ за сына просилъ?»
15. «Его сынъ тебя не стѣбитъ
«И не съ тѣмъ ²⁾ ты рождена:
«Завтра, милая, узнаешь,
«Какова судьба твоя:
«Ты родилася крестьянкой,
20. «Завтра будешь госпожой!»

(Ср. Пѣсенникъ „Глазуновскій,* П. Ш., 1819 года. Пѣсня, въ числѣ „наступескихъ,* подъ 282 №, поставлена *последнею*, какъ самая новая, только что дождавшаяся громкаго пѣнія).

*

6.

(Москва).

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я домой коровъ гнала.
Въ лѣсъ ¹⁾ спустилась съ ручейка
Близъ зелѣнаго лужка:
5. Вижу, ѣдетъ баринъ съ поля,
Всѣ ²⁾ собачки передъ нимъ.
«Здрастуй, милая красотка!
«Изъ котораго села?»

¹⁾ Въ Петербургѣ, не зная хорошенько дѣйствительности, прииѣнили имя къ сину, тогда единственно извѣстному, Дмитрію Николаевичу. — ²⁾ Какъ это плохо сравнительно съ подлиннымъ „не къ тому!“

¹⁾ Произошло ослышко изъ „лишь.* Въ лѣсъ нельзя было спускаться, а надо было подниматься, и это значило бы не домой гнать коровъ, а вести ихъ назадъ къ стаду. — ²⁾ Видѣсто „двѣ“ (всѣхъ же было нѣсколько десятковъ и разумѣется ихъ не брали заразъ).“

— Вашей милости крестьянка, —

10. Отвѣчала ему я.

— Если знаете Петрушу ³⁾,

— Я его, сударь, семь.—

«Не тебя ль, моя красотка,

«Егоръ ⁴⁾ за сына просилъ?»

15. «Что Егоровъ сынъ не стѣнть,

«Не къ тому ты рождена:

«Ты родилася крестьянкой,

«Можешь быть и госпожой ⁵⁾!»

Мнѣ дворянкой быть хотъ лестно,

20. Но Петрушу очень жаль!

(Въ Пѣсенникѣ „Рѣшетниковскомъ“ 1820 года, и здѣсь помѣщена предпоследнею, какъ недавно приобретенная печатью, а въ старшихъ изданіяхъ того же Рѣшетникова ея вовсе еще нѣтъ; за тѣмъ у „Семена,“ 1822 года, и вставлена съ особеннымъ трудомъ, какъ говорили мы, вслѣдствіе цензуры и толковъ: также предпоследнею подъ 47-мъ №, а передъ этимъ № 65, дагѣ № 67, выше же подъ 47-мъ № другая пѣсня на своемъ мѣстѣ; то есть, Семень, отчаявшись, не хотѣлъ было вовсе помѣщать, но, увидѣвши возможность, выбросилъ другую пѣсню, стоящую подъ № 66-мъ, и на скоро вставилъ любимтвую и щекотливую диковинку, позабывши даже исправить прежній ея 47-й №).

*

Въ обонхъ означенныхъ Пѣсенникахъ, какъ и въ нѣкоторыхъ современныхъ имъ другихъ, указано, что пѣсня на голосъ „Чѣмъ тебя я огорчила.“ Но это ошибка: голосъ Парашинной пѣсни совершенно особый и оригинальный, дѣло пѣвицы, богатой природою и искусствомъ; только ея „погласица,“ какъ называлъ кн. В. Ѳ. Одоевскій по примѣру нашей древности, то есть простѣйшая схема и основа въ діатонической гаммѣ, дѣйствительно сходна съ „Чѣмъ тебя я огорчила,“ за то „рисунокъ“ совсѣмъ уже другой, гораздо проще и изящнѣе, чѣмъ въ сей послѣдней, гдѣ искусственность бьетъ въ уши и отъ печальнаго начала странно переходитъ къ веселому концу. Которая изъ этихъ пѣсней старше (и могла бы занять одна отъ другой), нечего и гово-

³⁾ Мы говорили, что это шло изъ Кускова, изъ подъ Москвы, только гораздо позднѣе (см. выше).—⁴⁾ Въ Москвѣ были вѣрнѣе дѣйствительности.—

⁵⁾ За семь прибавка, какъ отрывокъ изъ разговора съ подругами и думи съ самой собою. „Дворянкой“ ошибочно, по незнанію: на самомъ дѣлѣ нужно бы „графиней.“

рить: совершенно искусственная „Чѣмъ тебя я огорчила“ появилась въ употребленіи лишь около 20-хъ годовъ и тогда же отмѣчалась въ Пѣсенникахъ, на примѣръ въ томъ же Рѣшетниковскомъ, какъ „новая пѣсня, которую поетъ всякой по веселому ея голосу;“ ее также скоро стали въ напѣвѣ смѣшивать съ другими—„Выду ль я на рѣченьку“ и „Вечеркомъ руману зорю.“ Пѣсня Парашина имѣетъ „одно колѣно“ въ двухъ стихахъ, изъ которыхъ каждый второй повторяется еще новымъ „припѣвомъ,“ и въ этомъ припѣвѣ особая прелесть; совсѣмъ на оборотъ, въ „Чѣмъ тебя я огорчила“ припѣва нѣтъ, а „два колѣна,“ каждое по два стиха и каждый второй стихъ одинаковъ съ первымъ:

1-е колѣно		Чѣмъ тебя я огорчила,
1-е колѣно		Ты скажи, любезный мой,
вторично		
2-е колѣно		Или тѣмъ, что полюбила,
2-е колѣно		Потеряла свой покой?
вторично		

Парашина пѣсня породила совсѣмъ другую, о которой ниже. Сама же она такого склада въ голосѣ:

Одно ко-		Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
лѣно		
Особый		Я коровъ домой гнала.
припѣвъ		

Ее можно исполнять доселѣ, и навѣрно съ отличнымъ успѣхомъ. Ея припѣвъ—сущій кладъ для контральта.

*

7.

(Москва).

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
 Я коровъ домой гнала.
 Лишь спустилась къ ручейчку
 Близъ зелѣнаго дужка:
 5. Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,
 Двѣ собачки впереди.
 Лишь со мной онъ поровнялся,
 Взоръ свой бросилъ на меня:
 «Здравствуй, милая красotka!
 10. «Чьей деревни и села?» ,

— Вашей милости крестьянка,—

Отвѣчала ему я.

«Ты скажи, моя милая,

«Изъ которой ты семья?»

15. — Коль изволишь знать Петрушу,

— Я его, сударь семьи.—

«Не тебя ли, моя радость,

«Егоръ за сына просилъ?

«Его сынъ тебя не стоить,

20. «Не на то ты рождена.

«Завтра, радость, ты узнаешь,

«Для кого ты суждена,

«Гдѣ судьба твоя скрывалась,

«Для кого ты рождена ¹⁾»

25. — Собирайтесь, подружки,

— На подворье на мое,

— Собирайтесь поскорѣ ¹⁾,

— Посовѣтуйте со мной:

— Хоть и льстить ²⁾ быть госпожею,

30. — Да Ванюшу очень жаль.—

Всѣ подружки улыбнулись,

На отвѣтъ сказали ей:

« «Что же съ бариномъ намъ дѣлать?

« «Его воля, его власть.

35. « «По утра́ завтра ³⁾ узнаемъ,

« «Гдѣ судьба крылась твоя.» »

(.Избранный Пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвушекъ и любезныхъ женщинъ,"
М. 1820, передъ самымъ концомъ; но въ томъ же изданіи 1818 г. этого еще
нѣтъ).

*

¹⁾ Разбавлено совсѣмъ излишне, а потому дурно. — ²⁾ Дестиф. — ³⁾ Слѣдъ «вечоръ» и «завтра», дальнѣйшее движеніе пѣсни сдѣлало отсюда еще *третій* день, въ слѣдъ за бесѣдою съ подругами. Излишекъ этотъ обличается на-
праснымъ повтореніемъ стиховъ.

8.

(Петербургъ).

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я коровъ гнала домой.
Подошла лишь къ ручеёчку
Близъ зелёнаго лужка:
5. Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мной онъ поровнялся,
Взоръ свой бросилъ на меня:
«Здравствуй, милая красотка!
10. «Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка, —
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
«Изъ которой ты семьи?»
15. — Коль изволишь знать Петрушу,
— Я его, сударь, семьи. —
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ ¹⁾ за сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стбитъ,
20. «Не на то ты рождена.
«Завтра, радость, ты увидишь,
«Для кого ты суждена,
«Гдѣ судьбина твоя крылась,
«Для кого ты рождена.»

(И прочее, какъ въ предыдущемъ образцѣ; конецъ:).

25. У Успенскаго собора
Въ большой колоколъ звонять:

¹⁾ Такъ поправилъ Петербургъ, вмѣсто прежняго „Дмитрія,“ съ пѣсенниковъ Московскихъ и согласно правдѣ.

*Нашу милую Парашу
Вънчать съ бариномъ хотятъ ¹⁾.*

(Пѣсенникъ „Занкинский“ 1820 г.; пѣсня въ числѣ „простонародныхъ“).

*

Съ тѣхъ поръ измѣненія пошли быстрыми шагами:

9.

(Москва).

Вечоръ поздно, изъ лѣсочку
Я коровъ домой гнала.
Лишь спустилась къ ручейчку,
Оглянулася назадъ:

5. Вижу, баринъ съ поля ѣдетъ,
Двѣ собачки передъ нимъ.
Лишь со мною поровнялся,
Бросилъ взоръ свой на меня:
«Ты откудова, красотка,

10. «Чьей деревни и села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.

«Не тебя ли, моя радость,
«Андрей ²⁾ за сына просилъ?»

15. «Его сынъ тебя не стѣбитъ
«И не съ тѣмъ ты рождена.
«Завтра, милая, узнаешь,
«Какова судьба твоя:

¹⁾ Развитие пѣсни довело ее даже до Успенскаго собора: это представлен е о торжественности брака внушено, очевидно, сколько рѣдкостью случая и важностью его въ глазахъ народныхъ, столько же Кусковскимъ воспомина- ніемъ о пышной свадьбѣ Варвары Алексѣевны. Но за то явилась *Параша*: кто бы сомнѣвался въ происхожденіи пѣсни, черта эта съ личнымъ именемъ героини, засвидѣтельствованная печатью 20-хъ годовъ, рѣшаетъ вопросы безповоротно, устраняя всякія колебанія.

²⁾ Новая маскировка *Еюру*, когда въ Москвѣ совершенно уже убдились, къ какому важному лицу относится пѣсня.

«Ты родилася крестьянкой,
20. «Завтра будешь госпожой!»

(Пѣсенки „Пономаревскіе,“ М. 1828—34 и далѣе).

*

Г. Авдѣва подправила еще больше и нашла нужнымъ вставить „му-
жичкое“ имя Панкрата (отмѣчаемъ поправи курсивомъ):

10.

(Петербургъ).

- Вечоръ поздно, изъ лѣсочка
Я *коровушку* гнала.
Подошла лишь къ ручейчку
Близъ зелѣнаго лужка:
5. Вижу, баринъ ѣдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Лишь со мною поровнялся,
Взоръ свой бросилъ на меня:
«Здравствуй, милая красотка!
10. «Изъ котораго села?»
— Вашей милости крестьянка,—
Отвѣчала ему я.
«Ты скажи, моя милая,
«Изъ которой ты семьи?»
15. — Коль изволишь знать *Панкрата*,
— Я его, сударь, семьи.—
«Не тебя ли, моя радость,
«Егоръ за сына просилъ?
«Его сынъ тебя не стоить
20. «Не къ тому ты рождена.
«Завтра, *завтра* ты узнаешь,
«Для кого ты суждена,
«Гдѣ судьба твоя скрывалась,
«Для чего ты рождена.»

25. — *Ахъ, собирайтесь, подружки,*
— *Крѣпкую думу разгадать,*
— Собирайтесь поскорѣе,
— Посоветуйтесь со мной.
— *Если буду госпожею,*
30. — *Мнѣ Ванюшу очень жаль.* —
Всѣ подружки улыбнулись
И сказали ей въ отвѣтъ:
« Чѣмъ жь и съ бариномъ намъ дѣлать?
« Его воля, его власти!
35. « Завтра, завтра ты узнаешь,
« Какова твоя судьба!» »

(Пѣсенникъ „Авдѣевскій“, С. П. Б. 1848 г.)

*

11.

(Москва).

.....¹⁾
« Ты скажи моя милая,
« Изъ которой ты семьи?»
— Коль изволишь знать Петрушу,
— Я его, сударь, семьи.—
« Не тебя ли, моя радость,
« Егоръ за сына просилъ?
« Его сынъ тебя не стоить,
« Не на то ты рождена:
« Завтра, радость, ты узнаешь,
« Для кого ты рождена,
« Гдѣ судьба твоя скрывалась,
« Для кого ты суждена!»

— Собирайтесь, подружки,
— На подворье на мое,

¹⁾ Начало одинаково съ предыдущими образцами.

— Собирайтесь поскорѣе;

— Посоветуйте со мной!—

(Пѣсенникъ „Эреста“, М. 1854 г.).

Дальнѣйшіе Московскіе и Петербургскіе пѣсенники, сохраняя имя „Егора“, не представляютъ ничего новаго и особеннаго противу прежнихъ: „Смирдинскій“ 1859, „Матвѣевскій“ 1861 или „Манухинскіе“ до послѣдняго времени, „Салаевскіе“ и т. п.

*

Пѣсенники, какъ на примѣръ „Маклаковскій“ М. 1822, подписывали „Встрѣча крестьянки съ баринномъ, известная по голосу пѣсни“, но въ точности записать и представить на нотахъ голосъ, довольно развитой и не совсѣмъ легкой, никто пока не принялъ на себя труда. Если онъ и напоминаетъ отчасти что либо, ближе ему современное, происшедшее въ слухъ нѣкоторымъ подобіемъ, то развѣ „Я вечеръ въ дугахъ гуляла (кн. Хованскаго)“, или сочиненіе „Русскаго Мильтона (Николе-ева)“ — „Вечеркомъ румяну зорю:“ впрочемъ все это сочинено и происхожденіемъ своимъ по времени моложе, а потому сродство, если не перенято у Парашы, то еще скорѣе произошло отъ „смѣшенія“, вслѣдствіе одинаковаго начала „вечеромъ“ въ текстѣ пѣсни. Во всякомъ случаѣ за наѣвномъ Парашинной пѣсни остается на всегда типичность, оригинальность и относительное старшинство.

За то, съ 20-хъ же годовъ нашего столѣтія, по пѣсенникамъ годъ спустя послѣ появленія въ печати пѣсни Парашинной, рядомъ съ нею показалась, обыкновенно тотчасъ послѣ нея помѣщавшаяся и „новая“, другая пѣсня, сложенная отчасти въ духѣ того же содержанія и по тому же напѣву, прямо скопированному съ пѣсни Парашинной. Это известная, отчасти вытѣснявшая Парашину въ области „искусственной“, — „Если бѣ завтра да ненастье.“ Сочиненіе ея приписывается по преданію знакомѣ нашей, Сандуновой. Классическая пѣсня ея, такъ сказать „официальная“ по торжественному употребленію, по фурору пріема и по отношенію къ самой пѣвицѣ, была, какъ мы знаемъ, Елизаветинская „Во селѣ-селѣ Покровскомъ“, а другая — за урядъ и такъ сказать „будничная“, хотя и принимавшаяся слушателями съ одинакимъ увлеченіемъ, была пѣсня полународная, усвоенная народомъ въ обработкѣ (если не въ сочиненіи) Мерзлякова — „Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ гужить.“ Но обѣ, хотя близкія къ сердцу и жизни Сандуновой, все-таки были „чужія“, не свои, первая цесаревны, вторая профессора: хотѣлось создать еще „свою“, и на это созданіе любимая пѣвица эпохи имѣла, по своему положенію, таланту и голосу, права и средства одинакія почти съ предшественницей Парашей Кузнецовой. Почитательница сей послѣдней и любительница Кускова, Сандунова

взяла напѣвъ цѣликомъ у Параша, а въ текстѣ примѣнилась къ образу, хотя уже безъ исторической основы, съ большою искусственностью и совершенно въ родѣ романа. Именно, въ этой пѣснѣ *героиня-крестьянка* мечтаетъ объ завтрашнемъ днѣ, какъ бы нестаете освободило ее отъ урочныхъ работъ и по обычаю деревенскому пустило бы въ лѣсъ за малиной, какъ ходятъ и за грибами по дождю. Кромѣ личнаго положенія героини-крестьянки, здѣсь сходство еще въ тѣхъ образахъ и выраженіяхъ, что она мечтаетъ „*съ поля идучи домой*“ и хочетъ остановиться „*возлѣ рѣчки на луку*“, гдѣ ее *сыщетъ милый*, и т. п. Какъ бы то ни было, только пѣсня, воспроизведя напѣвъ Парашинъ и примѣнивъ его къ содержанію, любимому въ то время—романтическому, а съ другой стороны не столь щекопливому (безъ всякаго отношенія къ Шереметевымъ), получила особенный успѣхъ благодаря голосу и таланту сочинительницы: потому, въ кругу ея почитателей и близкихъ знакомыхъ, сочиненная пѣсня отчасти вытѣснила пѣсню Парашину, хотя напѣвненіе было собственно напомнить и оживить въ употребленіи сію послѣднюю. Пѣсенники, говорили мы, Сандуновскую пѣсню ставили обыкновенно рядомъ съ Парашиной, не только по времени появленія въ поющемъ обществѣ, но и по одинаковости голоса, и по сходству „Параша“ съ „Лизанькой“ въ многихъ отношеніяхъ, такъ какъ обѣ были „низкаго“ происхожденія, обѣ актрисы и пѣвицы, обѣ сыиграли въ свѣтѣ между современниками видную героическую роль. Разумѣется, при всемъ этомъ сходствѣ, съ нашей и всякой истинной точки зрѣнія, была вмѣстѣ громадная разница, какъ небо отъ земли: между дѣйствительною героиней и героиней подмостковъ; между невольною и частною, хотя и страшною, актрисою и между актрисою „казенной;“ между послѣдующей графиней и между артисткой, скончавшеюся почти въ безвѣстности послѣднихъ ея дней; между пѣвицею старшею и младшею; между пѣсней подлинною и между ея воспроизведеніемъ или подражаніемъ; между народностью пѣсни одной и между искусственностью поддѣльнаго романа, оставшагося, и то не на всегда, въ однихъ только слояхъ тогдашняго „общества *).“ Все это такъ: и все-таки данная остается та, что обѣ героини и обѣ ихъ пѣсни соединились тѣсною судьбою, по крайности въ области печатной и поющей по нотамъ. Потому кстати мы считаемъ не лишнимъ привести и другую пѣсню-романсъ, о которой говоримъ, въ лучшемъ ея текстѣ и въ нѣсколькихъ искаженіяхъ или поправкахъ:

*) Прибавимъ еще, что Параша сложила народную пѣсню по вызову дѣйствительнаго событія, перешедшаго въ область историческую, и сложила въ молодости, въ цвѣтѣ силъ: Сандунова, занявши напѣвъ, искусственно и почти отвлеченно примѣнилась къ этому образу, будучи въ лѣтахъ уже преклонныхъ и теряя свѣжесть своего голоса. Вотъ почему и пѣсню эту исполнила она не столько публично и театрално, сколько, „между своими, для немногихъ.“

Пѣсня Лизаветы Семеновны Сандуновой

(Ею сочиненная, обработанная и пѣтая).

1.

(Москва и другія мѣстности Россіи).

- «Еслибъ завтра да ненастье.
«Тото бѣ ¹⁾ рада я была,
«Если бѣ дождикъ, мое ²⁾ счастье, —
«За малинкой въ лѣсъ пошла ³⁾);
5. «Я бы милому сказала,
«Чтобы онъ за мною шолъ:»
Вотъ какъ ⁴⁾ Маша ⁵⁾ разсуждала,
Съ поля идучи домой.
- «Завтра съ свѣтомъ я проснуся
10. «И въ окошко погляжу;
«Если дождикъ, попрошуся,
«Вотъ что матушкѣ скажу ⁶⁾:
« Идетъ дождикъ, нельзя въ полѣ
« Намъ сего дня работать;
15. « Мѣшкать нечего намъ болѣ,
« Пойдемъ въ лѣсъ малину брать.
« Отпусти меня, родная,
« Я малинки ⁷⁾ наберу:
« Тутъ дорожка есть ⁸⁾ большая,
20. « «Я продамъ всю ⁹⁾ къ вечеру.»
«Лишь отпустить ¹⁰⁾, въ мигъ сберуся ¹¹⁾,
«Я умоюсь ¹²⁾, побѣгу;

¹⁾ Варианты: „То бы.“ — ²⁾ „То бы.“ — ³⁾ Пошла бѣ. — „За малинкой бы пошла.“ — ⁴⁾ „Что.“ — ⁵⁾ „Лиза, „Надя,“ „Аша“ и т. д. — ⁶⁾ „Съ свѣтомъ рано, чуть проснуся, Я въ окошко погляжу; Если дождикъ, попрошуся, Вотъ какъ маленькѣ скажу.“ — ⁷⁾ „малины.“ — ⁸⁾ „Тутъ дороженька.“ — ⁹⁾ „все.“ — Въ нѣкоторыхъ перестановлено, и за этимъ: „Теперь дождикъ, мокро въ полѣ, Нацъ не можно работать; Ну чего же мѣшкать долѣ, Я малинки пойду брать.“ — ¹⁰⁾ „отпустить (хурно).“ — ¹¹⁾ „я сберуся.“ — ¹²⁾ „умоюсь;“ „и унитъся (хурно).“

- «Лишь на часъ останавлиюся ¹³⁾
Воздухъ рѣчки на дуку ¹⁴⁾»
25. «Наберу ¹⁵⁾ цвѣточковъ въ полѣ,
«За собой буду ¹⁶⁾ бросать:
«Чтобы миленькой не долѣ
«Меня могъ, какъ въ мигъ, сыскать ¹⁷⁾»
«А не то аукну въ горѣ;
30. « «Ты ау, ау, мой свѣтъ ¹⁸⁾!
« «Долеги мой голосъ вскорѣ,
« «Гдѣ мой миленькой живетъ!
«А намедни ¹⁹⁾ мой любовный ²⁰⁾
«Разсердился на меня,
35. «Но, увидя взоръ мой ослезный,
«—Поцѣлуй, скажешь, меня! —
«Я сама проста не буду
«И надѣлаю проказы:
«Если миленькой захочетъ,
40. « «Поцѣлуй, скажу, сто разъ ²¹⁾!»»

- Такъ мечтавши, приуснула,
Будто на крутой горѣ ²²⁾;
Вдругъ проснулась, встременула ²³⁾;
Ясно-ясно на дверь
45. Изголовнице смочила,
Давъ обильно течь слезамъ,
«Не увижусь, говорила,
«Ахъ, сегодня съ милымъ я!»

(Въ разныхъ пѣсенникахъ, Московскихъ и Петербургскихъ; въ употребленіи держится по мѣстамъ до сихъ поръ).

*

¹³⁾ Воздухъ до какихъ дождкошей доводитъ сочиненіе. — ¹⁴⁾ Подъ рѣчку на дуку, — ¹⁵⁾ „Я нарву,“ — ¹⁶⁾ „стану.“ — ¹⁷⁾ Это уже по Датнини. Передавалось: „Чтобы миленькой мой Дѣла (или „Чтобы милый мой Ниволд“) По слѣдамъ бы могъ сыскать.“ — ¹⁸⁾ „А потомъ аукну свѣло, Голосъ дѣсомъ отнесеть.“ — ¹⁹⁾ Древнее „ономъ дни,“ переправлялось „какъ дѣларю.“ — ²⁰⁾ „Вчерась миленькой любовный.“ — ²¹⁾ Это мечты уже не съ пола идуща, а дома на постели, какъ видно изъ послѣдующаго. — ²²⁾ Ушла дала во свѣ, что валится, и съ испугу проснулась. — ²³⁾ „встременулась.“ — ²⁴⁾ Конецъ передѣлывался иногда такъ: „Все сердился и рѣвился, Поцѣлуй,

Но уже здѣсь въ разнорѣчіяхъ мы могли замѣтить, какъ изъ среды „общественной“ пѣсни проникала въ „лакейскую“, а отсюда, низменными ступенями, въ народъ. Дошедши до послѣдняго, пѣсня совершенно измѣнилась, но, разумѣется, удерживая печать отверженія на своемъ содержаніи, нѣсколько поисправилась языкомъ и оборотами. Вотъ тому образецъ:

2.

(Губ. Олонецкой).

Разсуждала душа Маша

Съ поля идучи домой:

«Съ утра ¹⁾ завтра день прекрасенъ,

«За малинкой въ лѣсъ пойду ²⁾».

5. «Я умоюсь, уберуся,

«Родной матери спрошусь:

«Родимая матушка,

«Спусти въ лѣсъ по ягодки!

«Если спустишь ты, не спустишь.

10. «Я украдуся—уйду,

«Себѣ малинки наберу.»

«Я малинки наберу,

«Во Тайянской ³⁾ платъ свяжу,

«Но милому поднесу.

15. «Если миленькой не приметъ,

«Вечерочкомъ распродамъ,

«Я со садика ⁴⁾ пойду,

«Алыхъ цвѣтиковъ нарву;

сказала, меня. И за что не поцѣлю, Говорила я ему: Ты началъ не на такую. Побѣжала ко двору. Въ мысляхъ тѣхъ и спать ложилась: Встану рано на зорѣ. Но проснувшись смутилась: Ясно-ясно на дворѣ. Изголовье смочила Горючки слезами я: Не увижусь, говорила, Ахъ, сегодня съ мнѣнъ и Я упрямиться не буду, Не надѣваю проказы: Если миленькой захочешь, Не цѣлуй, сажу, со разъ.»

¹⁾ Дрѣвнее, съ утра, — Сербское „свтра.“ Повтореніе въ снмъ „завтра“ такое же, какъ „вчера вечеромъ.“ въ Словѣ о Ш. И. „датеца рано среди зорки.“ (Сербск. „у ятру утро, озануло.“ в т. 11 (т. е. въ критическомъ изданіи) шарица забивается корень и маломънастою мовомъ формою) ²⁾ Каждый второй слогъ повторяется, подобно надѣву пѣсни Царешинной. — ³⁾ Итал. „сиди.“ ⁴⁾ до садика.

- «Стану цвѣтниковъ срывать,
20. «За собою слѣдъ бросать:
«Чтобы мой дружокъ любезный
«Меня по слѣду нашолъ,
«Ко мнѣ въ рощицу пришолъ.
«Поцѣлую дружка разъ,
25. «Не надѣлаю проказъ.»

(Ср. сборн. г. Студитскаго, 1841 г.).

*
* *

Такова судьба пѣсни Парашинной въ народѣ, общественномъ употребленіи и въ печати, въ развѣтвленіяхъ и послѣдствіяхъ.

Тридцативосьмилѣтній, страстный и уже преснищенный графъ, одинъ изъ первыхъ въ Россіи по знати и богатству, пораженъ былъ встрѣчею крестьянки: красоты самобытной и оригинальной, умной, развитой, созрѣвшей, нѣжной и изящной. Воскресли раннія воспоминанія объ ней, слышанныя по Кускову рѣчи; ревность затронута была недавнимъ разговоромъ о предстоящемъ замужствѣ: графъ рѣшилъ овладѣть дѣвушкою, безъ того ему принадлежавшею по праву крѣпостному. Образованный человекъ своего времени, выдавшій и знавшій Европу, а потому умѣвшій различить предрасудки, благородный по старому преданію Шереметьевскаго рода и по слову новаго поэта, любезный и ласковый по отцу, великодушный по личной натурѣ, съ горяча провозгласилъ и общалъ онъ: „Не къ тому ты рождена, завтра будешь госпожа!“ Но къ чему же рождена и какими путемъ сдѣлается госпожою, въ ту пору крѣпостныхъ условій и общественныхъ понятій? Легче было это сказать, чѣмъ исполнить: для исполненія по крайности нуженъ былъ твердый характеръ, и характеръ твердости чрезвычайной, а этого-то именно и недоставало Николаю Петровичу. Въ слѣдъ за удовлетвореніемъ перваго порыва страсти, лучшимъ шагомъ новаго пути представлялось: дать Парашѣ ходъ по тропѣ, только что извѣданной въ первыхъ опытахъ, вести по дорогѣ артистической въ званіи актрисы, доставить здѣсь извѣстность, славу и положеніе, а между тѣмъ сообщить постепенно лучшее образованіе и устроить матеріальныя средства. Кусковскій Театръ, только что вновь отдѣланный, но которому по смерти Петра Борисовича грозило запустѣніе, внезапно разцвѣлъ до рѣдкаго совершенства: графъ отдалъ ему всю свою душу, занятую другою душою, здѣсь игравшею. Параша, обратившись въ Прасковью Ивановну, взята была изъ отцовскаго дома и помѣщена во флигелѣ, гдѣ жила актрисы, близъ Управительскаго дома: здѣсь учили ея обученіе, въ особенности по Русски и „на другихъ языкахъ,“ къ чему графъ не

жалѣль издержекъ и въ чемъ подругою Параша сдѣлалась теперь незамѣнная Т. В. Шлыкова; въ то же время, для сценическаго дѣла, учили декламаци, игрѣ, танцамъ и всего больше музыкѣ. Напряженнымъ стараніямъ отвѣчали успѣхи: менѣе извѣстная въ комедіи и балетѣ, хотя и принимала въ нихъ участіе, Горбунова скоро прославилась отличною оперною пѣвицею. За недостаткомъ документовъ, живыхъ преданій и печатныхъ показаній того времени, нельзя сказать многого о составѣ Кусковской труппы: сохранилось только перечисленіе обильныхъ пѣсѣ ея исполненія да заслуженная слава. *Музыканты*, съ иностранцами во главѣ, помѣщались особо, *пѣсиче* также: тѣ и другіе составляли отличный оркестръ и хоръ. Потомъ, особо жили *актеры*, изъ которыхъ мы знаемъ по имени только *Петра Петрова* и *Чужова*. *Танцовщицы* также отдѣльно: современницы Параша, долго ее пережившія, были—помѣнута *Т. В. Шлыкова*, жившая впрочемъ въ Большомъ домѣ, да еще такъ называемыя *Тюриха* и *Елизариха*, дочери дворовыхъ, Андрея Тюрина и Елизара Неморошина ¹⁾). Наконецъ, особенное мѣсто занимали *актрисы*, иначе называвшіяся *комедіантками*, въ числѣ ихъ пѣвицы и Параша: въ старшую пору, при первыхъ успѣхахъ Горбуновой, ихъ было *шесть*, въ томъ числѣ передовая *Марья Черкасова* и *Арина Калмыкова* ²⁾); при нихъ же состояли „учительницы Французенки,“ именно, при старикѣ графѣ, *Дюверіи* и *Шевалье* ³⁾). Актрисамъ оказывали преимущественное вниманіе и, вмѣстѣ съ двумя иностранцами музыкантами да Петромъ Петровымъ, шло самое лучшее содержаніе ⁴⁾: присутствіемъ Параша въ ихъ числѣ еще болѣе улучшилось ихъ положеніе; „заштатнымъ“ давалось также помѣщеніе съ прислугою и содержаніемъ. Театръ, повторяемъ, быстро расцвѣлъ и еще скорѣе Параша сдѣлалась лучшимъ его украшеніемъ. Въ 1790 году, 1 августа (въ приходскій праздникъ), данъ былъ, съ великолѣпною обстановкою, не игранный еще придворно, балетъ „Инеса ди Кастро („Нинетъ а ла куръ“).“ Но, изъ числа, превышавшаго сорокъ, первую, и удачнѣйшей оперою, въ которой прославилась пѣвица, была та, которую слышала она еще раньше въ присутствіи совершенно довольной

¹⁾ Онѣ скончались не давно и рассказы ихъ еще живы въ памяти многихъ.—

²⁾ Последняя, въ числѣ заштатныхъ, жила еще на пенсіи въ 1800 г.—³⁾ Онѣ были „разсчитаны“ въ 1785 г. (на точность первой фамиліи нельзя полагаться вполнѣ.—⁴⁾ Ежедневно по Французскому бѣлому хлѣбу, привозившемуся нарочно изъ Москвы отъ иностранца хлѣбника (любопытно, что, за исключеніемъ Н. П—ча, всѣ остальные, и самъ Петръ Борисовичъ, ѣли *хлѣбъ черныи*, либо домашнее бѣлое печенье); карасы изъ прудовъ, Русскимъ въ постные дни, но 10 мелкихъ на человѣка; Смоленская манная крупа, Сарацинское пшено, уксусъ красній и Ренскій, денежное жалованье, и т. д. Хуже всѣхъ было положеніе танцовщицъ: ихъ держали въ черномъ тѣлѣ, помѣщеніе было холодное и особо испрашивалось дозволеніе проталкивать, въ случаѣ болѣзни какой либо изъ нихъ (за исключеніемъ привилегированной Т. В. Шлыковой, жившей при господахъ въ Большомъ домѣ и потомъ оставшейся другою дома).

Императрицы,—это „Самнитскіе браки.“ Здѣсь играла она роль *Элианы* въ блестящемъ рѣцарскомъ уборѣ среднихъ вѣковъ (вмѣсто классическаго) и въ племѣ: въ этомъ видѣ, очень еще молодая, снята она на своемъ старшемъ удѣлѣвшемъ портретѣ³⁾. Въ глубинѣ Театра сохранилась до сихъ поръ та классическая колесница о двухъ колесахъ, на которой выѣзжала Параша передъ зрителей и слушателей: старожилы не могутъ забыть впечатлѣнія красоты ея и голоса въ этой роли. Кусково, при Императрицѣ, въ числѣ посѣтителей видало у себя такихъ знатныхъ, какъ императоръ Іосифъ, Эрцъ-герцогъ Карлъ, многие принцы и Станиславъ Понятовскій: послѣдній въ 1797 году, 1-го іюня, поѣхалъ и Останкино. На этотъ разъ Параша предстала на тамошнемъ домовомъ театрѣ, и оная въ „Самнитскихъ бракахъ,“ среди обстановки и декораций, устроенныхъ знаменитымъ Гонзаго (въ заключеніе пелль-балетъ). Фуроръ былъ необыкновенный: пѣвица въ тотъ разъ имѣла на себѣ бриллиантовый уборъ во 100.000 рублей. Вспоминая торжество ея, уже по смерти графа, родной внучъ Наталія Борисовна, поэтъ Иванъ Михайловичъ Долгорукій (прозванный „балконокъ“) писалъ такъ о Кусковскомъ театрѣ:

Театръ волшебный подломился⁴⁾,
 Дожды⁵⁾ въ немъ оперъ не даютъ,
 Парашинъ голосъ прекратился,
 Князья въ ладоши ей не бьютъ:
 Умокли нѣжной груди звуки
 И „Крѣза меньшей“ скончался въ скукъ⁶⁾.

Вся эта блестящая обстановка и выѣшность, которую съ избыткомъ удовлетворились бы дюжинныя натуры, скрывала однако за собою, для графа и Парашин, самую глубокую драму, полную тревогъ, огорченій и волненій, рядъ испытаний, страданій и жертвъ. Въ самое первое время, вопреки завѣренію бумагъ о „ненорочномъ вниманіи“ со стороны графа, это было напротивъ явленіе избалованныхъ страстей: но послѣдняя вспышка измѣнчивой страсти, встрѣтивши существо достойнѣйшее, сдѣлалась первымъ шагомъ страсти постоянной и единственной; скоро увидѣлъ самъ графъ и увидѣли всѣ, что онъ любилъ лишь одну и больше ни кого любить не можетъ. Удовлетворивши мгновенную прихоть свою на одной изъ крѣпостныхъ дупь, онъ въ этой одной

³⁾ Въ Большомъ домѣ: уборъ великолѣпный; при всей красотѣ, лицо ея и въ то время еще молодо и нѣжно, нѣтъ страсти и той, видной на послѣдующихъ портретахъ, душевной силы, которая побѣдила и умиротворила страсти. О прочихъ портретахъ ниже.—⁴⁾ Правильнѣе поносился: „до сихъ“ уборъ оцъ твердъ и не подломленъ.—⁵⁾ Изъ Малорусскихъ ямскій графа, украшавше хоръ своими отличными голосами.—⁶⁾ Николай Петровичъ въ отличіе отъ „Крѣза старшаго,“ отца. Это строфа изъ приведенной выше „Прегулки въ Кусковѣ.“

встрѣтилъ дѣйствительную, рѣдкую и высокую душу: нельзя было отдѣлаться здѣсь жгновеніемъ, пришлось считаться и за все прошлое, и за да-
лѣе. Устроено было положеніе актрисы и за тѣмъ, казалось, готовъ
былъ покончиться расчетъ: за актрисой предстало существо; горячо и
все больше, все больше любимое, существо все больше и больше раз-
вивавшееся, явившее образцы необыкновенныхъ качествъ, несколько по-
ражавшихъ своею небывалостью въ сферѣ знатной и богатой,—суще-
ство любви безпредѣльной, терпѣнія и смиренія безграничнаго, вѣры
живѣйшей, благочестія искреннаго, человеколюбія во всемъ открытаго,
побѣдительства неколебимаго, вѣрности нештанной, ума образованнаго
лучшимъ образованіемъ женщины; изящества все проникливаго. „Я пи-
тала къ ней,“ пишетъ впоследствии графъ завѣщательное письмо своему
наслѣдственному сыну, „чувствованія самыя нѣжныя, самыя страстныя.
Долгое время наблюдалъ я свойства и качества ея: и нашелъ украшен-
ный добродѣтелью разумъ, искренность, человеколюбіе, постоянство,
вѣрность, нашелъ въ ней привязанность къ святой вѣрѣ и усердѣннѣе
Богочитаніе. Сія качества плѣнили меня больше, нежели красота ея,
ибо они сильнѣе всѣхъ вишнихъ прелестей и чрезвычайно рѣдки.“
Живя съ нею, возлюбивъ ея самъ графъ съ каждымъ часомъ совершен-
ствовался и возвышался, и не могъ этого не чувствовать. Онъ раз-
стался съ прежними мелкими страстями и увлеченіями; постепенно
бросилъ охоту, забылъ праздную жизнь; преданъ сценическому иску-
ству съ постоянствомъ и настоящимъ пониманіемъ, сдѣлался хорошимъ
хозяйномъ, распространялъ и усовершенствовалъ школу, покровитель-
ствовалъ художникамъ, много читалъ; допустилъ служителямъ и дрян-
нѣйшій значительную долю самоуправленія²⁾, обращался къ роллинъ не-
въ одной только формѣ, больше и больше дѣлалъ добра ближнимъ.
Тѣмъ не менѣе, недостатка физическаго, природнаго и воспитаннаго,
онъ не могъ избѣжать съ разу: слабость характера отзывалась частыми
колебаніями, и колебаніями тѣмъ сильнѣйшими, тѣмъ сильнѣе были
искушенія вокругъ и тѣмъ больше требовалось жертвъ. Разстояніе ея
и подруги было слишкомъ велико, для всякаго времени, а тѣмъ паче
для тогдашняго: упреки, замѣчанія, намеки, косые взгляды, двусмыс-
ленные улыбки готовы были при каждой встрѣчѣ. Простити бы пре-
жня увлеченія, и даже распутства, не знавшія предѣла: постоянство въ
этихъ случаяхъ всего меньше прощаютъ, одной любви рѣже всего по-
нимаютъ въ подобномъ положеніи. Но это бы еще ничего, и тутъ легче
было справиться: небразимыя вопросы нравственныя; стоитъ лишь
пробудить ихъ въ себѣ и вокругъ, какъ то царство духовъ, которое по

²⁾ Такъ на примѣръ во всѣ „должности,“ не только крестьяне, но и слу-
жаче дворяне избирали изъ среды своей по общему приговору и приговоръ
утверждали подписками: баринъ принималъ избраннаго и назначалъ содержа-
ніе.

словамъ поэта возстаетъ изъ подъ земли, затрунутое дерзанимъ прикосновеніемъ. Дочь взята была отъ отца, и отца связаннаго особенной любовью, изъ семейства, которое однако продолжало жить рядомъ: оттуда чувствовались либо укоры молчаливаго негодованія, либо слышались дерзкія рѣчи и доносились притязанія обладающаго баловства; то поднималось недовольство постороннихъ на излишнее потворство новымъ „роднымъ“, то готовилось оправданіе всякаго безпорядка ссылкой на дурной примѣръ, поданный сверху. А вѣдь вмѣстѣ и около жила громадная дворня, эта пучина Аргуса стоголазая, эта вѣчная сплетня стоустая, всезнающая, подсматривающая и подслушивающая. Къ имени „Прасковьи Ивановны“ графъ прибавилъ артисткѣ постоянное прозвище „Жемчужовой“¹⁰⁾,—такъ звали ее на сценѣ, какъ рѣдкую жемчужину, звали между артистовъ и на афишахъ, звали самъ графъ и приназывалъ звать,—это была уже малая фамилія Кузнецову роду; но свои, но всѣ дворовые и близкіе, межъ себя и громко продолжали звать ее „Нараша, Прасковья, Кузнецова и Кузнециха, Горбунова“, иногда усиленно, и нарочно, и съ усмѣшкой на это налегая. Изъ семи, сестра Матрена съ хорошимъ приданымъ выдана была за графскаго служителя, брата поманутой актрисы, Петра Калмыкова, отлученнаго на волю и поступившаго „на службу“¹¹⁾.“ Братья Василій и Михайло рано умерли; Иванъ, отлученный на волю, состоялъ постоянно при домѣ графа и сестры въ Петербургѣ (умеръ въ Кусковѣ 1819 г.); Николай, бывшій музыкантъ, служилъ въ Московской Университетской типографіи, уволенъ канцеляристомъ, но, затанувшись въ поиски дворянства (о чемъ ниже) и потерѣвъ неудачу, умеръ 1803 г., числясь при Петербургскомъ почтовомъ управленіи,—по счастью всѣ они умерли холостыми; и всѣ однако успѣли пожить, чтобы надѣлать хлопотъ своимъ высокимъ родственникамъ. Оставался дольше въ живыхъ отецъ, умный и добрый старикъ, горячо любимый дочерью, но до смерти любившей вынить и требовавшей попечительнаго ухода; да старшій братъ Леонасій, самый притязательный, всѣхъ больше тревожившій сестру и графа за самымъ ихъ гробомъ. Улаживая подобныя непріятныя отношенія, нужно еще было рѣшить одинъ изъ ближайшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ: о мѣстѣ жизни Прасковьи Ивановны. Вопросъ не такъ легкій въ тогдашнемъ положеніи, какъ бы казалось. Сначала она жила во „флигелѣ“ съ прочими актрисами, но слишкомъ выдавалась изъ нихъ, и графъ перевелъ ее рядомъ въ „Управительскій домъ“, уцѣлѣвшій домикъ (въ правую половину, гдѣ въ садикѣ посажено огромное дерево черемухи). Но и тутъ влюбленный скучалъ, неудержима была потребность жить вмѣстѣ, а между тѣмъ въ „Домѣ уединенія“ женская половина слишкомъ напоминала мать Вар-

¹⁰⁾ Т. В. Шлякову, вопреки ея желанію, въ параллель заставили также называться *Гражданскою*.—¹¹⁾ Матрена жила послѣ долго вдовою въ Малорусскомъ имѣніи и получала паспортъ изъ графской конторы.

вару Алексѣевну, а мужская отца: для деликатнаго графа это была святыня. Въ „Большомъ домѣ“ слишкомъ было набито народомъ, наполнено глазами и ушами, или, какъ говоритъ Шекспиръ, тамъ „въ самыхъ стѣнахъ были голосники:“ тамъ была и калмычича Анна Николаевна съ сестрою, Алёна Степановна, Т. В. Шлыкова, Настасья Петровна, Яковъ Петровичъ, — росли маленькія „дѣти съ мадамою,“ Марья Черкасова и хоръ прежнихъ любимицъ по дѣвичьимъ. Новая, единственная и чистая, любовь искала новаго жилища и уединенія. Взоръ графа остановился на „Мыльнѣ“, обширномъ деревянномъ зданіи, построенномъ еще при Петрѣ Борисовичѣ, съ великолѣпными ваннами, будуарами, столовою и буфетомъ, картинами и статуями: она помѣщалась въ Сѣверо-восточномъ углу Большаго сада, рядомъ съ каменнымъ Бельведеромъ, на искосокъ отъ Театра и Управительскаго дома. Графъ сломалъ и передѣлалъ „Мыльню“, срылъ ограду и валъ сада, отвелъ отсюда воду и поставилъ, въ 1790 году, такъ называемый „Новый Домъ“, мямий домъ для барскаго жилья послѣ корнуса Бориса Петровича.

Новый Домъ былъ деревянный, съ каменнымъ фундаментомъ, выкрашенъ днкою краскою, на 17 саженахъ длины и 4 саженахъ (слишкомъ) ширины, о 13 комнатахъ, съ двумя входами—нѣтъ саду съ Западной, и отъ театра съ Сѣверовосточной стороны. Внутри все было просто, но уютно и комфортабельно въ высшей степени. При входѣ изъ сада сѣни, на лѣво официантская и столовая съ буфетомъ, на право приемная, наугольная гостинная, по фасу къ Слободѣ спальня графа, гардеробъ, комната проходная, кабинетъ, и проходная „въ спальню Прасковьи Жемчужовой.“ Мы обошли домъ вокругъ и теперь въ Сѣверовосточномъ его углу, въ новой пристройкѣ къ корпусу передѣланной Мыльни, въ покоехъ Параша. Здѣсь было три комнаты съ прихожемъ, одна къ прежнему жилью — флигелю актрисъ и Управительскому дому, къ Театру и въ садъ. Въ спальнѣ образъ Богоматери, съ вызолоченными полами и вѣнцами, французскіе обои, въ двухъ окнахъ занавѣсы изъ атласа и серпанки, въ простѣнкѣ зеркало, два дамскихъ портрета, двѣ картины съ пастушками, ниша для самой простой постели съ ситцевымъ подзоромъ, два сосновыхъ столика, березовыя кресла, потолокъ подбитъ холстомъ, полъ сосновый. Отсюда ходъ въ дѣвичью. Въ двухъ остальныхъ комнатахъ образа—пр. Иліи (день рожденія хозяйки) и Боговляенья, въ недорогихъ окладахъ, русскіе обои, такое же простое убранство и скромная мебель, ольховый комодъ и сосновый шкафчикъ, прихожая и особыя сѣни съ крыльцомъ. Единственную роскошь составляло искусство, въ картинахъ, принадлежавшихъ впрочемъ графу и развѣщенныхъ какъ здѣсь, такъ и по смежнымъ комнатамъ: Моисей, Самсонъ у Далиды на колѣняхъ, Сусанна, усѣкновеніе Предтечи, Христосъ среди дѣтей, Луcreція и Тарквинія, Время и Кунядонъ, жертвоприношеніе Ифигеніи, Геркулесъ, Венера, Граціи, Нимфы, Аполлонъ съ Музами, Дафнисъ, пейзажи и цвѣты, женщина на колесницѣ

и другая съ ногами въ рукахъ—изображеніе самой хозяйки ¹²⁾. Трудно представить что ни будь проще и дѣвственнѣе, на такомъ бывають покои нынѣшнихъ эманципированныхъ женщинъ и, особливо у многихъ актрисъ или пѣвицъ. Фасады дѣлаго дома выходятъ на Восточную сторону и съ построениемъ этого новаго барскаго жилья должно было много измѣниться вокругъ. Отдѣланы флигеля артистовъ, стоявшіе передъ лицомъ и взоромъ; направо, „вторая Ведова в водная вашия (с первой выше)“, служившая прежней Мыльнѣи фонтанамъ, при Итальянскомъ домѣ, сдѣлалась теперь не нужна и скоро сломана, оставивъ по себѣ нынѣшній колодезь; снесены въ другое мѣсто разныя матеріальные сараи, сльниши и т. п., въ саду же прибавлены кухня, погреба, конюшни (въ сторонѣ отъ оранжерей). „Десять лѣтъ, съ 1790 года, когда построенъ этотъ домъ, до 1799-го длилась здѣсь внутри, въ тишинѣ и уединеніи, между природою и искусствомъ, жизнь влюбленныхъ. Прасковья Ивановна знала одну дорогу—въ театръ да въ садъ, по большой крайней аллеѣ при Сѣверной оградѣ. Она помнила только молиться дома, заниматься искусствомъ, послушно любить графа. Какъ сама жила скромно, такъ не давала называться роднымъ, чѣмъ больше, что это навлекло бы неприятности владѣльцу: родные скорѣе сержались на нее, чѣмъ радовались счастью или помогали. За то, гдѣ не предстояло столкновеній щекотливыхъ, она дѣлала добро всякому, кому могла и чѣмъ только могла. Отъ нея не видали ни сѣси, ни притѣсненія, ни выматательства: не было человѣка, кого бы она обидѣла, хоть бы словомъ; въ массѣ крестьянъ и особливо общицкихъ дворовыхъ не было и нѣтъ человѣка, кто бы помянулъ ее чѣмъ либо дурнымъ. Но за это велчески истлѣи: частіе прерывалось ежедневными тревогами, сплетнями, слухами, угрозами, пересудами, вторгавшимися внутрь уединенія. „Актриса, барская барыня, кузнециха Прасковья,“— вотъ что шепталось и при случаѣ кричалось вокругъ всѣми недовольными, кто мало пользовался, или не успѣлъ еще извлечь выгоды, или былъ совершенно уже доволенъ и больше не дорожилъ. Усердной богомошнѣ запрещалось даже ходить въ Церковь, во избѣжаніе косыхъ взглядовъ и сплетень. Это скорѣе была затворница и обреченная жертва. Графъ съ своей стороны дѣлалъ все для ея — и ни въ чемъ собственнаго — счастья, на сколько его понимали, кромѣ того, къ чему не доставало силъ, кромѣ стойкости, которая часто измѣняла ему. Забыть себя какъ графа, знатнаго богача, придворника, общественаго человѣка, — в все это увеличивало расстояние отдѣлявшей бездны; — было ему тяжело: онъ боролся, крѣпился, прибѣгать также къ молитвѣ, но порою изнемогалъ. По разсказамъ старыкъ людей, онъ входилъ не рѣдко въ комнату Парамы и заводилъ съ ней бесѣду, какъ ему тѣжко; какъ его зовутъ куда ни будь далеко, то онъ собирается жениться (на ров-

¹²⁾ По опискю 1790 г., сравненной съ позднѣйшими.

той); то просто приходится или расстаться: Параша не возражала, не выражала ни упреков, ни жалоб; „только послѣ, навѣ видѣть графѣ, все она плачетъ да плачетъ, обнимаетъ руками образъ Божьей Матери, а больше Скорбящихъ, да все цѣлуетъ его, молятся и льетъ слезы.“ Испытывалъ ли графъ, или слабѣлъ какъ человѣкъ? Это ли значило — „Не къ тому ты рождена, завтра будешь госпожа?“ Наконецъ мѣра страданій истощилась; правда, милость и любовь вдохнули рѣшимость графу. Первымъ дѣйствіемъ этого былъ въ 1798 году отпускъ на волю (до тѣхъ поръ, 30 лѣтъ, она все еще была крѣпостною!) Но хать волю — съ какою же фамиліей, послѣ ревизіи 1795 года, гдѣ она все еще числилась въ крѣпостныхъ по Юхотской волости? Кузнецова, Горбунова, Горина, Зорина, Жемчугова, — все это не годилось, слишкомъ напоминало, слишкомъ указывало на происхожденіе. Становились на томъ (вѣроятно думавшіе глубокую думу совѣтники), что „кузнецъ“ по Вѣлорусски, Малорусски и Польски „коваль“, что „Кузнецова“ будетъ „Ковалева;“ по счастью и въ Константиновѣ, мѣстѣ прежняго жительства, нашлись между крестьянами „Ковалеви.“ Прасковья Ивановна считалась свободной *Ковалевою* ¹¹⁾. У Шереметевыхъ отпускныя всегда были рѣдки: новья возбуждала негодование, толки и притязанія, отъ старыхъ даже родныхъ, того же искавшихъ. Оставаться въ Кусковѣ было уже невыносимо: случай рѣшилъ освобожденіе. Гумая по большой жалбѣ, Ковалева встрѣтила стороннихъ посѣтителей, прѣбывавшихъ тамъ гулять и забавляться: подученные или ради забавы бросились къ ней съ вопросомъ слишкомъ явнаго намека, — „Гдѣ здѣсь кузница, кто кузнецомъ и есть ли у него дѣти?“ Огорченная бросилась отъ дерзкихъ въ свой покой: графъ началъ собираться въ Останкино, — во второй половинѣ 1799 года. — Разставался онъ съ Кусковыми чуть не въ слезахъ, въ безпокойствѣ за цѣлость памятниковъ отцовскихъ, съ заботою о поддержкѣ: онъ всѣмъ поручалъ беречь, требовалъ письменныхъ ручательствъ съ присягою на счетъ ревности храненія, переѣхавши спрашивалъ и ежедневно получалъ отсюда письменные рапорты, что все обстоитъ благополучно, цѣлы печати, стоятъ статуи, не ѣздятъ въ Звѣринецъ съ охотою, лебеди плаваютъ, въ особенности печи осмотрѣны и трубы вычищены, и т. д. Между прочимъ, къ 1800 году и *Угать* былъ запечатанъ, наложены печати на гардеробъ, на всѣ его отдѣленія: съ тѣхъ поръ больше не открывался онъ для представленій, замѣлокъ и затѣлокъ послѣ 15-тилѣтняго существованія и 10 или 11-ти лѣтъ процвѣтанія; затануть паутиной, заселенъ ласточками и летучими мышами; но, благодаря тому же, онъ лучше другихъ памятниковъ уцѣлѣлъ и въ глубинѣ сцены стоитъ еще классическая колесница, какъ будто вы сейчасъ видите и слышите на ней пѣвицу Жемчугову. Не то происходило съ „Новымъ домомъ.“ Прасковья Ивановна, живящая не отъ

¹¹⁾ Отпускная отъ 15 Декабря 1798 г. Записана въ С.-Петербургской Гражданской палатѣ (подалше отъ Москвы).

саго міра, вѣда съ собою не много, только главное — образа, а графа и подавно; нѣсколько времени все стояло нетронутымъ. Но черезъ 10 лѣтъ, по смерти графа, опекуны начали пускать сюда наемныхъ жильцовъ: въ 1811 г. майорша Н. П. Зубова, въ 1812-мъ Ст. Сов. Ѳ. К. Соколовъ, послѣдними были — Влад. Петр. Веневитиновъ и въ 1820 г. вдова его Анна Николаевна (урожденная Оболенская). Съ тѣхъ поръ опекуны нашли дорогимъ поддерживать: домъ — намятникъ столъ дорогой для Шереметевыхъ, жилищемъ Прасковьи Ивановны — срыть до основанія и всякого слѣда, мѣсто его заглажено будто какое-то проклятое. Только серебряные тополи, посаженные здѣсь и столъ отличные отъ всего окружающаго сада, растутъ съ каждымъ годомъ роскошнѣе и шепчутся въ листьяхъ о быломъ.

Разставанье съ Кусковымъ рѣшило участь и остальной родственной семьи. Мать Прасковьи Ивановны не дождалась ея счастья и скончалась около 1799 года. Въ Декабрѣ 1801 года, послѣ рѣшительнаго перелома въ жизни графа, всѣмъ оставшимся въ живыхъ роднымъ дана вольная ¹⁴⁾, которую воспользовался и отецъ Иванъ Степановъ 62-хъ лѣтъ, и сынъ его Аванасій 30-ти лѣтъ, женатый уже на Аннѣ Акимовой съ дѣтьми Петромъ и Аленой. Въ 1803 году, оба, отецъ и сынъ, по ихъ просьбѣ, записаны въ Московскіе купцы 3-й гильдіи (Каташевской слободы): но разумѣется не торговали, не промышляли и ничѣмъ не занимались, первый по старости, а второй по лѣни. Кромѣ дароваго помѣщенія и прислуги, имъ отпускалось изъ домовой канцеляріи, Ивану Степанову по 500, сыну по 800 р. сер. въ годъ, а по завѣщанію графа еще болѣе въ единоразовную выдачу: „Отпущеннымъ отъ меня на волю съ выданными отпусками, Ивану Степанову сыну, прозывающемуся *Кузнецовымъ*, *Ковалевымъ* и *Ковалескимъ*, а также и сыновьямъ его, на раздѣлъ по волѣ его отцовской, дать всего 50.000 рублей.“ Здѣсь мы видимъ еще новую, седьмую фамилію—*Ковалеская*, о которой скажемъ ниже и которую, по прежнему образцу, усиливались скрыть прошлое, либо „облагородить“ безъ того честное дѣло. Тѣмъ не менѣе, не смотря на эти хлопоты, пока Иванъ Степановъ оставался въ Кусковѣ, его продолжали звать, и во всѣхъ бумагахъ, „бывшій кузнецъ Иванъ Степановъ Горбунь“, „Иванъ Горбуновъ“, потомъ „бывшій кузнецъ Иванъ Степановъ“, позднѣе „Иванъ Ковалевъ“, только духовенство, желая угодить, прописывало его „Иванъ Степановичъ сынъ Кузнецовъ.“ За нимъ, по настоянію горячо любившей дочери, ухаживали, особенно оберегала отъ напастей, и для того не оставляли одного дома, а приставленъ былъ къ нему особый дядька Харитонъ Сорокинъ. Потому въ рапортахъ изъ Кускова въ Останкино, рядомъ съ Театромъ, статуями, оранжереями и лебедами, обыкновенно прибавляли: „Иванъ Степановъ благополученъ.“ Но дочь скучала по немъ, не рѣдко вызывала, а скоро со-

¹⁴⁾ Записана въ Московскомъ Уѣздномъ судѣ.

всѣмъ соскучилась и потребовала его на житье въ себя: Апрель 28-го 1801 года, взявши свой кузнечій молотокъ да куръ, старикъ перебрался въ Останкино ¹⁴⁾. Тамъ помѣстили его на слободѣ въ особомъ домѣ и онъ пережилъ еще и дочь, и самого графа. Бѣдовый Аванасій остался и по просьбѣ сестры поселился въ дому отцовскомъ ¹⁵⁾. Его въ бумагахъ мѣстныхъ прозывали также по просту „портной Аванасій Горбуновъ“ или „Кузнецовъ,“ и только позднѣе „Ковалевъ,“ а съ конца 1801 года „Кавалевскій“ и еще позднѣе „купецъ Ковалевскій,“ съ деликатною замѣткою, что онъ „Московского штата,“ „Заштатный,“ получаетъ жалованье „изъ казначейства“ и „какой онъ по положенію отъ Его сіятельства окладъ получаетъ, при Кусковѣ неизвѣстно,“ „состояніе же чего домовому правленію извѣстно.“ Въ началѣ 1802 года ему вновь перестроенъ и отдѣланъ „казенный,“ т. е. графскій домъ, съ обращеніемъ въ его собственность, на Старой Слободѣ: но онъ не переставалъ непрерывно вопить до самаго 1820 года, то о прибавкахъ, то о подаркѣ лошади, о даровомъ сѣнѣ для коровы и т. д., наконецъ потребовалъ себѣ каменнаго дома, пока наконецъ при измѣнившемся порядкѣ вещей, послѣ графа и при опекунахъ, вовсе былъ удаленъ изъ Кускова, какъ говорятъ, въ Малорусскую Борисовку.

Кусково опустѣло, и здѣсь собственно долженъ кончиться нашъ очеркъ, который мы добавимъ нѣсколько лишь для округленія и для „не многихъ.“ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ поднялось Останкино, дотогѣ не столь видное и обязанное Кускову своими садовниками, растеніями, убранствомъ, переѣхавшими хозяевами и увеличившимся числомъ посѣтителей. Послѣ Кускова это сдѣлалось вторымъ любимымъ мѣстомъ дачъ и народнаго гулянья, гораздо прежде нынѣшнихъ Сокольниковъ: вѣкругъ Останкина снова воскресли—Марьяна Роца, Свирлово, Медвѣдково, Леоново, Растокино,—такъ возвратилась старина, а послѣ того, въ наше время, старина самая старшая, Романовская,—въ Сокольникахъ.—Въ Останкинѣ чета вздохнула свободнѣе: тутъ не было обязательныхъ преданій, подругу графа только видѣли да знали по слухамъ, не было у нея тысячи тяжелыхъ связей, заботливо отсюда удаленныхъ. Графъ, по обычаю людей его характера, разъ вырвавшись изъ Кускова и положивши блюсти его неприкосновенность, кончилъ тѣмъ, что постепенно пересталъ вовсе посѣщать мѣсто дорогихъ, но щекотливыхъ воспоминаній, мало по малу приказывалъ перевозить въ Останкино оружіе, картины, памятники, драгоценности, перевелъ школу, живопись, мастерства, театральную труппу: повторились тѣ же представленія, оркестры музыки, хоры, катанья по прудамъ съ пѣснями, фей-

¹⁴⁾ Успѣвши впрочемъ при отъѣздѣ заложить свое платье за рубль: должны были выкупить. — Говорятъ, что хранящійся въ Театрѣ портретъ лежащаго во гробу — списанъ съ него: сходство съ дочерью есть. Онъ умеръ въ Останкинѣ 27 Апр. 1813 г.—¹⁵⁾ Въ сходственность изустнаго Его сіятельства, на просьбу *Прасковьи Ковалевой*, приказанія. “ Отъ 22 февр. 1800 года.

ерверья и т. д. Театръ былъ тамъ „домашній“: допускались только избранные, меньше было огласки, болѣе свободы для главной его героини. Потому и прежде, не желая вводить въ интимныя подробности Кускова, графъ предпочиталъ принимать и чествовать высочихъ посѣтителей въ Останкино, какъ на примѣръ Павла I-го и Помятовскаго. Въ эти годы, живя зимою въ Петербургѣ какъ близкій придворный императора, графъ допускалъ однакоже немного открытыхъ приемовъ и, разумеется, всего рѣже показывалась тамъ Прасковья Ивановна. При Шереметьевскомъ домѣ на Фонтанкѣ, въ саду, поставленъ былъ деревянный домъ, наоминавшій собою убѣжище Кусковское: городское уединеніе графа оживлялось подругою жизни. Между тѣмъ духъ освобожденія, повѣявшій въ Останкино, былъ такъ силенъ, что ее, какъ хозяйку дома, навѣщала императоръ Павелъ, признавая этѣмъ „совершившійся фактъ“ еще больше любилъ и уважалъ ее за высокія качества души московскій митрополитъ Платонъ, свѣтило своего времени.¹⁷⁾ При воцареніи Александра пахнула свобода уже по всей Россіи и, конечно нашла себѣ готовую почву въ домѣ Останкинскаго владѣльца. Осенью 1801 года, къ увеселеніямъ, длившимся тогда въ Москвѣ и окрестностяхъ, изъ Кускова въ Московскій домъ и Останкино окончательно перешли принадлежности Театра, декораціи, часть гардероба, труппа, особенно танцовщицы и актрисы. Октября 1-го посѣтилъ Останкино и самъ государь, разливавшій вокругъ себя любезность, доступность, непринужденность: мы не знаемъ въ точности происходившихъ при этомъ встрѣчъ, объясненій и переговоровъ; только рѣшимость графа, окрѣпла окончательно. Посоветовавшись съ добрымъ своимъ другомъ, митрополитомъ Платономъ, „съ апробаціи и благословенія его¹⁸⁾“, графъ вступилъ въ законный бракъ и объявлялся. Будучи передартъ, что это произошло „въ Москвѣ торжественно¹⁹⁾“, народъ же, мы видѣли, такъ радъ былъ сему событію, что сдѣлалъ объ немъ добавку къ пѣсни Прасковьи Ивановны и увѣряетъ, что свадьба была въ Успенскомъ Соборѣ, или же, по рассказамъ, въ Вешнаковѣ, съ необъятнымъ свадебнымъ поѣздомъ отъ Московскаго вала вплоть до села. На самомъ дѣлѣ избраца была церковь Симеона Столпника на Поварской, самая уютная, между переулками съ двухъ сторонъ, такъ что посѣтители, кромѣ особо знавшихъ, не могли набѣжать со стороны. Здѣсь-то, 6-го Ноября въ среду, въ день св. Павла, 1801 года въ семь часовъ вечера совершился бракъ. Свидѣтелями были самые близкіе люди: родственникъ кн. Андрей Николаевичъ Щербатовъ; извѣстный археологъ, начальникъ Московскаго архива иностранныхъ

¹⁷⁾ Разъ онъ въ живой бесѣдѣ увлекся до того, что всталъ стремительно и поцѣловалъ у Прасковьи Ивановны руку (семейное преданіе). — ¹⁸⁾ Какъ прямо говоритъ записка объ этихъ обстоятельствахъ, которую мы увидимъ ниже — ¹⁹⁾ Та же, сейчасъ помянутая, записка.

дѣлъ, А. Ф. Малиновскій; Синодскій канцеляристъ Николай Никитичъ Бемъ (проживавшій въ Кусковѣ на графскомъ содержаніи), и знакомая намъ, другъ невѣсты, Т. В. Шлыкова, живо помнившая всѣ подробности, а скончавшаяся 90 лѣтъ въ 1863 году, такъ что отъ нея можно было почерпнуть самыя вѣрныя показанія.

Къ сожалѣнію, хотя весьма естественно и понятно, суетность и тутъ нашла себѣ мѣсто. Отысканная фамилія „Ковалевоѣ (см. выше)“ подала мысль о связи съ извѣстной фамиліею *Ковалевскихъ*, столь распространенныхъ между шляхтичами по Бѣлой и Малой Руси, особенно же въ Польшѣ. Для убѣжденія въ этомъ сродствѣ, изъ Малорусскихъ имѣній графскихъ, выписанъ былъ нарочно въ 1800 г. Моисей *Коваленко* и пожеланъ въ Кусковскіе кузнецы: онъ долженъ былъ наглядно связывать предполагаемую фамилію Ивана Степанова съ Западною Русью и Константиновскими крестьянами. Между тѣмъ, передъ самымъ бракомъ, выискался писакъ-стряпчій, изъ служителей кн. Голицына, „Борисъ Меркуловъ“, обѣщавшій найти родъ Ковалевскихъ въ Бѣлорусскомъ краѣ. Ему дано было вѣращее письмо, чтобы „исходатайствовать справки о семъ, а отъ Дворянскаго Собранія доказательства,“ самъ же графъ, „не препятствуя сему, приказалъ по домовнымъ своимъ актамъ, о крѣпостномъ на предковъ ея (Прасковьи Ивановны) правѣ, учинить достовѣрныя выправки.“ Мы знаемъ уже, о чемъ прямо говорятъ такого рода подлинныя удѣлѣвшіе акты. Но, благодаря старанію, между ними „нашлось и донныѣ хранится въ оригиналѣ ²⁰⁾“ письмо предка, Степана Сергѣева, въ которомъ онъ, не смотря на то, что былъ записанъ по ревизіи 1746 г. графскимъ кузнецомъ и Кузнецовымъ, объяснялъ Петру Борисовичу, что „дѣдъ его родной Яковъ Семеновъ и отецъ Сергѣй Яковлевъ *Ковалевские* были природные Польскіе шляхтичи, имѣли свой гербъ,“ Сергѣй же былъ у графа лишь „вольнымъ послуживцемъ, не крѣпостнымъ;“ а потому онъ просилъ графа не числить его въ подушномъ окладѣ. Тѣмъ не менѣе положительнымъ фактомъ остается то, что Степанъ все-таки записанъ Мещериновскимъ крѣпостнымъ и потомство его, какъ мы видѣли, числилось дворовымъ Юхотской волости даже по ревизіи 1795 года. И послѣ, когда братъ Параша Николай, обладаемый подобными „справками,“ просилъ герольдію объ утвержденіи его въ дворянскомъ достоинствѣ Ковалевскихъ по пращуру Якову Семенову, ему рѣшено было, „за непредставленіемъ толнаго засвидѣтельствовавія, подлинно ли онъ (Яковъ) ему прапрадѣдъ, доказывать о томъ въ Дворянскомъ Собраніи,“ чего, разумеется, онъ не доказалъ. Съ своей стороны и почтенный Малиновскій пособилъ найти, между бумагами Иностранныхъ дѣлъ, указаніе въ Разрядномъ архивѣ: что 1664 года, въ числѣ взятыхъ въ полонъ Польскихъ и Литовскихъ людей, точно состоялъ, присланный изъ полку кн. Борятинскаго, шляхтичъ

²⁰⁾ Помянутая записка.

Якубъ Ковалевскій; что въ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, по росписи Полоцкой шляхты, взятой на государеву службу, 1667 года числится рядовымъ тотъ же Якубъ Ковалевскій, по показанію коего на допроснѣ рѣчи, родомъ былъ онъ изъ Полоцкаго воеводства, маетность отцовская и его собственная тамъ же—деревня „Водачи“ изъ 7 дворовъ крестьянскихъ, а въ Польшѣ служилъ онъ шляхетскую службу; по заключеніи же мира съ Польшею, какъ свидѣтельствуеъ перенесенная книга того же года, Якубъ (съ сестрою Настасьею) пожелалъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, остаться на Русской службѣ. Въ удовлетвореніе этой вопіющей справедливости стараго дворянскаго рода и въ возмездіе не менѣе вопіющей несправедливости о зачисленіи въ крѣпостные, далъ графъ, въ слѣдъ за бракомъ, Декабря 1801 года, вольную Ивану Степанову съ семействомъ, назвавши ихъ „Ковалевскими“, или, какъ говоритъ курьозная записка, „по содержанію таковыхъ выравокъ (помянутыхъ выше), графъ Н. П.—чь, какъ во вниманіе бывшія въ древнія времена, въ Польшѣ и въ Россіи, обыкновенія, пребываніе у знатныхъ дворянъ въ послугахъ вольныхъ и свободныхъ людей, а потому, считая за имовѣрное, что означенные Якубъ Ковалевскій и по немъ сынъ его Сергѣй оставались въ послугахъ у дѣда его графа Бориса Петровича, по знаменитости его званія и чиновъ, яко вольные и свободные по ихъ природѣ, не давая на себя никакой кабалы, которой нѣтъ и не оказалось; потомъ, за смертію ихъ, Якуба и Сергѣя, оставшіяся перваго внука, а послѣдняго сына, Степанъ при родителяхъ его гр. Петрѣ Борисовичѣ во время 2-й ревизіи включенъ въ число крѣпостныхъ управляющимъ домами и вотчинами (виновать былъ управитель), не взирая на его противурѣчіе, и въ разсужденіи сего, *а притомъ изъ любви къ ней, супруги его, послѣ совокупленія съ нею законнымъ бракомъ* (здѣсь неволью сказалась сущая правда), далъ, говоритъ помянутая не разъ записка, отпускную ея роднымъ, прозвавши ихъ Ковалевскими. Записка эта осмѣлилась даже самый бракъ выводить изъ тѣхъ же обображеній, съ одной стороны, будто бы, „во вниманіи на присвоенію отцомъ ея природу (дворянскую),“ а съ другой, гораздо вѣрнѣе, хотя и въ совершенномъ противурѣчій, будто бы онъ что сдѣлалъ „отторгая предразсудки о неравенствѣ и различіи ихъ природы.“ Какъ бы то ни было, существовала тутъ доля правды или нѣтъ, вѣрилъ ему искренно графъ или только „не противурѣчилъ,“ но ревизскія и архивныя сказки, оказавшіяся настоящими сказками, могли еще вызвать отпускную всѣмъ „Ковалевскимъ“ и прикрыть благовидно ея побужденія; самой же Прасковѣ Ивановѣ лично, для устройства ея положенія, званія и брака, такихъ отвлеченныхъ основаній было недостаточно. Сама она была отпущена *Ковалеввою, не Ковалевскою*: чтобы перейти въ послѣднюю, требовалось еще посредство живое, обязательный соприз. Этому окончательно пособилъ Борисъ Меркуловъ, рыскавшій и рывшійся въ Бѣлорусскомъ Краѣ. Имъ осканда дѣйстви-

тельный шляхтич Ковалевскій, живой и наличный, пожилыхъ лѣтъ, притомъ такой, который согласился усыновить или удочерить себя Прасковью Ивановну. Всѣ обстоятельства его и свѣдѣнія объ немъ, разумеется, крайне туманны, ибо таковы были они въ сущности и такими намѣренно выставляли ихъ. Только по долгому изслѣдованію знаемъ вотъ что: шляхтичъ явился въ Россію, зачисленъ гдѣ-то въ службу, получилъ Русскіе ордена; существуетъ портретъ его, въ Кусковскомъ Большомъ домѣ, между другими, въ качествѣ „лица неизвѣстнаго,“ не подписаннаго и никому нынче не знакомаго; онъ пожилой, близкій къ старости, но бодрый и пріятный, въ красномъ мундирѣ, съ орденскими лентами. Удивительнымъ образомъ, тотъ же самый портретъ, въ формѣ медальона на цѣпочкѣ, оказывается на груди Прасковьи Ивановны въ ея изображеніяхъ, болѣе раннихъ, предназначенныхъ для показа и не столь „семейныхъ,“ какъ позднѣйшія. Значитъ, бѣдная Прасковья Ивановна обязана была въ первое время носить на груди образъ человѣка, совершенно ей чужаго, называть его отцомъ, вспоминать объ его отцовской любви, и такъ далѣе, въ удостовѣреніе своей „порядочной природы.“ Ему, пришлецу, говорятъ старожилы, гдѣ-то купленъ былъ даже титулъ „барона.“ Прасковья Ивановна вынуждалась считать себя баронессою. Этимъ, а ничѣмъ другимъ, объясняемъ мы существованіе какого-то „барона Лотича,“ который, судя по штатамъ, жилъ въ графскомъ домѣ и получалъ очень большое жалованье. Впрочемъ, ко времени брака это послѣднее обстоятельство не послѣло: довольно было, что въ вѣнчальной записи Прасковья Ивановна, 33-хъ лѣтъ, обозначена была *Ковалевскою* ²¹⁾. Долго останавливавшись на подобной цѣпи соображеній, графъ, по известной намъ слабости, видимо вчитался, всматрѣлся и вслушался въ нихъ до того, что подъ конецъ жизни самъ уже имъ повѣрилъ: по крайности поставленный супругъ его надгробный памятникъ увѣряетъ, что „здѣсь предано землѣ тѣло графини Пр. Ив. Шереметевой, рожденной отъ фамиліи Польскихъ шляхтичей Ковалевскихъ....“

Прасковья Ивановнѣ суждено было извѣдать страданія во всей ихъ постепенности, такъ что никакой шагъ, близившій къ концу, нельзя еще было назвать послѣднимъ, и всякій успѣхъ, всякая побѣда, всякое торжество тотчасъ же сопровождалось новою мукою. Въ послѣдніе года супруги жили зимою въ Петербургѣ, а въ слѣдъ за бракомъ и совсѣмъ перешли въ домъ Николая Петровича на Фонтанкѣ: спальня Прасковьи Ивановны находилась близъ домовой церкви и послѣдняя

²¹⁾ Съ этихъ-то поръ и заставили, хотя кое-гдѣ, употреблять при ея родинѣ прованіе Ковалевскихъ и дана имъ отпускная съ тѣмъ же именемъ, а послѣ, въ завѣщаніи, наввно прописаны они „Кузнецовыми-Ковалевыми-Ковалевскими,“ такъ что самая эта постепенность указываетъ на послѣдовательный рядъ вымысловъ.

была единственнымъ ея утѣшеніемъ. Дѣло въ томъ, что бракъ, уже совершенный во храмѣ, продолжалъ оставаться въ тайнѣ: бѣдная жена одного изъ первыхъ богачей и знатныхъ людей не смѣла при всѣхъ назвать его своимъ мужемъ. Февраля 3-го 1803 года родила она сына и назвала его именемъ особенно чтимаго Дмитрія Ростовскаго, образъ котораго, вмѣстѣ съ портретомъ отца его, хранился постоянно въ ея комнатахъ ¹⁾. То былъ единственный наслѣдникъ, извѣстный въ послѣдствіи графъ *Дмитрій Николаевичъ*: но мать, вслѣдствіе опять тайны, не могла открыто признавать его сыномъ своимъ и графскимъ, а потому судьба самого ребенка оставалась на будущее въ совершенной безвѣстности. Кромѣ того, какъ у всѣхъ владѣтельныхъ и слишкомъ богатыхъ фамилій, естественно было чувство опасенія за самую жизнь ребенка. По этому, послѣ родовъ, очень слабая, мать непрерывно спрашивала о новорожденномъ; выражала боязнь, чтобы его не похитили; требовала, чтобы часто вносили къ ней и показывали младенца; единственно радовалась, слышавъ въ сосѣдней комнатѣ крикъ его. Но дни ея были уже сочтены: вскорѣ послѣ родовъ почувствовавши себя очень дурно, она скончалась 23-го Февраля, въ 3 часа по полудни, того же 1803 года, и погребена въ Александро-Невской лаврѣ, съ означенной надписью на памятникѣ розоваго мрамора и съ прибавленіемъ—въ первый разъ, уже надъ тѣломъ,—что это тѣло „супруги“ таково-то графа, вступившей въ супружество 1801 года Ноября 6.

При жизни ей посвящено было не мало восторженныхъ стиховъ, въ томъ числѣ Французскихъ (подобно какъ Петру Борисовичу); надгробный памятникъ прибавилъ сюда слѣдующіе:

Храмъ добродѣтели душа ея была,
Миръ, благочестіе и вѣра въ ней жила,
Въ ней чистая любовь, въ ней дружба обитала.
Она и въ смертный часъ, въ преданности своей,
Всю чувствовала скорбь оставшихся по ней.
Какая же судьба несчастнаго супруга,
Сужденнаго влачить всю жизнь свою безъ друга?
Безплодны вздохи, плачь, тоска и тяжкій стонъ...

И это были не однѣ слова. Мужъ заказалъ портретъ лежавшей въ гробу и написалъ его: „Наказуя наказа мя, смерти же не предаде мя (этотъ текстъ былъ девизомъ покойной и вырѣзанъ на ея печати).“ Изъ спальни устроилъ онъ моленную или образную, завѣщавъ не прикасаться къ сей комнатѣ и блюсти ее какъ святыню; надпись о томъ сохранилась доселѣ ²⁾; другая на полу, гдѣ скончалась Прасковья Ива-

¹⁾ А теперь въ Кусковѣ. Ея собственною рукою переписано Дмитріево сочиненіе „о повседнежномъ исповѣданіи грѣховъ.“—²⁾ „Сіе мѣсто было обитаніемъ въ Бозѣ покоящейся матери твоей (обращеніе къ сыну), а моея много почитаемой и обожаемой супруги, графини Пр. Ив. Шерем., рожденной

новна. Вообще весь домъ и садъ въ Петербургѣ испещрены надписями въ ея память и сувенирами: здѣсь сидѣла она, здѣсь проводила приятно время и т. п.; волосы ея сохранились въ перстнѣ. На бронзовой доскѣ мраморной тумбы въ саду начертано:

Je crois voir son ombre attendrie
Errer autour de ce séjour,
J'approche,—mais bientôt cette image chère
Me rend à ma douleur en fuyant sans retour...

Въ Большомъ Кусковскомъ домѣ уцѣлѣла картина, въ квадратной раминѣ, шитая шелками, съ надписью графа: „Труды жены моей Праксовны Ивановны Шереметевой.“

Все это свидѣтельствуетъ какъ о любви графа, такъ объ ужасномъ состояніи, въ которое онъ былъ повергнутъ смертію. Въ приведенномъ заветномъ письмѣ къ малолѣтнему сыну онъ продолжаетъ: свойства и качества ея „заставили меня пожать свѣтское предубѣжденіе, въ разсужденіи знатности рода, и избрать ее моею супругою... Когда кончина супруги моей повергла меня почти въ отчаянное состояніе, весьма мало нашлось утѣшителей и участниковъ печали моей, тогда, когда капля слезы, малѣйшій вздохъ или одно чувствительное слово искренняго друга, честнаго человѣка, могли бы дать хотя слабую отраду душѣ моей.“ То была участь всѣхъ сильныхъ, знатныхъ и богатыхъ, которыхъ боятся, уважаютъ, эксплуатируютъ, но не любятъ: въ настоящемъ случаѣ вина была на той судьбѣ, которая находила справедливымъ гантъ—не любовь, подлежащую тайнѣ,—а происхожденіе и лучшіе годы женщины, таланты ея и самый бракъ. „Я пребывалъ въ безчувственности (онъ не могъ даже присутствовать при панихидахъ). Когда тѣло супруги моей сопровождали къ погребенію, никто изъ множества моихъ знакомыхъ и называемыхъ моими друзьями, кромѣ весьма малаго числа искренно ей и мнѣ преданныхъ, не изъявилъ чувствительности къ сему печальному происшествію и послѣдняго долга христіанскаго въ сопровожденіи гроба ея, въ моленіи объ отпущеніи грѣховъ и успокоеніи души ея.“ Эта исповѣдь обладаетъ ужасомъ: судь-

- *Ковалевской*... На семь мѣстѣ съ удивительнымъ терпѣніемъ перенесла она двѣ тяжкія, едва не смертоносныя болѣзни, но... чудесно избавилась отъ смерти... Ея текстъ, часто ея повторяемый, что „Наказу наказъ мнѣ Господь, смерти же не предаде,“ сей текстъ видѣнъ и на ея печати. Самый же покой сей есть мѣсто, гдѣ почтенная мать твоя разрѣшилась отъ бремени тобою и, давъ тебѣ жизнь, по 27-дневному страданію съ терпѣніемъ мужественнымъ предала душу свою въ руки живаго Бога... Отецъ твой вкушалъ всѣ удобства блага земнаго, но лишился матери твоей, потерялъ съ нею покой и все благополучіе... Если пожелаешь узнать подробность, то найдешь пространнѣе описаніе здѣсь въ особомъ ящичкѣ (на этомъ основаніи и для той же цѣли составлена послѣ „Записка,“ которую увидимъ ниже).“

ба рѣшила, чтобы даже гробъ страдальцы, этого прелестнаго и высокаго существа, не былъ достаточно оплаканъ, чтобы не было толпы молящихся въ церкви, чтобы не проводили слезами до могилы. Всѣ были запуганы прежними страхами и угрозами тайны: и такой „безальянсъ“ можно было создать въ Россіи, среди такого сильнаго, могучаго народа, изъ котораго вышла героиня, среди такой зыбкой знатности и l'aristocratie flottante!

При жизни, чѣмъ только могла, Прасковья Ивановна благодѣтельницаствовала каждому и, обращая все усердіе свое къ церкви, когда получила возможность, дѣлала богатые вклады и раздавала дары по храмамъ, по иконамъ. Особенно, съ малыхъ лѣтъ привыкли притекать къ иконѣ „всѣхъ скорбящихъ,“ она, по разрѣшеніи сыномъ, 12-го февраля успѣла пожертвовать къ сей иконѣ, въ Воскресенскую Петербургскую церковь, драгоценную цѣнь съ камнями ¹⁾ и туда же отдала обручальное кольцо свое: въ самомъ дѣлѣ, едва ли кто другой на землѣ стоилъ этого кольца; ему, по правамъ, равнялось лишь обручальное жемчужное кольцо Натальи Борисовны, посвященное волнамъ Днѣпровскимъ. Но она продолжала разсыпая благодѣянія и по смерти: богатые вклады рождены на ея поминаеніе; въ Тихвинскій монастырь къ образу Богоматери принесена была супругомъ въ 1806 году лампада необыкновенной цѣны ²⁾, съ надписью, вспоминавшей Прасковью Ивановну; ежегодно по завѣщанію ея выдается значительная сумма сиротамъ, бѣднымъ, *убогимъ ремесленникамъ*, на выкупъ за долги и на вклады въ церковь ³⁾. Но всего важнѣе тотъ посмертный даръ, которымъ она увѣковѣчила свою память въ Москвѣ. Это благодѣлнѣйшее учрежденіе Шереметьевскаго „Страннопріимнаго дома“ съ больницею и богадѣльнею, основаннаго мужемъ по мысли ея и на средства, ею указанныя (въ нѣсколько милліоновъ рублей, деньгами и доходами съ нѣднѣй). Продолжая письмо къ сыну, графъ говоритъ объ этомъ: „Я давно уже чувствовалъ тягостное состояніе людей, лишенныхъ въ старости, въ болѣзняхъ и нищетѣ, всякаго пособія. Сіе чувствовавнне скривалось во взаимномъ тайномъ согласіи нашемъ съ матерію твоею (въ мысли, въ которой мы сходились, хотя и скрывали ее отъ другихъ), — еще при жизни ея, — облегчить страждущее челоѣчество, а по кончинѣ ея приведено въ дѣйствіе учрежденіемъ Страннопріимнаго дома и разными вспоможеніями бѣднымъ по ея завѣщанію. Тяжка, несносна, мучительна была мнѣ утрата любезнѣйшей моей супруги, о коей горестнѣйшее воспоминаніе приближало меня къ гробу. Но современное утѣшеніе, происходящее отъ чувствованія сего богоугоднаго дѣла, услаждало мои горести.“ Въ самомъ дѣлѣ, какъ

¹⁾ Это, кажется, та самая цѣль, которую она надѣвала на цеплѣ въ своихъ лучшихъ роляхъ: она стояла до 12.000.—²⁾ Болѣе 30.000 по тогдашнему курсу.—³⁾ „Безпомощнымъ дѣвцамъ сиротамъ 6.000; бѣднымъ семействамъ 5.000; *убогимъ ремесленникамъ* 4.000; на выкупъ за долги и на вклады 5.000 “

ДОПОЛНЕНІЯ
КЪ VIII И IX ВЫПУСКУ ПЬСНЕЙ,
СОБРАННЫХЪ П. В. КИРЪЕВСКИМЪ.

Часть III.

Выпускъ 8-й.

приобрѣли еще устный образецъ пѣсни *о рожденіи Петра*: но, желая хорошенько разъяснить ее въ связи съ напечатанными прежде образцами, которые подали поводъ къ страннымъ недоумѣніямъ, отлагаемъ до слѣдующаго выпуска.

Слѣдующая историческая пѣсня, дополнивъ немногія, намъ извѣстныя, но тѣмъ болѣе драгоценныя пѣсни о Стрѣльцахъ, изображаетъ намъ пору разыгравшейся ихъ бурной удали передъ концомъ, но вмѣстѣ, при воцареніи Петра, безнадежность ихъ положенія: проступившись, они могутъ еще пожаловаться въ Москвѣ начальству, чтобы выпутаться, а все-таки будутъ „слить виноватыми“ и потому рѣшаются смиренно разойтись по домамъ. Въ особенности любопытно, что здѣсь представляется встрѣча этого послѣдняго дружиннаго и служилаго царскаго войска, въ его древней формѣ, съ земствомъ, именно съ *крестьяниномъ*: встрѣча почти такая же, и съ тѣми же послѣдствіями, какъ въ старшихъ Былинахъ знаменитая встрѣча первой дружины Олеговой съ крестьяниномъ Микулой. Очень важно сличить эти двѣ крайнія сопоставленныя точки и отмѣтить различія, которыя по времени возникли въ историческихъ чертахъ и въ оттѣнкахъ пѣснотворческаго образа.

Стрѣльцы и крестьянинъ.

1.

(Губ. Орловской, у. Болховск.)

Плн Стрѣльцовъ молодцовъ Пятьдесятъ человекъ ¹⁾.

¹⁾ Стихъ начинается раскалываться по поламъ и на этомъ пути образуетъ коловинчатую прибавку въ родѣ припѣва: ср. объ этомъ явленіи ниже по многимъ мѣстамъ.

Сами сговорились, сами смѣлвились:

«Ежели бы намъ, ребяташки,

5. «Кобылушку соловую³⁾!

«Намъ бы только экипажъ³⁾ везла:

«Сами бы мы пѣшки шли!»

Вдетъ крестьянинъ⁴⁾, дубъ сволокъ⁴⁾:

Подъ крестьяниномъ кобылушка соловая³⁾.

10. Взглянули они, сами смѣхнулись⁵⁾:

«Что въ Христа⁵⁾ молили, то Господь намъ далъ!

•Ну-ка, сѣмь-ка⁶⁾ мы, ребяташки,

«Навалимся!»

Видитъ крестьянинъ неминуемое свое⁷⁾,

15. Распрягаетъ кобылушку соловую,

На колѣно дугу распрямливаетъ¹⁰⁾:

Всѣхъ перебилъ, будто волкъ переѣлъ,

Спины понабилъ, какъ сычугъ снарядилъ¹¹⁾.

«Ну-ка, ребята, челобитную писать,

20. «Челобитную писать, къ Москвѣ посылать,

«Къ Москвѣ посылать, ко царю подавать!

«Къ Москвѣ намъ иттить,—

³⁾ Такой же стихъ.—Та же самая „кобылушка соловая“, какъ при Микулѣ и Олегѣ. — ³⁾ Новая вставка вмѣсто стараго слова, вѣроятно „обоза“: стрѣльцы скучаютъ тащить на себѣ военную броню, сбрую и снаряды, подобно какъ Олегъ очень давно желалъ запретъ въ свои дѣла крестьянскую подводу и силу. — ⁴⁾ Старше вѣроятно „крестьянушка“: такъ по стиху и древнимъ образцамъ. — ⁵⁾ Утащилъ, вывезъ изъ гѣсу: а вмѣстѣ указаніе на есиу. — ⁶⁾ Усмѣхнулся. — ⁷⁾ У Христа. Подобныя выраженія очень часты въ пѣсняхъ, при нечаянной встрѣчѣ, которая отвѣчаетъ завѣтной думѣ. — ⁸⁾ Древній, еще въ Церк. Славянскомъ, глаголѣ *сѣ-ти* (съ носовымъ) и *сѣ-ти*, отсюда *сѣ-ить* (съ носовымъ, догадливый), въ дальнѣйшемъ развитіи *сѣ-ити*; какъ въ Сербск. и др.: догадаться, придумать *Сѣмь* 1-е л. Ед. и Множ. (вмѣсто *сѣмь*), какъ *сѣмь*, *дамь*. *Сѣмь-ка*: вотъ мысль, вотъ что пришло въ голову; *давай-на, ну-ка*; *Еще давай*, изъ *сѣмка* или *сѣмка* (*сѣ* изъ носоваго) глаголѣ *сѣк-ать*, *сѣк-нуть*; а наконецъ, когда обичное с принято за предлогъ, приставка другихъ предлоговъ, причемъ корень глагола древняго совѣмъ исчезъ: *на-мекъ*, *на-мекать* и т. д. — ⁹⁾ Чего ему неминовать уме: горе, бѣду. — ¹⁰⁾ Та же боязливая сила, какъ у Микулъ. — ¹¹⁾ Обидѣлъ имъ спины, какъ набиваютъ и накалываютъ сычугъ, букашки, распаренный, съ начинкою.

Татьяна Васильевна до конца жизни своей не могла вспомнить о своей дорогой подругѣ безъ слезъ и восторга, такъ Николай Петровичъ не могъ выносить воспоминанія безъ глубокаго душевнаго потрясенія: его успокоивала нѣсколько, и единственно лишь, облегчаемая участь бѣдныхъ и страждущихъ, которымъ онъ посвятилъ съ тѣхъ поръ всѣ свои мысли и усердіе.

Между тѣмъ странности не прекращались и послѣ рѣшенія объ устройствѣ Странноприимнаго дома. Бракъ, совершившійся два года назадъ, возвѣщенъ былъ дому, двору, народу и всему свѣту *только на другой день по кончинѣ Прасковьи Ивановны*: графъ отправилъ въ домовую контору, а отсюда по всѣмъ конторамъ и управленіямъ, для чтенія дворовымъ и крестьянамъ, бумагу, въ которой говорилось о законномъ бракѣ, о признаніи его Государемъ, о родившемся сынѣ, съ этой лишь минутой воспринимавшемъ права наследства. Намъ примиряетъ съ симъ документомъ присоединенное къ нему письмо Дм. Прок. Трошинскаго, черезъ котораго велось дѣло, съ отзывомъ Государя, достойнымъ Александра I-го. „Милостивый государь, графъ Николай Петровичъ! Я имѣлъ уже честь по Высочайшей волѣ увѣдомить В. С—во изустно, а теперь письменно сообщаю, что Государь Императоръ, прочитавъ поданное мною письмо Ваше, извѣщающее о женитьбѣ Вашей, по всѣмъ обрядамъ церкви воспослѣдовавшей въ Москвѣ еще въ 1801 году, и о рожденіи Вамъ сына, Высочайше отозваться изволилъ, что Вы властны были совершить первую, когда и на комъ хотѣли, и что обстоятельства сего брака не переменяютъ къ Вамъ милостиваго расположенія Его Императорскаго Величества, которымъ Вы всегда пользовались. Осталось мнѣ присовокупить къ сему собственное мое желаніе, чтобъ новорожденный сынъ Вашъ, возрастая къ утѣшенію Вашему, съ правами рода своего наследовалъ и всѣ его добродѣтели, а тутъ же изъявить искреннее сожалѣніе о безвременной кончинѣ супруги Вашей, которую сердце Ваше избрало, а любовь поставила было превыше ея состоянія. Имѣю честь и проч. Дм. Трошинскій.“ Хотя и здѣсь, по смерти своей, Прасковья Ивановна не избавилась отъ отзыва о „превышеніи ея состоянія,“ но все-таки съ такимъ документомъ намъ легче выйти изъ XVIII-го вѣка въ XIX-й.

Однако, повторяемъ, какъ благодѣянія, такъ и мечь за нихъ сопро­вождали Прасковью Ивановну даже по смерти ея и за могилой. На этотъ разъ преслѣдованіе возникло изъ лишняго усердія къ услугамъ: оно породило „Записку,“ нами не разъ выше цитованную и которую нельзя иначе назвать, при всей ея благонамѣренности, какъ святотатствомъ, простертымъ на достояніе самой священной памяти. Записка составлена была уже по смерти графа, однимъ изъ нѣсколькихъ опекуновъ надъ его сыномъ, съ цѣлію примннуть къ другимъ бумагамъ, приведеннымъ у насъ выше, и „облагородить“ все дѣло Прасковьи Ивановны въ глазахъ близкихъ людей, наследниковъ и потомства. Она носитъ за-

главіе: „О родѣ покойной супруги покойнаго графа...., и о обстоятельствахъ, какъ собственно о ней, такъ и ближнихъ ея.“ Мы не приводимъ этихъ жалкихъ кощунствъ, старавшихся выиграть ложью. Жутко лишь себѣ представить, что правды о Прасковѣ Ивановнѣ, во всей яркости ея свѣта, не зналъ никто, ни даже отецъ ея, ни самъ Государь (на примѣръ о бракѣ), до самой ея смерти и другаго дня послѣ смерти: на женщину ложился весь позоръ, дѣйствительный или мнимый, всѣ грѣхи, ея собственные и чужіе, безъ всякаго выкупа, который хоть чѣмъ ни будь облілъ бы ее; и сошла она въ могилу не оправданная передъ взорами свѣта ни по существу, которое было безупречно, ни даже по самой внѣшней и официальной формѣ. А съ другой стороны, даже по смерти, помянутая Записка составляла единственный, болѣе или менѣе доступный, документъ съ подробностями о жизни и судьбѣ такой женщины, съ фальшею ради „различія природы“ и тому подобнымъ, въ теченіе дѣлныхъ 70-ти лѣтъ до сей минуты, до сихъ самыхъ страницъ! И послѣ этого говорятъ, что исторія памятлива, справедлива или благодарна, и послѣ этого есть какая ни будь исторія у народа и общества, сверхъ политическихъ формъ и владѣтельныхъ именъ, заглавій и титуловъ! Оказывается, что пѣсня, простая и скромная пѣсня—не вытекаетъ изъ исторіи и не пользуется ею въ объясненіе себѣ, какъ бы слѣдовало, а напротивъ вынуждена сама вызывать громкимъ голосомъ исторію изъ подъ спуда, какъ будто „Лазарѣ, гряди вонъ,“ изъ могилы на свѣтъ Божій!

Кусково, говорили мы, постепенно было исчерпано Останкинскою, Московскою и Петербургскою жизнію графа: сначала чуть не плававши при разставаньѣ и соблюдая тамъ наслѣдіе памятниковъ какъ святыню, онъ потомъ, по свойству своего характера, не только сталъ скоро забывать Кусково и бросилъ посѣщать его, но оттуда извлекъ и перевезъ почти все лучшее, въ томъ числѣ живой памятники—сценическую труппу. Оставались собственно стѣны зданій, садъ, опечатаанный театръ, да послѣднее—заселенное живыми существами—Звѣринецъ. И изъ него графъ постепенно перебралъ оленей къ столу; о другихъ животныхъ загазно перестали радѣть и усердно извѣщали, что тѣ или другія пали, а приплоду новаго нѣтъ; наконецъ цѣнные олени, борзые и гончіи собаки, волторны и рога (полубушурь, пристады, завывщики) уступлены или проданы разнымъ лицамъ, славившимся въ ту пору охотою, — егермейстеру кн. Петру Алексѣвичу Голицыну, гр. Ивану Петровичу Салтыкову, владѣльцу Никольскаго, И. Дм. Уварову, Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной. Къ 1811 году Звѣринецъ былъ уже совсѣмъ поконченъ и началъ сдаваться подъ покосъ. Къ довершенію и самъ „Крезъ меньшей скончался въ скукѣ:“ онъ умеръ въ Петербургѣ, снѣдаемый горестью по Парашѣ и среди единственнаго утѣшенія отъ расточаемыхъ благодѣяній, 2-го генваря 1809 года. Впрочемъ такую массу средствъ и памятниковъ, какая создана была артистичностью,

стараніемъ, трудомъ и экономіей Шереметевыхъ, трудно ослабить, обезсилить или расточить простыми, обыкновенными и естественными путями: сама внѣшняя природа и время для этого бессильны, если не присоединится сюда причинъ особенныхъ и неожиданныхъ, чрезвычайныхъ и случайныхъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ, роковыхъ бичей, посылаемыхъ судьбою, является время отъ времени „опека,“ дѣйствующая въ малолѣтство наслѣдниковъ или до ихъ раздѣла, подобно какъ въ междуцарствіи государствъ. Въ долговременный ростъ Дмитрія Николаевича, опекуны свозили, уничтожали, продавали—даже съ аукціона — все, попадавшееся подъ руку, имущество движимое, памятники искусства, зданія, сооруженія, то прикрывалась недостаткомъ средствъ для штата, то трудностью поддерживать, то необходимостью и выгодой для наслѣдника, ибо въ теченіе его малолѣтства многое могло обветшать, выйти изъ моды, употребленія, цѣны и годности. Вскорѣ показался, какъ нарочно, другой чрезвычайный бичъ,—нашествіе Французовъ, въ 1812 году навалившихся на Кусково: впрочемъ они не столько унесли и пограбили, сколько уничтожили, а еще больше испортили; они по просту, безъ особаго намѣренія, дурачились и издѣвались, прокалывая или разрубая, на примѣръ, мебель, стрѣляя въ портреты и картины, и т. п. (см. о томъ особую нашу статью). За то пришлось это какъ нельзя лучше на руку опекунамъ: они исписали громадные тетради перечнемъ уничтоженныхъ и награбленныхъ Французами вещей, которыя впрочемъ не ушли дальше извѣстныхъ кармановъ. На знакомомъ для насъ рубежѣ, между Перовымъ съ Тетерьбами и Кусковымъ, возникло даже особое помѣстье съ слободою — „Опекуново (нынче зовутъ Цикуново):“ это цѣлая засада и крѣпость для обстрѣливанья Кускова. Собственно говоря, если взять въ расчетъ долги, симъ способомъ накопленные, наслѣднику при его возмужалости осталось весьма немного: и только опять простой народъ, крестьянство, въ настоящую пору денежнаго выкупа раскрывшее свои нажитыя громадные средства, они-то спасли и возстановили достатокъ древняго рода въ недавнее время. Но Кусково, хотя его отчасти и подновили, и разчистилъ Дмитрій Николаевичъ, послѣдніе свои годы здѣсь жившій, сдѣлалось непоправимо: съ каждымъ днемъ оно ветшаетъ и рушится, переходя въ пастбище гуртамъ воловъ, такъ что невольно вспомнишь стихъ Овидія — „Мѣсто святини такой пастбищемъ стало воловъ....“ Если же мы безпристрастно взглянемъ, кто собственно въ самомъ началѣ и въ корнѣ потрѣсъ сооруженное Петромъ Борисовичемъ, мы должны признать, что это была Прасковья Ивановна: своимъ появленіемъ и своею судьбою она расторгла прежнія затянутыя связи и превратила со дна сложившійся прочно порядокъ вещей. Въ этомъ существѣ, пришедшемъ изъ селенія по Рязанской дорогѣ и представшемъ столь внезапно избалованному графу на рубежѣ Кускова, при поворотѣ съ Владимірки, была какъ будто роковая отплата за ту странницу, ко-

торая была отвергнута холодностію брата, по Рязанской дорогѣ отправлялась въ ссылку, по Владиміръ возвращалась убогою изъ Сибири и ночевала у чужихъ людей на краю Кускова ⁴⁾). Передъ всѣмъ этимъ, долго создававшимся, графскимъ величіемъ, богатствомъ, знатнымъ родомъ, искусствомъ, роскошнымъ памятникомъ, какъ бы выросло изъ земли лицо, разбившее въ дребезги драгоцѣнный монументъ со всѣхъ привлекательныхъ сторонъ его. А въ лицѣ этомъ, изъ земли и отъ земли, дѣйствовалъ, разумѣется, самъ народъ, разрушая несвойственную, чуждую ему исторію, пользуясь ею для своихъ дѣлей, но пролагая новые пути для исторіи совсѣмъ иного рода.

Прасковья Ивановна оставила намъ нѣсколько своихъ портретовъ, писанныхъ лучшими художниками, отъ самой ранней поры, когда мы выше видѣли ее въ цвѣтущей молодости и въ блестящемъ уборѣ для сцены, до изображенія во гробѣ. Домашніе или семейные портреты представляютъ ее въ крайней простотѣ, обыкновенно въ каготѣ съ красными и черными полосами. Но всѣхъ выразительнѣе четыре, сохранившіеся въ Кусковскомъ Вольшомъ домѣ. Изъ нихъ, за первымъ сценическимъ ⁵⁾, слѣдуетъ портретъ (въ парадныхъ комнатахъ)—лучшихъ зрѣлыхъ лѣтъ и примиреннаго взгляда на жизнь, разлитого во всегъ существѣ невозмутимымъ, твердымъ, сильнымъ и сознательнымъ спокойствіемъ: бѣлое платье, перекинутый въ родѣ плаща красный большой платокъ, на головѣ кружевной чепецъ, на груди—на золотой дѣпочкѣ—медальонъ съ портретомъ „названнаго“ отца, въ лѣвой рукѣ ридикулъ, въ правой вѣеръ, статура почти до ногъ ⁶⁾). Типъ лица здѣсь именно тотъ, который выразительно—и вѣроятно на долго, если не на всегда—переданъ въ родѣ Шереметевыхъ, а всего ближе повторился въ лицѣ сына Дмитрія

⁴⁾ Удивительное стеченіе противоположныхъ событій въ однихъ и тѣхъ же рамкахъ мѣстности и годовъ. На Рязанской дорогѣ, которою пошла отторгнутая сестра въ Сибирь, женился и вѣнчался, въ Вешнаковѣ, восторжествовавшій братъ, извлекшій отсюда важнѣйшіе источники своихъ богатствъ и затѣй: и съ той же дороги, по происхожденію своему, явилась въ Кусково Прасковья Ивановна. Петръ Борисовичъ началъ рядъ главныхъ сооруженій своихъ съ Вольшаго дома, въ 1771 году: именно съ того года, какъ кончилось все съ злокозненной его сестрою и своею кончиною она развязала брату тяжкія узы воспоминаній. Путаница изъ Сибири свернула съ Владимірки на Кусково и не встрѣчена братомъ; на томъ же дозорогѣ, у моста, встрѣтила сына мстительница, вина давшаго Кускова и разрушеннхъ горделивыхъ затѣй его. Наконецъ страдальческій перстень Натальи Борисовны, сгибшій въ волнахъ при обѣтѣ Богу, повторился въ персти другой страдальца, который также посвященъ былъ Богу и иконѣ.—⁵⁾ Противъ него тутъ же портретъ молодой и милой Т. В. Шлыквой.—⁶⁾ Портретъ приписываютъ Ян. Ив. Ариумову: изъ Шереметевскихъ дворовыхъ, любимый графомъ Николаемъ и самъ его любившій, даровитый молодой художникъ сопровождалъ его за границей и оттуда почерпнулъ средства образованнаго искусства; любовь къ родно-

Николаевича 7). Третій портретъ, полной же, въ уборной графини: дикое платье и палевоый платокъ шарфомъ вокругъ стана, съ бѣлымъ обвитымъ покрываломъ на головѣ и съ волосами въ беспорядкѣ, явно изъ дней и годовъ напряженной душевной тревоги. Послѣдній, ступень отъ предыдущаго, какъ бы нарочно рисуеть убранство, сходное съ портретомъ вторымъ, — бѣлое платье, красный платокъ шарфомъ, медальонъ на груди: но какое разстояніе между тѣмъ и другимъ, какая глубокая разница! Лицо страдальческое, силы надломлены, близость неминуемой смерти. Говорятъ, что, по роковой судьбѣ, даже эти портреты долгое время скрывались и явились свѣту благодаря лишь особымъ обстоятельствамъ въ семьѣ графской. Какъ бы то ни было, глядя на два первыхъ невольно подумаешь: какое дивное существо разрушено послѣдующими муками! При двухъ послѣднихъ всякой зритель, сколько ни будь внимательный, по неволѣ скажетъ: какіе ужасныя слѣды страданій и какая же бездна страданій, здѣсь, въ этомъ лицѣ, повѣданныхъ! И однако же Прасковья Ивановна была счастлива, по крайности считала себя счастливою, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ считали другіе: она безпредѣльно любила. Любовь же, одинаково искренняя, предаеть забвенію ошибки графа, достаточно искупленныя страданіями его по смерти подруги. Но подивившись судьбѣ дѣлъ человѣческихъ: оба они любили и—страдали; для четы источниковъ страданій было то, что нынѣ предъ взоромъ всего свѣта обратилось бы — и обращается — въ торжество и славу; напротивъ, всякое ихъ тогдашнее торжество, побѣда, слава, виѣшность блестящая,—все это и было поводомъ къ мукамъ.

Такова эта героиня, которую породилъ и подарилъ Россіи изъ нѣдръ своихъ Русскій народъ. Она стобитъ, она заслуживаетъ подробностей изображенія, и еще большихъ, еще выразительнѣйшихъ: какъ Русская типическая женщина, встая дочь народа простаго, плодоносный привокъ къ знаменитому роду, существо рѣдкой красоты и души, талантливая артистка, создательница народной пѣсни, удостоенная высочайшей чести, выпадающей на долю немногимъ,—удостоенная быть и остаться героинею широко и далеко распространенной пѣсни народной. Пѣсня поеть о героинѣ, даже не зная ея: узнавши, тѣмъ долѣе должна оставаться при ней.

му Кускову и къ его лучшей героинѣ вдохнула въ изображеніе особенную правду и живость. Кисть Аргунова какъ будто создана была для одной Прасковьи Ивановны: она схватывала самое неуловимое, на лету, въ движеніи жизни.—

7) Именно въ верхней половинѣ лица: изящный, артистическій, хотя и не большой лобъ; глаза,—нѣсколько растянуты по Азіатски,—съ тѣмъ выраженіемъ, о которомъ ми уже говорили; замѣтно выдавшіяся скулы; необыкновенная нѣжность и доброта въ чертахъ. Все это, очевидно новое, отличіе присоединилось къ древни мъ Шереметьевскимъ признакамъ, изъ которыхъ особенно повторяется въ роду выдавшійся впередъ подбородокъ и выдававшаяся нижняя губа.

Выпускъ 9-й начался и кончается Шереметевыми: лучший конецъ послѣ добраго начала и лучшее вступленіе въ нашему XIX вѣку, который найдемъ на слѣдующихъ страницахъ.

* * *

Конецъ пѣсни 9-го выпуска.

- «Намъ и правыми быть,
 «Правыми быть, виноватыми слыть ¹²⁾.
 25. «Ну-ка, ребята, по своимъ домамъ!
 «Заставимъ мы жонъ банюшки топить,
 «Банюшки топить, свои ¹³⁾ спинушки лѣчить.
 «Раны на насъ не копейчатая ¹⁴⁾:
 «Раны на насъ—всѣ дубинный шляхъ ¹⁵⁾!»

(Доставлено намъ и записано М. П. Лисицкимъ со словъ Волховской мѣшчанки, лѣтъ 50-ти, дѣвцы Аксины Гугнюшиной).

Въ параллель этому „старому“ воену является у народа изображеніе и „новаго“, Петровскаго, съ жалобою изъ собственныхъ устъ сего послѣдняго на тяжелые порядки, заведенные начальниками „Нѣмцами“ въ учебномъ строю Петра I-го на Воробьевыхъ горахъ:

Петровы новобранцы на горахъ Воробьевыхъ.

1.

(Москва).

- За славною рѣкою за Москвою ¹⁾,
 За высокими горами Воробѣвы,
 Пролегала тутъ широкая дорожка:
 Широкимъ-то она, дороженька, не ширѣ,
 5. А пробоемъ то она, дороженька, не пробойна ²⁾.
 Ужь по той ли по дорожкѣ по широкой
 Еще шли-прошли солдаты новобраны.
 Идучи они, солдаты, сами плачутъ,
 Во слезахъ они дороженьки не видятъ,
 10. Въ возрыданьицѣ словечушка не молвятъ ³⁾:
 «Что гораздо мы предъ Богомъ согрѣшили,

¹²⁾ Хотѣ и будемъ оправдываться, а все прослышемъ виноватыми; одна будетъ намъ слава—виноватыхъ. Ср. въ Былинахъ „На Волгѣ жить, ворами слыть.“ — ¹³⁾ Наши. — ¹⁴⁾ Не отъ копья, не отъ битвы. — ¹⁵⁾ Дорога, проложенная по спинамъ дубиной. О „шляхѣ“ см. выше.

¹⁾ Гдѣ Воробьевы горы. — ²⁾ Описаніе отрицательное, подобно отрицательному сравненію (о которомъ часто говорено выше): на самомъ дѣлѣ выходитъ, что дорожка широкая. Не объ томъ рѣчь, что она широка, а шли по ней новобранцы, для нихъ она тѣсна была и тяжела, не пробойна. — ³⁾ Тотъ же отрицательный оборотъ: на самомъ дѣлѣ слѣдуютъ рѣчи.

- «Государя мы царя распробнѣвали!
 «Ужь какъ! отдавъ насъ не-русскому началу»⁴⁾;
 «Что не Русскому начальнику, — Начальнику»
 15. «Онъ и бѣтъ-губить солдатушекъ напрасно»
 (Старше' появилась въ пѣсенникѣ Новиковскомъ; известна доселѣ).

*

Кстати мы прибавимъ сюда остальные образцы пѣсенъ о войскѣ Петровскомъ, соединенные въ одномъ XXIII отдѣлѣ нашего 8-го выпуска:

**Походы въ земли Шведскія и Турецкія,
 уроны и потери.**

1.

(Губ. Рязанской).

- Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
 Во большомъ селѣ во Купелюшкѣ,
 Порасписаны всѣ квартерушки,
 Цоразставлены всѣ солдатушки,
 5. Всѣ солдатушки полку Тульского,
 Гранадерскаго, мушкатерскаго.
 Вотъ охочи были солдатушки
 По ночамъ гулять съ красными дѣвушками,
 Со молодками съ деревенскими.
 10. Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
 Ко полуночи ружья чистили,
 Ко бѣлѣ свѣту во строю стоять,
 По ружью держатъ, ружью чистому.
 Капитаны стоятъ передъ ротами,
 15. Офицерики передъ взводами,
 Младъ полковничекъ передъ всѣмъ полкомъ.
 Капитанъ скричалъ: «На плечо ружьё!»
 А майоръ скричалъ: «По ремнямъ спущай!»
 Младъ полковничекъ «Во походъ» сказалъ.
 20. Всѣ солдатушки ружьями брякнули,
 Ружьями брякнули, пѣспи вгѣркнули,

⁴⁾ Начальству; сохранилось у духовенства въ выраженіи «бить подъ начальствомъ».

VII.

А Вереюшкин дѣвушки заплѣтали *)
 «Хорошо намъ было свѣкаться,
 «Теперь трудно намъ разставаться!»

25. Изъ за горь-то, было, горь высѣннѣ,
 Выходила тутъ сила-армія,
 Сила-армія царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго:
 Наперѣдъ идутъ барабаныщии,
 30. Позади идутъ—знаменá несуть.

- Подъ знáмечкомъ молодой солдатъ,
 Молодой солдатъ, полковой сержантъ.
 Онъ идѣть-идѣть, самъ шатается,
 На всѣ стороны покланяется,
 35. Съ отцемъ съ матерью онъ прощается,
 Съ молодой женой не прощается;
 Отъ того онъ не прощается:
 Молода жена—змѣя лютая,
 Отъ жены и пошогъ во солдатушки,
 40. Во солдатушки, въ службу царскую,
 Въ службу царскую—королевскую *).

(Записано П. В. Е—мъ).

*

2.

(Губ. Орловской).

- Въ томъ городѣ въ Вереюшки,
 Въ селѣ было во Купелюшки,
 Тамъ фатерушки порасписаны,
 Солдаты поразставлены,
 5. Солдатушки полка Тульского,
 Полка Тульского мушкатерскаго.

*) Старше д. б. «слакнѣли.» — *) Противъ короля (Шведскаго).

- Какъ сы вечера во полкъ приказъ пришолъ,
 Сы полуночи ружья чистили,
 Со бѣлой зорѣй во строю стоять,
 10. Во строю стоять, по ружью держать.
 Передъ ротою стоялъ молодой капитанъ,
 Среди роты стоялъ молодой маіоръ;
 Капитанъ вскричалъ: «На плечо ружьё!»
 Маіоръ вскричалъ: «По ремнямъ спущай!»
 15. «По ремнямъ спущай, во походъ ступай!»
 Всѣ солдаты призадумались,
 Призадумавши они слово молвили:
 «(Ужь вы) Братцы товарищи!
 «Хорошо было намъ свыкатися,
 20. «Таперь какъ же намъ разстатися?!»»

- Изъ того города изъ Вереищки,
 Изъ села-ть изъ Купелищки,
 Ни бѣла зоря занималася,
 Ни красно солнце выкаталося:
 25. Выкаталася тамъ Русска армія,
 Русска армія императорска,
 Нашего царя Бѣлаго.

- Въ томъ полку молодой солдатъ,
 Молодой солдатъ, молодой сержантъ,
 30. У рукахъ несетъ знамя царское,
 Знамя царское, государское.
 Онъ не пьянъ идѣтъ—шатаетца,
 Съ своимъ съ отцомъ съ матерью прощаетца,
 Съ молодой женою, съ шельмой, не прощаетца:
 35. Черезъ нее онъ пошолъ въ службу царскую,
 У заботушку великую.

* . . .

3.

(Губ. Сибирской).

Собиралися всѣ солдатушки въ Вереишской градъ.
 Имъ со вечера приказъ отданъ былъ,

- Ко полуночи ружья чистили,
 По утру рано сборъ ударили,
 5. Сборъ ударили, въ строй поставили.
 По край стрóю капитанъ стоитъ,
 По середь-то стрóю маіоръ ёстоитъ,
 Въ передѣ стрóю самъ полковничекъ.
 Капитанъ кричить: «На плечо ружьё!»
 10. Маіоръ кричить: «Въ ремень ружьё!»
 А полковникъ кричить: «Въ походъ пошолъ!»

- По утру-то было рашёшенько,
 На зорь-то было на утрешней,
 Не бѣла-та зоря занималася,
 15. Не красно-то солнце выкаталося:
 Наша армія въ походъ пошла,
 Во походъ пошла, во Туретчину.
 Наперёдъ пошли знами ¹⁾ царскія,
 Знами царскія — царя Бѣлаго;
 20. Подъ знамёнами барабаны бьютъ,
 Барабаны бьютъ, играютъ во флѣички ²⁾,
 Играютъ во флѣички, въ сиповочки ³⁾
 И во всѣ игры государевы:
 И разыгрываютъ всю армію ⁴⁾.
 25. И полковничекъ уговаривать:
 «Вы не плачьте, наши ребятушки,
 «Новобрáны наши солдатушки:
 «Ужъ мы какъ дойдемъ во Туретчину;
 «Ужъ мы какъ дойдемъ — короля ⁵⁾ возьмемъ,
 30. «Короля возьмемъ, да назадъ пойдёмъ,
 «Назадъ пойдёмъ, въ каменную Москву!»

¹⁾ Такъ называемое филологами (и въ Нѣмецкихъ грамматикахъ) «слабое» склоненіе, безъ раскрытія древняго носоваго звука въ окончаніи, чему у насъ много примѣровъ (*беремъ, оремъ* и т. д.) въ отличіе отъ «сильнаго», — *знамени, знаменекъ, знамена* и т. д. — ²⁾ Флейточки. — ³⁾ Иначе *сотлики*, *соллики*: употреблялись еще при Петрѣ. — ⁴⁾ Развеселяютъ, чтобы солдаты не гурьвали. — ⁵⁾ Известное намъ сопоставленіе, по связи войны Шведскійхъ (и послѣ Пруссійскихъ) съ Южными, Турецкими.

(Губ. Оренбургской).

Во селѣ было во Кушелямишѣ,
 Въ городу было во Вереюшкѣ,
 Всѣ квартирники поразничены,
 Всѣ солдатушки поразставлены.

5. Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
 Со полуночи ружья чинишны,
 Ко бѣлу свѣту въ походъ пошли,
 Ружьями брякнули,
 Сами всплакнули:
10. «Ты прости-ка—прощай, отгодъ и мать,
 «Молода жена и малы дѣтушки!
 «Еще прощай, красны дѣвушки,
 «Красны дѣвушки Заверейскія,
 «Молодушки деревенскія!»

(Сообщ. В. И. Далека).

(Губ. Моск., у. Звенигородскаго, Вереюшкѣ).

- Какъ во городѣ во Вереюшкѣ,
 Во селѣ-то было Покровскиемъ ¹⁾,
 Какъ стояли тутъ солдатушки,
 Что того ль полку—Тарутинцы,
5. Перва ротушка гарнадерская,
 Какъ охочи эти солдатушки
 По ночамъ гулять съ красными дѣвками.

¹⁾ Село Покровское—любимое въ уездѣ народа съ Миккила Оселорозича и особенно Елизавети (см. выше).

XI.

Съ красными дѣвками со Вереѣскими,
Со молодками деревенскими.

10. Съ половина-дня ²⁾ указъ присланъ былъ,
Чтобъ со вечера ружья чистили,
Со полуночи шпаги свѣтлили,
Ко бѣлу свѣту во строю стоять.
Капитанъ кричить: «Отъ ноги ружья!»
15. А маіоръ кричить: «По ремнямъ спускай!»
А полковничекъ: «Во походъ ступай!»
Всѣ солдатушки въ ружья брякнули,
Красны дѣвушки слезно всплакнули:
«Охъ вы свѣтъ-то, наши солдатушки,
20. «Разпобѣдныя ³⁾ ваши головушки!
«Что вы рано очень въ походъ пошли?
«Вы бѣ дождалися поры-времечка,
«Поры-времечка, тепла лѣтечка!»»

(Запис. самимъ П. В. К.—мъ Авг. 16, 1833 г.).

*

(Губ. Владимирской).

Во городѣ было во Покровскіимъ ⁴⁾,
Всѣ фатерушки расписаны,
Всѣ солдатушки поразставлены.

- Какъ со вечера приказъ отданъ былъ,
5. Чтобы ружья-то были чистыя,
Чтобы кремни были вострые.
Какъ съ полуночи ружья чистили,

²⁾ Склоняется какъ слово сложное (ночь-день) и притомъ въ одной послѣдней половинѣ, ибо въ подобныя случаи мужескій родъ у насъ преимуществуетъ передъ женскимъ (ср. *мать-отецъ* и многіе примѣры выше).—³⁾ *Бодо-сыя* и вѣсть *бодныя*, бездоляныя.

⁴⁾ Здѣсь уже городъ Покровъ.

- Ко бѣдой зорѣ во строю стоять,
 Во строю стоять, по ружью держать:
10. А маіоръ стоитъ подь знамѣнами,
 Капитанъ стоитъ передь ротою,
 Младъ полковничекъ среди полка.
 Маіоръ кричить: «На плечо ружье!»
 Капитанъ кричить: «По ремлю спусти!»
15. Младъ полковничекъ: «На походъ ступай!»¹⁾
 Всѣ солдатушки ружьемъ взбрякнули,
 Красны дѣвушки слезно всплакнули:
 «Охъ вы ой еси, вы солдатушки!
 «Что вы рано больно во походъ пошли?»»
20. — Мы не сами собой во походъ пошли:
 — По указицу государеву, по велѣньюцу командер-
 скому. —

(Губ. Калуж., у. Боревскаго, село Слобода).

- Изъ за горъ-то горъ высокинхъ,
 Ни красно солнце выкаталося:
 Наша армія поднималася.
 Какъ во городъ во Вереюшкѣ,
 5. Во селѣ было во Купелюшкѣ,
 Всѣ квартирушки порасписаны,
 Всѣ солдатушки разстановлены.
 Какъ охочи наши солдатушки
 Вечеру ¹⁾ гулять съ красными дѣвками,
 10. Съ красными дѣвками со Вереевскими,
 А съ молодками съ деревенскими.
 Какъ и съ вѣчеру, указъ насданъ былъ,
 Со полуночи приказъ отданъ былъ,

¹⁾ Всѣ эти прикази и артикулы нѣтому повтораются въ пѣснѣхъ съ такою точностію, что бѣжи нынѣ тогда и оставили народное вниманіе.

¹⁾ Старый мѣстный (и времени) падежъ, что послѣ предложный въ вѣчеру.*

- Ружьи чистили ²⁾);
 15. Ко бѣлу свѣту во строю стоить ³⁾);
 Во строю стоять, по ружью держать.

- Во передь идетъ молодой сержантъ,
 Онъ несетъ-несетъ знамя царское.
 Онъ не пьянъ идетъ—самъ шагаетъ,
 20. На всѣ стороны покланяется,
 Съ отцомъ съ матерью онъ прощается:
 «Прости, батюшка, прости, матушка,
 «Прощай, милыя мои дѣтушки!
 «Съ молодой женой не прощаюся:
 25. «Молода жена—моя пагуба.
 «Отъ неѣ пошелъ во солдатушки!»

Запис. П. В. К.—въ въ 30-хъ годахъ отъ 70-лѣтней старухи).

* *

Этихъ образцовъ такое множество доселѣ въ устахъ народа по среднимъ губерніямъ, что ихъ еще можно бы набрать съ сотню.

8.

- Не бѣла зоря занималася,
 Не красно солнце выкаталосъ:
 Выкаталосъ знамя царское,
 Госуларево, царя Бѣлаго,
 5. Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
 На значекѣ⁴⁾ есть написано,
 Есть написано, напечатано,
 И про насъ ли же ⁴⁾ добрыхъ молодцевъ.

²⁾ Раздѣливши прежде уже „вечеръ“ и „полночь“, старуха не нашлась, что прибрать къ чисткѣ ружей. — ³⁾ Т. е. приказъ отданъ былъ.

⁴⁾ Вариантъ „лише“, „лишь.“—Про насъ—солдаты: про насъ пѣснь, про нашего молодца (какъ будто она написана на знамени, съ него читается или воеется, словно изъ книги).—Знамя войсковое позднее замѣнено собою старшій камень: Алашгиръ и Книга Голубинца, гдѣ произносятся разныя дикомыя:

Изъ подъ значечка идетъ добрый молодець.

10. Онъ не пьяной идеть—самъ, шатается,
За ковыль-траву заминается,
Горючьми слезами заливається.
Съ отцемъ съ матерью прощается:
«Прости, батюшка, прости, матушка,
15. «И прости ты, весь родъ и племя,
«Вы простите, мои милыя дѣтушки,
«Только не прости ²⁾, моя молодá жена!
«Молодá жена, шагуба моя!
«Погубила мою будущую головушку,
20. «Отъ тебя пошла, отъ тебя пропала,
«Отъ тебя спозналъ чужую сторону,
«Нужду крайнюю, службу царскую!»

*

9.

Ни бѣла зоря, гусары ¹⁾, занимался,
Ни красно солнышко выкаталося:
Тридцать три полка гусаръ появлялися,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

5. Какъ у насъ ли во сенатѣ ²⁾ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался,—генералъ домеръ.
Самого ли генерала на гдавахъ несутъ,
Ворона его конѣчка въ доводу вѣдутъ,
Понесли же генерала во чистю поле,
10. Во чистю поле, на смѣе море ³⁾:
«И схоронимъ мы генерала на крутой горѣ,
«На крутой горѣ на Сіонскія ⁴⁾»

²⁾ Онъ не прощается: а изъ этого *разказа о героѣ* любопытнымъ оборотомъ сдѣланы слова *отъ лица самого героя*, по обычному способу, который и такъ часто видали въ пѣсняхъ историческихъ.

¹⁾ Обращеніе поющихъ гусаръ къ самимъ себѣ. — ²⁾ Мы видали подобные случаи и „въ синодѣ.“ О постепенномъ развитіи образцовъ въ этой пѣснѣ см. наши прикѣпачія въ 8-мъ выпускѣ. — ³⁾ За этими словами самого гусаря.—

⁴⁾ Вѣкъ скоро „крутая гора,“ то по вліянію духовника Служкова весьма часто Сіонскія: ср. „Калѣны Переходы“ и старія бѣлины въ книжцѣ *Изданіи*.

- «Мы могилушку вырѣшимъ между трехъ дорогъ,
 «Между Циттерской, Московской, славной (большой)
 Кіевской.
15. «На могилушкѣ положимъ камень мраморный,
 «Во головушкѣ поставимъ позлачѣнный крестъ,
 «Во рѣзвыхъ ногахъ поставимъ коня вороная,
 «По правую сторонушку строево ружьѣ,
 «По лѣвую сторонушку саблю вострую *)!»
20. — Кто ни пойдётъ, ни пойдётъ, всякъ нарубится,
 — Строевымъ моимъ ружьемъ настрѣляется,
 — На ворономъ моемъ конѣ всякъ нагуляется,
 — На позлачѣнный крестъ всякъ помолится,
 — Самого ли душу-генералушку *) всякъ навспоминается!

*

10.

- Не бѣла зоря, гусары, зоря занималася:
 Занималася, выкаталася вся сила солдатская.
 Какъ пошли наши гусары, повли со знамѣнами,
 Со знамѣнами гусары, еще съ барабанами,
5. Во второмъ полку гусарскомъ погромъ сдѣлался,
 Погромъ сдѣлался, гусары, енараль помѣрь,
 Енараль помѣрь, гусары, своей скорой смѣрточкой.
 Понесли же енарала—на главахъ несутъ,
 Понесли же енарала черезъ три поля,
10. Черезъ три поля, гусары, чрезъ синѣ море...
 Енаральскаго конѣчка во трехъ поводѣхъ ведутъ,
 Енаральскую, шляпу во рукахъ, несутъ...
 Схоронили жъ енарала промежъ трёхъ дорогъ:
 Промежъ Курской, промежъ Тульской и Воронежской.

(Въ этомъ образцѣ отецъ любилъ повторять обороты, которыми народъ старается устроить разложившій старшій и подлинный стихъ пѣсни).

*

*) За сими слова—завѣщаніе самого умершаго: обычныя ступени переходовъ, намъ уже извѣстныя по многимъ пѣснямъ историческимъ. — *) Обычное ласканіе генералу: ср. выше въ походахъ Шведскихъ и Прусскихъ (позднѣе однако этого не встрѣчается).

- Ни бѣла зоря, гусарушки, занималася,
 Ни ясна сонца, гусарушки, выкаталася ¹⁾:
 Охъ да шла-выступала сила войская ²⁾;
 Сила войская, гусарушки, царя Бѣлаго,
 5. Царя Бѣлаго, гусарушки, Петра Перваго.
 На перёдъ идуть гусарушки съ знамёнами,
 Съ знамёнами идуть, гусарушки, съ позлачоными;
 По задѣ идуть гусарушки съ барабанами;
 Барабанушки пробѣли по весѣлому,
 10. Яй ³⁾ указушки прочитали до печальному:
 Вы второмъ полкѣ, гусарушки, урожь сдѣлали ⁴⁾.
 Уронъ сдѣлали, гусарушки,—генераль помёръ,
 Ни своѣй смертью генераль помёръ,—воръ Французъ
 убилъ.

Самого-то генералушку на плечахъ нясутъ,

15. Молодую генеральшу шестерней вязутъ;
 Молодая генеральша слезно плакала:
 «Вы несите генералушку черезъ три поля,
 «Черезъ три поля генералушку на крубы горы,
 «Вы заройте, закопайте вы жолтыя пѣски!» ⁵⁾

Изъ за лѣсу, было, тёмнаго
 Не бѣла зоря, гусары ¹⁾ поднимались;
 Не красно солнце высоко изъ горъ выкаталось:
 Выкаталось-выступало войско сильное ²⁾,

¹⁾ Известное намъ старшинство женскаго рода прехъ среднимъ, воскресающае ничто часто благодаря (новднему) происхожденію о н е какъ а и л.—

²⁾ Старшее названіе; оно служитъ типическимъ отличіемъ этихъ образцовъ пѣсни и ничто уже часто коверкается.—³⁾ А и.—⁴⁾ Сдѣлали.—⁵⁾ Древній творительный.

¹⁾ Изъ обращенія гусарь къ самимъ себѣ сдѣланъ рассказъ о гусарахъ, когда пѣсня отъ гусарь перешла къ остальному народу обратнo (способъ, встрѣченному у насъ выше).—²⁾ Любопытная перестановка старшаго выр-

5. Войско сильное—гусары,
Словно тридцать три полка,
Во всѣхъ снаряженныхъ, въ походъ наречённые,
Наречённые гусары—въ походъ—на сраженьице ³⁾.

- На перёдъ полка гусаровъ идутъ со знамёнами,
10. Позади полка гусаровъ идутъ—барабаны бьютъ.
Барабаны пробьютъ по весёлому,
А указы прочитади по печальному:
Во второй полку гусарскомъ вѣрный ⁴⁾ генералъ по-
мёръ.

- Генеральскаго конёнка-коня въ поводы ведутъ.
15. Самого-то генерала,—его на головахъ несутъ.
«Вы снесите мое тѣло,—тѣло на синё море,
«Вы умойте мое тѣло свѣжей моревдой водой,
«Вытрите мое тѣло мягкой шелковой травой,
«Сохраните ⁵⁾ мое тѣло,—тѣло промежъ трёхъ дорогъ:
20. «Промежъ Питерской, Московской, еще славной Киев-
ской.

«Вы поставьте на главу чудный ⁶⁾ крестъ серебряный,
«На скорыхъ ногахъ поставьте моего ворона коня!»

*

13.

(Губ. и у. Сибирск., село Архангельское).

Царя Бѣлаго гусары, Петра Перваго,
На перёдъ идутъ гусары со знамёнами,

женія „сила войская.“—³⁾ Замѣтьте опять стараніе возстановить прежній стихъ посредствомъ изворотовъ и нѣсколькихъ повтореній, а вмѣстѣ необходимо многословнаго описанія „силы войской,“ когда это послѣднее выраженіе утратилось и нѣсли изъ устъ войска, которому хорошо были знакомы техническія фразы, перешла къ земству.—⁴⁾ Эпитетъ *обычный* при слугахъ и служилыхъ людяхъ, параллельно „души генералушкѣ.“—⁵⁾ Любопытное употребленіе формы (письменной) въ народѣ вмѣсто обычнѣйшаго (устнаго) *схоронить*: ничѣ это различіе формы Церк. Славянской и чисто-Русской обратилось въ различіе смысла по употребленію (первая—сберечь, вторая—закопать; *первоначальную* одѣ и то же).—⁶⁾ Эпитетъ *обычный* при крестѣ: чудотворный.

Позади идут гусары съ барабанами. . . .
 Становилися гусары у крутой горы,

5. Какъ читали же гусарушкамъ указы печальныя:
 «А у насъ, гусарушки, уронъ сдѣлался, —
 «Человѣкъ пропалъ ¹⁾), генералъ помёръ.»»

Генеральскаго коня въ поводѣ ведутъ,
 А Черкасское сдѣльцо на вою везутъ,

10. Самого-то генерала на плечахъ несутъ:
 «Понесите тѣло бѣлое ко синю морю,
 «Вы обмойте тѣло бѣлое (моревою водою),
 «Вы заройте въ мать сыру землю,
 «Вы поставьте мовзолой ²⁾ ему!»»

* *

Слѣдующіе образцы имѣютъ уже непремѣннымъ своимъ признакомъ
 „силу войскую:“

14.

(Губ. Тульской, у. Ефремовскаго).

Выходила-выступала сила войская,
 Сила войская, гусары царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго гусары, Петра Перваго,
 Наперѣдъ идутъ гусары со знамѣнами,

5. Назадъ идутъ гусары—барабаны бьютъ,
 Барабанный бой пробилъ по печальному,
 Славно пѣсенки запѣли по веселому ¹⁾),
 Какъ у насъ ли во ширингѣ уронъ сдѣлался:
 Уронъ сдѣлался, гусары, генералъ помёръ.

¹⁾ Сгибъ (избнуть и зубить, терять и тратить: община стариннаго выраженія о вещахъ и объ жизни; „коня потерялъ,“ выше у насъ „жизнь трагическая,“ въ Р. Правдѣ пропавша при уголовныхъ дѣлахъ и т. д.); умеръ.—

²⁾ Это уже совсѣмъ неожиданнѣйшій подарокъ: вѣроятно одинъ изъ подлинниковъ пѣсни, не дошедшій до насъ, былъ „сочиненъ“ въ старинныхъ поэмкахъ.

³⁾ Испорчено изъ подлиннаго выраженія и слова предшествовавшихъ образцовъ, а потому осмыслено по своему.

10. Генеральскаго конёчка въ поводѣ ведутъ,
Генеральскаго сыночка на рукахъ несутъ,
Генеральское сѣдельце на возу везутъ,
Самого генерала шестернёй везутъ:
«Вы везите ли, гусары, черезъ три поля»
15. «Черезъ три поля на четвертое!»

(Губ. Орловск.).

Изъ за лѣсу-лѣсу тѣмнаго
Выступала-выходила сила войская,
Сила войская, гусары царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

5. На перёдъ идутъ гусары съ знамёнами,
Позади идутъ съ барабанами:
Барабанушки пробили по унывному,
Всѣ указы прочитали по печальному,
Они пѣсенки запѣли по веселому ¹⁾.
10. Во второмъ полку гусарскомъ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, генераль помёръ.
Самого генерала на главахъ несутъ,
Генеральскаго конёчка въ поводѣ ведутъ,
Самоё генеральшу шестернёй везутъ.
15. Во слезахъ генеральша слово молвила:
«Вы подите, гусары, вы задрёную рощу,
«Вы срубите кипарисъ-древо,
«И сдѣлайте кипарисовъ крестъ,
«И поставьте между трёхъ дорогъ,
20. «Между Курской, между Тульской, между Киевской:
«Какъ во Курской онъ родился,
«А во Тульской крестился,
«А во Киевской женился ¹⁾»

¹⁾ Ср. образецъ предыдущій.—²⁾ Любопытно, какъ это значеніе трехъ дорогъ и перекрестка означило противу древности и примѣнилось къ простѣйшему обиходу житейскому, потерявъ явныя черты историческія.

(Оттуда же).

- Села войскаго ¹⁾, гусары царя Бѣлаго,
 Царя Бѣлаго гусары, Петра Перваго,
 Петра Перваго гусары во походъ пошли,
 Во походъ пошли гусары со знамѣнами,
 5. Со знамѣнами, гусары, съ барабанами ²⁾,
 Съ барабанами, гусары, съ музыкантами.
 Музыканты заиграли по весѣлому,
 Всѣ указъ прочитали по печальному,
 Они пѣсенки пропѣли по унылому.
 10. Во второмъ полкѣ гусарскомъ уронъ сдѣлался,
 Уронъ сдѣлался, гусары,—генераль помѣрь.
 Генеральскаго конѣчка въ поводахъ ведутъ,
 Самого ли генерала на главахъ несутъ.
 «Какъ несли ль мы генерала черезъ три поля,
 15. «Черезъ три поля—полянства ³⁾—за синѣ море,
 «Схоронили генерала между трехъ дорогъ,
 «Между Питерской, Московской, третьей Кіевской.»»

*

(Оттуда же, у. Малоархангельскаго, село Кривоѣ).

Соловойскіе ¹⁾ гусары Петра Перваго,
 Петра Перваго, царя Бѣлаго,
 Во походъ полкѣ ²⁾, гусары, уронъ сдѣлался:
 Уронъ сдѣлался у гусаръ, генераль ишмѣрь.

¹⁾ Вотъ что явилось уже изъ „силы войскаго.“ — ²⁾ Очень любопытные повторительные обороты, три—четыре, чтобы возстановить какой ни будь одинъ старшій стихъ. — ³⁾ Любопытное и очень ловкое вставочное слово, чтобы догнать стихъ до подлиннаго размѣра.

¹⁾ Еще дальнѣйшій шагъ порчи.—Вотъ почему, говорили мы, здѣсь нѣкоторые видѣли даже *Сарайский* гусарь. — ²⁾ Во время полковаго похода.

5. Самого ли генерала на главахъ несутъ,
Его генералышу шестернёй везутъ.
Понесли ли генерала черезъ три поля,
Черезъ три поля далече, чрезъ синё море.
10. «Схороните генерала между трехъ дорогъ,
«Между Тульской, Петербургской, славной Кіевской,
«Во главахъ его поставьте живъ-творящій ³⁾ крестъ,
«Во ногахъ его поставьте воронъ его коня,
«Въ руки ему дайте саблю вострую:
15. «Кто ни ѣдетъ, кто ни ѣдетъ,—Богу молятся,
«На коня его глядятъ,—слёзы катятся,
«На вострую ли саблю,—шляпа валится.»

(Записано и сообщено намъ К. А. Бороздинымъ.—Въ этомъ образцѣ всего рѣшительнѣе стихъ разломился уже по поламъ и сдѣлался „двойнымъ“).

* *

Слѣдующій образецъ отвѣчаетъ № 6-му и 7-му въ томъ же XXIII-мъ отдѣлѣ 8-го выпуска:

18.

- «Ты взойди-ка, милой, во горенку,
«Погляди-ка, милой, въ окошечко!
«У насъ на дворѣ туманъ-туманъ,
«На синёмъ-то морѣ непогодушка:
5. «Есть у дѣвушки зазнобушка,
«Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
«Дѣтинушка дворянскій сынъ;
«Зазнобя-то сердце, самъ въ походъ пошелъ,
«Охъ, во тѣ ли страны во незнамыя,
10. «Во незнамыя, во Турецкія,
«Изъ Турецкихъ онъ во Швеція ¹⁾.

³⁾ Живое, не успѣвшее еще кристаллизоваться, сочетание составныхъ частей сложнаго слова.

¹⁾ Ср. выше о связи сихъ странъ.

- «Охъ, и тутъ мы съ другомъ разставалися.
 «Намъ всѣ люди Москвой ²⁾ дивовалися,
 «Какъ мы съ другомъ разставалися:
 15. «Да и что это за диковинка,—
 ««Либо ³⁾ братъ съ сестрой разставалися!»»

* * *

Между тѣмъ этотъ же образецъ служитъ переходомъ къ дальнѣйшимъ, въ которыхъ изображается горемычная жизнь молодца, и даже „боярскаго сына,“ въ чужой дальней незнакомой сторонукѣ, именно *Петербургской*, а по общему единогласному завѣренію пѣсни сего рода относятся къ *основанію Петербурга* и къ первоначальной, принудительной жизни тамъ, налагавшейся обязательно для работъ разнаго рода или хоть просто для заселенія:

**Петербургская дорожка,
 Петербургская сторона.**

1.

Ты злодѣй-злодѣй, чужа-дальна сторона!
 Ужь сколько миѣ ни жити,—всѣ тужити,
 Миѣ родимыя сторонки не забыти ¹⁾).

- Ты злодѣй-злодѣй, ретивое мое сердце,
 5. Къ чему ты, сердце мое, ноешь-унываешь?
 Не скажешь ты ни радости, ни кручины:
 Не можешь ты мила друга забыти,
 Ни дѣнною порою, ни ночью,
 Ни утренней зорею, ни вечерней ²⁾).

10. Со той ли тоски великія, злой кручины,

¹⁾ Какъ мы шли Москвой. — ²⁾ Должно быть, вѣроятно: слова встрѣчныхъ людей по Москвѣ.

³⁾ Это старая пѣсня обо всякой чужой-дальной сторонѣ: она примѣнялась къ разнымъ историческимъ эпохамъ, какъ мы видѣли прежде, а окрѣпла въ образахъ темничныхъ и тюремныхъ. — ⁴⁾ Это начало другой пѣсни и также встрѣчало среди историческихъ; она примѣнялась преимущественно къ вѣстію Шлюссельбурга (внп. 8, стр. 144—146), а среди бытовыхъ къ изображенію одиночества любящаго сердца и разлукъ съ милымъ.

XXIII.

Пойду-пойду, младёшенька, погуляю,
Я найду-найду два камышка алмазны,
Я камышекъ о камышекъ ударю.

Не во всякомъ драгомъ камнѣ огонь-искра:

15. Не во всякомъ добромъ мѣлодцѣ любовь-правда.

Любилъ меня милъ-сердечный, да покинулъ.

Я на шуточки милу́ другу отказала ³⁾:

«Тебѣ полно, милъ-сердечной другъ, гуляти!

«Ужь пора ли, милъ-сердечной другъ, жениться

20. «Что на душечкѣ на красной на дѣвицѣ ⁴⁾.»

Что у душечки у красной у дѣвицы

Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило,

Не морозомъ бѣлое личико ознобило:

Смочило бѣлое лицо слезами,

25. Ознобило ретивѣ сердце кручиной.

Тужить-плачетъ ⁵⁾ по миленькомъ дружечкѣ,

По ласковомъ-привѣтливомъ по словечкѣ.

Хорошъ-пригожъ мой миленькой уродился,

Онъ не долго со мною, съ дѣвицей, поводился:

30. Какъ сказана милу́ другу царская служба,

Показана широкая путь-дорожка

Ко славному ко городу Петербургу.

Со всѣми милъ-сердечной другъ простился:

Со мной съ одной красной дѣвицей не простился.

35. Съ половины пути-дороженьки воротился,

Подъ косящетымъ окошечкомъ колотился:

— Ты прости-прости, душа моя дѣвица,

— Наживай ты себѣ друга милого;

— Если лучше наживешь, меня забудешь,

40. — Если жъ хуже наживешь, меня вспомнешь,

— Сама, красная дѣвица, слезно заплачешь ⁶⁾. —

(Печатано старше у Шнора, 1791, котомъ доннѣ во многихъ устныхъ образцахъ).

³⁾ Я шутокъ разъ ему отвѣчала.—⁴⁾ Третья пѣсня женская, восходящая къ мнѣологическимъ основамъ, но послѣ примѣненная къ изображенію измѣны и разлуки любящихъ. — ⁵⁾ Сердце.—⁶⁾ Эту пѣсню ми также видѣли выше, какъ, начиналась Смоленскомъ, перешла она въ заключеніе къ Бендерамъ.

Пѣсня эта, напечатанная нами прежде какъ вариантъ, по ея началу, къ исторической пѣснѣ о Шлюссельбургѣ (вып. 8, стр. 144—46), повторяется здѣсь на собственномъ своемъ мѣстѣ, съ подробнѣйшими объясненіями. Въ ней, чтобы рассказать объ новой Петербургской дорожкѣ и объ тяжкой жизни въ Петербургской сторонѣ, творчество пробуеъ разные образцы старинныхъ пѣсенъ, примѣняя ихъ къ дѣйствующей эпохѣ, пока останавливается на одномъ образцѣ, гдѣ въ старину жаловались на походъ къ Смоленску, потомъ къ Шлюссельбургу, а наконецъ Петербургъ повернули на Бендеры и сдѣлали пѣсню исключительно военною, походною. Вотъ почему и Дмитріевъ, какъ мы видѣли выше, желая выгородить почтенный для него Петербургъ, замѣнилъ его Нерчинскомъ, хотя тутъ-то именно всего больше я высказалась невольная иронія.

* *

Но вопросъ былъ слишкомъ близокъ къ сердцу и затрогивалъ его глубоко; творчество попробовало примѣнить сюда еще старшій образецъ пѣсенъ „воинскихъ“ или походныхъ, раздававшихся обычно весною, когда, за вскрытіемъ ея, начинался призывъ на службу въ походъ:

О томъ же.

1.

(Губ. Тверской, у. Старицакого).

Ахъ ты матушка Россія!
 Выгоняють насъ отсель ¹⁾,
 Насъ отсель, не таперя.
 Мы дождемся поры-время ²⁾,
 5. Пору-время, тёпла лѣта.

Ужь какъ пошпнній день—скука:
 Мнѣ съ милѣмъ дружкоймъ разлука.
 Разлучаетъ насъ неволя:

¹⁾ Изъ Россіи: Россія тамъ, гдѣ прижили народъ; новыя мѣстности для жилья кажутся сначала чужими, не-Русскими; а тѣмъ болѣе таковою представлялась Ингерманландія.—²⁾ Помянутое „слабое“ склоненіе, родит. падеж.— Дѣло идетъ объ веснѣ.

Чужа-дальная сторона,
10. Петербургская дорожка.

Какъ по этой по дорожкѣ
Много разъ я проѣзжала,
Много пѣше проходила,
Много горя принимала,
15. Много слезъ я проливала,
Много писемъ я писала,
Къ милу́ дружкѣ посылаа.
Мои письма не доходятъ,
Слуги вѣрны не доносятъ²⁾.

20. «Ахъ ты матушка родима!
«За чѣмъ на́ горе родила,
«Горькимъ счастьемъ надѣлила,
«Въ чужу́ сторону пустила!»

(Отъ А. А. Панина и другихъ).

Однако и этотъ образецъ, развѣтвившись на множество подобныхъ, перешелъ позднѣе въ простыя пѣсни „солдатскія-рекрутскія,“ когда наборъ и сборъ рекрутовъ отождествлялся съ дорогою къ Петербургу. Вариантовъ множество и мы ихъ встрѣтимъ въ своемъ мѣстѣ, гдѣ увидимъ даже цѣльное произведеніе, отсюда возникшее, полународное, полукнижное, „Ахъ, любезная весна...“

* *

Изъ пѣсень же этихъ, какъ элементовъ, составилъ и окрѣпъ цѣльнымъ типомъ собственно одинъ образецъ, который на всегда уже и преимущественно применилъ къ Петербургу, вспоминая первыя его времена и всю тяжесть жизни тамъ на чужой сторонкѣ. Онъ именно представляетъ переходъ отъ древняго быта, служилаго-военнаго и притомъ боярскаго-дворянскаго, къ новому строю жизни, сосредоточенному въ Петербургѣ рукою Петра, но для одиночныхъ лицъ слышномъ еще тяжелому:

²⁾ За сама́ рѣчь уже самого друга.

Петербургъ и Нева со времянь Петра.

1.

(Губ. Вологодской).

За рѣчкой за Невагушкой,
За широкою перебрагушкой ¹⁾,
Не полынь-трава въ полѣ
Зашаталася ²⁾:
5, Что во полѣ за-душа
Миленькой мой ³⁾.
Онъ не самъ (сюда) зашолъ,
Не своей охотушкой,
Не охотою:

¹⁾ *Нева-та* хотя можетъ относиться къ древнѣйшимъ формамъ, обозначающимъ ходъ и теченіе рѣкъ (*на*—идущая, текущая), но у народа перешла въ значеніе ласкательное и уменьшительное (какъ *бѣдняга, мальчуга, словетка* и т. п.). Отсюда и названіе известной рыбы.—Далѣе слѣдуетъ въ иѣснѣ „широкая переправа (черезъ широкую рѣку),“ гдѣ, обычно на переправѣ, издревле рисуются бѣды молодца: но ради рѣкмы сдѣлана отсюда „перебрага,“ а осмыслена—пѣнистая, кичущая, бурливая.—²⁾ Отрѣзокъ стиха, обращающійся при повтореніи въ припѣвъ.—³⁾ Зашатался. — *За-душа*, въ позднѣйшемъ, почти отвлеченномъ, смыслѣ то же, что *задушевный* (другъ, пріятель). Но, по старшему образованію формы, *за-душа* (такъ употребляетъ часто народъ нашъ, преимущественно на Сѣверѣ) есть дальнѣйшее развитіе формы *душа* и есть то же самое, что уменьшительное и ласкательное *душ-ка, душень-ка*. Только заключительное *ка* переставлено здѣсь къ началу слова (подобно какъ помянутое *за* ставится иногда и въ началѣ: *за-врачъ*). Тѣмъ же способомъ образованы *со-рока, ка-ляка*, Санскр. *ка-та, ка-паща, ка-сара*, и т. п. (*а* долгое), при чемъ уменьшительное и ласкательное обращается часто и естественно въ уничижительное и бранное (подобно нашему *мальчишка, ручонка, душонка*). Есть множество подобныхъ формъ Санскритскихъ (*ким-пуруша, ким-нара* и т. д.), которыя всѣ по нашему слѣдуетъ переводить въ точности: „что за путь, что за потокъ, что за человекъ.“ съ одной стороны похвала, восторгъ впечатлѣнія, съ другой презрѣніе и брань. Совершенно также и *за-душа* предполагаетъ старшій оборотъ, родившійся отъ кликаніемъ при сильномъ впечатлѣніи: „что за душа!“ Этотъ дѣльный оборотъ и сократился послѣ въ форму *за-душа*. — О явленіяхъ сего рода въ извѣстѣ сказано нами еще очень давно, при изданіи „Болгарскихъ лѣсѣтъ“ 1856 г. стр. 19—21, гдѣ много примѣровъ.

10. Занесло дружка великою
 Погодушкою;
 Не погодушкой,—великою
 Неволюшкою,
 Неволю (').
15. «Подневольная жизнь наша
 «Боярская,
 «(Жизнь боярская) служба
 «Государева,
 «Государева служба,
 20. «Царя Бѣлаго,
 «Царя Бѣлаго,
 «Петра Перваго.
 «Тяжело служить служба (')
 «День до вечера,
 25. «Что со вечера служить
 «До полуночи,
 «Со полуночи служить
 «До часу девятаго,
 «(Отъ девятаго часу) служить
 30 «До бѣлой зори!»

(Ср. сборн. г. Студитскаго, 1841).

*

2.

За Невагой рѣчкою, перебрагою,
 Не польнь-травка въ полѣ шатаётся:
 Загулялся-то милый, да душа моя,
 Что за душечка (') удалъ-добрый молодець.

(') Вторичный отрывокъ, уже чисто-припѣвъ.—За сими рѣчи самого дружка.—') Древнее словосочиненіе.

(') Подтверждается сказанное нами выше о происхожденіи формы за-душа.

5. Онъ не самъ зашолъ, не своей охотою;
 Завела его, мѳлодца, неволюшка,
 Зло великое, жизнь боярская,
 Жизнь боярская, служба государская,
 Государева служба, царя Бѳлаго,
 10. Царя Бѳлаго, Петра Перваго
 (Что наслѳдника Николая Павловича)²⁾.
 Тяжелѳшенько служба начиналася,
 Начиналася служба—день до вечера,
 День до вечера, часу до десятаго,
 15. Со десятаго до полуночи,
 Со полуночи звѳзды съ неба сыпались.
 То не звѳзточки съ неба разсыпѳлись;
 Разсыпѳлася наша сила-армїя,
 Сила-армїя, конно-гвардїя.

*

3.

(Губ. Орловской).

- Што за рѳчкой было за Невою,
 За Невою было съ переправою¹⁾,
 Ни ковыль-травка во полѳ шаталася:
 Што шаталь-качалъ²⁾ удалъ-добрыи мѳлодецъ.
 5. Онъ ни самъ зашолъ, ни своей охотою:
 Завела его, мѳлодца, неволюшка,
 Его нѳжда крайнїя,
 Жизнь наша боярская,
 Ещо служба царская,
 10. Жизнь наша солдатская³⁾,

¹⁾ Подвїзѳшая, вставка.

²⁾ Отсюда возникла приведенная выше „перебрага.“—²⁾ „Шатать-качать, шатать-валить, катать-валить, качать-валить“ и т. п.: синонимы для движенїя и переходовъ, возникшіе изъ кочевой эпохи нашего народа; ср. о томъ въ нашемъ изд. „Бѳлорусскихъ пѳсней“ 1871 г.—³⁾ Связь службы боярской-дворянской съ воряномъ, а послѳдней съ солдатскою.

Еще царя Бѣлаго,
Еще Петра Перваго.

*

4.

(Губ. Архангельской, Мезень).

- За Невагою, за второй рѣчкой Перебрагою ¹⁾,
За дорожечкой было за широкою,
За стороночкой было за Московскою ²⁾,
Не подынь-травна въ полѣ шатается:
5. Зашатался въ полѣ да душа ль моя,
Ты раздушечка ³⁾ мой добрый молодецъ ⁴⁾.

- «Я не самъ зашолъ, не своей охотою:
Занесла меня, добра молодца, неволюшка,
Жизнь наша боярская, служба государева.
10. Тяжела служба—день до вечера,
Что со вечера служба до полуночи,
Со полуночи служба часу до девятого,
Со девятого часу до десятого,
Со десятого часу мѣсяцъ высоко взошелъ,
15. Съ неба звѣзды сыпались,
Разсыпалися звѣзды по чисту полю:
Развѣзжалася наша армія,
Сила-армія наша, конна гвардія,
Лужкамъ по зелёненькимъ ⁵⁾»

(Сообщено В. И. Далемъ; записано г. Порталовымъ).

*

¹⁾ „Перебрага“ сдѣлана уже другой рѣкою — ²⁾ Такъ какъ „за стороною за Московскою“, воть почему мѣстность эта сдѣлалась „стороною чужою.“ —
³⁾ То же, что выше „за-душа“ или „что за душа“ (за чередуется въ употребленіи съ частицею и предложомъ *разъ*). — ⁴⁾ Отсегъ слова самого молодца. —
⁵⁾ Любопытная перестановка предлога ради развѣра стиховъ: ея нѣкогда замечали въ нашей письменности.

5.

Какъ за рѣчушкой за Невагою,
За другой рѣчушкой Переправою¹⁾,
За третьей за большой дороженькою
Какъ не пыль въ полѣ запылилась,

5. Не дубровушка разшаталася:
Разшатался ¹⁾ удалъ-добрый молодець,
Добрый молодець, человекъ бѣдный,
Человекъ бѣдный, солдатъ бѣглый ²⁾.
Онъ ни самъ пошогъ, ни свою олотою:

10. Довела-то его нужда крайняя,
Нужда крайняя, служба царская,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго.

6.

(Новг. губ., у. Череп., дер. Завражье).

Что за рѣчинькой было за Небрагою ¹⁾,
Не полынь-то травонька шатается:
Что шатался-валялся ²⁾ за-душа моя,
Что за душечка душа ³⁾ добрый молодець,
5. Добрый молодець самъ своею охотою ⁴⁾.
Что охота-охота,—жизнь беларская,

¹⁾ Вотъ и „переправа“ сдѣлана второю рѣкою.—²⁾ Поманутое чередованіе *за и разъ* (въ прежнихъ образцахъ *шатался*).—³⁾ Тяжесть жизни, господствующая въ изображеніи, понята здѣсь съ позднѣйшей точки зрѣнія положеніемъ бѣлаго солдата.

⁴⁾ Составлено изъ *Не-ваги* и *Пере-браги*.—⁵⁾ Ср. выше объ этихъ выраженіяхъ.—⁶⁾ Удивительнымъ образомъ сооставлены всѣ последовательныя ступени поманутой выше формы; то, что произошло въ разныхъ эпохи и употребляется порознь, скучено здѣсь подъ рядъ: *душа*; *душечка*; *за-душа*; *что за душа*; *что за душечка*.—⁷⁾ Здѣсь уже *свое* охота: смягчившійся взглядъ на сторону Петербургскую; а отчасти можетъ быть явленіе инсталляціи *жизни*

Жизнь боярская, служба государева,
 Государя царя Бѣлаго, Петра Перваго.
 Что со вечера было, со полуночи,
 10. Не частымъ ли то звѣзды поразсыпались:
 Разсыпалась сильна армія по святой Руси,
 По святой Руси, каменной Москвѣ ⁵⁾.

(Доставлено В. И. Далемъ).

*

7.

(Лихвинскій уѣздъ).

Въ насъ ¹⁾ за рѣчкою право за Ни-волгою ²⁾,
 Ни ковыль-травка въ полѣ запаталася:
 Што ни добрый молодець ³⁾ загулялси.
 Ионъ ни волею, право, ни охотою:
 5. Воля барская ⁴⁾, служба царская,
 Царя Бѣлаго, Петра Перваго.
 Што во полюшку бялы сняжки выпали,
 Што по этимъ сняжкамъ шли нивольнички ⁵⁾,
 Шли нивольнички, музыканчички ⁶⁾,

*

Въ слѣдующихъ образцахъ мѣстность и время пѣсни совсѣмъ забыты:

боарская,“ которая нынѣшнему простому народу иначе не можетъ предста-
 виться, какъ *охотою*, жизнью охотною, привольною.—¹⁾ Въ Новгородѣ, гдѣ
 записана пѣсня, далекою стороною является скорѣе Москва, чѣмъ Петер-
 бургъ. Впрочемъ, если „святая Русь,“ то рядомъ уже просмалась въ пѣсню
 Москва.

¹⁾ У насъ.—²⁾ Составилось изъ пере-*правы* и *Не-вечи*. Можно читать „за
 не Волгою,“ „не за Волгою:“ описаніе отрицательное (какъ и ниже).—³⁾ Зна-
 комый намъ отрицательный оборотъ.—⁴⁾ Вмѣсто „жизни и службы боярской,“
 мѣтъ въ старшихъ образцахъ, являлась уже барская воля, отдавшая крѣпост-
 наго въ рекрутн.—⁵⁾ Которые отданы неволею.—⁶⁾ Полковныя, и т. д.

8.

- Што за рѣчкою за быстрою,
 Ни ковыль-трава зашаталася:
 Зашатался добрый мѡлодецъ
 По чужой-дальней сторонущкѣ.
5. «Сторона ль ты моя, сторонущка,
 «Чужедальная, незнакомая ¹⁾!»
 «Да не самъ же я на тебя зашолъ,
 «Да не вѡронъ меня конь занёсъ:
 «Завела жь меня нужда крайняя,
10. «Нужда крайняя, служба царская,
 «Служба царская, государская.»

*

9.

(Губ. Орловской).

- За рѣкою за рѣчинькой,
 За рѣкой-то было за быстрою,
 Ни ковыль-травка зашаталася:
 Зашатался тамъ добрый мѡлодецъ,
5. На чужой-дальней сторонущкѣ.
 «Сторона ль ты моя, сторонущка,
 «Сторона моя чужа-дальная,
 «Чужа-дальная, незнамая,
 «Незнамая, незнакомая,
10. «Незнамая, сподмосковная ²⁾!»

¹⁾ Такъ начинаются уже многія другія пѣсни, примѣненныя ко всевозможнымъ мѣстностямъ, какъ скоро затерявъ историческій заголовокъ.

²⁾ Какъ и выше, вѣсте Петербурга являлась уже стороною чужою Москва (глядя изъ Ора).

- «Ни самъ жа я на тебе, ашполъ,
 «Ни своей волей-охотою:
 «Занесла мене неволюшка,
 «Неволюшка—служба царская,
 15. «Служба царская, государская.»

* *

Съ другой стороны, то же самое начало о разстилавшейся степной ковыль-травушкѣ, свойственное, какъ мы знаемъ, многимъ пѣснямъ козацкимъ, а потому извѣстное при Краснощокѣ (ср. выше), ведетъ за собою еще образецъ, гдѣ Донцы жалуются на тяжесть войны Шведской, при Петрѣ и Елизаветѣ, а позднѣе на далекую сторону Прусскую (ср. выш. 8, стр. 87; вып. 9, стр. 113—116). Вотъ еще примѣръ такой козацкой жалобы „подъ Шведомъ:“

Подъ Шведомъ.

1.

(Губ. Оренбургск., у. Бузул.).

Ахъ, не шатайся ты, не валяйся ты,
 Въ полѣ травушка!

Какъ подъ Шведомъ простояли мы
 Ровно три годочка,

5. Не пиваючи, ахъ, да не ѣдаючи
 Ровно три денѣчка.

Нѣтъ ни вѣсточки, нѣтъ ни грамотки,
 Съ Руси нѣту!

На четвертый-то на годочекъ-то

10. Вѣстка пала;

Пришла вѣсточка, пришла грамотка
 Съ Руси невесѣла:

Мого батюшки, моей матушки
 Въ живѣ нѣту;

15. Молодая-то жена, шельма-разбестія,
 Давно за мужъ вышла;

Малы дѣтушки, голубиушки,

Всѣ осиротѣли.

Ахъ, никто-то по мнѣ, по мнѣ по мѣлодцѣ,

20. Никто не потужить:

Только тужить-плачетъ по мнѣ, по мѣлодцѣ,

Душа красна дѣвка.

(Доставлено В. И. Далемъ).

* *

Такимъ образомъ, по многимъ примѣрамъ, особенно послѣднимъ, мы нашли и разъяснили въ области народнаго пѣснотворчества совершенно особую силу, которой отвѣчаютъ свои особыя явленія и которую успѣли мы назвать постояннымъ техническимъ словомъ—*примѣненіе*: одни и тѣ же начала, издревле идущія, даже опредѣленные образцы, по нимъ сложенные, постепенно развѣтвляясь, примѣняются къ разнымъ эпохамъ и лицамъ историческимъ, къ разнымъ случаямъ и даже чувствамъ бытовымъ. Иногда, на семь пути, они снова *специализуются* по какому ни будь новому поводу, такъ что одинъ образъ, запѣвъ, заголовокъ, одно слово, одна какая ни будь черта—становятся *признакомъ* такого-то именно образца, а не другаго, такого-то событія, лица и имени, хотя цѣлый составъ и весь корпусъ пѣсни гораздо старше и нѣсколько разъ примѣнялся прежде къ другимъ явленіямъ. Порою въ семь видѣ образецъ *окружаетъ* на всегда, вновь уже не измѣняется и только лишь повторяется: порою снова готовъ разломиться и служить образованію новыхъ, за ново специализованныхъ образцовъ. Такъ иныя пѣсни, казалось бы совсѣмъ уже прикрѣпленныя къ XVIII вѣку, мы встрѣтимъ еще послѣ въ примѣненіи къ явленіямъ вѣка XIX-го. Все это дѣло самого творчества, его силъ, стихій и экономического распоряженія: здѣсь мы нисколько не выходимъ изъ области пѣснотворческой, хотя и не можемъ опустить изъ виду, что этимъ свидѣлствуется нѣвѣстное ослабленіе силы творящей въ ея производительности. Если нужно подбирать старые осколки и пользоваться ими въ новомъ примѣненіи, то очевидно, что сама сила къ новой производительности становится бессильна и вывертывается, замѣняя прежнюю крѣпость и плодородность свою оборотливостью и ловкостью.

Не такова другая сила, которую мы также успѣли уже отмѣтить и указать, хотя пока еще и рѣже первой: это сила *употребленія*. Здѣсь само творчество ни при чемъ, пѣсня не замѣняется и не примѣняется, ни на юту ничего вновь не творится: напротивъ, жизнь обиходная и практическая, вовсе не творческая и не притязая на творчество, беретъ образецъ совсѣмъ готовый и *употребляетъ* его въ данномъ случаѣ, смотря по нѣвѣстному требованію. Слѣбитъ только держать пѣсню

въ памяти либо даже держать передъ глазами книжку, пѣсенникъ, да и запѣть сложенную прежде пѣсню, повинуюсь вызову какого либо явленія или имени въ окружающей жизни. Такъ и въ языкѣ есть законы ассимиляціи, уподобленія, осмысленія и примѣненія, сверхъ силы творящей и основной, первобытной и коренной, — это скорѣе пазвукъ силы творческой, рутинна проложеннаго прежде пути, варіація существенныхъ началъ: но есть и другая сила, употребленіе, *usus*. Мы видѣли, на примѣръ, что при взятіи Праги и Варшавы употребили пѣсню, старшую и готовую, „Ахъ на что бы огородъ городить, Ахъ на что было капусту садить:“ пѣсню *сдѣлали* историческою, но она все-таки не историческая въ нашемъ техническомъ смыслѣ, по существу пѣсно-творчества; пѣсню, казалось, примѣнили, и очень ловко (когда смяли огороды и разрушили ограду, городскія укрѣпленія): а все-таки она не получила *примѣненія* въ области творчества и творчествомъ не измѣнена противу окрѣпшаго образца нисколько. Приведемъ и другой подобный примѣръ, совершенно умѣстный въ настоящемъ изданіи.

Именно, въ 30-хъ годахъ жилъ въ Москвѣ, подъ конецъ старшимъ сторожемъ при строящемся Храмѣ Спасителя, *Яковъ Ивановичъ*, бывшій крѣпостной человекъ Лобанова и начавшій службу въ Потѣиной ретѣ Петра. Ему было слишкомъ 130 лѣтъ, но онъ все еще былъ бодръ и свѣжъ, а умеръ въ Ромнахъ по дорогѣ на богомолье. Въ особенности любилъ онъ пѣть пѣсни и вскоиннать старшія. Мы сами изъ малолѣтству не могли хорошенько воспользоваться этимъ случаемъ: но почтенный пріятель нашъ, пѣвецъ и создатель своеобразнаго хора, И. Б. Молчановъ успѣлъ многое запомнить изъ разсказовъ, передать намъ и даже записать. Между прочимъ, по свидѣтельству старика, *при закладкѣ Хронштадта* пѣли пѣсню—

Я поѣю ль, млада-молоденька,
Цвѣтиковъ маленько:
Стали цвѣты разцвѣтати,
Сердце обмирати.

Пѣсня тогда считалась еще „новою:“ крайне важное показаніе, какъ о времени происхожденія самой пѣсни, весьма хорошей между народными, хотя уже дѣйствительно „Петровской,“ болѣе новой по языку и оборотамъ сравнительно съ образцами древними; такъ и о томъ, какъ ловко умѣли тогда пользоваться сложенною народною пѣсней при крупномъ историческомъ событіи. Въ самомъ дѣлѣ, подобныхъ дорогихъ цвѣтиковъ было тогда у помолодѣвшей Россіи еще очень маленько, и сколько разъ приходилось послѣ обмывать Русскому сердцу за судьбу нашего расцвѣтшаго морскаго дѣла: а какіе плоды съ тѣхъ поръ! Тѣмъ не менѣе, заноса теперь эти строки въ рядъ судебъ историческихъ, мы конечно не относимъ самой пѣсни въ творчеству историческому и, отмѣчая *историческое ея употребленіе*, не печатаемъ здѣсь подлинника,

относя его къ послѣдующимъ нашимъ отдѣламъ, гдѣ помѣстится и пѣсня Суворовская, Праго-Варшавская. Подъ конецъ изданія у насъ наберется такихъ довольно.

Наконецъ третья еще сила, обозначившаяся при изслѣдованіи въ нашихъ изданіяхъ, есть та, которая *не творитъ, не принимаетъ и не употребляетъ* пѣсни народной, а напротивъ сама себя ставитъ *на мѣсто творчества народнаго*, хотя дѣйствуетъ совершенно различными отъ него средствами, исходить изъ другихъ началъ и идетъ путемъ обратнымъ, зачинаясь тамъ, гдѣ въ творествѣ народномъ предѣлъ, прерываясь на томъ рубежѣ, гдѣ пѣснотворчество еще длится: эта сила, съ соответственными ея явленіями, есть, мы знаемъ уже по нѣсколькимъ примѣрамъ и сравненіямъ, — *сочиненіе*. Всего яснѣе мы ее увидали и всего ярче отличили въ XVIII вѣкѣ, при пѣсяхъ, какъ назвали мы, „сочиненныхъ“, при походныхъ, военныхъ, солдатскихъ произведеніяхъ, выступившихъ на сцену преимущественно со временъ Екаторины. Не повторяя сказаннаго однажды, напомнимъ только, что въ началѣ, при томъ рубежѣ, съ котораго сочиненіе пошло отъ пѣсни народной, оно, подобно сей послѣдней, не то чтобы не знало, — а не выставляло и не сохраняло именъ своихъ сочинителей: лишь постепенно стали они опредѣляться и даже пріобрѣтать громкую извѣстность съ послѣднихъ годовъ Екаторины и Павла, возобладали же въ нашемъ вѣкѣ, а потому мы и посвятили особый отдѣлъ имъ въ слѣдующемъ выпускѣ, именно въ 10-мъ: ибо имена эти также точно придаютъ сочиненной пѣснѣ извѣстный признакъ и отцвѣтъ историческій, хотя въ сущности не дѣлаютъ ея историческою народною пѣсней, сколько бы ни воспѣвали о самыхъ крупныхъ историческихъ дѣятеляхъ и самыхъ важныхъ событіяхъ.

Иногда же, случается, подобная сочиненная пѣсня вертится около дѣйствительнаго, исторически засвидѣтельствованнаго явленія и принадлежитъ сочинителю съ опредѣленнымъ именемъ: но, или само явленіе слишкомъ мелко, а потому не заслуживаетъ мѣста въ серьезной исторіи (и здѣсь противоположность народу, у котораго въ творествѣ нѣтъ ничего мелкаго), или же имя сочинившаго не достаточно крупно, а талантъ не слишкомъ силенъ. Пусть извѣстная эпоха и извѣстный слой общества въ запуски повторяютъ полюбившееся произведеніе: ему нѣтъ мѣста у насъ, въ области всеобщей и всенародной. Такъ, на примѣръ, когда при Екаторинѣ знаменитый Гр. Орловъ сочетался съ двоюродною сестрою, г-жею *Зиновьевою*, послѣдняя, въ минуты упоенія, сочинила, говорятъ, пѣсню или романсъ —

Желанья наши совершились
И всѣ напасти тѣ прошли, —

произведеніе, крайне любимое въ свою эпоху и распространенное по множеству пѣсенинниковъ. Но, съ одной стороны, тогда же, съ 1780 года, у Новикова и Шнора, оно напечатано въ особомъ видѣ, совсѣмъ не

въ томъ, какой на примѣръ приводить гр. Блудова, разсказывая о семъ подробно въ своихъ „Воспоминаніяхъ и запискахъ („Зорѣ“);“ такъ что можно еще сомнѣваться въ историческомъ происхожденіи образца и видѣть въ немъ только примѣненіе или даже простое употребленіе старшаго готоваго произведенія. Съ другой же стороны, давать здѣсь мѣсто подобнымъ явленіямъ значило бы, въ свѣдѣ за ними, печатать и стихи Пушкина объ Истомидой. Позднѣе у насъ будетъ, въ тому и больше времени, и бумага.

Совсѣмъ не того заслуживаетъ пѣсня, очиненная въ наше время, и лицомъ весьма извѣстнымъ, но широко распространенная въ народѣ, хотя бы по его испорченнымъ классамъ и вкусамъ, а главное—воспѣвавшая событіе, важное для насъ въ настоящемъ дѣлѣ,—*Пѣсню о Петрову побѣду*. Объ ней стоить сказать и миновать ея нельзя ради того уже, чтобы неопытные не соблазнились и не приняли этого за произведеніе чисто-народное (какъ и случилось къ сожалѣнію въ недавній юбилей Петровскій). Дѣло вотъ въ чемъ. Помянутый не разъ, столь заслуженный въ дѣлѣ исполненія народной пѣсни, почтенный пріятель нашъ *И. Е. Мамановъ* жилъ; когда-то съ хоромъ своимъ въ Калугѣ; жилъ долго и носкучивалъ. Случилось, что на торгу попалась ему какая-то разбитая книжка о Петрѣ Великомъ; вчитавшись, онъ настроился строемъ народнымъ и постепенно сложилъ пѣсню, разучилъ ее въ своемъ хорѣ, исполнилъ,—и пошла она гулять по Россіи. Правда, ее любили больше на фабрикахъ, въ ярочевкахъ и трактирахъ, но все-таки, и этимъ путемъ, она разошлась по народу и пришла „за свои“ выдаваясь личнымъ талантомъ и искусствомъ пѣнія, сочинитель по крайности не выдается и не исключается изъ народа ни по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, ни по воспитанію, образу жизни и одеждѣ, языку и рѣчи,— и вотъ объясненіе того пути, которымъ пѣсня, сложенная хотя бы лицомъ единичнымъ, при извѣстныхъ условіяхъ принимается народомъ какъ его общее достояніе. Не зная мы этого происхожденія и не разсказавъ намъ о томъ самъ сочинитель, а теперь не занеся мы этого случая въ летопись пѣсни, почтенный старецъ могъ бы скончаться, и пѣсня, оставшаяся въ народѣ, пожалуй сочлась бы чисто-народною, безъ имени и памяти ея создателя. Вотъ она:

Было дѣло подѣ Полтавой.

(Пѣсня, сочиненная Иваномъ Евстратовичемъ Молчановымъ).

Было дѣло подѣ Полтавой,
Дѣло славное, друзья:
Мы дрались тогда со Шведомъ

Подъ знаменами Петра.
 Нашъ могучій императоръ,—
 Память вѣчная ему,—
 Самъ родимый предъ полками
 Словно сблеетъ онъ летать,
 Самъ ружьемъ солдатскимъ править,
 Самъ и пушку заряжалъ.
 Бой горькъ, Герой Полтавы,
 Нашъ державный великанъ,
 Ужъ не разъ грозюю грянулъ
 На могучій вражий станъ.
 Пули облакомъ неслися,
 Кровь горячая лилась.
 Вдругъ одна злодѣйка пуля
 Въ шляпу царскую впиалась:
 Видно Шведы промахнулись,
 Императоръ усидѣлъ,
 Шляпу снялъ, перекрестился,
 Въ битву снова полетѣлъ.
 Много Шведовъ; много Русскихъ
 Подъ Полтавою легло.
 Вдругъ еще злодѣйка пуля
 Въ его царское сѣдло:
 Не смутився императоръ,
 Воръ какъ молнія блисталъ,
 Конь не дрогнулъ отъ удара,
 Но быстрее поскакалъ.
 И какъ разъ, и третья пуля
 Повстрѣчалася съ Петромъ,
 Прямо въ грудь ему летѣла
 И ударилась какъ громы,
 На груди его высокой
 Чудотворный крестъ сиялъ.
 Пуля съ визгомъ отскочила
 Отъ чудеснаго креста,
 И спасенный побѣдитель
 Славилъ Господа Христа.

Было дѣло подъ Полтавой,
Сотни лѣтъ еще пройдутъ:
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ.

(При распространѣніи пѣсни получила уже много вариантовъ и искаженій: подлинникъ ея въ печатныхъ сборникахъ Молчановскихъ пѣсенъ, изданныхъ не разъ самимъ пѣвцомъ; но изъ скромности онъ называетъ ее тамъ „Пѣсна Русскаго народа“).

Мы въ одномъ только можемъ упрекнуть почтеннаго друга: имѣя возможность изъ запаса своей музыкальной памяти извлечь напѣвъ чисто-народный и даже воссоздать его своимъ искусствомъ до нѣкоторой спеціальной оригинальности, онъ вмѣсто того удовольствовался голосомъ старинной одной Канты, который извѣстенъ позднѣе по романсу, весьма дикому въ содержаніи и въ семинарскомъ языкѣ своемъ.

Въ одинъ день, лишь очень рано,
Въ ночь великій, на страшной,
Разъ прекрасная Діана
Вдругъ явилась чернецу.

Впрочемъ о вкусахъ спорить не должно: голосъ этотъ нравится вѣрнѣйшимъ (конечно перченнымъ) слухамъ народа; давая возможность во 2-мъ холѣнѣ сильно вскрикивать басомъ, а альтомъ вывизгивать. Въ недавній юбилей Петра, по народнымъ гуляньямъ и даже крупнымъ торжествамъ, въ исполненіи самого Молчановскаго хора и разныя кружковъ, пѣсна фигурировала на передней сценѣ. И вездѣ, всѣми признавалась за народную, никто не растолковывалъ и не обращалъ въ добрый часъ.

*

По этому поводу мы не можемъ не вспомнить, что, за исключеніемъ пѣсни Молчановской, Петровское торжество прошло въ совершенномъ молчаніи со стороны самой громкой и звучной, со стороны музыкальной. Народнаго, Русскаго и даже сколько нибудь самобытнаго въ національномъ родѣ не выступило ровню ничего на голубомъ обширномъ сцену, подъ открытымъ счастливымъ резонансомъ, въ слухъ заднихъ слушателей, домашнихъ и прѣзжихъ. Тутъ не нужно было даже предумывать что ни будь новое, не бывающее и не слыханное: въ тебѣ и напѣвъ народныхъ произведеній изъ эпохи Петровской, въ тогдашней музыкѣ и даже въ сохранившихся нотахъ было тамъ много говора, что не только искуснымъ воспроизведеніемъ, но даже самымъ легкимъ, лишь бы порядочнымъ, исполненіемъ однажды созданнаго могло быть

занять цѣлыя ряды музыкальных торжествъ, цѣлыя недѣли къ раду, тысячи голосовъ и инструментовъ, сотни тысячъ слушателей. Къ сожалѣнiю „Общество любителей Русскаго народнаго пѣнiя,“ имѣвшее въ виду эти работы и успѣхи, ревностно приготовлявшееся къ нимъ съ обильными своими матеріалами, не получило, какъ и доселѣ еще, утверждѣнiя своему, представленному давно, уставу. Попытки его, въ лицѣ избранныхъ нѣсколькихъ членовъ, сойтись сими цѣлями съ Комитетомъ Выставки, оказались безплодны; переписка о томъ съ Музыкальной Комиссiей въ Петербургѣ весьма скоро затихла; горячо принимавшій участiе въ ней Г. Е. Ларошъ также замолкъ; Народный Театръ не понуждался къ музыкѣ народной; Молчановъ, дожидавшiйся того съ своимъ опытнымъ хоромъ, послѣ народнаго гулянья предпочелъ вовсе удалиться изъ Москвы; кн. Ю. Н. Голицынъ (теперь уже покойный) ничево не успѣлъ поставить въ этомъ родѣ и ограничился однимъ концертомъ музыки такъ называемой „общей;“ г. Славянской, ожидаемый многими, вовсе не явился къ торжеству. Открытое письмо наше къ Вл. Н. Кашперову, предлагавшее народные матеріалы для исторической музыкальной кантаты съ хоромъ, въ текстѣ, напѣвахъ, инструментахъ или инструментовкѣ Петровскаго времени, не возбуждая творчества ни въ комъ, должно было укрыться обратно въ портфель. Даже одна изъ многихъ пѣсней народныхъ, сотая доля изъ цѣлаго, современная Петру пѣсня объ его рожденiи, нами аранжированная къ исполненiю, и та не нашла себѣ вездѣ удобнаго мѣста и радужнаго пригласенiя. Наконецъ, въ безважности такого исхода, подготовавшiйся нами съ Н. М. Потуловымъ рядъ пѣвческихъ концертовъ „духовныхъ,“ имѣвшихъ воспроизвести музыку XVII и XVIII вѣка, въ воспоминанiе совпадавшаго двухсотлѣтняго и столѣтняго юбилея нашихъ лучшихъ пѣснопѣицъ церковныхъ (о чемъ были статьи наши въ „Православномъ Обзорѣнiи),“ точно также встрѣченъ былъ, какъ провѣтъ, безучастною холодноствiю тѣхъ, кому о семъ вѣдать надлежало и кому бы это ближе всѣхъ было къ уму и сердцу. Короче, Русское слово, творчество, искусство и техника въ данномъ случаѣ ни съ какой стороны не потерпѣли такого забвенiя, невниманiя и полнѣйшаго неуспѣха, какъ со стороны пѣсенной, музыкальной, вокальной и инструментальной. Разумѣется, за отсутствiемъ пѣсни, не явились на оцену и народныхъ образовъ вообще, ни красокъ и картинъ, ни возможныхъ представленiй, игръ, зрѣлищъ, увеселенiй и тому подобной обстановки, сколько ни будь запечатлѣнной характеромъ подлинной народности и историческою печатью Петровскаго вѣка. Даже, наконецъ, изданный нами томъ народныхъ произведенiй великой эпохи (8-й выпускъ), еще въ 1870 г. посвященный ея двухсотлѣтiю и потому предназначенный для входа на Выставку, на сажалъ долгъ—за неизмѣнимъ особаго павильона и богатыхъ средствъ для ослаты помѣщенiя, — послѣ первыхъ дней торжества принужденъ былъ ретироваться, хотя и значился въ объявленiяхъ. По прежнему не ознакомился съ нимъ и литература наша, ревниво искавшая ю-

всюду „слѣдовъ Петра.“ Такъ юбилей великаго героя послѣ долгихъ двухъ сотъ лѣтъ оказался все-таки слишкомъ раннимъ и преждевременнымъ.

*

За то каждый шагъ нашего изданія впередъ безпрестанно радуеть насъ, принося оправданіе нашимъ разскапіамъ и даже предположеніямъ. Это случилось особенно съ *пѣсней Е. Ѡ. Лопухиной*, напечатанной у насъ въ 8-мъ выпускѣ по нѣсколькимъ вариантамъ, смѣло отнесенной нами къ лицу знаменитой исторической героини, хотя и не упомянуто ея имя въ самой пѣснѣ, что объяснили мы тайною и страхомъ. И точно, послѣ того, „Зоря“ 1870 года за Сентябрь мѣсяць напечатала такую выдержку изъ бумагъ покойнаго историка И. П. Шульгина:

„При Петрѣ Великомъ, по случаю постриженія царицы Евдокіи, сложена была (и запрещена) слѣдующая пѣсня:

(6).

- «Постригись, моя немилая,
 «Посхимися, моя постылая!
 «На постриженье дамъ сто рублевъ,
 «На посхименье дамъ тысячу.
 5. «Поставлю келейку во Суздагѣ,
 «(Во Суздагѣ) красномъ городѣ,
 «Тонѣшеньку ¹⁾, малѣшеньку ²⁾»»

- Князья и бояре съѣзжались,
 И той келейкѣ дивовались:
 10. ««И что это за келейка,
 ««И тонѣшенька, и малѣшенькѣ?
 ««И что это за старица,
 ««Что пострижена молодѣшенька?»»

За эту пѣсню при Петрѣ II канониръ Носовъ, дѣвшій ее, былъ битъ шидруженомъ.“

Такимъ образомъ она документально извѣстна уже съ 20-хъ годовъ прошлаго вѣка.

* *

¹⁾ Тонюшеньку?—²⁾ Это слова мужа.

При такомъ положеніи нашего дѣла, постепенно расширяющагося предъ взорами Русскихъ людей, хотя бы наши издавія, объясненія и примѣчанія къ народнымъ памятникамъ были несносны для „обертливой критики“, мы обязаны нѣсколько разъ еще возвращаться къ прежнему съ дополненіями. А если отлагаемъ это до слѣдующихъ выпусковъ, то не ради криковъ, насъ сопровождающихъ на пути, а ради недостатка времени и мѣста, всего же болѣе по существу нашихъ вопросовъ, безпрестанно возникающихъ и все дадѣе простирающихся.

Часть III.

Выпускъ 9.

Пѣсни о Лопухинѣ и Безсчастномъ Королѣ Прусскомъ получаютъ еще слѣдующіе варианты, хотя примѣненные уже къ Французамъ:

Лопухинъ.

(S).

(Губ. Арханг.).

Заводилася война

Среди бѣла ¹⁾ дня:

А что начато палить,—

Только дымъ столбомъ валить;

5. Каково есть красно солнышко,

Не видно во дыму.

Только видно во дыму:

Не ясень соколъ летить ²⁾,

Добрый молодець гуляетъ.

10. Онъ по крутой по горѣ,

Самъ на вѣрномъ конѣ.

..... ³⁾

¹⁾ Должно быть, какъ въ другихъ образцахъ, „бѣлаго.“ — ²⁾ Д. б. „летаетъ.“ — ³⁾ За сими пѣснями примѣнена къ Французскому походу на Москву.

- На лужку, было, лужку
 Стоить армія въ кружку:
 Лапуховъ ѣдитъ ⁴⁾ въ полку,
15. Курить трубку табаку.
 Для чего намъ не курить,
 Зеленà вина не пить?
 Свицца-пороху довольно,
 Сила во полѣ стоить ⁵⁾).
20. Ужъ мы билися-рубилися
 Четырнадцать часовъ:
 Съ пятнадцатъ десять пробіаю ⁶⁾;
 Стали силу разбирать,
 Стали силу разбирать,
25. Стали полковничковъ считать:
 Не нашли такихъ убитыхъ
 Полковничковъ до семи,
 Енераловъ до восьми.
 Мелкой солдатской силы)
30. Сосчитать мы не могли:
 Которые на горѣ,
 По колѣнъ стоять въ рудѣ ⁷⁾;
 Которы подъ горой,
 Тѣхъ засыпало землей.
35. Одинъ такой ⁸⁾ лежить,
 Таку рѣчь говорить:
 «Вы подайте-ко, ребятушки,
 «Чернилицу съ перомъ,
 «Чернилицу съ перомъ,

⁴⁾ Ѣдидъ?—⁴⁾ Любопытное оправданіе собственному образу, созданному самимъ же народомъ—солдатами. Между прочимъ замѣтное участіе современниковъ, сложившихъ пѣсню (хотя на самомъ дѣлѣ, на примѣръ, свицца-пороху вовсе не было довольно).—⁵⁾ Прекрасный народный оборотъ въ это „на пятнадцатомъ часу.“—⁶⁾ Въ крови.—⁷⁾ Видно уже позднѣйшее желаніе скрыть имя изъ страха; притомъ здѣсь изъ Лопухина видимо слѣдуетъ простой солдатъ, отъ лица котораго въ другихъ образцахъ высказываются горькія жалобы.

40. «Листъ бумаги со гербомъ!
 «Напишу я такую просьбу
 «Государю самому,
 «Государю самому—
 «Императору царю ⁹⁾);
45. ««Еще нашо-тъ ¹⁰⁾ генераль
 «Много силы издержалъ,
 «Ужь онъ пропилъ-промоталъ,
 «Дбсталъ въ карты проигралъ,
 ««Онъ удары раздавалъ ¹¹⁾»»

(Записано С. В. Максимовымъ; ср. сборн. Ц. Д. Якушкина 1865 г.).

* *

Разбесчастный король Пруссій.

(3).

(Губ. Орловск., у. Малосарханг., Сабурово).

- Разбесчастненькой, безталанненькой
 Французъ ¹⁾ зародился!
 Онъ сы вечера рано спать ложился,
 Долго почивать ²⁾);
5. Ничего жь ли то я, Французникъ ли,
 Ничего не знаю ³⁾);
 Што побили его, его армию
 Донскіе козѣки.

⁹⁾ Это можетъ относиться, какъ ни странно, одинаково и къ государиннямъ.—
¹⁰⁾ Намъ-тъ.—¹¹⁾ Да еще иногда солдатъ бить-наказывать.

¹⁾ Удастие Французовъ, известное и по прежнимъ нашимъ образцамъ, об-
 радило самого Короля во Француза, отозвалось въ послѣдующихъ лѣтахъ о
 Судорожъ и повторилось на своемъ мѣстѣ подобными же выраженіями въ
 лѣсняхъ о нашествіи Французевъ.—²⁾ Должно быть: „почиваетъ.“—³⁾ Д. б.
 „онъ ничего не знаетъ.“

10. «Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армию,—
 «Есть еще жалчѣя:
 «Што вотъ сняли мому, мому родному,
 «Да родному братцу,
 «Што вотъ сняли ему, сняли ему голову,
 «Да голову ⁴⁾!»
15. «Што мене ль то, мене, всё Французика,
 «Въ полонѣ мене ваали;
 «Посадили мене, всё Французика,
 «Въ темную темницу:
 «Што вотъ тошно ли мнѣ, всё Французика,
 20. «Въ темницѣ сидѣти.
 «Если бѣ зналъ-то бы, зналъ, Французикъ ли,
 «Я бѣ того не дѣлалъ ⁵⁾!»

(Ср. тамъ же).

* *

Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.

(14).

(Губ. Орловской, у. Богховск.).

- Во саду было, во вишенью,
 Что подъ бѣлою березою,
 Тамъ стояла нова свѣтлица,
 Нова свѣтлица королевская.
3. Что во той во новой свѣтлицѣ,
 Новой свѣтлицѣ королевскія,
 Засажонъ сидитъ Росейской графъ,
 Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ,

⁴⁾ Въ прежнихъ нашихъ образцахъ „племянникъ родной Влатовъ.“—⁵⁾ Не заглавалъ би воинъ.

- Со Россійскими солдатами, отъ насъ имъ отъШ.
10. Со Россійскими офицерами, отъ насъ имъ отъШ. 61
 Онъ по свѣтлицѣ показывается,
 Бѣлымъ ручками покакиваетъ,
 Головку свою свѣтитъ,
 «Ой таланъ ли мой, таланъ ты мой!»
15. «Иль неслыханно горакосъ отъ насъ имъ отъШ. 61
 «На роду ли мнѣ: написано, явлено!»
 «Или жеребьемъ нѣ вышло,
 «Что сидѣть молодцу въ неволюшкѣ;
 «Со Россійскими солдатами, отъ насъ имъ отъШ. 61»
20. «Со Россійскими офицерами, отъ насъ имъ отъШ. 61
 Лучилось ли тутъ вѣсть,
 Мимо той ли новой свѣтлицы
 Самому Королю Прусскому:
 — И ну что тутъ часовой стоитъ,
25. — Или кто тутъ посажонъ сидитъ?—
 И какъ взговорить Россійской графъ:
 «Ты-но ¹⁾ о еси ²⁾, Прусской Король!
 «Прикажи графа поить-кормить,
 «Иль на волю графа выпустить!»
30. — Ты-но о еси, Россійской графъ,
 — Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ!
 — Послужи-ка ты съ вѣрой съ правдою,
 — Какъ служилъ ты царю Бѣлому,
 — Катеринѣ Алексѣвной ³⁾!
35. «Ты-но о еси, Прусской Король!
 «Отпишу я своей матушкѣ,
 «Катеринѣ Алексѣвной:
 «Наша матушка разсердится,
 «Вся Россюшка подыметъ,
 «Всѣ козаки возвоюются,

¹⁾ Придирка къ тому, чтобы вставить здѣсь, какъ въ другихъ образцахъ, пѣсню о „Головъ-головушкѣ.“—²⁾ Ты-ка.—³⁾ Гой еси.—⁴⁾ Новое доказательство, что имя „царя“ относилось и къ государынямъ.

XLVII.

«Твой Кистринъ-Берлинъ ⁵⁾ наскрозь пройдемъ,
«Самого Пруса въ полонъ возьмемъ!»

(Доставлено намъ М. П. Лисицынымъ, а записано отъ той же помянутой
Болховской мѣщанки дѣвочки).

* * *

Конецъ 9-го выпуска, пѣсней и дополненій.

⁵⁾ Соединеніе двухъ мѣстъ, славныхъ тогда въ исторіи и въ пѣснѣ, Кистрина Чернышевскаго и Берлина Красищковского.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

Ч А С Т Ъ III.

В Ы П У С К Ъ 9-й.

Выписка изъ протоколовъ общества л. р. сл.

Русь Петровская.

Восемнадцатый вѣкъ
въ Русскихъ историческихъ писанияхъ.

	<i>Стран.</i>
Отдѣлъ I. Послѣ государя Петра Алексѣевича.....	1—75
Шереметевы и Долгорукіе. Шереметьевъ дворъ	1 — 5
Князь Ваня Долгорукій и молодая жена его боярыня (Наталья Борисовна). Казнить князя Долгорукаго	5 —14
Иванъ Осиповичъ, по прозванію Ванька Каинъ.—Похожденіа Ивана Осипова.—Дуяша, любовь Ванюшкина.—Камчатка съ Балчуга.—Жалоба на Ивана-Ваньку Каинова.—Свадьба Каинова.—Забавы Каиновы.—Каинова гора.—Игра о царѣ Саломонѣ.—Ванька Каинъ и Лжехристъ Андрюшка.—Каинъ увозитъ дѣвушку.—Русскіе бродяги, безпашпортны молодцы.—Послѣдняя пѣсна Ивана Осиповича, по прозванію Ваньки Каина.	14—75
Отдѣлъ II. Государыни.....	77—209
Осадили Азовъ-городъ. Генераль Левашовъ и Фельдмаршалъ.	79— 80
Война Шведская (Елизавета)	80— 90
Донцы на границѣ Шведской, оттуда въ Саксоніи	90— 92
Война Прусская.— Походъ въ землю Прусскую.—Битва при	

Гросс-Егерендорффъ, смерть Лопухина.—Переправа черезъ Вислу; Кистринъ, Ферморъ.—Ссора Голицына съ Прозоровскимъ; осада Кистрина.—Разбезсчастный Король Прусскій.—На границѣ Прусской, въ самой Пруссіи и вернувшись изъ похода Прусскаго.	92—120
Чернышовъ Захаръ Григорьевичъ.	120—145
Генералъ Краснощоконъ, Атаманъ Донской.—Краснощоконъ съ Петромъ Лессеномъ.—Краснощоконъ и Король Шведскій.—Краснощоконъ и Король Прусскій.—Тѣ же и Берлинъ съ Королевной.—Возвратъ войска изъ похода съ Краснощоконимъ.—Взята дѣвушка на границѣ.—Краснощоконъ и подонанка.—Краснощоконъ въ неволѣ.—Краснощоконъ умираетъ	145—182
Казнь Васьки Ремезова. Местъ предательницъ Аннушекъ.	183—184
Танька Растокинская	184—195
Пѣсни Государыни Елизаветы (ея сочиненная).—Покровское село и Луза.—Пѣсни Царевны Елизаветы (ея сложенная, народная)	197—209
Отдѣлъ III. При Государынѣ Екатеринѣ.	
211—266	
Работы на линіи	213
Первая Турецкая Война.—Румянцевъ (и Суворовъ).—Черезъ Турецкое поле.—Средиземное море; Спиридовъ.—Зоричъ въ бѣдѣ; память о Краснощоконѣ.—Долгоруковъ; Перекопъ; Кафа.—Неудача подъ Силистріей.—Каменскій съ Донцами за Дунаемъ.—Нападеніе на Шумень и отпоръ Турокъ. Сборы подъ Бендеры	213—226
Пруссія; Епералушка; жена офицерская.—Румянцевъ въ Пруссіи; подонанка; сватовство за Россійскаго генерала.—То же подъ Бендерами.—Обрученіе Павла Петровича и Марьи Федоровны въ Берлинѣ; Румянцевъ сватомъ и сходатаемъ	227—243
Милліція въ войскѣ Яницкомъ.—Пугачевъ.—Въ Оренбургѣ, на Яикѣ и Самарѣ.—Судъ надъ Пугачевимъ; Панинъ.—Повѣздъ къ Москвѣ; Пугачевъ и сообщники.—Судьба Пугачева.—Пугачъ-Мигачъ въ Астрахани и въ Москвѣ	243—252
Война союзниковъ противъ Турокъ.—Вторая Турецкая война.—Очаковъ; Петеминъ.—Сборы Дюпювъ къ Бендерамъ; Потемкинъ.—Бендеры и Суворовъ	252—260
Донцы при Екатеринѣ	261—262
Гудовичъ противъ шаха Персидскаго	262
Взять Костюшко	263
Плачь войска по Государынѣ Екатеринѣ	264—266

Отдѣлъ IV. Пѣсни Военныя, Солдатскія, сочиненныя (при Екатеринѣ).....	267—329
Первая Турецкая война.....	269—271
Перекопъ; Крымскій ханъ; Пушкинъ, Прозоровскій, Голицыны.....	271—277
Море Средиземное; флотъ.....	278—279
Буджаль, движеніе къ Багулу.—Румянцевъ, Долгоруковъ.....	279—283
Бендеры, Панинъ.....	283—285
Крымская линія, Перекопъ, Долгоруковъ.....	285—288
Румянцевъ.....	288—290
Хоръ на миръ съ Портою.....	290—291
Война Шведская.—Татищевъ. Пушкинъ.— На возвратъ изъ похода Турецкаго и Шведскаго.....	291—299
Полковныя пѣсни.....	299—302
Чума.....	302—305
Опять война Турецкая.—Союзники.—На Турецкой границѣ.—Кинбурнская коса; Суворовъ.—Очаковъ, Потемкинъ (три образца).—Море Средиземное.—Поскорѣй бы взять Бендеры.—Брандовъ; Гассанъ; Суворовъ—Рымникскій.—Измаилъ (два образца).....	305—320
Мачинъ.—Черезъ Дунай.—Репнинъ, Голицынъ, Бутузовъ, Волконскій, Рибасъ.....	320—321
Хоръ на миръ съ Портою.....	323—324
Польша, Прага, Варшава, Суворовъ.....	324—326
Отдѣлъ V. Канты XVIII вѣка послѣ Петра.....	330—354
Анна.....	334—338
Елизавета.....	338—350
Екатерина; и Павелъ.....	350—364
Отдѣлъ VI. Пѣсни Малорусскія.....	355—392
Посылка на Ливію.—Диклинерн.—Быстринъ.—Госдинъ, Хоптинъ.—Степанъ Жадченко, Ялта.....	368—368
Пугачъ—Пугачевъ.....	368—369
Пропала Сѣчь Запорожская.—Галка.—Чайка.....	369—381
Кинбуръ. Очаковъ.....	381—387
Измаилъ.....	387—388
Таманъ. Гетманъ Потемкинъ. Пѣсня Черноморская.....	388—389
Костюшко.—Погодскій.—Костюша.....	390—392
Отдѣлъ VII. Историческія пѣсни Сербовъ, связанныя съ Русскими послѣ Петра, въ XVIII вѣкѣ.....	393—404
Москва подарилъ, Турки отдарилъ (времена Елизаветы и Екатерины).....	395—404

	<i>Стран.</i>
Отдѣлъ VIII. При государь Павль.	414—420
Суворовъ въ Италиі и противъ Французовъ.	414—416
При Требин.	416—417
Хоръ Павлу.	417—418
Умеръ Павелъ императоръ.	419

Отдѣлъ IX. Графиня Прасковья Ивановна

ШЕРЕМЕТЕВА, УРОЖДЕННАЯ КРЕСТЬЯНКА СЕЛА КУС- КОВА.	1— 94
Ея народныя пѣсни	48—65
Связи Е. С. Сандуновой съ Кусковыми и съ Кусковскими преданіями: пѣсня, ея сочиненная, обработанная и пѣ- тая.	65—70

Дополненія

въ 8-му и 9-му выпуску пѣсокъ.

Стрѣльцы и крестьянниъ	<i>Стран.</i> III—V
Петровы новобранцы на горахъ Воробьевыхъ	V—VI
Походы въ земли Шведскія и Турецкія, уроны и по- тери	VI—XXII
Петербургская дорожка и сторонка	XXII—XXV
Петербургъ и Нева со временъ Петра	XXVI—XXXIII
Подъ Иведомъ	XXXIII—XXXIV
Пѣсня при закладѣ Кронштадта	XXXV
Было дѣло подъ Полтавой	XXXVII—IX
Пѣсня Е. О. Лопухиной	XLI
*	
Лопухинъ	XLII—IV
Разбѣсчастный король Пруссій	XLIV—V
Чернышовъ Захарь Григорьевичъ	XLV—VII
Оглавленіе 9-го выпуска	XLVIII—LI

Опечатки,

ГЛАВНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ 9-ГО ВЫПУСКА.

НАПЕЧАТАНО:		Исправить:	
Стран	4, строка	5: печалубицуса	печалубициска
"	12, "	17: наказиваъ	наказивагъ.
"	15, "	8: молодець	молодець,
"	55, "	18: носгѣ, дубицкѣ	нослѣдубицкѣ
"	77, "	8 снгу: виходи	виходи
"	78: "	13 „ окончаніе	окончаніе,
"	107, "	11: впушавшіа	впушавшіа
"	109, "	1: рани;	рани);
"	113, "	8 снгу: вни. 8	вни. 8;
"	124, "	11: это	это
"	147, "	8 снгу: врагъ	врагъ,
"	153, "	8: Муромѣ	Муромѣ
"	159, "	9: Гладюч	Гладючи
"	166, "	8: знаемъ	знаемъ,
"	162, "	7: героическая	героическая
"	187, "	15: кнѣзо	кнѣза
"	197, "	9: Кускоа	Кускоа:
"	203, "	5 снгу: Не удивител но	Не удивительно
"	229, "	11: полагановъ	полагановъ
"	233, "	2 и 8 снгу: То же и объ Корогѣ, винтиваютъ вни,	То же винтиваютъ вни и объ Корогѣ,
"	256, "	17: Молодецкѣхъ"	Молодецкѣхъ,"
"	267, "	14 снгу: даль же	дальше;
"	309, "	6 снгу:	и приведенной
"	322, стихъ	44:	Со десантомъ
"	323, "	68:	Послушаніе земли!
"	324, строка	2 снгу: смислахъ	смислахъ:
"	325, "	7 и 8: черезъ чуръ, лите- раторамъ	черезъ чуръ лите- раторамъ,
"	328, "	7: сидѣль	сидѣль
"	332, "	17: и едстолю	предстолю
"	333, "	1: по робѣе	подробѣе
"	— "	8: завлечени е началось	завлечени ею; нача- лось
"	— "	19: былн тоа	были тогда

TIRNY

UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

RECEIVED
MAY 25 '88 - 2 PM

U.C. BERKELEY LIBRARIES

C006107278

RARY

